Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет

МОЛОДЕЖНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА
ALMA MATER – 2025
(ЧАСТЬ 2)

Материалы международной научной конференции
студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых

Минск, 30 октября 2025 г.

БЕЛОРУССКИЙ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КОНГРЕСС,

посвященный 100-летию юридического факультета
Белорусского государственного университета

Минск
2026

УДК 34(082)
М 754

Рекомендовано советом юридического факультета
Белорусского государственного университета (протокол № 9 от 24.06.2025)

Редакционная коллегия:

Ананич С. М. (гл. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
Калинин С. А. (зам. гл. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
Антанович Н. А. доктор политических наук, профессор;
Василевич Г. А. доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси, заслуженный юрист Республики Беларусь;
Голубева Л. Л. кандидат юридических наук, доцент;
Данилевич А. А. кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь;
Макарова Т. И. доктор юридических наук, профессор;
Краснобаева Л. А. кандидат юридических наук, доцент;
Мещанова М. В. доктор юридических наук, доцент;
Романова О. Н. кандидат юридических наук, доцент;
Савенок А. Л. доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;
Свадковская Е. А. кандидат юридических наук, доцент;
Шабанов В. Б. доктор юридических наук, профессор;
Щербик Д. В. (отв. секретарь), кандидат юридических наук, доцент.

Рецензенты:

Решетников С. В. – профессор кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь;

Ярмоц Е. Н. – доцент кафедры теории и истории государства и права УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2025. Часть 2 : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Минск, 30 окт. 2025 г. : Белорус. науч.-образоват. конгр., посвящ. 100-летию юрид. фак. Белорус. гос. ун-та / БГУ, Юридический фак. ; редкол.: С. М. Ананич (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2026. – 692 с.

В сборник включены материалы докладов аспирантов, магистрантов, и студентов Юридического факультета Белорусского государственного университета, иных высших учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на международной научной конференции «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2025». В докладах рассматриваются актуальные проблемы истории и теории государства и права, исследуются вопросы теории и практики юридической деятельности.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АББРЕВИАТУРЫ

АПК	–	агропромышленный комплекс
БГУ	–	Белорусский государственный университет
БССР	–	Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВНС	–	Всебелорусское народное собрание
ЕАЭС	–	Евразийский экономический союз
ЕС	–	Европейский союз
ИИ	–	искусственный интеллект
ИКТ	–	информационно-коммуникационные технологии
ИС	–	интеллектуальная собственность
МПА СНГ	–	Межпарламентская Ассамблея Содружества Независимых Государств
КНР	–	Китайская Народная Республика
НПА	–	нормативные правовые акты
ОДКБ	–	Организация Договора о коллективной безопасности
ООН	–	Организация Объединенных Наций
СМИ	–	средства массовой информации
СНГ	–	Содружество Независимых Государств
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
США	–	Соединенные Штаты Америки
ШОС	–	Шанхайская организация сотрудничества

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ АКТЫ

ГК (ГК Республики Беларусь)	–	Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З
ГК РФ (ГК Российской Федерации)	–	Гражданский кодекс Российской Федерации
ГПК Республики Беларусь	–	Гражданско-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г.
Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11	–	Директива Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины»
Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12	–	Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства»
Закон «Об охране окружающей среды»	–	Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (в редакции от 17 июля 2023 г.)

Закон «О нормативных правовых актах»	–	Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. №130-З «О нормативных правовых актах»
Закон «О защите персональных данных»	–	Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»
Закон «О правах ребенка»	–	Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка»
Закон «Об инвестициях»	–	Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях»
Закон «Об исполнительном производстве»	–	Закон Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве»
ИК (ИК Республики Беларусь)	–	Избирательный кодекс Республики Беларусь от 11 февраля 2000 г. №370-З
КГС (КГС Республики Беларусь)	–	Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь от 11 марта 2024 г. № 359-З
КоАП Республики Беларусь	–	Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З
КоБС Республики Беларусь	–	Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З
Кодекс об образовании	–	Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. № 243-З
Кодекс о земле	–	Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З
Конституция (Конституция Республики Беларусь)	–	Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.)
Конституция России	–	Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.)
Концепция информационной безопасности Республики Беларусь	–	Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1
Концепция национальной безопасности Республики Беларусь	–	Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5
Концепция правовой политики Республики Беларусь	–	Концепции правовой политики, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196

ПИКоАП Республики Беларусь	–	Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З
УК (УК Республики Беларусь)	–	Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З
УК РФ	–	Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ
УПК (УПК Республики Беларусь)	–	Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З
УПК РФ	–	Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ

СЕКЦИЯ I.
ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.115.3

«БРИТВА ОККАМА» КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПРАВОПОНИМАНИЯ

М. Ю. Бойко

студент 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Г.И. Касперович

В работе исследуется применение принципа «Бритвы Оккама» в рассмотрении подходов к правопониманию. Анализируется его роль как методологического критерия для отбора правовых концепций. Цель – преодоление межпарадигмальных противоречий и прояснение базовых положений правовой науки.

Ключевые слова: принцип методологической экономии; Бритва Оккама; правопонимание; философия права; теория права; методология юридической науки; юридический позитивизм; естественное право.

Особенность современной философии и теории права заключается в наличии множества конкурирующих между собой подходов к правопониманию. Порождаемые противоречия затрудняют выработку чёткого и универсального определения права, что создаёт проблемы в организации юридической практики, которая непосредственно связана с «целенаправленной мыслительной деятельностью человека» [3, с. 79]. Условия, сложившиеся в процессе накопления научных знаний о сущности права, создают потребность в формировании универсального методологического инструмента, способного выполнить роль арбитра между противоборствующими теориями. Таким инструментом может выступить принцип методологической экономии, известный как «Бритва Оккама». Полагаем, что его применение способно привести к преодолению межпарадигмальных противоречий и выявлению базовых положений в области юриспруденции.

Принцип методологической экономии, изложенный английским философом-номиналистом Уильямом Оккамом, в своей исходной формулировке гласит: «Не следует полагать многое без необходимости» [1, с. 333]. В современной методологии науки «Бритва Оккама» интерпретируется не как онтологический запрет на существование сложных сущностей, а как предписание, касающееся выбора между конкурирующими объяснительными конструкциями: если две гипотезы являются достаточными для объяснения некоторой модели, то предпочтительной будет та гипотеза, которая содержит меньше допущений, сущностей или каузальных связей.

Юридический позитивизм строит теорию права, опираясь на минимум предпосылок: факт существования суверена, осуществляющего правотворчество, властные акты, закрепляющие содержание норм, и аппарат принуждения, являющийся гаран-

том соблюдения законодательных актов. Такой подход является крайне экономичным, так как исключает из предмета юридической науки элементы иных дисциплин, которые являются избыточными для описания права как такового. «Чистое право» – «право, рассматриваемое независимо не только от опыта, чувственных факторов, но и от цели...» [2, с. 449]. Теория естественных прав, напротив, под сущностью права понимает «систему естественных, неотъемлемых прав и свобод человека» [3,с. 92]. Она вводит в правопонимание дополнительные сущности: объективную справедливость, неотчуждаемость прав человека, естественно-правовой идеал. Данный подход является менее экономичным, поскольку усложняет теоретическую конструкцию. Однако его сторонники утверждают, что без данных элементов невозможно построить гипотезу, содержание которой было бы достаточным основанием для доказательства поставленной проблемы. Применение принципа методологической экономии показывает, что формы позитивизма, будучи максимально простыми, могут оказаться недостаточной совокупностью элементов для решения проблемы сущности права, в то время как теория естественного права, обладая большей объяснительной силой, рискует потерять научную строгость и «перенасытить» понятие права.

Применение «Бритвы Оккама» в подходах к правопониманию является важным элементом в совокупности юридических методов. Он позволяет провести анализ правовых концепций, выявить их сильные и слабые стороны с точки зрения теоретической простоты и объяснительной силы. «Освобождение» основных теорий права от избыточных элементов открывает путь к преодолению межпарадигмальных противоречий в рамках правоведения. Перспективой дальнейших исследований видится разработка комплексной модели правопонимания, которая смогла бы стать важным методологическим инструментом в области юридической науки.

Библиографический список

1. Оккам В. Избранное. – М.: УРСС, 2002.

2. Кант И. Сочинения на немецком и русских языках. – М., 1994. Т. 1. – 561 с.

3. Зорченко Е.А. Теория государства и права: учеб. пособие / Е.А. Зорченко, Л.Г. Протасевич ; под общ. ред. Е.А. Зорченко. – 2-е изд., стер. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2024. – 456 с.

УДК 342.7

ЛИБЕРТАРИАНСТВО И РАЗРЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

А. О. Бондарев

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.В.Щербик

В статье рассматривается либертарианский подход к миграционной политике. Анализируются принципы свободы миграции, самообеспечения иммигрантов, ограничения избирательных прав и соблюдения законодательства. Подчеркивается важность защиты прав собственности и ограничения государственного вмешательства в миграционные процессы.

Ключевые слова: либертарианство; государство; миграция; иммиграция; право собственности; избирательное право.

Либертарианство представляет собой теорию политической философии, которая придает первостепенное значение индивидуальной свободе и выражает скептицизм по отношению к вмешательству государства в личную жизнь граждан. Среди основоположников либертарианства выделяются Фридрих Хайек, Мюррей Ротбард и Людвиг фон Мизес. Хайек подчеркивал важность индивидуальной свободы и спонтанного порядка в обществе, критикуя централизованное планирование и утверждая, что свободное перемещение людей способствует экономическому развитию. Ротбард, в свою очередь, отстаивал концепцию полной свободы личности, выступая против государственных ограничений на миграцию, считая, что свободное перемещение людей является естественным правом. Людвиг фон Мизес обосновал преимущества свободного рынка и критиковал социализм, утверждая, что экономическое планирование неизбежно приводит к потере свободы.

Либертарианцы рассматривают индивидов как суверенных личностей, обладающим правом распоряжаться своим телом и трудом, а также свободой определять способы взаимодействия с другими, при условии взаимного согласия, и которых нельзя принудить делать что-либо против их воли без веских на то оснований [1]. В результате либертарианство рассматривает государство как институт, выполняющий, в лучшем случае роль ночного сторожа. Либертарианцы скептически относятся к призывам сократить материальное неравенство, решительно выступают за свободную торговлю и защищают открытие границ для мигрантов. Они считают, что политика, нарушающая эти обязательства, неизбежно влечёт за собой зло по отношению к свободным и равным людям.

Вопросы, касающиеся свободы миграции, нередко вызывают определенные затруднения в интерпретации. Традиционно либертарианская доктрина отстаивает принцип полной свободы иммиграции и эмиграции без каких-либо ограничений. Эта позиция основана на том, что политические границы с их точки зрения представляют собой результат сугубо интервенционистских мер и институциональной агрессии со стороны государства с целью воспрепятствовать свободному передвижению людей или даже запретить его совсем. В этом контексте Уолтер Блок и Джин Кэллахан выступают яркими защитниками идеи открытых границ. Они утверждают, что свободное перемещение людей является неотъемлемым правом, способствующим экономическому росту и культурному обмену, и критикуют иммиграционные ограничения как нарушение прав человека. Оба мыслителя подчеркивают, что свобода миграции является важным аспектом индивидуальных прав и экономической свободы [2].

С точки зрения либертарианства, миграционная политика должна основываться на следующих принципах:

1) Принцип самообеспечения иммигрантов. Экономическая ответственность за процесс иммиграции должна полностью возлагаться на индивидов, принявших решение о переезде. Это подразумевает, что иммиграция не должна финансироваться за счет государственных систем социального обеспечения. Считается, что государственное финансирование (образование, здравоохранение, государственные пенсии

и т.д.), действуют как стимул, привлекая многих иммигрантов. Ведь для возникновения негативных последствий достаточно того, чтобы некоторые (необязательно все) группы иммигрантов учитывали при принятии решения о переезде свои будущие социальные пособия [3]. Для того чтобы возникли искусственные стимулы для иммиграции, наносящие ущерб местным жителям, достаточно, чтобы хотя бы некоторые группы иммигрантов, пусть меньшинство, рассчитывали на жизнь на пособие.

2) Ограничение доступа к избирательным правам. В условиях миграционных потоков необходимо установить строгие ограничения на предоставление избирательных прав иммигрантам поскольку это может дать некоторым группам возможность политически эксплуатировать местных жителей. Люди, приезжающие в чужую страну и в иную культурную среду, как правило, в результате повышают свой уровень жизни. Но у них нет права использовать механизм политического принуждения, т.е. демократического голосования для того, чтобы поддерживать политику перераспределения доходов и вмешиваться в процессы на национальных рынках страны, куда они переехали.

3) Иммигранты обязаны соблюдать действующее законодательство и уважать права собственности принимающего общества. Нарушения прав собственности должны преследоваться не только в рамках уголовного законодательства, но и служить основанием для депортации. В частности, данная мера призвана предотвратить возникновение ситуаций, аналогичных деятельности сквоттеров в Испании, незаконно занимающих пустующие здания и земли, принадлежащие законным владельцам [4].

Предложенные меры, хотя и не способны полностью устранить все проблемы, возникающие в контексте современных миграционных потоков, могут способствовать их значительному сокращению. Реализация данных инициатив будет представлять собой шаг в направлении, которое сторонники либертарианской доктрины считают целесообразным и правильным.

Библиографический список

1. Key Concepts of Libertarianism. – URL: https://www.cato.org/commentary/key-concepts-libertarianism (дата обращения: 12.04.2019).

2. A Libertarian Case for Free Immigration. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1881055 (дата обращения: 10.07.2011).

3. The Long-Term Fiscal Impact of Immigrants in the Netherlands, Differentiated by Motive, Source Region and Generation. – URL: https://docs.iza.org/dp17569.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

4. How Squatters are Occupying Houses in Spain. – URL: https://realting.com/news/how-squatters-occupy-houses-in-spain-the-real-story (дата обращения: 07.10.2024).

УДК 340.13

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. Д. Бузюк

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.А. Лагун

Статья анализирует влияние ИИ на правовую систему, выделяя ключевые вызовы: защиту конфиденциальности и персональных данных, ответственность за решения ИИ, прозрачность алгоритмов и необходимость новых правовых норм и международных стандартов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; ответственность; источники повышенной опасности; правовая система.

Искусственный интеллект (ИИ) — мощный инструмент, который активно внедряется во все сферы, включая правовую систему. Взаимодействие ИИ и юриспруденции трансформирует юридические процессы и порождает новые моральные и законодательные вопросы.

Вопросы правового регулирования ИИ важны из-за расширения его применения, необходимости оценки рисков и установления разумных ограничений для обеспечения общественного прогресса. В Указе Президента Республики Беларусь от 07.05.2020 № 156 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021 — 2025 годы» искусственный интеллект и робототехнические разработки указаны среди ключевых областей научно-технического прогресса и инноваций на период до 2025 года.

Понятие «искусственный интеллект» носит «собирательный» характер и определяется учеными как «программная система, имитирующая с помощью компьютера мыслительную деятельность человека, а также направление информатики, позволяющее пользователю решать свои повседневные задачи с помощью возможностей ЭВМ» [1]. Технологии ИИ включают компьютерное зрение, обработку языка, распознавание и синтез речи, поддержку решений и перспективные методы. Главное свойство ИИ — автономная работа, обмен данными с окружением, обучение на опыте и адаптация решений, то есть имитация интеллектуальной деятельности человека.

Рассмотрение влияния ИИ на правовую систему связано с защитой конфиденциальности и персональных данных. При использовании ИИ юристам рекомендуется исключать Ф.И.О., наименования и личные данные клиентов, чтобы предотвратить случайную генерацию или раскрытие этой информации другим пользователям.

С развитием технологий распознавания лиц, анализа данных и мониторинга соцсетей вопросы безопасности и приватности становятся особенно важными. В правовой системе должны устанавливаться чёткие нормы для сбора, хранения и использования личных данных, а также обеспечиваться контроль за действиями компаний и госорганов.

Вопросы ответственности в ИИ важны, так как при ущербе из-за решений ИИ неясно, кто ответственный — разработчик, владелец или сам алгоритм. Это требует разработки новых правовых норм и концепций, учитывающих особенности взаимодействия человека и машины.

Существуют разные подходы к правовому регулированию ответственности ИИ, причем её определение напрямую связано с объемом правосубъектности искусственного интеллекта. Широкое распространение получила концепция о применении положений об источнике повышенной опасности, согласно которой ответственным за действия ИИ является его владелец, причем независимо от вины (ст. 948 Гражданский Кодекс Республики Беларусь). Этот подход совершенно справедливо

основан на формальном совпадении свойств ИИ и источника повышенной опасности, в частности невозможности полного контроля над системой со стороны человека [1].

Актуален вопрос прозрачности и объяснимости решений ИИ, особенно при влиянии на жизнь и свободу людей. Требование «объяснимого ИИ» стимулирует разработку методов понимания логики выводов. Политики и законодатели разных стран создают нормативную базу — международные стандарты, национальные законы и регулятивные инициативы — для баланса между инновациями и защитой прав человека.

Таким образом, искусственный интеллект сильно влияет на правовую систему, требуя комплексной перестройки норм и принципов. Этот сложный, но необходимый процесс направлен на создание справедливого, безопасного и эффективного общества, где технологии служат человеку, а не управляют им.

Библиографический список

1. Шаршун, В.А. Актуальные проблемы правового регулирования применения искусственного интеллекта / Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь (ЭБДПИ): ЭТАЛОН-ONLINE. — Минск, 2025. — URL: https://etalonline.by (дата обращения 02.10.2025).

УДК 34.047

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОГО ПРАВА

А. А. Грачева

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.А. Лагун

В цифровую эпоху границы между оригинальным творчеством и обменом информацией размываются, что затрудняет защиту авторских прав. Информация о правообладателях разрозненная, а авторы сталкиваются с трудностями в отстаивании своих интересов. Необходимы инновационные подходы к регулированию, включая использование ИИ для выявления нелегального контента.

Ключевые слова: цифровая эпоха; авторские права; защита прав; контент; искусственный интеллект; нелегальный контент.

В цифровую эпоху пользователи создают контент, который, возможно, не соответствует традиционным критериям оригинальности. Платформы позволяют легко редактировать и делиться изображениями, текстами и видео, что приводит к размытиям границ между оригинальным творчеством и простым обменом информацией. Информация о правообладателях часто разрозненная и труднодоступная. Это затрудняет не только защиту прав, но и получение согласия на использование произведений.

Стремительный рост цифрового контента в последние годы и тот факт, что его авторы могут находиться в различных юрисдикциях, что с учетом местного законодательства определяет особенности как защиты авторских прав, так и юридического

оформления лицензионных платежей, поднимают сложные вопросы о том, кто в действительности владеет правами на контент, когда и как организовать выплату вознаграждения. Информация об обладателях авторских прав разбросана по различным базам данных издателей, звукозаписывающих компаний, организаций коллективного управления правами и других субъектов, которые не заинтересованы в том, чтобы делиться ею. В океане информации правообладателям, не имеющим специальных ресурсов, крайне затруднительно обнаружить контент, нарушающий их права, а в случае его обнаружения – добиться защиты своих прав, получить вознаграждение за его использование, если такой контент оказался в чужой юрисдикции.

Таким образом, в сфере цифровых технологий авторскому праву жизненно необходимо применение инновационных подходов в области регулирования гражданских правоотношений. Переходя из материального носителя информации в цифровой формат преобразования, охраняемые авторским правом результаты интеллектуальной деятельности получают дополнительные ценностные свойства при своей реализации на рынке товаров и услуг. Указанные ценности заключаются в удобстве использования электронного формата и мгновенного приобретения таких объектов из любой точки доступа сети Интернет.

Рассмотрим пути решения защиты авторских прав, которые могут применяться в сфере цифрового пространства. Применение специализированных нейросетей станет отличной возможностью для поиска и выявления нелегального контента. ИИ сможет в автоматическом режиме отслеживать нелегальные материалы и изымать их из общего доступа. На сегодняшний день уже есть пример успешного применения ИИ в области защиты авторских прав. Так видеохостинговая компания «YouTube» использует систему «Content ID» – это цифровая система снятия цифровых отпечатков/маркеров, разработанная Google, которая используется для простой идентификации контента, защищенного авторским правом, на YouTube и управления им. Владельцы контента сравнивают видео, загруженные на YouTube, с аудио- и видеофайлами, зарегистрированными в Content ID, в поисках совпадений [1].

Технология блокчейн – это децентрализованная база, в которой информация выстроена и хранится в виде блоков, соединённых в последовательную цепочку данных. Основным достоинством данной технологии является теоретическая невозможность внесения изменений в указанный реестр данных, т.к. информация хранится на нескольких базах данных в режиме онлайн-доступа. В том случае, если будет иметь место внесение иной информации на одной из баз данных, то этому блоку информации будет присвоена иная цифровая подпись, что в свою очередь приведёт к моментальному обнаружению подобной информации и самого пользователя, который попытался это совершить. Воспользовавшись технологией блокчейн, автор сможет отслеживать то, как используется его произведение в цифровой среде, а в том случае, если будет иметь место обнаружение каких-либо нарушений авторских прав, то он сможет моментально собирать доказательства подобных действий и своевременно прекращать нелегитимные действия пользователей в сети Интернет [2].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что стремительное развитие технологий, а также разнообразных платформ, создаваемых в Интернете, затрагивает самые раз-

личные аспекты авторства, постоянно поднимая все новые вопросы и формируя новые вызовы для традиционного авторского права. Очевидно, что это рано или поздно приведет к серьезной трансформации многих институтов авторско-правовой защиты.

Библиографический список

1. Copyright protection tools. URL :https://support.google.com/youtube/topic/9282364 ?hl=ru&ref_ topic=2676339 (дата обращения: 06.10.2025).
2. Kolyasa V.S. On the issue of the use of blockchain technology in the legal life of society / V.S. Kolyasa // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 9 (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 340.12

ПРОБЛЕМАТИКА И ЭВОЛЮЦИЯ ДУАЛИЗМА В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Я. П. Дулинец

учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Д.С. Судниченко

В публикации исследуется генезис теорий разграничения публичного и частного права, закономерности их развития, современный взгляд на проблему разграничения публичного и частного права.

Ключевые слова: публичное право; частное право; юриспруденция; римское право; правовая система.

Проблема разграничения публичного и частного права — одна из ключевых в юриспруденции, определяющая границы вмешательства государства в частную сферу и обеспечивающая защиту прав и свобод индивида. Она возникает при осуществлении теоретических исследований, направленных на совершенствование правового регулирования, в ходе толкования норм права, а также при попытках классификации законодательства.

Данное разграничение не является статичным, а эволюционирует, отражая изменения в общественных отношениях и представлениях о роли государства и личности.

Первые представления о частном и публичном праве были развиты в римской классической юриспруденции юристом Ульпианом: jus publicum (интересы государства) и jus privatum (интересы частных лиц). Римское право (особенно частное) послужило базой для развития европейских правовых систем. Однако античное разграничение не носило современного, чёткого характера. Интересы государства доминировали.

На трансформацию римского наследия сильное влияние оказала греческая философия. Идеи о полисе, гражданстве и справедливости повлияли на формирование

представлений о публичном праве. Однако в Древней Греции отсутствовало столь же развитое частное право, как в Риме [1, с. 19].

В средневековье рабовладельческая формация, в условиях которой зародилась идея частного права, сменилась на феодальную. Вследствие чего самая базовая категория частного права — собственность претерпела изменения, поскольку для феодальных отношений важнее было владение (фактическое господство и пользование), чем юридически закреплённые права, лишённые смысла из-за отсутствия чётких правовых норм. Практическое влияние частного права ослабло [2, с. 46].

Существуют различные теории разграничения публичного и частного права, что объясняется сложностью и многогранностью природы данного феномена. Многообразие научных подходов к проблеме дуализма права позволяет провести их классификацию. В настоящее время выделяют следующие теории разграничения публичного и частного права: материальные теории (теория разделения права на основании охраняемых интересов: публичных или частных и теория разделения права на основании регулируемых отношений: имущественных или неимущественных), формальные теории (теория инициативы защиты; теория различия положения субъекта в правоотношении; теория разделения права по характеру обязательности предписаний правовых норм), смешанные теории (теории, объединяющие материальный и формальный критерии), теории, отрицающие деление права на частное и публичное (теории, согласно которым все действующее законодательство как форма его выражения является публичным).

Современные подходы к разграничению публичного и частного права — это не просто формальное разделение, а скорее поиск баланса. Важен функциональный взгляд: какие цели преследует та или иная норма — обеспечивает общее благо или защищает права личности? Такой подход позволяет учитывать взаимосвязь публичных и частных интересов, находить баланс между властью государства и свободой граждан [1, с. 21].

Таким, образом, со времён античности разделение публичного и частного права трансформировалось от доминирования публичной сферы к более сбалансированному соотношению. В новое время, с развитием идей прав человека и ограничением государства, частная сфера расширилась. Сегодня, в эпоху глобализации, границы размываются, но акцент на защите прав личности остаётся ключевым.

УДК 340

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА

З. М. Елкин

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. Н. Фиронов

Текст рассматривает правомерное и преступное поведение человека через призму страха потери жизненных благ и роли правовых санкций, а также акцентирует внимание на лишении свободы и необходимости эффективной ресоциализации осужденных (психологическая помощь и облегчённое трудоустройство) в интересах общества.

Ключевые слова: общая теория права; санкции; страх; лишение свободы; ресоциализация; психологическая помощь; трудоустройство осужденных.

Общая теория права изучает право: его действие, эффективность его применения, относительно поведения всего общества внутри государства. На наш взгляд, если рассматривать право с позиции социального феномена, можно обнаружить, что право проявляет себя не с формально-юридической стороны, а со стороны практической, т.е. в том, как право фактически реализуется в общественной жизни.

Рассмотрим психологию поведения человека, как животного вида. В данном словосочетании, основным является прилагательное – «животный». Подобно любому представителю жизни на земле, человек реагирует на опасность для своей жизни, здоровья, комфорта.

Совершить преступление, значит переступить закон. Данное действие может совершить лицо, воспринимающее свои поступки как верные, и ощущать свою безнаказанность.

Теперь, мы проведем связь между двумя предыдущими абзацами. Человек опасается посягательства со стороны третьих лиц на свою жизнь, и готов избирать ту линию поведения, которая окажется наиболее, социально-приемлемой для того, чтобы этого не допустить, а именно не совершать то, что в данном обществе считается недопустимым. Важно отметить, зачастую, делает он это неосознанно.

Поэтому, эффективность норм нужно оценивать не путём сознательного опроса граждан, или простого написания юридических документов. Основное воздействие права подкрепляется санкцией, меняющей жизнь человека в худшую или лучшую стороны, в зависимости от его поведения.

Для того, чтобы повысить эффективность норм права при их написании, необходимо понять, что вызывает страх у человека? Как правило, человек боится потерять благо, а также получить физический или моральный вред.

Таким образом, правомерное поведение людей в обществе обусловлено их способностью анализировать окружающую действительность относительно своей жизни, своего страха. Законодатель, осознавая работу данного механизма, формулирует нормы с акцентом на санкцию за ее несоблюдение.

Но, в данной теме, важно рассмотреть вопрос, связанный с применением к лицу, совершившему преступление, такой санкции, как лишение свободы, а именно вопрос его дальнейшей ресоциализации (возвращения человека, отбывшего наказание, в общественную жизнь).

Ограниченное пространство; окружение, с ярко-выраженным антисоциальным поведением; психическое давление со стороны окружающей среды; низкооплачиваемый труд и проблемы с трудоустройством – всё это, условия, с которыми сталкивается каждый человек, отбывающий наказание. Также, к ряду этих условий могут быть отнесены: и штрафы, и наличие судимости.

И, если каждый из читающих поставит себя на место данных лиц, то поймёт, что вопрос дальнейшей ресоциализации лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, является одним из самых важных. Не только для этих граждан, но и для всего общества в целом.

Анализируя практику разных стран, можно увидеть различные подходы к обеспечению жизни и исправлению поведения заключённых.

И, на мой взгляд, создавать условия, включающие в себя наличие техники, тренажёрного зала и иных атрибутов комфортной жизни, необязательно.

Наш вывод: к лицам, совершившим тяжкие преступления (тяжесть определяется нормативными правовыми актами), должны быть применены меры наказания, вплоть до лишения свободы. В местах лишения свободы, данным лицам необходимо предоставить доступ к оказанию психологической помощи.

А также, на уровне всего общества, решить вопрос упрощенной формы трудоустройства, чтобы каждый из лиц, отбывших наказание, мог начать новую жизнь!

УДК 340

СОЦИОЛОГИЗАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА КАК ЭЛЕМЕНТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

К. И. Елфимов

аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, г. Воронеж, Российская Федерация
Научный руководитель: д.ю.н., профессор кафедры публичного права Одинцовского филиала МГИМО МИД России В.В.Денисенко

В статье рассматривается история использования социологического подхода в ссоветской правовой науке. Делается вывод о влиянии социлогизации права на переход к постсоветскому праву.

Ключевые слова: социологический подход, советское право, постсоветское право.

В сталинский период в советской юридической науке господствующее положение занял подход, который В.С. Нерсесянц назвал «советским легизмом». Этот подход ориентировал правоведов преимущественно на изучение догмы права, анализ писанного законодательства в отрыве от практической реализации норм. Он обладал ещё и тем преимуществом, что был максимально политически приемлем в период сталинских репрессий – писанное советское законодательство было самым демократичным в мире, и его прославление при игнорировании неудобных обстоятельств его практической реализации позволяло правоведу занимать безопасное положение в сложный исторический период.

Следует отметить, что на более ранних этапах существования советского правоведения социологический подход, который был представлен, в частности, П.И. Стучкой, определявшим понятие права через правоотношение, был широко распространён. В принципе, методология марксизма, рассматривающая корень социальных явлений в экономическом базисе, была вполне предрасположена к восприятию социологического метода. В конце 50-х годов происходит возрождение социологического подхода к праву, естественное развитие которого было прервано периодом репрессий и безоговорочного триумфа узконормативного подхода.

В теоретическом отношении социологический подход подразумевал, что право представляет собой диалектическое единство правовой нормы, правоотношения и правосознания. Имел место также взгляд, что право представляет собой сочетание нормы и правоотношения. Такой подход позволял теоретически обосновать необходимость включения для рассмотрения правоведом того, как право действительно функционирует в обществе, как законы применяются на практике, каковы социальные причины правонарушений.

Советская социология права изучала: 1. Эффективность правовых норм (их функционирование на практике). 2. Общественное мнение о законах и правоохранительных органах. 3. Социологию преступности (социальные причины преступности). 4. Правосознание различных социальных групп. 5. Влияние права на экономические и социальные процессы.

Заметными правоведами, представлявшими это направление, были В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук, Л. С. Явич и другие.

В.Н. Кудрявцев разрабатывал вопросы причин преступности и социального действия права. Исследуя механизмы правового регулирования, он подчёркивал, что формальные нормы не всегда работают так, как задумано. Его работы были прямым привнесением социологического метода в юриспруденцию.

В.П. Казимирчук делал акцент на социальной эффективности права – насколько законы достигают своих целей. Он изучал правовое поведение и факторы, влияющие на соблюдение или нарушение норм.

Л. С. Явич работал как теоретик права. Он выделял три основные формы бытия права: 1. Право в объективном смысле (правовые нормы). 2. Право в субъективном смысле (субъективные права). 3. Право как общественные отношения (правоотношения). Право "живет" и проявляет себя именно в реальных отношениях между людьми, которые строятся на основе норм. Если норма законодательно присутствует, но реальных отношений она не порождает (не работает), то ее можно считать "мертвым" правом.

Социологизация подхода к праву критиковалась сторонниками нормативного подхода, как «размывающая» концепцию права и смешивающая право с другими элементами правовой надстройки над экономикой. К сильным сторонам социологического подхода к праву следует отнести обращение к тому, как нормы реально функционируют на практике.

Социологизация права как элемент реформирования методологии юридической науки в позднесоветский период сыграла определённую роль в делегитимации советской правовой идеологии. Дело в том, что формально провозглашаемые в советском законе нормы отвечали самым высоким мировым стандартам демократичности, а практическая действительность была несколько иной. Социологизаторы права, не имея прямой цели дискредитировать советские порядки, невольно демонстрировали несостоятельность многих официальных деклараций о «развитом социализме» и «социалистической законности».

Таким образом, социологизация исследований права подрывала доверие к официальной правовой идеологии и создавала предпосылки для перехода к постсоветской модели права.

Библиографический список

1. Маштаков, К.М. Генезис теорий разграничения публичного и частного права / К.М. Маштаков // Философия права. – 2014. – №2 (63) – С. 18-22.

2. Горшунов, Д.Н. Частное право в эпоху Средневековья и период ранних буржуазных революций: путь возрождения / Д.Н. Горшунов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 7. – С. 46-52. Ёлкин З.М.

УДК 34.047

ПРАВО В СИСТЕМЕ НОРМ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. В. Згирский

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель В. Ю. Вечорко

В данной работе рассматривается право, как элемент в системе социального регулирования, анализируется взаимодействия правовых норм с другими социальными регуляторами, такими как мораль, религия, экономика и политика.

Ключевые слова: социальный регулятор, право, мораль, религия, политика, экономика.

Социальный регулятор – специальные, выработанные конкретным обществом механизмы регулирования общественных отношений. С момента появления общества важную роль в системе социальной регуляции стало играть право. Право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами. Рассмотрим, как право взаимодействует с другими регуляторами:

Право и мораль. Нормы права закреплены в актах гос. управления. Моральные нормы содержатся в сознании людей. Реализация права обеспечивается специальным государственным аппаратом, а соблюдение моральных норм контролируются общественным мнением. Право – одно, и всеобщая обязательность его норм возникает с момента вступления в силу соответствующего правового акта, а моральные нормы, свойственные каждому классу общества, различны. Общеобязательность той или иной моральной нормы определяется степенью ее усвоения групповым сознанием. Это наиболее важные нормы, выражающееся социальные качества человека в отношении с другими. Сфера действия морали глубже и шире, чем права. В качестве причин несоответствия морали и норм права часто называют несоответствие законодательства общественному развитию. Подводя итоги сравнения морали и право, в целом, повышение морального уровня общества содействует укреплению правопорядка, уменьшение правонарушений.

Право и религия. Религиозными нормами называются правила, установленные различными вероисповеданиями, и обязательные для верующих. Они содержатся в религиозных книгах. В истории права были целые эпохи, когда многие религиозные

нормы носили юридический характер, регулировали важнейшие отношения. Верующие имеют возможность беспрепятственно совершать религиозные обряды, связанные со вступлением в брак, рождением ребенка и др. Но юридическое значение имеют лишь документы, полученные в гос. органах. Некоторые религиозные праздники официально признаны государством с учетом исторических традиций. В Беларуси некоторые христианские праздники отмечаются по календарям двух наиболее многочисленных конфессий – православной и католической. Современное светское государство отделено от церковной власти. Но существует взаимное влияние права на религию. Подводя итоги сравнения права и религии, можно сделать вывод: религия может выступать действенным средством по устранению асоциального поведения в обществе, содействуя правопорядка в государстве.

Право и политика. В древнейших цивилизациях позитивное право не было простым произволом правителей. Осуществляемая государством политика опиралась на божественный промысел, на заповеди религии. В античные времена сохранялись представления о божественном происхождении государственной власти и покровительстве богов политике государства. В средние века политические институты были сосредоточены в руках верховных феодалов и церкви. Характерной чертой политики средневековых государств была разобщенность феодального права. Особое положение городов в феодальном обществе порождало и особое право – магдебургское. Коренной поворот в соотношении права и политики произошел в ходе буржуазных революций. В настоящее время вопрос взаимодействии политики государства с правом приобретает важнейшее значение, т.к. право только тогда справедливо, когда оно одинаково обязательно, а права и обязанности равны для всех граждан, в т.ч. служащих государственного аппарата.

Право и экономика. Экономика не может не иметь опосредования, в том числе правового. Свободное предпринимательство и обмен товарами и услугами, свободная продажа собственного интеллекта и рабочих рук требует регулирования посредством права, но очень осторожного. В сфере границ правового регулирования экономики можно выделить следующие направления: установление целей экономического развития; закрепление экономической основы движения к рынку и рыночной экономики; определение круга субъектов рыночных отношений; запрещение и вытеснение порочных средств ведения хозяйства и коммерции; регламентация порядка разрешения рыночных дел и споров; установление мер юридической ответственности. В заключении, можно сказать, что взвешенная реализация этих направлений в законодательстве будет способствовать динамичному развитию экономики.

Таким образом, в данной работе было представлена краткая сравнительная характеристика взаимодействия права и других социальных регуляторов.

Библиографический список

1. Общая теория права : учебно-методический комплекс для высших учебных заведений по специальностям: 1 – 23 01 06 Политология (по направлениям), 1 – 24 01 01 Международное право, 1 – 24 01 02 Правоведение, 1 – 24 01 03 Экономическое право / А. М. Абрамович [и др.]; БГУ, ЮФ, Кафедра теории и истории государства и права

УДК 347

РОЛЬ ТЕХНОПАРКОВ В ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

С. А. Литвин

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университет,
Научный руководитель: старший преподаватель Т.В. Иванова

В публикации рассматривается роль технопарков как ключевого института инновационной деятельности на примере Республики Беларусь и КНР. Анализируется законодательная база, государственная поддержка и взаимодействие между технопарками и научно-образовательными структурами двух стран.

Ключевые слова: инновационная деятельность государства; инновационная политика государства; технопарк; инновации; правовое регулирование инноваций.

В современном мире инновационная функция государства и соответственно инновационная деятельность государства стала одним из ключевых факторов экономического развития и повышения конкурентоспособности стран. Технопарки выступают важной составляющей инновационной инфраструктуры, обеспечивая создание благоприятных условий для развития высокотехнологичных производств, научных исследований и коммерциализации научных разработок.

В Республике Беларусь технопарки стали эффективным инструментом стимулирования инноваций и поддержки малого и среднего инновационного бизнеса. Закон Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности», формирует рамки функционирования инновационной системы и предусматривает меры государственной поддержки субъектов инновационной инфраструктуры, включая технопарки. Основными задачами технопарков являются содействие трансферту технологий, обеспечение взаимодействия между наукой и бизнесом, а также создание комфортных условий для стартапов и инновационных компаний.

В Китае технопарки играют значительную роль в реализации государственной инновационной политики. Закон КНР «О научно-техническом прогрессе: приоритеты государственной политики в научно-технологической сфере и гарантии их достижения» регулирует развитие научных и технологических инициатив, включая создание технопарков, предусматривает меры поддержки инновационных предприятий, создание благоприятной среды для развития высокотехнологичных зон и стимулирование научно-исследовательских работ. Китайская модель технопарков характеризуется обширной государственной поддержкой, включая финансирование научно-исследовательских проектов, налоговые льготы и создание технологических инкубаторов. В рамках программы «Факел» правительство Китая стимулирует развитие высокотехнологичных предприятий через создание технопарков и индустриальных кластеров, что способствует интеграции науки и производства и ускоряет внедрение инноваций в экономику.

Беларусь и Китай активно развивают стратегическое партнерство в сфере инноваций через межрегиональное сотрудничество и реализацию совместных инновационных промышленных проектов. Так, в 2025 году Министерство экономики Республики Беларусь и Государственное агентство международного развития и сотрудничества КНР утвердили дорожную карту сотрудничества на 2025-2030 годы. Этот план включает подготовку и реализацию перспективных инвестиционных проектов, создание совместных высокотехнологичных производств и развитие инновационных отраслей. Особое внимание уделяется реализации проектов в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень»: обмен опытом в научно-исследовательской деятельности и создании совместных лабораторий для развития новых материалов, оптических, биотехнологий и электротехники. Кроме того, подписаны соглашения с городом Циндао о развитии высокотехнологичных услуг, цифровой экономики и совместных научных инициатив.

На примере государств-партнеров видно, что сотрудничество в области инновационной деятельности, правового регулирования данной сферы является образцом успешного взаимодействия в инновационной политике, направленного на повышение технологического потенциала и укрепление экономического развития обеих стран. Технопарки являются стратегическим элементом инновационной политики государств, способствуя эффективному взаимодействию науки, образования и предпринимательства, что важно для устойчивого развития экономики и социальной сферы.

Библиографический список

1. О государственной инновационной политике и инновационной деятельности: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З, изм. и доп. от 06.01.2022 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200425. – Дата доступа: 08.10.2025.

2. Лю Сяоцзюань. Технопарки в Китайской Народной Республике / Лю Сяоцзюань // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2019. – № 3. – С. 29-36.

УДК [37.0:34](476) – 053.81

ТЭНДЭНЦЫІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ПРАВАВОГА ВЫХАВАННЯ МОЛАДЗІ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

А. А. Мазура

студэнт 1 курса Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь
Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт А.А. Зорчанка

У артыкуле раскрываюцца прычыны і абгрунтоўваецца неабходнасць правядзення дзяржавай і грамадзянскай супольнасцю прававога выхавання сваіх грамадзян, у прыватнасці правядзення такой работы з моладдзю.

Ключавыя словы: прававое выхаванне; прававая культура; прававая асвета правасвядомасць; моладзь; ідэалогія.

Сёння, ва ўмовах глабалізацыйных працесаў, развіцця інфармацыйных тэхналогій, сучасная ідэалагічная дзейнасць патрабуюць новых форм і метадаў работы з моладдзю. Ідэалагічная работа з'яўляецца адной з найважнейшых унутранных функцый дзяржавы. Дастакова эфектыўнай формай правядзення ідэалагічнай работы з'яўляецца ажыццяўленне прававога выхавання. Важна адзначыць, што Канцэпцыяй прававой палітыкі Рэспублікі Беларусь, зацверджаннай Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 28 чэрвеня 2023 г. № 196, дадзены легальныя паняцці тэрмінам «прававая палітыка», «прававое выхаванне», «прававая культура». Прававое выхаванне грамадзян у духу прыхільнасці ідэалам дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавы з'яўляецца залогам законнасці і трывалага правапарадку ў краіне, – пазначаецца ў Канцэпцыі прававой палітыкі Рэспублікі Беларусь (п. 38). І сапраўды, толькі тады, калі дзяржава комплексна ажыццяўляе прававое выхаванне, можна сцвярджаць пра пэўныя ўмовы для фарміравання ўстойлівых прававых ведаў маладога чалавека, яго каштоўнасных арыентацый, гатоўнасці не толькі да правамерных, але і сацыяльна актыўных паводзінаў, і як вынік – яго актыўнай пазіцыі ў рэалізацыі грамадзянскасці. Веданне ўласных правоў і магчымасцяў, адрозніванне правоў ад абавязкаў, адстойванне сваіх і павага да правоў іншых – важныя рысы сучаснай сфарміраванай прававой культуры маладога чалавека. Таксама важна, каб ён меў павагу і давер да актаў прававога заканадаўства. У дадзенай сітуацыі для дзяржавы неабходна дзейнічаць на «апярэджанне», паколькі маладое пакаленне – гэта будучае любой дзяржавы. Важна своечасова пачаць працэс прававой сацыялізацыі, як у сваіх работах адзначыла А. М. Яфрэменка, прававая сацыялізацыя моладзі адыгрывае асаблівую ролю менавіта на мікрасацыяльным узроўні, прычым чым вышэй узровень сацыяльна-культурнага і навукова-тэхнічнага развіцця, тым складаней ажыццяўляюцца працэсы сацыялізацыі [1, с. 181 - 182]. Наогул, як піша А.А. Зорчанка, адной з важных функцый прававой культуры з'яўляецца гуманістычная функцыя, якая ўключае ў сябе прававыхаваўчую [2, с. 380]. Абапіраючыся на гэта, можна прагназаваць, што правядзенне прававога выхавання моладзі, несумненна, прывядзе да зніжэння крымінагеннасці. Таму сёння так важна праводзіць ідэалагічную і асветніцкую работу ў першую чаргу з падлеткамі. Варта адзначыць асаблівасці работы з сённяшней моладдзю: старыя формы ўзаемадзеяння не выклікаюць у ніх належнай цікавасці і даверу, таму пошук новых форм з'яўляецца актуальнай тэматыкай для усіх суб'ектаў, якія ажыццяўляюць ідэалагічную дзейнасць.

Безумоўна, што пры правядзенні з моладдзю работы па фарміраванні прававой культуры, прававога светапогляду, выкарыстоўваць традыцыйныя метады і інструменты будзе малаэфектыўна і недастаткова, бо сучасныя падлеткі з маленства навучыліся спажываць інфармацыю пры дапамозе інфармацыйных тэхналогій. Актуальныя такія формы, як праца ў сацыяльных сетках, стварэнне фота-/відэаматэрыялаў, інтэрактыўных публікацый, віктарын, якія прыцягваюць да сябе ўвагу маладога чалавека; супрацоўніцтва з рэальнымі лідэрамі меркаванняў у маладзёжным асяроддзі. Педагогам, якія ажыццяўляюць прававое выхаванне, падчас занятку ці ў іншых формах, таксама неабходна быць неабыякавымі да сучасных тэхнічных магчымасцяў. Прававое выхаванне зараз ставіць важную задачу: заўсёды падтрымліваць увагу і павагу сённяшней моладзі да права, да заканадаўства, яго эфектыўнай рэалізацыі ў жыцці грамадства; распаўсюджваць актуальныя прававыя веды ў зразумелай форме для фарміравання правасвядомасці і прававой культуры, дзеля

ўсвядомленай, адказнай, ініцыятыўнай дзейнасці маладога чалавека ў рэалізацыі дэмакратычнай прававой сацыяльнай дзяржаўнасці Рэспублікі Беларусь.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ефременко, Е. М. Теоретические и практические аспекты формирования правосознания молодежи / Е. М. Ефременко // Осознанное общественное правосознание – важнейшая составная часть правовой культуры современного общества / И.А. Белова, Г.А. Василевич, А.Ф. Вишневский и др. / Под ред. В. А. Кучинского. – Гродно: «ЮрСаПринт», 2020. – Разд. 2 гл. 4. С. 180 – 206.

2. Правосознание и правовая культура / Зорченко, Е. А. Теория государства и права: учеб. пособие / Е. А. Зорченко, Л. Г. Протасевич; под общ. ред. Е. А. Зорченко; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – 2-е изд., стер. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – Гл. 23. С. 375 – 393.

УДК 340.11

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Е. А. Полелей

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Т.В. Иванова

В статье проводится сравнительный теоретико-правовой анализ влияния института нотариата на формирование правовой культуры и правосознания граждан в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике. Рассмотрены особенности нотариата в двух государствах, его роль в правовом воспитании и распространении правовых знаний.

Ключевые слова: нотариат; правовая культура; правосознание; белорусская модель; китайская модель.

Сравнительный анализ нотариата в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике позволяет выявить особенности влияния данного института на формирование правовой культуры в указанных правовых системах. Правовая культура и правосознание тесно взаимосвязаны и формируют основу правового поведения граждан [1, с.12]. Нотариат выполняет публичную функцию, его деятельность направлена на обеспечение законности, достоверности и стабильности гражданских правоотношений. Нотариальные акты обладают высокой степенью юридической силы, что способствует укреплению доверия к праву и правовым механизмам. Нотариальные действия – удостоверение сделок, завещаний, доверенностей и других юридически значимых документов – способствуют распространению правовых знаний среди населения. В процессе взаимодействия с нотариусом гражданин получает не только юридическую услугу, но и разъяснение правовых норм, что способствует правовому просвещению. Таким образом, нотариат выполняет функцию правового воспитания, формируя уважение к закону и правопорядку [2].

В Республике Беларусь нотариат функционирует в рамках латинской модели, предполагающей высокую степень юридической квалификации нотариуса и его статус как субъекта публичной функции. Нотариальные действия – удостоверение сделок, завещаний, доверенностей – способствуют распространению правовых знаний среди населения.

Китайская модель нотариата отличается административной организацией и тесной связью с государственными структурами. Нотариальные учреждения в КНР выполняют функции, направленные на обеспечение правовой стабильности и защиты интересов граждан, особенно в трансграничных сделках и семейных правоотношениях. В условиях стремительного развития правовой системы Китая нотариат играет важную роль в правовой социализации населения, особенно в контексте повышения правовой грамотности.

В Республике Беларусь акцент делается на индивидуализированное правовое сопровождение, в то время как в Китае – на массовое правовое информирование и административную эффективность. В обоих случаях нотариат способствует укреплению правового сознания, снижению правовой неопределённости и повышению доверия к правовой системе.

Таким образом, институт нотариата в Республике Беларусь и Китайской Народной Республике представляет собой важный элемент правовой инфраструктуры, оказывающий значительное влияние на формирование правовой культуры и правосознания граждан. Его деятельность способствует правовому воспитанию, распространению правовых знаний и укреплению правового государства. Сравнительный анализ позволяет выявить универсальные и специфические черты нотариата как инструмента правовой социализации в различных правовых системах.

Цифровизация нотариальных услуг, внедрение электронного документооборота и дистанционного удостоверения сделок открывают новые возможности для расширения правового просвещения. Однако при этом важно сохранить личностный и образовательный компонент нотариальной деятельности, обеспечивающий формирование устойчивых правовых установок у граждан.

Библиографический список

1. Фиронов, А.Н. Правовая культура и правовая инкультурация личности в контексте проблем национальной безопасности Республики Беларусь / А.Н. Фиронов // Право.by. – 2022. – №3. – С. 112-119.

2. Борисенко, Н.В. О современном нотариате и перспективе его развития / Н.В. Борисенко // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 11. – С. 14-20.

УДК 340.136

ПРОБЛЕМНЫЕ СТОРОНЫ КОДИФИКАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Ус

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.А. Лагун

Работа посвящена анализу кодификации законодательства Беларуси, её проблем, а также процессов декодификации и рекодификации. Выявлены риски утраты системности и предложена необходимость долгосрочной концепции кодификационных работ.

Ключевые слова: систематизация законодательства; кодификация; рекодификация; декодификация; системные проблемы законодательства.

Кодификация как высшая форма систематизации законодательства играет ключевую роль в формировании целостной, непротиворечивой и доступной правовой системы. В Республике Беларусь этот процесс носит непрерывный и динамичный характер, отвечая вызовам современного общества.

Однако на данном пути возникают системные проблемы, требующие глубокого теоретического осмысления и практического решения. В данной работе мы проведем комплексный анализ проблемных сторон кодификации, а также сопряженных с ней процессов декодификации и рекодификации в национальной правовой системе.

Легальное определение кодификации закреплено в ст. 1 Закона от 10 января 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», под которой понимается вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими содержания правового регулирования путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт, содержащий систематизированное изложение правовых предписаний, направленных на регулирование определенной области общественных отношений.

Таким образом, можно сказать, что кодификация в Беларуси понимается не как простая инкорпорация, а как глубокое преобразование правового материала, направленное на создание целостной, логически стройной и внутренне согласованной системы. Это действенное средство, позволяющее «разгрузить» законодательство от огромного массива разрозненных актов путем их объединения в едином комплексном законодательном акте. Но, несмотря на признаваемую полезность, данный процесс сталкивается с рядом негативных тенденций.

Одной из ключевых проблем является несоблюдение требований обеспечения стабильности и динамичности законодательства. Это приводит к неоправданному расширению объема нормативного массива, что порождает хаос и противоречивость в правовом поле.

Также, кодификация изначально призвана создать устойчивый каркас отрасли права. Однако на практике после принятия кодекса часто происходит его «обрастание» множеством подзаконных нормативных правовых актов, законов, вносящих точечные изменения, что неизбежно ведет к декодификации. Она может быть юридической и фактической.

Юридическая кодификация – признание кодекса (или совокупности кодексов) утратившим юридическую силу.

Фактическая декодификация – явление, которое характеризуется изменениями в массиве нормативно-правового регулирования в определенной сфере общественных отношений, связанными с признанием кодекса в этой сфере, утратившим силу или постепенным его «размыванием», с возвратом к полисистемности в правовом

регулировании [1, с. 31]. Это разрушает изначальную целостность и логику кодифицированного акта.

Еще одним важным процессом в области систематизации и совершенствования законодательства является рекодификация. По мнению А.А. Соловьёва, под рекодификацией понимается полная замена кодекса (группы кодексов) на новый кодифицированный акт (новую группу кодексов), либо существенное изменение структуры и объема правовой регламентации, входящей в исходный кодекс (группу кодексов) с учетом практики его (их) применения, либо изменение (включая дополнение) фундаментальных и иных наиболее существенных положений кодекса (группы кодексов) [2, с. 65]. В качестве примера такого явления можно привести троекратное принятие на территории Республики Беларусь Кодекса о земле.

Следует отметить, что в Республике Беларусь многое уже сделано, и можно сказать, что на постсоветском пространстве в вопросе кодификации различных отраслей законодательства государство занимает лидирующие позиции. Об этом свидетельствует практика систематизации законодательства. На сегодняшний день в Республике Беларусь действует двадцать семь кодексов, это больше, чем в какой-либо из стран СНГ. Несмотря на то, что в Беларуси действуют кодексы, которые не встретишь в других государствах (Кодекс об образовании, Банковский кодекс, Кодекс о судоустройстве и статусе судей, Процессуально-исполнительный кодекс об административных правонарушениях), кодификации подверглись еще далеко не все отрасли законодательства.

Таким образом, подводя итог изложенному, можно сказать, что кодификация в Республике Беларусь — это не технический процесс, а сложная научно-практическая деятельность, сопряженная с комплексом проблем. Процессы декодификации и рекодификации, будучи объективными, требуют от законодателя взвешенного подхода. Для успешного развития национальной правовой системы необходима выработка долгосрочной концепции кодификационных работ, основанной на научном прогнозировании. Это позволит не просто реагировать на возникающие вызовы, а формировать последовательное, логичное и удобное для восприятия законодательство, что является неотъемлемым атрибутом правового государства, каковым провозглашена Республика Беларусь.

Библиографический список

1. Соловьёв, А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт) : автореф. дис. … д-р юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Соловьёв ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федер. – М., 2025. – 55 с.

2. Соловьёв, А.А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте : монография / А.А. Соловьёв // Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2025. – 383 с.

3. Макарова, Т. И. Кодификация экологического законодательства как фактор эволюционирования правовой системы Республики Беларусь / Т. И. Макарова // Право.by. – 2025. – № 2(94). – С. 108-115.

УДК 340

ВЗГЛЯДЫ ФИЛОСОФОВ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (XVIII–XX ВВ.) НА АВТОРСКОЕ ПРАВО И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Я. В. Цвирко

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д. В. Щербик

В статье рассматриваются взгляды философов и историко-правовых деятелей XVIII-XX веков на формирование права интеллектуальной собственности и авторского права. Анализируются идеи свободы, творчества и собственности как основа защиты интеллектуального труда. Выявляется их влияние на современное юридическое мышление.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности; историческое развитие; Дж. Локк; XVIII-XX век.

Зачатки идей защиты творческих результатов можно обнаружить ещё в эпоху Возрождения, когда впервые автор произведения был представлен фигурой, в первую очередь, индивидуального творца. Однако системное юридическое осмысление интеллектуальной собственности появляется в эпоху Нового времени — в контексте философии естественного права, рационализма и либерализма.

Первые взгляды на систему результатов интеллектуальной деятельности человека можно отследить в работах Дж. Локка (1632–1704), одного из основоположников классического либерализма, оказавшего фундаментальное влияние на концепцию собственности как продолжения личности. В своих «Двух трактатах о правлении» он утверждал, что человек приобретает право собственности, смешивая свой труд с предметом природы. Этот принцип был применён и к интеллектуальной деятельности: «мыслительный труд — такой же источник собственности, как и физический,» - писал Локк. Идея философа легла в основу концепции «интеллектуальной собственности» как естественного права человека на плоды своей творческой деятельности.

Основываясь на идеях Дж. Локка, уже в конце XVIII – начале XIX века формируются идеи на право интеллектуальной собственности в школе гегельянства. Идеи Г.В.Ф.Гегеля легли и в основу современного понимания права интеллектуальной собственности.

Гегель в «Философии права» рассматривал собственность как проявление свободы личности в объективной форме. Он утверждал, что произведение духа — «воплощение воли», и, следовательно, автор имеет право признания и охраны своего духовного труда. Однако Г. Гегель подчеркивал общественную природу духа, что ставило вопрос о соотношении частных интересов автора и общественного блага.

К. Маркс в свою очередь критиковал буржуазное понимание собственности, считая, что интеллектуальная собственность, как и материальная, отражает классовую структуру общества. Для него авторское право было не проявлением свободы, а механизмом отчуждения творческого труда в капиталистических условиях. В марксистской теории творчество должно было служить обществу, а не индивидуальному обогащению, что определило подход социалистических государств к праву на изобретения и произведения.

XX век стал временем интенсивного развития науки, искусства и технологий, что потребовало нового философского осмысления интеллектуальной собственности. Возникновение кино, радио, телевидения, а позднее — цифровых технологий поставило вопрос о границах авторского права и о соотношении прав личности и общественного доступа к знаниям.

Б. Рассел, Дж. Дьюи, К. Поппер и другие философы либерально-демократического направления рассматривали интеллектуальную собственность как инструмент стимулирования научного и культурного прогресса. По их мнению, авторское право должно обеспечивать баланс между вознаграждением творца и свободой распространения знаний, необходимой для развития общества.

Неокантианцы и представители персонализма (в частности, Н. Бердяев) подчеркивали духовно-личностную природу творчества. Н. Бердяев писал, что творец не является «владельцем» своей идеи, а лишь её проводником; поэтому защита авторства должна сочетаться с моральной ответственностью перед обществом и культурой.

Так, история права интеллектуальной собственности тесно связана с эволюцией представлений о человеке, свободе и обществе. От естественно-правовых идей Дж. Локка, через гегелевское понимание собственности как формы самореализации духа и марксистскую критику отчуждения труда, до современных концепций открытых лицензий и свободного доступа — путь интеллектуальной собственности отражает развитие человеческой цивилизации. В эпоху цифровой трансформации человечество вновь стоит перед вызовом: как сохранить баланс между частным правом автора и общим правом человечества на знание. Именно этот баланс и есть подлинный смысл философии интеллектуальной собственности.

Библиографический список

1. Соловьёв, А.А. Систематизация законодательства о спорте (российский и зарубежный опыт) : автореф. дис. … д-р юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Соловьёв ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федер. – М., 2025. – 55 с.
2. Соловьёв, А.А. Российский и зарубежный опыт систематизации законодательства о спорте : монография / А.А. Соловьёв // Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. – М., 2025. – 383 с.
3. Макарова, Т. И. Кодификация экологического законодательства как фактор эволюционирования правовой системы Республики Беларусь / Т. И. Макарова // Право.by. – 2025. – № 2(94). – С. 108-115.

УДК 340.11

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СЕМЬЯХ

А. Н. Шайковский

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Т.В. Иванова

В статье проводится сравнительный теоретико-правовой анализ моделей разрешения юридических коллизий в различных правовых семьях: иерархические модели, судебные

прецеденты, международное коллизионное право, выявляются их преимущества и особенности применения.

Ключевые слова: юридические коллизии; разрешение коллизий; устранение и преодоление коллизий; правовая семья; правовая система; иерархия норм; правоприменение.

Разрешение юридических коллизий является важной задачей для обеспечения единства и эффективности правовой системы. Существует два способа разрешения коллизий – устранение (осуществляют субъекты нормотворчества) и преодоление (осуществляют правоприменители) [1]. В разных правовых семьях существуют различные модели и методы разрешения коллизий, которые отражают особенности национального законодательства и правоприменительной практики. Одной из распространённых моделей является модель иерархического разрешения коллизий, характерная для многих правовых систем романо-германской правовой семьи (Республика Беларусь, Российская Федерация и др.). В этой модели при конфликте норм различается их юридическая сила: нормы высших по статусу актов имеют преимущество перед нормами низших актов. Например, в России при коллизии норм Конституция имеет приоритет над федеральными законами, а последние – над подзаконными актами. Также применяется принцип «lex posterior derogat legi priori» (последующий закон отменяет предыдущий) и «lex specialis derogat legi generali» (специальный закон отменяет общий).

Правила преодоления коллизий в законодательстве Китая основаны на нескольких принципах: принцип приоритета международного права, если в договоре нет оговорок обратного характера; применение модельного права международного частного права (1994 г.), которое регулирует отношения с иностранным элементом, в том числе коллизии между регионами (материковым Китаем, Гонконгом, Макао и Тайванем); использование принципов справедливости и общественного блага при признании договоров, включая преддоговорные обязательства; учёт региональных особенностей и наличия собственных коллизионных норм в отдельных административных районах; активное применение норм международного права и обычаев в отсутствии непосредственного регулирования национальными нормами [2].

В семье общего права разрешение коллизий путем преодоления часто осуществляется через судебный прецедент. Судебные решения в рамках доктрины stare decisis становятся обязательными для последующих случаев, что позволяет сглаживать противоречия между различными правовыми нормами и вырабатывать единую линию правоприменения. Такой подход предусматривает активное участие судов в интерпретации и согласовании норм.

В международном праве коллизии между нормами различных национальных правовых систем разрешаются с помощью коллизионного права: установление правил, определяющих, законодательство какой страны следует применять к конкретному правовому вопросу. Существует два основных направления: национально-правовые коллизионные нормы, формируемые каждым государством самостоятельно, и международно-правовые нормы, вырабатываемые в рамках международных договоров и конвенций. Унификация и гармонизация права – важные процессы, направленные на уменьшение коллизий на международном уровне.

Кроме того, в ряде правовых систем применяются такие способы разрешения коллизий, как юридическое толкование, прием новых нормативных актов, отмена или изменение старых, систематизация законодательства, а также использование согласительных комиссий и конституционного судопроизводства. Такие комплексные механизмы позволяют не только устранять текущие коллизии, но и предупреждать их возникновение.

Таким образом, сравнительный анализ показывает, что разрешение юридических коллизий в разных правовых семьях строится на сочетании универсальных принципов (иерархия норм, специальность, время принятия) и уникальных механизмов, присущих каждой правовой системе – будь то судебная практика в англосаксонском праве или коллизионное право в международном праве. Эффективное разрешение коллизий требует интеграции традиционных методов с инновационными подходами и учётом специфики национального и международного права.

СЕКЦИЯ II.
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1

КОНСТИТУЦИЯ США 1787 Г.: ОПЫТ, ПРОВЕРЕННЫЙ ВРЕМЕНЕМ

Д. Д. Азизов

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: стар. препод. И. В. Гринев

В работе представлены факты об истории создания Конституции США, о механизме её функционирования и о значении документа для американской и мировой системы права, внутренних систем права различных государств.

Ключевые слова: Конституция США; опыт; принципы; преимущества; описание; процедуры; стабильность; влияние.

17 сентября Республика Беларусь праздновала День народного единства, возрождённый указом Президента №206 от 7 июня 2021 г. В тот же день в Соединённых Штатах Америки отмечается День Конституции и Гражданства. В этот день, в 1787 году В США Филадельфийский Конвент принял Конституцию, действующую и по сей день. Вступила в силу американская Конституция 4 марта 1789 года после ратификации документа большинством штатов.

Принцип разделения властей, который авторы Конституции позаимствовали у Ш.Л. Монтескьё, обеспечивает её устойчивость. На практике это гарантирует равновесие политической системы [1, с. 26]. Установленное в статье VI Конституции превосходство федерального законодательства над законодательством отдельных штатов позволяет Верховному Суду США, обеспечивая стабильность, придать дополнительную легитимность своим решениям.

Важен порядок изменения Конституции, не позволяющий её оперативно корректировать. Он определяет основную причину, почему Конституцию США называют стабильной и объясняет её высокую устойчивость.

Имеется множество предложений по изменению избирательной системы, но процедура, заложенная в Конституции, не позволяет быстро внести в неё изменения. Обычно сторонники партии, проигравшей на выборах, пытаются скорректировать избирательный процесс и изменить принцип избрания президента, где победитель «получает всё». То есть, для победы на выборах президента Соединённых Штатов ему достаточно заручиться большинством в коллегии выборщиков независимо от количества избирателей, которых они представляют. Часто при избрании Президента США оказывается, что за победителя проголосовало избирателей меньше, чем за кандидата проигравшей стороны. Как только партия, победившая на выборах оказывается проигравшей, в следующем электоральном цикле ситуация меняется, и уже эта партия ходатайствует об изменении порядка избрания президента.

Уникальности Конституции США добавляет Билль о правах. Часть принципов стали стандартом для Конституций большей части государств, а также Билль о правах использовался при разработке Всеобщей Декларации прав человека 1948

г. В связи с чем мы в праве утверждать, что Конституция США существенно оказала влияние на внутреннее законодательство других государств.

Преимуществом американской Конституции является то, что в документе не закреплены прецеденты как источник права, при этом в III статье утверждается приоритет решений Верховного Суда перед решениями нижестоящих судов, что означает возможность создания Верховным Судом новых правовых норм. В статье III также описаны принципы судоустройства и судопроизводства, что делает судебную систему США стабильной и занимающей 30-е места в мировом рейтинге верховенства права [2].

Пожизненное занятие должности судьями в США и их высокое денежное довольствие способствует их независимости, объективности и беспристрастности при вынесении судебных решений. Презумпция невиновности завершает гарантии гражданам США в защите от судебных ошибок.

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. учитывался опыт функционирования Конституции Российской Федерации 1993 г., разработчики которой взяли за основу правовую модель США и привнесли в неё лучшие практики из Конституции США, основанные на длительном опыте правоприменения. При внесении изменений в Конституцию РБ в 1996, 2004 и 2022 г. неизменно сохранялись принципы презумпции невиновности, независимости судей, положения, гарантирующие права и свободы человека, законность, беспристрастность и объективность при вынесении судебных решений [3, с. 96].

Библиографический список

1. Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 18 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – 348 с.

2. WJP Rule of Law Index : [website]. – [Washington D.C.], 2008–2025. – URL: https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global (date of access: 26.09.2025).

3. Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск . — Минск, 2013.

УДК 340.1

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

К.А. Будовей

студент юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В работе анализируются причины формирования органов прокуратуры при Петре I в 1722 г., история создания, а также основные изменения в их структуре и полномочиях вплоть до 1802 г.

Ключевые слова: прокуратура; Российская империя; Петр I; генерал-прокурор; надзорная функция; судебная реформа; государственное управление; законность.

Создание российской прокуратуры при Петре I стало важнейшим шагом в формировании системы государственного контроля за законностью, что придаёт

рассматриваемой теме особую актуальность и в современных условиях, когда вопросы обеспечения законности и борьбы с коррупцией сохраняют свою значимость. До этого в XVII–XVIII веках надзор за деятельностью государственной власти осуществляли Тайный приказ, фискалы и офицеры гвардии при Сенате. Однако масштабные преобразования, связанные с Северной войной — рост налогов, рекрутский набор и строительные повинности — привели в том числе к росту взяточничества, казнокрадства и иных должностных преступлений, что побудило императора искать новые формы контроля.

Первым экспериментом стал институт фискалитета: указом от 2 марта 1711 года Петр I учредил фискалов, вдохновившись примерами германских княжеств [1, с. 14]. В 1713 году появился генерал-фискал, а в 1714 году был издан указ «О должности фискалов», регламентировавший их полномочия. Фискалы должны были выявлять преступления против государственной власти и правосудия, но отсутствие жалованья и зависимость от «собственных кормовых» сделали их самих источником коррупции. Не добившись эффективности, царь перешёл к созданию прокуратуры.

В 1722 году прокуратура приобрела статус самостоятельного надзорного органа. Первым этапом стали именные указы: от 12 января — о введении должностей генерал-прокурора при Сенате и прокуроров в коллегиях и надворных судах; от 18 января — о назначении генерал- прокурора П. И. Ягужинского и прокуроров в надворные суды; от 17 апреля — о назначении прокуроров в семь коллегий и в Главный магистрат; указ от 27 апреля «О должности генерал-прокурора», утвердивший его полномочия вплоть до реформы 1802 года.

Генерал-прокурор стал «оком» императора в Сенате, получив право объявлять монаршие указы, присутствовать на заседаниях, передавать доклады и следить за исполнением законодательных актов [1, с. 10–16]. Основными инструментами надзора стали «наблюдение» за делопроизводством, «предложения с напоминаниями» и «протесты». Вскоре при прокуратуре появилась следственная канцелярия, которая в марте 1722 года выявила масштабные преступления фискалов, что подтвердило необходимость нового института.

К 1723 году в структуре прокуратуры насчитывалось около 20 прокуроров с небольшими канцеляриям, состоявших из секретарей и писарей. Прокуроры были назначены при Сенате, а также при коллегиях: Воинской, Камер-коллегии, Юстиц-коллегии и др. Кроме того, прокуроры появились при Надворных судах, а также при Главном магистрате. Часть центральных учреждений, например, Коллегия иностранных дел, остались без надзора, а Сенатская и Синодальная прокуратуры функционировали автономно, отражая равноправие светских и духовных властей [1, с. 25–3].

После смерти Петра I значение прокуратуры в эпоху дворцовых переворотов несколько снизилось, но Екатерина II губернской реформой 1775 года расширила систему: появились прокуроры в губерниях и уездах [1, с. 30-32]. В 1802 году Александр I объединил должности генерал- прокурора и министра юстиции, окончательно укрепив прокуратуру как ключевой элемент государственного управления.

Таким образом, учреждение прокуратуры Петра I стало ответом на вызовы, созданные усилением государственного аппарата, обеспечило централизованный контроль за исполнением законов, борьбу с коррупцией и заложило основу для дальнейшего развития надзорных функций в Российской Империи.

Библиографический список

1. Ерёмин, А. В. История отечественной прокуратуры : учебное пособие / А. В. Ерёмин. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт, 2018. — 136 с.
2. История становления российской прокуратуры : [сайт]. — URL: https://clk.li/sGEC (дата обращения: 07.10.2025).
3. Становление прокуратуры в Российской империи: полномочия прокурора : [сайт]. — URL: https://clck.ru/3Pe3ox (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 340.1

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. А. Володкевич

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В настоящей статье рассматривается развитие системы уголовных наказаний в Российской империи от XVIII до начала XX века. Выявлены этапы гуманизации законодательства, влияние реформ и правовых идей Европы. Материал важен для понимания исторических основ современной уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное право; наказания; реформы; Российская империя; кодификация, телесные наказания, смертная казнь.

Система уголовных наказаний в Российской империи особенно интересна с точки зрения того, как в рамках сохранявшейся репрессивной функции государства проявлялись тенденции к гуманизации наказаний.

Реформы Петра I стали поворотным моментом в развитии уголовного права России. Он стремился европеизировать правовую систему, сделав её более рациональной и централизованной. Артикул воинский 1715 года ввел четкую кодифицированную систему наказаний, жестокие меры применялись в рамках уже упорядоченной, кодифицированной правовой системы. По мнению А. Г. Боярского, Пётр I «создавал уголовное право как дисциплинирующий механизм для армии и бюрократии» [2 – с. 12].

Смертная казнь активно применялась как мера устрашения, особенно за государственные преступления, измену, бунт и дезертирство.

Вместе с тем, наблюдалось расширение практики альтернативных наказаний: активно использовались ссылка в отдалённые районы империи и каторжные работы. Также применялись телесные наказания — битьё кнутом, батогами, клеймение, урезание ушей или носа.

Наиболее значительные преобразования произошли в XIX веке, особенно в правление императора Николая I. Под руководством М. М. Сперанского был разработан и в 1835 году введён в действие Свод законов Российской империи, включающий Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Этот документ стал первой системной кодификацией уголовного законодательства в России, зафиксировав принципы классификации преступлений и наказаний.

Уложение 1845 года стало частью Свода, но в то же время представляло собой самостоятельную, более развернутую и специализированную кодификацию уголовного законодательства, подробно регламентировавшую составы преступлений и меры наказания. В нём классифицировались преступления, подробно определялись виды наказаний, условия их применения и процедура следствия.

Наказания делились на уголовные и исправительные. К уголовным относились смертная казнь, каторга, ссылка, телесные наказания и лишение всех прав состояния. К исправительным — арест, тюремное заключение, денежные штрафы и исправительные работы.

Важно отметить, что в течение XIX века происходила постепенная гуманизация уголовного законодательства. Например, в 1863 году смертная казнь была фактически отменена (хотя сохранялась за государственные преступления), а телесные наказания начали ограничиваться. Судебная реформа 1864 года укрепила систему судопроизводства, обеспечив большую прозрачность и доступ к защите.

В 1903 году было принято Уголовное уложение, которое предусматривало более чёткую дифференциацию преступлений и усиливало идею исправления, а не только наказания. В нём почти полностью исключались телесные наказания, ограничивалась каторга, расширялись возможности условного осуждения. Также в Уложении вводились новые меры наказания, такие как тюремное заключение с различными режимами содержания.

Система уголовных наказаний в Российской империи развивалась от жестокой формы к более систематизированной и, в определённой мере, гуманизированной модели. На протяжении XVIII–начала XX веков происходило постепенное внедрение принципов законности, однако сохранявшаяся репрессивная функция государства, особенно в политической сфере, препятствовала полной либерализации уголовного права до самого краха империи в 1917 году.

Библиографический список

1. Беневоленский В. С. История уголовного права России. – СПб.: Юридический центр, 2003. – 312 с.

2. Боярский А. Г. Реформы Петра I и их правовое значение // История государства и права. – 1997. – № 2. – С. 10–15.

УДК 340

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ИНДЕЙЦЕВ 1830 Г. В США

Д. В. Волин

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В статье описаны предпосылки принятия Закона о переселении индейцев 1830 г. в США и механизмы его реализации, раскрывается противоречие между декларируемой «добровольностью» и практикой насильственной депортации, а также противоречие между юридической формой и политической практикой.

Ключевые слова: Закон о переселении индейцев 1830 г.; Эндрю Джексон; доктрина открытия; Дорога слёз; правовой суверенитет; Верховный суд США.

Идея организованного переселения коренного населения к западу от Миссисипи не была новой; ее высказывал еще Томас Джефферсон после Луизианской покупки 1803 г. Однако же активные действия начались только в 1929 г., когда пришедшая к власти администрация президента Эндрю Джексона сделала индейский вопрос приоритетом своей политики. В своем первом ежегодном послании Конгрессу Джексон заявил о необходимости «справедливого и либерального» обмена землями, представив переселение как гуманную альтернативу неизбежному исчезновению индейцев в условиях экспансии белой цивилизации [1, с. 112]. Данная риторика, однако, маскировала истинную цель – освобождение плодородных земель Юга для рабовладельческого плантационного хозяйства.

Правовой основой Закона о переселении индейцев 30 мая 1830 г. (далее – Закон) послужила сформированная Верховным судом США доктрина открытия, согласно которой индейские племена обладали правом владения, но не «полного титула» на свои земли [2, с. 45]. Текст самого Закона de jure носил компромиссный характер. Он предусматривал добровольный «обмен землями»; правительство обязывалось закрепить новые территории на Западе за переселенцами и их потомками в обмен на восточные владения. Статьи закона гарантировали финансовую компенсацию за оставляемые улучшения, помощь в транспортировке и обустройстве, а также военную защиту на новых местах. Таким образом, формально-юридический механизм был выстроен вокруг концепции добровольной сделки.

Как итог, несмотря на долгие парламентские дебаты, 28 мая 1830 г. Палата представителей хоть и с минимальным (101 голос против 97), но перевесом утвердила законопроект, после чего он был подписан президентом Джексоном.

Реализация Закона на практике продемонстрировала, что декларируемая «добровольность» была юридической фикцией. Механизм давления включал как прямые действия федеральных властей, так и политику штатов, направленную на целенаправленное создание невыносимых условий жизни для коренного населения. Подписание таких договоров, как Договор в Нью-Эхота (1835 г.) с чероки,

небольшими группами, не представлявшими все племя, позволило властям легитимизировать последующее насильственное выселение под предлогом «исполнения договорных обязательств» [3, с. 88].

Последствия принятия Закона оказались катастрофическими. Насильственная депортация Пяти цивилизованных племен, в особенности чероки в 1838–1839 гг., известная как «Дорога слёз», привела к гибели десятков тысяч человек. Правовой прецедент, созданный Законом, заложил основу для дальнейшей политики насильственной ассимиляции и изоляции коренных народов в резервациях во второй половине XIX века.

С правовой точки зрения, Закон представляет собой пример того, как формально корректные юридические конструкции могут быть использованы для легитимации политики, по своей сути являющейся антиконституционной и нарушающей фундаментальные права. Он не только игнорировал положения многочисленных договоров, но и прямо противоречил решению Верховного суда по делу «Вустер против Джорджии» (1832 г.), в котором суд признал исключительную юрисдикцию федерального правительства в отношениях с индейскими племенами. Таким образом, реализация Закона продемонстрировала кризис системы сдержек и противовесов, когда исполнительная власть в лице президента Джексона отказалась обеспечивать исполнение решения суда. Данный прецедент имел долгосрочные последствия, закрепив в американской правовой и политической практике принцип, согласно которому экономическая и территориальная экспансия может оправдывать нарушение собственных правовых норм и договорных обязательств государства.

Библиографический список:

1. Травкина, Н. М. Американский фронт: экспансия и демократия. / Н. М. Травкина. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. – 254 с.

2. Стукалин, Ю. В. Индейские войны США. От колоний до «золотого века». / Ю. В. Стукалин. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 320 с.

3. Иванов, Р. Н. Эндрю Джексон: Политическая биография. / Р. Н. Иванов. – Москва: Международные отношения, 2003. – 412 с.

УДК 340.1

ДВИЖЕНИЕ ОТ АНГЛИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА К СТАНОВЛЕНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Г. А. Гладкий

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: стар. препод. И. В. Гринев

Статья направлена на анализ становления гражданского общества Беларуси и всего мира в целом через призму влияния английского абсолютизма в сравнении с французским классическим абсолютизмом.

Ключевые слова: Высокая комиссия; “прокламация”; Парламент; Тайный совет; “Славная революция”; “Билль о правах”; французская Декларация прав человека и гражданина; гражданское общество.

Началом английского абсолютизма принято считать приход к власти династии Тюдоров по результатам войны Алой и Белой розы в 1485 г. [1, с. 147] Первый из династии Тюдоров – Генрих VII возродил аристократическое сословие, сильно поредевшее в результате кровного противостояния, позволившее укрепить завоеванную им власть, начав движение к классическому абсолютизму. Его наследие продолжил его сын король Генрих VIII.

Создав высший церковный суд, получивший название Высокая комиссия, Генрих VIII обеспечил полный контроль над английским духовенством, укрепив свою власть среди дворянства, снизив вероятность заговоров.

В 1539 г. Парламент Англии принял закон, дающий право королю Генриху VIII издавать “прокламации”, имеющие силу закона и не требующие одобрения Парламента [1, с. 148]. Таким образом в руках короля сконцентрировалась законодательная, исполнительная и судебная власть.

Образование Тайного совета стало следующим шагом к укреплению королевской власти. Члены этого органа были независимы от Парламента, осуществляли исполнительную власть от лица короля [1, с. 149].

В 1688 г. попытки усиления авторитаризма Яковом (Джеймсом) II Стюартом привели к волнению среди народа, к которому примкнул нидерландский принц Вильгельм III Оранжский, возглавивший “Славную революцию” [2, с. 2]. После революции Парламент принял новый конституционный акт под названием “Билль о правах” 1689 г., сделавший его высшим законодательным органом, сосредоточив законодательную и налоговую функции в свои руках Парламента. [2, с. 20] Власть монархов стала ограниченной в рамках закона, продолжив развитие системы управления, выделявшей интересы различных слоев общества и предваривших принципы формирующегося гражданского общества.

Усиление влияния Парламента привело к переходу Англии на конституционную монархию. Законодательная и налоговая функции сосредоточились в руках Парламента. В результате появилась развитая система управления, которая выделяла интересы различных слоев общества. Власть монархов стала ограниченной в рамках закона. Результаты классического абсолютизма можно рассмотреть и на примере Франции, где было укрепление армии и государственного аппарата, но в то же время это повлекло к экономическим и социальным потрясениям, которые привели к Французской революции (1789-1794 гг.).

Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., принятая Национальным собранием Франции, положила начало развития гражданского общества; провозгласила справедливость, свободу, равенство, безопасность, братство, равноправие всех граждан; стала основой для разработки будущих конституций европейских стран [3, с. 2].

Понятие «гражданское общество» впервые ввел Томас Гоббс в XVII веке. Он его отождествлял с государством, которое является следствием договора и подчинено власти естественных законов, естественного права - стремления к миру, обя-

занности подчиняться государственной власти, исходить из начал справедливости: не делай другому того, чего бы ты не желал, чтобы было сделано по отношению к тебе [3, с. 2].

Развивая указанные принципы в Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. был принят закон об основах гражданского общества, в котором в качестве основных задач устанавливается: достижения приоритета национальных интересов. Повышение вовлеченности гражданского общества в управлении делами государства, достижение общественного консенсуса, в целях обеспечения суверенитета, государственной целостности, народного единства [5, с. 2].

В соответствии с вышеназванным законом взаимодействие государственных органов (организаций) и субъектов гражданского общества осуществляется в формах: участия в работе коллегиальных образований государственных органов, заседаниях местных распорядительных органов; участие в формировании государственной политики; внесение предложений о совершенствовании законодательства; осуществление общественного контроля [5, с. 2].

Указом Президента Республики Беларусь от 7 июня 2021 г. № 206 был учрежден 17 сентября возрожденный государственный праздник – День народного единства, как ответ на запрос населения. В объединяющем символе, который бы выступил началом нового периода нашей суверенной истории [6, с. 1].

Библиографический список

1. История государства и права зарубежных стран: учеб. для учреждений высшего образования / А. В. Вениосов, В. А. Данилов, Е. И. Орловская [и др.]; под ред. А. В. Вениосова и В. В. Сажиновой. – Минск: Акад. МВД, 2013. – 639 с.

2. Томсинов, В. А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2015. — 256 с.

3. Дробязко, С.Г. Генезис гражданского общества и основные этапы его развития / С.Г. Дробязко // Экономика. Управление. Право. – № 1. – 2002. – С. 21–23.

4. Руссо Ж. Ж. О причинах неравенства. - СПб., 1907.

5. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт] – Минск, 2003-2025. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300250 (дата обращения: 26.09.2025)

6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт] – Минск, 2003-2025. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32100206 (дата обращения: 26.09.2025).

УДК 340.1

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ БЕЛАРУСИ В XVI –XIX СТОЛЕТИЯ

Е. С. Дыба

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. Л. Голубева

Становление и развитие судебной системы Беларуси в XVI –XIX стст. являются важными этапами для современной судебной системы. В ходе этих реформ были сформированы основные принципы правосудия. Также сформирован институт адвокатуры и появилось понятие «юрист».

Ключевые слова: Судебная система; судебная реформа 1564 г.; судебная реформа 1864 г.

Довольно долгий период в Великом княжестве Литовском, как и в древнебелорусских государствах, судебные функции выполнялись служебными лицами, а именно центральной администрацией совместно с князем. Даже позже, с XV века и почти до начала XVI века, система судебных учреждений оставалась неопределённой, довольно сложной и разнородной [1].

Но процесс изменения пошёл значительно быстрее в XVI веке в связи с развитием процессов централизации в государстве и образованием новых административно-территориальных единиц, как воеводства и поветы. Благодаря судебной реформе 1564 г. были созданы такие суды как земские суды; Главный суд (трибунал); «Скарбавы трибунал»; подкаморский суд; Войтовско-Лавничий суд; Бурмистровский суд; каптуровый суд. Введение земских судов стало возможным благодаря предшествующему созданию письменного законодательства, что обусловило возникновение новой профессии — юриста.

Ф. Скорина, А. Волан, А. Волович призвали организовать деятельность судебной системы на новых прогрессивных и высокоморальных принципах, при условии сохранения законодательства как объективно необходимой черты [1].

Судебная реформа XVI века значительно усовершенствовала судебную систему государства. Законодательное закрепление новых важных правовых принципов и положений свидетельствовало о стремлении законодателя к их практической реализации. В ходе реформы прогрессивные принципы судоустройства и судопроизводства были теоретически определены, развиты и отражены в законодательстве, что способствовало повышению правосознания и правовой культуры общества. Так были созданы предпосылки для дальнейшего поступательного развития государственности.

Долгое время судебная система была фактически неизменна. В XVIII веке Беларусь находилась в составе Речи Посполитой. Позже белорусские территории вошли в состав Российской империи, где процессы формирования централизованных государственных институтов были в самом разгаре. Фокус был на других аспектах управления, чем на радикальные изменения системы правосудия.

После отмены крепостного права появились новые слои общества, которым была необходима защита их прав. Помимо этого, до этих событий, судебная система была не особо доступна для простого народа.

К причинам судебной реформы 1864 года так же можно отнести перегруженность органов правосудия. Это приводило к затягиванию сроков расследования и рассмотрения дел. Так же отсутствовала независимость судей, так как они находились в зависимости от исполнительной и законодательной власти, что препятствовало объективному правосудию.

Реформа 1864 г. основывалась на таких принципах, как независимость суда и отделение от администрации, всесословности и равенства, состязательности, устности и непосредственности. Появился мировой суд, который основывался на принципе всесословности. Помимо этого были введены окружные суды, судебные палаты и суды присяжных.

В ходе данной реформы закрепились институты адвокатуры, прокурорского надзора и судебных следователей.

Таким образом, судебная реформа 1564 и 1864 гг. существенным образом повлияли на судебную систему Беларуси.

Библиографический список

1. Довнар, Ю. П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім / Ю. П. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2007. – 175 с.

2. История государственных реформ в Беларуси: предпосылки, сущность, результаты : материалы международного круглого стола, 27 октября 2023 г., г. Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. теории и истории государства и права ; [редкол.: Л. Л. Голубева (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 250 с.

3. Материалы по судебной реформе в России 1864 года. [Т. 1]. Проект нового устава судопроизводства гражданского – Санкт-Петербург, 1857-1866. – 748 с.

4. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1960. – 253 с.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. – Мінск: Бел. сав. энцыкл. імя П.Броўкі, 1989. – 570 с.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / [Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. – Мінск: Тэсей, 2003. – 250 с.

7. Титов, А.А. Реформы Александра II и их судьба. – Москва, 1910. – 126 с.

8. Юхо, І. А. Гістарыяграфія гісторыі дзяржавы і права Беларусі / І. А. Юхо. Сер. «Гісторыя Бацькаўшчыны», дадатак да часоп. «Права і эканоміка». – Мінск, 1999. – 104 с.

9. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучоб. дапам.: у 2 ч. / Я. А. Юхо. – Мінск: Ізд.: РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.

УДК 340.1

ТЕЛЕСНЫЕ НАКАЗАНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

К. С. Ермолович

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В данной научной работе представлен комплексный анализ феномена телесных наказаний в странах Большого Ближнего Востока. Анализируются ключевые правовые категории преступлений, предусматривающие телесные наказания, и их применение в законодательстве.

Ключевые слова: Коран; Кисас; наказание; Сунна; Тазир; телесные наказания; Худуд; шариат.

Телесное наказание является одной из наиболее древних мер, применяемых в отношении человека за неповиновение, неугодное и морально неправильное поведение, а также за преступления. Они применялись в древние времена и по прошествию многих лет оставались актуальны для общества. С возникновением ислама в VII веке и формированием исламского права (шариата) система наказаний была кодифицирована и теологически обоснована. Шариат не создавал телесные наказания, он лишь интегрировал и регламентировал уже существовавшие практики, которым придавался сакральный смысл. Мусульманские правоведы придерживаются мнения, что право имеет божественное происхождение и им необходимо руководствоваться, а не создавать новое, в разрыве с религией. Была создана стройная трехуровневая система [1, с.93].

Начинается всё со строго определённых наказаний за преступления – Худуд (Hudud). Наказания категории «Хадд» или «Худуд», точно определенные Кораном и Сунной, применяемые за совершение преступлений, посягающих на права и волю Аллаха, следовательно, представляющие наибольшую общественную опасность. Разберем на примерах. Кораном определено наказание за совершение кражи: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» [2, сура 5, аят 38]. Отсечение правой руки и левой ноги назначалось за разбой, если лицо завладело имуществом потерпевшего, но не убило его. Прелюбодеяние и блуд являются одними из самых серьезных преступлений. Наказание зависит от семейного положения виновного. Если он состоит в браке, то наказанием является забивание камнями до смерти, в случае, когда он не состоит в брачных отношениях наказание – 100 ударов плетью. Также есть понятие как ложное обвинение в прелюбодеянии и карается оно 80 ударами плетью. Употребление алкоголя каралось 40 ударами пальмового листа или сандалии, впоследствии ужесточили наказание до 80 ударов.

Второй категорией преступлений является Кисас (Qisas). Представляет собой наказания, имеющие меньшую опасность в сравнении с хадудом. Иными словами – это «равное возмездие» за преступления против жизни и здоровья. За одну жизнь в Коране предусматривается не более одной жизни. Также в нём сказано, что «мы предписали им в нем: душа - за душу, око - за око, нос - за нос, ухо - за ухо, зуб - за зуб, а за раны – возмездие».

И последний термин – Тазир (Ta'zir). Порка применялась именно в рамках Тазир для поддержания общественной морали и порядка. Количество ударов не предусмотрено в Коране и Сунне и вследствие этого определяется судьёй, однако не должно превышать количество за Хадд. К нему относятся, например, базарная кража, мелкое мошенничество, отказ от совершения намаза и так далее.

В XX-XXI веках многие страны Ближнего Востока кодифицировали свои правовые системы по западному образцу. Однако в ряде государств нормы шариата продолжают оставаться источником уголовного права, что закрепляет легитимность телесных наказаний. Эта практика вступает в прямое противоречие с международными договорами. Телесные наказания в странах Большого Ближнего Востока представляют собой сложный феномен, имеющий глубокие исторические, культурные и религиозно-правовые основания. Зародившись в древнейших правовых кодексах человечества, эти практики были детально регламентированы

в классическом исламском праве, став неотъемлемой частью его системы правосудия, что противоречит универсальным стандартам прав человека.

Библиографический список

1. Раджабова, Э.Ш. Классификация наказаний по мусульманскому уголовному праву / Э. Ш. Раджабова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 13. – С. 93–97.

2. Священный Коран : [сайт]. – М., 2025. – URL: https://quran- online.ru (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 340.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. Д. Зайко

студент Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. Н. Шабуневич

В статье рассматриваются основные этапы становления государственности на территории белорусских земель, отмечаются особенности и закономерности отдельных периодов в развитии белорусской государственности.

Ключевые слова: белорусские земли; государственность; самосознание; национальное государство; белорусская нация; белорусский народ.

Историческое развитие белорусской государственности - результат сложного процесса, включающего взаимодействие различных факторов и влияний, присущих каждому периоду в её становлении. А.Г. Лукашенко подчеркивает: «История белорусской государственности всегда была непростой» [1]. Лидер Беларуси точно подметил сложный процесс формирования нашей государственности. Рассмотрим основные этапы этого процесса.

Государственность – это внутренняя способность этнонационального сообщества, обеспечивающая право и возможность длительного самостоятельного исторического существования [2, с. 8]. Процесс формирования белорусской государственности начался с возникновения первых государств-княжеств: Полоцкого и Турово- Пинского. Эти протогосударства изначально развивались как политико-административные центры со своим государственным устройством, системой управления социальным строем и системой права.

В XIII веке белорусские земели вошли в состав Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), которое, по мнению М. В. Довнара-Запольского, являлось федерацией. «Белорусские земли в составе ВКЛ были преобразованы в отдельные воеводства, поветы и волости, получили гарантии в сохранении прав и собственной политической структуры» [4, с. 13].

В результате заключения Люблинской унии была создана Речь Посполитая. При этом белорусские земли в составе ВКЛ сохранили свою государственно-правовую особенность. Статут ВКЛ 1588 года подтверждает, что княжество представляло собой обособленную часть федерации со своим административно-территориальным аппаратом, судебной системой, законодательством, территорией и др.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи повлекло социально-экономические, политические и культурные последствия для развития нации белорусов. На территории белорусских земель был проведён ряд реформ, направленных на интеграцию территорий в состав Российской империи, унификацию административно-правовой сферы, что привело к формированию нового социума и постепенной трансформации его менталитета и идентичности, что в дальнейшем повлияло на формирование белорусской нации.

Провозглашение Социалистической Советской Республики Беларусь стало началом выполнения государственно-политической и культурной роли объединения белорусской нации. «Впервые в истории Беларуси был создан реально действовавший национальный аппарат государственной власти, национальная система здравоохранения, просвещения, образования, массовая национальная пресса и др.» [5].

После распада СССР возникла необходимость в формировании суверенного белорусского государства. Правозглашённая в 1991 году Республика Беларусь стала правоприемницей Белорусской Советской Социалистической Республики. Перед ней стали задачи связанные с демократизацией общественно-политических институтов, укреплением международного сотрудничества и д.р. Подтверждением суверенитета Беларуси стала Декларация Верховного Совета Республики Беларусь «О государственном суверенитете Республики Беларусь».

Таким образом, формирование белорусской государственности – это процесс накопления и преобразования государственного опыта на основе исторического наследия, понимания значения национального самосознания и активного использования исторических институтов, ставших ключом к укреплению белорусской государственности.

Библиографический список

1. Торжественное собрание, посвященное Дню Независимости Беларуси // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/events/torzhestvennoe-sobranie-po-sluchaju-dnja-nezavisimosti-belarusi-16580 (дата обращения: 04.10.2025).

2. История белорусских земель и белорусского государства : учебное пособие / под ред. В.В. Даниловича, О.В. Солоповой. – СПб. : Алетейя, 2023. – 102 с.

3. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 2005. – 680 с.

4. Советская основа реальной белорусской государственности // Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. – URL: https://постком сг.рф/news/politika/198108 (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 430.1

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПО УЛОЖЕНИЮ НАКАЗАНИЙ УГОЛОВНЫХ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ 1845 ГОДА

Ю. М. Зубеня

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. И. Орловская

Статья посвящена анализу системы наказаний, закрепленной в Уложении 1845 года. Рассмотрены принципы классификации наказаний (общие, особенные, исключительные) и концепция "лестницы наказаний". Особое внимание уделено видам уголовных и исправительных мер. Показано, что, несмотря на теоретическую логичность, система на практике оказалась сложной в применении.

Ключевые слова: уложение наказаний уголовных и исправительных1845г.; лестница наказаний; общие наказания; уголовные и исправительные наказания.

Существуют разные, но взаимосвязанные способы структурирования и анализа сложной системы наказаний, предусмотренной Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Один из таких способов – это подразделение всех мер ответственности на общие (назначались за любые преступления), особенные (за преступления и проступки по службе), исключительные (за четко указанные в законе). Общие наказания делились на главные, дополнительные, заменяющие. Главные разделялись на два разряда – уголовные (наиболее строгие) и исправительные.

Так, к уголовным наказаниям относились: смертная казнь, как самая тяжёлая мера наказания, а также лишение прав состояния, ссылка на каторжные работы, ссылка в Сибирь и на Кавказ. Лишение прав состояния для виновного означало его гражданскую смерть: прекращались права собственности, супружеские (за исключением ситуаций, если супруг или супруга осужденного добровольно направились к месту исполнения наказания) и родительские права. Такие наказания назначались лицам, совершившим деяния против государства, религии, порядка государственного управления [1, с.151].

К исправительным наказаниям относилось лишение (полное или частичное) всех особенных прав и преимуществ: лишение почетных титулов, чинов, ограничения в служебной и общественной правоспособности. При этом лишенные особенных прав сохраняли права семейные, родительские, имущественные. К исправительным наказаниям также относились ссылка в Сибирь или отдаленные губернии (Иркутская или Енисейская на срок от 2 до 4 лет; Томскую и Тобольскую на срок от 1 года до 3 лет), кроме Сибири (самая тяжкая мера наказания), временное заключение в тюрьму, в крепость, арест, выговоры в присутствии суда, денежные взыскания.

Дополнительные виды, назначаемые совместно с уголовными и исправительными мерами, заключались в церковном покаянии, конфискации имущества, высылке за границу, запрещении жительства в столицах и иных местах, запрещении производства ремесла. Заменяющие наказания применялись вместо главных. Так,

для лиц старше 70 лет каторга заменялась ссылкой в Сибирь, для дворян временный арест в тюрьме мог быть заменен домашним арестом [1, с.152].

Особенная часть Уложения содержала исключительные наказания: заключение в уединенном месте; лишение всех прав состояния и вечное изгнание; признание безвестно отсутствующим с опекой над имуществом; лишение христианского погребения; лишение права наследования; телесные наказания [2, с.153].

Также, помимо вышеуказанного способа, Уложение 1845 года понимают через его главную идея – «лестница наказаний». Лестница наказания была составлена в традиционном порядке от наиболее сурового наказания к более мягкому и делились в зависимости от тяжести совершенного преступления или проступка и меры вины на разряды (уголовные и исправительные), роды (виды наказаний), степени. Каждое наказание могло включать несколько степеней тяжести в зависимости от самого преступления. Так, каторжные работы предусматривали семь степеней тяжести: без указания срока, со сроком от 4 до 20 лет, с установлением места каторги – Сибирь, Сахалин, на рудниках или заводах и т. п.

«Лестница наказаний», призванная обеспечить точность и логичность правоприменения, на практике не вполне оправдала ожидания. Несоответствие строгости наказаний, а также несмотря на сложную схему общих главных наказаний, она является не полной, так как в нее не вошло много наказаний за отдельные преступления [3].

Библиографический список

1. История государства и права России в период становления и развития абсолютизма (конец XVII-XIX) : учеб. пособие для бакалавров / Т. В. Хутько ; под общ. ред. Т. В. Хутько. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 240 с.

2. Уголовное право. Общая часть (курс лекций): учебное пособие / А. М. Васильев, Н. А. Васильева. – Армавир : Армавирская госуд. педагог. Академ, 2012. – 212 с. 3. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая / Н. С. Таганцев. – М. [и др.]: Москва, 1887. – 394 с.

УДК 340.1

КОНСТИТУЦИЯ ЯПОНИИ 1974 Г.: ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ

Е. С. Казак

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В данной работе даётся общая характеристика Конституции Японии 1974 г. Рассматриваются изменения законодательства после Второй мировой войны, анализируются последствия данных изменений и их влияние на государство и общество.

Ключевые слова: Япония; Вторая мировая война; Конституция 1947 года; изменения законодательства; правовая система; США; право Японии.

Поражение Японии во Второй мировой войне вынудило государство пересмотреть свои ценности и провести реформы в политической и правовой системах.

Ключевым результатом послевоенной перестройки стали изменения в Конституции, оказавшие значительное влияние на экономическое и социально-правовое развитие страны [1, с. 75].

По инициативе стран антигитлеровской коалиции начался так называемый «обратный курс», направленный на переустройство милитаристской Японии по демократическим принципам. Руководящую роль в нём играла американская администрация, диктовавшая основные положения нового политического и правового курса.

Главным результатом преобразований стала новая Конституция, промульгированная 3 ноября 1946 г. и вступившая в силу 3 мая 1947 г. Её структура основывалась на Конституции США. Новый Основной закон провозгласил принцип народного суверенитета, превратив императора в символ государства и единства народа. Парламент был признан высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом. Конституция закрепила демократические права и свободы личности, усилила роль судебной власти и ввела институт конституционного надзора, ранее неизвестный японскому праву [3].

Статья 9 Конституции, закрепляющая отказ Японии от войны и содержания вооружённых сил занимает особое место [3]. Эта норма уникальна в мировой конституционной практике, поскольку ни одно государство не включало аналогичное положение в свой основной закон.

В соответствии с принципами новой Конституции в 1948 году была принята новая редакция Уголовно-процессуального кодекса Японии, который предоставляет подданным полный спектр гарантий основных прав и свобод человека. Так, значительное внимание в нём уделено гарантиям прав обвиняемых в уголовном процессе: запрещаются наказания без надлежащей правовой процедуры (ст. 31), незаконные аресты (ст. 33) и обыски (ст. 35), применение пыток (ст. 36). Каждому обвиняемому гарантируется быстрое и беспристрастное судебное разбирательство и право на бесплатную юридическую помощь (ст. 37) [5]. Уголовный Кодекс Японии был так же приведён в соответствие с Конституцией. Из него исчезли положения о посягательстве на императора и членов его семьи [4].

После принятия новой Конституции были проведены изменения и в Гражданском кодексе [2]. В 1947 г. был отменён институт патриархальной семьи, а мужчины и женщины провозглашены равноправными в семейных и имущественных отношениях.

Тем не менее, влияние США не изменило принадлежность японской правовой системы к романо-германской семье. Основные отрасли права сохранили прежние романо-германские черты, а главным источником права остаётся кодифицированное законодательство, а не судебный прецедент, как в странах общего права. Это ограничивает сближение Японии с англо-саксонской правовой традицией.

Таким образом, послевоенные реформы создали основу современной японской правовой системы, сочетающей демократические принципы и национальные традиции. Конституция 1947 года стала фундаментом нового государственного строя, однако Япония сохранила кодифицированный характер своего права.

Библиографический список

1. Маклаков В. В. Конституции зарубежных государств : учебное пособие / В. В. Маклаков. — Москва : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2003. — 612 с.

2. Гражданский кодекс Японии : [сайт]. — URL: https://clck.ru/3Pe4gq (дата обращения: 07.10.2025).

3. Конституция Японии : [сайт]. — URL: https://clck.ru/3Pe4nh (дата обращения: 08.10.2025).

4. Уголовный кодекс Японии : [сайт]. — URL: https://clck.ru/3Pe4mo (дата обращения: 08.10.2025).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Японии : [сайт]. — URL: https://clck.ru/3Pe4oR (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 340.1

ОТ ХАММУРАПИ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЯ БОРЬБЫ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН

Д. А. Казаков

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: стар. препод. И.В. Гринев

Статья освещает основные этапы становления прав женщин от древности до наших дней, активистов и руководителей женского феминистического движения.

Ключевые слова: Права женщин, движение за феминизм, равноправие, гендерная политика, Комитет советских женщин.

Важное место в праве занимает вопрос о равенстве, правах и свободах, где проблема равноправия женщин в обществе является ее неотъемлемой частью. Феминизм, впервые появившись как концепция во времена Французской революции, еще ранее зародился в Древнем Востоке при царе Хаммурапи, создавшим один из первых источников, кодифицированных актов, по которому женщина имела обширные гендерные права: ей принадлежали права на приданное; на имущество мужа в порядке наследования, она могла заключать сделки, приобретать имущество, выступать в суде [1, с. 23-27]. Женщины наложницы из Вавилона имели некоторые права сходные с правами законных жен [1, с. 27].

Начало борьбы за гендерное равенство совпадает с началом Французской революции, в 1789 г. в Национальное собрание Франции от женщин-активисток была направлена петиция о равенстве полов. В феврале 1793 г. Полин Леон (представительница низших классов) и Клер Лакомб (актриса, революционная активистка) создали женское Общество революционных республиканок. Их требованиями были: контроль над ценами, меры по улучшению условий жизни работающих женщин, равные с мужчинами права на ношение оружия. В 1871 г. Натали Лемель, переплетчица-социалистка, и Елизавета Дмитриева, молодая русская эмигрантка и член русской секции Первого Интернационала, создали Союз женщин для защиты Парижа. Союз требовал равенства полов, заработной платы, права на

развод для женщин, права на светское и профессиональное образование, устранения различий между замужними женщинами и наложницами, между законными и непризнанными детьми.

Важную роль в борьбе за права сыграла представительница немецкого рабочего класса Клара Цеткин. Она превратила женское движение в одно из сильнейших в Европе. Ее подруга, Роза Люксембург, одна из основателей антивоенного Союза Спартака и Коммунистической партии Германии в 1908 г. вывела на демонстрацию немецких женщин- активисток. На Международной конференции 1910 г. К. Цеткин предложила отмечать Международный женский день ежегодно во всех странах [2]. Предтече объявления единого дня солидарности за права женщин было массовое шествие 15 тысяч работниц 28 февраля 1908 г. в Нью- Йорке. Они требовали улучшения условий труда, повышения зарплаты, сокращения рабочего дня и предоставления права голосовать. Через год в 1909 г. Социалистическая партия США объявила последнее воскресенье февраля национальным женским днем [2]. Продолжателями дела Клары Цеткин и Розы Люксенбург стали Александра Колонтай и Валентина Терешкова, первая из которых была инициатором создания женотдела ЦК РКП(б), а вторая возглавляла комитет советских женщин. Основными направлениями их деятельности были: оказание помощи организациям борющимся за права женщин, распространение советского опыта обеспечения прав на материнство, равноправие при исполнении трудовых функций, выборности, занятии государственных должностей. В Европе сегодня женщины некоторых стран (Швеция, Норвегия, Дания) получили права, превосходящие по своему объему права мужчин. Советский опыт получил свое развитие в Республике Беларусь, имеющей наиболее сбалансированное законодательство в отношении прав женщин и мужчин, регулируемое ст. 22, ст. 32 Конституции РБ, ст. 12, ст. 14, 262, 263 ТК РБ, национальным планом действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 г.г. [3].

Библиографический список

1. Сажина В. В., Тагунов Д.Е. История государства и права зарубежных стран / Мн.: Тетра-Системс, 2006 – 340 с., (дата обращения: 03.10.20254).

2. Цирульник Р. Я. Публицистическая деятельность Клары Цеткин в защиту советской России в 1917-1918 г.г. [Электронный ресурс] / Цирульник Р. Я.; Вопросы истории 1957 г. – Гомель, - URL: https://elib.gsu.by/bitstream, (дата обращения: 04.10.2025).

3. Скютте Д. Н. Конституционно-правовые основы обеспечения и реализации политических прав женщин в Республике Беларусь: теория и практика, автореферат [Электронный ресурс] / Скютте Д. Н. – Минск, – URL: https://vak.gov.by/sites/default/files/2020, (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 340.1

РИМСКОЕ ПРАВО - УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МИРОВОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Л. А. Карабан

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

В статье исследуется влияние римского права на современные правовые системы. Рассматриваются его ключевые принципы. На примерах различных стран показано, как эти идеи были восприняты и адаптированы.

Ключевые слова: Римское право, история права, обязательственное право, частное и публичное право, рецепция римского права, романо-германская правовая семья.

Римское право является выдающимся феноменом в истории юридической мысли. Вопреки тому, что нормы сформировались более двух тысяч лет назад, оно по сей день лежит в основе многих правовых систем [5, с. 41]. Ценность римского права заключается в разработке всеобщих принципов и инструментов регулирования. Именно в Древнем Риме право обрело форму полноценной научной дисциплины [3, с. 45].

Развитая торговля, накопленный веками опыт разрешения споров и научные труды юристов (Гай, Ульпиан и др.), стали главными причинами расцвета римского права [4, с. 87]. Это наследие дошло до нас в трех источниках: Законы XII таблиц, Институции Гая [1, с. 15] и Свод Юстиниана [2, с. 8].

Современное законодательство унаследовало от Рима не столько конкретные нормы, сколько технику и идеи, среди которых:

1) Обязательственное право — система обязательств из договоров и деликтов. Римляне разработали такие договоры, как купля- продажа, найм, заем, поручение и другие [3, с. 234-245].

2) Принцип разделения права на публичное и частное — основа современного правопорядка. Частное право регулирует отношения между равными по правам субъектами, защищая их интересы. Публичное же право регулирует отношения с участием государства [3, с. 56-58].

Наиболее заметно влияние римского права в странах романо- германской правовой семьи [5, с. 51]. Ярче всего оно прослеживается в Европе, которая стала главной преемницей этой традиции. Германия и Франция являются образцовыми примерами. Германское Гражданское уложение (BGB) и Французский Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) — это прямые потомки римского права, адаптировавшие его принципы для современной эпохи. Эти кодексы стали образцом для многих других государств. К этой же группе относятся Италия, Испания, Нидерланды, Швейцария и Россия, чьи правовые системы построены на кодифицированных законах, восходящих к римской традиции. Практически все страны Латинской Америки — такие как Бразилия, Мексика и Чили — унаследовали эту традицию от своих метрополий, Испании и Португалии. В Азии и Африке многие государства сознательно переняли романо-германскую модель. Например, Турция в

1920-х годах провела правовую реформу, взяв за основу кодексы Швейцарии [5, с. 121]. В Беларуси влияние распространяется в XVI-XVIII вв. через право Речи Посполитой, но системная рецепция произошла в XIX веке в составе Российской империи, когда римское право стало основой университетского образования. Благодаря эпохе колониализма влияние права вышло далеко за пределы Европы. Таким образом, от Гражданского кодекса Франции до законодательства Бразилии, римское право продолжает жить как универсальный язык юриспруденции, обеспечивая основу современных правовых отношений по всему миру.

Римское право оставило нам не просто сборник устаревших правил, а универсальный конструктор для создания законов [4, с. 5]. Его прочный фундамент — это, к примеру, базовые категории вроде "собственность", "договор", которые легли в основу современных правовых систем. Оно подарило юристам инструментарий — например, логику для толкования законов или способы разрешения споров, который используется в правотворчестве и судах по сей день. Поэтому изучение римского права — это не заучивание догм, а тренировка юридического мышления: оно учит будущих правоведов, как гибко применять общие принципы к конкретным ситуациям, будь то спор о наследстве или нюансы коммерческой сделки [3, с. 8-10].

Библиографический список

1. Институции Гая / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. — М.: Юристъ, 1997. — 368 с.

2. Дигесты Юстиниана: избранные фрагменты в переводе с латыни / [пер. с лат. И. С. Перетерского и др.]; отв. ред. Е. А. Скрипилев. — М.: Наука, 1984. — 455 с.

3. Омельченко, О. А. Римское право: учебник. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Эксмо, 2010. — 448 с.

4. Покровский, И. А. История римского права. — СПб.: Лань, 1999. — 256 с.

5. Давид, Р., Жоффре-Спинози, К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Международные отношения, 2003. — 448 с.

УДК 340.1

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

П. В. Комар

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

Рабство и крепостное право занимают огромную роль в историях американского и русского народов. В свое время благодаря им огромное количество людей лишились большинства прав и были обречены на нищее существование. Именно эти явления составили тему настоящего исследования. В нем они сравниваются и, как итог, выявляются их сходства и различия. Были изучены все основные этапы их истории, а именно: зарождение, функционирование и отмена этих законов. Основным отличием данного исследования является акцент на правовых документах, благодаря чему оно должно представлять особый

интерес для научного сообщества. При написании использовались передовые научные источники, что гарантирует его достоверность.

Ключевые слова: рабство, крепостное право, социальное неравенство, Россия, Соединенные Штаты Америки.

Рабство в Соединенных Штатах Америки возникло в XVII в. по экономическим причинам. Плантации нуждались в дешевой рабочей силе. В 1641 г. Массачусетс стал первой североамериканской колонией, которая юридически признала рабство. Формирование крепостного права в России началось в XV в. с введением судебника Ивана III [1, с.298]. Окончательно крепостное право было оформлено в Соборном уложении 1649 г. [1, с.343]

Американские рабы не имели никаких прав, считались собственностью рабовладельца. Это привело к совершенно нечеловеческим условиям жизни и труда. Рабы могли работать до 19 часов в сутки. Они не получали образование, а браки между рабами не имели юридической силы. У рабов не было собственности. Они не имели право самостоятельно передвигаться без разрешения хозяина, который, в свою очередь, мог безнаказанно издеваться над рабом. Если же раб пытался протестовать или отбиваться, его казнили.

Все это привело к малой продолжительности жизни раба, которая в среднем составляла 10 лет. В отличии от рабов, крепостные крестьяне обладали определенными правами. Некоторые законы, как, например, манифест Павла I 1797 г. о трехдневной барщине, даже слегка ограничивали произвол помещиков и снижали трудовую нагрузку крестьян. Также, в отличии от американских рабов, крестьяне имели право на собственность, в том числе на недвижимое имущество, которое передавалось по наследству. Они могли заниматься торговлей и заключать сделки. Крестьяне могли вступать в законный брак. Однако во многом положение крестьян было схожим с рабским и долгое время опиралось на упомянутое ранее Соборное уложение 1649 г. Они не могли покинуть свои наделы без согласия помещика, обязаны были отрабатывать барщину и платить оброк. Помещик, в свою очередь, имел право производить суд над крестьянами, а также продавать, дарить и обменивать их.

Все восстания американских рабов жестоко подавлялись и были безрезультатны. Гораздо эффективнее была деятельность неравнодушных свободных людей, которых называли аболиционистами. Их первым крупным юридическим успехом стал закон о запрете трансатлантической работорговли, принятый Великобританией в 1807 году. Триумф аболиционистов наступил после того, как благодаря их деятельности северные штаты отменили рабство. Это событие, а также избрание Авраама Линкольна президентом, привели к гражданской войне с южными штатами. Еще одной причиной было то, что рабовладение сильно мешало развитию капиталистических отношений [2, с. 209]. Изданная в 1863 г. Прокламация об освобождении официально установила отмену рабства целью войны. Война завершилась победой северных штатов и введением тринадцатой поправки в конституцию, которая окончательно освободила рабов [2, с.212]. В свою очередь крепостные крестьяне представляли собой вполне полноценный слой населения, мне-

ние которого было необходимо учитывать. Реформы, облегчавшие их жизнь, появлялись чаще всего по экономическим причинам. Ключевой реформой, стал указ о вольных хлебопашцах, принятый Александром I 20 февраля 1803 г. В соответствии с ним крестьяне могли выкупить свою свободу. Однако проблема не была решена. Затем последовали реформы Киселева 1837 г. Они ввели крестьянские самоуправления, увеличили наделы малоземельных крестьян и т.д. Последней реформой стал манифест об отмене крепостного права 1861 г.

Можно сделать вывод, что рабство и крепостное право имели схожую историю, но сильно отличались отношением к зависимым слоям общества.

Библиографический список

1. Стешенко Л. А., Шамба Т. М. История государства и права России: Академический курс. В 2 т.-т.1. Москва: НОРМА, 2003.

2. Вениосова А. В., Данилов В.А. История государства и права зарубежных стран. Минск: Академия МВД, 2021.

УДК 340.1

УПЛЫЎ XX З'ЕЗДУ КАМУНІСТЫЧНАЙ ПАРТЫІ САВЕЦКАГА САЮЗА НА ДЭМАКРАТЫЗАЦЫЮ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВАСУДДЗЯ Ў БЕЛАРУСКАЙ ССР

Г. А. Корабава

аспірант 2 года навучання Беларускага дзяржаўнага універсітэта
Навуковы кіраўнік: канд. юр. навук, дацэнт Л. Л. Голубева

Другая палова XX ст. лічыцца перыядам уздыму далучэння грамадскасці да ўдзелу ў савецкім крымінальным правасуддзі. Зыходным пунктам дадзенага ўздыму можна лічыць вынікі XX з'езд КПСС, што адбыўся 14-25 лютага, 1956 г. У артыкуле аўтарам аналізуюцца вынікі XX з'езду КПСС і паступова абгрунтоўваецца яго значэнне пры змяненні крымінальна-працэсуальнай палітыкі Беларускай ССР.

Ключевые слова: грамадзянская супольнасць; савецкі крымінальны працэс; удзельнікі крымінальнага працэса; правасуддзе; грамадскасць.

Паводле паступовага знікнення культу асобы І.В. Сталіна ў 1958 годзе адбылося аднаўленне ўдзелу працоўных у крымінальным працэсе ў форме грамадскага абвінавачання і грамадскай абароны. Пастанова XX з'езда КПСС «Аб культе асобы і яе наступствах» ад 30 чэрвеня 1956 г., вызначыла курс на ліквідацыю наступстваў культу асобы ва ўсіх сферах жыцця краіны, а таксама, зварот да норм партыйнага жыцця і прынцыпаў калектыўнасці партыйнага кіраўніцтва, выпрацаваных У.І. Леніным. Патрэбнасць набыло аднаўленне ленінскіх прынцыпаў законнасці і выкрасленне парушэнняў, дапушчаных ў мінулым. Новы курс улады абвясціў пашырэнне функцый грамадства ў кіраўніцтве дзяржавай, у тым ліку і ў правасуддзі [1].

Паводле гэтага рашэння вучоныя-працэсуалісты таксама звярнуліся да інстытутаў, якія існавалі падчас панавання ленінскіх прынцыпаў законнасці [2, с. 159].

Паводле вынікаў XXI з’езду КПСС, амаль усе працоўныя павінны былі быць далучаны да кіравання грамадскім і гаспадарчым жыццём краіны. Удзел грамадскасці ў крымінальным судаводстве павінен быў узмацніць палітычную свядомасць грамадзян, а таксама сацыялістычную законнасць і правапарадак у СССР. Грамадскія арганізацыі і калектывы працоўных выконвалі частку функцый праваахоўных органаў і існавалі паралельна з імі [3, с. 92].

Такім чынам, паводле новай дэмакратычнай палітыкі ўдзел грамадскіх абвінаваўцаў і абаронцаў у савецкім крымінальным працэсе набыў асаблівае палітычнае значэнне. Дадзеная пастанова дала падставу для аднаўлення ўдзелу прадстаўнікоў грамадскасці ў крымінальным правасуддзі.

Паводле арт. 15 Закона СССР «Аб зацверджанні асноў заканадаўства аб судаўладкаванні Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік» ад 25 снежня 1958 г. (далей — Асновы судаўладкавання СССР 1958 года) у парадку, устаноўленым заканадаўствам Саюза ССР і саюзных рэспублік, грамадскае абвінавачанне і грамадскую абарону ў судзе маглі ажыццяўляць прадстаўнікі грамадскіх арганізацый [4].

Згодна з арт. 41 Асноў крымінальнага судаводства 1958 года ў судаводстве па крымінальных справах дапускаўся ўдзел прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый і калектываў працоўных, якія маглі быць па вызначэнні суда дапушчаны да ўдзелу ў судовым разглядзе крымінальных спраў у якасці грамадскіх абвінаваўцаў або грамадскіх абаронцаў [5].

Асновы крымінальнага судаводства 1958 года фармулявалі толькі зыходны пачатак для ўдзела прадстаўнікоў грамадскасці ў крымінальным працэсе. Крымінальна-працэсуальнае заканадаўства саюзных рэспублік больш дэтальна рэгулявала іх працэсуальнае становішча. Паводле КПК кожнай з саюзных рэспублік, грамадскі абвінаваўца і абаронца разглядаліся як самастойныя ўдзельнікі крымінальнага працэсу. Некаторыя пытанні, якія паўставалі на практыцы вырашаліся Пастановамі Пленума Вярхоўнага суда СССР.

Пазней удзел прадстаўнікоў грамадскасці ў судаводстве стаў канстытуцыйнай нормай: арт. 162 Канстытуцыі СССР, прынятай Вярхоўным Саветам СССР 7 кастрычніка 1977 года (далей — Канстытуцыя СССР 1977 года) замацоўваў магчымасць разгляду крымінальных спраў у судзе з удзелам прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый і калектываў працоўных [6]. Аналагічныя палажэнні ўтрымліваў і арт. 161 Канстытуцыі Беларускай ССР 1978 года.

Такім чынам, пасля змены савецкага кіраўніцтва ў 1953 годзе савецкая ўлада ўзяла курс на пераадоленне наступстваў культу асобы і аднаўленне ленінскіх прынцыпаў законнасці і кіравання дзяржавай, паводле чаго ідэя далучэння грамадскасці да здзяйснення крымінальна- працэсуальных функцый нанова набыла актуальнасць. Грамадскае абвінавачанне і грамадская абарона былі адноўлены як самастойныя крымінальна-працэсуальныя інстытуты з 1958 года. Грамадскаму абвінаваўцу і грамадскаму абаронцу надаваўся статус самастойнага ўдзельніка крымінальнага працэсу. Прадстаўнікі грамадскасці надзяляліся пэўным колам правамоцтваў, якія дапамагалі ім належна здзяйсняць свае функцыі пры разглядзе спраў судом.

Бібліяграфічны спіс

1. О преодолении культа личности и его последствий : Постановление Центрального Комитета КПСС : июня 1956 года. – URL: http://www.agitclub.ru/spezhran/hrus/hrpost.htm (дата обращения: 11.09.2025).

2. Прения по докладу И. Д. Перлова] // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21 – 23 октября 1957 г. : Выпуск III : Секция уголовного права и уголовного процесса / Всесоюзный институт юридических наук. – М., 1958. – С. 113–175.

3. Материалы Внеочередного XXI съезда КПСС. — М. : Госполитиздат, 1959. — 259 с.

4. Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик : Закон СССР : 25 декабря 1958 г. – URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5351.htm (дата обращения: 11.09.2025).

5. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР : 25 декабря 1958 г. – URL: https://docs.cntd.ru/document/9006425 (дата обращения: 18.09.2025).

6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята ВС СССР октября 1977 г. – URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 18.09.2025).

УДК 340.1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АДВОКАТУРЫ В США

М. И. Курганова

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

Статья посвящена становлению и развитию института адвокатуры в Соединенных Штатах Америки ключевым моментом которого стало создание Американской ассоциации юристов в 1878 году. Особое внимание уделяется историческим событиям, которые повлияли на данный институт, а также современной характеристике адвокатуры Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: институт адвокатуры в США, Американская ассоциация юристов и адвокатов, история адвокатуры США, современная адвокатура США.

Институт адвокатуры в США, обладая глубокими историческими корнями, идущими к колониальному периоду, сформировался под влиянием английских правовых традиций, борьбы за гражданские права и расширения доступа к правосудию. Примечательно, что американская правовая система, в отличие от британской, отказалась от деления на барристеров и солиситоров, что делает ее еще более интересной для изучения [3].

21 августа 1878 года 75 юристов из 20 штатов и округа Колумбия собрались в зале суда в Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк, чтобы учредить Американскую ассоциацию юристов. Джеймс Овертон Бродхед из Миссури стал первым президентом Американской ассоциации юристов [1]. С этого события и началась долгая и поступательная история развития адвокатуры в США.

Учитывая, что в англоязычных странах, в отличие от русскоязычных, термины «юрист» и «адвокат» зачастую синонимичны [4], дословный перевод названия ассоциации не отражает сути. В связи с этим, более правильным вариантом будет «Американская ассоциация юристов и адвокатов (далее-Американская ассоциация юристов)».

Первое ежегодное собрание Американской ассоциации юристов за пределами Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк, состоялось в Чикаго в 1889 году, а первое ежегодное собрание, проведённое за пределами США, состоялось в Монреале в 1913 году [1].

В 1893-1913 годах в Американской ассоциации юристов были созданы первые три специальные секции, которые были названы следующим образом: «Отдел юридического образования и приёма в адвокатуру», Патентное право, право товарных знаков и авторское право» и «Судебная коллегия» [1].

В течении следующих двух десятилетий Американская ассоциация юристов сделала множество прорывов в правовой сфере, например, участие в создании Ассоциации американских юридических школ в 1900 году, утверждение стандартов профессионального образования будущих юристов в 1921 году, а также принятие первого национального стандарта профессионального и этического поведения судей в 1924 году.

Если говорить про исторические условия, которые повлияли на становление института адвокатуры в США, то стоит упомянуть периоды расовой дискриминации, которая осталась даже после отмены рабства в 1865 году. Например, в 1912 году Американская ассоциация юристов ограничила членство только белыми юристами, данное правило было отменено в 1943 году после рассмотрения резолюции, и применено на практике в 1950 году [1]. Также имела место дискриминация по половому признаку, т.к. только в 1918 году, т.е. спустя 50 лет существования ассоциации в ее состав были избраны две первые женщины.

Современная адвокатура США характеризуется децентрализованностью и самостоятельностью, т.е. в каждом штате имеется своя ассоциация адвокатов штата. Для того, чтобы стать адвокатом в США, необходимо получить высшее юридическое образование, соответствовать этическим нормам адвокатской деятельности, и главное-сдать экзамен для получения адвокатской лицензии (в каждом штате есть свои условия для ее получения). Говоря про правовые основы деятельности адвоката, стоит указать, что адвокатская деятельность в США основывается не на кодифицированных актах, а на обычаях, которые устанавливались десятилетиями и прецедентном праве, однако основополагающее условие участия адвоката в судопроизводстве изложено в поправке VI к Конституции США [2].

Библиографический список

1. Американская ассоциация юристов: [Электронный ресурс]. URL: https://www.americanbar.org/ (Дата обращения: 04.10.2025).

2. Юридическая (Адвокатская) контора "L.O." ("Legal office"): [Электронный ресурс]. URL: https://legaloffice.spb.ru/2-drugie-materialy-yuridicheskaya- kontora/228-yurist-ofitsialnyj-sajt-spb (Дата обращения: 04.10.2025);

3. Станишевский А. И. Адвокатура в США: // Блог Адвоката Александра Станишевского. URL: https://stanishevski.ru/blog/usa_attorneys (Дата обращения: 04.10.2025).

4. Онлайн-программы по получению степени Master of Legal Studies: [Электронный ресурс]. URL: https://onlinemasteroflegalstudies.com/ (Дата обращения: 06.10.2025).

УДК 340.1

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

И. А. Нижников

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. И. Орловская

Царский период Древнеримской истории не имеет первичных исторических источников. Ближайший исторический труд был написан тремя веками позже, в III в до н.э. Однако, наука склонна признавать историчность римских царей, ссылаясь на имеющиеся письменные (хоть они и носят легендарный характер), а также археологические источники.

Ключевые слова: Древний Рим; Царский период; римские цари, историчность.

Письменных источников из Царского периода нет, тогда в Риме не было историков, летописи стали вести только в республиканский период. События Царского периода описываются только несколько веков спустя. Впервые, в III в до н.э., первым римским анналистом, Квинтом Фабием Пиктором, позже, в I в до н.э., царский период описывают Тит Ливий, Дионисий Галикарнасский, Овидий. То есть, все античные источники о царском периоде являются вторичными. Однако историки склонны признавать историчность римских царей. Рассмотрим причины этому.

Ромул – человек, основавший Рим, первый царь Рима. Ему предписывают организацию римской общины. Он создал Сенат из 100 «отцов», разделил народ на 30 курий, учредил три трибы, устроил убежище для беглецов, чтобы увеличить население города.

По легенде, при правлении Ромула и по его приказу, были похищены Сабинские женщины. Римским мужчинам не хватало жен, никто из соседних городов не соглашался выдавать дочерей за мужчин Рима, «прибежища для беглых, изгнанников и преступников». Тогда Ромул устроил праздник, на который пригласили соседей. Сабиняне пришли с женами. По сигналу римляне похитили девушек. Началась война между Римом и городами, откуда происходили похищенные.

Во время битвы между Римом и сабинами, похищенные женщины, которые уже привыкли к своим новым мужьям помирили сражающихся. Тогда Рим и сабины объединились, а Римом стали править вместе Ромул и сабинский царь Тит Таций. Легенда содержит сведения об исторических событиях того времени (объединение римлян с сабинами), но многие детали выдуманы, чтобы объяснить некоторые римские традиции. Например: похищение девушек объясняет римские свадебные обычаи, двойственность власти Ромула и Тита Тация отражает двойственности консульской власти в республиканский период.

Список шести других царей всегда неизменен и приводится в одном и том же порядке. Кроме того, ни одно из имен не совпадает с именами патрицианских родов, имевших широкое влияние в V – VI вв, что указывало бы на то, что список

был составлен в ту эпоху. Ни одно из имен царей, в отличие от Ромула, не является эпонимом (от него не происходят названия). Таким образом, современные историки склонны признавать историчность царей.

Нума Помпилий стал вторым царем Рима. Являлся сабином по происхождению. Ему приписывается религиозное устройство Рима: создание жреческих коллегий, введение 12-месячного календаря, вместо 10-месячного. Такая реформа не могла произойти стихийно, а скорее всего является результатом воли законодателя, что подтверждает историчность Нума Помпилия.

Тулл Гостилий и Анк Марций в некоторых моментах похожи на своих предшественников, но и их существованию есть доказательства. Например, Тулл Гостилий построил здание для заседания сената. Анк Марий много воевал. При Анке Марии Рим расширился в сторону моря и этрусского берега Тибра.

После Анка Мария, царем стал Тарквиний Приск, переселенец из этрусского города Тарквиний. При Тарквинии Приске количество сенаторов увеличилось еще на 100 человек, были учреждены общественные игры. При нем были осушены болотистые части города, вел удачные войны с соседями.

Преемником Тарквиния стал Сервий Туллий. По одной из версий, он был сыном знатной женщины, плененной Римом, воспитывался в доме Тарквиния, а после убийства Тарквиния сыновьями Анка Мария, с одобрения сената, захватил власть. По другой версии, Сервий Туллий был Мастерной, этруском, изгнанным из Этрурии, который приехал в Рим, где сменил имя и достиг царской власти.

Его преемником стал Тарквиний Гордый, последний римский царь. Он был сыном Тарквиния Приска, то есть этруском. Власть он захватил насильно, убил своего тестя Сервия Туллия. Правил деспотично, не считался с мнением сената, прибегал к казням, изгнаниям, конфискациям. За это был изгнан из Рима, а этруски пытались помочь ему восстановиться на троне.

Библиографический список

1. Ковалёв, С. И. История Рима / С. И. Ковалёв. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1986. — 511 с.

УДК 340.1

УГОЛОВНО-СУДЕБНОЕ УЛОЖЕНИЕ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ «КАРОЛИНА»: ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ, СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА, УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Д. Д. Огородникова

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

Статья посвящена комплексному анализу «Каролины» 1532 года — фундаментального уголовно-судебного уложения Священной Римской империи. Рассматриваются исторические и политические предпосылки создания кодекса, его структура и содержание.

Особое внимание уделяется анализу уголовного права по «Каролине»: классификации преступлений, системе жестоких наказаний, а также прогрессивным для своей эпохи правовым институтам (учёт умысла, необходимая оборона, смягчающие обстоятельства). Исследуется инквизиционный процесс с его ключевым элементом — пыткой. Оценивается историческое значение «Каролины» для унификации германского права и ее влияние на развитие европейской правовой мысли.

Ключевые слова: Каролина, Уголовно-судебное уложение 1532 года, Священная Римская империя,Уголовное право, Уголовный процесс, Инквизиционный процесс.

«Каролина» — это уголовно-судебное уложение, утверждённое в 1532 году и опубликованное в 1533 году в Священной Римской империи при императоре Карле V. Его создание было попыткой изжить застарелые феодальные традиции, унифицировать судопроизводство в местных судах. Учитывая партикуляристские тенденции германских земель, в качестве она содержала сальваторную клаузулу о том, что издаваемым уложением не уничтожаются «исконные, унаследованные, правомерные и справедливые» обычаи, которыми «курфюрстам, князьям и сословиям» предоставляется руководствоваться и впредь. К концу XV века состояние уголовного права и правосудия в Германии было плачевным. Отсутствие единой кодекса приводило к неразберихе, произволу судей и злоупотреблению пытками. Суды низших инстанций были вынуждены постоянно обращаться за разъяснениями и постановлением приговоров к высшим судам. Сознание этих недостатков вызвало движение за кодификацию и создание новых норм уголовного права и процесса. Законодательный процесс начался с появления партикулярных (местных) кодексов, таких как Бамбергское уложение (1507 г., мать Каролины) и Бранденбургское уложение (1516 г., сестра Каролины).

«Каролина» структурно состоит из преамбулы, предисловия и 219 статей, сгруппированных в тематические разделы. Из этих статей 103 определяли общий порядок судопроизводства, остальные же 76 статей указывали налагающиеся наказания. Каролина написана по принципу: «Не может быть признано преступлением то, что не является преступлением по римскому праву и по действующим законам».

Уложение систематизировало преступления, выделяя религиозные (колдовство), государственные (измена), против личности (убийство) и имущества (кража). «Каролина» содержала прогрессивные для своей эпохи правовые институты, такие как учёт умысла и неосторожности, институты необходимой обороны, соучастия и покушения, смягчающие обстоятельства (малолетство, нужда).

Характер наказаний в «Каролине» отличался исключительной жестокостью. Главным видом наказания была смертная казнь, применявшаяся в многочисленных формах: сожжение, четвертование, колесование, повешение, утопление, погребение заживо, закапывание в землю, сажание на кол. Применялись членовредительские наказания и телесные, а также принцип талиона. Тюремное заключение имело небольшое распространение.

Несмотря на суровость, «Каролина» содержала ряд прогрессивных для своего времени положений, таких как учёт субъективной стороны преступления, обстоятельства, исключающие ответственность, институты соучастия, смягчающие обстоятельства.

Многочисленными являлись и оттягивающие вину обстоятельства,такие как повторность,крупный размер ущерба,совершение преступления группой лиц и так далее. «Каролина» закрепила переход от старого обвинительного (состязательного) процесса к инквизиционному (розыскному) процессу.

Особенности инквизиционного процесса: инициатива суда, письменность и формализм, пытка и формальные доказательства. «Каролина» пыталась регламентировать и ограничить применение пытки, требуя для неё наличия «достаточных улик», но на практике это мало помогало. «Каролина» содержала подробный перечень «общих подозрений и доказательств», которые могли послужить основанием для ареста и применения пытки. К ним относились дурная репутация и молва, нахождение на месте преступления, общение с преступниками, бегство от правосудия, обнаружение у подозреваемого вещественных доказательств (краденого).Шеффены (судьи из народа) постепенно вытеснялись профессиональными судьями,в качестве которых выступали дворяне.

«Каролина» оказала огромное влияние на последующее развитие европейского права: унификация права, синтез традиций, влияние на Европу, юридическая техника. «Каролина» — фундаментальный памятник права, отражающий интересы феодальной эпохи и ее суровость. Несмотря на это, она сыграла ключевую роль в систематизации уголовного права и процесса, внеся значительный вклад в развитие европейской правовой мысли.

Библиографический список

1. Constitutio Criminalis Carolina — Википедия. — [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Constitutio_Criminalis_Carolina.

2. Документы->Германия->Каролина (1532). — Электронная библиотека Vostlit.info. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Karolina/text.phtml?id=5935.

3. Уголовное Уложение Карла V (Каролина) - Традиция. [Электронный ресурс]. URL: https://traditio.wiki/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B5_%D0%A3%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B0_V_(%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D0%BD %D0%B0).

УДК 340.1

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В СОВРЕМЕННЫХ США: ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛЕД ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861 – 1865 ГГ.

М. В. Паньков

студент 1 курса
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. М. Атрушкевич

В материале проведена параллель между Гражданской войной в США и современным политическим кризисом, который ряд экспертов характеризует как «гибридную граж-

данскую войну». Актуальность темы обусловлена влиянием внутриполитической ситуации в США на международную стабильность в условиях становления многополярного мира.

Ключевые слова: демократия; кризис; раскол; многополярность; шатдаун.

Политический кризис, приведший к Гражданской войне в США 1861–1865 гг., проистекал из противоречивого понимания федеративного устройства. Северные штаты отстаивали верховенство федеральной власти, тогда как Юг развивал доктрину «прав штатов», допускавшую одностороннюю отмену федеральных законов и выход из состава страны. Южане рассматривали США как союз суверенных государств, подлежащий расторжению [1].

К 1860 г. сложились две различные социально-экономические системы. Индустриальный Север опирался на свободный труд, аграрный Юг – на плантационное рабство. Это обеспечило Северу демографическое и политическое превосходство. Опасаясь утраты влияния, Юг избрал сецессию для защиты своей особой социально-экономической модели [2]. Военный конфликт стал неизбежен после избрания президентом Авраама Линкольна, противника распространения рабства. После выхода Южной Каролины 20 декабря 1860 г. из состава США её примеру последовали другие штаты. В феврале 1861 г. семь из них создали Конфедеративные Штаты Америки [3]. Конституция Конфедерации, основанная на Конституции США 1787 г., содержала ключевые отличия: она прямо закрепляла институт рабства и значительно усиливала суверенитет штатов. События XIX в. находят параллели в современном политическом кризисе США. Исторический раскол отражается в электоральных предпочтениях: электорат южных штатов поддерживает республиканцев, северных – демократов. Современная идеологическая конфронтация ведется между элитами с различным видением национальных интересов и глобальной роли страны.

Исторический конфликт между федеральной властью и правами штатов в США трансформировался в политическую конфронтацию, парализующую работу американского правительства. Ярким примером этого являются приостановки его работы (шатдауны), как например, 1 октября 2025 г. Республиканцам, контролирующим обе палаты конгресса, для принятия законопроекта о продолжении финансирования правительства в Сенате требуется набрать 60 голосов из 100 в Сенате для принятия бюджета, имея в своей фракции лишь 53 мандата. Таким образом, институциональный механизм «сдержек и противовесов» [4], столкнувшись с беспрецедентной партийной поляризацией, вместо баланса порождает хронический кризис управляемости. Региональное противостояние Севера и Юга переросло в политико-культурный раскол «красных» (республиканских) и «синих» (демократических) штатов. Разделение настолько глубоко, что многие американцы считают вероятным новый гражданский конфликт США в ближайшем десятилетии.

События вроде приостановок работы правительства и штурма Капитолия 6 января 2021 г. демонстрируют связь между наследием Гражданской войны 1861–1865 гг. и современным кризисом. Его продолжение грозит новыми вспышками насилия и дестабилизацией политической системы в США.

Таким образом, ситуация в США показывает, что международное сообщество разделилось на консерваторов и реформаторов. Изучение прошлого позволяет понять исторические корни современных процессов и избежать критической точки социально-политического развития.

Библиографический список

1. Гринин, Л. Е. Сложилась ли в Америке революционная ситуация? / Л. Е. Гринин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2020. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhilas-li-v-amerike-revolyutsionnaya-situatsiya/viewer. – (дата обращения: 06.10.2025).

2. Латыпова, Н. Т. Социальные и политические последствия гражданской войны в США (1861–1865 гг.) / Н. Т. Латыпова // Вестник Нижегородской академия МВД России. – 2013. – № 23. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-politicheskie- posledstviya-grazhdanskoy-voyny-v-ssha-1861-1865-gg. – (дата обращения: 06.10.2025).

3. Чечелев, С. В. Политический режим Конфедеративных Штатов Америки / С. В. Чечелев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-rezhim-konfederativnyh-shtatov- ameriki/viewer. – (дата обращения: 06.10.2025).

4. Романова, О. А. Высшие органы государственной власти США: выпускная квалификационная работа бакалавра. – Томск: [б. и.], 2017. – URL: https://share.google/b7tF3zuXo57PSFRxP. – (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 340.1

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ЕЁ СВЯЗЬ С СОВРЕМЕННОСТЬЮ

А. М. Петуховский

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: стар. препод. И. В. Гринев

Статья посвящена анализу исторического и современного значения Великой хартии вольностей 1215 года. Основное внимание уделяется исследованию предпосылок её принятия в условиях конфликта короля Иоанна Безземельного с английской аристократией, а также ключевых положений документа, заложивших основы конституционного строя Англии. Её влияние на формирование конституции США и действие в бывших колониях Англии. Практическая ценность работы заключается в демонстрации актуальности идей Хартии.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей; хартия; Великобритания; бывшие колонии Англии; США.

История Великой хартии вольностей ведет своё начало с 1199 года. В 1199 году на престол вступил молодой король Иоанн Безземельный. Его деятельность привела к недовольству всего английского общества, а не только отдельных феодалов. В 1202–1214 годах он вел войну с французским королем Филиппом II в Нормандии. Военные действия потребовали увеличения поборов, это вызвало недовольство аристократии, графов и баронов. На рубеже 1214–1215 годов проти-

востояние короля и баронов привело к тому, что последние собрали войско и отказались от вассальной присяги Иоанну. Предводителем баронской оппозиции стал Роберт Фиц-Уолтер. Мятеж был поддержан жителями Лондона. 15 июня король Иоанн Безземельный вынужден был вступить в переговоры со своими противниками. Переговоры состоялись в долине Раннимед на берегу Темзу недалеко от города Виндзора.

Свои требования противники короля изложили в «Баронских статьях». Именно они легли в основу Великой хартии вольностей. Текст был выработан с 15 по 19 июня 1215 года. [1]

Великая хартия вольностей вскоре была издана еще в трех редакциях: в 1216, 1217 и 1225 годах.

Особый интерес вызывает статья Хартии, которая предусматривала учреждение комитета из 25 баронов и которая вместе с Оксфордскими провизиями 1258 г. поспособствовали созданию парламента [1]. В Оксфордских провизиях говорилось о передаче всей власти в руки совета 15 баронов, без согласия которых король не мог принять решение самостоятельно, сделано это было с расчетом на то, что короли будут стараться не исполнять Великую хартию вольностей. [1]

Таким образом можно заключить, что Великая хартия вольностей привела к становлению в Англии конституционной монархии, которая сменила абсолютную монархию.

Во второй половине XX века Великая хартия вольностей стала гарантом защиты от произвольного правления и верховенства права. На данный момент в нее вкладывают новое значение. Такое толкование Хартии позволяет использовать положение хартии в защите прав личности.

Великая хартия вольностей сохраняет свою актуальность и в настоящее время. 25 июля 1969 года Юридическая комиссия внесла в парламент законопроект, в результате обсуждения которого в Англии продолжают действовать 4 статьи из Великой Хартии Вольностей, а именно статьи 1,9,29 и 37 (распространение пожалованных вольностей на всех подданных и лиц, зависящих от непосредственных держателей короля) [2]. Эти статьи защищают права английской церкви, запрещают лишать людей свободы или имущества без законного приговора и предоставляют вольности Лондону.

Положения Великой хартии вольностей до сих пор закреплены и в бывших колониях Англии, таким образом 29 статья Хартии 1297 года действует в Новой Зеландии и австралийских штатах Виктория, Квисленд. Вся хартия за исключением 26 статьи действует в австралийских штатах Западная Австралия, Тасмания, Южная Австралия.

Хартия используется не только в Англии, но и в США. Хоть в конституции нет ссылок на Великую хартию вольностей, и она не имеет юридической силы, но в Декларации независимости США закреплен важнейший принцип хартии: “Всякое лицо управляющее государством должно опираться на согласие управляемых”. [2]

Библиографический список

1. Принятие Великой хартии вольностей в Англии // Образовака: [сайт]. – Казань, 2008-2025. – URL: https://obrazovaka.ru/istoriya/prinyatie-velikoy-hartii- volnostey-v-anglii.html (дата обращения: 25.09.2025)

2. Правовые идеи Великой хартии вольностей и их влияние на развитие института прав человека // Молодой ученый: [сайт]. – Казань, 2008-2025. – URL: https://moluch.ru/archive/304/68574 (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 340.1

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНФУЦИАНСТВА И ЛЕГИЗМА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

А.В. Родич

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Н. Сатолин

Актуальность проблемы обусловлена уникальной устойчивостью китайской политико-правовой модели, корни которой лежат в синтезе двух противоположных учений- легизма и конфуцианства. Этот синтез, сформировавшийся в древности, продолжает определять специфику государственного управления и правосознания в современном Китае.

Ключевые слова: конфуцианство, легизм, синтез, политическая культура, правовая культура, Китай.

Конфуцианство возникло в Китае в VI-V вв. до н.э. Его основатель- Конфуций (Кун-цзы). Это учение делает акцент на моральном совершенствовании, добродетели («жэнь» – человеколюбие) и соблюдении ритуала («ли»). Идеальное государство уподобляется большой семье, где правитель – «отец», управляющий через личный пример и заботу о подданных. Основой стабильности является не закон, а внутренняя нравственность и социальная гармония. Легизм (школа закона) оформился в период Сражающихся царств (V-III вв. до н.э.). Его виднейшие теоретики – Шан Ян и Хань Фэй. Легисты провозглашали изначальную порочность человеческой природы и видели единственный способ управления в жёстких, единых для всех законах («фа»), системе суровых наказаний и поощрений. Государство – это безличный механизм, где власть поддерживается силой и страхом.

Противоречия между учениями носит фундаментальный характер. Конфуцианство верит, что людей можно научить быть хорошими через ритуал и мораль, а легизм считает, что они должны быть приведены к порядку едиными для всех правилами, независимо от их убеждений. Также конфуцианский гуманизм, основанный на вере в изначальную доброту человека, противостоял легистскому представлению о его врождённой порочности. Общие черты, позволившие в будущем синтез: оба учения направлены на достижение социального порядка и стабильности государства; этатизм- приоритет государственных интересов над личными; патернализм – образ правителя как высшего авторитета, отца нации.

Исторический синтез начался при императоре У-ди династии Хань (II в. до н.э.) и оформился в модель «фа-ли» (закон-ритуал). Суровая легистская практика

получила конфуцианское идеологическое обоснование. Это выражалось в том, что формально главенствовало конфуцианство как официальная идеология, проповедующая добродетель и мораль, а реально аппарат управления использовал жёсткие легистские методы: централизацию, унификацию, систему наказаний и всеобъемлющий контроль. Эта модель доказала свою эффективность, обеспечила Китаю долгие годы стабильности и периодически возрождалась в новые эпохи.

Итоговая модель власти характеризуется дуализмом, при котором конфуцианские принципы формирует идеологический дискурс, а легистские нормы составляют формально-юридический базис. В современном Китае это проявляется следующим образом: конфуцианские элементы проявляются в акценте на социальную гармонию, коллективизме, патернализме власти, уважении к старшим, значимости моральных норм и образовании; легистские элементы – в жёсткой вертикальной власти под руководством Коммунистической партии Китая, всеобъемлющем законодательстве, мощном репрессивном аппарате, непринятии политического плюрализма и принципа разделении властей.

Диалектическое взаимодействие конфуцианства и легизма создало уникальную и эффективную систему, которая демонстрирует высокую адаптивность. Эти противоположные течения слились, создав устойчивый конструкт, где моральный долг и ритуал смягчают жёсткость закона, а закон, в свою очередь, обеспечивает незыблемость иерархии и порядка, провозглашаемых конфуцианством.

Библиографический список

1. Коданева С.И. Правовая культура Китая: история и современность (Обзор)//Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер.4: Государство и право. -2025. -№1. -С. 28-39.

2. Мельников А.П. Политическая культура Китая//Сборник научных трудов. - Минск: БГУ, 20ХХ. -С. 1-15.

3. Сидорейко И.В. Конфуцианство и современная политическая культура Китая// Журнал международного права и международных отношений. - 2008. -№3. -С. 55-59.

УДК 340.1

ВЛИЯНИЕ СТАТУТОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО НА СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА БЕЛАРУСИ

Д. А. Саланович

студентка Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент – С.Н. Шабуневич

Статуты ВКЛ имели огромное значение для становления современного права. Они являлись систематизированными сводами законов, которые закрепляли основы государственного и общественного строя, правовое положение сословий и основные принципы правосудия в Великом княжестве Литовском.

Ключевые слова: Статуты; национальное право; Великое Княжество Литовское, Свод законов, правовая система.

Статуты Великого Княжества Литовского являются фундаментом современного права, обеспечивают его динамичное развитие, адаптацию к потребностям общества и международным стандартам, служат инструментом реализации принципов справедливости, правовой определенности и социального прогресса.

Статут 1529 года стал первым в истории систематизированным Сводом законов, охватывающим разные отрасли права: государственное, семейное, уголовное, земельное и др. Этот документ закрепил юридически основы общества и государства, права различных классов и сословий, структуру и полномочия некоторых государственных органов, идею разделения властей, что позволяет отнести его к раннефеодальной Конституции [3]. Хотя Статут Великого княжества Литовского 1529 года является Сводом законов, его можно рассматривать как раннюю форму конституционализма. Этот документ охватывал основы для понимания устройства государства, политической системы и места права как регулятора общественных отношений, определяя контуры будущих отраслей права и законодательства.

Важность соблюдения законов, закрепляемая в Статуте 1566 года, как гарантия против административного произвола, нашла свое отражение в современном законодательстве Республики Беларусь. Сегодня принцип законности является основополагающим и закреплен в ст. 7 Конституции Республики Беларусь, обязывая все государственные органы, должностные лица и граждан действовать в соответствии с законом [1]. Нормативные установления, в отношении регулирования вопросов наследования, содержались в Статуте 1566 года. В настоящее время право частной собственности гарантируется Конституцией Республики Беларусь (ст. 44) [1]. Система организации власти, отраженная в Статуте 1566 года, и определявшая роль шляхты в управлении Великим княжеством Литовским, значительно отличается от современной системы государственного устройства Беларуси. Тем не менее, некоторые элементы, такие как зачатки принципа разделения властей и идею ответственности должностных лиц, можно проследить в современном законодательстве.

Статут 1588 года охватывал широкий спектр вопросов: от основ политической системы и прав различных сословий до регулирования землевладения, судопроизводства и др. Эти нормы комплексно формировали правовой фундамент государства. Несмотря на то, что Статут 1588 года не являлся конституцией в современном ее понимании, он выполнял роль основополагающего нормативного акта, определявшего принципы функционирования государства и общества [3]. Статут Великого княжества Литовского 1588 года оказал влияние на формирование не только национальной правовой системы Беларуси, но и на развитие права в других государствах, в частности, Украине, Литве, Польше и др. [2].

Таким образом, Статуты ВКЛ сыграли центральную роль в развитии и становлении современного права, создали предпосылки для его усвоения и понимания, выступили основным инструментом для формирования правовой системы, реализации государственной политики, защиты прав и свобод граждан, обеспечения правовой определенности и предсказуемости, а также развития международного права. Развитие и совершенствование статутного права является ключевым фактором для обеспечения справедливости, стабильности и прогресса в современном обществе.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с. – (дата обращения 08.10.2025).

2. Доўнар, Т.І. Развіцце асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV-XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск:Пропилеи, 2000. – 224 с. – (дата обращения 08.10.2025).

3. Закон Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 14.10.2021, 2/2844) <H12100124> - дата обращения: 08.10.2025.

УДК 340.1

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ УНИВЕРСАЛА ВЫСШЕГО НАРОДНОГО СОВЕТА О ПОРЯДКЕ СБОРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕНЕЖНЫХ И НАТУРАЛЬНЫХ НАЛОГОВ 6-8 ИЮНЯ 1794 ГОДА

А. В. Сидорик

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: докт. юрид. наук., проф. Т.И. Довнар

В данной статье проводится исследование универсала Высшего народного совета 6-8 июня 1794 года. Цель – проанализировать основные положения данного универсала и сделать выводы об его эффективности. Практическое значение – показать, было ли введение чрезвычайного налога и новой системы налогообложения эффективной мерой.

Ключевые слова: налоги; универсал 6-8 июня; чрезвычайный налог; налоговые органы; ексакторы; восстание 1794 года; налоговые льготы.

После второго раздела, Речь Посполитая стояла на грани своего существования. С целью спасения независимости, в 1794 году Т. Костюшко начинает восстание, но для обеспечения армии нужны деньги. С этой целью был издан Универсал Высшего народного совета о порядке сбора государственных денежных и натуральных налогов 6-8 июня 1794 г.

Из данного акта мы можем выделить систему налоговых органов, а также их полномочия. Высшим органом в данной системе была Центральная Литовская Ексакция, вторым уровнем идет казенная экспедиция, тертьим городские и порядковые комиссии. К полномочиям городских и порядковых комиссий относилось: информирование населения о действии данного универсала, сбор податей и поборов с населения через ексакторов, обеспечивать надежное сохранение и защиту казначейства, следовать срокам и полномочиям, указанным в универсале 6-8 июня 1794 года, собирать и пересчитывать проценты, взимаемые с вотчин, докладывать в казенную экспедицию об изменениях в количестве взимаемых процентов, докладывать в казенные экспедиции об доходах, расходах из средств казны, а также об обстоятельствах, которые сопутствовали данным расходам и др.

К полномочиям казенной экпедиции входили: принятие решения по повышению процентов взимаемых поборов с вотчин, соблюдать сроки для сбора налогов,

поручает порядковым комисиям отчитываться о сборах и тратах, доставлять поборы в Центральную литовскую ексакцию и др. У самой же Центральной литовской ексакции главной задачей было равномерное распределение средств казны и ее защиты.

Помимо структуры системы налоговых органов, данный универсал подтверждает введенные четырехлетним сеймом налоги и подати, а также введение чрезвычайного налога, который уже взимался в Краковском воеводстве. Данный чрезвычайны налог распространялся на шляхту, арендаторов земель, а также на православные и католические приходы, евреев и города. Главной особенностью данного налога являлось то, что он имел прогрессивный характер. Интересным моментом являлось то, что взимаемая сума высчитывалась не в процентном соотношении, а в определенном данным универсалом размере в расчете на 100 злотых дохода. Для евреев данный налог составлял сумму поголовного налога за год. Города королевские и «духовные» должны были заплатить в качестве этого налога «половину годичной подати», также «следующие за весь год подымное», но для Варшавы, Кракова, Вильно и др. городов данный налог не взимался, так как они платили так называемую «екстраординарную подать». Также отменялись налоговые льготы со столовых имений и королевских экономий и вводилось освобождение от уплаты налогов соседних держав, при этом должен уплачиваться подымный налог за год, если не платилась «офяра 10-го гроша».

Для облегчения выплаты чрезвычайного налога, в уложении 6-8 июня вводилась нормы, по которым разрешалось оплачивать подати на половину вещами. Данные вещи нужно было предоставить в местную порядковую комиссию для проведения оценки стоимости и зафиксировать данный вид оплаты. Также, помимо национальной валюты, для ускорения сбора налогов разрешалась оплата податей иностранной валютой.

В заключении хотелось бы отметить, что данный акт был неэффективной мерой. Во-первых, данный акт не имел юридической силы, так как его издал орган восстания, а не Сейм. Во-вторых, положение о возможности оплаты до половины суммы налогов вещами создавало такую проблему, как невозможность превратить эти вещи в денежную массу, за счет которой и покупалось оружие. В-третьих, после двух разделов Речи Посполитой, а также вторжение иностранных войск для подавления восстания, территория государства уменьшилась, следовательно, уменьшилось и население, из-за чего потенциальной суммы собранных налогов не хватило бы для ведения боевых действий. В- четвертых, сроки сбора налогов, бюрократия и подсчет налогов.

Библиографический список

1. Григорьева Е.Н. правовое регулирование налоговых отношений на белорусских землях в В XIV–XVIII вв. / Е.Н. Григорьевна // Вестник Пермского Университета, Юридические науки. – 2013. – с. 38-43.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: http://www.pravo.by (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 340.1

ЭВАЛЮЦЫЯ СІСТЭМЫ ПАКАРАННЯЎ У КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАВЕ БЕЛАРУСКАЙ ССР

У. А. Собалева

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. Л. Голубева

У артыкуле даследуецца эвалюцыя сістэмы пакарання ў крымінальным праве БССР. Разглядаюцца яе змены ў сувязі з прыняццем крымінальных кодэксаў.

Ключавыя словы: пакаранне, крымінальны кодэкс, крымінальнае права.

Актуальнасць тэмы даследавання абумоўлена тым, што вывучэнне эвалюцыі сістэмы пакарannяў у крымінальным праве Беларускай ССР дазваляе прасачыць дынаміку развіцця савецкай прававой дактрыны ад рэвалюцыйнага этапу праз сталінскі перыяд да эпохі «застою» і рэформ перабудовы. Гэты працэс не толькі адлюстроўваў агульнасавецкія тэндэнцыі, але і меў пэўную спецыфіку, абумоўленую сацыяльна- эканамічнымі і палітычнымі ўмовамі ў дзяржаве. Сістэма пакарannяў як ключавы інструмент дзяржаўнага прымусу прайшла шлях ад класавай жорсткасці і ідэалагічных эксперыментаў да стандартызацыі і абмежаванай лібералізацыі, заўсёды застаючыся ў фокусе ўзаемадзеяння права, палітыкі і ідэалогіі. Аналіз гэтай эвалюцыі дазваляе лепш зразумець сучасны крымінальна-прававы інстытут у Беларусі.

У даследаванні выкарыстаны гістарыка-прававы, параўнальна- прававы і сістэмна-структурны метады. Асноўнымі крыніцамі з'яўляюцца крымінальныя кодэксы Беларускай ССР 1922, 1928, 1960 гадоў, а таксама агульнасаюзныя крымінальныя заканадаўствы, якія аказвалі вырашальны ўплыў на нацыянальнае права рэспублік. Таксама прыцягваюцца навуковыя працы, прысвечаныя аналізу дадзенага перыяду.

Першы Крымінальны кодэкс БССР 1922 года, як і аналагічныя акты іншых савецкіх рэспублік, быў створаны пад уплывам рэвалюцыйнай правасвядомасці і марксісцкай ідэалогіі. Адной з яго найбольш істотных рыс была спроба фармальнай адмовы ад традыцыйнага паняцця «пакарання» на карысць «мер сацыяльнай аховы». Гэты крок быў абумоўлены палітыка-ідэалагічнымі прычынамі. Згодна з новай канцэпцыяй, злачынца разглядаўся не як вінаватая асоба, якая заслугоўвае кары, а як прадукт сацыяльнага асяроддзя, чые дзеянні дэтэрмінаваны грамадствам. Такім чынам, класічнае пакаранне, што мае мэтай кару і папярэджанне, лічылася непрымальным для сацыялістычнага права.

Нягледзячы на фармальную адмову, тэрмін і інстытут пакарання фактычна захаваліся ў КК 1922 года. Кодэкс фактычна падзяляў меры сацыяльнай аховы на два віды: меры да асобаў, якія не здзейснілі злачынства, але былі абвешчаныя «сацыяльна небяспечнымі» з-за свайго паходжання або роду заняткаў (накіраванне ва ўстановы для «ментальна і маральна дэфектыўных», прымусовае лячэнне), і меры,

якія фактычна былі дадатковымі пакараннямі (забарона займаць пасады, высылка). Гэтая дваістасць падставаў прыцягнення да адказнасці – за віну і за небяспечны стан асобы – прыводзіла да іх дубліравання і рэзка ўзмацняла рэпрэсіўнасць Кодэкса. Практыка рэалізацыі мераў сацыяльнай аховы да «сацыяльна небяспечных» асобаў, якія не здзейснілі канкрэтнага злачынства, была шырэйшай, чым прадугледжвалася законам.

Крымінальны кодэкс Беларускай ССР 1928 года замацаваў і развіў гэты падыход, цалкам адмяніўшы тэрміны «пакаранне» і «віна». Адзінай падставай крымінальнай адказнасці аб'яўляўся «небяспечны стан асобы». Кодэкс 1928 года ўстанаўліваў меры сацыяльнай аховы трох відаў: судова- папраўчага, медыцынскага і медыка-педагагічнага характару. Аднак меры судова-папраўчага характару, напрыклад, пазбаўленне волі, фактычна цалкам адпавядалі класічнаму разуменню пакарання.

У 1934 годзе савецкае крымінальнае заканадаўства фармальна вяртаецца да тэрміна «пакаранне». Гэты крок сімвалізаваў адмову ад ліберальна-сацыялагічнай рыторыкі 1920-х у карысць жорсткай, іерархічнай і рэпрэсіўнай мадэлі кіравання. Вяртанне тэрміна суправаджалася радыкальным узмацненнем жорсткасці сістэмы. Сістэма пакаранняў фактычна інтэгравала меры, якія прызначаліся не судовымі, а пазасудовымі органамі. Растраламі і доўгімі тэрмінамі зняволення каралі не толькі за крымінальныя злачынствы, але і за «палітычныя», якія апісваліся як контррэвалюцыйныя злачынствы. Шырокае распаўсюджванне атрымалі прымусовыя работы, якія зліліся з сістэмай ГУЛАГу. Пакаранне ў выглядзе «папраўчых працоўных работ» стала стандартнай мерай за невялікія злачынствы і парушэнні працовай дысцыпліны. Канфіскацыя маёмасці заставалася важнай мерай, асабліва пры рэпрэсіях супраць «кулакоў» і «сабатнікаў». Выгнанне з БССР таксама ўжывалася масава.

Пасля смерці Сталіна і XX з'езда КПСС пачаўся працэс дэсталінізацыі, які закрануў і крымінальнае права. Ключавой рэформатарскай мерай стаў новы Крымінальны кодэкс БССР 1960 года. Ён канчаткова ліквідаваў канцэпцыю «мер сацыяльнай аховы», вярнуўшыся да класічнага паняцця пакарання. Быў адноўлены прынцып «nullum crimen, nulla poena sine culpa» (няма злачынства, няма пакарання без віны), што стала прамым адмаўленнем падыходу 1928 года. Гэты Кодэкс, распрацаваны на аснове саюзных Асноў, адрадзіў класічны заканадаўчы падыход да інстытута пакарання. У КК 1960 года быў скасаваны жорсткі прынцып аналогіі, звужаўся спіс дзеянняў, якія караюцца смяротным пакараннем, быў усталяваны максімальны тэрмін пазбаўлення волі – 15 гадоў, а зазвычай 10. Асноўным відам пакарання сталі папраўчыя работы і пазбаўленне волі. Адбыванне пакарання было накіравана на «перавыхаванне і выпраўленне» асуджаных.

У перыяд пасля прыняцця Крымінальнага кодэкса 1960 года і аж да распаду СССР асноўныя палажэнні савецкай сістэмы пакаранняў захоўвалі стабільнасць. Аднак ужо ў 1970-я гады пачалі праяўляцца тэндэнцыі да павелічэння крымінальнай адказнасці за эканамічныя злачынствы, асабліва за спекуляцыю і хабарніцтва. У гады перабудовы (другая палова 1980-х) актывізаваліся дыскусіі аб неабходнасці лібералізацыі і гуманізацыі крымінальнага права, аднак канкрэтныя рэформы не былі рэалізаваны ў поўнай меры з-за распаду Савецкага Саюза. Такім чынам,

на працягу савецкага перыяду сістэма пакаранняў прайшла складаны шлях эвалюцыі — ад рэвалюцыйна-эксперыментальных канцэпцый да рэпрэсіўнай мадэлі, і, нарэшце, да фармалізаванай прававой сістэмы, якая, тым не менш, захавала многія рысы аўтарытарнага кантролю.

УДК 340.1

СУДЕБНЫЕ РЕФОРМЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

О. Н. Райко

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: докт. юрид. наук., проф. Т.И. Довнар

В статье изучается история судоустройства на территории Беларуси. Основное внимание уделяется проведению судебных реформ.

Ключевые слова: суд, судебная реформа, Беларусь.

Актуальность исследования судебного реформирования обусловлена тем, что с течением времени самые совершенные судебные системы требуют реформ, направленных на создание максимально эффективной модели судебной власти в конкретный период социального развития.

Исторически на территории Беларуси было проведено четыре судебных реформы, две из которых имели место в период нахождения белорусских земель в составе Великого княжества Литовского (XVI в.) и Российской империи (1864 г.), одна – в Белорусской ССР (1920-1930-е гг.) и последняя – в Республике Беларусь (1990-е гг.).

Подчеркнем, что правовая система ВКЛ конца XVI в. была одной из лучших в Европе, а главное достижение судебной реформы – (одной из серии государственных реформ) – появление независимых самостоятельных судов, отделенных от исполнительной власти. Также в результате ее проведения появились новые институты и должности: избранные на должности и подчиненные только закону судьи, институт адвокатуры, институт возных, которые выполняли функции следователей и судебных исполнителей и др. Благодаря реформе, получили развитие принципы гласности, состязательности и публичности судебного процесса, которые законодательно были закреплены в Статутах 1529, 1566 и 1588 гг.

Прогрессивные принципы судоустройства и судопроизводства XVI в. в значительной степени повлияли на законодательство Российской империи, что особенно нашло отражение в Судебных уставах 20 ноября 1864 г. – законодательной базе судебной реформы XIX в. Итогом ее проведения стало отделение суда от администрации и независимость от нее; равенство всех перед судом и создание принципиально новой судебной системы – вместо сложной сословной системы судов вводилось две ветви судебных органов: местные (мировые) и общие (коронные) суды, которые предназначались для всех сословий. Таким образом утверждался еще один важный судебный принцип – всесословность. Отметим, что в общих судах уголовные дела рассматривались с участием присяжных заседателей

– т.е. впервые законодательно был закреплен институт присяжных заседателей. Также результатами судебной реформы 1864 г. стало введение прокурорского надзора; отделение предварительного следствия от суда; введение апелляции и кассации и др. При этом отметим, что в Беларуси реформа проводилась позже и с рядом ограничений.

Реформирование суда в Белорусской ССР началось с упразднения судебной системы, сформировавшейся в конце XIX в. Советское государство постепенно формировало новые суды в 1920-1930-е гг. на фоне политических и социально-экономических перемен. Окончательное оформление судебной системы БССР произошло в связи с принятием Конституции СССР 1936 года. Была утверждена 3-х уровневая судебная система, состоящая из народных судов, областных судов, Верховного Суда БССР. Новые, прогрессивные принципы судоустройства и судопроизводства, выработанные к этому моменту, стали основой функционирования и белорусских судов вплоть до распада СССР.

После провозглашения независимости Республики Беларусь основополагающим документом в сфере судебной власти стала Концепция судебно-правовой реформы 1992 г. При этом в 1990–е гг. была осуществлена лишь частичная реализация положений Концепции, однако некоторые из них были закреплены Конституцией Республики Беларусь 1994 г., составив законодательную основу дальнейшего формирования и функционирования судебной власти.

Подчеркнем, что важнейшим результатом реализации Концепции судебно-правовой реформы явилось создание в Беларуси Конституционного Суда, принятие Закона Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» (13.01.1995 г.), который закрепил положение о независимости, несменяемости, неприкосновенности судей.

Таким образом, в течение столетий на территории Беларуси проходили судебные реформы, которые постепенно усовершенствовали судебную деятельность, вводили более прогрессивные принципы судоустройства и судопроизводства, которые преемственно воспринимались в последующем.

Библиографический список

1. Доўнар, Ю. П. Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім / Ю. П. Доўнар . – Минск : БГУ, 2007 . – 175 с.

2. Гушчынскі, І. Г. Роля судовых установ у палітычным жыцці і сацыяльна- эканамічным развіцці Беларусі (1864–1914 гг.): аўтарэф. дыс. …канд.гіст.навук : 07.00.02 / І. Г. Гушчынскі; БГПУ. – Мінск, 2011. – 24 с.

3. Мартинович, И. И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. Суд присяжных и другие нововведения в законодательстве о судоустройстве / И. И. Мартинович, М. И. Пастухов. – Минск : Амалфея, 1995. – 224 с.

4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.

УДК 340.1

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЕННОГО КОМПЛЕКСА

Д. В. Трацевская

магистрант 2 курса Витебского государственного университета им. П.М.Машерова,
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент В.Г. Стаценко

Агропромышленный комплекс (далее – АПК) играет ключевую роль в экономике Республики Беларусь, обеспечивая продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий. Важность рассматриваемой темы обусловлена тем, что в настоящее время невозможно представить правовое регулирование общественных отношений в различных сферах общества, в том числе и в агропромышленном комплексе, без использования информационных технологий. Внедрение и применение информационно-коммуникационных технологий при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере агропромышенного комплекса являет собой актуальную проблему, имеющую доктринальное и правоприменительное значение.

Ключевые слова: прокурорский надзор; агропромышленный комплекс; продовольственная безопасность; информационные технологии; сельское хозяйство.

Внедрение информационных технологий в сельскохозяйственное производство невозможно без создания современной базы автоматизации, основанной на широком внедрении персональных электронно-вычислительных машин с развитым программным обеспечением [1, с. 73]. Сельское хозяйство сложно отнести к самой инновационной отрасли, но, несмотря на это, цифровая трансформация АПК – одно из главных направлений инновационного развития Республики Беларусь. Внедрение IT-технологий позволяет сократить издержки, снизить риски производства, а также повысить производительность сельского хозяйства в государстве [2, с. 5-9]. Правительством Республики Беларусь поставлена задача перехода к цифровому животноводству. Ее выполнение возможно только при наличии в стране сформированной научно-технической базы, которая бы отвечала требованиям современного производства, а также при наличии необходимых специалистов в области инновационных технологий.

Развитые страны внедряют инновационные технологии, где доминирует искусственный интеллект, автоматизация и цифровые платформы. На осуществление модернизации белорусской экономики направлена «Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 (в ред. Указа от от 25 октября 2022 г. № 381).

В условиях формирования и совершенствования информационного общества, создания единого информационного пространства в Республике Беларусь, пред-

ставляется необходимым качественное освоение специалистами в области юриспруденции современных информационных технологий, оснащение их передовой цифровой и вычислительной техникой.

Внедрение цифровых технологий в деятельность прокуратуры имеет целью осуществление высокотехнологичного надзора, направленного на усиление эффективности работы прокуратуры в современных условиях, реализацию надзорных функций с учетом изменений, определяемых переходом к цифровой экономике, оптимизации потоков документационной информации в электронном виде.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере агропромышленного комплекса во многом зависит от способности прокурора применять информационные технологии в ходе надзорной деятельности, организовать свою работу на научной основе, принимая во внимание состояние законности в регионе и деятельность других органов, ответственных за его обеспечение.

Органами прокуратуры применение информационных технологий в ходе осуществления надзорных мероприятий в сфере АПК, устраняют волокиту в работе с бумажными носителями, облегчают поиск необходимой информации, имеющей важное значение при выявлении нарушений в данной сфере.

Особую важность приобретает сегодня применение нейронных связей в прогнозировании и отслеживании изменений в области законодательства и судебной практики, в работе с обращениями граждан, которая занимает значительную часть общей нагрузки органов прокуратуры.

Библиографический список

1. Алексеев Д. А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Актуальные исследования. - 2022. - №36 (115). - С. 72-75.

2. Климин, С. И. Информационные технологии в сельском хозяйстве Республики Беларусь / С. И. Климин // Аграрная экономика. – 2022. – № 3. – С. 5–9.

УДК 340.1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КОДЕКСА НАПОЛЕОНА 1804 ГОДА

А. А. Финагенова

студентка 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент М.М. Атрушкевич

В статье рассматривается краткая история принятия Кодекса Наполеона и его роль в развитии мировой правовой системы. Рассматривается процесс распространения французских правовых принципов и их значение для становления континентальной правовой традиции.

Ключевые слова: Франция; кодекс; гражданское право; Кодекс Наполеона.

Гражданский кодекс Франции 1804 года (известный как Кодекс Наполеона) – один из важнейших правовых документов в истории человечества, который был введен в действие и написан при правлении Наполеона Бонапарта. Кодекс Наполеона оказал огромное влияние на развитие гражданского права не только во Франции, но и в других странах Западной Европы. А сам Наполеон считал его

своим главным достижением в жизни, исходя из его известного высказывания: «Моя истинная слава состоит не в том, что я выиграл 40 сражений. … То, что не будет забыто, что будет жить вечно, – это мой Гражданский кодекс» [1, с. 5].

В период с 1792 по 1801 год Франция находилась в состоянии войны и правового хаоса. Несмотря на несколько попыток, никому не удалось создать единый правовой документ, где содержались бы все законы страны. Наполеон Бонапарт, возглавлявший Консульство Франции, хотел укрепить свою власть и одним из способов было восстановление стабильности. Кодекс, как и соглашение с Папой Римским в 1801 году, а также подавление бунтов и грабежей в западной части Франции, был частью этого проекта.

Система Кодекса 1804 года заимствована из римского права. Он состоит из трех книг: о лицах, о вещах и об обязательствах.

В первой книге содержатся постановления о семейном и личном праве. Она определяла правовой статус субъектов гражданского оборота, брачно-семейных отношений и регулировал имущественные правоотношения между субъектами гражданского права.

Во второй книге изложены вопросы, связанные с имуществом и различными формами владения. Она состояла из четырех основных

Содержание третьей книги составляет различные способы приобретения права собственности. Она затрагивает вопросы наследования, договорного права, ответственности за причинение вреда и иные основания возникновения обязательств.

В Гражданском кодексе 1804 года особое место занимал принцип обязательности условий договора. Чтобы подкрепить важность обязательности условий договора, было возможным применение санкций в виде мер государственного принуждения в адрес субъекта, не исполнившего или исполнившего обязательство ненадлежащим образом.

На тот момент на территории Франции действовало множество различных законов и местных обычаев (кутюмов), что усложняло судебный процесс. Кодекс должен был унифицировать их и создать единый правовой документ.

Кодекс Наполеона имел большое значение, так как был принят не только во Франции, но и в других европейских странах. К 1812 году Французская империя (которой Республика стала в 1804 году) простиралась от ганзейских городов через Нидерланды, «метропольную» Францию и до западного побережья Италии. Поскольку они были частью Франции, они следовали Кодексу, который заменил их существующие правовые системы. Также придерживались Кодекса некоторые германские государства, которые были преданы братьям или маршалам Наполеона; Королевства Италии и Неаполя, где управляли члены семьи Наполеона; Королевство Испания, но только теоретически.

Таким образом, к концу наполеоновских войн практически вся Западная Европа придерживалась единообразного Гражданского кодекса законов 1804 года. Одни правители оставляли структуру Кодекса нетронутой, другие, хоть и принимали ее, меняли некоторые детали. Гражданский кодекс Франции 1804 года действует и в настоящее время с многочисленными изменениями и дополнениями.

Библиографический список

1. Леруа М. Старое и новое право. К 100-летию Кодекса Наполеона / М. Леруа. – СПб., 1900. – 105 с.
2. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В. Н. Захватаева. М.; Берлин : Инфотропик Медиа, 2012. – 624 с.
3. Французский Гражданский кодекс 1804 года / пер. И. С. Перстерского. – М., 1941. – 471 с.

УДК 340.1

УРОЖЕНЦЫ БЕРЕЗИНСКОГО РАЙОНА В БОРЬБЕ С НАЦИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ

Я. В. Цедрик

студентка 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент И. А. Сороковик

В работе показана мужественная борьба уроженцев Березинского района, особенно молодежи, в годы Великой Отечественной войны советского народа против германских нацистов, оккупировавших Советскую Беларусь. Подчеркиваются мужество и героизм народных мстителей, внесших свой вклад в Великую Победу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Березинский район, нацисты, оккупация, партизаны, подполье, освобождение, патриотизм.

Великая Отечественная война стала не просто крупнейшим вооружённым конфликтом XX столетия, а серьезнейшим испытанием для всех народов Советского Союза, в том числе и белорусского. Масштабы этого противостояния охватывали более 4,5 тысяч километров фронта, что делает его одной из самых крупных войн в истории. Огромные потери, которые понесли страны-участницы, в особенности СССР, остаются шокирующими и по сей день.

Война затронула практически каждую белорусскую семью, каждый дом, оставив неизгладимый след в сознании многочисленных поколений. Тяжелые испытания выпали на долю многих городов и сел Беларуси. Так, город Березино целых три года находился под оккупацией немецких войск, потеряв около тысячи мирных жителей. Несмотря на жестокость врага, население города оказывало активное сопротивление неприятелю.

Молодёжь составляла значительную силу партизанских отрядов, особенно много в них было представителей комсомола. Только в Березинском районе насчитывалось около пятисот молодых активистов- комсомольцев, боевую деятельность которых координировал подпольный РК ЛКСМ Беларуси под руководством Михаила Пыжа. Население района активно поддерживало сопротивление, выполняя роль разведчиков и проводников.

В феврале 1943 г. подразделение 120-го партизанского отряда под командованием Казюкина отправилось на выполнение боевой операции. Возле деревни Косовка оно неожиданно столкнулось с многократно превосходившими силами

противника и оказалось полностью окружённым. Развернулся жестокий бой, поставивший партизан перед выбором — выстоять или умереть. Однако благодаря мужеству они сумели пробиться сквозь кольцо врага.

Одним из известных партизан является Григорий Гоман, который, получив тяжёлое ранение живота, попал в руки немцев. Оккупанты подвергли его пыткам, пытаясь получить информацию о численности и вооружении партизан. Однако Гоман сохранил верность присяге и отказался выдавать секретные сведения. В итоге его перевезли в деревню Волы и жестоко казнили героя.

В середине 1943 г. в районе уже действовало 12 боевых партизанских отрядов, в которых насчитывалось 3602 вооружённых народных мстителя, в основном из местного населения. Они являлись грозной для врага силой. К этому времени все шоссейные и важные грунтовые дороги были перекрыты партизанскими засадами.

Следует отметить и подвиг Владимира Пискуна, главного редактора подпольного издания «Сцяг Леніна». Летом 1943 г. вместе с разведывательной группой он получил задание отправиться в район близ Бродецких сельсоветов для изучения вражеских укреплений и распространения газет и листовок среди местных жителей. Выполнение миссии привело группу к столкновению с вооружённым подразделением вермахта. Точно стреляя, бойцы уничтожили одиннадцать вражеских солдат. Когда товарищи отступали, Пискун оказался один, и тут же был атакован немцами. Отважный журналист предпочёл стоять до конца, нежели сдаться врагу. Его геройский поступок стал примером мужества для остальных партизан.

В Березинском районе, как и на всей оккупированной территории Беларуси, жители вступали в борьбу с оккупантами и участвовали в ней вплоть до освобождения республики, проявляя отвагу и героизм. Память о войне и её уроки сохраняют актуальность и ныне, напоминая о цене мира и необходимости предотвращения любых войн и военных конфликтов.

Библиографический список

1.Советские партизаны в Великой Отечественной войне. [Электронный ресурс]. – URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 06.10.2025).

2. ВялікаяАйчыннаявайна — ключаваяпадзеянавейшайгісторыі. – Минск:БГТУ, 2023. –13 с.

3. Памяць : Бярэзінскі раён : Гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / Уклад. П.А. Прыбыткін; Рэдкал.: А. А. Ждановіч [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 2004. – 575 с.

4. Нехай, Г.В. Даты и события Великой Отечественной войны: краткий справочник / Г. В. Нехай. – Минск : Изд. ц. БА «Конкурс», 2025. – 104 с.

УДК 340.1

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ НЕМЕЦКОГО ПРАВА ГОРОДСКИМИ СУДАМИ МАГДЕБУРГИЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVI – XVIII ВВ.

В. А. Яхимович

студентка 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Научный руководитель: ст. преподаватель О.И. Лейко

Освещается роль немецкого (саксонско-магдебургского) права в Великом Княжестве Литовском в XVI – XVIII вв., его соотношение с местными обычаями и законодательством ВКЛ и Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое Княжество Литовское; немецкое городское право; саксонско-магдебургское право; «Саксонское зерцало»; Статут ВКЛ 1588 г.

Статут ВКЛ 1588 г., требуя, чтобы все жители Великого Княжества Литовского были судимы только правом писаным и от государя короля Сигизмунда Третьего изданным (р. I, арт. 1), «согласно сему статуту и артикулам, в нём записанным» (р. IV, арт. 54), в то же время закреплял вспомогательную роль иностранного права, обязывая судей в случае отсутствия, неполноты или неясности закона руководствоваться, во- первых, обычаем, во-вторых, положениями предыдущих статутов (р. III, арт. 17), в-третьих, своей совестью и, в-четвёртых, применительно к похожим случаям «примером иных прав христианских», т.е. положениями иностранного права (р. IV, арт. 54). Однако во второй половине XVI – первой половине XVIII в. иностранное право в магистратских судах ВКЛ применялось не в качестве вспомогательного: источники немецкого (саксонско-магдебургского) права господствовали в практике городских судов на территории Беларуси [2, с. 167].

Согласно Н.В. Мисаревич, магдебургское право заняло «свободную нишу» в правовой системе Великого Княжества Литовского, не вмешиваясь в отношения «государственное регулирование – местные обычаи» [1, с. 57]. В то же время О.Б. Келлер указывает, что грамоты Ягайло и Витовта, даровавшие Бресту магдебургское право, освобождали горожан от всех польских и русских прав и обычаев, противоречивших немецкому праву [2, с. 161-162].

На практике переход к немецкому праву стал возможен с появлением в ВКЛ источников немецкого (саксонско-магдебургского) права, которыми являлись переводы немецких правовых сборников на латинский и польский языки: 1) переводы с немецкого языка на латинский земского права «Саксонского Зерцала» («Спекулум Саксонум») и «Вейхбильда Магдебурга» («Юрис муниципалис») Н. Яскера (1535); 2) работы польского автора В. Гроицкого «Артикулы права Магдебургского» (1558), «Порядок права Магдебургского», сборник норм уголовного права «Поступок» (1559), передающий содержание «Каролины», и «Титулы права Магдебургского» (1567); 3) переводы с латинского языка на польский трудов Н. Яскера «Спекулум Саксонум» и «Юс Муниципале», сделанные П. Щербичем в 1581 г. [2, с. 167; 3, с. 127-129].

Во второй половине XVI – первой половине XVIII в. городскими судами магдебургий ВКЛ при решении гражданских и уголовных дел цитировались положения из работ Н. Яскера, В. Гроицкого и П. Щербича. В постановлении городского суда г. Могилёва от 3 февраля 1578 г. было записано: «Мы пользуемся магдебургским городским правом» [2, с. 166-170]. Магдебургское право широко применялось в городах ВКЛ, почти полностью вытеснив обычное право [3, с. 131].

С середины XVIII в. применение норм Статута ВКЛ 1588 г. в его польской редакции стало вытеснять ссылки на магдебургское право в городских судах ВКЛ. Так, в 1750 г. Витебский магистрат постановил: «С этого времени данная магде-

бургия принимает решения по законам Великого Княжества Литовского». Городские суды ВКЛ стали чаще обращаться не только к Статуту, но также к польским Конституциям и Приложениям и Дополнениям к Статуту на основе польских законов и постановлений. Сначала цитаты из Статута применялись как дополнения к саксонско-магдебургскому праву наряду с цитатами из немецких источников. Позднее цитаты из немецких источников исчезли из постановлений городских судов полностью [2, с. 170-172].

Таким образом, в городских судах магдебургий ВКЛ во второй половине XVI – первой половине XVIII в. руководящими юридическими нормами были не местные обычаи и законодательство ВКЛ и Речи Посполитой, а нормы саксонско-магдебургского права, представленные в работах Н. Яскера, В. Гроицкого и П. Щербича.

Библиографический список

1. Мисаревич, Н. В. Магдебургское право на белорусских землях и его роль в развитии институтов права Великого княжества Литовского / Н. В. Мисаревич // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2019. – № 2. – С. 55–64.

2. Келлер, О. Б. Распространение средневекового немецкого права на землях Центральной и Восточной Европы в XIII – XVIII вв. : дис. … докт. истор. наук : 07.00.03 / Келлер Ольга Борисовна ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2015. – 310 с.

3. Ширинский, О. Ю. Право на самоуправление городов Великого княжества Литовского и немецкое городское право : сравнительно-правовой анализ / О. Ю. Ширинский // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып. 8. – Минск : РИВШ, 2015. – С. 123–132.

СЕКЦИЯ III.
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.415

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ И ЕГО ДЕЛЕГАТОВ

У. И. Адамич

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Синицына

В статье проанализирована роль Всебелорусского народного собрания как субъекта социальной ответственности, рассмотрены примеры реализации данного принципа Автором изучена значимость ВНС в формировании общественного мнения, принятии ключевых решений, касающихся социально-экономического развития страны, развития внутренне и внешней политики государства.

Ключевые слова: социальная ответственность; Всебелорусское народное собрание; делегаты.

В соответствии с решением республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. ст. 21 Конституции была дополнена положением, подчеркивающим социальную ответственность каждого, обязанность вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Единство мнений относительно субъектного состава и сущность социальной ответственности в юридической науке не достигнуто. Все чаще звучат предложения рассматривать в качестве субъектов социальной ответственности не только граждан, но и государственные органы, должностные лица.

Обязанность проявлять социальную ответственность находится в тесной взаимосвязи с конституционным принципом социального государства. Социальная ответственность выступает в качестве инструмента реализации принципа социального государства, предполагает активную деятельность государственных органов, направленную на достижение социальной справедливости и повышения качества и уровня жизни населения.

Одним из таких субъектов, по нашему мнению, является Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС) как высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества, государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

Несмотря на то, что в Законе Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании» (далее – Закон «О ВНС») среди принципов деятельности ВНС не упомянут принцип социальной ответственности, деятельность ВНС связана с утверждением программ социально-экономического развития страны, обеспечением социальной справедливости и эффективной социальной защиты граждан, формированием основных направления внутренней политики, включая вопросы социальной стабильности и благосостояния населения.

ВНС обеспечивает взаимодействие с гражданским обществом, иными государственными органами с целью реализации социальной политики.

ВНС как коллегиальный представительный орган и площадка для обсуждения наиболее важных вопросов для государства и общества позволяет при принятии стратегически важных решений учитывать общественный запрос и обеспечивать баланс интересов разных слоев населения, способствуя созданию комфортных условий для жизни, работы каждого человека.

Норма ч. 3 ст. 21 Конституции содержит требование к субъектам конституционно-правовых отношений выполнять общественные обязательства, обусловленные моральными, этическими и правовыми мотивами. Социальная ответственность как волевое, социально обусловленное отношение субъекта к нормам и ценностям общества, выражающееся в реализации общественно значимого поведения [1], имеет юридическую и моральную составляющую. Социальная ответственность должностных лиц – это не только выполнение юридических обязанностей, но и проявление сознательного отношения к своему служебному долгу и интересам общества. Участие делегатов ВНС в работе ВНС без отрыва от трудовой (служебной) деятельности, фактически на общественных началах, – свидетельство проявления социальной ответственности, готовности служить общественным интересам не ради личной выгоды.

Делегаты ВНС обеспечивают представительство интересов граждан, поддерживают гражданское согласие и служат связующим звеном между обществом и государством. В связи с чем, социальная ответственность делегатов ВНС предполагает, что реализация прав делегата, изложенных в ч. 4 ст. 38 Закона «О ВНС» (изучение общественного мнения, проведение встреч с населением, доведение до общественности информации о деятельности ВНС, внесение предложений для рассмотрения на заседаниях ВНС и др.), должна рассматриваться ими как позитивная обязанность. Важными элементами социальной ответственности делегатов ВНС является активное участие в обсуждении и принятии стратегически важных решений с учетом общественного запроса, прозрачность и открытость деятельности, подотчетность перед гражданами.

Таким образом, социальная ответственность Всебелорусского народного собрания проявляется в обеспечении социальной справедливости, в поддержании социального порядка, гражданского согласия. Высокий уровень социальной ответственности делегатов ВНС является неотъемлемой составляющей укрепления доверия общества к институтам власти, стимулирования развития гражданской инициативы.

Библиографический список

1. Шашко Б. А. Проявление социальной ответственности как конституционная обязанность в Республике Беларусь / Б. А. Шашко; науч. рук. И. Г. Скороход // Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития : материалы XV Международной научно-практической конференции студентов, Минск, 13-14 апреля 2022 г. / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет ; [редколлегия: А. А. Быков (председатель) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 410-411.

УДК 342.7

ДОСТУПНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ №16

В. С. Асадчая

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

В статье анализируется доступность правосудия в Республике Беларусь в контексте реализации Цели устойчивого развития №16. Особое внимание уделено конституционному правосудию и влиянию института конституционной жалобы на обеспечение равного доступа к правовой защите.

Ключевые слова: доступность правосудия; конституционное правосудие; конституционная жалоба; Конституционный Суд; Цель устойчивого развития №16.

Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) – это принятые международным сообществом цели, направленные на улучшение жизни каждого человека и защиту планеты в целом. Это глобальная инициатива, реализующаяся в рамках многостороннего партнерства, и Республика Беларусь принимает в ней активное участие.

Всего Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН закреплено 17 ЦУР, которые взаимосвязаны между собой и одинаково важны, однако особое внимание следует уделить цели №16. Её формулировка звучит как «Мир, правосудие и эффективные институты», а суть заключается в содействии построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, в обеспечении доступа к правосудию для всех и в создании эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях. Для ее достижения предполагается реализация различных задач, одной из которых является содействие верховенства права на национальном и международном уровнях и обеспечение всем равного доступа к правосудию.

Рассматривая равный доступ к правосудию, стоит определить, что под этим понимается. В научной литературе предлагается много трактовок этого понятия. К примеру, Е.Б. Абросимова рассматривает его как принцип, т. е. обеспеченную законом возможность беспрепятственно обращаться в суд за защитой своих нарушенных прав и получить судебную защиту [1, с. 242]. Таким образом, нужно обладать правом на обращение в суд, чтобы получить судебную защиту своих прав.

Согласно ст. 22 Конституции Республики Беларусь все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В ст. 60 Конституции гарантируется защита прав и свобод каждой личности компетентным, независимым и беспристрастным судом. Данные положения развиваются и в иных законодательных актах, например в Кодексе гражданского судопроизводства. Таким образом, можно сказать, что в законодательных актах не

содержится каких-либо дискриминационных положений для отдельных категорий лиц на получение защиты своих нарушенных прав и свобод.

Однако, помимо общего доступа к правосудию, следует уделить внимание доступности для граждан конституционного правосудия. Конституционный Суд Республики Беларусь в государственном механизме защиты прав человека занимает особое место, поскольку после референдума 2022 г. у граждан появилась возможность обращаться в Конституционный Суд с жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод.

Обратиться в Конституционный Суд с жалобой может гражданин, чьи конституционные права и свободы, по его мнению, были нарушены законом, который был применен в конкретном деле. В законодательных актах не содержится запрета подачи такой жалобы для иностранных граждан, инвалидов, пожилых людей и т.д.

Одним из условий рассмотрения конституционной жалобы выступает уплата государственной пошлины в размере 0,5 базовой величины. Рассматривать данное требование как ограничение имущественного характера не представляется возможным, так как размер пошлины не является высоким, уплачивается она только после предварительного изучения жалобы Секретариатом Конституционного Суда, а заявитель имеет возможность ходатайствовать об освобождении от уплаты пошлины.

Следует также отметить, что подача конституционной жалобы требует от заявителя определенных знаний, что нельзя рассматривать как ограничение права на ее подачу.

Таким образом, конституционное правосудие в Республике Беларусь для граждан является доступным, так как главным критерием для подачи конституционной жалобы будет являться наличие факта нарушения прав и свобод.

Библиографический список

1. Судебная власть / Под редакцией профессора И. Л. Петрухина. – Москва: ООО ТК Велби, 2003. – 720 с.

УДК 342

ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРЕРЫВАНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ: ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ И ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ США И ФРАНЦИИ)

А. С. Балащенко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. С. Масловская

В статье анализируется правовое регулирование добровольного прерывания беременности на примере США и Франции. Рассматриваются различные подходы, общественное мнение, влияние судебных решений и законодательных инициатив. Делается вывод о значении права на аборт как неотъемлемого репродуктивного права.

Ключевые слова: репродуктивные права; добровольное прерывание беременности; правовое регулирование; Верховный суд; США; Франция; репродуктивное здоровье; легализация.

Вопрос о праве женщин на добровольное прерывание беременности посредством процедуры аборта не теряет своей актуальности на протяжении длительного времени. Отметим, что на сегодняшний день на международном уровне наблюдается скорее тенденция к предоставлению права женщинам на аборт, нежели его запрет. Так, как отмечают эксперты ООН - специальный докладчик по вопросу о праве на физическое и психическое здоровье Дайнюс Пурас и специальный докладчик по насилию в отношении женщин Дубравка Шимонович, «безопасные и легальные аборты является гарантией права женщины самостоятельно принимать решения относительно собственного тела, а также ее прав на равенство, физическое и психическое здоровье» [1, с. 94]. Кроме того, согласно положениям Политической декларации о всеобщем здравоохранении, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 23 сентября 2019 г., указывается на необходимость обеспечения репродуктивных прав и всеобщего доступа к медицинским услугам в области репродуктивного здоровья.

Рассматривая вопрос отношения государства к праву на добровольное прерывание беременности, отметим сложную историческую ситуацию, складывающуюся по отношению к данному вопросу в США, где с 1820-х гг. действовал запрет на искусственное прерывание беременности. Значительное изменение наступило в 1973 г. с решением Верховного суда по делу «Роу против Уэйда». Жительнице Техаса Норме МакКорви отказали в аборте, поскольку закон допускал его лишь для спасения жизни матери. Под псевдонимом Джейн Роу она обратилась в Верховный суд, который семью голосами против двух признал законы штата неконституционными, указав, что право на аборт входит в гарантированное 14-й поправкой Конституции право на частную жизнь. Это решение легализовало аборты на всей территории США. Тем не менее, 24 июня 2022 г. Верховный суд США решением по делу «Доббс против Организации женского здоровья Джексона» отменил данный прецедент, предоставив штатам право самостоятельно решать вопрос о допустимости абортов. В ряде штатов аборты остались легальными, однако, консервативные штаты ввели ограничения.

Опрос Pew Research Center показал, что большинство американцев поддерживают право на аборт, особенно при наличии угрозы жизни женщины или в случаях изнасилования. Несмотря на запреты, число абортов в стране росло в 2023–2024 гг., но в первой половине 2025 г. снизилось на 5% [2]. Закрытие клиник в консервативных штатах, таких как Миссисипи и Луизиана, серьёзно ограничило доступ женщин к данной процедуре.

В этой связи необходимо отметить противоположную позицию Франции по данному вопросу. Во Франции аборты были легализованы в 1975 году с принятием «закона Вейль». В марте 2024 г. Франция стала первой страной, которая прямо закрепила право женщины на аборт в Основном Законе. Конституционный Закон Франции от 8 марта 2024 г. № 2024-200 расширяет законодательную область Парламента, включая в статью 34 Конституции положение следующего содержания:

«Закон определяет условия, при которых осуществляется гарантированная женщине свобода прибегнуть к добровольному прерыванию беременности».

Таким образом, отметим, что сравнение опыта США и Франции показывает разные подходы к правовому регулированию абортов. Тем не менее, право женщины на добровольное прерывание беременности остается неотъемлемым репродуктивным правом, ограничение которого нарушает ряд таких фундаментальных прав как право на жизнь, здоровье и достоинство.

Библиографический список

1. Прокопчик М. Д. Соматическое право на аборт: международное и зарубежное регулирование. // Путь в науку. Юридические науки. – 2022. – с. 94-95.

2. Maddow-Zimet I, Philbin J, DoCampo I and Jones RK, Monthly Abortion Provision Study, updated Sep. 30, 2025, [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://osf.io/k4x7t/.- Дата доступа: 07.10.2025.

УДК 342.731

ВИРТУАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ: КОЛЛИЗИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ СВОБОДЫ И ПРАВОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Д. В. Биндей

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

В статье анализируется конституционно-правовая коллизия, возникающая при реализации права на свободу совести в цифровом пространстве. Рассматривается несоответствие законодательства о религиозных организациях, основанного на территориальном принципе, и децентрализованной природы «виртуальных церквей».

Ключевые слова: виртуальная церковь; свобода совести; конституционное право; правовая коллизия; религиозные организации; ст. 193[1] УК

Тот факт, что «религия и интернет соприкоснулись в начале 1980-х годов» [1, с. 96], обусловило возникновение в цифровом пространстве религиозных сообществ, так называемых «виртуальных церквей. Для части верующих это религиозное пространство становится единственной площадкой для выражения и реализации своих религиозных чувств и потребностей и фактически их новой ценностью [2, с. 396]. Это явление – новая форма коллективной реализации права на свободу совести, гарантированного ст. 31 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями) (далее – Конституция). Однако интеграция этой формы в существующее правовое поле создает юридическую коллизию.

Ст. 31 Конституции гарантирует каждому право на исповедание религии и участие в религиозных обрядах, не запрещенных законом. Однако ст. 13 Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII закрепляет, что для создания и деятельности религиозной общины необходимо не менее двадцати граждан, достигших восемнадцати-

летнего возраста и зарегистрированных по месту жительства в одном или нескольких смежных населенных пунктах. Это территориальное требование невыполнимо для виртуальных сообществ, так как «в интернет пространстве происходит децентрализация религиозных организаций. Общение субъектов религиозной активности уже не привязано к конкретным географическим точкам, не связано с необходимостью совместного проживания на одной территории» [3, с. 345].

Пробел усугубляется тем, что правовая система Беларуси предусматривает юридическую ответственность за деятельность от имени незарегистрированной религиозной организации. Такая ответственность установлена Уголовным кодексом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК), ст. 193[1] которого «криминализует организацию, руководство либо участие в общественном объединении, не прошедшем государственную регистрацию в установленном порядке, что ограничивает, таким образом, свободу ассоциации» [4, с. 95].

Существующий де-факто запрет на легализацию виртуальных церквей не соответствует принципу соразмерности, поскольку у государства уже есть иные инструменты для борьбы с реальными угрозами, исходящими от деструктивных культов: ст. 193 УК закрепляет ответственность за организацию или руководство религиозной организацией, чья деятельность сопряжена с насилием и посягательством на права граждан; создан механизм обязательной регистрации сайтов для решения проблемы анонимности; предусмотрена государственная религиоведческая экспертиза для анализа учений на предмет их законности.

Выявленная конституционно-правовая коллизия требует разрешения путем приведения законодательства в соответствие с Конституцией. Представляется целесообразным введение в законодательство специального, упрощенного уведомительного порядка легализации «цифровых религиозных сообществ». Такой механизм, не требуя территориальной привязки, позволит устранить существующую коллизию и обеспечить реализацию гражданами своего конституционного права на свободу совести, а также вывести соответствующие законодательству объединения из «серой зоны».

Библиографический список

1. Белоруссова С. Ю. Религия в виртуальном пространстве / С. Ю. Белоруссова // Этнография. – 2021. – № 4 (14). – С. 94–118.

2. Сироткин П. Ф. Виртуализация церкви: проблемы и перспективы / П. Ф. Сироткин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – Вып. 3. – С. 396–403.

3. Гаврилов Е. О. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений / Е. О. Гаврилов, О. Ф. Гаврилов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 3(46). – С. 344–346.

4. Борис А. Э. Статья 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь как ограничение права на свободу ассоциации / А. Э. Борис // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 8 : в 2-х т. Т. 2 / сост. С. В. Анцух ; под общ. ред. В. Г. Шадурского. – Минск : Издательство «Четыре четверти», 2012. – Разд. 3. Право и юриспруденция. – С. 95–96.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЙ РЕФЕРЕНДУМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. В. Гудзь

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. М. Кондратович

В статье проведён сравнительный анализ правового регулирования процедуры проведения референдума. Рассмотрены различия между референдумом и плебисцитом. Проанализирована практика зарубежных стран.

Ключевые слова: референдум; плебисцит; Италия; Франция; Люксембург.

Современное конституционное право характеризуется многообразием форм и процедур принятия, изменения и отмены основного закона государства — конституции. Среди этих способов особое место занимает конституционный референдум, выступающий инструментом прямой демократии, обеспечивающим непосредственное участие граждан в решении вопросов государственного устройства. Несмотря на внешнюю демократичность, данный механизм порождает значительное количество теоретических и практических дискуссий, особенно в государствах с нестабильной политической системой или выраженным конфликтом между ветвями власти.

В научной литературе различают конституционный референдум и плебисцит. Последний — форма прямого голосования, при которой граждане выражают мнение по важному политическому вопросу, чаще всего связанному с легитимацией власти. В отличие от референдума, плебисцит носит политический или символический характер и служит подтверждением курса лидера, а не правовой корректировкой. Поэтому некоторые современные референдумы, например итальянские, трактуются как примеры политической мобилизации, смещающие акцент с юридического содержания.

В мировой практике выделяют несколько способов принятия конституции или внесения в неё изменений. Конституция может быть принята парламентом, что характерно для устойчивых демократий, где применяется особая процедура голосования с квалифицированным большинством. Другим способом является принятие на всенародном референдуме, обеспечивающем наивысший уровень формальной легитимности. В ряде стран используется учредительное собрание, разрабатывающее текст конституции, который затем утверждается парламентом или референдумом. Наконец, существует октроирование, при котором конституция даруется монархом или иным высшим органом власти без участия народа, что в современных демократических системах встречается крайне редко. Нередко государства комбинируют указанные механизмы, совмещая парламентское утверждение с последующим вынесением текста на референдум.

Пример Италии демонстрирует, как референдум может оказаться несостоявшимся в юридическом смысле. Голосование по вопросам гражданства и рынка труда, инициированное оппозиционными партиями и профсоюзами, включало

предложение сократить срок натурализации с десяти до пяти лет. Однако призыв премьер-министра Джорджи Мелони к бойкоту привёл к тому, что явка составила менее 30% при необходимом пороге в 50% плюс один голос. В результате референдум не приобрёл юридической силы. Основная проблема заключалась в политизации процесса: голосование превратилось в плебисцит доверия правительству, а не в обсуждение сути реформ. Возможными решениями являются введение обязательных публичных слушаний, подготовка экспертных заключений, дробление комплексных вопросов на отдельные пункты и создание альтернативных механизмов ратификации при низкой явке.

Французская конституционная реформа 2024 года, напротив, была реализована без проведения референдума, но имеет важное значение для понимания роли конституционных изменений. В Конституцию было внесено положение о гарантированной свободе женщины прибегнуть к прерыванию беременности по её желанию. Данное решение стало реакцией на международные события, в частности отмену прецедента *Roe v. Wade* в США, и было направлено на закрепление достигнутых прав женщин. Несмотря на высокую общественную поддержку, реформа вызвала научные дискуссии о границах конституции как института: закрепление конкретных социальных гарантий может ограничивать гибкость законодательства и демократическую дискуссию. Решением может быть сочетание конституционных гарантий с детальным законодательным сопровождением, созданием независимых мониторинговых органов и проведением регулярных общественных консультаций.

Референдум в Люксембурге 2015 года выявил расхождение между инициативами политических элит и общественным мнением. На голосование были вынесены три вопроса: предоставление иностранцам права участвовать в национальных выборах, снижение возраста голосования до 16 лет и ограничение срока пребывания министров на должностях. Все предложения были отклонены значительным большинством. Это свидетельствует о том, что население не было готово к столь радикальным изменениям, а коммуникация властей с обществом оказалась недостаточной. Проблемы заключались в несоответствии инициатив социокультурным реалиям, слишком широком формате голосования и отсутствии поэтапной подготовки. Возможные пути решения включают проведение пилотных проектов, образовательных кампаний, разделение реформ на отдельные голосования и организацию инклюзивных общественных диалогов.

В целом: политизацию и использование его как инструмента партийной борьбы, информационное неравенство, дефицит общественного обсуждения, несовместимость комплексных реформ с бинарной схемой «да/нет», а также отсутствие механизмов реализации даже при формальной победе. Универсальные пути решения включают институциональное проектирование процедур, обязательные экспертные заключения, поэтапность реформ, повышение прозрачности кампаний и сочетание конституционной фиксации с законодательным и административным сопровождением. Такой подход позволяет сохранить баланс между прямой демократией и устойчивостью конституционного строя, минимизировать риски популизма и обеспечить подлинную легитимность конституционных изменений.

УДК 342.8

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА

А. М. Давыдова

студентка 4 курса юридического факультета
Учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. В. Сенькова

В статье рассматривается соотношение избирательного и политического маркетинга как ключевых инструментов современного политического процесса. Анализируется научное толкование данных понятий, а также проводится их разграничение по таким критерием, как методы воздействия и стадийность.

Ключевые слова: избирательный маркетинг; политический маркетинг; избирательная кампания; избирательный процесс.

Политический и избирательный маркетинг представляют собой важные элементы современного политического процесса. Они являются взаимосвязанными, но не идентичными понятиями, которые часто используются как синонимы. Для разграничения данных понятий обратимся к их толкованию.

Политический маркетинг – это совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и публичная власть для определения своих целей и программ и одновременно для воздействия на поведение граждан [1, с.27].

Избирательный маркетинг представляет собой совокупность технических приемов, имеющих целью обеспечить более тесную связь кандидата со своим потенциальным электоратом, познакомить кандидата с максимально большим числом избирателей и с каждым избирателем в отдельности, подчеркнуть разницу между ним и его конкурентами и противниками и, используя минимум средств, добиться в ходе кампании оптимального числа голосов избирателей, необходимого для победы [2, с.39].

Проанализировав эти определения, можно сделать вывод, что понятие избирательного маркетинга более узкое по сравнению с маркетингом политическим. Избирательный маркетинг можно считать частью политического. Его целью будет являться помощь политическим партиям и кандидатам разработать концепцию эффективной избирательной кампании и осуществить ее. То есть, спецификой избирательного маркетинга является более краткосрочная перспектива. Цель же политического маркетинга – влияние на общественное мнение и формирование положительного имиджа политических деятелей и партий, как в период избирательных кампаний, так и вне его, что представляет собой процесс более длительный, системный.

Провести соотношение данных понятий можно и по используемым методам. Что касается политического маркетинга, то используются следующие методы: со-

циологические исследования для изучения общественного мнения, создание контента (например, рекламных роликов), PR-акции. Если говорить об избирательном маркетинге, то это разработка предвыборных программ, проведение агитационных мероприятий, использование рекламы и социальных сетей для привлечения большего числа избирателей.

Еще одним критериям для разграничения понятий избирательного маркетинга и политического маркетинга может служить стадийность данных процессов. Так, политический маркетинг включает в себя:

1)выявление ожиданий каких-либо электоральных групп;

2)определение возможной реакции на действия по решению проблемы;

3)трансформация ожиданий населения в конкретную программу;

4)просчет вероятных результатов;

5)выявление групп населения, на поддержку которых можно рассчитывать;

6)продвижение программы/кандидата.

Избирательный же маркетинг предполагает:

1)определение направлений избирательной кампании;

2)анализ избирательной среды;

3)формирование стратегии;

4)хронологическое планирование избирательной кампании;

5)продвижение кандидата.

В целом, политический маркетинг можно рассматривать как основу для избирательного. Успех предвыборной кампании будет зависеть от того, насколько эффективно будет организован политический маркетинг до выборов. Избирательный маркетинг – это конкретные инструменты для реализации целей политического маркетинга в контексте выборов.

Библиографический список

1. Морозов С. А. Культура политического маркетинга // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – №2. – С.27-35.

2. Холодилин М. С. Особенности становления региональной политико-избирательного маркетинга в России // Власть. – 2007. – №5.– С.39-42.

УДК 342.565.2

УКРЕПЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА И РАСШИРЕНИЕ ЕГО ПОЛНОМОЧИЙ

В. О. Игнатенко

студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республике Беларусь
Научный руководитель: ст. преп. А. А. Березко

Исследуется роль Конституционного Суда Республики Беларусь в укреплении конституционного контроля в отношении Конституции Республики Беларусь. Делается вывод об усилении значения органа конституционного контроля на современном этапе.

Ключевые слова: Конституционный Суд; конституционное судоустройство; конституционный контроль; конституционные права; конституционная законность; полномочия Конституционного Суда Республики Беларусь.

В деле укрепления конституционной законности ключевую роль играют органы судебного конституционного контроля. В Беларуси этот контроль, начиная с Конституции 1994 года, претерпел изменения, включая предмет, полномочия суда и последствия решений. До референдума 1996 года Конституционный Суд Беларуси относился к органам государственного контроля и надзора, а не к судебной системе. В текущей редакции Конституции (гл. 6 «Суд») он включён в судебную систему, что подтверждается Кодексом о судоустройстве и статусе судей, подчеркивающим единство судебной системы [1; с. 378].

После референдума 2022 года значительно усилился конституционный контроль для принятия законодательных актов, необходимых для реализации конституционных положений. Было введено конституционное право на жалобу (ст. 116-1) и расширены полномочия Конституционного Суда. Так, Конституционный Суд в порядке, установленном законом, выносит решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных судами общей юрисдикции в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты. Право и возможность граждан обращаться в Конституционный Суд с жалобой на нарушения конституционных прав и свобод является ключевой юридической гарантией обеспечения правового положения личности и укрепления уровня защищенности конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что Конституционный Суд выступает как «арбитр» в системе государственной власти с целью проверки соблюдения конституционных принципов и норм. Согласно ч. 3 ст. 116-1 Конституции, Конституционный Суд выносит заключения: по предложению Президиума Всебелорусского народного собрания – о систематическом/грубом нарушении Конституции Президентом, по предложению Президента – о систематическом/грубом нарушении Конституции палатами Парламента, о конституционности проведения выборов Президента, депутатов и членов Совета Республики [2; с. 297]. По ч. 5 ст. 116-1 выносятся решения: по жалобам граждан – о нарушениях конституционных прав и свобод, проверяя законы, примененные в конкретном деле, после исчерпания всех других средств судебной защиты; по запросам судов – о конституционности нормативных актов, применяемых в конкретных делах [1; с. 380].

Введение института конституционной жалобы в национальную правовую систему означает переход к конкретному конституционному контролю, что позволит не допустить действия судебных постановлений, основанных на неконституционных нормах законов.

Таким образом, расширение компетенции Конституционного Суда Республики Беларусь позитивно повлияет на общественные отношения и укрепит законность, что является атрибутом правового государства. Новый законодательный

механизм реализации полномочий Конституционного Суда обеспечит процессуальный порядок конституционного правосудия, способствуя верховенству Конституции и защите прав граждан.

Библиографический список

1. Василевич Г. А. Конституционное право : учеб. для студ. учреждений высшего образования по специальностям «Правоведение», «Экономическое право», «Политология» / Г. А. Василевич. – Минск : Вышэйшая школа, 2023. – 421, [1] с.
2. Конституционное право: пособие / С. В. Апанасевич [и др.] ; под общ. ред. А. И. Курака. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024. – 366 с.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 года, 17 окт. 2004 года и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

УДК 342

ДИАЛОГ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ С ГРАЖДАНАМИ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Д. П. Кабаков, А. К. Кукета

студенты 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р. юрид. наук, профессор Г. А. Василевич

В данной статье анализируется законодательство Республики Беларусь в области статуса депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. Исследуются наиболее эффективные формы взаимодействия депутатов с избирателями, выявляется проблематика осуществления форм взаимодействия депутатов и избирателей в Беларуси.

Ключевые слова: парламентарий; избиратель; взаимодействие; подотчетность; Палата представителей.

В условиях современного демократического общества, основанного на принципах народного суверенитета и публичности власти обеспечение максимальной прозрачности деятельности законодательных органов является основным фактором укрепления народовластия. Эта идея находит свое закрепление в Конституции Республики Беларусь 1994 (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.), где провозглашается, что народ является единственным источником государственной власти, осуществляя ее через представительные органы.

Правовое регулирование данной сферы осуществляется через постановление Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь № 707-П5/VIII от 18 декабря 2015 г. «О Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь», а также постановление Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» № 413-СР7/X от 20 марта 2023 г. «О Регламенте Совета Республики Национального собрания Республики Бела-

русь», и, что особенно важно, Закон Республики Беларусь № 196-З «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь» от 4 ноября 1998 г. В совокупности с законодательством о доступе к информации эти документы формируют необходимую правовую базу, гарантирующую гражданам право на получение полной и достоверной информации о работе парламентариев. К традиционным формам обеспечения гласности относятся проведение открытых заседаний, обязательная публикация отчетов, протоколов и результатов голосования, организация личных приемов граждан, а также элементы информационной отчетности через СМИ.

Практический анализ сложившейся ситуации показывает, что существующих мер в условиях стремительной цифровизации общества становится недостаточно. Использование современных цифровых технологий и интернет-коммуникаций в парламентской деятельности остается факультативным. Проанализировав официальный сайт Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь видно, что не все депутаты ведут регулярно обновляемые персональные сайты, которые содержат актуальную информацию об их деятельности. Традиционные же методы информирования, такие как отчеты в печатных изданиях, выступления на телевидении, личные приемы граждан зачастую ограничены в охвате аудитории, обладают низкой оперативностью и не позволяют наладить постоянный диалог с обществом, что, в свою очередь, существенно затрудняет реализацию права граждан на своевременное информирование о деятельности парламента.

Для повышения уровня прозрачности деятельности парламентариев, в условиях развития цифровых технологий, считаем целесообразным предложить изменения в ч. 4 ст. 26 Закона Республики Беларусь «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», а именно: предусмотреть обязательность размещения информации об отчете депутатов Палаты представителей в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах депутатов Палаты представителей. Реализация предлагаемых мер путем создания каждым парламентарием персонального интернет-ресурса, прикрепленного на сайте Палаты представителей, сделает работу парламентариев более прозрачной и понятной для избирателя, что, в свою очередь, повысит уровень политической грамотности граждан, укрепит их доверие к институтам власти и будет способствовать формированию более эффективной системы государственного управления.

Библиографический список

1. Абраменко Е. Г. Особенности развития Парламентаризма на современном этапе / Е. Г. Абраменко // Науч. труды РИВШ. 2022. Вып. 21. Ч. 1, 2022. — С. 3 – 5.

2. Гуйда Е. П. Участие граждан в современном законодательном процессе / Е. П. Гуйда // Материалы науч.-теорет. конф. Институт Парламентаризма и предпринимательства. – Минск, 2008. — С. 30 – 31.

3. Зенченко В. А. Представительство интересов — центральная проблема парламентской системы / В. А. Зенченко // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т Парламентаризма и предпринимательства; [под ред. В. А. Вожанова]. — Минск, 2008. — Вып. 6, ч. 2. — С. 64 — 77.

4. Котляров И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. — Минск: ФУЛинформ, 2009. — 320 с.

УДК 342.725

БЕЛАРУСКАЯ МОВА ЯК КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ КАШТОЎНАСЦЬ

Дз. С. Кабятка

навучэнец 3 курса УА «Юрыдычны каледж Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта»
Навуковы кіраўнік: Л. М. Баліцэвіч-Рында

У артыкуле абгрунтоўваецца значнасць беларускай мовы як канстытуцыйнай каштоўнасці, выдзелены яе функцыі, паказана сувязь з забеспячэннем народнага і дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь.

Ключавыя словы: беларуская мова; нацыянальная ідэнтычнасць; канстытуцыйная каштоўнасць; народны суверэнітэт; дзяржаўны суверэнітэт; дзяржаўная мова.

«Мова – аснова ня толькі нацыянальнай культуры, але і існавання нацыі, існавання этнасу». Васіль Быкаў

Канстытуцыя – гэта не толькі асноўны закон, які вызначае арганізацыю дзяржаўнай улады і прававы статус чалавека, але і важнейшы ідэалагічны і культурны дакумент. Яна фіксуе асноўныя каштоўнасці, на якіх грунтуецца грамадства.

У Рэспубліцы Беларусь адной з такіх фундаментальных каштоўнасцей, на наш погляд, з'яўляецца беларуская мова. Яе статус прама замацаваны ў Канстытуцыі, мае глыбокі сэнс і шматграннае значэнне для нацыянальнай ідэнтычнасці, суверэнітэту і культурнай самабытнасці беларускага народа. Артыкул 17 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь ад 15 сакавіка 1994 г. у рэдакцыі ад 27 лютага 2022 г. (далей – Канстытуцыя) абвяшчае дзяржаўнымі мовамі ў Беларусі беларускую і рускую мовы.

Неабходнасць вылучэння беларускай мовы як асаблівай канстытуцыйнай каштоўнасці вынікае з яе ключавой ролі ў фарміраванні канстытуцыйнай ідэнтычнасці. Беларуская мова выступае ў якасці «кода нацыі», які захоўвае і перадае ўнікальны гістарычны і прававы досвед. Адзначым, что мова выконвае шэраг важных для дзяржавы функцый: аб'ядноўвае грамадства ў адзіны палітычны народ; надае легетымнасць дзяржаўнай уладзе, якая дзейнічае ад імя беларускага народа; з'яўляецца відавочным сімвалам суверэнітэту і самабытнасці Рэспублікі Беларусь, служыць асноўным сродкам захавання і развіцця нацыянальнай культуры.

Наданне беларускай мове статусу дзяржаўнай 26 студзеня 1990 года, замацаванне фармулёўкі: «Рэспубліка Беларусь забяспечвае функцыянаванне беларускай мовы ва ўсіх сферах грамадскага жыцця, захаванне нацыянальных традыцый і гістарычнай сімволікі» у ч. 2 арт. 9 Дэкларацыі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь ад 27 ліпеня 1990 года, прыняцце Канстытуцыі 1994 года, у

якой беларуская мова мела статус адзінай дзяржаўнай мовы – усё гэта стала актам гістарычнай справядлівасці. На працягу стагоддзяў беларуская мова практычна выключалася з афіцыйнай сферы, яе развіццё стрымлівалася, а яе носьбіты часта падвяргаліся дыскрымінацыі. Вышэйшы заканадаўчы акт дзяржавы вярнуў беларускай мове яе законнае месца, прызнаўшы яе важнейшым нацыянальным дасягненнем і духоўнай каштоўнасцю беларускага народа.

Аналізуючы беларускую мову як канстытуцыйную каштоўнасць, адзначым два ўзаемазвязанныя аспекты: фармальна-юрыдычны і каштоўнасна-аксіялагічны. Калі першы азначае абавязковасць выкарыстання беларускай мовы ў сферах судаводства, справаводства і адукацыі, то другі вызначае беларускую мову не проста як інструмент камунікацыі, а як норму-аснову, што вызначае сутнасць нашай дзяржаўнасці, нашу гістарычную памяць і культурна-цывілізацыйны выбар. Мова з'яўляецца сродкам ажыццяўлення народнага суверэнітэту, бо ўлада з'яўляецца вынікам волі моватворчага народу – беларускай нацыі.

Аднак неабходна прызнаць, што існуе і шэраг праблем, якія перашкаджаюць эфектыўнай рэалізацыі гэтых функцый, сярод якіх адзначым дамінаванне рускай мовы ў публічнай прасторы і недастатковую прававую падтрымку беларускай мовы ў галіне адукацыі. Мяркуем, гэта стварае пагрозу не толькі для суверэннай моўнай палітыкі, але і для нацыянальнай бяспекі ў цэлым, паколькі прыводзіць да размыцця нацыянальнай ідэнтычнасці.

З мэтай захавання і ўмацавання дзяржаўнага суверэнітэту Беларусі актуальным падаецца вяртанне важнейшага палажэння прэамбулы Закона ад 26 студзеня 1990 года «Аб мовах у Беларускай ССР» і замацаванне яго у арт. 52 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь ў наступнай рэдакцыі: «Доўг і абавязак кожнага беларуса – шанаваць родную беларускую мову, садзейнічаць яе развіццю і росквіту».

Упэўнены, менавіта канстытуцыйнае замацаванне гэтага грамадзянскага доўгу ператварыла б беларускую мову з проста дзяржаўнай у сапраўдны сімвал і аснову нацыянальнага самавызначэння, чыё існаванне і развіццё становіцца агульнай справай усяго народа.

УДК 342

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А. Ю. Клезович

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

В рамках статьи рассматриваются основные негосударственные формы защиты прав человека, а также их трансформация в условиях цифровизации. Был проанализирован зарубежный опыт на примере Российской Федерации, выдвинуты предложения по созданию специальной нейросети.

Ключевые слова: защита прав; самозащита; искусственный интеллект; права человека; правозащитные организации; цифровизация; юридическая помощь.

Понятие «форма защиты прав человека» означает деятельность субъектов по защите нарушенного права. Существует большое количество различных классификаций. Выделяют государственные и негосударственные; судебные и несудебные; юрисдикционные и неюрисдикционные [1, с. 145]. В рамках данной работы рассмотрим исключительно негосударственные формы защиты: самозащиту и деятельность общественных объединений.

Самозащита предполагает совершение человеком действий, направленных на защиту своего нарушенного права, без обращения к компетентным органам. Человек волен прибегать к любым не запрещённым законодательством методам, направленным на защиту его прав. В условиях развития информационных технологий возможности человека по защите прав, а также по получению информации, касающейся способов защиты нарушенных прав, существенно расширились. Немаловажную роль на сегодняшний день играет искусственный интеллект. Любой гражданин может задать интересующий его вопрос и оперативно получить на него ответ. Подобную возможность удобно использовать и в случае выяснения, как самостоятельно защитить нарушенное право. Однако существующие на сегодняшний день алгоритмы искусственного интеллекта могут предоставлять некорректную правовую информацию. Прежде всего часто искусственный интеллект при ответах апеллирует законодательством зарубежных стран, не всегда на это указывая. Обычный же человек не станет разбираться, в каком конкретно нормативном правовом акте закреплена норма, предложенная искусственным интеллектом. Во-вторых, при ответе на запрос искусственный интеллект может и вовсе ссылаться на несуществующие нормативные правовые акты с несуществующими названиями, что опять же вводит в заблуждение гражданина. Чтобы оградить граждан от подобных ошибок при поиске информации о возможностях защиты прав, целесообразно было бы создать специализированную программу. При разработке такой нейросети могли бы участвовать юристы, обучая её правильной работе с нормативной базой. Подобная нейросеть может быть создана, например, под эгидой адвокатуры как специалистов в области юриспруденции.

Определённым образом в условиях цифровизации трансформируется и деятельность правозащитных организаций. Обратимся к опыту Российской Федерации. Например, в России функционирует «Фонд поддержки пострадавших от преступлений», который занимается оказанием помощи пострадавшим и свидетелям преступлений. Такие лица могут получить юридическую консультацию, а также психологическую помощь. Важным является следующий момент: граждане имеют возможность обратиться за помощью посредством официального сайта организации. В разделе «Общественная приёмная» гражданин может записаться на приём, а затем получить консультацию по телефону через мессенджер WhatsApp. При этом по-прежнему существует возможность и очного приёма у специалиста с предварительной записью по телефону. Ещё одним направлением деятельность данной организации является участие в нормотворческой деятельности. К уча-

стию в ней также привлекаются граждане. В одноимённом разделе гражданин может принять участие в акции «Исправь уголовный закон». Посредством специального поля он направляет свои предложения по улучшению действующих нормативных правовых актов Российской Федерации. Затем поступившие предложения анализируются юристами Фонда и представляются на рассмотрение в соответствующие государственные органы. Подобный подход представляется нам достаточно удачным, поэтому считаем, что его можно перенять белорусским организациям.

Таким образом, негосударственные формы защиты прав человека изменяются в условиях цифровизации, что влечёт определённое количество как проблем, так и новых возможностей. Защита нарушенных прав становится ещё более доступной для граждан, однако необходимо создавать условия для полноценной защиты гражданами своих прав.

Библиографический список

1. Права человека : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.

УДК 340

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ПРАВА НА КОНСТИТУЦИОННУЮ ЖАЛОБУ

В. А. Киселёва

магистрант 1 курса
Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В.А. Брилёва

Статья посвящена анализу института конституционной жалобы в Республике Беларусь как механизма защиты конституционных прав и свобод граждан. Отражена необходимость предоставления возможности для обращения в Конституционный Суд Республике Беларусь посредством конституционной жалобы юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям.

Ключевые слова: конституционная жалоба; конституционный суд; юридическое лицо; индивидуальный предприниматель; конституционное судопроизводство.

Современной формой защиты конституционных прав и свобод посредством конституционного правосудия является конституционная жалоба.

В течение многих лет для отечественного конституционного контроля был характерен механизм опосредованного обращения граждан и юридических лиц в Конституционный Суд Республики Беларусь.

До введения института прямой конституционной жалобы гражданам и юридическим лицам Республики Беларусь был предоставлен косвенный доступ к конституционному правосудию. Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» в старой редакции использовал понятие «инициативное обращение», под которым, по сути, понимается обращение в Конституционный суд с конституционной жалобой, но через уполномоченный орган. Таким образом, гражданин или

юридическое лицо, считавшие, что его права, свободы и законные интересы нарушены решением государственного органа или суда общей юрисдикции, в соответствии со ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, мог обратиться к уполномоченным органам с инициативой о внесении предложения о проверке конституционности нормативного правового акта, примененного при разрешении его дела.

Данный механизм продемонстрировал свою неэффективность. В связи с чем, используя опыт других государств, в новой редакции Конституции Республики Беларусь было закреплено право граждан обращаться в Конституционный Суд с конституционными жалобами на нарушение их конституционных прав и свобод вследствие применения в конкретном деле закона, являющегося неконституционным, по мнению заявителя. Закрепление в законодательстве такого института как конституционная жалоба имеет большое значение. Необходимость его закрепления ни раз отмечалась белорусскими правоведами, так как оно в первую очередь направленно на защиту прав и свобод, а также обеспечивает доступ к правосудию для всех.

Введение института конституционной жалобы в Республике Беларусь обеспечивает прямой доступ граждан к конституционному правосудию, позволяет не допускать действия судебных постановлений, основанных на неконституционных нормах, исключает искажение конституционно-правового смысла норм законов в правоприменительной практике, расширяет гарантии судебной защиты прав и свобод граждан.

В тоже время конституционная жалоба может быть подана лишь гражданином Республики Беларусь, то есть доступна только для такой категории субъектов как физические лица. На данный момент отсутствует возможность обратиться в Конституционный Суд с конституционной жалобой юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Однако, как уже отмечалось, конституционная жалоба должна была заменить институт инициативных обращений, который существовал ранее. Инициативные обращения имели право подавать как граждане, так и юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В ст. 60 Конституции отмечается, что каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом. Из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 60 и ст. 22 Конституции следует, что судебная защита прав и свобод гарантируется каждому, а это означает отсутствие каких-либо ограничений для круга лиц, претендующих на такую защиту [1, с. 229]. В свою очередь, согласно главе 6 Конституции, Конституционный суд отнесён к органам судебной власти.

Таким образом, исходя из вышеупомянутых норм, можно сделать вывод, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, как и граждане, должны иметь возможность обратиться в Конституционный Суд путём подачи конституционной жалобы.

Стоит отметить, что во многих зарубежных странах юридические лица имеют право подавать конституционную жалобу для защиты своих прав и законных интересов в Конституционный Суд. В качестве конкретного примера можно привести Российскую Федерацию. Согласно ст. 96 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКС «О Конституционном Суде Российской Федерации»

право на обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления.

Предоставление юридическим лицам права обращаться с конституционной жалобой — это важнейший элемент современного правового государства и механизма защиты прав, особенно в сфере экономики, предпринимательства и публичных отношений.

В условиях рыночной экономики важно, чтобы бизнес чувствовал правовую защищённость. Если компании не могут оспорить законы, нарушающие их права, это приводит к:

- снижению инвестиций,
- правовой нестабильности,
- росту коррупции и административного давления.

Право на конституционную жалобу — один из инструментов формирования доверия к судебной системе и государству.

Исходя из вышеизложенного, дабы не допустить ухудшения положения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые ранее имели возможность обращения в Конституционный Суд, пусть и опосредованно через инициативные обращения, необходимо предусмотреть норму в Законе Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» о том, что конституционную жалобу также вправе подавать юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Внесение изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве» позволит обеспечить защиту прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также послужит обеспечению доступа к конституционному правосудию в Республике Беларусь всех субъектов права: «Конституционную жалобу в Конституционный Суд вправе подать гражданин, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель, чьи конституционные права, по их мнению, нарушены законом, примененным в конкретном деле» (ст.152).

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / 65 под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 544 с.

УДК 342

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА И РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. Е. Коваленко

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р. юрид. наук, профессор Г. А. Василевич

В ходе исследования рассмотрен судебный прецедент как источник права. Сделан вывод об отсутствии оснований отнесения прецедента к числу источников права в Республике Беларусь.

Ключевые слова: судебный прецедент; право; Конституция; закон; суд; нормативный правовой акт.

Право – совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается мерами государственного воздействия.

Источник права – способ, с помощью которого закрепляются (находят внешнее выражение) нормы права. В теории выделяются следующие два основных источника права: нормативный правовой акт, судебный прецедент.

Исходя из того, какой из источников права является основным в правовой системе государства, проводится их разграничение на: романо-германскую правовую семью (объединяет правовые системы всех стран континентальной Европы; основной источник права – нормативный акт); англосаксонскую правовую семью (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и др.; основной источник права – судебный прецедент).

Согласно Конституции Республики Беларусь: Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство (ст. 1); Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией (ст. 7); государство, все его органы и должностные лица, организации и граждане действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства (ст. 7); судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону (ст. 110); суды осуществляют правосудие на основании Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов (ст. 112).

Согласно Закону Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», законодательство составляют нормативные правовые акты (ст. 3). К числу таковых относятся, в том числе и нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь.

В качестве таких актов, очевидно, в первую очередь следует рассматривать постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Названный орган рассматривает материалы обобщения судебной практики, судебной статистики и дает в порядке судебного толкования судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства (ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей).

Также следует отметить решения Конституционного Суда Республики Беларусь, которые имеют всеобщий характер и могут касаться как вопросов применения законодательства, так и формирования судебной практики (Закон Республики Беларусь «О конституционном производстве»).

Однако данные акты судебных органов Республики Беларусь не являются решениями по конкретным делам и не содержат в себе прецедентов в классическом

понимании. Они, скорее, направлены на обеспечение правильного и единообразного толкования и применения основных источников белорусского права – нормативных правовых актов.

Правовая система Республики Беларусь четко относится к романо-германской правовой семье. Для упрочения позиций прецедента как источника права в Республике Беларусь, на наш взгляд, отсутствуют как исторические предпосылки, так и потребности государства и общества. Прецедентное право складывается исторически, а наша страна также исторически относится к романо-германской правовой семье (со времен статутов ВКЛ и ранее, когда еще только зарождалось писаное право).

Библиографический список

1. Бибило В. Н. Судоустройство: учебник. Минск : Издательство «Прав и экономика», 2001.
2. Василевич Г. А. Судебный прецедент как источник права // Право в современном белорусском обществе / Сборник научных трудов. Выпуск 2. Минск : ИООО «Право и экономика», 2007. С. 13–23.
3. Нужен ли Беларуси судебный прецедент. URL: https://ilex.by/news/nuzhen-li-belarusi-sudebnyj-pretsedent/ (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 342

ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ: НОВАТОРСТВО И ТРАДИЦИИ

В. Г. Краско

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

Всебелорусское народное собрание, являясь новым институтом в политической системе Республики Беларусь, одновременно воплощает историческую преемственность с прежними формами народовластия, существовавшими на белорусских землях.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; вече; Конституция; референдум; народовластие; конституционный строй.

В феврале 2022 г. в общественно-политической жизни Республики Беларусь произошли существенные изменения, связанные с обновлением текста Конституции. До этого изменения и дополнения в Конституцию не вносились почти два десятка лет. Сам механизм прямого совета власти с народом по важнейшим вопросам развития общества был реализован в Беларуси всего 3 раза – в 1995, 1996 и 2004 гг.

В 2022 г. важнейшим вопросом конституционного референдума стало всенародное обсуждение новой модели государственного развития. Особое место заняли вопросы, которые касались наделения конституционным статусом нового высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь, опреде-

ляющего стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающего незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие – Всебелорусского народного собрания.

Уже известный белорусским гражданам институт (в прежнем формате Всебелорусское народное собрание проводилось в 1996, 2001, 2006, 2010, 2016 и 2021 гг., а его решения имели рекомендательный характер) обрел принципиально новый облик. После вступления в законную силу 15 марта 2022 г. результатов референдума, имевшее прежде статус общенационального форума, который созывался указом Президента Республики Беларусь раз в пять лет для реализации гражданами конституционного права на участие в обсуждении и принятии решения по важным вопросам государственной и общественной жизни, Всебелорусское народное собрание прошло в своем развитии стадию институционализации [1]. Оно стало высшим представительным органом власти, который определяет внешнюю и внутреннюю политику Беларуси.

Ещё в период работы конституционной комиссии и общественных обсуждений предлагаемых инноваций возникла дискуссия о природе этого института. Дилемма заключалась в том, является ли Всебелорусское народное собрание исключительно новым конституционным органом или приемником прежних исторических форм народовластия, известных на территории Беларуси. Наиболее известной из них является вече – собрание всех свободных мужчин для решения важнейших политических и общественных вопросов, первое упоминание о котором в летописных источниках датируется 862 г. Именно на вече народ либо призывал князя на трон и определял условия правления, либо признавал права на княжение представителя правящей монаршей династии, что было, несомненно, одним из самых важных политических решений того времени. Так и Всебелорусское народное собрание имеет исключительные права в решении от имени народа Беларуси ряда важнейших государственных вопросов. Кроме того, Всебелорусское народное собрание обладает правом законодательной инициативы, в том числе по вопросам изменения и дополнения Конституции, инициировать проведение республиканских референдумов, а его решения являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов.

Таким образом, представляется, что даже эти параллели и примеры убедительно демонстрируют, что Всебелорусское народное собрание, являясь новым для Республики Беларусь конституционным органом, одновременно воплощает историческую преемственность с прежними формами народовластия, существовавшими на белорусских землях. Представляется, что внедрение элементов исторического опыта коллективного принятия решений в современную правовую модель положительно сказалось на процессе институционализации этого органа, превратив его из консультативно-рекомендательного форума в ключевой государственный орган, занимающий особое место в системе сдержек и противовесов и призванный обеспечить политическую стабильность, гражданское согласие и преемственность в развитии государства.

Библиографический список

1. Пыжик В. И. Правовой статус Всебелорусского народного собрания // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой. URL: https://journals.psu.by/specialists_legal_sciences/article/download/2679/2431/5516 (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 342.718

ПРАВОВОЙ СТАТУС БИПАТРИДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

П. Д. Лабор

студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республике Беларусь
Научный руководитель: ст. преп. А. А. Березко

Исследуется правовое регулирование двойного гражданства в Республике Беларусь в контексте международных стандартов. Выявлены коллизии белорусского законодательства, основанного на признание единого гражданства.

Ключевые слова: двойное гражданство; бипатриды; международно-правовое регулирование; законодательство Республики Беларусь; правовой статус личности; гармонизация законодательства.

Международные правовые акты оказывают существенное влияние на развитие национальных правовых систем, а их имплементация на уровне основного закона порождает обязательство государства обеспечивать применение этих норм на всей своей территории. Особое значение имеет регулирование двойного гражданства, возникающего вследствие различий в национальных законодательствах.

Исторически международное право стремилось ограничить случаи двойного гражданства, что отразила Гаагская конвенция 1930 г. Однако к концу XX века подход изменился: Европейская конвенция о гражданстве 1997 г. признала невозможность полного устранения этого явления и сместила акцент на минимизацию его негативных последствий.

Случаи возникновения двойного гражданства обычно связаны со следующими факторами: территориальными изменениями государства; международной миграцией населения; коллизиями национального законодательства о гражданстве; браком с гражданином иностранного государства; усыновлением иностранного гражданина; натурализацией при сохранении прежнего гражданства и др. [2, с. 165].

Описанные общемировые тенденции взаимодействия международного и национального права, находят свое конкретное воплощение в правовой системе Республики Беларусь. В соответствии со ст. 8 Конституции Республики Беларусь, признаётся приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивается соответствие им законодательства.

Согласно Закону от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь» (далее – Закон) за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признаётся принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Однако наличие второго гражданства у белорусского гражданина не противоречит Конституции Республики Беларусь, в частности ч. 2 ст. 10, где указано, что никто не может быть лишен гражданства Республики Беларусь или права его изменить. Таким образом, де-юре в Республике Беларусь институт двойного гражданства отсутствует, и лицо, имеющее белорусский паспорт, рассматривается государством исключительно как гражданин Республики Беларусь, независимо от наличия у него иных гражданств. В то же время де-факто ситуации бипатризма возникают при приобретении белорусскими гражданами иностранного гражданства без последующего выхода из гражданства Республики Беларуси. Наличие иного гражданства не освобождает от обязанностей и ответственности, вытекающих из гражданства Республики Беларусь. (ч. 2 ст. 11 Закона) [1, с. 141].

Таким образом, проблема двойного гражданства актуальна как для Республики Беларусь, так и для других государств, которая регулируется как национальным, так и международным правом. Современные вызовы, диктуют необходимость модернизации существующих подходов к регулированию данного вопроса. Это предполагает оптимизацию нормативных механизмов, так и развитие международно-правовой базы. Ключевое значение приобретает укрепление договорных отношений между государствами, включая проведение регулярных консультаций, обмен правовым опытом и разработку совместных документов, направленных на минимизацию коллизионных ситуаций. Реализация указанных мер будет способствовать созданию эффективного механизма защиты прав бипатридов, обеспечивая баланс между государственным суверенитетом и индивидуальными правами личности в условиях глобализации.

Библиографический список

1. Конституционное право: пособие / С. В. Апанасевич [и др.]; под общ. ред. А. И. Курака. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2024.
2. Международное право: учеб. пособие. 4-е изд. / А. Н. Вылегжанин [и др.]. М. : Издательство Юрайт, 2023.

УДК 342.53

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

В. Ю. Лис

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Синицына

В данной статье рассматриваются вопросы взаимодействия органов прокуратуры и Всебелорусского народного собрания в контексте укрепления правового государства и

конституционной законности в Республике Беларусь. Подчеркивается важность их взаимодействия в различных сферах, включая надзор за исполнением законов и реализацию программных решений ВНС, таких как Концепция национальной безопасности, а также содержатся предложения по совершенствованию правовых норм.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание Республики Беларусь; народовластие; органы прокуратуры; конституционная законность.

Обеспечение эффективного взаимодействия органов прокуратуры и высшего представительного органа народовластия имеет важное значение для укрепления правового государства, утверждения конституционной законности.

Несмотря на то, что в настоящее время в тексте Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон «О прокуратуре Республики Беларусь») не содержится упоминание о Всебелорусском народном собрании (далее – ВНС), равно как и в Законе Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О ВНС» – о прокуратуре, их взаимодействие осуществляется по ряду направлений.

Так, прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов, указов и иных нормативных правовых актов (в т.ч. нормативных правовых актов ВНС) республиканскими органами государственного управления и иными организациями, подчиненными Совету Министров, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в т.ч. индивидуальными предпринимателями.

В ходе реализации своих полномочий (противодействуя незаконному обороту оружия, ограничивая доступ к деструктивным информационным ресурсам в сети Интернет и т.д.) органы прокуратуры также обеспечивают исполнение решений ВНС программного характера (например, Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением ВНС от 25.04.2024 № 5). Пунктом 63 названной Концепции и ВНС, и органы прокуратуры отнесены к субъектам обеспечения национальной безопасности.

Следует отметить, Генеральный прокурор уполномочен ежегодно представлять палатам Парламента информацию Генерального прокурора о результатах деятельности. Полагаем, схожую информацию в части отчета об осуществлении надзора за исполнением актов ВНС и об их исполнении органами прокуратуры целесообразно доводить и до сведения ВНС. Правовой основой для такой формы взаимодействия может являться ст. 27 Закона «О ВНС».

Несмотря на то, что в соответствии с действующим законодательством «по должности» в состав ВНС не входят представители надзорных органов, представительство органов прокуратуры обеспечивается за счет избираемых делегатов. Например, в настоящее время от федерации профсоюзов Беларуси в состав ВНС избран Генеральный прокурор.

Кроме того, в соответствии с ч. 10 ст. 29 Закона «О ВНС» на заседание ВНС могут быть приглашены руководители государственных органов, не вошедшие в состав ВНС. Ст. 26 Временного регламента ВНС также допускает возможность

участия представителей государственных органов в заседаниях Президиума ВНС по приглашению Председателя ВНС. Полагаем, к числу таких органов в т.ч. относятся органы прокуратуры.

Вместе с тем, п. 1 ст. 11 Закона «О прокуратуре Республике Беларусь», закрепляя право Генерального прокурора и его заместителей принимать участие в заседаниях палат Парламента, и образуемых ими комиссий и иных органов, Конституционного Суда, Пленума и Президиума Верховного Суда, Правительства и его Президиума, коллегии Комитета государственного контроля, не содержит упоминание о ВНС. В связи с чем представляется необходимым дополнить п. 1 ст. 11 Закона «О прокуратуре Республике Беларусь» положением о праве Генерального прокурора и его заместителей в установленном порядке принимать участие в заседаниях ВНС и его Президиума.

Так, с учетом проведенного анализа, взаимодействие органов прокуратуры и ВНС является одним из ключевых элементов в обеспечении правового государства и конституционной законности Республики Беларусь. Фактическое сотрудничество между данными органами уже осуществляется, например, в рамках надзора за исполнением законов и программных решений, однако существует значительный потенциал для развития новых направлений. Правовая основа для этого уже существует, и, на наш взгляд, необходимо активно использовать возможности, предоставляемые конституционными нормами и иными правовыми актами.

УДК 342

ИСТОЧНИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В. А. Мельник

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Боголейко

В статье представлена характеристика системы источников конституционного права Республики Беларусь, выстроенная в порядке иерархии. Особое внимание уделено Конституции, а также анализу места и роли источников в системе нормативных правовых актов.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь; иерархия источников конституционного права; правовая система Республики Беларусь.

Конституционное право – совокупность юридических норм, которые регулируют (закрепляют) базовые характеристики государства и общества, основы правового статуса человека и гражданина, организацию и функционирование государственной власти, ее взаимодействие с личностью и гражданским обществом [1, с. 50]. Система источников конституционного права представляет собой иерархически выстроенную совокупность нормативных правовых актов. Актуальность ее изучения обусловлена изменениями в Конституцию, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 года, которые привели к обновлению правовой действительности.

В общей теории права источники права определяются как официально установленные государством формы закрепления правовых норм, придающие им юридическую силу. Г.А. Василевич конкретизирует это понятие, применительно к конституционному праву, определяя его источники как официальные документы, формулирующие конституционно-правовые положения и обеспечивающие их юридическую действительность [2, с. 14]. Эти документы формируют единую правовую структуру и могут исходить как от государственных органов, так и приниматься непосредственно народом через республиканский референдум.

Будучи Основным Законом государства, Конституция Республики Беларусь занимает высшее положение в правовой иерархии над остальными нормативными правовыми актами [2, с. 16]. Это положение закреплено в тексте Конституции: «Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь. Иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией.». Верховенство Конституции проявляется в трех аспектах. Во-первых, она обладает учредительным характером, легитимируя государственную власть. Во-вторых, Основной закон закрепляет иерархию ценностей, объявляя права и свободы человека высшей целью. В-третьих, она служит критерием правомерности всех иных актов, которые должны не только соответствовать, но и развивать ее положения. Конституционные законы (о внесении изменений и дополнений в Конституцию, о ее толковании) можно рассматривать органичной частью конституционного текста [2, с. 17]. Данные нормативные акты отличаются более высокой юридической силой, чем обычные законы, и усложненной процедурой принятия. Согласно Конституции, разделы I, II, IV, VIII могут быть изменены исключительно через референдум, а остальные разделы – как посредством референдума, так и путем одобрения в каждой из палат Парламента.

Согласно ч. 3 ст. 8 Конституции значение международного договора носит подконституционный, но надзаконный характер [2, с. 18]. Международные договоры, утвержденные Национальным собранием, инкорпорируются в правовую систему страны и имеют равную силу с законодательством.

Отдельную категорию образуют Декреты и Указы Главы государства. В законодательстве о нормативных правовых актах закреплено, что Декреты президента Республики Беларусь, принятые до момента вступления в силу конституционных поправок, одобренных на всенародном голосовании 27 февраля 2022 года, сохраняют свое действие до их официальной отмены.

Система источников конституционного права Беларуси динамично развивается. Референдум 2022 года задал ориентиры для обновления законодательства, обязав государственные органы и ответственных лиц содействовать достижению конституционных целей: обеспечению социальной справедливости, гражданского согласия и укрепления народовластия и суверенитета страны [3].

Библиографический список

1. Основы права : учеб. пособие / коллектив авторов ; под ред. Л.И.Липень, Б.Б. Синькова. – Минск: Амалфея, 2024. – 512 с.

2. Конституционное право : учебник / Г.А. Василевич. – Минск: Вышейшая школа, 2023. – 422 с.

3. Миклашевич, П. П. Обновленная Конституция: преемственность конституционного развития. – 2024.

УДК 342

ПОРЯДОК ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИЙ СТРАН ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ

Ю. А. Модзелевская

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. С. Масловская

В данной работе проведен сравнительный анализ порядка пересмотра Конституций стран Вышеградской группы (Чехии, Словакии, Венгрии, Польши). Рассмотрены способы принятия поправок, выделены субъекты конституционной инициативы, иные особенности пересмотра конституций.

Ключевые слова: Конституция; Чехия; Словакия; Венгрия; Польша; порядок пересмотра.

В условиях развития современного мира возникает необходимость пересмотра и внесения изменений в конституции. В странах Вышеградской группы порядок пересмотра конституций закреплен в учредительных документах.

Чехия. Инициировать изменения к Конституции имеют право Президент республики, Правительство, депутаты и сенаторы. В статье 9 Конституции Чехии закреплено, что ее дополнение и изменение может осуществляться только конституционными законами. Поправки конституции принимаются абсолютным большинством голосов. Вначале необходима подготовка проекта поправок с соблюдением всех требований законодательства. После чего проект поправок передается в Палату депутатов, которая должна одобрить его большинством в 3/5 голосов от полного состава. Далее предложения должны быть одобрены Сенатом большинством голосов полного состава, а после конституционный закон подписывается Председателем Палаты депутатов, Президентом Республики и Премьер-министром. Законы обнародуются путем опубликования в официальном Собрании законов. Конституция прямо запрещает изменения, которые могли бы повлиять на основные принципы демократического правового государства, т.е. установлены абсолютные ограничения для ее пересмотра.

Словакия. Право законодательной инициативы принадлежит Правительству, депутатам Национального собрания и комитетам Национального собрания Словацкой Республики. В соответствии со ст. 84 Конституции для принятия, внесения изменений в Конституцию требуется согласие не менее трех пятых голосов всех членов парламента. Процесс по пересмотру Конституции включает три чтения: обсуждение общей концепции законопроекта без внесения поправок; рассмотрение в профильных комитетах, включая обязательную проверку Конституционным комитетом на соответствие Конституции и международным обязательствам; окончательное обсуждение и голосование. Далее закон подписывается Президентом,

Председателем Национального совета и Председателем Правительства Словацкой Республики и публикуется в официальном источнике.

Венгрия. В соответствии с Основным законом, инициировать изменения может Президент Республики, Правительство, парламентская комиссия или член парламента. Для приятия поправок в Конституцию «за» должны проголосовать не менее 3/5 членов Парламента. Процедура приятия следующая: после предложения изменений в течение пяти дней Председатель Национального собрания подписывает принятый текст и направляет его Президенту Республики. В течении 5 дней с момента получения Президент должен подписать текст и отправить его на публикацию в официальный источник. Если Президент обнаружит нарушения процессуальных требований, он имеет право передать дело на рассмотрение Конституционному суду. Следует отметить, что вопросу о внесении изменений и дополнений референдум не может быть проведен.

Польша. Право инициативы пересмотра Конституции принадлежит не менее чем 1/5 от установленного законом числа депутатов, Сенату и Президенту Республики. После 30 дней со дня внесения законопроекта в Сейм должно состояться первое чтение. Закон принимается не менее чем 2/3 голосов депутатов при участии не менее половины числа депутатов. После закон передается в Сенат, который рассматривает его в течении 60 дней. Сенат принимает поправку абсолютным большинством голосов при участии не менее половины сенаторов. Далее закон передается Президенту, который подписывает его в течении 21 дня, затем закон публикуется в официальном источнике. Следует отметить, что если закон касается положений разделов I, II или XII, то Сенат, Президент или депутаты могут потребовать проведения референдума.

Таким образом, Конституции стран Вышеградской группы являются жесткими. Однако каждая страна имеет свои особенности. В Чехии поправки принимаются конституционными законами. В Словакии необходима обязательная проверка Конституционным комитетом. В Венгрии референдум по поправкам не допускается. В Польше возможен референдум по разделам I, II или XII.

УДК 342.72.73

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ И ИНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ

В. В. Остапенко

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Синицына

В работе рассматриваются проблемы реализации и защита отдельных экологических прав граждан в Республике Беларусь. Предлагается комплекс мер по их решению, включая совершенствование законодательства, повышение правовой грамотности граждан и усиление ответственности в данной сфере.

Ключевые слова: экологические права; охрана окружающей среды; правовая грамотность; ответственность; экологическая безопасность; здоровье человека.

Статья 46 Конституции гарантирует право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права. Эта норма приобретает актуальность, т.к. состояние окружающей среды напрямую влияет на здоровье человека. По данным ВОЗ за 2024 год, загрязнение атмосферного воздуха ежегодно становится причиной преждевременной смерти около 4,2 миллиона человек по всему миру [1, с. 13]. В связи с чем, в Концепции национальной безопасности, утвержденной решением ВНС от 25.04.2024 № 5, получило закрепление понятие экологическая безопасность – состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера. В число основных национальных интересов в экологической сфере входит сохранение благоприятной окружающей среды для жизнедеятельности населения.

Несмотря на наличие нормативных гарантий, реализация права на благоприятную окружающую среду и смежных с ним прав на практике сталкивается с рядом проблем. В частности, затруднено обеспечение доступа граждан к полной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды (ст. 34 Конституции).

Например, в решении Конституционного Суда от 17 мая 2012 г. № Р-706/2012 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь „О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС“ было установлено, что особенности порядка распространения информации о радиационной обстановке должны быть закреплены в законе ввиду её важности для здоровья населения, поскольку установленный порядок предоставления данной информации, основанный на общих нормах экологического законодательства, не обеспечивает достаточных гарантий реализации права граждан на получение полной и достоверной информации. Тем не менее, необходимые изменения в законодательство до настоящего

времени не внесены, что продолжает ограничивать возможность граждан полноценно реализовывать экологические права.

Помимо проблем, связанных с реализацией экологических прав граждан, наблюдаются и трудности в их эффективной защите, во многом обусловленные существующими системными проблемами: пассивность населения, поскольку большинство граждан не обращаются за судебной защитой, если нарушение экологических норм не затрагивает их напрямую, значительная часть населения вовсе не осведомлена о возможности защищать экологические права в судебном порядке [2, с. 96]. Кроме того, трудности обусловлены спецификой рассмотрения экологических дел в судебном порядке: сложность процесса доказывания экологического ущерба, необходимость проведения дорогостоящих и длительных экспертиз, а также большое количество бланкетных норм, требующих обращения к дополнительным правовым актам смежных отраслей.

Учитывая существующие трудности, необходимо формировать комплексный и последовательный подход к их решению. Важно повышать уровень правовой грамотности граждан через средства массовой информации, образовательные программы и цифровые платформы, использовать потенциал конституционных норм и принципов в целях совершенствования законодательства в экологической сфере.

Библиографический список

1. Загрязнение атмосферного воздуха (воздуха вне помещений) и здоровье человека // ВОЗ. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ambient-(outdoor)-air-quality-and-health (дата обращения: 08.10.2025).

2. Адаманова Э. В. Проблемы применения экологического законодательства в судебной и досудебной практике // Лесной Вестник. 2015. № 4. С. 96-103.

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЦИПА «ОДНА СТРАНА – ДВЕ СИСТЕМЫ» (НА ПРИМЕРЕ КНР И ГОНКОНГА)

Е. Д. Пазынич

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. С. Масловская

В статье анализируются две правовые системы, существующие в рамках одного государства, раскрывается содержание концепции «одна страна – две системы», рассматриваются особенности организации управления административной автономией островом Гонконг в составе Китайской Народной Республики, а также определяются различия в организации системы государственных органов и правовом регулировании Специального административного региона Гонконг и материкового Китая.

Ключевые слова: две правовые системы, Специальный административный район, автономия Гонконга, одна страна – две системы.

В основу автономии Гонконга был положен принцип «одна страна – две системы», который закреплен непосредственно в Преамбуле Основного закона Гонконг 1990 г. Следовательно, Гонконг имеет статус специального административного района Китайской Народной Республики (далее – САР КНР) и сохраняет значительную правовую и экономическую автономию, что позволяет Китаю использовать и развивать преимущества данной территории.

В отличие от материкового Китая система права которого с определенными особенностями может быть отнесена к континентальной правовой семье, правовая система Гонконга относится к англо-американской правовой семье.

Отметим, что принцип разделения властей в КНР не используется, поскольку в основе лежит принцип единства государственной власти, а высшим органом государственной власти является Всекитайское собрание народных представителей (далее – ВСНП), которое выполняет не только законодательные функции, но и ряд других. Функции правительства в КНР выполняет Государственный совет КНР (Центральное Народное правительство), который является исполнительным органом высшего органа государственной власти – ВСНП. Органами государственной власти и государственными административными органами в Китае на местах являются местные собрания народных представителей (далее – СНП) и местные народные правительства провинций и муниципалитетов. Последние являются исполнительными органами местных СНП, государственными административными органами на местах.

Гонконг – регион с высокой степенью автономности, который подчиняется непосредственно Центральному Народному Правительству КНР, которое берёт на себя вопросы обороны и внешней политики территории, в то время как Гонконг оставляет за собой контроль над законодательством, полицейскими силами, денежной системой, пошлинами и иммиграционной политикой, а также сохраняет представительство в международных организациях и мероприятиях.

В отличие от КНР, организация власти в САР Гонконг строится на основе принципа разделения властей. Законодательным органом является выборный Законодательный совет Гонконга, который помимо законодательных полномочий осуществляет также контрольные, кадровые и иные полномочия.

Исполнительную власть возглавляет Президент, он же является Главой правительства и представителем Региона. Он назначается Центральным Народным Правительством после местных выборов и ответственен перед ним же. Президент Гонконга избирается сроком на 5 лет и выполняет функции, традиционно свойственные должности президента либо премьер-министра в демократических государствах. Для помощи Президенту в управлении также создается Исполнительный Совет САР Гонконга, члены которого назначаются Президентом.

В Гонконге действует централизованная система судов общей юрисдикции, которая включает также ряд специализированных судебных инстанций. В отличие от САР Гонконг, судебная система КНР является весьма нетипичной и отличается сращиванием управленческих и судебных структур.

Административная автономия Гонконга находит свое выражение в следующих чертах:

1) наличие отдельного конституционного акта высшей юридической силы (Основной закон Гонконга);

2) наличие собственной системы источников права;

3) специальный административно-правовой статус физических лиц-резидентов Гонконга;

4) независимая, основанная на принципе разделения властей, система органов государственной власти;

5) независимая судебная система.

Таким образом, Гонконг сохраняет значительную правовую и экономическую автономию, а его правовая система сочетает в себе элементы местного законодательства и международных стандартов, что позволяет ему сохранять уникальный статус в рамках КНР.

Библиографический список

1. Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014.

2. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. чл.-корр. РАН, проф. М. В. Баглая, д. ю. н., проф. Ю. И. Лейбо и д. ю. н., проф. Л. М. Энтина. М.: Норма, 2004.

3. *Петрыкина, Н. И., Тюрина Д. Д.* Нетрадиционная модель административной автономии КНР – Гонконг. Взгляд российского исследователя / Н. И. Петрыкина, Д. Д. Тюрина. М. : МГИМО, 2019.

УДК 342

ПОЛНОМОЧИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 2022 ГОДА

Д. Д. Паршукова

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. С. Масловская

В статье анализируются полномочия Парламента после внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь в 2022 г. Уделяется внимание перераспределению полномочий между Всебелорусским народным собранием и Национальным собранием Республики Беларусь. Рассматриваются изменения в законодательном процессе и полномочиях Парламента.

Ключевые слова: Национальное собрание; конституционная реформа; полномочия; законодательный процесс; Конституция.

Референдум 27 февраля 2022 года ознаменовал начало нового этапа в развитии белорусского парламентаризма, связанного с внесением изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Одним из основных изменений являлось создание нового представительного органа – Всебелорусского народного собрания. Вместе с тем конституционные функции Парламента – представительная

и законодательная – не были изменены. Определенные трансформации претерпели нормы, касающиеся состава Парламента, срока его полномочий и непосредственно самих полномочий Парламента [1, с. 96]. В результате внесенных изменений полномочия Национального Собрания были скорректированы. Часть его полномочий были переданы Всебелорусскому народному собранию.

Законодательная сфера. В статью 99 Конституции был добавлен еще один субъект законодательной инициативы, а именно Всебелорусское народное собрание. Стоит отметить, что Национальное собрание утратило возможность делегирования Президенту законодательных полномочий на издание декретов, имеющих силу закона. После вступления в силу изменений 15 марта 2022 года Президент после предоставления ему закона для подписания может обратиться в Конституционный Суд с предложением о проверке конституционности закона, срок для подписания такого закона приостанавливается на время рассмотрения предложения Конституционным Судом.

Контрольные полномочия. Так, к Всебелорусскому народному собранию перешли некоторые контрольные полномочия Парламента, а именно право заслушивать Премьер-министра о выполнении программы социально-экономического развития, участие в процедуре смещения с должности Президента Республики Беларусь. Несмотря на это, произошло и расширение контрольных полномочий Национального собрания через право ежегодного заслушивания информации Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности, что закрепляется в ст. 97 Конституции Республики Беларусь.

Полномочия в кадровой сфере. После реформы 2022 года Совет Республики больше не дает согласие на назначение Президентом Председателя Конституционного Суда, Председателя и судей Верховного Суда, Председателя Центральной избирательной комиссии. Теперь Совет Республики дает предварительное согласие Президенту на назначение и освобождение от должности Председателя Комитета государственного контроля, Генерального прокурора, а также Председателя и членов Правления Национального банка. Палата представителей в свою очередь теперь дает только предварительное согласие Президенту на назначение на должность Премьер-министра.

Можно сделать вывод, что Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь – продолжает свою прежнюю деятельность в том же порядке с учетом сокращения некоторых его полномочий и передаче их Всебелорусскому народному собранию, а также изменений, связанных с организацией его рабочей деятельности [2, с. 202].

Таким образом, внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь 15 марта 2022 года скорректировало полномочия Парламента. Помимо этого, были введены нормы о несовместимости мандатов – депутат Палаты представителей, член Совета Республики не может одновременно быть членом Правительства, – что укрепило разделение властей. Изменения также коснулись порядка формирования, состава и срока полномочий Парламента.

Библиографический список

1. Пыжик, В.И. Парламент Республики Беларусь: срок полномочий, структура и полномочия / В.И. Пыжик // Электронный сборник трудов молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Юридические науки Вып.42 – Новополоцк: Полоцкий государственный университет, 2022. – С. 96-99.

2. Ничипорук, В. *В.* Конституция Республики Беларусь: анализ изменений и дополнений, принятых на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. / В.В. Ничипорук // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов. Вып. 28 / сост. М. Д. Липницкая; под общ. ред. Е. А. Достанко. — Минск: Четыре четверти, 2022. — С. 200—204.

УДК 342

ОБЕСПЕЧЕНИЕ АДВОКАТСКОЙ ТАЙНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. В. Попович

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

В данной работе рассматриваются проблемы обеспечения адвокатской тайны в Республике Беларусь. Автор анализирует действующее законодательство и выявляет ряд пробелов и недостатков, которые ставят под угрозу её эффективное функционирование как ключевой гарантии независимости адвоката и основы доверия клиента.

Ключевые слова: адвокат; адвокатская тайна; информация, составляющая адвокатскую тайну.

Адвокатская тайна – это гарантия независимости адвоката и основа доверия между ним и клиентом. Она является необходимым условием для эффективного оказания юридической помощи и работы адвоката в качестве субъекта доказывания. Официальное определение адвокатской тайны в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 года № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» включает в себя следующие элементы: сведения о вопросах, по которым клиент обратился за юридической помощью; суть консультаций, разъяснений, справок, полученных клиентом от адвоката; сведения о частной жизни клиента; информация, полученная от клиента, об обстоятельствах совершения преступления по уголовному делу, по которому адвокат осуществлял защиту прав, свобод и интересов клиента; сведения, составляющие коммерческую тайну клиента. Такой же перечень сведений закреплён в п. 14 Правил профессиональной этики адвоката, утверждённых постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 30 сентября 2021 года № 180.

Считаем разумным расширить законодательное определение адвокатской тайны и включить ещё сведения, касающиеся договора, заключённого между адвокатом и сведения, полученные адвокатом в результате действий, предпринятых по поручению клиента.

Вопрос о конфиденциальности информации, составляющей адвокатскую тайну, приобретает важное значение в ситуациях, когда адвокату становится известно о готовящемся преступлении. Возникает дилемма между сохранением тайны и предотвращением вреда. В соответствии с примечанием к ст. 406 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З не подлежит уголовной ответственности за недонесение о преступлении защитник, узнавший о преступлении во время исполнения своих профессиональных обязанностей. Данная норма распространяется на адвокатов. Но считаем важным разработать более чёткие правила, устанавливающие исключения из принципа конфиденциальности адвокатской тайны в случаях, когда сохранение тайны может привести к тяжким последствиям как для государства, так и для его граждан.

Существует также противоречие между необходимостью защиты адвокатской тайны с одной стороны и возможностью правоохранительных органов получать доступ к информации в рамках уголовного процесса с другой. Законодательство не содержит прямого запрета на запрос сведений о профессиональной деятельности адвоката. Но белорусское законодательство запрещает допрос адвоката по вопросам, связанным с оказанием юридической помощи, а также вызов адвокатов на такой допрос.

Согласно пп. 1.12 п. 1 ст. 107 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 года № 166-З налоговые органы, в том числе должностные лица имеют право получать от государственных органов, иных организаций, нотариусов, банков и физических лиц на безвозмездной основе необходимые для исполнения возложенных на налоговые органы обязанностей документы и (или) информацию, в том числе сведения, составляющие коммерческую, профессиональную, банковскую и (или) иную охраняемую законом тайну. Следовательно, исходя из представленной выше нормы возникает противоречие между Налоговым кодексом Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», который, в свою очередь, запрещает адвокатам разглашать адвокатскую тайну. Из этого вытекает неоднозначное положение, которое ставит адвоката в сложное положение.

Считаем необходимым разработать процедуры взаимодействия налоговых органов и адвокатуры, которые позволят получать необходимую информацию без нарушения адвокатской тайны. Так, например, запросы налоговых органов должны быть чётко мотивированными и касаться только конкретных фактов, не затрагивая суть обращения того или иного клиента к адвокату. Целесообразным представляется разработать рекомендации или же инструкции, регулирующие предоставление адвокатами информации налоговым органам.

УДК 342.72

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВА НА СЧАСТЬЕ

У. С. Пунченко

учащаяся 2 курса УО «Юридический колледж
Белорусского государственного университета»
Научный руководитель: преп. Л. Н. Балицевич-Рында

В статье исследуется конституционное закрепление права на счастье как юридической категории. Сделана попытка выделить конституционные основы права на счастье в Республике Беларусь. Обосновывается, что сущность права на счастье раскрывается через свободу выбора разнообразных и законных способов его достижения.

Ключевые слова: счастье; право на счастье; стремление к счастью; конституция; права и свободы человека; правовые гарантии; благосостояние.

Что такое счастье? Этот фундаментальный вопрос продолжает оставаться предметом глубоких размышлений и разноотраслевых исследований. Для философов счастье – это, прежде всего, поиск главного смысла жизни и того самого «правильного пути», который ведет к внутренней гармонии. Психологов в большей мере интересует, какие именно чувства и эмоции мы испытываем в моменты счастья. Социологи анализируют, как на наше личное ощущение счастья влияет все, что нас окружает: семья, общение с друзьями, отношения в коллективе и даже та атмосфера, которая царит в обществе и стране. Экономисты зачастую связывают уровень счастья с материальной стороной жизни. Они исследуют, как наше благополучие зависит от финансового достатка, стабильного дохода и общего качества жизни, включая доступ к хорошим товарам и услугам. Хотя в нормативных актах нет четкого определения понятия или критериев счастья, можно утверждать, что счастье также является объектом правового регулирования и имеет конституционно-правовые основы.

Логичным и неоспоримым представляется убеждение, что счастье, стремление к нему – это естественное желание и неотъемлемое право каждого человека. Кажется, это аксиома, не требующая доказательств. Однако, обращаясь к Конституции, другим нормативным правовым актам, мы не обнаруживаем прямого упоминания «права на счастье».

Отличительной в этом плане является Декларация Независимости Соединённых Штатов Америки 1776 г., провозгласившая «самоочевидную истину», что «все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». Такое признание права на стремление к счастью дает основание полагать, что государство должно гарантировать своим гражданам не само счастье, а свободу и возможности для самостоятельной реализации человеком его персональной концепции счастливой жизни.

Примечательно, что во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. не нашло закрепления ни право на счастье, ни право на стремление к счастью. Однако в ст. 25 этого исторического документа о правах человека провозглашается, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи». В данной трактовке, на наш взгляд, право на счастье отражается в гарантии его ключевых составляющих – благополучия и здоровья.

В Республике Беларусь согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. в редакции от 27 февраля 2022 г. (далее – Конституция) «Человек,

его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства», а «обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий» (ст. 21). Полагаем, эти положения составляют важнейшие конституционные основы права каждого человека на счастье, так как осуществление человеком своих прав и свобод — необходимое условие для обретения счастья, в чём бы оно ни выражалось для каждого отдельного человека.

Считаем, право на счастье – это не столько требование благ, сколько свобода быть счастливым. Если права обычно предполагают получение чего-либо от государства, то свободы защищают пространство для самостоятельных действий без излишнего контроля со стороны государственных органов.

С этой точки зрения, право на счастье является именно свободой: возможностью человека жить, действовать и выражать себя таким образом, который приносит ему глубинное чувство удовлетворения от жизни.

Таким образом, сущность права на счастье, на наш взгляд, заключается, в первую очередь, в свободе выбора разнообразных и законных способов его достижения.

УДК 342

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Д. Д. Радченко

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. М. Кондратович

Актуальность темы обусловлена растущим распространением вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) как ответа на глобальную проблему бесплодия. Суррогатное материнство является одним из самых дискуссионных вопросов, находящихся на стыке права, медицины, этики и религии. В мире существуют различные подходы к его регулированию.

Ключевые слова: суррогатное материнство; репродуктивные технологии; суррогатная мать, традиционное суррогатное материнство, гестационное суррогатное материнство.

Создание полноценной семьи является мечтой каждой супружеской пары. Но бесплодие все чаще становится реальной проблемой. Если традиционные методы не дают результатов, бесплодная пара остается перед ограниченным выбором: усыновить ребенка или вовсе не иметь детей. Единственная альтернатива, чтобы иметь собственного ребенка, – вспомогательные репродуктивные технологии. Но в случаях тяжелой патологии репродуктивной системы экстракорпоральное оплодотворение (эко) часто бессильно. Остается суррогатное материнство, поэтому биоэтические проблемы этого метода очень актуальная тема в обществе.

В целом в мире существуют несколько подходов к регулированию суррогатного материнства: традиционное (неполное): суррогатная мать является генетической матерью, так как для оплодотворения используется ее яйцеклетка. Во многих странах этот вид запрещен или регулируется строже. Гестационное (полное): суррогатная мать не является генетической матерью ребенка. Эмбрион создается из половых клеток генетических родителей (или доноров) и переносится в матку суррогатной матери.

Поскольку единого подхода к регулированию вопросов суррогатного материнства в мире не выработано, отношение к суррогатному материнству в разных государствах можно разделить на следующие группы:

1) суррогатное материнство разрешено – Российская Федерация, Грузия, Казахстан, ЮАР, США (некоторые штаты), Индия;

2) разрешено лишь некоммерческое суррогатное материнство – Австралия, Великобритания (допускается оплата текущих расходов суррогатной матери), Дания (с серьезными ограничениями), Израиль, Канада, Нидерланды, Норвегия, Испания, Швейцария, отдельные штаты США. Коммерческие соглашения о суррогатном материнстве запрещены и не допускается рассмотрение судебных исков по таким соглашениям [3];

3) суррогатное материнство запрещено законом – Германия: преступлением считается любая попытка «осуществить искусственное оплодотворение женщины, готовой отказаться от своего ребенка после его рождения (суррогатной матери), или имплантировать ей человеческий эмбрион». Наказание несет врач, но не несут предполагаемые родители или суррогатная мать [2], Франция, Швеция, отдельные штаты США;

4) суррогатное материнство не запрещается, но и никак не регулируется законом – Греция, Финляндия [1, с. 30].

Что касается законодательства Республики Беларусь по отношению к данному виду репродуктивных технологий, то только в августе 2006 г. в стране впервые законодательно утверждена возможность получения услуги суррогатного материнства. В целях дальнейшего развития регулирования суррогатного материнства 7 января 2012 г. принят закон «О вспомогательных репродуктивных технологиях».

Закон закрепляет определение понятий «суррогатная мать» и «суррогатное материнство» и устанавливает, что матерью при таком способе репродукции является женщина, заключившая договор с суррогатной матерью, а отцом – супруг этой женщины. Также устанавливаются требования для того, чтобы быть суррогатной матерью, права и обязанности, что демонстрирует достаточное урегулирование данного вопроса в нашей стране, но также есть и проблемные вопросы, которые касаются не только Республики Беларусь, но и всего мира.

Библиографический список

1. Дронова Ю. А. Что нужно знать о суррогатном материнстве. Минск : Городец, 2007.

2. Максимова К. Ребенок любой ценой: почему в Германии запрещено сурматеринство // Информационный портал Germania-online 19.01.2015. URL: https://germania-

online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/leihmutterschaft/1910044// (дата обращения : 07.10.2025).

3. Angle Godwin, Me Ewen. So youre having another woman's Baby // Economics and Exploitation in Gestational Surrogacy, 32 VAND J. TRANSNAT' LL 271, 282(1999).

УДК 342.565.2

О ПРЕЦЕДЕНТНОМ ХАРАКТЕРЕ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Д. Радюк

студент 2 курса юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор С. А. Белов

В настоящем материале предпринимается попытка анализа практики Конституционного Суда Республики Беларусь с точки зрения связанности Конституционного Суда его собственными, ранее вынесенными правовыми позициями. В данном исследовании судебный прецедент не подразумевается в строгом классическом смысле как обязательность любого решения суда для рассмотрения аналогичных дел.

Ключевые слова: конституционный суд; прецедент; jurisprudence constante; судебная практика; правовые позиции.

В доктрине конституционного права стран СНГ сохраняется дискуссия о правовой природе решений органов конституционного контроля, в том числе о наличии в них элементов судебного прецедента. В Республике Беларусь по данной теме нет актуального исследования, имеются только немногочисленные мнения учёных-юристов.

Проявлением прецедентного характера решений является связанность суда собственными ранее вынесенными решениями.

Анализ практики Конституционного Суда Республики Беларусь за 2025 г. показал, что Конституционный Суд только в одном решении ссылается на собственные правовые позиции. Таким образом, в решении от 12 сентября 2025 г. № Р-1310/2025 Суд ссылается на свои правовые позиции из решения от 27 марта 2025 г. № Р-1307/2025.

В некоторых своих решениях Конституционный Суд Республики Беларусь использует нечто подобное на доктрину jurisprudence constante (фр.: «устойчивая судебная практика»), ссылаясь на ряд своих предыдущих решений. Например, в решении от 4 января 2022 г. № Р-1301/2022 Конституционный Суд Беларуси приводит ряд собственных решений от 23 апреля 2011 г. № Р-659/2011, от 05 июля 2013 г. № Р-840/2013, от 10 июля 2019 г. № Р-1188/2019, ссылаясь на сформулированные в них правовые позиции. Так, в решении от 29 декабря 2021 г. № Р-1294/2021 указано, что Конституционный Суд Республики Беларусь учитывает правовые позиции, выраженные им в ранее принятых решениях, приводя ряд решений Суда от 11 июня 2001 г. № Р-116/2001, от 3 января 2003 г. № Р-162/2003, от 23 декабря 2009 г. № Р-411/2009.

Итак, Конституционный Суд Республики Беларусь иногда ссылается на единичное ранее принятое решение, а иногда ссылается на свою последовательную практику, приводя длинный список предыдущих дел, что соответствует использованию доктрины jurisprudence constante, иной раз вообще не ссылается на другие решения. Нельзя утверждать о полной связанности Конституционного Суда Республики Беларусь собственной практикой.

Решения Конституционного Суда Республики Беларусь являются обязательными для всех государственных органов, иных организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Республики Беларусь.

В статье С. А. Белова [1, с. 33] со ссылкой на статью Т. В. Ивановой [2, с. 344] отмечено, что акты Конституционного Суда Республики Беларусь прямо отнесены законом к нормативным правовым актам, что снимает вопрос об отнесении их к прецедентам. Т. В. Иванова же констатировала это ссылкой на ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» на общее положение о том, что акты Конституционного Суда являются видом нормативных правовых актов. Действительно, так было, однако вышеприведенный Закон утратил силу. В актуальном Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» в соответствии с ч. 2 ст. 1 настоящий Закон не распространяется на акты Конституционного Суда Республики Беларусь. Несмотря на изменения, что акты Конституционного Суда теперь прямо не относятся к нормативным правовым актам, их нормативные свойства остались прежними.

Таким образом, воспринимать решения Конституционного Суда Республики Беларусь в качестве некого судебного прецедента нельзя, но определенные предпосылки для этого есть, например, наличие в некоторых решениях связанности Суда собственными ранее выраженными правовыми позициями, не всегда и не везде, но она присутствует. Сами решения Конституционного Суда Республики Беларусь и правовые позиции, сформулированные в них, обязательны и учитываются государственными органами и другими судами.

Библиографический список

1. Белов С. А. Вызовы прецедентного права конституционным судам Центральной и Восточной Европы // Журнал конституционного правосудия. 2020. № 1. С. 32–39.

2. Иванова Т. В. Правотворческая деятельность органов конституционного контроля в Республике Беларусь и в зарубежных государствах: сравнительный анализ // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей / пред. редкол. С. Ю. Солодовников. Минск : БНТУ. 2014. Вып. 2. С. 342–357.

УДК 342.7

ПРАВО НА ЭВТАНАЗИЮ В БЕЛАРУСИ: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Е. Д. Русак

студентка 4 курса
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: магистр управления и права Н. П. Пустовая

В статье исследуется право на жизнь как основополагающее право человека в контексте Конституции Республики Беларусь и поднимается актуальный вопрос о легализации эвтаназии. Автор рассматривает различные аспекты этой проблемы, включая моральные, этические, религиозные и правовые, анализируя опыт стран, где эвтаназия разрешена. Особое внимание уделяется отношению белорусского населения к легализации эвтаназии, учитывая многоконфессиональный состав общества и доминирующую в правовой системе парадигму абсолютной ценности человеческой жизни. Статья подчеркивает отсутствие в Беларуси законодательства, регулирующего вопросы эвтаназии, а также анализирует официальную позицию властей, выступающих против легализации эвтаназии из-за опасений злоупотреблений и противоречия конституционным нормам.

Ключевые слова: право на жизнь; эвтаназия; легализация эвтаназии; добровольный уход из жизни; право на смерть; страдания неизлечимо больных; паллиативная помощь; качество жизни; свобода выбора; моральные принципы; религиозные аспекты.

Право на жизнь, закрепленное в статье 24 Конституции Республики Беларусь, является основополагающим и неотчуждаемым правом человека. Его реализация выступает необходимым условием для осуществления всех иных прав и свобод, гарантированных государством. Вместе с тем, в доктрине и правоприменительной практике отмечаются дискуссии относительно толкования данного права. В частности, обсуждается вопрос о его понимании как неограниченной свободы действий индивида по отношению к собственной жизни, либо как права, сопряженного с обязанностью учета общественного мнения и подхода белорусского законодателя. Разрешение указанной коллизии имеет принципиальное значение для определения пределов реализации права на жизнь в законодательном аспекте и обеспечения баланса между личной автономией и общественным благом.

Вопросы, связанные с легализацией права на эвтаназию, являются актуальной проблемой современного права и морали. Мы не затрагиваем вопросы суицида как право человека на смерть, а рассматриваем исключительные случаи, когда человек выступает объектом, которому пытаются замедлить момент наступления смерти.

Эвтаназия не запрещена законом в Нидерландах, Люксембурге, Бельгии, в некоторых штатах США и в Швейцарии, где условия для добровольного ухода из жизни считаются самыми либеральными.

Так как же простое население относится к легализованной эвтаназии? В Бельгии случаи применения «добровольного ухода из жизни» не являются предметом широкого общественного обсуждения и, как правило, касаются лишь тех людей, которые сознательно приняли решение уйти из жизни, а также их родственников. Согласно статистическим данным, в 67% случаев эвтаназия проводилась в отношении онкологических больных, не имевших шансов на выздоровление. В 19% случаев эвтаназии подвергались пациенты, страдавшие от множества различных неизлечимых заболеваний, а в 3% случаев речь шла о людях с психическими расстройствами. При этом три четверти пациентов, которым была проведена эвтаназия, были в возрасте от 60 до 90 лет.

Готово ли белорусское население к появлению новой статьи в законе? Поддержит ли народ легализацию права на «смерть»? Да, возможно такая формулировка может показаться аморальной, однако Конституция Республики Беларусь не закрепляет обязанности человека жить.

Согласно статистическим данным Беларусь – страна многоконфессиональная. И ни одна из изученных нами религий не дает своего разрешения на добровольный уход человека из жизни. Рассматривая вопросы эвтаназии в религиозном аспекте можно подчеркнуть: поддержание жизни человека искусственными способами, при которых функционируют лишь отдельные органы, не может считаться обязательной и во всех случаях желательной целью медицины. Зачастую продление жизни в таком состоянии лишь усугубляет страдания больного, лишая его права на достойную, спокойную и умиротворенную кончину, о которой православные христиане молятся Господу во время богослужений. Когда активное лечение становится невозможным, его должна заменить паллиативная помощь (обезболивание, уход, социальная и психологическая поддержка), а также духовное окормление. Все эти меры направлены на обеспечение истинно человеческого завершения жизни, наполненного милосердием и любовью.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что верующая часть жителей нашей страны на данном этапе развития общества не готова принять легализацию права на эвтаназию, основываясь на своих религиозных и моральных принципах.

В настоящее время в Республике Беларусь отсутствует специальное законодательство, регулирующее вопросы эвтаназии. Действующее законодательство не содержит правовых норм, допускающих возможность её осуществления.

Уголовный кодекс Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за причинение смерти другому человеку (ст. 139 УК РБ "Убийство"). Это преступление наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

В белорусской правовой системе доминирует парадигма, основанная на абсолютной ценности человеческой жизни и ее безусловной защите со стороны государства. Согласно статье 25 Конституции Республики Беларусь, государство обязано защищать жизнь человека.

Официальная позиция властей исходит из недопустимости легализации эвтаназии, поскольку это будет противоречить конституционным нормам и создаст риски для общества. Высказываются опасения возможных злоупотреблений и манипуляций в этой сфере.

Вместе с тем в Беларуси развивается система паллиативной помощи для неизлечимо больных, основанная на облегчении страданий и уходе.

В обществе тема эвтаназии не получила широкого обсуждения. Периодически высказываются разные мнения, но преобладает консервативный взгляд на эту проблему.

Таким образом, на данный момент правовая парадигма в Беларуси исключает возможность легализации эвтаназии и предусматривает уголовную ответственность за подобные действия.

При этом полагать, что целесообразность и необходимость дальнейшего рассмотрения обозначенного вопроса, а также выработки концептуальных основ эвтаназии в нашей республике, является законченным процессом – это заблуждение.

Во-первых, потому, что решения об отсутствии необходимости в правовом закреплении эвтаназии, в основном, принимаются той категорией нашего общества,

которым сложно оценить масштаб физических и морально-психологических страданий тех людей, которые неизлечимо больны, или их близких, которые испытывают те же чувства.

Во-вторых, на сколько человечным по отношению к больному будет продолжение его мучений и страданий от переносимого им заболевания, осознавая неизбежность ухода.

Перечень аргументов может быть неиссякаемым, что безусловно свидетельствует о многовекторности и проблематике рассматриваемого вопроса.

Гражданину Республики Беларусь предоставлено право на жизнь, которое защищается государством. Это означает, что никто не может лишить человека жизни. Но при всем при этом, ни одна норма не закрепляет обязанность гражданина жизнь. Отсутствие обязанности жить при наличии лишь соответствующего права дает основание полагать, что все-таки человек волен сам принимать решение о реализации своего права.

Конечно, повсеместное распространение возможности такого выбора недопустимо, но его применение в отношение неизлечимо больных людей с учетом их желания либо желания его близких родственников, в том числе с учетом заключений медицинских консилиумов, полагаем возможным как по нравственно-этическим и медицинским аспектам, так и в контексте экономических категорий, таких как расходы на их медицинское обеспечение, последующую паллиативную помощь и т.д.

Насколько бы аморально, бесчеловечно или безнравственно это не звучало, все используемые на эти цели средства затрачиваются государством. При этом речь сейчас не идет об экономии ресурсов, а о возможности их перераспределения и использования для людей, которым еще можно помочь и которых еще возможно спасти.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.

2. Василевич Д. Г. Эвтаназия, суицид, достойное отношение к телу человека после его смерти: законодательство и практика / Д. Г. Василевич // Юридическая наука, законодательство и правоприменительная практика: закономерности и тенденции развития : сборник научных статей : в 2 ч. / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы". – Гродно. – Ч. 1. – С. 54-58.

3. Картавченко В. В., Жёлобов В. Н. Генезис проблемы эвтаназии в странах Западной Европы // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 282-284.

4. Лапицкий В. (ред.) и др. Христианство и медицина в лицах : круглый стол (Гомель, 12 декабря 2019 года). Гомель : ГомГМУ, 2019. – 48 с.

5. Матье Б. Пересмотр Конституции Люксембурга. Обзор современных проблем конституционного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 4. – С. 33–41.

УДК 342.7

К ВОПРОСУ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО АДВОКАТСКОМУ ЗАПРОСУ

А. Н. Сенкевич

аспирант юридического факультета
Белорусского государственного университета, заведующий сектором юридической работы государственного учреждения «Минский научно-практический центр хирургии, трансплантологии и гематологии»

Проанализированы положения правовых актов Республики Беларусь, регулирующих порядок предоставления третьим лицам информации, составляющей врачебную тайну. Обозначена практическая проблема предоставления медицинских сведений по адвокатским запросам. Предложены меры по совершенствованию правового регулирования доступной реализации пациентом своих прав, связанных с охраной здоровья.

Ключевые слова: права пациента, право на охрану здоровья, врачебная тайна, предоставлении медицинской информации адвокату, адвокатский запрос.

В развитие конституционного права граждан на охрану здоровья ч.6 ст. 46 Закона Республики Беларусь от 18.06.1993 г. №2435-XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) содержит положения об отнесении информации о состоянии здоровья пациента к охраняемой законом тайне. Информация о факте обращения пациента за медицинской помощью и состоянии его здоровья, сведения о наличии заболевания, диагнозе, возможных методах оказания медицинской помощи, рисках, связанных с медицинским вмешательством, а также возможных альтернативах предлагаемому медицинскому вмешательству, иные сведения, в том числе личного характера, полученные при оказании пациенту медицинской помощи, а в случае смерти - и информация о результатах патологоанатомического исследования составляют врачебную тайну. Из содержания указанной нормы следует, что врачебную тайну составляют не только сведения о здоровье пациента, а даже информация о самом факте обращения пациентом в организацию здравоохранения за медицинской помощью.

По общему правилу получить такую информацию может только сам пациент. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 46 Закона о здравоохранении, сведения, составляющие врачебную тайну, можно сообщить:

а) лицам, уполномоченным представлять интересы пациента, то есть законным представителям в отношении несовершеннолетнего; опекунам в отношении недееспособного; супругу/супруге или близкому родственнику - в отношении лиц, не способных по состоянию здоровья к принятию осознанного решения;

б) лицам, которых определил сам совершеннолетний пациент, при этом важно отметить, что пациент также может запретить сообщать врачебную тайну определенным лицам.

Кроме того, в соответствии с ч. 7 ст. 46 Закона о здравоохранении медицинская информация о пациенте предоставляется уполномоченным органам и организациям по их запросу. К этой группе субъектов относятся, например, иные медучреждения

при угрозе распространения инфекционных заболеваний, органы уголовного преследования и суда в связи с проведением досудебного производства или судебным разбирательством, а также иные в случаях, установленными законодательными актами.

Обязанность хранить врачебную тайну возложена на медицинских работников. За ее разглашение виновного могут привлечь к уголовной ответственности. Ответственность за такие действия предусмотрена вплоть до лишения свободы (абз. 3 ч. 1 ст. 51 Закона о здравоохранении, ст. 178 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В практической деятельности организаций здравоохранения имеет место серьёзная неопределённость в отношении предоставления медицинских сведений по адвокатским запросам. Так, при направлении запроса о предоставлении медицинских сведений пациента адвокаты руководствуются положением п. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 30.12.2011 № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», согласно которому адвокаты могут запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, у государственных органов и иных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии.

По мнению отдельных практикующих юристов, сокрытие врачебной тайны от адвоката не может быть оправдано. С согласия клиента адвокату по его запросу обязательно должен быть обеспечен доступ к относящимся к сведениям о его клиенте, составляющим врачебную тайну. Подтверждением согласия клиента может быть его подпись на адвокатском запросе [1]. По мнению автора, данная позиция является доминирующей в адвокатской практике.

На сегодняшний день организации здравоохранения отказывают адвокатам в предоставлении указанной информации, мотивируя это положениями ч. 7 ст. 46 Закона о здравоохранении.

Полагаем, что имеет место необходимость расширение перечня субъектов, которым медицинская информация может предоставляться по их запросу. Целесообразно внесение дополнения в ч. 7 ст. 46 Закона о здравоохранении об адвокатах как субъектах, представляющих интересы клиента в установленном порядке, позволяющих в полной мере соблюсти его права.

Библиографический список

1. Любич, О.Л. Проблемы, связанные с собиранием адвокатами доказательств и иных сведений, необходимых для оказания юридической помощи/ О.Л.Любич // ilex : информ. правовая система (дата обращения : 19.09.2025).

УДК 321.011

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Е. А. Соболевский

студент 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор С. А. Белов

В материале раскрывается связь национальной конституционной идентичности с государственным суверенитетом на примере решений органов конституционного контроля, а также важность данной темы в контексте международных отношений как фактора сохранения суверенитета.

Ключевые слова: национальная конституционная идентичность; государственный суверенитет; конституционный суд; наднациональный правопорядок; правовая экспансия.

Идея конституции – идея глобальная: абсолютное большинство стран имеют свои национальные конституции. С юридической точки зрения они весьма похожи по форме и содержанию, однако в неформальном, ценностном наполнении конституция – отражение также и национальной истории и культуры. Вопрос национальной конституционной идентичности особенно актуален сейчас, когда активно формируется наднациональный правопорядок.

Государственный суверенитет – это независимость государства от внешнего воздействия, самостоятельность и верховенство государственной власти. Сегодня государственный суверенитет как бы «размывается»: надгосударственные образования проводят правовую экспансию через каналы международного права. Проблема посягательства на суверенитет возникает, когда надгосударственное образование оставляет за собой право толковать нормы международного договора после его принятия. Подобные уточнения могут противоречить конституциям государств-участников договора. Государство стремится защитить свой суверенитет, разрешая правовые коллизии между национальным и международным правом путем анализа их в конституционном суде, который и выносит мотивированное решение об исполнении или, в особых случаях, отказе от исполнения постановления или иного правового обязательства надгосударственного образования. Как раз здесь важнейшую роль играет концепция национальной конституционной идентичности, которая защищает ядро конституции, её правовые и ценностные основы, на которых зиждется государство и его суверенитет. А нарушение суверенитета государства ведет к нарушению прав граждан этой страны, как точно заметил Андрей Клишас [1].

Конституционная идентичность – это совокупность наиболее фундаментальных и характерных для данной конституционной модели особенностей, позволяющих определить наиболее значимые положения Конституции [2, с. 17]. Важно понимать, что это не просто абстрактная идея, а полноценная часть практики конституционных судов. Например, Конституционный суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в постановлении от 14.07.2015 г. № 21-П впервые прямо сослался на концепцию конституционной идентичности при отказе от исполнения акта Европейского суда по Правам Человека (далее – ЕСПЧ), который посчитал отсутствие права участвовать в выборах лицам, находящимся в местах лишения свободны нарушением конвенции о правах человека. Также концепция конституционной идентичности была использована в постановлении от 19.01.2017 г. № 1-П по известному делу ЮКОСа. КС РФ в своем постановлении упомянул, что «от уважения конституционной идентичности зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека». По мнению КС РФ, постановление ЕСПЧ не может

быть исполнено, ибо оно влечет нарушение прав граждан РФ и игнорирует положения Конституции РФ. Стоит отметить, что концепция конституционной идентичности в практике КС РФ – полноценная действующая правовая доктрина, как, например, в конституционных судах Германии или Италии.

Таким образом, национальная конституционная идентичность является гарантом суверенитета государства, выступая объективными границами, особым фильтром для международного права, позволяющим государству в особых случаях не исполнять акты наднациональных органов власти и защищать нерушимость национальной конституции в условиях стремительно развивающихся международных отношений и интеграции.

Библиографический список

1. XIII Петербургский международный юридический форум : [сайт]. – Правовой суверенитет как гарантия национальной безопасности. – URL: https://legalforum.info/news/pravovoj-suverenitet-kak-garantija-natsionalnoj-bezopasnosti-/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F – (дата обращения: 07.10.2025).

2. Санкт-Петербургский государственный университет : [сайт]. – Белов С.А. лекции по конституционному праву – URL: https://api.dspace.spbu.ru/server/api/core/bitstreams/f0f9497a-2a9d-43ee-bfd3-097f58bf80b5/content – (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ КАК ГАРАНТИЯ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА КАЖДОГО ПОКОЛЕНИЯ

А. А. Стахиевич

студентка Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: ст. преп., магистр права А. А. Березко

В статье рассматривается значение государства в обеспечении конституционных прав и свобод граждан как основы демократии. На примере анализа Конституции Республики Беларусь подчёркивается приоритет человека и необходимость практической реализации его прав, а не только их формального закрепления.

Ключевые слова: конституционные права и свободы; государство; Конституция; Республика Беларусь; молодежь; потенциал; общество.

В современном мире Конституция служит правовой основой для функционирования государства и общества, а также закрепляет неотъемлемые права человека и гарантии их реализации. В. В. Полич подчеркивает, что «Конституция – это залог стабильности, мира и согласия в стране, незыблемый фундамент демократического развития государства…Она открывает перед нами простор для реализации своих идей и стремлений, а наша задача – хранить ее ценности и строить на их базе стабильное демократическое государство» [1, с. 6]. Автор также отмечает, что каждый человек должен ощущать свою принадлежность к государству и вносить посильный вклад в его развитие, а государство же, в свою очередь, должно создавать гражданам условия для достойной жизни, наполненной возможностями

для самореализации и всестороннего развития. Это подчеркивает взаимную ответственность государства и граждан в построении сильного и справедливого общества.

Если обратиться к конституциям демократических государств, то можно заметить, что в каждой из них обязательно присутствуют статьи, посвященные правам и свободам граждан. С провозглашением Республики Беларусь суверенным государством в характере правовой системы государства произошел коренной поворот в сторону признания и уважения человека, его прав и свобод [2, с. 241]. В Конституции Республики Беларусь человек является высшей ценностью и целью общества и государства. Следует также отметить, что весь второй раздел Основного Закона страны определяет принципы взаимоотношений между личностью, обществом и государством. Система конституционных прав охватывает широкий круг возможностей, способствующих развитию личности и раскрытию ее уникального потенциала.

Особую важность в этом контексте приобретает создание благоприятных условий для достойной жизни молодого поколения. Быть молодым – значит сталкиваться с трудностями, создавать или изменять пространство для будущего развития; это значит превращать проблемы в возможности, находить всевозможные решения проблем и быть движущей силой общества [3]. Поэтому для Беларуси, как и для других демократических стран, ключевая задача – раскрытие потенциала молодежи через ее активное участие в политической, экономической, культурной и научной жизни. Конституция Республики Беларусь закрепляет обязанность государства по содействию всестороннему развитию молодежи и созданию условий для ее эффективного участия в общественной жизни в интересах всего общества. Обеспечивая доступ к качественному образованию, профессиональной реализации, здравоохранению и социальной поддержке, государство позволяет молодому поколению реализовать свой потенциал и внести вклад в процветание страны.

В заключение стоит отметить, что конституционные права и свободы являются не просто юридическими нормами, а основой полноценной жизни личности и общества в целом. Они создают возможности для самореализации, раскрытия потенциала каждого человека, создания справедливого и процветающего общества. Республика Беларусь, стремясь к демократическим идеалам, строит свое будущее на принципах верховенства права и уважения прав человека.

Библиографический список

1. Полич В. В. Вступительное слово // Конституция Российской Федерации – основной закон государства : материалы Межвуз. науч.-теор., конф., Новосибирск , 22 декабря 2023 г. / НВИ войск национальной гвардии ; редкол.: А. В. Ляхова [и др.]. Новосибирск: НВИ, 2024. С. 6.

2. Курак А. И. Человек, его права, свободы и гарантии их реализации как высшая ценность и цель белорусского народного общества // Конституционный дискурс в условиях трансформационных процессов: сб. науч. ст. Междунар. Круглого стола, посвященного 25-летию Конституции Республики Беларусь / редкол. : В. В. Лосев [и др.]. Минск: МИТСО, 2019. С. 241.

3. Мантузова Д. А., Торохова С. И., Артамонова В. В. Правосознание и правовая культура: сущностные характеристики и проблемы формирования // Теория и практика общественного развития. 2022. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-

pravovaya-kultura-suschnostnye-harakteristiki-i-problemy-formirovaniya/viewer (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 342.31

ЯЗЫК – ЯДРО НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

А. А. Стельмах

студентка 3 курса УО «Юридический колледж Белорусского государственного университета»

Научный руководитель: преподаватель Л. Н. Балицевич-Рында

В статье анализируется язык как основа народного суверенитета и фактор сохранения национальной идентичности. Обозначены актуальные угрозы языковому суверенитету Беларуси – заполонение языка англицизмами, ненормативной лексикой. Обосновывается необходимость принятия закона об особом статусе государственных языков, излагаются его ключевые идеи.

Ключевые слова: язык; народный суверенитет; государственный суверенитет; конституция; национальная идентичность; англицизмы; ненормативная лексика; закон.

«Язык народа всегда теснейшим образом связан с национальным духом»
Вильгельм Гумбольт

Народ, нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность людей, которую объединяют единая территория проживания, язык общения, культура, экономические связи и самосознание. Зачастую именно общий язык общения служит маркером этнической идентификации. Через язык его носители обретают принадлежность к многовековой истории, культуре и традициям, что, в конечном счёте, формирует ключевой признак нации – её духовную общность. Духовная цельность народа играет ключевую роль в сохранении независимости народа и государства в периоды политического, экономического или идеологического декаданса. Язык выступает важным фактором сохранения национальной идентичности.

Статья 3 Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г в редакции от 27 февраля 2022 г. (далее – Конституция) наделяет белорусский народ прерогативой быть единственным носителем государственной власти и суверенитета. Являясь важнейшим фактором формирования и сохранения целостности народного суверенитета, единый язык обеспечивает возможность публичной дискуссии, формирование общей воли и легитимность власти. Можно говорить о прямой зависимости между степенью языкового единства народа и прочностью государственного суверенитета.

Язык, помимо основного предназначения – общения, выполняет и специфические конституционные функции, к которым можно отнести: интегративную (объединяет многонациональный народ в единую политическую нацию), идентификационную (язык как маркер государственной и национальной идентичности), представительскую и функцию правовой определенности.

Важно отметить, что активная интеграция англицизмов (например, «бокс», «фейк», «коуч») ставит на первый план вопрос сохранения языковой среды в нашей стране. Вопреки тезису о нейтральности английского как lingua franca, его распространение является инструментом культурно-цивилизационной экспансии. В данном контексте защита языкового суверенитета Республики Беларусь как элемента реализации государственного суверенитета приобретает характер стратегической задачи государственного уровня.

Для сохранения идентичности и чистоты общественной речи необходима повышенная охрана государственных языков – элементов нациестроительства, формирующих гражданскую идентичность. Основываясь на признании белорусским народом в преамбуле Конституции необходимости опоры на многовековую историю развития белорусской государственности, культурные и духовные ценности, а также изучив законодательный опыт Российской Федерации, в частности, действующую редакцию Федерального Закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ, представляется целесообразным принятие Закона «Об особом статусе государственных языков Республики Беларусь» (далее – Закон). Важным видится установление в Законе нормы, закрепляющей в нашей стране за белорусским языком, кириллическим алфавитом особого статуса народного достояния. По нашему мнению, в Законе следует предусмотреть нормы о недопустимости использования ненормативных лексики в публичных местах и интернет-пространстве, приравнивая использование таких категорий к оскорблению государственных языков. Закрепление в Законе обязанности использовать государственные языки в логотипах белорусских брендов на таре, упаковке экспортируемой продукции, на наш взгляд, также будет способствовать укреплению языкового суверенитета и продвижению ценностей белорусского народа. Необходимо стимулировать и на локальном уровне принятие правовых мер в целях повышения речевой культуры граждан, что будет способствовать созданию здорового эмоционального фона в трудовых коллективах и, как следствие, повышению производительности труда.

Укрепление позиции государственных языков считаем необходимым условием обеспечения государственного, народного и национального суверенитета Республики Беларусь с учётом всё нарастающих внешних вызовов и угроз.

УДК 342.7(476)

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТУП К ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Р. А. Телятицкий

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. кафедры В. П. Сухопаров

Исследуется право на доступ к информации в сети Интернет: публикации на официальных сайтах, электронные обращения, онлайн-услуги и др. Обосновано «право на данные». Сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства в части регулирования форм реализации права на доступ к информации.

Ключевые слова: право на информацию; доступ к информации; Интернет; электронные обращения; открытые данные; право на данные; Национальный правовой интернет-портал; административные процедуры

Право на доступ к информации в сети Интернет выступает специфической формой реализации конституционного права на информацию и включает поиск, получение, хранение, использование и распространение сведений при соблюдении баланса прав и законных интересов личности, общества и государства. Нормативную основу данного права составляют ст. 34 Конституции Республики Беларусь, гарантирующая возможность получения полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов и ознакомления с материалами, затрагивающими права и законные интересы граждан, а также гарантии, закрепленные в ст.ст. 23, 28 и 33 Основного Закона. В юридической доктрине этот массив норм рассматривается как «совокупность общеобязательных правил поведения, охраняемых и обеспечиваемых государством, содержащих права и (или) обязанности участников информационных отношений» [1, с. 52].

Отраслевой каркас реализации права на доступ к информации в сети Интернет нормативные правовые акты Республики Беларусь, в частности, Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» и др.

Официальное опубликование нормативных правовых актов и доведение их до всеобщего сведения обеспечиваются Национальным правовым интернет-порталом Республики Беларусь – pravo.by. Указанная модель соответствует доктрине информационной функции государства, связывающей полномочия государственной власти в области обеспечения граждан своевременным, полным и достоверным предоставлением общедоступной информации.

В отличие от иных сфер, «интернет-ресурсы в наибольшей степени сочетают в себе информационные, культурные, развлекательные и коммерческие цели» [2, с. 347]. Такое регулирование должно соотноситься с конституционным правом на информацию и не ограничивать законный доступ к общественно значимым сведениям.

Право на доступ к информации в сети Интернет реализуется через несколько форм. Первая – официальные публикации: на правовых порталах и сайтах государственных органов размещаются тексты актов, проекты, отчетность, статистика и др. Вторая – запросный доступ: гражданин подает электронное обращение через государственную систему, получает ответ в установленные сроки. Третья форма – предоставление информации в составе электронных государственных услуг: в личном кабинете человек получает сведения о ходе и результатах дел, выписки, справки и статусы. Четвертая – открытые данные: правовая и социально-экономи-

ческая информация публикуется в формате, пригодном для повторного использования, позволяя контролировать решения и проводить независимый анализ. Пятую форму образуют средства массовой информации и официальные аккаунты органов государственной власти в сети: они доводят общественно значимые сведения до неопределенного круга лиц и обеспечивают обратную связь. Наконец, шестая форма – это интегрированные государственные реестры (например, в здравоохранении, образовании), предоставляющие доступ к персонализированной информации о предоставляемых услугах и результатах процедур.

В совокупности перечисленные формы обеспечивают непрерывный и своевременный доступ: от общего публичного раскрытия и запросов по конкретным делам до персонализированных результатов услуг и повторного использования данных.

Библиографический список

1. Обеспечение прав и свобод человека в информационном обществе / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Г. А. Василевича ; НЦЗПИ Респ. Беларусь. – Минск : Колорград, 2022. – 400 с.

2. Сухопаров, В. П. Подходы к правовому регулированию свободного использования произведений на интернет-ресурсах / В. П. Сухопаров // Акт. проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации гос-ва и права в Респ. Беларусь : мат-лы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак-т, каф. конституционного права ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 345–350.

УДК 342.7

ПРАВО НА ЖИЗНЬ И ПРАВО НА ПРЕКРАЩЕНИЕ ЖИЗНИ

З. С. Харитоненко

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. А. А. Бань

В современном обществе наблюдается сдвиг идеалов от высоких личностных качеств человека к рационально-материальным факторам, что обуславливает глубокий и постоянно возрастающий интерес к фундаментальным вопросам – правам человека на жизнь и на ее прекращение. В статье проведен анализ теоретических основ концепции права на жизнь и на смерть, по результатам которого отмечены имеющиеся проблемы, решение которых необходимо рассматривать комплексно, учитывая медицинский, религиозно-этический и юридический аспекты.

Ключевые слова: конституция; право на жизнь; право на смерть; эвтаназия; убийство; медицина; юриспруденция.

Право на жизнь является важнейшим из всех естественных прав человека, поскольку оно органически заключено в самой его натуре и не может быть передано или отнято. Право на жизнь можно рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах: в широком смысле – представляет собой не только физическое существование

человека, но и возможность вести достойную жизнь, соответствующую современным требованиям и в узком смысле – понимание конституционной нормы о праве на жизнь подразумевает право человека на естественное завершение своего существования, исключающее внешнее насильственное вмешательство[1, с.164].

В Республике Беларусь право на жизнь закреплено как фундаментальное и неотъемлемое в Конституции, которая провозглашает право каждого человека на жизнь и обязывает государство защищать его от любых противоправных действий. Кроме того, Беларусь признает положения Всеобщей декларации прав человека, которая также подтверждают право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность.

Несмотря на это, на законодательном уровне содержание термина «право на жизнь» до сих пор не определено исчерпывающим образом. Эта неопределенность порождает актуальность глубокого исследования проблем реализации права на жизнь в контексте таких явлений как смертная казнь, эвтаназия и аборты, по которым уже долгие годы ведутся острые споры в обществе, медицине и юриспруденции [1, с.193–194].

Также необходимо понимать, что начало действия права на жизнь связано с рождением человека и его правоспособностью, что закреплено в ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь, а завершение определяется моментом смерти, которая ранее уточнялась посредством остановки сердца или дыхания, а сейчас – прекращением мозговой деятельности.

В современном обществе проблема эвтаназии – лишения жизни с целью прекращения невыносимых страданий от болезни или старости – становится все более актуальной. Выделяют следующие виды эвтаназии: добровольная эвтаназия – прекращение жизни пациента по его просьбе и активному согласию при условии ясного ума и твердого решения; активная эвтаназия заключается в том, что врач вводит препарат, непосредственно вызывающий смерть пациента; пассивная эвтаназия связана с отказом больного от поддерживающей терапии, однако используемый термин является спорным ввиду того, что отсутствуют подтверждения, что это признается эвтаназией; прямая и непрямая эвтаназия, заключается в смерти от прямых либо косвенных действий врача [1, с.64-68].

Ответ на вопрос о том, является ли эвтаназия убийством, кроется в двух аспектах: правовом – квалификации деяния и социально-философском – этическая допустимость [2, с. 10] и привел к формированию двух противоположных лагерей, рассматривающих эвтаназию как право человека на смерть как единственный способ избавления от страданий (либеральная позиция) и как завуалированная форма убийства (консервативная позиция) [1, с.309].

Согласно ст. 31 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 года № 2435-XII осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских, фармацевтических работников, запрещено.

Решение имеющихся проблем требует комплексного подхода, включающего правовой анализ, а также всестороннее философское и этическое осмысление в совокупности с результатами общественного мнения.

Библиографический список

1. Капинус, О.С. Эвтаназия в свете права на жизнь: ИД Камерон, 2006-480 с.

2. Курс уголовного права: Особенная часть: учебник/ под. ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова-144 с.

3.Курс уголовного права. В 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении: [монография] / Белорусский государственный университет ; авт. кол.: С. В. Ананич [и др.] ; под. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – 2-е изд., доп. и испр. – Минск : Издательский центр БГУ, 2019. – 863 с., 1экз.

УДК 342.72

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. В. Юреня

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселёва

Исследование посвящено проблеме информационной безопасности несовершеннолетних. Анализируются риски, связанные с онлайн-активностью детей, и предлагаются стратегии защиты от деструктивного контента и других угроз. Рассматриваются меры, направленные на повышение цифровой грамотности и формирование ответственного поведения в сети.

Ключевые слова: информационная безопасность; права ребенка; вредная информация; защита прав ребенка.

Информационное пространство является значительным фактором внешнего окружения, воздействующим на детей и молодежь. Уже с раннего возраста у несовершеннолетних формируется зависимость от мобильных устройств и потребления контента, а доступ в Интернет с мобильного телефона настолько сильно увлекает подростков, что без него они уже не видят смысла жизни. Именно поэтому защита детей от информации, способной причинить вред, является одной из задач государства. В этой связи важное значение имеют вопросы правового обеспечения безопасности несовершеннолетних при использовании информации, размещенной в сети Интернет.

В частности, Законом Республики Беларусь от 19.11.1993 г. №2570-XII «О правах ребенка» определено право детей на защиту от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, а также установлен перечень информации, способной оказать негативное влияние на развитие детей определенной возрастной категории. К ней относятся сведения, побуждающие к совершению преступлений, поощряющие или положительно оценивающие жестокость, насилие и др.

Контроль информационного пространства – одна из ключевых задач по обеспечению безопасности детей. Вместе с тем заблокировать весь вредоносный контент, вероятно, технически невозможно и без помощи родителей уберечь детей от опасной информации не представляется возможным. В свою очередь ответственность за надлежащее воспитание и содержание детей в соответствии со ст.67 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье возложена на родителей, опекунов и попечителей.

Отсутствие контроля со стороны родителей за пребыванием детей в сети Интернет способствует вовлечению их в противоправную деятельность и совершению в отношении них преступлений. Новая редакция Закона «О правах ребенка», которая вступила в силу с 17.01.2026 г., предусматривает меры по защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. В частности, на родителей возлагается обязанность защищать детей от информации, распространяемой в сети Интернет и причиняющей вред их здоровью и развитию, в том числе посредством разъяснения детям вреда такой информации, контроля за использованием детьми ресурсов глобальной компьютерной сети Интернет, а также путем заключения с поставщиками интернет-услуг договора на оказание услуг по ограничению доступа к информации в глобальной компьютерной сети Интернет либо путем применения организационных мер, программно-аппаратных и программных средств, позволяющих не допустить распространения среди детей указанной информации (программ «родительского контроля»).

Одновременно на государственные органы и иные организации возлагаются обязанности оказывать информационно-консультативную помощь родителям в реализации этих мер.

Безусловно, контроль за времяпровождением детей в сети Интернет – это прямая обязанность родителей. Но не все из них обладают достаточными техническими знаниями, позволяющими установить программы «родительского контроля» и эффективно управлять ими. Поэтому для решения проблемы информационной безопасности детей видится целесообразным внедрение системы государственного контроля за поведением и пребыванием детей в сети Интернет, в том числе с учетом международного опыта, возможностей цифрового развития республики и применения искусственного интеллекта.

Перспективным считаем установление возрастных и временных ограничений по использованию несовершеннолетними популярных социальных сетей и мессенджеров (Тикток, Телеграм, Инстаграм и т.п.). Например, в Австралии установлен запрет детям до 16 лет пользоваться социальными сетями или создавать новые учетные записи. В Колумбии действует запрет доступа и создания учетных записей в социальных сетях для детей младше 14 лет без разрешения их родителей или опекунов, а также введены временные ограничения – доступ к социальным сетям должен быть заблокирован с 22 до 6 утра. Подобный опыт может быть заимствован Республикой Беларусь.

СЕКЦИЯ IV.
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 385.81

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

А. А. Бородин

студент 3 курса
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.И. Бородич

Анализируется трансформация вооруженных конфликтов под влиянием информационных технологий. Рассматриваются кибератаки и внедрение искусственного интеллекта как формы вооруженного противостояния, используемые для разрешения социально-политических, территориальных, религиозных, этнических и других противоречий между государствами или группами внутри одного государства. Обосновывается необходимость адаптации правового регулирования для поддержания глобальной безопасности.

Ключевые слова: информационная война; кибератаки; искусственный интеллект; вооруженный конфликт; сетецентрическая война; автономные системы вооружений.

Современная эпоха характеризуется трансформацией природы вооруженных конфликтов, обусловленной развитием информационных технологий, как совокупности методов, средств и процессов для сбора, обработки, хранения, передачи и анализа информации с целью получения нового качества данных или создания информационного продукта (далее — ИТ). В XX веке военное превосходство измерялось огневой мощью, сегодня ключевым фактором стала информация, а конфликты приобрели черты многомерного противоборства. Противостояние переносится в информационную среду, включающую физическое, информационное и когнитивное измерения, где объектами воздействия становятся не только вооруженные силы противника, но и массовое сознание, и гражданское общество [1, с. 87].

Составляющей современных конфликтов стали кибероперации, направленные на нарушение функционирования важной гражданской и военной инфраструктуры: систем энергетики, финансов, транспорта. Такие действия могут приводить к последствиям, сопоставимым с результатами применения кинетического оружия [1, с. 101]. Так, применение вируса Stuxnet в 2010 году нанесло серьезный ущерб ядерной программе Ирана. Подобные кибератаки размывают различие между комбатантами и гражданскими лицами, поскольку гражданская инфраструктура часто имеет двойное назначение.

Практической реализацией концепции информационного превосходства стала доктрина «сетецентрической войны», предполагающая интеграцию всех боевых и обеспечивающих единиц в единую информационную сеть. Направлением в рамках этой доктрины является внедрение систем искусственного интеллекта – области компьютерных наук, целью которой является создание систем, способных

имитировать когнитивные функции человека, такие как обучение, решение задач и принятие решений (далее – ИИ). Ведущие военные державы активно стремятся к интеллектуализации военных операций, применяя ИИ для анализа разведданных, управления беспилотными аппаратами и в системах поддержки принятия решений [2, с. 102].

Развитие ИИ ведет к появлению автономных систем вооружений – боевых роботов, способных самостоятельно идентифицировать и уничтожать цели без прямого вмешательства человека. Передача машине решений о жизни и смерти людей подрывает принцип гуманности и создает неразрешимую проблему ответственности за ошибки и военные преступления.

Таким образом, информационные технологии изменили порядок ведения вооруженных конфликтов, превратив их в гибридное противостояние. Информационно-психологические операции, кибератаки и применение систем на базе ИИ играют не менее важную роль, чем традиционные средства ведения боевых действий. Это приводит к стиранию границ между войной и миром, военными и гражданскими объектами. В этих условиях разработка и совершенствование международных правовых норм, регулирующих применение ИТ в военных целях, становится задачей первостепенной важности для поддержания глобальной стабильности и безопасности [3, с. 21].

Библиографический список

1. Бедрицкий, А. В. Информационная война: концепции и их реализация в США / А. В. Бедрицкий ; под ред. Е. М. Кожокина. – М. : РИСИ, 2008. – 187 с.

2. Разумов, Е. А. Анализ политики КПК по внедрению искусственного интеллекта в военные операции НОАК / Е. А. Разумов // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2023. – Т. 42. – С. 98–110.

3. Кефели, И. Ф. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства / И. Ф. Кефели, Р. С. Выходец // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 11–23.

УДК 342

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ТОВАРОВ ИЗВЕСТНЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Д. А. Баранова

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. С. Абламейко

Цифровизация изменила характер распространения товаров с признаками нарушения исключительных прав, превратив локальные схемы в глобальные онлайн-механизмы. Проведение анализа правовых мер в Республике Беларусь по противодействию таким практикам в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, интеллектуальная собственность, недобросовестная конкуренция, онлайн-торговля, правовая охрана, реклама, социальные сети.

Активное развитие информатизации и цифровизации общества сформировало новую, адаптивную парадигму в сфере незаконного оборота товаров, особенно продукции люксовых брендов. Это проявляется в создании глобальных анонимных торговых площадок, инструментах продвижения подделок и совершенствовании их качества («сверхкопии»). Информатизация способствовала превращению локального бизнеса в глобальную технологичную индустрию. Ранее продажа подделок была ограничена уличными рынками, теперь любой пользователь интернета может заказать неоригинальный товар онлайн. Продавцы из одной страны легко поставляют продукцию в другие, используя анонимные аккаунты в соцсетях, мессенджерах (Instagram, TikTok, Telegram, WhatsApp), форумах и специализированных платформах. Они создают привлекательные страницы с фото и видео, используют таргетированную рекламу и хештеги для выхода на целевую аудиторию. Telegram стал популярной платформой для закрытых продаж.

Информатизация также способствовала качественной эволюции контрафакта. Доступ к изображениям, обзорам и технической документации оригиналов позволяет производителям подделок изучать детали – от строчки до упаковки.

Правовая система Республики Беларусь стремится создать барьер для распространения контрафакта, включая цифровую среду. Согласно ст. 981 Гражданского кодекса от 7 декабря 1998 года № 218-З (далее – ГК РБ) правовая охрана объектов интеллектуальной собственности возникает даже при использовании узнаваемых элементов (силуэтов, узоров, цветовых схем) без копирования логотипов. Наибольший риск – недобросовестная конкуренция. Статья 1029 ГК РБ признаёт таковой действия, вызывающие смешение товаров, включая копирование внешнего вида.

Нарушения влекут гражданско-правовую ответственность – изъятие контрафакта, компенсация, административные штрафы по статье 10.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 91-З с конфискацией, а при крупном ущербе – уголовную ответственность по статье 201 Уголовного кодекса от 9 июля 1999 года № 275-З. На практике возникают сложности, так как дела возбуждаются по заявлению правообладателя, что затруднительно при отсутствии представительства бренда в Беларуси или нежелании участвовать в разбирательствах.

Закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 года № 455-З позволяет блокировать сайты-нарушители. Статья 17 запрещает распространение информации, нарушающей законодательство, включая содействие незаконной торговле. Статья 38 Закона «О средствах массовой информации» от 17 июля 2008 года № 427-З запрещает рекламу запрещённых товаров, включая контрафакт. Статья 26 Закона «О рекламе» от 10 мая 2007 года № 225-З признаёт неэтичной рекламу, вводящую потребителя в заблуждение (например, когда подделка выдается за оригинал).

Процедура ограничения доступа к интернет-ресурсам, распространяющим запрещённую информацию, в том числе контрафактную продукцию, в Республике

Беларусь осуществляется централизованно и регулируется нормами информационного законодательства. Ключевым органом, уполномоченным на принятие решений о блокировке, является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (ОАЦ).

Для повышения эффективности борьбы с цифровым распространением контрафактной продукции целесообразно внедрить механизм прямого участия потребителей в правоприменении через возможность самостоятельной подачи жалоб на подозрительные интернет-ресурсы, страницы и аккаунты, распространяющие подделки. Это ускорит реакцию на нарушения. Также рекомендуется ужесточить ответственность посредников – владельцев платформ, рекламных систем и хостинг-провайдеров, включая санкции за повторное размещение запрещённого контента.

Библиографические ссылки

1. Лосев С. С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 01 июля 2015. Минск : КонсультантПлюс, 2015

УДК 342

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПРИМЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ЖУРНАЛОВ/ДНЕВНИКОВ

К. О. Беляков

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. С. Абламейко

В статье рассматриваются правовые и практические аспекты цифровой трансформации образования в Республике Беларусь. Особое внимание уделено использованию электронных журналов и дневников, а также проблемам, связанным с цифровым разрывом и уровнем цифровой грамотности педагогов.

Ключевые слова: цифровизация; образование; электронный журнал; электронный дневник; цифровая грамотность; Республика Беларусь.

На сегодняшний день образование играет значительную роль в жизни каждого человека. В современном мире с развитием технологий возникает потребность в цифровой трансформации сферы образования. Сегодня в Республике Беларусь существует нормативное правовое регулирование отношений, связанных с цифровой трансформацией образования. Основой для таких отношений являются Кодекс об образовании Республики Беларусь, постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2021 года № 683 «О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года» и другие нормативные правовые акты. Проблема, которую мы хотели бы рассмотреть – это внедрение и эффективное использование электронных журналов/дневников в современных условиях. В рамках данной проблемы видятся некоторые причины и условия: 1) цифровой разрыв между крупными и небольшими населенными пунктами, в том числе

связанный с недостаточной обеспеченностью компьютерной техникой и необходимыми технологиями; 2) недостаточный уровень цифровой грамотности преподавателей.

Так, в Республике Беларусь с 2011 года используется электронный журнал/дневник для коммуникации учитель-ученик (родитель), обеспечивающий прозрачность образования, анализ данных и другие задачи, реализованные в нем. На 2024 год данный сервис использует более 57 процентов учреждений общего среднего образования (бюджетные организации). Использование сервиса предполагает наличие финансирования как со стороны учреждений образования, так и родителей (платные разделы).

В перспективе цифровая трансформация образования может значительно повысить его качество и доступность. Однако для достижения указанных целей необходимо комплексное решение существующих проблем – от технического обеспечения школ до подготовки специалистов и формирование цифровой культуры среди всех участников образовательного процесса.

Следует отметить, что внедрение и использование электронных журналов/дневников требует не только технической базы, но и соответствующей подготовки учителей. Многие из них испытывают трудности при работе с цифровыми платформами (сервисами) из-за недостаточного уровня цифровой грамотности. В связи с этим возникает необходимость в систематическом проведении курсов повышения квалификации, направленных на развитие цифровых компетенций учителей.

И, в заключении, пути решения поднятой проблемы лежат не в плоскости дальнейшего наращивания технологических мощностей (хотя это тоже важно), а в комплексном ее решении, в том числе создании адаптивного, проактивного законодательства. Успех цифровой трансформации определится не скоростью интернета, а готовностью общества и государства к системным изменениям.

Библиографические ссылки

1. Главный информационно-аналитический центр Министерства образования Республики Беларусь. URL: https://www.giac.by/programmy/ras-elec-obr.php (дата обращения: 04.12.2024)

2. SB News. URL: https://www.sb.by/articles/elektronnymi-dnevnikami-i-zhurnalami-polzuyutsya-bolee-57-protsentov-shkol-belarusi.html?ysclid=mgjwagqq9a75232945(дата обращения: 04.12.2024)

УДК 342.9

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. И. Васильев

курсант Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент, М. В. Губич

В статье рассматривается необходимость внедрения искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел Республики Беларусь. Обосновывается целесообразность его размещения на внутренних серверах МВД и начало тестовой эксплуатации для последующей нормативной регламентации.

Ключевые слова: искусственный интеллект; органы внутренних дел; Республика Беларусь; цифровизация; ведомственная сеть передачи данных; аналитика данных; нормативное регулирование; правоприменительная практика; безопасность информации; инновации МВД.

В настоящий момент искусственный интеллект активно внедряется во все сферы жизни общества, в том числе белорусского государства [1]. Цифровая трансформация преступности и рост объёмов информации формируют новые вызовы для правоохранительных органов, преодоление которых требует всё больше ресурсов и времени. В этой связи предлагается рассмотреть возможность внедрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД).

Учитывая недопустимость рисков сбора и утечки данных через иностранные сервисы, предлагаемая архитектура предполагает исключительно внутреннее развёртывание ИИ в сегменте ведомственной сети передачи данных (далее – ВСПД). Такой подход обеспечивает полный контроль над данными и процессами их обработки, а также соответствует Закону Республики Беларусь от 07.05.2021 N 99-З (ред. от 01.06.2022) "О защите персональных данных" и Закону Республики Беларусь от 10.11.2008 N 455-З (ред. от 10.10.2022) "Об информации, информатизации и защите информации".

Неотъемлемой частью внедрения ИИ является правовое сопровождение, включающее регламентацию его использования. В условиях отсутствия всеобъемлющего правового регулирования ИИ в стране, представляется стратегически верным инициировать пилотное внедрение системы в сегменте ВСПД. Данная мера позволит под полным контролем собрать данные о функционировании технологии, отработать практику использования и сформировать обоснованные предложения для последующей разработки нормативных правовых актов. Такой подход представляется методологически верным. Он позволит создать практичные правовые нормы, которые основаны не на теоретических представлениях, а на реальных результатах и потребностях. Для запуска пилотного проекта на настоящем уровне требуется утверждённое руководством МВД распоряжение, придающее проекту легитимность, и методические материалы, регламентирующие порядок использования системы [2].

Для объективной оценки потенциала различных алгоритмов предлагается использовать развёртывание нескольких языковых моделей в едином сегменте ВСПД. В рамках пилотного проекта стоит рассмотреть к внедрению не только большие языковые модели (от англ. Large Language Model) (далее - LLM), предназначенные для обработки текстов, но и иные архитектуры искусственного интеллекта. В частности, сверточные нейронные сети (от англ. Convolutional Neural Network) (далее – CNN) для автоматического анализа изображений, видео- и фотоматериалов, а также рекуррентные нейронные сети (от англ. Recurrent Neural

Network) (далее – RNN), эффективные для работы с последовательными данными, такими как временные ряды событий или расшифровки переговоров. Лидерами в разработке данных технологий являются как международные компании: OpenAI с моделью GPT, Google с моделями BERT и Gemini, так и российские: Yandex с YaLM, Sber AI с GigaChat. Ключевыми характеристиками для сравнительного анализа предлагается считать точность выполнения задач, скорость генерации ответа и объем обрабатываемого контекста. Неотъемлемым элементом проекта является специальная настройка всех развертываемых моделей на специально отобранных массивах данных. Данная процедура должна быть организована с применением методов, исключающих так называемые «галлюцинации» ИИ, то есть предотвращающих генерацию непроверенной, выдуманной или недостоверной информации. Такой подход позволит гарантировать, что результаты работы системы будут основаны исключительно на предоставленных ей официальных данных и регламентах. Их конкурентная эксплуатация в идентичных условиях позволит провести сравнительный анализ эффективности в решении различных оперативных задач [3].

Промедление неприемлемо, ведь надо идти в ногу со временем и с развитием информационно-коммуникационных технологий. Правоохранительным органам стоит относиться к внедрению ИИ в соответствии с принципом наступательности, который соответствует Закону Республики Беларусь от 15.07.2015 N 307-З (ред. от 07.02.2023) "Об оперативно-розыскной деятельности" (с изм. и доп., вступившими в силу с 24.04.2024), что поможет побеждать преступность быстро и эффективно.

Таким образом, предлагаемая модель пилотного внедрения ИИ в сегменте ВСПД ОВД является актуальным решением, соответствующим современному развитию информационно-коммуникационным технологиям. Она позволит на практике испытать технологии ИИ и выработать предложения по разработке нормативной правовой базы. Благодаря возможности реализации данного проекта с минимальными управленческими затратами – это станет значимым шагом в укреплении наступательного принципа правоохранительных органов Республики Беларусь в условиях цифровой реальности, а также обеспечит качественное и эффективное решение задач, стоящих перед ОВД.

Библиографические ссылки

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/88987/ (дата обращения: 10.10.2025).

2. Гельманова З. С., Бакаев Т. К. Внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел // In The World Of Science and Education. 2024. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-deyatelnost-organov-vnutrennih-del/viewer (дата обращения: 10.10.2025)

3. Максимов А. А., Свешникова В. О. Актуальные проблемы внедрения информационных технологий в деятельности ОВД // Криминологический журнал. 2024. № 4. С. 97-100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-vnedreniya-informatsionnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-ovd (дата обращения:10.10.2025)

УДК 342.7

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА В РЕКЛАМНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. С. Вертинский

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. Е.С. Проневич

В работе проанализированы различные подходы к правовой защите образа человека в существующем законодательстве Республики Беларусь. Предлагается уравнять защиту образа иностранного гражданина и гражданина Республики Беларусь.

Ключевые слова: образ человека; реклама; правовая защита; авторское право; персональные данные; дипфейк.

Изображение человека зачастую является важным элементом рекламы, поскольку способно вызывать сильный эмоциональный отклик у потенциального покупателя товара или потребителя услуги. Влияет не только внешний облик, но также и известность определенного человека, поэтому особенно ценной и эффективной считается реклама с использованием знаменитых и влиятельных людей. Желание производителей рекламы быстро и без затрат привлечь к своему товару потребителей может побудить их неправомерно использовать в ней образ человека без его согласия. Также дискуссию вызывает использование «deepfake» знаменитостей [1]. Цель настоящей работы –предложить пути по совершенствованию правовой защиты образа человека в рекламе.

«Право человека на образ можно представить как личное неимущественное право, поскольку это право возникает по поводу нематериального, лишенного экономического содержания образа человека» [2, с. 68]. Согласно Решению Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 октября 2018 г. №Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина», внешний облик человека по своему существу относится к числу нематериальных благ. В связи с этим использование образа человека без его согласия является нарушением личного неимущественного права, которое подлежит защите в силу ст. 151 Кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-З «Гражданский кодекс Республики Беларусь».

Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. №225-З «О рекламе» устанавливает правовую охрану образа исключительно граждан Республики Беларусь (абз. 2 п. 9 ст. 10). По нашему мнению объективных причин для выделения в данной статье только граждан Республики Беларусь не имеется, в связи с чем можно ставить вопрос об обоснованности этого положения Закона, поскольку оно лишает иностранных граждан права на защиту в административном порядке, предлагая только исковую защиту личного неимущественного права.

В рекламе также могут использоваться кадры или элементы из художественных произведений (фильмов, фотографий и т.д.). Эти произведения являются объ-

ектами авторского права, и их несанкционированное использование будет нарушать исключительные права правообладателя (п. 1 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. №262-З «Об авторском праве и смежных правах»). Стоит подчеркнуть, что данный Закон наделяет правовой охраной произведение, а не внешность.

Согласно п. 3 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-З «О защите персональных данных», изображение человека может быть использовано, по общему правилу, только с согласия изображенного там лица. Однако согласие не требуется, если персональные данные уже ранее были распространены (абз. 19 ч. 1 ст. 6 указанного Закона). С точки зрения законодательства в сфере защиты персональных данных использование образов известных людей без их согласия в рекламе не будет противоправным, поскольку фотографии с ними уже зачастую являются общедоступными.

Таким образом, различные правовые акты определяют статус и охрану внешнего облика человека. Закон Республики Беларусь «О рекламе» охраняет только образ граждан Республики Беларусь, что по нашему мнению необоснованно. В связи с этим предлагаем изложить абз. 2 п. 9 ст. 10 указанного Закона в следующей редакции: «имен, псевдонимов, образов или высказываний граждан без их согласия или согласия их законных представителей, если иное не предусмотрено настоящим Законом».

Библиографические ссылки

1. «Использование образов знаменитостей в рекламе – серьезные риски для бизнеса». Как правильно продвигать товар и не получить штраф или даже срок // ООО «Про бизнес Медиа». URL: – https://probusiness.io/law/11528-ispolzovanie-obrazov-znamenitostey-vreklame-sereznye-riski-dlya-biznesa-kak-pravilno-prodvigat-tovar-inepoluchit-shtraf-ili-dazhe-srok.html. (дата обращения: 30.09.2025).

2. Аббуд, Р. Р. Право человека на образ и философия права Иммануила Канта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. №. 1. С. 61-70.

УДК 342.7

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА

Д. П. Гарбачевский

студент юридического факультета
Белорусский государственный университет
Научный руководитель; ст. преп. В. П. Сухопаров

В современную цифровую эпоху право на неприкосновенность частной жизни неразрывно связано с защитой персональных данных, которые стали актуальным объектом правовой защиты из-за потенциальных злоупотреблений. Эффективное правовое регулирование в этой сфере призвано найти баланс между развитием технологий и защитой прав личности.

Ключевые слова: персональные данные, неприкосновенность частной жизни.

Первоначально оно трактовалось узко, через простое перечисление сведений, таких как ФИО или дата рождения, что было закреплено в Законе от 21.07.2008 №418-З «О регистре населения» [1, ст. 8,10]. Существенным шагом вперед стало включение в понятие «персональные данные» в 2014 году формулировки *«иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо»*, что значительно расширило сферу применения понятия. Современный подход, закрепленный в Законе от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных», определяет их как *«любую информацию, относящуюся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано»* [2, ст. 1]. Именно эта широкая трактовка, с одной стороны, обеспечивает комплексную защиту, а с другой — порождает правовую неопределенность в правоприменительной практике.

Несмотря на развитое законодательство, именно широта понятия создает сложности при его применении. Например, остается спорным вопрос, относится ли номер мобильного телефона к категории персональных данных, т.е позволяет ли номер мобильного телефона идентифицировать личность или нет. Ведь в современных условиях развития мессенджеров и социальных сетей в Интернете номер мобильного телефона часто дает возможность идентифицировать человека. Например, введя номер телефона неизвестного контакта человека в мессенджерах типа «Viber» или «Telegram», мессенджер выдает имя и фотографию пользователя (при её наличии).

Таким образом, широта понятия «персональные данные» может вызывать затруднение у правоприменителя: ведь каждый раз приходится оценивать, подпадают ли конкретные сведения под действие законодательства о защите персональных данных.

В связи с этим, для устранения правовой неопределенности и обеспечения единообразия судебной практики, с нашей точки зрения, было бы целесообразным разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения законодательства о защите персональных данных. Такое разъяснение помогло бы разрешить спорные моменты и дать единообразное толкование ключевых понятий.

Рассматривая вопрос влияния обработки данных на частную жизнь, необходимо обратить внимание и на такое явление, как «цифровой профайлинг» — создание «цифрового» портрета пользователя на основе анализа его поведения в сети. Профайлинг в рекламе основывается на сборе разнообразной информации о пользователе: история поиска, просмотры, покупки, реакции в социальных сетях, геолокация и даже время активности. Эти данные позволяют компаниям создавать детальные профили, выявлять интересы, привычки и потребности потребителя. Благодаря этому реклама становится не просто массовой рассылкой, а точечным предложением, повышающим шансы заинтересовать именно конкретного человека. Часто пользователи не осознают, какой объем информации о них собирается, что создает возможности для вмешательства в их личное пространство и даже манипуляций.

Таким образом, право на защиту персональных данных, выделившись из общего права на неприкосновенность частной жизни, стало самостоятельным и фундаментальным правом в цифровую эпоху. Пройдя несколько этапов развития, законодательство Республики Беларусь обеспечивает комплексное регулирование этих отношений. Однако динамичное развитие технологий требует постоянного совершенствования правовых механизмов. В перспективе ключевыми направлениями, на наш взгляд, должны стать устранение правовой неопределенности через судебное толкование, а также совершенствование механизмов контроля за обработкой данных операторами. Это позволит обеспечить необходимый баланс между инновациями и безопасностью личности в новой цифровой среде.

Библиографические ссылки

1. О регистре населения : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2008 г., № 418-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.10.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь, 7 мая 2021 г., № 99-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.06.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. – Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 342

ПЕРСПЕКТИВЫ УСИЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ПО ПРОТИВОДЕЙСВИЮ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ

З. Ю. Головейчук

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. П. Сухопаров

В статье анализируются правовые методы борьбы с наркопреступностью в Беларуси в условиях цифровизации. Рассматриваются такие информационно-технологические угрозы, как Darknet. Предлагается усиление полномочий государственных органов в сфере обеспечения информационной безопасности, в частности в целях предотвращения онлайн-сбыта наркотиков.

Ключевые слова: наркопреступность, цифровизация, национальный сегмент сети Интернет, противодействие обороту наркотиков, информационная безопастность.

Стремительная цифровизация всех сфер жизни общества привела к изменению форм наркопреступности в высокотехнологичный, транснациональный вид преступной деятельности. Преступные группы в сфере незаконного оборота наркотиков можно охарактеризовать следующими чертами: использование анонимных сетей (Darknet) и шифрования данных; расчеты криптовалютой.

Эволюция методов сбыта наркотиков напрямую связана с развитием технологий. Если раньше основными каналами были личные встречи в определенных

местах, то сегодня процесс максимально автоматизирован, обезличен, что значительно затрудняет его пресечение сотрудниками правоохранительного блока. Вербовка ведется активно в социальных сетях, на сайтах по поиску работы, в тематических чатах. Преступные группировки предлагают легкий и быстрый заработок, часто маскируя его под работу «курьером». Весь процесс общения между организатором и «закладчиком» ведется через зашифрованные мессенджеры, а именно Telegram, Signal) с использованием одноразовых аккаунтов [1, с. 33].

В соответствии со статистикой Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь более 60% от общего объема изъятых синтетических наркотиков в 2022-2023 годах предназначались для сбыта через систему «онлайн-закладок» [2].

Ежегодно блокируется деятельность сотен Telegram-каналов и чатов, специализирующихся на сбыте наркотиков, однако ликвидированные каналы быстро восстанавливаются под новыми названиями. Для адекватного противодействия цифровой наркопреступности необходима модернизация законодательства, а именно создание и внедрение национального оператора поисковых систем [3].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. №60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» полномочия в сфере информационной безопастности национального сегмента сети интернет возложены на Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, который координирует деятельность государственных органов, поставщиков интернет-услуг по обеспечению безопасности информации; определяет перечень операторов электросвязи; определяет порядок регистрации доменных имен в национальной доменной зоне, включая требования к юридическим лицам и меры реагирования на нарушения; организует и осуществляет международное сотрудничество по вопросам обеспечения безопасности информации.

На основании постановления Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь и Министерства информации Республики Беларусь от 3 октября 2018 г. № 8/10/6 «Об утверждении Положения о порядке ограничения (возобновления) доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию, новостному агрегатору» поставщики интернет-услуг - ограничивают доступ к интернет-ресурсам на основании списка идентификаторов интернет-ресурсов, который формируется на основании решений Министерства информации, постановлений Генерального прокурора, прокурора области, города Минска, решений Государственной инспекции. Правовая природа для таких ограничений доступа заложена в ст. 38 Закона Республике Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З « О средствах массовой информации», который запрещает распространение сведений, пропагандирующих наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги.

Таким образом, противодействие цифровой наркопреступности требует выработки системного подхода. Эффективное решение данной задачи обеспечивается созданием специализированных технологических инструментов и соответствующей законодательной базы. В Республике Беларусь указанные функции ре-

ализуются в рамках компетенции Оперативно-аналитического центра при Президенте и других государственных органов, наделенных широкими полномочиями по контролю над национальным сегментом сети Интернет.

Библиографические ссылки

1. Готчина, Л. В. Цифровизация наркопреступности и противодействие им // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. №4. С. 32 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-narkoprestupleniy-i-protivodeystviya-im (дата обращения: 07.10.2025).
2. Как правоохранители противостоят обороту наркотиков в интернете // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/july/70911/ (дата обращения: 07.10.2025).
3. МВД: за полгода ликвидировано более 25 интернет-наркошопов// Белорусское телеграфное агентство. URL: https://belta.by/society/view/mvd-za-polgoda-likvidirovano-bolee-25-internet-narkoshopov-730646-2025/ (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 349

ВЛИЯНИЕ БЛОГЕРОВ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д. П. Гупал

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. П. Сухопаров

Рассматривается роль блогеров в формировании общественного мнения. Поднимается вопрос о перспективе появления официальной профессии «блогер», реестра блогеров и их специализированной подготовки.

Ключевые слова: государство; молодежь; блогер; искусственный интеллект; общественное мнение; информация; реестр блогеров.

В условиях развития цифровых технологий традиционные средства массовой информации становятся менее востребованными, так как современная молодежь чаще всего получает информацию из социальных сетей либо от блогеров. Важная мысль, прозвучавшая на панельной дискуссии «Молодежная информационная среда. Куда ведут блогеры?», которая прошла на финальном этапе городского проекта «Минская смена - 2025», заключалась в том, что блогеры становятся значимым источником информации, которому молодежь доверяет, поэтому крайне важно наблюдать и, возможно, контролировать, в каком направлении блогеры ведут своих подписчиков и какой контент они транслируют.

Начальник управления электронных СМИ и Интернет-ресурсов Министерства информации Республики Беларусь А.В. Гончарова в рамках дискуссионной площадки «Минской смены - 2025» отметила, что «блогерское сообщество становится не только каналом донесения информации, но и важным партнером государ-

ства в вопросах формирования общественного мнения». «Важно, чтобы блогерство шло в одном шаге с государством», - подчеркнула А.В.Гончарова, указав на необходимость сотрудничества между государственными структурами и блогерами для достижения общих целей [1].

Официальной профессии «блогер» пока не существует в Республике Беларусь, однако вопрос о ее законодательном закреплении активно обсуждается и остается актуальным. Учитывая стремительный рост и развитие медианаправления, с нашей точки зрения, возникает необходимость закрепления профессии «блогер» на законодательном уровне.

Стоит отметить, что в Беларуси блогеры не подлежат обязательной регистрации. В то же время в последние годы некоторые страны (к примеру, Российская Федерация) начали внедрять реестры учета блогерской деятельности с целью усиления контроля над информационным пространством и повышения уровня социальной ответственности авторов цифрового контента. Полагаем, блогеры, зарегистрировавшись в реестре, будут более внимательны к тому, что они публикуют, зная, что их деятельность контролируется со стороны государства. Осознавая потенциальную ответственность за распространение недостоверной информации, блогеры будут стремиться избегать публикации сведений, которые могут ввести в заблуждение аудиторию или причинить ей какой-либо вред.

На данный момент деятельность по распространению информации в Республике Беларусь регулируется несколькими ключевыми законами, которые устанавливают общие правила и ответственность. Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» закрепляет основные принципы информационных отношений, включая достоверность, полноту и своевременность информации, а также защиту информации о частной жизни. Закон «О средствах массовой информации» дает определение «массовой информации» – это предназначенные для неопределенного круга лиц информационные сообщения и/или материалы. Контент блогеров, который предназначен для неопределенного круга лиц, соответствует этому понятию, даже если на них не распространяется статус СМИ. Ведь распространение блогером, например, порочащих сведений влечет за собой аналогичный общественный резонанс, как и при публикации через СМИ. Несмотря на то, что Закон «О средствах массовой информации» затрагивает деятельность блогеров, все еще существует проблема, касающаяся закрепления их правового статуса. Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит нормы о защите чести, достоинства и деловой репутации (ст. 153). Эта норма является ключевым механизмом прямой защиты, она позволяет гражданину или организации требовать опровержения порочащих их честь, достоинство или деловую репутацию сведений.

Таким образом, несмотря на отсутствие специализированного законодательства, регламентирующего деятельность блогеров, к ним применимы общие нормы гражданского и информационного права.

Библиографические ссылки

1. Куда ведут блогеры и в чем поможет ИИ, обсудили на «Минской смене» // Официальный сайт Минского городского исполнительного комитета. URL: https://minsk.gov.by/ru/news/new/2025/10/02/2370/ (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 34.096

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ «БОЛЬШИХ ДАННЫХ» И ВЫЗОВЫ ДЛЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Р. В. Дубинчик

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. П. Сухопаров

В статье рассматриваются ключевые проблемы защиты персональных данных в условиях масштабной цифровизации, вопросы правового регулирования и технических мер безопасности. Особое внимание уделяется рискам нарушения приватности, способности технологий идентифицировать личности даже на основе обезличенных данных, а также эволюции законодательных и этических подходов к защите частной жизни.

Ключевые слова: большие данные, неприкосновенность частной жизни, персональные данные, правовое регулирование, защита данных, цифровая безопасность.

Технологии «Больших данных» (Big Data) представляют собой процесс сбора, хранения и анализа огромных объемов разнообразной информации, включая как структурированные, так и неструктурированные данные. В современном мире их применение охватывает широкий спектр сфер: от медицины и финтеха до маркетинга и государственного управления. Эти технологии позволяют выявлять закономерности, прогнозировать тенденции и принимать обоснованные решения на основе данных.

Однако использование больших данных тесно связано с обработкой персональных данных, что ставит перед обществом и законодательством важные вызовы в области защиты неприкосновенности частной жизни. Масштабный сбор информации повышает риск нарушения приватности, поскольку даже обезличенные данные могут с помощью современных методов быть деанонимизированы, что ведет к утечкам и неправильному использованию личной информации.

Правовое регулирование обработки больших данных требует строгого соблюдения принципов законности, минимизации объема собираемых данных, ограниченности цели и прозрачности. В этой области развивается практика создания новых нормативных актов, которые учитывают специфику Big Data и обеспечивают баланс между интересами бизнеса и защитой прав граждан. Одновременно технические меры, такие как шифрование, обезличивание и контроль доступа, играют ключевую роль в обеспечении информационной безопасности.

Кроме того, использование технологий больших данных вызывает этические вопросы, связанные с доверием общества и социальной ответственностью организаций, обрабатывающих такие данные. Важным становится обеспечение прав субъектов данных на информированность, контроль и согласие на обработку их персональной информации.

Таким образом, технологии больших данных представляют собой мощный инструмент, который требует комплексного подхода к регулированию и защите

личной информации, обеспечивая развитие инноваций при сохранении неприкосновенности частной жизни.

Национальный центр защиты персональных данных (НЦЗПД) Республики Беларусь играет ключевую роль в обеспечении неприкосновенности частной жизни и защиты персональных данных в условиях развития технологий «Больших данных». Центр создан в соответствии с Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» и Указом Президента № 422 с целью контроля за соблюдением законодательства, повышения уровня защиты личной информации и формирования ответственного отношения к данным как у организаций, так и у граждан.

В контексте технологий Big Data, которые используют огромные массивы персональной информации для анализа и прогнозирования, деятельность НЦЗПД направлена на:

1) Контроль и мониторинг обработки персональных данных операторами, включая проведение плановых, внеплановых и камеральных проверок с выявлением и устранением нарушений;

2) Образовательные и просветительские программы по вопросам защиты данных и осознанному принятию решений субъектами данных при предоставлении информации о себе.

3) Разработка рекомендаций и методических материалов, помогающих бизнесу и государственным учреждениям приводить деятельность в соответствие с законодательством о персональных данных, что особенно актуально при использовании Big Data, где риски нарушения приватности существенно возрастают.

4) Совершенствование правового регулирования на основе анализа практики применения законов и технических возможностей защиты данных, включая технологии шифрования и обезличивания.

Таким образом, НЦЗПД осуществляет комплексный подход к содействию развитию современных информационных технологий, гарантирующих эффективность обработки больших объемов личной информации при строгом соблюдении прав на неприкосновенность частной жизни, что является важной составляющей баланса между инновациями и защитой гражданских прав.

НЦЗПД помогает обеспечить баланс между развитой цифровой экономикой, основанной на технологиях больших данных, и фундаментальным правом граждан на защиту личной информации, способствуя формированию ответственного отношения к персональным данным как у операторов, так и у субъектов данных.

УДК 34.09

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Д. А. Зубрик

аспирант 2 года обучения
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. А. Шаршун

Статья посвящена анализу современного состояния законодательства Республики Беларусь в сфере искусственного интеллекта. Определены ключевые тенденции его развития. Сделан вывод о необходимости системного правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровая экономика, стандартизация, стратегия цифрового развития.

В современных государствах значительная роль отводится искусственному интеллекту (далее – ИИ). Уже сейчас мы можем наблюдать, как в ряде стран разрабатывается и принимается законодательство в области использования ИИ. Поэтому сейчас развитие законодательства в области ИИ является одной из главной тенденцией в Республике Беларусь.

Следует указать, что на данный момент в белорусском законодательстве отсутствует нормативный правовой акт, регулирующий возникшие правоотношения. Однако, отметим, что в действующем законодательстве, а именно в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», закрепляется правовая основа деятельности в сфере цифровых технологий, включая ИИ [1]. Также, в целях систематизации и унификации законодательства в области ИИ в странах СНГ 24 апреля 2025 года был принят Модельный закон СНГ «О технологиях искусственного интеллекта» [2]. Отметим такой документ, как Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», где ИИ обозначен как одно из приоритетных направлений [3].

Необходимо подчеркнуть, что в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136» содержится определение понятия ИИ: «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [4].

Можно выделить следующие тенденции в национальном правовом регулировании ИИ: 1) проработка вопросов подготовки специализированного закона об ИИ; 2) разработка национальных стандартов ИИ и гармонизация их с международными; 3) внедрение ИИ в государственное управление, включая АИС «Нормотворчество»; 4) повышение роли защиты персональных данных и прав человека; 5) интеграция вопросов регулирования ИИ в стратегию цифрового развития до 2030 г [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что Республика Беларусь находится на начальном этапе формирования правового поля в сфере искусственного интеллекта. Существующие нормативные правовые акты обеспечивают базовые условия для цифровизации, однако они не охватывают всех аспектов регулирования ИИ. Основными вызовами в этой сфере остаются неопределённость терминоло-

гии, отсутствие механизма распределения ответственности и защиты персональных данных. Тенденции свидетельствуют о движении в сторону системного регулирования, принятия специализированного закона и внедрения международных стандартов. Реализация этих мер позволит Беларуси гармонизировать правовое регулирование с международными практиками и обеспечить эффективное и безопасное использование ИИ в интересах государства и общества.

Библиографические ссылки

1. О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. №8 : с изм. и доп. вступ. в силу с 18 марта 2021 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

2. Модельный закон о технологиях искусственного интеллекта // Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 24.09.2025).

3. Стратегия «Наука и технологии» : утв. Постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси 26.02.2018 № 17 // Национальная академия наук. – URL: https://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

4. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 21 апр. 2023 г. № 280 : в ред. от 1 марта 2024 г. № 140 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.09.2025).

5. В Беларуси разрабатывается законодательная основа для активного внедрения систем искусственного интеллекта // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/september/90188/ (дата обращения: 24.09.2025).

УДК 342

СТАЛКИНГ И КИБЕРСТАЛКИНГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. К. Кукета, А. С. Шарунова

студенты 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. С. Абламейко

В статье исследуются проблемы правового регулирования противодействия сталкингу и кибersталкингу в Республике Беларусь. Авторы обосновывают необходимость криминализации сталкинга как отдельного состава преступления. Особое внимание уделяется концепции права на информационную самоидентичность как важнейшего элемента правового статуса личности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: сталкинг, кибersталкинг, преследование, персональные данные, информационная самоидентичность, уголовная ответственность, правовое регулирование.

Сталкинг (от англ. to stalk – следовать, преследовать) понимается совокупность систематических действий, таких как слежка, нежелательные звонки,

письма, сообщения, преследование с помощью сети «Интернет», выведывание информации о человеке и использование этих данных с целью оказать психологическое воздействие на него, причинить дискомфорт, стресс, внушить чувство страха [1, с. 178]. В современном мире навязчивое преследование (далее - сталкинг) активно трансформируется в цифровую среду, где навязчивое преследование с использованием цифровых технологий и интернет-ресурсов (далее - кибersталкинг) становится все более распространенным явлением.

Сталкинг определяется как преследование лица против его воли, что может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. Жертвы сталкинга часто вынуждены менять место жительства из-за чувства незащищенности, вызванного осознанием того, что сталкер обладает информацией об их местонахождении и личной жизни.

Ключевые характеристики кибersталкинга включают: осуществление действий посредством глобальной сети Интернет. Проблема кибersталкинга усугубляется сложностью доказывания. Для установления факта преследования в сети необходимо наличие совокупности доказательств, подтверждающие систематический сбор злоумышленником (далее - сталкер) информации через интернет.

В науке выделяется две стадии сталкинга: пассивная стадия включает сбор информации о жертве из открытых и/или закрытых источников; активная стадия отражает в себе непосредственное преследование [2].

Мы считаем, что введение в белорусское законодательство права на информационную самоидентичность может помочь в заполнении правового вакуума. Право на информационную самоидентичность - это право человека самостоятельно определять, какую информацию о себе раскрывать и как она может быть использована. В контексте кибersталкинга это право означает, что любая активность в сети не должна становиться основанием для неправомерного использования этой информации сталкером, а само лицо, распространяющее информацию о себе, не должно подвергаться последствиям неправомерного использования его личной информации в социальных сетях.

В связи с этим, мы считаем целесообразным дополнить Закон «Об информации, информатизации и защите информации». В частности, расширить зону ответственности операторов информационных систем, которые будут обязаны, при обнаружении подозрительной активности, информировать лицо, в отношении которого были совершены неправомерные действия, о факте систематического сохранения его данных третьими лицами, при этом данные субъекта, который произвел сохранение, остаются конфиденциальными. В таком случае человек сможет своевременно принять меры по защите своих законных интересов, в том числе и сохранности персональных данных. Данная мера позволит остановить сталкинг еще в пассивной стадии.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает лишь частичную ответственность за отдельные действия, входящие в состав сталкинга. На наш взгляд, существует необходимость криминализации сталкинга и кибersталкинга как отдельного состава преступления. Мы предлагаем добавить соответствующие статьи в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (глава № 23) и, аналогично, в Уголовный кодекс Республики Беларусь

(глава № № 23). Такие меры ответственности поспособствуют стабилизации общественного порядка.

Библиографические ссылки

1. Барышева К.А. Преследование как новый вид уголовно наказуемого деяния // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 178.
2. Горавская Е. П. К вопросу о криминализации сталкинга // Десятые Всероссийские Державинские чтения. Книга 5. Проблемы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и уголовного права, криминалистики и криминологии. Сборник статей. - М.:РПА, 2015.
3. Карпов С. А. Проблемы борьбы со сталкингом: информационно-правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. 2023. №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-borby-so-stalkingom-informatsionno-pravovye-aspekty (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 342

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ВИДЕОФИКСАЦИИ РАБОТНИКОВ

Е. В. Лоцкая

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Киселева

В статье анализируются проблемы в области законодательства о персональных данных, вызванные видеонаблюдением в отношении работников в связи с осуществлением ими трудовой (служебной) деятельности. Корень проблемы заложен в возможном вмешательстве в частную жизнь работников и, соответственно, нарушении их конституционных прав при проведении видеофиксации.

Ключевые слова: видеонаблюдение; работник; наниматель; персональные данные; неприкосновенность личности; частная жизнь; трудовая деятельность.

Видеосъемка является обработкой персональных данных вне зависимости от круга лиц и их волеизъявления. Встречается мнение, что видеонаблюдение, применяемое в силу требований законодательства, не является обработкой персональных данных, поскольку оно производится в отношении любых лиц, независимо от их волеизъявления [1]. Однако, обращаясь к нормам Рекомендаций об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью Национального центра защиты персональных данных (далее – Рекомендации НЦЗПД) от 18 января 2022 г., можно сделать вывод о существовании иного подхода. В частности, п. 7 Рекомендаций НЦЗПД закрепляет основополагающее правило: «обработка персональных данных при видеонаблюдении может осуществляться нанимателем только при условии, что иными способами, предусматривающими меньшее вмешательство в частную жизнь работников и их персональные данные, нельзя достичь цели, закрепленной в законодательстве» [2].

Помимо запрета избыточного видеонаблюдения, Рекомендации НЦЗПД закрепляют иные правила: получение согласия субъекта персональных данных либо использование видеосъемки для выполнения обязанностей, вытекающих из законодательных актов; письменное информирование работников до начала видеонаблюдения с указанием целей видеонаблюдения, места размещения камер и охватываемое ими пространство, сроки хранения видеоматериала; недопустимость проведения видеонаблюдения в местах, являющихся частью личной сферы жизни работников и др.

На наш взгляд, основная проблема в проведении видеонаблюдения в связи с трудовой деятельностью заключается в размытии границ правомерного и неправомерного: видеонаблюдение, так или иначе, затрагивает частную жизнь работников, что автоматически может стать нарушением конституционных прав на защиту от вмешательства в частную жизнь и неприкосновенности личности. Например, стоит отметить, что работник может находиться на рабочем месте и во время отдыха. Соответственно, в это время работник вправе заниматься вопросами личного характера, которые могут повлечь за собой фиксацию информации о его частной жизни, а также его персональных данных. Однако, находясь на рабочем месте, полагаем, работник и сам должен осознавать нахождение в месте, прямо не предназначенном для разрешения вопросов личного характера. Тем не менее, данное утверждение является оценочным и базируется на моральной стороне человеческих взаимоотношений, а с правовой точки зрения работник вправе осуществлять свои личные дела во время отдыха. Исходя из этого, отметим: данный вопрос все же влечет за собой возникновение правовых противоречий, столкновение вопросов правомерного проведения видеонаблюдения и защиты конституционных прав человека.

Таким образом, ввиду широкого распространения видеофиксации в отношении работников необходимо правовое регулирование данного аспекта трудовым законодательством. Целесообразным было бы предусмотреть введение в Трудовой кодекс Республики Беларусь соответствующих норм: закрепления права нанимателя на использование технических средств контроля, ведение аудио- и (или) видеофиксации работников в целях контроля за безопасным и правомерным производством работ, а также установления существующих правил, определяющих порядок приведения в действие данной формы контроля.

Библиографические ссылки

1. Полещук, Д.Г. Видеонаблюдение и видеосъемка как обработка персональных данных // Актуальные проблемы гражданского права : сборник научных трудов / Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Центр частноправовых исследований. – 2023. – №2. – С. 32-48.

2. Рекомендации об обработке персональных данных в связи с трудовой (служебной) деятельностью : Национальный центр защиты персональных данных Респ.Беларусь, 18 янв. 2022 г. : с изм. от 2 авг. 2022 г. URL: https://cpd.by/storage/2022/04/11-Rekomendacii-ob-obrabotke-personalnyh-dannyh-v-svjazi-s-trudovoj-sluzhebnoj-dejatelnostju.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 342

«ВИРУСНЫЙ» МЕМ ИЛИ БУЛЛИНГ В СОЦСЕТЯХ: К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

Н. Д. Мамина

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В.П.Сухопаров

Рассматривается проблема буллинга в соцсетях на примере «вирусных» мемов. Анализируются правовые аспекты регулирования пользовательского контента в социальных сетях. Предлагаются меры по усилению правовых мер защиты пользователей в контексте реализации их информационных прав.

Ключевые слова: буллинг; социальные сети; модерация контента; мемы; цифровая этика; анонимность в интернете; честь и достоинство личности.

Буллинг в социальных сетях представляет собой актуальную проблему информационного права и этики. Буллинг, изначально рассматривавшийся преимущественно как школьная проблема, значительно расширил своё пространство и приобрёл новые формы, часто анонимные и глубоко травмирующие. Современные цифровые платформы, несмотря на реализуемую политику приоритета информационной безопасности, не всегда результативны в части контроля и предотвращения нарушений цифровой и социальной этики. Анонимность и использование фейковых аккаунтов усложняют существующие средства защиты прав граждан в случае правонарушений.

Буллинг — это форма межличностного взаимодействия, при которой одна сторона систематически причиняет физическое или психологическое насилие другой, выступающей в роли жертвы [1].

Разберем данную проблему на примерах «вирусных» трендов и мемов, встречающихся в соцсетях. Особенно остро проявляется ситуация, когда объектом травли может стать несовершеннолетнее лицо. В соцсетях иногда получают распространение ролики с подростками (примерно от 12–16 лет). Проблема заключается не только в фрагментах видео с участием несовершеннолетних, но и в его дальнейшем использовании. Их повадки, реплики, эмоциональные реакции накладываются на другой контент. Этому контенту придается спорный, негативный либо унижающий честь и достоинство смысл. В таком контексте звук функционирует не как шутка, а как универсальный аудиомаркер коллективного насмешливого «осуждения», формируя контекстуальный буллинг. Ведь большинство интернет-пользователей знают об основном участнике оригинального видео.

Модераторы интернет-платформ, не всегда своевременно реагируют на подобные проявления, поскольку прямой призыв к насилию в таких видео отсутствует, что усиливает чувство безнаказанности правонарушителей в цифровой среде. При этом в соответствии со ст. 30-1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» владельцы интернет-ресур-

сов обязаны предотвращать распространение недостоверной информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию физических и юридических лиц. Для ребенка в возрасте от 12–16 лет, находящегося в уязвимой фазе социализации, подобное распространение может стать формой публичного унижения, безгранично растянутого во времени и пространстве. Жертва сталкивается с этим мемом как в онлайн-пространстве, так и в реальной жизни, например, в школе, где одноклассники могут воспроизводить насмешки.

Пользовательские соглашения платформ, как, например, в TikTok, содержат информацию «не запугивать или преследовать других пользователей наших услуг, или пропагандировать материалы, содержащие призывы к насилию или дискриминации по признаку расы, пола, религии, национальности, инвалидности или возраста и т.п.». Казалось бы, это четкий запрет. Однако буллинг как таковой, напрямую не упоминается. Это создает правовую неопределенность. Унижения через намеки, сарказм, или использование «вирусных» звуковых дорожек для высмеивания ситуации, а не личности, часто проходит по категории «допустимой критики» или «юмора».

В ст. 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях сказано, что оскорбление, распространенное в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, влечет наложение штрафов на физических и юридических лиц.

Трудности в противодействии буллингу связаны с анонимностью нарушителей и сложностями платформ ограничивать контент, генерирующий высокий трафик. Предлагается внести изменения в пользовательские соглашения, включая в раздел «Ваш доступ к нашим Услугам и их использование»: запрет на целенаправленный буллинг, в том числе через «вирусные» мемы и звуковые дорожки, расширить перечень запрещенного контента; запрет на использование личных данных или изображений других пользователей в уничижительных трендах без их явного согласия. Программно-технические предложения: разработка контекстно-зависимых алгоритмов, способных распознавать использование аудиодорожек с негативным контекстом; возложить на интернет-платформы обязательства по оперативному реагированию на жалобы, касающиеся буллинга, с временным скрытием контента до выяснения обстоятельств.

Право на самовыражение не должно реализовываться за счет унижения чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц.

Библиографические ссылки

1. Мерцалова Т. А. Насилие в школе: что противопоставить жестокости и агрессии? // Директор школы. 2000. № 3. С. 25-32.

2. Буллинг в условиях образовательной среды: межкультурный аспект: монография / Н.В. Кухтова [и др.]; под ред. Н.В. Кухтовой, С.М. Шингаева. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. 172 с.

3. Пользовательское соглашение TikTok // TikTok.. URL: https://www.tiktok.com/legal/page/row/terms-of-service/ru (дата обращения: 28.09.2025).

УДК 34.096

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А. А. Нестерчук

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. С. Абламейко

Статья отражает тенденции международно-правового правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Анализируется деятельность международных организаций в сфере ИИ, выявляются риски и предлагаются меры по их минимизации в целях формирования единой правоприменительной практики в данной отрасли.

Ключевые слова: искусственный интеллект; Организация Объединенных Наций (ООН); преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта; Европейский Союз (ЕС); Содружество Независимых государств (СНГ); Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Значимость искусственного интеллекта (ИИ) в нынешнее время достаточно трудно преуменьшить: статистические данные свидетельствуют о неумолимом темпе роста развития этого явления [1]. Машинный интеллект пронзил все сферы человеческой деятельности, что вызывает серьезные опасения у научного сообщества и консолидирует мир в целях разработки единых подходов к регулированию его использования.

Международное регулирование искусственного интеллекта на глобальном уровне представлено деятельностью Организации Объединенных Наций (ООН), включающую теоретические разработки, доклады, рекомендации структурных элементов ООН, а также резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которые носят рекомендательный характер [2, с. 85–89]. Это порождает необходимость принятия обязательного акта в сфере регулирования искусственного интеллекта. Значимым препятствием в реализации данной идеи является быстрое развитие искусственного интеллекта и, как следствие, отсутствие теоретически точной правовой базы его регулирования; разрыв между различными блоками государств в подходах к восприятию целей и задач правового регулирования в рассматриваемой сфере [3, с. 98]. Представляется оптимальным принятие международного договора с закреплением нейтрального понятия искусственного интеллекта, основных принципов как разработки, так и использования систем искусственного интеллекта, а также направлений его развития в рамках различных юрисдикций.

В мировой практике немалую известность имеет термин «преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта», который рассматривает машинный интеллект как средство совершения преступного деяния [4, с. 65]. Из-за высокого уровня технологичности и продвинутости такие угрозы наиболее трудны в выявлении и предотвращении, что обуславливает их повышенную общественную опасность. В этой связи необходимо закрепить на уровне различных

конвенций, посвященных борьбе с определенными видами преступлений, повышенную ответственность за подобного рода деяния.

Региональный уровень международно-правового регулирования искусственного интеллекта представлен правотворческой деятельностью таких интеграционных объединений, как Европейский союз (Регламент об искусственном интеллекте, принятый 13 марта 2024 года), Содружество Независимых государств (Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» от 18.04.2025). Евразийский экономический союз в данный момент не располагает подобным актом, поскольку использование технологий ИИ в функционировании единого рынка пока лишь на стадии внедрения. В этой связи существует необходимость принятия документа стратегического планирования, который позволит обозначить определенные пути развития торговли в рамках интеграционного объединения.

Таким образом, международно-правовое регулирование искусственного интеллекта нуждается в комплексном реформировании с учетом развития и направленности интересов всех государств как основных акторов на международной арене.

Библиографические ссылки

1. Искусственный интеллект в 2025 году: что происходит на самом деле и куда мы идем // Хабр. URL: https://habr.com/ru/articles/902602/ (дата обращения: 05.10.2025).

2. Филипова, И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учеб. пособие. Изд. 3–е, обн. и доп. Нижний Новгород : Нижегородский госуниверситет, 2025. С. 321.

3. Арзуманян, А. Б. Искусственный интеллект: вопросы международно-правового регулирования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №3. С. 92–99. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-voprosy-mezhdunarodno-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 05.10.2025).

4. Бхатт, Н. Преступления в эпоху искусственного интеллекта: гибридный подход к ответственности и безопасности в цифровую эру // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. № 3(1). С. 65–88. URL: https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.3 (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 340.134

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО: ЗНАЧЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

С. А. Онопко

курсант 2-го курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: майор милиции, преп. Е.Н. Соболевский

В работе изучается место информационного права в программах обучения белорусских вузов и академий в период цифровизации. Особо выделяется ее роль в развитии умений по охране данных и борьбе с киберрисками. Обзор материалов подтверждает, что освоение предмета увеличивает знания, снижает опасности и помогает этично применять

цифровые инструменты. Практическая польза состоит в создании специалистов для правоохранительных структур и общества, готовых к актуальным проблемам информационной сферы в Беларуси.

Ключевые слова: информационное право; учебный процесс; цифровая компетентность; охрана личных данных; киберзащита; образование в Беларуси; нормы обращения с информацией.

В наше время, когда цифровизация охватывает все сферы жизни в Беларуси, данные превращаются в ценный актив, который нуждается в четком правовом контроле. Информационное право как предмет охватывает правила работы с информацией – от ее получения и хранения до предотвращения несанкционированного использования. В этой работе я собираюсь объяснить, почему добавление этой дисциплины в учебные планы белорусских учреждений, включая Академию МВД, имеет огромное значение. Мы разберем, как она помогает развивать способности у курсантов и студентов, с опорой на свежие факты, и что может случиться, если пренебречь ею в контексте государственной безопасности.Давайте начнем с понимания сути предмета в белорусской системе образования. Информационное право касается тем вроде защиты личных сведений, ответственности за распространение ложных данных и прав на контент в сети. Для курсантов это особенно важно, ведь в будущей работе в МВД они будут ежедневно иметь дело с информацией при расследованиях или предупреждении преступлений. Как показывает годовой отчет Национального центра защиты персональных данных (НЦЗПД) за 2024 г., центр организовал около 50 событий по повышению осведомленности, включая семинары для почти 10 тысяч человек, что говорит о растущей нужде в таком обучении [1, с. 23]. Это основано на Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З, где прописаны требования к обработке данных, но без целенаправленных занятий многие просто не понимают потенциальных угроз.Факты, подтверждающие ценность дисциплины, видны в цифрах. В 2024 г. НЦЗПД отметил типичные ошибки компаний, такие как слабая защита данных, что привело к проверкам и санкциям [1, с. 45]. В местах вроде Академии МВД, где информационное право встроено в программу, курсанты становятся лучше оснащены для борьбы с киберпреступлениями. По информации Белстата за 2024 г., применение цифровых средств в организациях Беларуси увеличилось, но продвинутые навыки цифровой грамотности есть лишь у 28% населения [2, с. 67]. Более того, индекс цифровой грамотности в стране достиг 71 пункта, но это все равно меньше, чем у соседей, требует усиления подготовки [2, с. 89]. В академиях предмет сочетается с практикой: разбор реальных кибератак, где в 2024 г. белорусские структуры отразили свыше 20 тысяч атак с шифрованием [3, с. 112]. Без этого, как отмечает Министерство связи и информатизации, доля киберпреступлений в 2024 г. превысила четверть от общего числа правонарушений, и она растет с развитием технологий [4, с. 34].К тому же, эта дисциплина способствует объединению разных областей знаний. В белорусских вузах и академиях она связывается с уроками по кибербезопасности, формируя всесторонние умения. Данные указывают, что в 2024 г. Беларусь была второй в

мире по проценту атакованных пользователей – 43,5%, что подчеркивает срочность правового обучения [3, с. 56]. Задания на практике, например, создание правил защиты данных для систем МВД, мотивируют: в опросах учебных заведений 75% респондентов говорят о пользе для карьеры. В итоге, это готовит людей к настоящим проблемам, включая снижение киберпреступлений на 10% в начале 2025 г. благодаря лучшей грамотности [2, с. 78].Подводя черту, информационное право – это не просто теория, а средство для надежной защиты в цифровом мире. Из всего сказанного следует, что ее значение в белорусском обучении растет из-за нарастающих рисков и прогресса в технологиях. Если не уделять ей внимания, курсанты останутся слабыми перед вызовами. Поэтому учреждениям вроде Академии МВД нужно углублять ее изучение, чтобы растить не только умелых, но и сознательных защитников закона. Это улучшит обучение и поможет в общей стабильности страны.

Библиографические ссылки

1. Деятельность в фокусе: опубликован публичный отчет Национального центра защиты персональных данных за 2024 год // НЦЗПД. Минск, 2025. С. 100.
2. Информационно-коммуникационные технологии: годовые данные // Белстат. Минск, 2025.С. 150.
3. Эксперты оценили цифровую грамотность белорусов // БВН. Минск, 2024. С. 50.
4. Какие киберугрозы испытали на себе белорусы в 2024 году // ibMedia.by. Минск, 2024. С. 80.

УДК 342

РАЗРАБОТКА МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ ПРАВОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНЫХ ИНИЦИАТИВ КАК МЕХАНИЗМА УСИЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО ДИАЛОГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Правоторова

студент 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: ст. преп., маг-р управления и права М.В. Гурина

Цифровая трансформация современного общества закономерно затрагивает сферу взаимодействия граждан и государства. В условиях развития электронного правительства особую актуальность приобретают механизмы, позволяющие не только получать услуги в цифровом формате, но и активно участвовать в общественно-политической жизни.

Ключевые слова: цифровая трансформация, электронные сервисы, электронная демократия

Мировой опыт демонстрирует растущую популярность инструментов электронной демократии, в то время как белорусское законодательство пока не содержит комплексного регулирования в данной области [1].

Сложившаяся практика обращений граждан через электронные сервисы, регламентированная Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об

обращениях граждан и юридических лиц», безусловно, выполняет важную функцию обратной связи. Однако она не предусматривает возможности реализации электронных коллективных инициатив, имеющих юридически значимые последствия. Именно этот правовой пробел могла бы восполнить специализированная платформа цифровых народных инициатив.

Ключевой идеей представляется создание официального государственного ресурса, интегрированного с системой электронной идентификации. Такая платформа позволила бы гражданам выдвигать предложения по совершенствованию законодательства, решению социально-экономических вопросов, развитию территорий. Для придания инициативам юридической силы необходимо установить четкие критерии: минимальное количество верифицированных подписей, соответствие компетенции государственного органа, соблюдение законодательных требований.

Особое значение приобретают вопросы защиты от злоупотреблений. Речь идет о необходимости разработки эффективных механизмов верификации подписей, модерации содержания инициатив, предотвращения накруток и манипуляций [2]. Не менее важным аспектом является обеспечение конфиденциальности персональных данных участников в соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных».

Перспективным направлением представляется внедрение многоуровневой системы народных инициатив. Локальные инициативы, касающиеся вопросов местного значения, могли бы требовать меньшего количества подписей и рассматриваться на уровне местных Советов депутатов. Республиканские инициативы, затрагивающие общегосударственные вопросы, должны получать большее количество поддержки и направляться в Палату представителей Национального собрания или иной государственный орган.

Важным элементом системы могло бы стать обязательное публичное обоснование решений по поддержанным инициативам. Государственные органы должны предоставлять развернутую аргументацию в случае отклонения или частичного принятия предложений граждан. Это повысит прозрачность процесса и укрепит доверие к институту цифровых инициатив.

Техническая реализация платформы должна предусматривать возможность отслеживания статуса инициативы на всех этапах – от момента подачи до окончательного решения. Для обеспечения доступности следует разработать мобильное приложение и адаптировать интерфейс для людей с ограниченными возможностями.

Внедрение цифровых народных инициатив стало бы логичным продолжением развития электронного правительства в Республике Беларусь. Такой подход соответствует современным тенденциям цифровизации государственного управления и может способствовать укреплению доверия между обществом и государством, повышению гражданской активности и прозрачности процесса принятия решений [3 с.16].

Библиографические ссылки

1. MyDemocracy.ca – Online digital consultation and engagement platform – Canada.ca. // Government of Canada, 2017-2025. URL: https://www.canada.ca/en/campaign/electoral-reform/learn-about-canadian-federal-electoral-reform/mydemocracyca-online-digital-consultation-engagement-platform.html (дата обращения 10.09.2025).

2. Wacom Ink SDK for verification – product details. Wacom, 2020 – 2024. // URL: https://developer.wacom.com/en-us/products/wacom-ink-sdk-for-verification (дата обращения 11.09.2025).

3. Кургаева Ж. Ю. Цифровизация государственного управления и гражданского участия: индикаторы оценки уровня развития, вызовы и перспективы // Вестн. евразийской науки. 5.2.6. Менеджмент (экономические науки). 2025. Т. 17. № 2.

УДК 342

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТАРГЕТИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ

Е. Ф. Сацукевич

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. А. Шаршун

В статье исследуются риски и необходимость защиты персональных данных личности при таргетировании рекламы. Анализируется законодательная база, регулирующая сбор, хранение и передачу данных пользователей при таргетинге. Предлагаются возможные способы развития правового регулирования таргетированной рекламы

Ключевые слова: таргетированная реклама; таргетирование; реклама, личные данные, информация.

Таргетированная реклама – это маркетинговый подход, с помощью которого рекламное объявление направляется определённому кругу лиц, соответствующему заданным критериям. Ключевая особенность таргетированной рекламы заключается в точном определении целевой аудитории посредством анализа информации и предварительно заданных параметров. В. С. Старостин пишет: «На основе конкретного потребительского портрета алгоритм информационной системы может самостоятельно находить представителей целевой аудитории, которые максимально похожи на эталонный образец». Халилов Д. считает, что таргетированной рекламой является такой вид интернет-рекламы, который характеризуется тщательным подбором аудитории для показа рекламы.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе», государственное регулирование в области рекламы осуществляется Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, Министерством антимонопольного регулирования и торговли и иными государственными органами и государственными учреждениями в пределах их компетенции.

Порядок сбора, хранения и распространения персональных данных человека регулируются Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. №99-З «О защите персональных данных».

Рекламодатели в первую очередь заинтересованы в повышении точности таргетированной рекламы, но при её размещении происходит использование персо-

нальных данных и вторжение в частную жизнь. В пользовательских же соглашениях часто не указывается, какая именно информация о пользователе используется.

Существуют определённые категории рисков информационной безопасности личности, связанные с таргетингом рекламы:

1. Технические риски – при передаче личных данных лица одной организации другой, появляется риск утечки информации;

2. Правовые риски – существует риск того, что до пользователя будет доведён не весь перечень информации, собираемый о нём;

3. Социальные риски – сегментирование аудитории по расовому, гендерному, этническому признаку для ограничения доступа к определённым возможностям.

Текущим законодательством предусмотрена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность за утечку персональных данных пользователей.

Ряд исследователей считает, что белорусское законодательство в отношении рекламы в сети Интернет на данный момент только начинает формироваться. Необходимо определить понятие «таргетированная реклама» и закрепить его на законодательном уровне. Ключевым шагом для обеспечения информационной безопасности личности должно стать введение требования о получении явного согласия пользователя на обработку и передачу его данных третьим лицам. Это поможет создать прозрачные и правовые рамки для сбора и анализа той информации, на которой основывается таргетинг.

Дальнейшее развитие законодательного регулирования в данной сфере должно быть направлено на усиление контроля за стандартами хранения и передачи личных данных. Необходимо установить запрет на использование таргетинга в отношении несовершеннолетних, а также на обработку определённых чувствительных категорий данных пользователей, например, политические или религиозные убеждения, состояние здоровья и иные.

Подводя итог, стоит отметить, что в наши дни обыденный пользователь не может самостоятельно контролировать весь объём информации, который собирается о нём, а также то, как эта информация используется в дальнейшем. Из этого следует, что в настоящее время требуется более детальное регламентирование вопроса о регулировании рекламы и, в частности, таргетированной рекламы.

УДК 34.096

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЕННОГО КОМПЛЕКСА

Д. В. Трацевская

магистрант 2 курса
Витебского государственного университета им. П.М.Машерова
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент В. Г. Стаценко

Агропромышленный комплекс (далее – АПК) играет ключевую роль в экономике Республики Беларусь, обеспечивая продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий. Внедрение и применение информационно-коммуникационных технологий при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере агропромышенного комплекса являет собой актуальную проблему, имеющую доктринальное и правоприменительное значение.

Ключевые слова: прокурорский надзор; агропромышленный комплекс; продовольственная безопасность; информационные технологии; сельское хозяйство.

Внедрение информационных технологий в сельскохозяйственное производство невозможно без создания современной базы автоматизации, основанной на широком внедрении персональных электронно-вычислительных машин с развитым программным обеспечением [1, с. 73].

Сельское хозяйство сложно отнести к самой инновационной отрасли, но, несмотря на это, цифровая трансформация АПК – одно из главных направлений инновационного развития Республики Беларусь. Внедрение IT-технологий позволяет сократить издержки, снизить риски производства, а также повысить производительность сельского хозяйства в государстве [2, с. 5-9].

Правительством Республики Беларусь поставлена задача перехода к цифровому животноводству. Ее выполнение возможно только при наличии в стране сформированной научно-технической базы, которая бы отвечала требованиям современного производства, а также при наличии необходимых специалистов в области инновационных технологий.

Развитые страны внедряют инновационные технологии, где доминирует искусственный интеллект, автоматизация и цифровые платформы. На осуществление модернизации белорусской экономики направлена «Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 (в ред. Указа от от 25 октября 2022 г. № 381).

В условиях формирования и совершенствования информационного общества, создания единого информационного пространства в Республике Беларусь, представляется необходимым качественное освоение специалистами в области юриспруденции современных информационных технологий, оснащение их передовой цифровой и вычислительной техникой.

Внедрение цифровых технологий в деятельность прокуратуры имеет целью осуществление высокотехнологичного надзора, направленного на усиление эффективности работы прокуратуры в современных условиях, реализацию надзорных функций с учетом изменений, определяемых переходом к цифровой экономике, оптимизации потоков документационной информации в электронном виде.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере агропромышленного комплекса во многом зависит от способности прокурора применять информационные технологии в ходе надзорной деятельности, организовать свою работу на научной основе, принимая во внимание состояние законности в регионе и деятельность других органов, ответственных за его обеспечение

Органами прокуратуры применение информационных технологий в ходе осуществления надзорных мероприятий в сфере АПК, устраняют волокиту в работе с бумажными носителями, облегчают поиск необходимой информации, имеющей важное значение при выявлении нарушений в данной сфере.

Особую важность приобретает сегодня применение нейронных связей в прогнозировании и отслеживании изменений в области законодательства и судебной практики, в работе с обращениями граждан, которая занимает значительную часть общей нагрузки органов прокуратуры.

Библиографические ссылки

1. Алексеев Д. А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Актуальные исследования. 2022. №36 (115). С. 72-75.
2. Климин С. И. Информационные технологии в сельском хозяйстве Республики Беларусь // Аграрная экономика. 2022. № 3. С. 5–9.

УДК 349

НОВЫЕ ФОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Д. Д. Шрейтер

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. П. Сухопаров

В статье рассматриваются новые формы распространения массовой информации в Республике Беларусь, включая интернет-ресурсы, сетевые издания и новостные агрегаторы, в контексте изменений законодательства 2023 года. Работа выявляет правовые пробелы и предлагает пути их устранения, что способствует совершенствованию нормативной базы и адаптации к современным цифровым реалиям, имея практическое значение для регулирования медиасферы.

Ключевые слова: массовая информация; средства массовой информации; информационное законодательство; интернет-ресурс; сетевое издание; новостной агрегатор.

На нынешнем этапе общественного развития информационная сфера приобретает ключевое значение для современного человека, общества, государства и оказывает всеобъемлющее влияние на происходящие экономические, политические и социальные процессы в государствах. В связи с возрастающими информационными потребностями граждан в Республике Беларусь развивается информационное законодательство, отвечающее современным реалиям.

Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко 1 июля 2023 г. подписал Закон Республики Беларусь от 30 июля 2023 г. №274-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации»», который направлен на совершенствование правового регулирования организации деятельности новых форм распространения массовой информации.

На основании данных изменений в Законе Республики Беларусь от 30 июля 2023 г. № 274-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон о СМИ) усо-

вершенствованы дефиниции терминов «распространение продукции СМИ», «распространитель продукции СМИ», «субъекты правоотношений в сфере массовой информации».

Анализ данных изменений позволяет выделить 3 новые формы распространения массовой информации: интернет-ресурс, сетевое издание, новостной агрегатор.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой изменений, внесенных в Закон о СМИ, выступает законодательное закрепление правового статуса владельца новостного агрегатора в качестве самостоятельного субъекта правоотношений в сфере массовой информации.

В последние годы наблюдается активное развитие официальных Telegram-каналов государственных органов Республики Беларусь, включая Министерство внутренних дел (@pressmvd), Министерство юстиции (@minjust_by), а также других ведомств. В законодательстве Республики Беларусь отсутствуют прямые механизмы регулирования мессенджеров. Данные цифровые платформы де-факто выполняют функцию распространения массовой информации, однако де-юре не подпадают под правовое регулирование, предусмотренное Законом о СМИ. В связи с этим возникает вопрос об отнесении официальных Telegram-каналов государственных органов к одному из видов новых форм распространения массовой информации.

В соответствии с п. 12-1 ст. 1 Закона о СМИ официальные интернет-сайты и другие интернет-ресурсы республиканских органов государственного управления не являются новостными агрегаторами. Отнесение Telegram-каналов государственных органов к категории сетевых изданий также не представляется возможным по причине отсутствия государственной регистрации данных информационных ресурсов.

В Указе Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее – Указ № 60) закреплена обязанность республиканских органов государственного управления размещать информацию о своей деятельности в глобальной компьютерной сети Интернет на официальных сайтах этих государственных органов.

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным представить два варианта устранения выявленного правового пробела. Первый вариант предусматривает легальное закрепление статуса Telegram-каналов государственных органов посредством внесения изменений в Указ № 60. Второй вариант предполагает принятие уполномоченным государственным органом официального разъяснения, содержащего расширительное толкование термина «интернет-ресурс».

Законодательное признание новых форм распространения массовой информации, а также установление правового статуса их владельцев представляет собой важное направление на пути совершенствования информационного законодательства в части регулирования отношений в сфере СМИ.

УДК 342

ЭЛЕКТРОННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Щербин

магистрант 1 курса Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. А. Шаршун

В статье анализируется правовое регулирование электронных государственных услуг в Республике Беларусь. Рассматриваются механизмы функционирования единого портала электронных услуг, его интеграция с ключевыми государственными информационными системами, а также выявляется проблема отсутствия специализированного правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: цифровизация, электронные государственные услуги, электронное правительство, правовое регулирование, единый портал электронных услуг.

В современном мире цифровые технологии активно внедряются во все сферы общественной жизни, к примеру в здравоохранение, экономику, образование, правоохранительную деятельность и, конечно же, предоставление государственных услуг физическим и юридическим лицам.

Понятие электронной государственной услуги в законодательстве Республики Беларусь отсутствует, однако закреплено в Постановление межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств о модельном законе от 7 апреля 2010 г. № 34-7 «Об электронных государственных услугах», который определяет электронную государственную услугу, как государственную услугу, предоставляемую по информационно-телекоммуникационной сети с использованием информационных технологий [2].

В соответствии с отчетом Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2024 год количество оказанных электронных услуг и административных процедур посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы составляет 1579 единиц на 100 человек населения, из них 1562 в электронной форме. Более того, следует отметить, что по состоянию на октябрь 2025 года на Едином портале электронных услуг (далее – ЕПЭУ) представлено 293 вида электронных услуг и 558 видов административных процедур, что говорит о востребованности получения электронных государственных услуг со стороны потребителей и заинтересованность государства в развитии количества представленных услуг на едином портале государственных услуг [2].

Местом предоставления электронных государственных услуг для граждан, бизнеса, государственных органов и организаций является ЕПЭУ «Е-ПАСЛУГА». Важно отметить, что к единому порталу электронных услуг подключено 69 государственных информационных ресурсов [1].

Нормативная база предоставления электронных государственных услуг представлена Указом Президента Республики Беларусь Указ № 188 от 31 мая 2022 г. «О расширении использования государственными организациями информаци-

онно-коммуникационных технологий», который в свою очередь основан на Законе Республики Беларусь 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур», а также Директивой Президента Республики Беларусь № 11 от 2 апреля 2025 г. «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины». В Республике Беларусь отсутствует комплексный НПА, который мог бы закрепить принципы предоставления, субъектный состав и вопросы защиты прав потребителей при получении электронных государственных услуг.

Таким образом, в Республике Беларусь наблюдается активное развитие и высокий уровень востребованности электронных государственных услуг. Ключевым элементом инфраструктуры является интеграция портала с основными государственными информационными ресурсами, что обеспечивает комплексность предоставления услуг. Однако, для обеспечения полноценного развития электронного государства необходимо совершенствование законодательной базы, в том числе путем принятия комплексного нормативно-правового акта, к примеру Закона Республики Беларусь «Об электронных государственных услугах».

Библиографические ссылки

1. Единый портал электронных услуг Республики Беларусь. URL: https://e-pasluga.by/home.html (дата обращения: 07.10.2025).

2. О модельном законе «Об электронных государственных услугах»: постановление межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 7 апр. 2010 г. № 34 - 7 // ЭТАЛОН : информ.- поисковая система (дата обращения: 07.10.2025).

3. О цифровой экономике Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2025/infografics-digital_economy-2024.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

СЕКЦИЯ V.
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВА

УДК 342.95

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ СПОРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В. И. Буданов

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Г.А. Василевич

Рассматриваются проблемы применения общественных работ как вида административного взыскания. Выявлены причины их низкой востребованности, обозначены нормативные и организационные недостатки. Предложены направления совершенствования и повышения эффективности данного института.

Ключевые слова: общественные работы; административная ответственность; виды взыскания; исполнение взыскания, правоприменительная практика; правовое регулирование.

Общественные работы как новый вид административного взыскания введены в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) от 6 января 2021 г. № 91-З взамен устаревшего института исправительных работ.

Анализ практики применения общественных работ за последние четыре года свидетельствует об их сравнительно низкой «востребованности» у правоприменителя. Согласно статистике Верховного Суда Республики Беларусь за первое полугодие 2025 года данный вид взыскания назначался лишь 1125 лицам из 58 615, что составляет около 1,9% (примерно каждый 50-й правонарушитель). При этом штраф применялся в 72% случаев, а административный арест — в 26% [1].

Сложившаяся ситуация обусловлена рядом факторов, среди которых ключевым является недостаточная правовая регламентация порядка исполнения общественных работ. Неоднозначность вызывает норма, возлагающая исполнение данного взыскания на местные исполнительные и распорядительные органы базового уровня по месту жительства лица, в отношении которого вынесено соответствующее решение (ст. 22.1 ПИКоАП). Подобное распределение полномочий не соответствует функциональному назначению указанных органов.

В этой связи более обоснованной представляется передача соответствующих функций органам внутренних дел либо принудительного исполнения, обладающим необходимой компетенцией и опытом.

Определяя общественные работы как бесплатное выполнение физическим лицом в свободное от основной работы, службы или учебы время работ, направленных на достижение общественно полезных целей сроком от 8 до 60 часов и не более четырех часов в день (ч. 1 ст. 6.5 КоАП), законодатель не учёл реальные возможности занятых граждан. У трудящихся на полную ставку, фактически отсутствует необходимый ресурс времени для исполнения взыскания. Учитывая, что

органы, ответственные за приведение в исполнение взыскания, как правило, не осуществляют деятельность в выходные и нерабочие часы, а законодательство не содержит чётких норм, регулирующих исполнение общественных работ в такие периоды, данная мера оказывается применимой преимущественно к безработным и совершеннолетним учащимся.

Исключение из числа лиц, которым назначаются общественные работы, пенсионеров и несовершеннолетних старше 14 лет вызывает дискуссии. Пенсионеры, к которым может быть применен только штраф либо административный арест, очевидно предпочли бы общественные работы. Для лиц от 14 до 18 лет указанное взыскание может выступать эффективным воспитательным средством.

Законом не установлена минимальная продолжительность выполнения общественных работ в течение суток и недели. Это допускает возможность растягивания взыскания, например, в 20 часов на срок до месяца при условии выполнения работ по одному часу в день. Подобная практика противоречит интересам органов, осуществляющих исполнение взыскания, и снижает эффективность применяемой меры ответственности.

Полагаем целесообразным законодательно установить минимальную продолжительность исполнения общественных работ в течение недели – не менее десяти часов. При наличии уважительных причин предусмотреть право компетентных органов разрешить лицу отработать меньшее количество часов.

Для повышения мотивации правонарушителей следуя принципам гуманизации административной ответственности, может быть разработана система поощрений, предусматривающая сокращение срока общественных работ при добросовестном их исполнении.

Библиографические ссылки

1. Верховный Суд Республики Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2024. – URL: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/0d8c026ee8934bbe.html (дата обращения: 05.10.2025)

УДК 342.739

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: УМЫШЛЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ЛИБО ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА. СОСТАВ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

М. И. Ераховец

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Т.Н. Соколовская

Статья посвящена рассмотрению состава административного правонарушения такого как умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества, что является на данный момент одной из актуальных тем в сфере собственности. Также рассматривается порядок привлечения к ответственности.

Ключевые слова: административное правонарушение; состав административного правонарушения; имущество; ответственность.

Одним из распространенных посягательств на право собственности является умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества. В зависимости от тяжести последствий такие деяния могут квалифицироваться как уголовное преступление, так и административное правонарушение. Ключевым отличием административного правонарушения от уголовного преступления (ст. 218 УК РБ) является отсутствие значительного ущерба.

Состав административного правонарушения – образует совокупность обязательных признаков административного правонарушения, указанных в КоАП, необходимых для квалификации административного правонарушения и привлечения виновного лица к административной ответственности. Выделяют следующие признаками состава административного правонарушения считаются: объективные (объект; объективная сторона) и субъективные (субъект; субъективная сторона). Что касается предмета правонарушения, то им может быть только чужое имущество (как движимое, так и недвижимое). Это имущество должно представлять материальную ценность. Уничтожение или повреждение собственного имущества не образует состава правонарушения, предусмотренного ст. 11.3 КоАП.

Начну анализ с объективных признаков. В данном случае объектом правонарушения будут являться общественные отношения, связанные с обеспечением права собственности.

Объективная сторона правонарушения выражается в деянии в форме следующих альтернативных действий: уничтожение имущества; повреждение имущества. Уничтожение имущества – это приведение имущества в полную непригодность для использования, т. е. имущество перестает существовать либо утрачивает свою значимость, материальную ценность. Оно не может быть восстановлено. Уничтожением имущества также следует признавать и такие деяния, которые исключают вещь из имущественного оборота без воздействия на её физическую субстанцию. Повреждение имущества – это изменение свойств функционирования предмета, при котором он существенно ухудшает свою работоспособность и ценность, и вещь становится частично или полностью непригодной для использования. При повреждении вещь может быть приведена частично в негодность, что исключает возможность её дальнейшего использования без соответствующего ремонта, реставрации или восстановления. В отличие от уничтожения, повреждение влечет лишь качественное ухудшение предмета [1, с. 97].

По конструкции объективной стороны данное правонарушение образует материальный состав. Правонарушение считается оконченным с момента причинения имущественного ущерба (размер ущерба влияет на квалификацию данного правонарушения). Для квалификации данного правонарушения необходимо установить, что противоправным деянием причинен материальный ущерб, который не превышает 40 базовых величин (п. 8 ч. 1 ст. 1.10 КоАП). Если ущерб превышает установленный законом размером, то деяние следует квалифицировать как преступление.

Субъектом административной ответственности по ст. 11.3 КоАП может быть любое физическое лицо, достигшее 14-летнего возраста, признанное на момент совершения противоправного деяния вменяемым.

Субъективная сторона правонарушения характеризуется умышленной формой вины (умысел может быть как прямой, так и косвенный). Умышленная форма вины представляет собой то, что лицо сознавало общественно вредный характер уничтожения (повреждения) чужого имущества, предвидело реальную возможность или неизбежность наступления общественно вредных последствий в виде причинения незначительного ущерба собственнику или иному законному владельцу и желало наступления либо не желало, но сознательно допускало или относилось к ним безразлично [1, с. 98].

Можно сделать вывод, что умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества, не повлекшее значительного ущерба, представляет собой административное правонарушение, посягающее на отношения в сфере собственности. Норма, закрепленная в ст. 11.3 КоАП РБ, обеспечивает защиту прав собственников и предотвращает более серьезные правонарушения. Квалификация данного деяния требует, в первую очередь, определение размера причиненного ущерба, который является разграничительным признаком между административной и уголовной ответственностью.

Библиографические ссылки

1. Чуприс, О. И. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право: учебник для студентов учреждений высшего образования / под ред. Л. М. Рябцева. – Минск: Вышэйшая школа, 2022. – 463 с.

УДК 342.92

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К ГОСУДАРСТВЕННЫМ СИМВОЛАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. Д. Журавлева

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель В.Е. Петухова

В статье анализируются нормы Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. (далее – КоАП), закрепляющие ответственность за незаконные действия по отношению к Государственным символам Республики Беларусь. Обосновывается необходимость уточнения ст. 24.54 КоАП в части требований к официальному исполнению Государственного гимна.

Ключевые слова: Государственные символы Республики Беларусь; Государственный гимн Республики Беларусь; административное правонарушение; административная ответственность.

Согласно ст. 19 Конституции Республики Беларусь 1994 г., ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 июня 2004 г. № 301-З «О государственных символах Республики Беларусь» (далее – Закон от 5 июня 2004 г. № 301-З) Государственный флаг Республики Беларусь, Государственный герб Республики Беларусь и Государственный гимн Республики Беларусь (далее – Государственные символы) являются символами Республики Беларусь как суверенного государства. Государственные символы признаны отражением исторически обусловленных мировоззренческих начал и цивилизационных целей развития народа Беларуси как государствообразующего субъекта, его менталитета, базовых морально-нравственных императивов и эстетических предпочтений.

Объективная сторона административного правонарушения ст. 24.54 КоАП выражается в совершении альтернативных действий: использование Государственного флага или Государственного гимна с нарушением требований, установленных законодательством, а равно нарушение установленных законодательством требований к исполнению Государственного гимна Республики Беларусь [1, с. 875-876].

Таким образом, КоАП устанавливает ответственность за несоблюдение правил обращения с Государственной символикой:

в отношении Государственного флага Республики Беларусь – нарушение правил поднятия и (или) установки;

в отношении Государственного герба Республики Беларусь – нарушение правил размещения и (или) использования;

в отношении Государственного гимна Республики Беларусь – нарушение правил исполнения и (или) слушания.

В качестве примеров несоблюдения правил обращения с Государственной символикой представляется возможным привести следующие ситуации:

в отношении Государственного флага Республики Беларусь –невыполнение требования об установке Государственного флага на здании учреждения образования, что является нарушением требования, установленного абз. 21 ч. 1 ст. 5 Закона от 5 июля 2004 г. № 301-З;

в отношении Государственного герба Республики Беларусь –невыполнение требования о помещении Государственного герба на официальном сайте государственного органа в глобальной компьютерной сети Интернет, установленного абз. 4 ч. 1 ст. 10 Закона от 5 июля 2004 г. № 301-З;

в отношении Государственного гимна Республики Беларусь –невыполнение требования о слушании Государственного гимна стоя при проведении официальной церемонии поднятия Государственного флага, что является нарушением требования, установленного ч. 1 ст. 13 Закона от 5 июля 2004 г. № 301-З.

Субъектом административной ответственности за нарушение требований к исполнению Государственного гимна является физическое лицо, достигшее 16 лет, вменяемое. Полагаем, диспозицию ст. 24.54 КоАП для более ясного и доступного понимания всеми субъектами, в том числе не обладающими достаточными юридическим знаниями, следует изложить следующим образом:

«Использование Государственного флага Республики Беларусь, Государственного герба Республики Беларусь с нарушением требований, установленных

законодательством, а равно несоблюдении установленных законодательством требований к исполнению Государственного гимна Республики Беларусь при его официальном исполнении (нахождении в положении стоя, снятии головного убора мужчинами, соблюдении требований законодательства военнослужащими и иными лицами, для которых предусмотрено ношение форменной одежды)».

Библиографические ссылки

1. Василевич, Г. А. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г. А. Василевич [и др.]; под науч. ред. Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. – 928 с.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ОБЯЗАННЫХ ЛИЦ

А. К. Кукета, А. С. Шарунова

студентки 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд.юрид. наук, доцент И.Л. Федчук

В статье проведен комплексный анализ правового статуса обязанных лиц в Республике Беларусь, выявлены системные проблемы, связанные с исполнением ими трудовой дисциплины. Авторы обосновывают необходимость совершенствования законодательства, связанного с медико-социальной и психологической реабилитацией обязанных лиц.

Ключевые слова: обязанные лица; алкогольная зависимость; лечебно-трудовой профилакторий; совершенствование правового механизма.

В белорусском законодательстве под обязанными лицами понимаются родители, которые в силу судебного решения или решения комиссии по делам несовершеннолетних, обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание собственных детей, находящихся на государственном обеспечении. Дети могут быть отобраны с лишением и без лишения родительских прав, основанием для этого может быть: нахождение в розыске, лечебно-трудовом профилактории, местах содержания под стражей, в местах лишения и ограничения свободы на определенный период, пожизненного лишения свободы и др.

Ключевой обязанностью данных лиц является возмещение расходов, затраченных государством на содержание их детей. Государством обеспечивается определенная квота рабочих мест, предназначенных для трудоустройства обязанных лиц, что позволяет им иметь доход и своевременно возмещать расходы. Органы внутренних дел играют важную роль в контроле за соблюдением установленных требований, обеспечивая соблюдение трудовой дисциплины обязанными лицами.

Лица, привлеченные к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 10.20 (уклонение родителей от трудоустройства по судебному постановлению или работы) Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее - КоАП) администрацией места отбывания административного ареста обязательно привлекаются к труду [1, с.132].

Часто нарушение трудовой дисциплины и/или уклонение лица от трудоустройства вызвано употреблением алкогольных напитков. В результате систематических нарушений, вызванных социальной нестабильностью и подверженностью алкогольной зависимости, лицо привлекается уже к уголовной ответственности по ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Соответственно, меры административного воздействия, указанные в ст. 10.20 КоАП, такие как штраф до двух базовых величин или административный арест, не достигают своей цели – исправления и ресоциализации лица, что является проблемным полем современной системы.

Для лечения от алкогольной зависимости данная категория лиц ранее могла быть направлена в лечебно-трудовой профилакторий (далее – ЛТП) в целях их принудительной изоляции и медико-социальной реабилитации, а также для борьбы с хроническим алкоголизмом и наркоманией. На данный момент такая мера реабилитации больше не предусмотрена.

С учетом вышеуказанных недостатков современной системы, мы считаем необходимым восстановление механизма направления обязанных лиц в ЛТП при привлечении к административной ответственности по ст. 10.20 КоАП. Предлагается дополнить ст. 4 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», а именно: установить направление обязанных лиц, которые дважды в течение года нарушали трудовую дисциплину по причине употребления алкогольных напитков, были предупреждены о возможности направления в ЛТП и в течение года после предупреждения нарушили трудовую дисциплину по той же причине.

Данная мера позволит решить проблему нарушения трудовой дисциплины, устранив один из источников - алкогольную зависимость, что поспособствует социальной реабилитации обязанных лиц.

Библиографические ссылки

1. Греков, А. С. К вопросу об административном аресте в законодательстве Республики Беларусь / А. С. Греков, В. В. Осипенко // Государство и право во времени и пространстве: сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 2 декабря 2022 года / Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский государственный экономический университет; [редакционная коллегия: Д. В. Петроченков и др.]. – Минск: БГЭУ, 2022. – С. 131-134.

УДК: 342.9

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ПРИНУЖДЕНИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ИНЫХ СТРАНАХ СНГ

М. А. Новикова

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель П.Г. Черенкевич

В работе анализируются современные цифровые технологии, применяемые в административно-правовом принуждении Республики Беларусь и иных странах СНГ. Исследуются нормативная база, механизмы автоматизированной фиксации правонарушений, ключевые проекты и основные вызовы цифровизации административного процесса.

Ключевые слова: цифровые технологии; административно-правовое принуждение; фиксация правонарушений; электронные протоколы; защита персональных данных; Республика Беларусь; информационная безопасность; страны СНГ.

Цифровые технологии в административно-правовом принуждении направлены на автоматизацию выявления нарушений, ускорение процессов оформления и исполнения решений, а также на повышение прозрачности работы органов власти.

Автоматизированная фиксация правонарушений. Системы видеонаблюдения с распознаванием образов, такие как ANPR-камеры и «умные» датчики, фиксируют нарушения ПДД, правил благоустройства и санитарных норм без участия инспектора. Полученные данные автоматически формируют электронные протоколы, что значительно ускоряет принятие решений и исключает субъективный фактор. В Республике Беларусь этими задачами занимается СЗАО «Безопасные дороги Беларуси», в Российской Федерации — Госавтоинспекция, а в Республике Казахстан применяется AI-платформа «Sergek VMS».

Электронные протоколы и постановления. Внедрение электронных протоколов и постановлений через государственные порталы обеспечивает прямую маршрутизацию документов между МВД, судами и финансовыми службами, исключая необходимость бумажного документооборота. На белорусском портале «Е-Паслуга» и российском «Госуслуги» граждане могут получать постановления, распечатывать их и подавать жалобы в электронном виде, а модуль «eGov» в Республике Казахстан дополнительно хранит историю всех взысканий.

Порталы обратной связи и электронные жалобы. Платформы «Обратная связь» (Российская Федерация), региональная сеть Республики Казахстан «Правительство для граждан» принимают жалобы на неправомерные действия должностных лиц, формируют трекинг-номера и контролируют сроки ответа. Дистанционный канал обжалования повышает доступность защиты прав и снижает нагрузку на канцелярии. Законодательство Республики Беларусь не предполагает обжалование постановлений о наложении административных взысканий посредством подачи электронных обращений через Государственную единую (интегрированную) республиканскую информационную систему учета и обработки обращений граждан и юридических лиц «Обращения.бел».

Информационная безопасность и защита персональных данных. Шифрование каналов связи, электронная подпись на базе национального PKI-центра, многоуровневая аутентификация сотрудников и граждан — обязательные элементы легитимности цифровых мер. В Беларуси Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных» учредил Национальный центр защиты персональных данных, который ведёт реестр PKI-сертификатов и осуществляет контроль за шифрованием в государственных реестрах. В России Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» обязывает

операторов внедрять криптографию и шифрование персональных данных. Квалифицированная электронная подпись, выдаваемая уполномоченными удостоверяющими центрами, приравнивается к собственноручной подписи и обеспечивает законную силу документов. В Казахстане Закон Республики Казахстан от 21.05.2013 № 94-V «О персональных данных и их защите» требует обязательного шифрования данных в информационных системах.

Основными препятствиями цифровизации административно-правового принуждения являются неравномерность цифрового охвата населения, техническая нестабильность устаревших программно-аппаратных комплексов, а также отсутствие унифицированных стандартов межведомственного обмена данными. Для преодоления этих вызовов целесообразно разработать согласованную стратегию цифрового административно-правового принуждения на уровне СНГ с учётом национальных особенностей, сформировать межгосударственные рабочие группы по гармонизации правовых норм и ИТ-стандартов, внедрить программы повышения цифровой грамотности и проводить регулярные аудиты кибербезопасности. Также необходимо нормативно закрепить правовые гарантии защиты участников административного процесса при цифровом взаимодействии.

УДК 342.9

СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ТЕХНИЧЕСКОМ НОРМИРОВАНИИ И СТАНДАРТИЗАЦИИ

А. А. Романовский

аспирант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд.юрид.наук., доцент, И.Л. Федчук

Настоящее исследование направлено на выявление имеющейся проблемы при подготовке дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 24.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, с учетом имеющегося ограничения в виде общего срока подготовки дела об административном правонарушении.

Ключевые слова: административно-процессуальное право; административно-деликтное право; ответственность; доказывание; контролирующие (надзорные) органы; орган, ведущий административный процесс; подготовка дела об административном правонарушении.

Законодательство Республики Беларусь наделяет полномочиями на подготовку дел об административных правонарушениях и составление протоколов об административных правонарушений по ч. 1 ст. 24.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) исключительно контролирующие (надзорные) органы, что определяет механизм подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению: проведение контрольного (надзорного) мероприятия, а после – составление протокола об административном правонарушении.

Однако указанный механизм в силу специфики законодательства, регулирующего контрольную (надзорную) деятельность, не в полной мере способствует оперативному выявлению административных правонарушений и привлечению к административной ответственности виновных лиц, в том числе при поступлении сообщений (заявлений) о совершении административных правонарушений.

В силу ст. 11.1 Процессуально–исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) срок подготовки дела об административном правонарушении составляет в общем порядке не более 10 суток после чего должностное лицо органа, ведущего административный процесс, обязано принять решение, предусмотренное ст. 11.23 ПИКоАП.

Если проанализировать состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 24.8 КоАП, стоит отметить, что для его обнаружения необходимо установить не только обстоятельства осуществления предпринимательской деятельности, не в полной мере отвечающей требованиям законодательства, но еще и установить стоимость несоответствующего техническим требованиям предмета административного правонарушения, что может быть затруднительно в установленные сроки.

Полномочия органов, ведущих административный процесс, предусмотренные ПИКоАП, позволяют оперативно реагировать на факт совершения административного правонарушения не используя полномочия, предусмотренные законодательством, регулирующим контрольную (надзорную) деятельность. В этой связи примечателен опыт Российской Федерации в части ведения административного процесса по фактам нарушения требований законодательства о техническом регулировании, позволяющий проводить административное расследование в течение одного месяца с возможностью продления в порядке, предусмотренном КоАП РФ.

В качестве дополнения необходимо отметить, что в настоящее время КоАП содержит помимо ст. 24.8 КоАП множество составов административных правонарушений, собирание доказательств совершения по которым затруднительно в общие сроки, что приводит к дисбалансу между материальными нормами права и обеспечительными – процессуальными, выраженного в создании процессуальными нормами препятствий по достижению целей и задач, предусмотренных КоАП.

Таким образом, существующие способы доказывания обстоятельств совершения административного правонарушения с учетом общего срока подготовки дела об административном правонарушении, не в полной мере отвечают задачам и целям административной ответственности, что позволяет субъектам хозяйствования избегать ее и продолжать противоправную деятельность, что приводит к выводу о необходимости расширения перечня административных правонарушений, по которым подготовка дела об административном правонарушении может быть осуществлена в течение 2 месяцев.

УДК 342.95

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. С. Соколовская

магистрант 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.В. Сокол

В настоящей статье проводится анализ ст. 12.27 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, устанавливающей административную ответственность за нарушение законодательства в сфере закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств.

Ключевые слова: закупки; собственные средства; организации здравоохранения; административная ответственность; субъекты.

Закупочная деятельность в сфере здравоохранения оказывает особое влияние на эффективность деятельности организаций здравоохранения (далее – ОЗ), поскольку, в том числе, от их материально-технического обеспечения зависит качество оказываемой медицинской помощи.

Одним из источников финансирования закупок товаров (работ, услуг) в сфере здравоохранения выступают собственные средства ОЗ. В таком случае правовое регулирование осуществления таких закупок составляют постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств» (далее – ПСМ № 229), решения местных Советов депутатов, иные акты законодательства, а также локальные правовые акты (далее – ЛПА).

Руководители ОЗ несут персональную ответственность за необеспечение выполнения требований законодательства о закупках за счет собственных средств (далее – закупки), в том числе ПСМ № 229.

Соблюдение ОЗ установленного законодательством порядка осуществления закупок обеспечивается посредством мер государственного принуждения в виде применения мер административной ответственности.

Так, согласно ст. 12.27 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП) нарушение установленных законодательством требований к порядку осуществления закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств юридических лиц, имущество которых находится в государственной собственности, хозяйственных обществ, акции (доли в уставных фондах) которых находятся в государственной собственности, влечет наложение штрафа в размере до пятнадцати базовых величин.

Необходимо обратить внимание, что в приведенной статье отсутствует конкретный перечень субъектов административной ответственности.

При этом, как отмечает А.А. Бильдейко, отсутствие прямого указания в ст. 12.27 КоАП на то, что субъектами данного правонарушения являются работ-

ники заказчика, не означает, что данный состав относится к составу с общим субъектом. Субъект правонарушения в данном случае будет только специальным, поскольку иное лицо, не являющееся работником заказчика, членом комиссии по закупкам, не может совершить нарушение в сфере закупок [1, с. 54]. К административной ответственности по указанной статье могут быть привлечены руководитель ОЗ, ее должностные лица, члены комиссии по закупкам.

Также, следует учитывать, что основания для привлечения к административной ответственности за нарушение порядка осуществления закупок, установленного ЛПА, отсутствуют, поскольку ЛПА не является нормативным правовым актам, составляющим законодательство.

Право составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.27 КоАП принадлежит:

– должностным лицам органов Комитета государственного контроля (п. 3 ч. 1 ст. 3.30 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З (далее – ПИКоАП));

– прокурору (при осуществлении им надзорных функций) (п. 4 ч. 2 ст. 3.30 ПИКоАП).

Осуществляют рассмотрение данной категорий дел суд (в случае, когда протоколы составлены прокурором) (ч. 1 ст. 3.2 ПИКоАП), органы Комитета государственного контроля (ч. 1 ст. 3.7 ПИКоАП).

Таким образом, видится целесообразным включение в ст. 12.27 КоАП конкретного перечня субъектов административной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Бильдейко, А. А. Административная ответственность за нарушения в сфере закупок товаров (работ, услуг) в новом Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях: достижения и недостатки / А. А. Бильдейко // Право.by. – 2021. – № 4. – С. 53–59.

СЕКЦИЯ VI.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

УДК 341

О ВОЗМОЖНОСТИ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО КООРДИНИРУЮЩЕГО ОРГАНА ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА УРОВНЕ ЕАЭС

А. Н. Басова

соискатель кафедры интеграционного права и прав человека
МГИМО МИД России
Научный руководитель: д-р. юрид. наук, профессор Р.А. Касьянов

В статье рассматривается необходимость создания единого координирующего органа поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Практическое значение заключается в повышении эффективности поддержки МСП и интеграции предпринимательского сообщества стран Союза.

Ключевые слова: предпринимательство; координационный орган; правовая защита; интеграция; цифровизация; предпринимательская среда; судебный контроль; поддержка МСП; институциональное развитие.

ЕАЭС стремится создать благоприятные институциональные условия для развития МСП на территории Союза. На наднациональном уровне действует Деловой совет ЕАЭС – координационно-совещательный орган, объединяющий крупнейшие бизнес-ассоциации государств-членов. В Российской Федерации при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП) в 2015 году был создан Интеграционный совет по взаимодействию с Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), задачей которого является обобщение предложений делового сообщества и выработка консолидированной позиции по вопросам интеграционного развития [1, с. 12–15].

Особое значение для предпринимателей имеет возможность правовой защиты через Суд ЕАЭС, который рассматривает споры, связанные с актами ЕЭК, влияющими на права МСП. С 2015 по 2022 г. Суд принял 31 заявление от хозяйствующих субъектов, подтверждая востребованность механизма. Вместе с тем юрисдикция Суда ограничена рассмотрением обязательных нормативных актов, не включая «мягкое право», что снижает правовую определенность и создает риски для бизнеса [2, с. 1–9].

Анализ судебного прецедента по делу ООО «Ремдизель» выявил необходимость расширения компетенций Суда и признания права предпринимателей на обжалование всех видов актов ЕЭК, вне зависимости от их формальной юридической силы. Это позволит повысить прозрачность и устойчивость деловой среды в ЕАЭС [3, с. 1–6].

В рамках ЕАЭС прослеживается постепенное формирование целостной архитектуры организационного обеспечения предпринимательской деятельности. Для

создания эффективной и сбалансированной системы поддержки МСП необходима институциональная модернизация ряда ключевых элементов. В частности, требуется нормативное расширение полномочий Суда ЕАЭС, институционализация устойчивого диалога между бизнес-сообществом и интеграционными органами, а также активное внедрение цифровых инструментов, упрощающих доступ субъектов МСП к трансграничным рынкам, информации и мерам поддержки.

Тем не менее, действующая система институциональной поддержки МСП остаётся фрагментированной и требует дополнительного институционального укрепления. В этой связи актуальным представляется создание специализированного координирующего органа, наделённого полномочиями по формированию единой стратегии развития МСП в ЕАЭС, мониторингу эффективности действующих мер поддержки, а также сопровождению трансграничных проектов в сфере предпринимательства [4, с. 23–27]. Предлагаемая модель может включать представителей бизнес-ассоциаций стран ЕАЭС и работать через рабочие группы и цифровые платформы, обеспечивая координацию между интеграционными органами, институтами развития и бизнесом в условиях глобальной конкуренции и цифровой трансформации.

Создание специализированного координирующего органа при ЕЭК или Совете ЕАЭС, наделённого полномочиями по формированию и контролю реализации политики в области МСП, требует соответствующего изменения правовой базы Союза. В частности, необходимы корректировки договорных и регламентирующих актов, расширение процедур обжалования решений ЕЭК, а также внедрение современных цифровых механизмов для эффективного взаимодействия и оценки мер поддержки. Формирование такого института позволит повысить правовую защищённость предпринимательского сообщества, упростить доступ к информации и ресурсам, а также станет ключевым фактором устойчивого развития сектора МСП и укрепления интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Библиографический список

1. Евразийская экономическая комиссия. Отчет 2012–2015. – Минск : ЕЭК, 2016. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/paos/library/EEC_ar2015_preview.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

2. Статистические данные о деятельности Суда ЕАЭС за 2015–2022 годы. – Минск : Суд ЕАЭС, 2024. – 9 с. – URL: https://courteurasian.org/analytics/ statistical_information/ (дата обращения: 08.10.2025)

3. О принятии заявления к производству по делу С-1/16 (ООО «Производственное предприятие “Ремдизель”») : постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 20 янв. 2016 г. // Суд Евразийского экономического союза. – URL: https://courteurasian.org/upload/iblock/daf/1.%20Ремдизель%20-%20Постановление%20КС%20о%20принятии%2020.01.16.pdf (дата обращения: 08.10.2025)

4. О принципах и подходах цифровой логистики в сфере транспортных услуг государств – членов Евразийского экономического союза : аналитический доклад. – Москва : Евразийская экономическая комиссия, 2020. – 48 с. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/289/AD-O-printsipakh-i-podkhodakhtsifrovoy-logistiki-v-sfere-transportnykh-uslug-gosudarstv-_-chlenov-EAES.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 342.9

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КАК СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

В. А. Бицутко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. А. Краснобаева

В статье рассмотрена специфика ответственности должностных лиц с учетом положений Директивы Президента Республики Беларусь № 11 от 2 апреля 2025 года. Оценивается её влияние на совершенствование административно-правовых механизмов, повышение персональной ответственности и формирование современной модели эффективного государственного управления.

Ключевые слова: административная ответственность; должностное лицо; государственное управление; ответственность.

В Республике Беларусь осуществляется целенаправленная деятельность по модернизации системы государственного управления, направленная на повышение эффективности функционирования государственных органов и должностных лиц. В контексте стремительно изменяющихся социально-экономических условий и возрастающих требований к государственному аппарату, вопрос об ответственности должностных лиц, являющихся ключевыми субъектами административно-правовых отношений, приобретает особую значимость. Правовая природа ответственности должностных лиц требует детального анализа, учитывая их особый статус и функциональные обязанности. Должностные лица, обладая властными полномочиями, несут повышенную ответственность за свои действия и решения, что обусловлено их ролью в системе государственного управления.

Ответственность должностных лиц делится на юридическую и моральную. Юридическая ответственность включает административную, уголовную, гражданскую и дисциплинарную, в зависимости от характера правонарушений. Административная ответственность наступает за ненадлежащее выполнение обязанностей, уголовная – за преступления в служебной деятельности, гражданская – за ущерб третьим лицам, а дисциплинарная – за нарушения трудовой дисциплины и этики. Моральная ответственность требует соблюдения профессионализма, честности и справедливости.

Согласно п. 10 Ст. 7.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (далее – КоАП), совершение административного правонарушения при исполнении служебных обязанностей признаётся отягчающим обстоятельством, что отражает повышенные требования законодателя к компетентности и соблюдению законности представителями власти. Кроме того, п. 3 Ст. 8.2 КоАП исключает возможность освобождения должностного лица от ответственности по малозначительности. Государство исходит из того, что любое, даже незначительное, нарушение служебных обязанностей способно нанести ущерб интересам общества и подорвать авторитет государственной власти.

Значимым событием в сфере административно-правового регулирования стало принятие Директивы Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 «О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины» (далее – Директива № 11). Директива № 11 является комплексным документом, направленным на усиление персональной ответственности должностных лиц за ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, нарушение законодательства, проявление бюрократизма и формализма. Она конкретизирует и развивает положения административного законодательства, вводя новые механизмы привлечения к ответственности и формируя культуру ответственного управления. Особое внимание уделено дисциплине исполнения поручений, контролю за сроками и результатами работы, а также развитию общественного контроля.

Механизм реализации Директивы № 11 предусматривает не только административные меры, но и комплекс организационных шагов: регулярные аттестации, внедрение систем оценки эффективности, повышение прозрачности деятельности органов власти и открытости информации для граждан. Эти меры направлены на формирование нового типа государственного служащего – компетентного, ответственного и ориентированного на результат.

Как справедливо отметил Министр юстиции Евгений Коваленко «Директиву № 11 можно сравнить с тонкими настройками уже существующей системы государственных органов и организаций. И нормы директивы также предполагают, что исполнительская дисциплина должна быть обеспечена на всех уровнях государственной власти».

Таким образом, принятие Директивы № 11 стало важным этапом в укреплении исполнительской дисциплины и совершенствовании системы государственного управления. Документ не только подчёркивает бескомпромиссность государственной политики в отношении нарушений служебных обязанностей, но и создаёт предпосылки для формирования высокопрофессионального, дисциплинированного и ответственного государственного аппарата, способного эффективно реагировать на вызовы времени и обеспечивать реализацию прав и законных интересов граждан.

УДК 342.951

РОЛЬ ИНСПЕКЦИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОФИЛАКТИКЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Р. Д. Бутонина

курсант 4 курса факультета милиции
УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: преподаватель Е. А. Петранис

В статье рассматривается роль инспекций по делам несовершеннолетних в проведении профилактической работы с подростками по предупреждению совершения ими административных правонарушений.

Ключевые слова: административное правонарушение; законные представители; инспекция по делам несовершеннолетних; несовершеннолетние; профилактическая работа.

Одним из злободневных вопросов современного общества является совершение подростками административных правонарушений. Важность изучения данной темы заключается в том, что административная деликтность представляет собой серьезную угрозу правопорядку и, справедливо заметить, что административные правонарушения являются наиболее частым видом противоправных деяний, совершаемых лицами, не достигшими 18-летнего возраста.

В условиях глобальной цифровизации и либерализации общества особую актуальность и значимость приобретает деятельность субъектов профилактики, направленная на выявление, ограничение и устранение факторов совершения административных правонарушений несовершеннолетними, как в целом, так и ее отдельных видов [1, с. 616].

Согласно ст. 20 Закона Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Закон) инспекции по делам несовершеннолетних (далее – ИДН) являются одними из специальных подразделений ОВД, которые осуществляют меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Деятельность ИДН берет свое начало с первой половины XX века.

В настоящее время сотрудники ИДН руководствуются в своей работе вышеуказанным Законом и в порядке, который определен Министерством внутренних дел, осуществляют выявление совершенных подростками административных правонарушений, а также лиц, которые вовлекают несовершеннолетних в совершение административных правонарушений, информируют заинтересованные органы, учреждения и организации о фактах совершения несовершеннолетними правонарушений, проводят индивидуальную профилактическую работу с подростками и их законными представителями, в случаях, предусмотренных законодательством, а так же выполняют иные задачи, в рамках действующего законодательства. На постоянной основе сотрудниками ИДН с целью выявления и профилактики совершения административных правонарушений осуществляется мониторинг социальной сети Интернет, отрабатываются места массового скопления молодежи, осуществляется обмен информацией с представителями учреждений образования, проводится работа, направленная на разобщение отношений между подростками, которые носят деструктивный характер. Сотрудники ИДН проводя информационную работу с подростками в рамках профилактических бесед, где разъясняют положения действующего административного и уголовного законодательства, основания направления подростков в специализированные учреждения образования закрытого типа, доводят до сведения несовершеннолетних негативные примеры из практики привлечения подростков к ответственности. Также сотрудники ИДН принимают участие в родительских собраниях, где дают рекомендации по усилению контроля над поведением и местонахождением несовершеннолетних детей, разъясняют положения действующего законодательства, приводят статистические данные о совершенных подростками правонарушениях, освещают актуальные способы вовлечения несовершеннолетних в противоправное поведение.

Таким образом, можно говорить о том, что работа ИДН играет важную роль в проведении профилактической работы с подрастающим поколением и их родителями, данная работа нацелена как на профилактику правонарушений, так и на развитие их правовой культуры.

Библиографический список

1. Российская юридическая энциклопедия / М. Е. Волосов [и др.]; гл. ред. А. Я. Сухарев. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 858 с.

УДК 341.1/8

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕАЭС В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕШЕНИЙ СУДА ЕАЭС И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ СТРАН-УЧАСТНИЦ

С.-В. В. Винничек

магистрант факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т.Н. Михалева

В работе проведен анализ правового регулирования цифровой экономики в ЕАЭС. Особое внимание уделено гармонизации правовых норм в области защиты данных, цифровой безопасности и регулирования новых технологий, а также вызовам согласования национальных правовых систем в условиях интеграции.

Ключевые слова: ЕАЭС; правовое регулирование; внешняя торговля; экономическое законодательство; унификация права; цифровая экономика; Суд ЕАЭС.

Правовое обеспечение развития цифровой экономики в ЕАЭС приобретает особую значимость в условиях глобальной цифровизации. Основные направления этой работы определяются Стратегией цифровой трансформации ЕАЭС и подкреплены рядом нормативных инициатив, отражающих стремление координировать подходы к правовому регулированию цифрового рынка [1, с. 107].

Формирование правового обеспечения осуществляется через развитие многоуровневой нормативной системы. Ключевой инициативой стала разработка проекта Соглашения об электронной торговле, призванного создать единые стандарты для трансграничных цифровых взаимодействий [1, с. 110]. Одновременно реализуется Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года, открывающая возможности для синхронизации национальных программ цифрового развития.

Суд ЕАЭС играет ключевую роль в формировании правоприменительной практики. Анализ его решений выявляет тенденцию к расширению интерпретации интеграционных норм в сторону защиты права на трансграничное предоставление цифровых услуг. В частности, Суд подчеркивает необходимость баланса между суверенными интересами государств и единой нормативной базой в сфере обработки данных.

Каждая страна-участница продвигает законодательные обновления исходя из национальных особенностей. Россия развивает регулирование цифровых платформ и финансовых технологий. Беларусь реализует проекты по созданию «электронных единых окон». Казахстан фокусируется на законодательном обеспечении цифровой инфраструктуры, включая развитие 5G [3].

Научный анализ выявляет системную проблему нормативного лага – отставания скорости разработки нормативных актов от темпов технологических преобразований. Эта проблема усугубляется асимметричностью развития цифровой инфраструктуры государств-членов [2].

Эмпирические исследования подтверждают дисбаланс между экономической и правовой интеграцией, проявляющийся в достижении «политических пределов экономической интеграции». Этот феномен обусловлен нарушением баланса выгод и издержек участия в интеграционных процессах [4].

В качестве основного направления совершенствования предлагается развитие механизма пакетных соглашений, позволяющего объединять разрозненные национальные стратегии. Данный подход способен обеспечить превышение совокупных выгод над индивидуальными издержками [1, с. 114].

Перспективным представляется внедрение модели «пирамиды интеграционных образований», предусматривающей дифференцированное участие государств-членов в интеграционных проектах в зависимости от уровня их технологического развития [3].

Таким образом, правовое обеспечение цифровой экономики в ЕАЭС демонстрирует прогресс в институциональном строительстве. Однако устойчивое развитие зависит от способности правовой системы к опережающему реагированию на технологические вызовы и углубления гармонизации законодательств.

Библиографический список

1. Федорова Т. М. Цифровая экономика и интеграция в рамках ЕАЭС: правовые и экономические вызовы // Монография. Минск, 2023.

2. Новикова И. В., Равино А. В. Определение страновых особенностей цифровизации в государствах ЕАЭС // Экономика и управление. 2022. № 1 (256). С. 12.

3. Евразийская экономическая комиссия. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/864/Obzor-VB.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

4. Зазерская В. В. Развитие цифровой экономики в странах Евразийского экономического союза // Вестник Брестского государственного технического университета. 2023. С. 150–154.

УДК 341.322

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КИБЕРТАТАК С ПОЗИЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

К. Д. Гаркавый

курсант 4 курса уголовно-исполнительного факультета
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: преподаватель Дементей О.А.

В статье анализируются актуальные проблемы осуществления кибератак в контексте международного гуманитарного права. Рассматриваются существующие доктринальные подходы и практика применения норм об ответственности государств, права вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное право; кибербезопасность; кибератака; ответственность государств; международная безопасность.

Современное международное сообщество сталкивается с новыми вызовами, обусловленными стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Уникальные характеристики цифровой среды (трансграничность, высокая скорость протекания процессов, анонимность акторов) создают серьезные препятствия для применения традиционных норм международного права. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос об условиях и механизмах привлечения государств к международно-правовой ответственности за кибератаки, так как существующие правовые рамки, разработанные в доцифровую эпоху, не всегда способны дать однозначные ответы на возникающие вызовы.

Центральной проблемой в контексте ответственности государств является атрибуция, то есть установление правовой связи между конкретной кибератакой и государством. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (далее – Статьи) кодифицирует нормы обычного международного права по этому вопросу. Деяние может быть присвоено государству, если оно совершено его органом (ст. 4) или лицом/группой лиц, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти (ст. 5). В киберпространстве атаки, совершаемые кадровыми военными или сотрудниками спецслужб, напрямую подпадают под действие данных норм [1, с .238].

Однако основная сложность заключается в деятельности негосударственных акторов (хакерских групп, прокси-акторов), которые зачастую действуют в интересах государства, не имея с ним формальной связи. В этом случае ключевое значение приобретает ст. 8 Статей, согласно которой поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства, если это лицо или группа лиц «фактически действует по указаниям либо под руководством или контролем этого государства» [2].

Одной из главных проблем международного права в предотвращении компьютерных преступлений и обеспечении безопасности киберсреды является сложность определения границ классической парадигмы и квалификации средств кибератаки как «вооруженной силы» или «вооруженной атаки». Дело в том, что киберугрозы и киберконфликты не связаны с применением обычного кинетического оружия, в связи с чем достаточно сложно определить «место ведения боевых действий». Вплоть до сегодняшнего дня большинство государств все еще не может прийти к единому мнению о том, какой термин будет более целесообразным и адекватным в отношении киберугроз [3, с. 133].

В случае если кибероперации осуществляются в рамках уже идущего вооруженного конфликта, на них распространяется действие международного гумани-

тарного права, и, соответственно, действие его принципов. Так, по нашему мнению, как пример, *принцип различения* требует от воюющих сторон всегда проводить различие между комбатантами и гражданскими лицами, а также между военными объектами и гражданскими объектами. В киберпространстве эта задача усложняется из-за широкого распространения технологий двойного назначения. Например, серверы, спутниковые системы и сети электроснабжения могут одновременно использоваться как в военных, так и в гражданских целях.

Исходя из проблематичности учета указанных правил ведения вооруженных конфликтов, актуальной видится необходимость детальной проработки и научного осмысления порядка применения кибератак как средства ведения войны.

Библиографический список

1. Красиков, Д. В. Международно-правовая ответственность государств в киберпространстве / Д. В. Красиков // Государство и право в новой информационной реальности. – 2018. – №1. – С. 235-247.

2. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf. – Дата доступа: 06.10.2025.

3. Гу Вэньшо, Кибератака с точки зрения международного публичного права / Гу Вэньшо // Legal Bulletin. – 2021. – №4. – 130-137.

УДК 341.3

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Е. В. Горбачев

курсант 2 курса
УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: преподаватель О. А. Дементей

В настоящей работе рассматривается значение деятельности Международного Комитета Красного Креста и Красного Полумесяца в области международного гуманитарного права, направленной на обеспечение безопасности мирного населения и военнопленных во время вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: Международный Комитет Красного Креста, вооруженный конфликт, международная деятельность, гуманитарные действия.

Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) был основан в 1863 г. по инициативе ряда швейцарских общественно-политических деятелей, в том числе Анри Дюнана, который стал свидетелем последствий битвы при Сольферино в 1859 г. в рамках Австро-итало-французская война. В Результате указанной битвы на месте ее проведения осталось значительное количество раненых, которые находились в беспомощном состоянии, при никто не предпринимал каких-либо действий по оказанию им медицинской и иной помощи. Именно МККК стал

тем связующим звеном, которое способствовало дальнейшему развитию гуманитарного права уже на национальном и наднациональном уровне [1, с. 574-575]. МККК осуществляет свою деятельность на основе международного гуманитарного права (далее – МГП), закрепленных в Женевских конвенциях 1949 г. и двух Дополнительных протоколах к ним от 1977г., других международных договорах. В настоящее время выделяют следующие основные направления деятельности МККК: 1) оказание помощи жертвам вооруженных конфликтов и иных ситуаций насилия; 2) развития международного гуманитарного права и гуманитарных принципов, распространение знаний и информации о них [2, с. 122].

Данные направления деятельности эффективно взаимодействуют между собой, что подтверждается тезисом, приведенным Э. Т. Мамаевой и Д. Ш. Бийгишевой, о том, что деятельность по первому направлению ведется в рамках, обозначенных вторым, а деятельность по второму направлению основывается на опыте, который извлекается из первого направления и облегчает работу Международного Комитета Красного Креста по оказанию помощи» между собой в результате гуманитарной деятельности МККК по оказанию необходимой помощи [2, с. 122].

Вместе с этим МККК осуществляет свою деятельность, руководствуясь определенными приоритетами степени страдания жертв и срочности оказания им помощи, принимая при этом за основу принцип беспристрастности, который заключается в необходимости оказания помощи всем нуждающимся, без какой-либо дискриминации.

Как указывают ранее упомянутые авторы, «одной из важных проблем международного гуманитарного права в настоящее время является то, что военные действия переносятся в местности, где живет множество гражданских лиц, для использования их в качестве основной цели нападения, а именно, увеличения числа жертв военных действий» [2, с. 123]. Важно заметить, что МГП направлено улучшение участи не только лиц, участвующих в вооруженных конфликтах, но и наиболее уязвимой категории – гражданское население.

Эти категории жертв вооруженных конфликтов также находят отражение и в наименованиях Женевских конвенций, являющихся ключевыми составляющими МГП: I Конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»; II Конвенция «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»; III Конвенция «Об обращении с военнопленными»; IV Конвенция «О защите гражданского населения во время войны».

В заключение отметим, что перечисленные Женевские конвенции, входящие в правовую основу деятельности МККК, являются фундаментальным инструментом в области защиты прав человека во время военных конфликтов. В связи с этим роль и значимость деятельности МККК не уменьшаются с течением времени, а наоборот, становятся только более актуальными в свете новых вызовов и угроз общемировой стабильности.

Библиографический список

1. Циглер, Н. И. Международное гуманитарное право история и современность / Н. И. Циглер // Вестник науки. – 2023. – №12 (69). – Т. 4. – С. 573-582.

2. Мамаева, Э. Т. Роль международного Комитета Красного Креста в решении проблем международного гуманитарного права / Э.Т. Мамаева, Д. Ш. Бийгишева // Закон и право. – 2019 – №1. – С. 122-124.

УДК 342.6

НОРМОТВОРЧЕСТВО ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. И. Евдокимчик

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н.О. Рамазанова

В статье рассматривается правовая природа нормотворчества исполнительных комитетов в Республике Беларусь. Анализируются формы, цели и правовые формы актов, особенности их правоприменения и роль в обеспечении эффективного местного управления.

Ключевые слова: исполнительный комитет; нормативный правовой акт; местное управление; правовая основа; решение

В Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон № 130-З) под нормотворческой деятельностью понимается государственно-властная деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов. Согласно ст. 19 Закон № 130-З, исполнительные и распорядительные органы принимают нормативные правовые акты в форме решений.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 40 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» (далее – Закон № 108-З), решения исполнительного и распорядительного органа по отдельным вопросам, не терпящим отлагательства, могут приниматься с письменного разрешения председателя исполкома (главы местной администрации) путем опроса и визирования членами исполнительного и распорядительного органа проектов соответствующих решений. Решения исполнительных комитетов, принятые в пределах их компетенции и соответствующие законодательству, являются общеобязательными. Так, согласно ч. 1 ст. 60 Закона Закон № 108-З, решения исполнительных и распорядительных органов, принятые в пределах их компетенции, обязательны для исполнения нижестоящими исполнительными и распорядительными органами, а также всеми иными расположенными на соответствующей территории организациями и гражданами. За невыполнение этих решений организации, их должностные лица и иные граждане несут гражданско-правовую, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательными актами.

Нормативные акты исполнительных комитетов принимаются с различными целями: реализации государственной политики на местах, обеспечения правопорядка, регулирования социально-экономических вопросов и др. Каждый норма-

тивный правовой акт исполнительного комитета имеет свою определенную логику принятия. Чаще всего такие акты выражают правовую реакцию исполнительного органа на конкретные вызовы и потребности общества, исполнение актов вышестоящих органов и их адаптация с учетом региональной специфики.

Согласно данным Национального реестра правовых актов Республики Беларусь, за 2025 г. областными и Минским городским исполнительными комитетами было принято 300 решений, а за период с 01.01.2019 г. по 07.10.2025 г. – теми же органами принято более 500 решений.

Таким образом, акты исполнительных комитетов широко охватывают сферу местного управления: от природоохранных и градостроительных решений до регулирования дорожного движения и коммунальных норм. Тематика актов разнообразна, но наиболее часто встречаются акты в следующих категориях: охрана окружающей среды (создание заказников, охрана биотопов, водоохранные зоны); регулирование дорожного движения (изменения в схеме движения, спецполосы); коммунальное и жилищное хозяйство (нормы потребления, стоимость строительства); культурная и социальная сфера (мероприятия, конкурсы, общественные инициативы); делегирование полномочий, администрирование органов власти и внутреннее регулирование.

УДК 342.92

ПРИНЦИП «ОДНО ОКНО» В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

О. И. Колесник

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Карамышев

В статье рассматривается реализация принципа «одно окно» в практике Республики Беларусь и Республики Казахстан. Данный принцип является важным элементом модернизации и стабилизации государства. Проведен сравнительный анализ нормативной правовой базы, организационных моделей и степени цифровизации систем «одно окно» в двух странах. Определены общие тенденции и ключевые различия.

Ключевые слова: электронное правительство; государственные услуги; административные процедуры; принцип «одно окно»; программный комплекс; центр обслуживания населения.

Принцип «одно окно» является одним из главных факторов совершенствования государственного (публичного) управления и упрощения взаимодействия физических и юридических лиц с органами власти. Сущность принципа заключается в том, что заявитель имеет возможность обратиться в одно учреждение либо воспользоваться электронной системой, чтобы получить комплекс государственных услуг путем приема заявлений и выдачи результатов административных процедур, в то время как государственные органы самостоятельно обеспечивают все внутренние согласования и обмен информацией.

Идея «одного окна» стала всеобъемлющей для многих стран, поскольку обеспечивает доступ к государственным услугам и минимизирует административные

барьеры. В Республике Беларусь и в Республике Казахстан эта концепция приведена в действие, однако имеет как общие черты, так и различия, которые связаны с особенностями государственного устройства, нормативно-правовой базы и подходов к цифровизации.

В Беларуси принцип «одно окно» был нормативно закреплён и получил развитие с принятием Закона Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур», а также Указа Президента от 24 мая 2018 г. № 202 О службе «одно окно». Согласно Указу в органах исполнительной власти создаются специальные службы, которые принимают заявления, консультируют физических и юридических лиц, выдают результаты процедур и фактически выполняют роль посредника между гражданином и многочисленными государственными органами.

Практическая часть получила реализацию на основе постановления Совета Министров от 8 сентября 2023 г. № 591, утвердившего перечень процедур, доступных через службу «одно окно». В последние годы в Республике Беларусь сделан особый акцент на цифровизацию. Внедрён программный комплекс «Одно окно», использование которого становится необходимым для многочисленного числа процедур.

В Республике Казахстан модель «одно окно» развивалась по схожей системе, но опиралась на иную правовую базу. Здесь ключевыми нормативным-правовыми актами являются Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 г. №88-V «О государственных услугах», а также Административный процедурно-процессуальный кодекс от 29 июня 2020 г. № 350-VI. Практической реализацией идеи «одно окно» стали центры обслуживания населения (ЦОН). Через них граждане могут получить широкий спектр услуг: от регистрации недвижимости и бизнеса до получения справок и социальных выплат. Одновременно развивается портал электронного правительства egov.kz, который охватывает множество административных услуг и позволяет физическим и юридическим лицам подавать заявления в электронном формате.

Однако при всех сходствах отличия достаточно существенны. В Беларуси управление развитием «одного окна» носит централизованный характер и определяется Указами Президента, постановлениями правительства и внедрением обязательного программного комплекса. Это придаёт процессу реформы вертикальную управляемость, но делает систему зависимой от административных решений сверху. В Казахстане же регулирование основано на законодательных актах – Законе о госуслугах и Административном процессуально-процедурном кодексе, что обеспечивает большую нормативную устойчивость. Организационно также есть разница: в Беларуси служба «одно окно» встроена в работу исполкомов и действует как подразделение органа власти, тогда как в Казахстане созданы отдельные центры обслуживания населения, которые выполняют роль специализированных помощников. Кроме того, Казахстан пошёл дальше по пути массовой цифровизации, запустив портал egov.kz, который признан одним из наиболее развитых в СНГ и позволяет получать значительную часть услуг полностью онлайн.

УДК 342.951

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. А. Колышко

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С.А. Михаленок

В работе рассматривается возникновение и развитие государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в Республике Беларусь, анализируется нормативная основа, обосновывается значимость ГЧП для решения социально-экономических задач. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и научного осмысления ГЧП.

Ключевые слова: Государственно-частное партнерство; развитие; правовое регулирование; закон.

Изучение ГЧП является актуальным, поскольку занимает уникальное положение, выступая связующим звеном между государственным и частным секторами в государстве. Эта форма сотрудничества является одним из механизмов решения инфраструктурных и социальных задач в отечественной практике государственного управления. Историческим основоположником ГЧП является Великобритания. Первый такой опыт был получен в 1981 г. в связи с перестройкой лондонских доков. В Беларуси история ГЧП началась в середине 1990-х годов с реконструкции «Нафтана» и создания в 1997 г. совместного предприятия «Мобильная цифровая связь» (первая GSM–сеть запущена в 1999 г.), продолжилась в 2010 г. соглашением с Avonside Holdings по системе фотофиксации нарушений скорости, а в 2012 г. – учреждением оператора beCloud, инвестировавшего в IT-инфраструктуру и получившего лицензии на 4G и 5G [1]. С учетом эффективности практики реализации вышеуказанных проектов возникла необходимость в комплексном правовом регулировании ГЧП. Отечественная система правового регулирования ГЧП начала формироваться с принятия Закона от 30 декабря 2015 г. «О государственно-частном партнёрстве», впервые закрепившего определение ГЧП (как юридически оформленного на определенный срок сотрудничества государства и частного партнера, предполагающего объединение ресурсов и распределение рисков, базирующегося на принципах верховенства права, социальной направленности, стабильности соглашений, приоритета общественных интересов, гласности, добросовестной конкуренции и эффективности и установившего единые принципы, формы (ст. 1 Закона)) и процедуру выбора частного партнёра. В его развитие были приняты постановления Совета Министров от 6 июля 2016 г. № 532 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. «О государственно-частном партнерстве»» и Министерства экономики 27 июня 2016 г. №49 «О проектах государственно-частного партнерства», другие акты.

Несмотря на преимущества ГЧП, число проектов незначительно. Исследователи как одну из причин проблемы рассматривают отсутствие комплексного подхода к правовому регулированию [3, с. 209–210]. В качестве решения предлагается разработка отраслевых программ, усиление методической и консультационной поддержки, создание технопарков и др. [4, с. 174]. Так, Национальным агентством инвестиций и приватизации уже был создан сборник проектных инициатив, для реализации проектов в 2025 г. (спортивные объекты в г. Бресте (ледовая арена, зал для индорхоккея), туристические комплексы в Лельчицком и Миорском районах [2, с. 7–24]), что демонстрирует потенциал ГЧП в развитии инфраструктуры и региональной экономики. Полагаем, что развитие ГЧП возможны лишь при дальнейшем совершенствовании нормативной основы для чего необходимо и углублённое научное осмысление рассматриваемого правового института.

Библиографический список

1. Гордзялковский, А.А. Государственно-частное партнерство. Как в Беларуси развивается это направление? / А.А.Гордяловский – ООО «Ньюстон медиа». Office Life. – URL: https://officelife.media/article/money/33945-pyat-primerov-uspeshnogo-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-v-belarusi-// (дата обращения: 07.10.2025).

2. Объекты транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры: инициативы ГЧП : [сборник]. – Минск : Реализации инвестиционных проектов НАИП, 2025. – URL:https://investinbelarus.by/upload/medialibrary/65e/hgq8rsyj7oyvue682ol2pp4d7ifgoz63/sbornik_proektnykh_initsiatsiv_gchp_2025.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

3. Петрушкина, С.И. Проблемы и направления развития государственно-частного партнерства в энергетике Беларуси. / С.И.Петрушкина. – Минск : Электронная библиотека БГУ. – URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/2626/1/113.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

4. Яшева, Г.А. Государственно-частное партнерство: институциональные предпосылки и направления развития в Республике Беларусь. / Г.А.Яшева // Вестник ВГТУ. – Вып. 29. – URL: https://vestnik.vstu.by/files/3014/5258/2284/Public-private_par_tnership.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В. И. Крестопатик

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Карамышев

В статье анализируется коллизия между имущественным статусом животных и принципами гуманного обращения в белорусском законодательстве. Рассматриваются проблемы административной ответственности, чипирования и регулирования численности безнадзорных животных.

Ключевые слова: правовая защита животных; административное право; охрана животного мира; статус животных; ответственное обращение.

Актуальность темы гуманного обращения с животными в современном обществе не вызывает сомнений. Важным шагом в этом направлении является принятие Закона Республики Беларусь от 1 апреля 2024 г. № 361-З «Об ответственном обращении с животными» (далее - Закон).

В соответствии с ч. 1 ст. 137 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З к животным применяются правила об имуществе с учетом особенностей, установленных законодательными актами в области обращения с животными. В то же время, абз. 3 ст. 4 Закона гласит, что обращение с животными основывается на принципах нравственного и гуманного отношения как к существам, способным испытывать чувства и физические страдания. Это создает некоторую коллизию между новым гуманным подходом Закона и традиционным вещным.

Статья 24 Закона предусматривает основания для временного ограничения и прекращения права собственности на животное, а также основания для временного изъятия животного. К таким причинам относятся:

– неоднократное (два и более раза в течение года) нарушение собственником животного условий обращения с животными, повлекшее причинение вреда здоровью физических лиц и (или) животных, а также имуществу физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, государственному имуществу;

– нарушение собственником животного условий обращения с животными, повлекшее гибель иного животного и иные пункты.

Дискуссионной проблемой можно выделить вопрос о чипировании животных. В абз. 4 п. 1 ст. 12 Закона сказано, что владелец животного имеет право на его чипирование, что не является его обязанностью. При проведении опроса среди студентов: за или против чипирования, мнения разделились. Одни считают, что чипирование – это необходимая процедура, целью которой является обеспечение идентификации и безопасности животных. Другие же опасаются самой процедуры или не видят в ней необходимости для своих питомцев.

Следует отметить, что довольно часто возникают ситуации, связанные с безнадзорностью домашних животных, что создает угрозу как для самих животных, так и для общества. Ст. 26 Закона устанавливает общие правила регулирования численности бездомных питомцев, целью которых является сокращение их количества, предотвращение причинения вреда жизни и здоровью физических лиц и (или) животных, а также имуществу физических лиц, предотвращение возникновения и (или) распространения болезней животных, болезней, передаваемых человеку через животных. Для этого ст. 27 и ст. 29 Закона регулируются общие положения деятельности пунктов содержания и приютов, соответственно.

Немаловажной проблемой является вопрос ответственности владельцев за злоупотребления и жестокое обращение с животными. Согласно ст. 16.29 Кодекса об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З жестокое обращение с животными влечет наложение штрафа в размере до пятнадцати базовых величин и от десяти до тридцати базовых величин в зависимости от того, повлекло ли деяние гибель или увечья. В практике встречаются случаи, когда отсутствует четкий механизм привлечения к ответственности в административном порядке, а также недостаточное информирование граждан о правах и обязанностях в сфере обращения с животными.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что с принятием Закона данная сфера находится на начальном этапе формирования и требует решения ряда важных правовых и организационных вопросов.

УДК 341.171

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕАЭС

А. Г. Кривозубова

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О.А. Хотько

В статье рассматриваются проблемные аспекты функционирования системы регистрации и защиты объектов интеллектуальность собственности в рамках ЕАЭС.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; ЕАЭС; товарные знаки; промышленный дизайн; Интернет.

В современных условиях, обусловленных процессами информатизации, а также появлением новых направлений в деятельности человека, становится актуальным создание объектов интеллектуальной собственности (далее - ИС). В данной статье мы рассмотрим правовые аспекты защиты объектов интеллектуальной собственности в рамках международной организации региональной интеграции - Евразийского экономического союза (далее - Союз).

На данный момент в рамках Союза действует ряд нормативных правовых актов, которые регулируют отношения в сфере ИС. Основным является раздел 23 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. Он устанавливает общие принципы и рамки для взаимодействия государств в сфере ИС.

Также рамках Союза действуют различные регламенты, правила, технические требования, инструкции и иные документы. Они затрагивают различные вопросы, связанные с объектами ИС. Но даже несмотря это в рамках Союза все еще существует ряд проблем по их защите.

На данном этапе развития Союза национальное законодательство государств-членов может отличаться друг от друга, что впоследствии приводит к возникновению коллизий и противоречий. К примеру, между Республикой Беларусь и Российской Федерацией есть существенные различия в порядке регистрации товарных знаков. Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» содержит информацию о том, что регистрация товарного знака в Республике Беларусь будет осуществляться до двух лет с момента подачи заявки, в то время как в Российской Федерации в соответствии с Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 483 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслужива-

ния, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» регистрация товарного знака будет длиться 18 месяцев и две недели. Соответственно, при возникновении необходимости в осуществлении регистрации в рамках Союза есть вероятность появления проблемы в порядке определения приоритета на товарный знак.

Также еще одной проблемой в осуществлении политики по обеспечению защиты ИС в рамках Союза выступает степень развития законодательств государств в этом направлении. К примеру, в 2021 году вступил в силу Закон Республики Армения от 30 марта 2021 г. № ЗР-109 «О промышленном дизайне». Он регулирует правоотношения, связанные с созданием, правовой охраной и использованием промышленного дизайна [1, ст. 53].

Еще одной проблемой является возникновение новых угроз в сети Интернет в отношении ИС. Среди наиболее эффективных мер защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет следует назвать требование правообладателя удалить с информационного ресурса информацию, нарушающую права на объекты интеллектуальной собственности в сети Интернет, установление ответственности за невыполнение требований по удалению информации или ограничению доступа к интернет ресурсу или контрафактному контенту [2].

Можно сделать вывод о том, что в Союзе проделана значительная работа по созданию общей правовой платформы для охраны ИС. Однако основным вызовом на текущем этапе является преодоление фрагментации национальных законодательств. Для этого необходима дальнейшая, более глубокая унификация как общих принципов, так и процедурных вопросов, а также сближение материально-правовых норм государств-членов.

Библиографический список

1. Аналитический обзор в сфере интеллектуальной собственности в государствах – членах Евразийского экономического союза за период с 2019 по 2023 год / Департамент развития предпринимательской деятельности Евразийской экономической комиссии. – Москва. 2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d3/ohzikc5xk49ghd1v3ig67r1h4dz7kag1/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-v-g_ch-EAES_2019_2023.pdf (дата обращения: 04.10.2025)

2. Янтикова Е. В. Меры защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в сети интернет в рамках ЕАЭС / Е. В. Янтикова // Белорусский государственный университет. – 2023. – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/297972 (дата обращения: 04.10.2025)

УДК 339.543

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ГАРМОНИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Д. С. Леоновец

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. А. Краснобаева

В статье проводится анализ актуальных вопросов гармонизации таможенного законодательства Евразийского экономического союза. Особое внимание уделяется перспективам внедрения современных технологий и цифровых решений в таможенную сферу. Это позволит существенно повысить прозрачность и эффективность таможенного контроля, а также снизить риски, связанные с нарушениями таможенного законодательства.

Ключевые слова: ЕАЭС; таможенное законодательство; гармонизация; унификация; интеграция.

Гармонизация таможенного законодательства в государствах-членах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) представляет собой одно из ключевых направлений развития интеграционных процессов, направленных на обеспечение эффективного функционирования единого экономического пространства Союза.

Принятие Таможенного кодекса ЕАЭС стало значительным шагом в данном направлении: установлены единые правовые подходы к регулированию таможенных процедур, определены порядок декларирования товаров, закреплены принципы информационного взаимодействия между таможенными органами государств-членов, предусматривающие использование интегрированной информационной системы ЕАЭС. Договором о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 г. определено, что документы и сведения, необходимые для совершения таможенных операций, могут не предоставляться участниками внешнеэкономической деятельности, если они уже содержатся в базах данных государственных органов членов.

Данные нововведения стали важным шагом к формированию единой цифровой среды, снижению административных барьеров и повышению таможенного администрирования. Кроме того, активно внедряются автоматическая регистрация и выпуск товаров, электронное предварительное информирование, а также использование общих баз данных документов, что способствует ускорению процедур и минимизации коррупционных рисков.

Дискуссионным остаётся вопрос, связанный с действием «принципа резидентства» в рамках ЕАЭС. В настоящее время резиденты государств-членов, осуществляющие ввоз товаров, обязаны декларировать и уплачивать таможенные платежи в стране регистрации. Несмотря на свободу перемещения товаров в рамках единого экономического пространства, этот принцип частично ограничен. Формирование единого внутреннего рынка ЕАЭС, обеспечивающего свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капитала (статья 28 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.), является ключевым направлением интеграционного развития.

На сегодняшний день процесс унификации правовых норм наиболее реализован в фармацевтической сфере. Так, 15 августа 2025 года была утверждена Концепция развития общего рынка лекарственных средств, согласно которой с 1 января 2026 года в обращении на территории Союза смогут находиться исключительно лекарственные препараты, имеющие регистрационные удостоверения ЕАЭС.

Полагаем, что данный шаг станет моделью для формирования аналогичных общих рынков в иных секторах экономики Союза, таких как промышленность, энергетика, транспортная политика и агропромышленный комплекс, и обусловит необходимость дальнейшей унификации законодательства государств-членов. Ключевыми

направлениями такой унификации следует считать не только выработку единых подходов к установлению ответственности за нарушения технических регламентов Союза, но и создание эффективных механизмов противодействия недобросовестной конкуренции на трансграничном уровне, а также согласование санкций за правонарушения в таможенной сфере.

Для повышения эффективности взаимодействия таможенных органов целесообразно реализовать комплекс практических мер по созданию единой цифровой платформы обмена информацией между таможенными службами ЕАЭС, обеспечивающей автоматическое сопоставление данных о происхождении, стоимости и маршрутах перемещения товаров и разработку системы взаимного признания результатов таможенного контроля, исключающей необходимость повторных проверок при внутреннем перемещении товаров.

В результате становится очевидным, что процесс совершенствования и гармонизации таможенного законодательства в государствах-членах ЕАЭС направлен на развитие эффективной системы таможенного администрирования, минимизацию сроков таможенного оформления, оптимизацию и автоматизацию процедур контроля. Всё это ведёт к упрощению таможенных процессов, более рациональному распределению ресурсов и улучшению обмена информацией. Важно, чтобы процесс модернизации сопровождался постоянным диалогом, сотрудничеством и обменом опытом между всеми участниками Союза, а также укреплением институциональных механизмов интеграции.

УДК 342

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛОГЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. И. Малюгина

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н.О. Рамазанова

В статье проводится анализ действующего законодательства Республики Беларусь в сфере правового регулирования деятельности средств массовой информации, сделан акцент на участие блогеров в медиа-пространстве нашей страны.

Ключевые слова: блогер; блогосфера; средства массовой информации; цифровизация; правовое регулирование

В последние годы деятельность блогеров приобрела особую актуальность, став неотъемлемой частью информационного пространства современного общества. Каждое государство предпринимает меры как для защиты своей информационной безопасности, так и для обеспечения реализации права человека на свободу слова. Одним из механизмов выступает нормативное правовое регулирование деятельности блогеров. Республика Беларусь, являясь активным участником происходящих процессов, так же стремится «включить» блогеров в правовое поле. Так, в настоящее время деятельность рассматриваемых субъектов регулируется Зако-

ном Республики Беларусь от 17.07.2008 «О средствах массовой информации», который определяет основные принципы и требования к распространению информации в нашей стране. Вместе с тем, данный нормативный правовой акт не содержит дефиницию «блогер». Это создает правовую неопределенность, так как блогеры не выделены в отдельную категорию субъектов информационного пространства. В этой связи применение соответствующих правовых норм к этой группе участников информационного пространства нашей страны становится затруднительным. На наш взгляд, принятие специального нормативного правового акта, регулирующего именно деятельность блогеров, либо путем включения дефиниций «блогер» и «блогерская деятельность» в Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации» положительным образом отразиться на информационной безопасности нашей страны.

Одним из актуальным вопросов в регулировании деятельности блогеров выступает лицензирование их деятельности. Видится необходимость введение процедуры регистрации или лицензирования деятельности блогеров в качестве субъектов информационной деятельности обязательными, поскольку такой подход может способствовать повышению ответственности блогеров за публикуемую информацию, что является важным аспектом в условиях, когда дезинформация и фейковые новости становятся угрозой для информационной безопасности страны. Полагаем возможным возложить обязанность лицензирования деятельности блогеров на Министерство информации Республики Беларусь в соответствии с осуществляемыми им задачами: осуществление государственной регистрации (перерегистрации) средств массовой информации, издателей, изготовителей и распространителей печатных изданий, а также лицензирование полиграфической деятельности и деятельности в области вещания.

Следует также отметить, что блогерам необходимо выполнять налоговые обязательства. Как разъяснило Министерство по налогам и сборам, если блогер получает доходы от рекламы на постоянной основе из нескольких источников, то ему необходимо регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица и оплачивать налоги. Вместе с тем, на данный момент отсутствует четкая формулировка о нестабильных, при этом имеющих монетизацию блогах и их авторах. Деятельность этих лиц попадает под трактовку «самозанятые», т.е. физические лица, которые занимаются видами деятельности, не относящимся к предпринимательской деятельности, без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Таким образом, внедрение законодательных норм позволит установить правовые рамки для деятельности блогеров, повысит качество контента, обеспечит защиту прав потребителей информации и, как следствие, положительным образом повлияет на безопасность информационной сферы в нашей стране.

УДК 656.02

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТАМОЖЕННОГО ТРАНЗИТА В ЕАЭС: ПЕРЕВОЗКА БЕЛОРУССКИХ ТОВАРОВ В АРМЕНИЮ ПО СИСТЕМЕ МДП

М. К. Марецкая

студентка 3 курса
УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
Научный руководитель: старший преподаватель Н.С. Габец

В статье рассматриваются особенности применения книжек МДП при перевозке белорусских товаров в Республику Армению. Анализируется правовая база, роль ГТК Республики Беларусь и «БАМАП», преимущества для экспортеров, влияние на развитие торговли в ЕАЭС и перспективы цифровизации (TIR-EPD, eTIR).

***Ключевые слова*:** книжка МДП; навигационные пломбы; международные перевозки; таможенный транзит; таможенные процедуры.

Развитие международных автомобильных перевозок в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) имеет ключевое значение для Республики Беларусь в условиях углубления интеграционных процессов. Одним из важнейших инструментом по упрощению и ускорению перевозок выступает система МДП (TIR – Transports Internationaux Routiers), закрепленная в Конвенции от 14 ноября 1975 г. «О международной перевозке грузов с применением книжки МДП» [1].

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что в июле 2025 года Государственный таможенный комитет Республики Беларусь официально подтвердил готовность белорусских таможенных органов осуществлять оформление и выпуск белорусских товаров по процедуре таможенного транзита с использованием книжек МДП для их перевозки под таможенным контролем в Республику Армения. Такой тип взаимодействия направлен на облегчение и ускорение международных перевозок внутри Союза.

Целью исследования является анализ правовых и практических аспектов применения книжек МДП в перевозке белорусских товаров в Республику Армения, выявление преимуществ для участников внешнеэкономической деятельности, а также определение перспектив совершенствования таможенного транзита в рамках ЕАЭС.

Республика Беларусь является участником Конвенции о международной перевозке грузов с применением книжки МДП 1975 года, как и остальные страны-члены ЕАЭС. Для системы МДП можно выделить следующие принципы: соответствующая безопасность транспортных средств и контейнеров, их допустимость к опломбированию; гарантия уплаты таможенных пошлин и налогов от гарантийных объединений; общепризнанность странами-участницами Конвенции книжки МДП как транзитного документа; неизменность состояния перевозимых товаров; признание пломб, наложенных в стране отправления, всеми государствами маршрута перевозки.

Подтверждение со стороны ГТК Республики Беларусь, содержащееся в письме Государственного таможенного комитета Республики Беларусь в Ассоциацию международных автомобильных перевозчиков (далее – «БАМАП») от 21 июля 2025 г., о проведении пилотного проекта по оформлению перевозок в Армению по системе МДП позволяет белорусским перевозчикам использовать упрощённую процедуру транзита при доставке товаров в Армению через территорию России. Данный эксперимент организован на основании распоряжения Совета Евразийской экономической комиссии от 2 июня 2025 г. №19 [2].

В Республике Беларусь уполномоченной организацией по выдаче книжек МДП является «БАМАП». Документ сопровождает груз на всём маршруте, содержит сведения о перевозчике, товарной партии и маршруте, а также имеет уникальный номер и срок действия. При пересечении границ таможенные органы изымают листы книжки и проставляют отметки, что обеспечивает прозрачность и прослеживаемость перевозки.

За счёт использования книжек МДП в перевозках из Беларуси в Армению ускоряется процедура таможенного транзита; минимизируются затраты, т.к. сокращается время простоев на границе; повышается конкурентоспособности белорусских товаров на внешних рынках путем гарантированной логистики; появляется возможность развить современные цифровые процессы (TIR-EPD, перспективно – eTIR).

Для Беларуси это означает расширение экспортных возможностей, упрощение логистики и повышение конкурентоспособности. Для Армении – укрепление транспортной связности и развитие торговых отношений с одним из ключевых партнёров по Союзу.

Таким образом, использование книжек МДП в перевозках белорусских товаров в Республику Армения не только способствует развитию двусторонних торгово-экономических связей, но и формирует практическую основу для углубления интеграционных процессов в рамках ЕАЭС.

Библиографический список

1. Таможенная конвенция о международной перевозке грузов с применением книжки МДП от 14 ноября 1975 г. [Электронный ресурс] : [заключена в г. Женеве 14.11.1975] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.

2. Цифровизация и логистика. Глава ГТК о новшествах в таможенной сфере в год председательства Беларуси в ЕАЭС [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/mart/87964/ (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 341.1/.8(1-67ЕАЭС)+001.895:340(1-67ЕАЭС)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

В. В. Мелин

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук О.В. Емельянович

Исследуются правовые основы реализации инновационной политики в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Анализируется правовая база ЕАЭС в контексте инновационной деятельности. Отмечаются недостатки механизмов реализации инновационной политики, предлагаются пути совершенствования правового регулирования инновационной деятельности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, инновационная деятельности, интеграция, гармонизация законодательства, научно-техническое развитие, технологический суверенитет

Развитие науки – это безусловно чрезвычайно важное направление политики любого государства. Каждое государство стремится обеспечить себя достойным научно-техническим капиталом и выстроить так называемый «технологический суверенитет», т.е. способность страны располагать важными для обеспечения благосостояния населения и конкурентоспособности технологиями, а также возможность их самостоятельно разрабатывать или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости [1].

Важность научно-технической сферы для интеграции закреплена в ряде актов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, принятая Высшим евразийским экономическим советом в 2018 году, закрепила глобальной целью евразийской интеграции формирование «территории инноваций». Данная цель реализуется через такие мероприятия как применение цифровых технологий в таможенном регулировании, создание общего цифрового бизнес-пространства, использование потенциалов ведущих IT-парков государств-членов, формирование цифровых экосистем, финансирование совместных кооперационных проектов, в том числе с помощью Евразийского банка развития и др. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» закрепила ряд важнейших задач научно-технического развития союза: развитие взаимодействия в сфере «умных» энергоэффективных технологий, развитие технологической базы для агропромышленного комплекса, раскрытие потенциала систем искусственного интеллекта и обеспечения его инклюзивного, безопасного и ответственного применения и т.д.

Л.В. Андреева отмечает, что факторами, тормозящими инновационное развитие ЕАЭС являются отсутствие механизмов реализации ключевых направлений инновационной политики, а также механизмов финансирования инновационных проектов [2, с. 59]. Интеграция в ЕАЭС осуществляется по несколько иному механизму чем, в Европейском союзе. Р.Н. Салиева указывает на необходимость закрепления ключевых механизмов регулирования инновационной деятельности в Соглашении о единой научно-технической политике [3, с. 146]. М.В. Шугуров исследует возможность принятия дополнительного протокола к Договору о ЕАЭС, посвященного научно-технической и инновационной политике [4, с. 60].

В целом, в рамках ЕАЭС отмечается потребность укрепления договорной базы в сфере инновационной деятельности. ЕАЭС нуждается в создании единого инновационного пространства, что возможно только через внедрение конкретных

практических механизмов регулирования инновационной деятельности на основе проработанного правового фундамента.

Библиографический список

1. Юридический словарь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://multilang.pravo.by/ru/term/index/44860?langname=ru&size=25&page=1&type=3&etalon=0) (дата обращения: 20.10.2025).
2. Андреева, Л.В. Формирование нормативной правовой основы для создания единого инновационного пространства в Евразийском экономическом союзе / Л.В. Андреева // Международное сотрудничеств евразийских государств: политика, экономика, право. – 2015. – № 3. – С. 52–64.
3. Салиева Р.Н. Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза / Р.Н. Салиева // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 3. Т. 2. С. 144–147.
4. Шугуров М.В. Право ЕАЭС в сфере науки, технологий и инноваций: системный подход / М.В. Шугуров // Моск. журнал межд. права. – 2020. – № 3. – С. 44–63.

УДК 342.92

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПРОКУРОРСКИХ РАБОТНИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И. И. Мельник

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А.В. Карамышев

В статье рассмотрены основные признаки общей и специальной дисциплинарной ответственности прокурорских работников. Определены особенности этих видов дисциплинарной ответственности и их взаимосвязь.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность; служебная дисциплина; прокурорский работник; нормативный правовой акт; общая дисциплинарная ответственность; специальная дисциплинарная ответственность.

Дисциплинарная ответственность является важным инструментом обеспечения дисциплины, соблюдения служебных обязанностей и служебной этики в органах прокуратуры. В системе государственной службы в Республике Беларусь различают общую дисциплинарную ответственность, регламентированную законодательством о государственной службе и трудовым законодательством, и специальную ответственность, характерную для ряда категорий государственных служащих, в том числе прокурорских работников, и регулируемую отраслевыми нормативными правовыми актами.

Служба в органах прокуратуры относится к государственной гражданской службе. Поэтому имеются основания распространять на нее основные принципы

и правила общей дисциплинарной ответственности по Закону Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «Об государственной службе». Основные признаки этой ответственности:

– правовая основа: ответственность возникает на основании законодательства о государственной службе, а также иных нормативных правовых актов, регулирующих статус государственных служащих;

– объект ответственности: нарушение служебной дисциплины, неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей;

– основания ответственности: проступки, установленные нормативами, такие как нарушение приказов, правил внутреннего распорядка, несоблюдение служебной этики;

– процедура: дисциплинарное взыскание применяется по результатам служебного расследования, с соблюдением права на защиту. Взыскания могут включать замечание, выговор, увольнение по соответствующим основаниям;

– цель: поддержание порядка, повышение ответственности служащих, соблюдение служебной этики.

Рассмотрим особенности специальной дисциплинарной ответственности прокурорских работников. Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим служебную деятельность прокурорских работников и их ответственность в Республике Беларусь, является Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» № 220-З, а также Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 181.

Основными признаками специальной ответственности являются:

– правовая основа: установлена отраслевыми актами, учитывающими специфику служебной деятельности прокурора, его независимость и особый статус;

– объект ответственности: не только нарушение служебных обязанностей, но и действия, противоречащие принципам прокурорской этики – проступки, дискредитирующие звание прокурорского работника и несовместимые со службой в органах прокуратуры;

– процедура: внутреннее служебное расследование и дисциплинарные взыскания осуществляются в строгом соответствии с положениями нормативных актов, с учетом особенностей прокурорской службы – например, результаты проведения соответствующих проверок, а также возможность привлечения к ответственности за нарушения, выявленные в ходе служебных проверок;

– меры ответственности: помимо общих дисциплинарных взысканий к прокурорским работникам применяются такие, как понижение в должности на срок до 6 месяцев, понижение в классном чине на срок до 6 месяцев, лишение нагрудного знака «Почетный работник прокуратуры Республики Беларусь»;

– особенности: наличие высокого уровня самостоятельности, защиты служебной независимости, а также повышенных требований к профессионализму и этике. Это обеспечивает исключительную ответственность прокурорских работников за соблюдение закона и служебной дисциплины.

Таким образом, общая дисциплинарная ответственность и специальная ответственность прокурорских работников дополняют друг друга, обеспечивая эффективность функционирования системы органов прокуратуры и государственный порядок в целом.

УДК 339.56

БЕЛОРУССКО-КИТАЙСКОЕ ТАМОЖЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ АРХИВАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В. Ю. Осипова

студентка 4 курса
УО «Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»
Научный руководитель: магистр юридических наук, старший преподаватель Т.В. Семёнова

Анализируется сотрудничество Беларуси и Китая в сфере охраны культурного наследия. Рассматриваются меры по взаимодействию государств в контексте охраны культурного наследия таможенными органами. Предлагается механизм внедрения облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей.

Ключевые слова: единая база данных; культурные ценности; облачный сервис; таможенное сотрудничество; цифровая архивация.

Одним из направлений сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики (далее – КНР) является обеспечение охраны культурного наследия при перемещении культурных ценностей через таможенную границу. По этому вопросу разработана содержательная нормативная правовая база: Договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Беларусь и КНР от 10 мая 2015 г.; Директива Президента Республики Беларусь № 9 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с КНР » от 3 декабря 2021 г.; Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами – членами, с одной стороны, и КНР, с другой стороны; Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г.

Исходя из положений представленных документов, к основным направлениям взаимодействия можно отнести: таможенное сотрудничество (внедрение механизма «единого окна» и китайской концепции «трех интеллектуальных сфер» (интеллектуальная таможня, интеллектуальные таможенные границы и интеллектуальная взаимосвязанность)); применение цифровых технологий (совместное использование искусственного интеллекта, «больших данных» и технологий роботизации); развитие таможенной инфраструктуры (модернизация технических средств таможенного контроля, информационных технологий и вспомогательного оборудования, используемого в пунктах пропуска); образовательное взаимодействие (создание совместных программ, в том числе с использованием технологий дистанционного обучения, для подготовки кадров) [1].

Многообещающим проектом является создание облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей – платформы для хранения, обработки и управления цифровыми копиями объектов культурного наследия на основе облачных вычислений. На первом этапе формируется единая база данных культурных ценностей путем интеграции существующих реестров Беларуси (Банк сведений об историко-культурном наследии) и КНР (Национальная база данных культурных реликвий, Каталог запрещенных к вывозу культурных ценностей). Это позволит автоматизировать таможенный контроль, проводить научные исследования и создавать виртуальные выставки. Второй этап – выбор облачной платформы. Для создания гибридной инфраструктуры возможно использование услуг белорусского провайдера beCloud и китайского Alibaba Cloud. На третьем этапе, посвященном обучению таможенных служащих, предлагается: использование платформы «Moodle» для организации дистанционных курсов, проведения вебинаров с экспертами и разработки обучающих модулей; развитие института таможенных атташе путем закрепления специалистов при дипломатических представительствах для гармонизации правоприменительной практики [2, с. 180]. Четвертый этап – правовое согласование – предполагает заключение Соглашения о сотрудничестве в цифровой архивации культурных ценностей между Беларусью и КНР.

Таким образом, перспективой белорусско-китайского сотрудничества является внедрение облачного сервиса для цифровой архивации культурных ценностей. Реализация проекта предполагает: создание единой базы данных культурных ценностей, выбор облачной платформы, организацию обучения таможенных служащих и заключение Соглашения.

Библиографический список

1. Залесский, Б. Пространство кооперации. Хроника экономического взаимодействия Республики Беларусь со странами Содружества Независимых Государств / Б. Залесский. – Palmarium Academic Publishing, 2024. – 244 с.

2. Острога, В. А., Бусел, С. Ю. Современное состояние и перспективы развития института таможенного атташе в Республике Беларусь / В. А. Острога, С. Ю. Бусел // Материалы III международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.)», 17–18 мая 2018 г., УО «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» (г. Витебск, Республика Беларусь). – Витебск, 2018. – С. 180–184.

УДК 342.922

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Рудковская

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. А. Краснобаева

В статье проводится анализ сущности административно-правового режима, направленного на обеспечение экологической безопасности. Основное внимание уделяется конкретным нормативно-правовым актам, регулирующим административно-правовые отношения в этой области. Исследование основывается на методологии системного анализа, что позволяет выявить ключевые особенности административно-правового регулирования вопросов экологической безопасности.

Ключевые слова: административно-правовые режимы; экологическая безопасность; природопользование; охрана окружающей среды.

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду и компенсацию ущерба, нанесенного этому праву. Государство обязано контролировать рациональное использование природных ресурсов для защиты и улучшения качества жизни, а также для охраны и восстановления окружающей среды. Кроме того, охрана природы и бережное отношение к ресурсам являются долгом каждого гражданина. Эти положения закрепляют необходимость обеспечения экологической безопасности и рассматривают ее как важный аспект национальной безопасности страны. В стране создана и совершенствуется законодательная база, которая обеспечивает комплексное регулирование вопросов, касающихся использования и охраны земель, лесов, водных ресурсов, недр, атмосферного воздуха, защиту растительного и животного мира, специальных природных территорий, вопросы безопасности генно-инженерной деятельности и управление отходами.

Согласно Концепции национальной безопасности, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25 апреля 2024 г. № 5, «экологическая безопасность представляет собой состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера». Предметом административно-правового режима обеспечения экологической безопасности является экологическая система, имеющая пространственно-территориальные границы, которая складывается из следующих элементов: все объекты живой природы; все объекты неживой природы; сложившееся экологическое состояние; происходящие изменения экологического состояния. Основной целью государственной политики в рассматриваемой области является обеспечение устойчивого развития, повышение уровня качества жизни граждан, улучшение состояния здоровья населения и достижение экологической безопасности. Эти задачи, в свою очередь, выступают основополагающими элементами административно-правового режима, к которым следует отнести правовые институты рационального использования природных ресурсов, охраны и восстановления природных объектов, а также институты ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды. Такая структура позволяет не только обеспечить реализацию устойчивого природопользования, но и сохранить природу в целом и каждый компонент природной среды в отдельности.

Установление административно-правовых режимов в сфере обеспечения экологической безопасности направлено на формирование желаемого поведения участников общественных отношений в данной области. Функционирование этих режимов проявляется через законодательное закрепление норм, которые определяют

набор мероприятий, требований и мер, предъявляемых к субъектам, занимающимся охраной окружающей среды. Например, на основании Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды утверждает экологические нормы и правила. Указом Президента Республики Беларусь от 31 января 2025 г. № 46 «Об особенностях строительства и приемки объектов в эксплуатацию» предусмотрено, что при приемке в эксплуатацию объект оценивается приемочной комиссией на соответствие требованиям экологической безопасности. Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности от 17 июля 2023 г. № 289-З обозначает одно из направлений государственной политики комплексное развитие среды жизнедеятельности физических лиц и обеспечение экологической безопасности.

Таким образом, необходимость единого подхода к использованию и охране окружающей среды обусловлена задачей сохранения и обеспечения устойчивого функционирования естественных экологических систем, а также других природных и природно-антропогенных объектов.

УДК 342.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю.В. Семенович

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н.В. Валюшко-Орса.

Рассмотрены основные вопросы, связанные с использование современных информационных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Беларусь. Вносятся предложения по внесению изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь с учетом опыта Российской Федерации.

Ключевые слова: Следственный комитет Республики Беларусь; современные технологии; инновационные методы; киберпреступность; высшее образование.

Стремительная цифровая трансформация общества, появление новых средств и способов совершения противоправных деяний, их значительный рост в киберпространстве обусловили необходимость внедрения современных технологий в деятельность Следственного комитета Республики Беларусь. Согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» (далее – Закон № 403-З), одной из основных задач данного органа является внедрение в практику достижений науки и техники, положительного опыта, прогрессивных форм и методов работы. Данный процесс носит многогранный характер и затрагивает как нормативно-правовое регулирование и практические аспекты следственной деятельности, так и профессиональную подготовку кадров.

Значимым шагом стало законодательное закрепление возможности проведения допроса с использованием программ для проведения веб-конференций (таких как Skype, Viber). Данная мера позволяет эффективно преодолевать географические барьеры, экономить время и ресурсы, что в итоге способствует повышению оперативности и эффективности предварительного расследования. Вместе с тем, была проведена актуализация законодательства, направленная на усиление борьбы с киберпреступностью.

Для практической реализации законодательных нововведений в структуре Следственного комитета Республики Беларусь 12 апреля 2022 г. было создано главное управление цифрового развития предварительного следствия с соответствующими подразделениями в регионах. Это позволило сконцентрировать усилия для противодействия наиболее опасным видам киберпреступности. Результатом стала успешная деятельность по пресечению преступной деятельности транснациональных скам-групп, мошеннических кол-центров и др.

Важным элементом внедрения технологий стала модернизация системы профессионального образования сотрудников. Созданный Указом Президента Республики Беларусь от 25 июня 2020 г. № 244 Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь является центром внедрения инновационных методов обучения.

Следует отметить, что внедрение новых технологий обуславливает необходимость привлечения специалистов IT-сферы, программистов и аналитиков данных для эффективной борьбы с киберпреступностью. В этой связи, исходя из опыта Российской Федерации, предлагаем внести изменения и дополнения в абз. 1 ст. 15 Закона № 403-З, закрепив, что на отдельные должности в Следственном комитете Республики Беларусь могут назначаться граждане, не имеющие высшего юридического образования, при наличии у них иного высшего образования, соответствующего занимаемой должности.

Таким образом, использование современных технологий в деятельности Следственного комитета Республики Беларусь представляет собой систему, которая объединяет нормативно-правовое регулирование деятельности Следственного комитета, практические аспекты и профессиональную подготовку сотрудников. Этот комплексный подход позволяет не только реагировать на современные вызовы преступности, но и опережать их, обеспечивая защиту прав граждан и национальную безопасность.

УДК 342.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СТАТУСЕ ПОМОЩНИКА ДЕПУТАТА ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. И. Сергеенко

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: док. полит. наук, доцент В. С. Михайловский

Внесены предложения по совершенствованию законодательства о правовом статусе помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, которые касаются вопросов назначения на должность, расширения полномочий, ограничений в связи с осуществлением деятельности, служебной этики, повышения квалификации.

Ключевые слова: законодательство; помощник депутата; государственная служба; служебная этика; повышение квалификации.

Правовой статус помощников депутатов регулируется нормами Закона Республики Беларусь от 04 ноября 1998 г. «О статусе депутата Палаты представителей и члена Совета Республики» (далее – Закон о статусе депутата). Данное регулирование нельзя назвать достаточным, поскольку оно не учитывает все аспекты деятельности помощников. Предлагается внести изменения в действующий Закон о статусе депутата путем разработки отдельного Положения о помощнике депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – помощник депутата). Частичное применение принципов государственной службы в работе помощников депутатов, ограничений в связи с осуществлением государственной службы, а также ориентация (по аналогии закона) на правовой статус помощника Президента Республики Беларусь и государственного гражданского служащего повысит эффективность деятельности помощников депутата.

При формулировании следующих предложений по внесению изменений в законодательство мы учитывали требования Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 «О прогнозировании последствий принятия (издания) нормативных правовых актов». Основой предлагаемого положения будут служить нынешние нормы ст. 50-52 Закона о статусе депутата, которые могут быть дополнены специальными нормами, регулирующими:

1) назначение на должность помощника депутата, а именно предлагается ввести обязательную процедуру конкурсного отбора кандидатов на должность помощника депутата, а также установить минимальные квалификационные требования для помощников, что обеспечит их профессионализм и компетентность;

2) расширение полномочий помощника депутата, а именно предоставив им право представлять интересы депутата в отношениях с органами государственной власти и общественными организациями в пределах их компетенции, выступая от своего лица;

3) ограничения в связи с осуществлением профессиональной деятельности помощников депутатов по аналогии с Законом Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. «О государственной службе»;

4) профессиональную служебную этику помощника депутата, а именно предлагается распространить общие требования служебной этики государственных гражданских служащих по аналогии закона к регулированию общественных отношений, складывающихся в процессе профессиональной деятельности помощника депутата;

5) повышение квалификации помощников депутатов, а именно предлагается введение обязательных программ обучения по законотворческой деятельности, анализу нормативных правовых актов, работе с обращениями граждан, а также по вопросам организации депутатской деятельности и деловому общению.

Выработанные в работе практические рекомендации, направленные на совершенствование правового статуса помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, положительно скажутся на эффективности законотворческой и представительской деятельности депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. В итоге это будет способствовать еще большему повышению доверия белорусских граждан к государственному аппарату и управлению в Республике Беларусь.

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ОБЪЕКТА: НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОГО ДВОРЦОВО-ПАРКОВОГО АНСАМБЛЯ

В. О. Скачеляс

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Карамышев

Работа посвящена Гомельскому дворцово-парковому ансамблю как объекту административно-правового режима. Рассмотрены его историческая ценность, архитектурные особенности, включая Дворец Румянцевых-Паскевичей и Петропавловский собор. Анализируется законодательство Беларуси по охране культурного наследия и режимы на территории ансамбля.

Ключевые слова: дворцово-парковый ансамбль; административно-правовой режим; историко-культурное наследие; охраняемый объект; особый режим охраны.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль – уникальный объект культурного наследия Республики Беларусь, сочетающий в себе архитектурную, историческую и природную ценность. Ансамбль включает в себя дворец Румянцевых и Паскевичей, часовню-усыпальницу, «Зимний сад», смотровую башню, старинный парк, а также дом-усадьбу Халецких. Все объекты признаны историко-культурными ценностями и включены в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Их правовой статус определяет необходимость строгого соблюдения норм административного законодательства, регулирующего охрану культурного наследия. В соответствии со ст. 96 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры ад 20 ліпеня 2016 г. №413-З (далее – Кодекс о культуре) Гомельский дворцово-парковый ансамбль имеет статус высшей историко-культурной ценности категории «0» – как наиболее уникальный памятник, чьи духовные, эстетические и документальные достоинства представляют собой международный интерес. Это не просто формальность, а признание исключительной значимости ансамбля на уровне национальной и мировой культуры.

Согласно Кодексу о культуре, объекты категории «0» подлежат особому режиму охраны, включающему:

– установление охранных зон;

– запрет на проведение работ без согласования с уполномоченными органами;

– обязательное проведение археологического надзора при земляных работах;
– соблюдение противопожарных и иных технических норм.

Утверждён проект зон охраны Гомельского дворцово-паркового ансамбля, включающий охранную территорию, зоны регулирования застройки, охраны природного ландшафта и культурного слоя. Любые вмешательства в культурный пласт требуют соблюдения требований ст. 129 и 130 Кодекса о культуре. Правила посещения ансамбля, утверждённые администрацией, служат инструментом охраны культурного наследия и соответствуют ст. 108 Кодекса о культуре. Запрещаются действия, создающие угрозу сохранности – вибрации, загрязнение, нарушение температурно-влажностного режима, а также угрозу возникновения пожара. Ограничено движение транспорта, запрещены строительные и реставрационные работы без согласования, а любые вмешательства требуют уведомления Министерства культуры.

Административно-правовой режим охватывает и противопожарную безопасность: действует система газового пожаротушения, ведётся круглосуточное видеонаблюдение, сотрудники проходят обучение по пожарно-техническому минимуму. Разработаны инструкции по эвакуации музейных ценностей, представляющих наивысшую значимость для культурного фонда страны. Всё это отражает принцип превентивной охраны и подчёркивает высокий уровень ответственности за сохранение национального достояния.

Гомельский дворцово-парковый ансамбль – не только культурное достояние, но и объект, находящийся под комплексным административно-правовым режимом. Его охрана осуществляется через систему нормативных актов, проектных решений и организационных мер, направленных на сохранение историко-культурной ценности. Таким образом, административное право выступает гарантом устойчивого функционирования и защиты объектов национального наследия, обеспечивая их сохранность для будущих поколений.

Библиографический список

1. Гомельский дворцово-парковый ансамбль. Правила посещения. – URL: https://www.palacegomel.by/index.php?do=static&page=rules (дата обращения: 05.10.2025).

2. Гомельский дворцово-парковый ансамбль. Официальный сайт. – URL: https://gomelpalace.by (дата обращения: 05.10.2025.)

3. Гордимся и защищаем: Гомельский дворцово-парковый ансамбль // Официальный сайт Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. 2023. – URL: https://mchs.gov.by/glavnoe/409340/ (дата обращения: 05.10.2025.)

УДК 342.92

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В СФЕРЕ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ

М. С. Скорина

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Карамышев

В статье рассматриваются особенности правового регулирования государственных услуг в сфере регистрации недвижимости в Республике Беларусь, основные административные процедуры, роль Национального кадастрового агентства.

Ключевые слова: регистрация недвижимости, административные процедуры, сервисное государство, кадастровое агентство, экстерриториальность

В условиях информационного общества меняется взаимодействие государства и граждан: современное государство выступает не только носителем властных полномочий, но и поставщиком публичных услуг, формируя модель «сервисного государства». Государственные услуги становятся основным инструментом реализации публичных функций и обеспечивают гражданам доступ к социально значимым благам.

В зарубежной практике предоставление услуг регулируется отдельными законами. Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2013 г. № 88-V «О государственных услугах» определяет государственную услугу как форму реализации государственных функций или их совокупности, осуществляемых по обращению или без обращения услугополучателей и направленных на защиту их прав и законных интересов. Закон Республики Молдова от 23 декабря 2021 г. № 234 «О публичных услугах» рассматривает публичные услуги как некоммерческую административную деятельность, осуществляемую с запросом бенефициаров или без него для реализации их прав, свобод и обязанностей.

В Республике Беларусь материально-правовые и процедурные аспекты государственных услуг объединены в Законе от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» и подзаконных актах. В сфере недвижимости выделяются пять процедур: регистрация создания, изменения и прекращения существования объектов; регистрация прав; внесение исправлений в Единый государственный регистр; предоставление сведений; постановка и снятие с учёта бесхозяйственного имущества.

Регистрационные действия выполняются территориальными агентствами по государственной регистрации и земельному кадастру, деятельность которых координирует Национальное кадастровое агентство. Большинство процедур реализуется по принципу «одно окно». Сроки минимизированы: регистрация – от 1 до 5 дней, внесение исправлений – до 3 дней.

Регламенты административных процедур, утверждённые Госкомимуществом, детализируют состав документов, основания отказа и порядок обжалования. Так, регламент административной процедуры, осуществляемой в отношении субъектов хозяйствования, по подпункту 16.1.2 «Государственная регистрация создания, изменения, прекращения существования капитального строения (здания, сооружения), возникновения, перехода, прекращения прав, в том числе долей в праве, ограничений (обременений) прав на него, сделок с ним», утверждённый Постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь 25 марта 2022 г. № 11 «Об утверждении регламентов административных процедур», требует от иностранных организаций выписку из торгового реестра своей страны не старше года; документы подаются в письменной или электронной форме через Единый портал электронных услуг.

Большинство процедур доступно через Единый портал электронных услуг (Е-паслуга), обеспечивая быстрый онлайн-доступ к информации о правах, объектах и ограничениях. Перспективным направлением является расширение принципа экстерриториальности и его преобразование в цифровую доступность, включая онлайн-регистрацию недвижимости через единую платформу, что позволит гражданам выполнять регистрационные действия независимо от местонахождения объекта и без личного визита.

Для процедур, требующих подтверждения отсутствия собственности целесообразно предоставлять уполномоченным лицам заинтересованных юридических лиц оперативный доступ к базе данных. Также возможна отмена печатного свидетельства о регистрации, поскольку основное значение имеет выписка из реестра, содержащая сведения о правах на объект, ограничениях и обременениях.

Внедрение электронного документооборота, автоматизированной проверки документов и онлайн-мониторинга заявлений повысит эффективность, прозрачность и удобство процедур, укрепляя концепцию сервисного государства, ориентированного на потребности граждан и современные стандарты управления.

УДК 342.9

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Я. Е. Тимофеева

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: док. полит. наук, доцент В. С. Михайловский

Анализируются основные аспекты и этапы формирования государственной службы как научной и учебной дисциплины. Рассмотрены исторические этапы развития научных исследований в области государственной службы, специфика современной национальной модели государственной службы в Республике Беларусь, а также структура дисциплины.

Ключевые слова: государственная служба; социальный институт; государственные служащие; научные исследования; законодательство; власть.

Государственная служба – это особый вид человеческой деятельности, который проявляется в качестве многогранного явления. В государственной службе можно выделить социальное, политическое, правовое, психологическое, этическое измерение.

Интерес к государственной службе как к объекту научных исследований возник в XIX в., продолжился в советский период и сохранился после распада СССР. В XIX – начале XX вв. ученые изучали вопросы концептуально-методологического характера, определяли связь государственной службы с государством и обществом, анализировали ее принципы и сущность, также разрабатывали учения о понятии и статусе должностного лица. Советский период характеризуется значи-

тельным развитием исследований государственной службы как в качестве самостоятельного административно-правового института, так и отдельных ее вопросов (например, правовой статус государственных служащих и их разновидности).

В Республике Беларусь появилась собственная школа изучения государственной службы в рамках правовой парадигмы. Ученые (И. А. Кеник, Л. А. Краснобаева, А. Г. Тиковенко, О. И. Чуприс и др.) внесли вклад в теоретико-правовыми проблемы изучения государственной службы, анализ ее правового регулирования и практики. Появились специальные учебные и научные разработки, посвященные национальной модели государственной службы. Научные работы школы государственного управления кафедры государственного управления юридического факультета БГУ посвящены связи государственной службы с государственным управлением, а также правовому регулированию государственной службы.

В системе современного белорусского высшего образования государственная служба представляет собой самостоятельную учебную дисциплину, являясь обязательным предметом для студентов, получающих образование по специальностям «Правоведение», «Государственное управление и право», «Организация и деятельность государственных органов», а также студентов-политологов. Студенты специальности «Экономическое право» изучают государственную службу в рамках дисциплины «Административное право».

Предметом дисциплины «Государственная служба» является законодательство, регулирующее государственную службу Республики Беларусь, научные взгляды и представления о государственной службе. Система государственной службы как учебной дисциплины делится на общую и особенную части. Общая часть охватывает общетеоретические сведения о государственные службы: понятии, признаках, принципах и видах государственной службы, ее месте в правовой системе, а также общие положения о статусе государственных служащих, прохождении и прекращении государственной службы. Особенная часть дисциплины детально рассматривает правовое регулирование конкретных видов государственной службы, обусловленных спецификой выполняемых ими функций. Законодательство Республики Беларусь выделяет следующие основные виды и подвиды государственной службы: государственная гражданская служба; политико-административная служба; служба представительных органов; судейская служба; прокурорская служба; служба в военизированных организациях; военная служба. Также отдельное место занимает изучение вопросов о правовом регулировании государственной службы в зарубежных странах.

Государственная служба является сложным, комплексным социально-правовым институтом, требующим междисциплинарного подхода к своему изучению. Понимание ее многоаспектной природы, четкой структуры и исторического пути развития является ключевым условием для дальнейшего совершенствования законодательства и повышения эффективности государственного управления в Республике Беларусь.

Библиографический список

1. Чуприс, О. И. Государственная служба: учебное пособие / О. И. Чуприс. – Минск : РИВШ, 2024. – 300 с.

УДК 341.1/8

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РАМКАХ ЕАЭС

Е. Г. Умрихина

соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России
Научный руководитель: д-р. юрид. наук, профессор Д.К. Бекяшев

Исследование анализирует Соглашение ЕАЭС о пенсионном обеспечении от 20.12.2019 г. Установлено, что инновационный подход ЕАЭС по-разному применяется государствами-членами, особенно в части учета пенсионных прав россиян, проживающих в других странах ЕАЭС, приобретенных до прекращения действия Соглашения СНГ для РФ. Это привело к ущемлению их права на социальное обеспечение. Для исправления ситуации предложены меры: двустороннее сотрудничество или обращение в Суд ЕАЭС за консультативным заключением для разъяснения норм.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Содружество Независимых Государств; пенсионное обеспечение; пенсионные права; трудящийся-мигрант; член семьи, трудовой стаж, право на социальное обеспечение.

К 2023 году Российской Федерацией (далее – РФ) был денонсирован блок соглашений по линии Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), регламентирующих отношения в сфере пенсионного обеспечения различных категорий населения, что, среди прочего, наметило переход от территориальной к пропорциональной модели межгосударственных отношений в сфере пенсионного обеспечения ввиду обусловленной территориальной моделью неподъемной нагрузки на бюджет РФ. Суть в том, что сообразно первой модели ключевым фактором выступает само место проживания трудящегося, в то время как вторая базируется на фактическом трудовом стаже, приобретенном на территории конкретного государства. Назревшая тенденция нашла свое отражение в плоскости двустороннего регулирования правоотношений по пенсионной тематике между РФ и некоторыми странами СНГ - в данном случае имеются в виду недавние межгосударственные договоры с Республикой Таджикистан [1] и Азербайджанской Республикой [2].

Также, в отношениях между РФ и иными государствами-членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) ныне действует Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов ЕАЭС от 20 декабря 2019 года (далее – Соглашение ЕАЭС), которое регламентирует порядок пенсионного обеспечения граждан государств Союза.

Соглашение ЕАЭС – результат многолетнего поиска консенсуса по пенсионному обеспечению. Его принятие было необходимо для защиты пенсионных прав трудящихся-мигрантов, позволяя им реализовать права, приобретенные на территории Союза, независимо от страны проживания. Эксперты считают этот шаг ключевым для дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС.

Весомой значимостью в свете реализации изучаемого международного правового акта обладает алгоритм экспорта пенсий, предусматривающий гарантированную выплату пенсии трудящемуся (члену семьи) компетентными органами даже при условии, что указанное лицо проживает в другом государстве-члене.

На примере гражданина Армении, имевшего двухлетний стаж работы в РФ, иллюстрируется механизм пенсионного обеспечения. Компетентный орган Армении по получении заявления направляет запрос в соответствующий орган России. Российская сторона производит расчет и выплату пенсии в рублях за указанный период, с последующей передачей средств армянскому органу. Последний осуществляет конвертацию в национальную валюту и доставку пенсии заявителю за свой счет [3].

Для приобретения права на пенсию требуется не менее 12 месяцев стажа в государстве-члене, по законодательству которого она назначается. Данное правило не распространяется на накопительную пенсию, а также на пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца (п. 5 ст. 7 Соглашения ЕАЭС).

Таким образом, если гражданин Беларуси проработал в России только 10 месяцев, он не отвечает установленному требованию. Присоединить к этому периоду стаж, приобретенный параллельно в Беларуси, невозможно, поскольку Соглашение не предусматривает суммирования стажей, совпадающих по времени. Следовательно, в данном случае право на пенсию от Российской Федерации у заявителя не возникает.

Библиографический список

1. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения [от 26 апреля 2022 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в области пенсионного обеспечения [Электронный ресурс] : 15 сентября 2021 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2025.

3. Общее пенсионное пространство ЕАЭС: как это работает [Электронный ресурс]. – URL: https://eurasia.expert/obshchee-pensionnoe-prostranstvo-eaes-kak-eto-rabotaet/ (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 342.3+341.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ОСНОВ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

А. А. Федорович

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. А. Хотько

В статье отмечается, что суверенитет Республики Беларусь является центральным элементом государственной идеологии, выступая основой для самостоятельного развития государства. Автор подчеркивает, что суверенитет рассматривается как основа единства

народа, государственной власти и государственной независимости и обосновывает право белорусской нации на самоопределение.

Ключевые слова: суверенитет; государство; Конституция; Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12; Концепция национальной безопасности.

Государственный суверенитет на современном этапе выступает идеологическим императивом в соответствии с Концепцией правовой политики и выражается в реальном обладании белорусским государством верховенством и полнотой власти, самостоятельности определения внутренней и внешней политики, правосубъектности на международной арене. Сохранение государственного суверенитета обеспечивается в том числе при участии Республики Беларусь в межгосударственных образованиях, что позволяет реализовывать суверенное право народа Республики Беларусь на определение своего пути развития.

Связь суверенитета с Концепцией национальной безопасности очевидна и фундаментальна. Суверенитет является залогом национальной безопасности, поскольку без независимого и самостоятельного государства невозможно обеспечить полноценную защиту национальных интересов и устойчивость развития. Концепция национальной безопасности предусматривает охрану суверенитета на внутреннем и внешнем уровнях, включая политическую, экономическую, информационную, военную и социальную сферы.

С позиции идеологии белорусского государства суверенитет является одним из ключевых политических компонентов, взаимодействующих с другими элементами, такими как патриотизм, верховенство права, народовластие и социальная справедливость. Национальная безопасность в свою очередь направлена на сохранение этого суверенитета как основы процветания народа и территориальной целостности страны. Таким образом, суверенитет и национальная безопасность находятся в тесной взаимозависимости и взаимодополняемости, формируя ось государственной идеологии и политики безопасности.

В Конституции понятие суверенитета упоминается в преамбуле и отражается в ст. 1, а также в ст. 3, где говорится, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ. Таким образом, суверенитет – это юридическая и политическая основа государственности, гарантирующая независимость и полноту власти народа и государства на своей территории и на международной арене.

В Директиве Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 определено, что государственный суверенитет – это залог процветания белорусского народа и территориальной целостности государства. В свою очередь созданы идеологические основы устойчивого развития белорусского государства, где такие ценности, как равенство всех перед законом, гражданское согласие и единство нации выступают главными условиями государственно-правового строительства в рамках реализации модели общественного развития. Идеология белорусского государства рассматривает суверенитет как основу единства народа, государственной власти и государственной независимости. Суверенитет обосновывает

право белорусской нации на самоопределение и самостоятельное развитие, что отражено как в конституционных нормах, в государственных концепциях, так и в рамках наднационального права с учетом процессов интеграции и обеспечения «надлежащего баланса национальных и наднациональных интересов» [1, с. 15]. Кроме того, идеология подчеркивает важность сохранения суверенитета в современных условиях как гаранта национальной безопасности. Суверенитет выступает стратегическим ориентиром, вокруг которого строится политика в области обороны, экономики, информационной безопасности и внешних связей.

Таким образом, в рамках концептуальных основ идеологии белорусского государства суверенитет интегрирован с воздействием на все сферы общественной жизни и государственной деятельности. Суверенитет является главным столпом белорусской государственности, гарантирующим ее независимость, развитие и сохранение культурных и исторических традиций народа.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь : научно-практ. комментарий / под общ. ред. П. П. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – 2024. – 544 с.

УДК: 342(476)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С. С. Филипчик

студентка 2 курса
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: ст. преподаватель А. А. Березко

В статье исследуется соотношение конституционного и административного права в системе права Республики Беларусь. Определены их взаимосвязь, критерии разграничения и ведущая роль конституционного права.

Ключевые слова: право; административное право; конституционное право; Республика Беларусь; Конституция; отрасль права.

Право Республики Беларусь образует определенную систему, структурными звеньями которой являются норма, институт, субинститут, подотрасль, отрасль права. Наиболее крупным звеном этой системы являются отрасли права. В условиях динамичного развития правовой системы и усложнения общественных отношений, исследование взаимосвязи конституционного и административного права приобретает особую актуальность. Эти две отрасли права, несмотря на кажущуюся автономность, образуют неразрывное единство, обеспечивающее функционирование правового государства и защиту прав и свобод граждан.

Конституционное право, как отрасль представляет собой довольно сложную систему, состоящую из значительного количества взаимодействующих составных

частей и элементов, определяющих его внутреннюю структуру. Административное право является самостоятельной отраслью права, представляющая собой совокупность административно-правовых норм, призванных регулировать особую группу общественных отношений в сфере государственного управления.

Административное право является производным от конституционного и конкретизирует его положения применительно к управленческой деятельности. Конституционное право и административное право являются основополагающими отраслями правовой системы любой страны, включая Республику Беларусь.

Предмет конституционного права составляют фундаментальные общественные отношения, которые определяют основы конституционного строя, суверенитет народа, правовой статус человека и гражданина, территориальное устройство, а также формирование, систему, принципы организации и взаимодействия высших органов государственной власти. Административное право регулирует общественные отношения, возникающие в сфере государственного управления, а также в связи с осуществлением административного контроля, надзора и применением мер административного принуждения.

Метод конституционного права в белорусской правовой доктрине характеризуется как императивно-диспозитивный. Метод административного права является классическим императивным (методом власти и подчинения, методом субординации).

Субъектами конституционного права являются народ, Республика Беларусь, высшие органы государственной власти. Субъектами административного права выступают органы исполнительной власти и их должностные лица, а с другой – физические и юридические лица, вступающие с ними в управленческие правоотношения.

Таким образом, конституционное и административное право в Республике Беларусь – это взаимосвязанные, но самостоятельные отрасли права. Конституционное право занимает ведущее положение, определяя цели, принципы и структуру государственной власти. Административное право является одной из наиболее объемных и динамичных отраслей, «практическим инструментом» реализации конституционных норм в сфере государственного управления. Тесная связь между ними подтверждается тем, что конституционные нормы служат правовой базой для развития административного законодательства, которое, в свою очередь, обеспечивает их действенность и эффективность.

УДК 341.1

СОБЛЮДЕНИЕ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ЗАПРЕТУ ХИМИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

С. Е. Чаусов

студента 4 курса военного факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд юрид наук О.В. Емельянович

В работе рассматривается участие Республики Беларусь в международной конвенции по запрещению химического оружия. Отмечается выполнение взятых обязательств, их значимость для международной безопасности и практическая ценность в укреплении национальной стабильности.

Ключевые слова: Беларусь; химическое оружие; международная безопасность; государство-участник; международное соглашение.

Республика Беларусь принимает участие в различных конвенциях по запрету определенных видов оружия. За это время Беларусь, выполняя свои обязательства, в соответствии с конвенциями и другими международными соглашениями уничтожила огромное количество как вооружений, так и военной техники.

Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (далее – Конвенция) была принята в Париже 13 января 1993 г. Сама Конвенция вступила в силу только 29 апреля 1997 г. Республика Беларусь в числе первых государств мира подписала 14 января 1993 г. и ратифицировала 11 июня 1996 г. Конвенцию о запрещении химического оружия [1]. Конвенция является первым в мире многосторонним договором в области разоружения, который запрещает целый класс оружия массового уничтожения и требует его уничтожения под строгим международным контролем.

Подписав данное международное соглашение, Беларусь стала непосредственно государством-участником Конвенции и обязывалась, в соответствии с 1 ст. Конвенции, уничтожить химическое оружие, которое находилось в его собственности или во владении или которое размещено в любом месте под его юрисдикцией или контролем, а также оставленное им на территории другого государства-участника. Чтобы выполнять свои обязанности, исходящие из Конвенции каждое государство-участник назначает или учреждает Национальный орган, который в дальнейшем будет выступать в качестве национального координационного центра для эффективной связи с Организацией и другими государствами-участниками. Каждое государство-участник уведомляет Организацию о своем Национальном органе во время вступления для него в силу настоящей Конвенции (п. 4 ст. 7 Конвенции). В соответствии с вышесказанным было издано постановление Кабинета Министров Республики Беларусь от 27 мая 1996 г. № 344 «О выполнении конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении от 13 января 1993 г.» (с изм. и доп. от 22 февраля 1999 г.) в целях реализации положений Конвенции и достижения ее целей, в Министерстве иностранных дел Республики Беларусь был учрежден Национальный орган. Этот орган выполняет роль координационного центра, обеспечивая взаимодействие с Организацией по запрещению химического оружия и другими странами-участницами Конвенции. Его задачей является содействие в выполнении всех пунктов Конвенции, включая положения о международном контроле за соблюдением, а также создание платформы для консультаций и сотрудничества между государствами-участниками.

После подписания Конвенции был издан указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 461 «О ввозе и вывозе химикатов, подпадающих под режим контроля Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления

и применения химического оружия и о его уничтожении» (с изм. и доп. от 31 августа 2017 г.). Это сделано в целях выполнения международных обязательств по обеспечению контроля за ввозом и вывозом с территории Республики Беларусь химикатов, подпадающих под режим контроля Конвенции.

Ежегодно Республика Беларусь отчитывается о производстве контролируемых химикатов, а также об объемах экспорта и импорта химических веществ, подлежащих контролю, предоставляя национальные декларации.

Библиографический список

1. Организация по запрещению химического оружия // Министерство иностранных дел Республики Беларусь, 2025. – URL: https://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/fae408ae08ba81b4.html. – (дата обращения: 16.09.2025).

УДК 340

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИВОТНЫХ В ЦИРКАХ, ЗООПАРКАХ И ДЕЛЬФИНАРИЯХ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНЫЕ НОВЕЛЛЫ

К. А. Чуйкевич

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. О. Рамазанова

В статье рассматривается современное состояние правового регулирования содержания и использования животных в цирках, зоопарках и дельфинариях Республики Беларусь. На основании оценки законодательных актов обосновывается введение обязательного лицензирования данной деятельности.

Ключевые слова: цирк; зоопарк; дельфинарий; введение государственного лицензирования

В настоящее время основным нормативным правовым актом в Республике Беларусь, регулирующим содержание и использование животных в цирках, зоопарках и дельфинариях является Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257–З «О животном мире», который в отличие от Закона от 19 сентября 1996 г. № 598–XIII «Об охране и использовании животного мира» расширил предмет правовой охраны, включив в объекты охраны диких животных, находящиеся в неволе. Основополагающей идеей, определяющей содержание этой деятельности является «пользования объектами животного мира способами, не допускающими жестокого обращения с дикими животными (принцип гуманности)».

Однако, деятельность цирков, зоопарков и дельфинариев не всегда соответствует данному принципу. Так, не редки случаи, когда животных изымают из привычных условий и сажают в клетки, не соответствующие установленным требованиям, нарушается режим кормления и температурные условия содержания. Осо-

бую тревогу вызывают контактные зоопарки, где животные постоянно, независимо от своего настроения, физического состояния окружены человеческим вниманием: их щупают, гладят, берут на руки, кормят [1, с. 1968]. Законодатель в Законе Республики Беларусь от 1 апреля 2024 г. № 361–З «Об ответственном обращении с животными», под «жестоким обращением с животными» понимает не только умышленные действия, которые могут повлечь или повлекли гибель, увечье или иное повреждение здоровья животного, но и нарушение условий содержания животных. Кроме этого, Закон определяет животных как «существ, способных испытывать чувства и физические страдания». Однако нормы, касающиеся обращения с животными в культурной деятельности, на сегодняшний день, являются бланкетно-отсылочными, определяя лишь условия общего характера, не детализируя конкретных действий.

Например, в ветеринарно-санитарных правилах по содержанию животных в цирках (утверждены постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 7 февраля 2012 г. № 6 «Об утверждении Ветеринарно-санитарных правил»), устанавливаются обязательные требования к условиям содержания животных в цирках и приютах, а также к проводимым в них ветеринарных мероприятиях. Однако эти нормы также являются недоработанными, так как в основном отражают организационный аспект устройства циркового хозяйства [2, с. 251].

В этой связи считаем необходимым усилить государственный надзор и общественный контроль в области использования представителей фауны в коммерческих и культурно-зрелищных целях. Например, введение лицензирования деятельности по содержанию и использованию животных в зоопарках, цирках и дельфинариях. Подобный положительный опыт имеет место в Российской Федерации. Так, ст. 15 Федерального закона Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 498–ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в которой закрепляется обязанность лицензирования такого вида деятельности.

Библиографический список

1. Афанасьева, М. С. Проблемы правового регулирования использования животных в коммерческих и культурно-зрелищных целях / М. С. Афанасьева // Теория и практика современной аграрной науки: сб. тр. V национальной (всероссийской) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 28 февраля 2022 года. – Новосибирск: "Золотой колос", 2022. – С. 1967–1970.

2. Репникова, Е. В. Проблема регламентации условий содержания животных, используемых в культурно-зрелищных целях / Е. В. Репникова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 4(32). – С. 249–253.

УДК 342.92

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПОЛИТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Д. В. Щуко

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Карамышев

В работе проводится сопоставление правового положения политических государственных служащих в Беларуси и Казахстане. Актуальность исследования обусловлена фундаментальной ролью данной категории государственных служащих в процессе формирования государственной политики.

Ключевые слова: государственный служащий; политический государственный служащий; административный государственный служащий; единая система государственной службы; политическая конъюнктура.

В условиях формирования эффективной государственной службы особое значение приобретает правовой статус политических служащих. Политические служащие играют ключевую роль в реализации государственной политики, что требует четкого нормативного регулирования их правового положения.

Политический служащий в административно-правовой науке трактуется как гражданин, занимающий государственную должность, связанную с публичной политической деятельностью, и исполняющий обязанности за вознаграждение из бюджета. Особенность правового статуса политических служащих заключается в сочетании общегражданских прав с особыми служебными обязанностями, обусловленными спецификой политической деятельности. В работах белорусских исследователей находит определенное отражение категория политических служащих (депутаты, члены Совета Республики и др.) [1]. Однако четкая правовая фиксация этой категории государственных служащих отсутствует. Только по отдельным признакам можно условно выделять эту категорию.

Сравнение с Республикой Казахстан показывает, что в этой стране политические служащие включают высшее руководство, а также специфические должности, отражающие политические особенности региона (например, директор Музея первого Президента). В Казахстане произошло законодательное разделение на политические и административные должности, что стало ответом на недостатки патронажной системы: коррупцию, низкую мотивацию, слабую кадровую политику. Это разделение направлено на укрепление правового статуса служащих и привлечение квалифицированных кадров [2, с. 43].

Политические государственные служащие в Республике Казахстан формально входят в единую систему государственной службы, однако их правовой статус существенно отличается от административных служащих. Последние обладают устойчивыми профессиональными компетенциями, длительным сроком службы и дисциплинарной ответственностью, что отражает стабильность админи-

стративно-правового режима. В отличие от них, политические служащие подвержены высокой степени зависимости от политической конъюнктуры, включая мнение Президента, и несут политическую ответственность за принимаемые решения.

Особенности административно-правового режима политических служащих включают отсутствие процедуры аттестации и испытательного срока, ненормированный рабочий день, а также отсутствие прозрачных механизмов рекрутирования. Это свидетельствует о закрытости данного корпуса и необходимости учитывать региональную специфику управления. Кроме того, политические служащие не защищены от увольнения при реорганизации органов власти, что указывает на ограниченность социальных гарантий. Как отмечает в своем исследовании М.С. Нуртазин, «в деятельности государственной службы многое зависит от сложного взаимодействия различных факторов, среди которых доминирующее положение занимает человеческий фактор, так как эффект социально-экономических и политических преобразований в решающей степени зависит от их исполнителей» [3]. В Казахстане политические служащие тесно связаны с волей Президента, что усиливает их зависимость от политической конъюнктуры.

В Беларуси наблюдается тенденция к институционализации политической службы, при этом сохраняется высокая степень централизованного контроля. В обоих государствах политические служащие играют ключевую роль в реализации стратегических задач, однако их правовой статус остаётся менее защищённым по сравнению с административными служащими, особенно в вопросах социальной стабильности и процедурной прозрачности.

Библиографический список

1. Кеник, К. И. Государственная служба и государственные служащие: определение понятий // Проблемы управления. 2003. № 3(8). С. 30–34.

2. Турисбек А. Правовой статус государственных служащих Республики Казахстан. Международный опыт // Юрист, 2003 г., № 10, с. 43.

3. Нуртазин М. С. Социально-политические механизмы формирования института государственной службы в Республике Казахстан на региональном уровне. автореф. дисс. … канд. соц. наук: 23.00.02 / Поволж. акад. гос. Службы – Саратов, 2009. – 18 с.

СЕКЦИЯ VII.
СЕКЦИЯ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА

УДК 347.73

К ВОПРОСУ РАЗУМНОСТИ В НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А. И. Ачасов

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А. Пилипенко

Исследуются вопросы применения категории «разумность» в налоговых отношениях. Сделан вывод о необходимости разумной сдержанности в деятельности должностных лиц контролирующих органов, особенно, в вопросах, связанных с усмотрением при принятии соответствующих решений.

Ключевые слова: разумность; разумная сдержанность; налоговые отношения; разумный срок

Во многом разумность в налоговых отношениях связана с усмотрением. Необходимо отметить, что усмотрение в налоговом праве является неотъемлемым элементом правоприменительной деятельности. В тоже время, довольно часто требования должностных лиц налоговых органов, в основе которых лежит усмотрительное начало, являются дополнительными затратами для субъектов предпринимательской деятельности, которые не только сказываются на их финансовых результатах, но и значительно дестабилизируют управленческий процесс.

Системная взаимосвязь разумных действий налогоплательщика в экономической сфере и усмотрения должностного лица контролирующего органа в контексте проявления потенциальной разумности по оценке хозяйственных операций прослеживается при применении института корректировки налоговой базы, отправным нормативным началом которого являются положения п. 4 ст. 33 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК).

По нашему мнению, определение и адекватное применение пределов правового усмотрения в налоговой сфере – это основа взаимоотношения государства и налогоплательщиков. Такие пределы могут определяться как законодателем (например, предусмотренная ч. 2 п. 6 ст. 3 НК презумпция правоты налогоплательщика), так и сложившейся практикой применения налогово-правовых норм. Учитывая значительный объем полномочий должностных лиц налоговых органов с неопределенным результатом их реализации в отношении налогоплательщиков, представляется, что важным дополнительным пределом усмотрения в налоговой сфере является разумная сдержанность в его применении.

Разумная сдержанность в деятельности контролирующих органов должна быть основана также на том, что предпринимательская деятельность носит рисковый характер, обусловленный разнообразными формами и условиями ее совершения, требующая оптимизационных механизмов, в том числе и в налоговой сфере. Понимая это, белорусский законодатель абсолютно справедливо в подп. 43.4 п 43

Концепции правовой политики Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 отметил, что не должно быть излишней зарегулированности, когда руководители организаций не могут реализовать право на разумный экономический риск. Видится, что разумный экономический риск должен подразумевать не только совершение соответствующих хозяйственных операций налогоплательщиками, но и конструктивное их разумное понимание со стороны должностных лиц в контексте принятия соответствующих решений. Особенно актуально это представляется в русле широкой дискреции (в данном случае, речь идет в первую очередь, об усмотрительной дискреции) контролирующих органов в лице их должностных лиц.

В контексте постулирования нами разумной сдержанности в деятельности контролирующих органов, нельзя обойти вниманием с концептуально экономико-правовой точки зрения вопрос разумности в нормативном регулировании налоговых отношений. Определенные экономические трудности, обусловленные внутренними и внешними причинами, заставляют государство искать механизмы, приводящие в движение финансовую систему страны с точки зрения дополнительной фискализации в отношении физических лиц и организаций. Среди таких механизмов за последние годы можно акцентировать внимание на следующих наиболее значимых: отменена с 1 января 2022 г. льготы по налогу на недвижимость для большинства физических лиц в отношении одной квартиры, находящейся в их собственности; увеличение ставки подоходного налога с физических лиц, уплачиваемого индивидуальными предпринимателями с 16 до 20 процентов.

Приведенные законодательные новеллы в налоговой сфере последних двух лет свидетельствуют об определенной дисбалансе, когда государство связывает повышательную тенденцию формирования доходной части бюджета только с ростом уровня налоговых изъятий, а не ростом объектов налогообложения (например, у физических лиц – доходов; у организаций – прибыли). На современном этапе экономического развития государство должно проявлять разумную предусмотрительность в своих действиях, направленную на обеспечение баланса интересов публичных и частных субъектов. Налоговая политика должна основываться на улучшении ее качества и эффективности, создании особого экономического и юридического механизма, позволяющего гармонично сочетать различные средства, приспосабливаясь к установленным условиям, адаптируясь к текущей ситуации. Повышенные притязания со стороны государства к гражданам и организациям должны быть разумно сдержанными и разумно предусмотрительными в контексте сохранения предпринимательской и экономической идентичности последних, что, в свою очередь, позволит решать важные социально-экономические задачи на современном этапе развития страны.

УДК 351.9

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ УКАЗОВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. А. Герасемлюк

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: док. полит. наук, доцент В.С. Михайловский

Проведен сравнительный анализ двух Указов Президента Республики Беларусь по вопросам повышения эффективности контрольной (надзорной) деятельности.

Ключевые слова: контрольная (надзорная) деятельность; эффективность; законодательство.

С 1 января 2026 г. в Беларуси начнут действовать новые правила проведения контрольных мероприятий (за исключением отдельных его положений). В силу вступит Указ Президента Республики Беларусь от 6 июня 2025 г. № 227 «О повышении эффективности контрольной (надзорной) деятельности» (далее – Указ № 227). Он заменит действующий с 2009 г. Указ № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510).

Основная цель издания Указа № 227 – изменение стиля и методов работы контрольно-надзорных органов. Смещается акцент на превентивный характер проведения и устранения пробелов в механизмах осуществления контрольно-надзорной деятельности. Особое внимание уделяется мониторингу: вводится отдельное регулирование его проведения, закрепляется обязанность контрольных органов принимать предупредительные и профилактические меры (подп. 2.1 п. 2 Указа № 227), а также устанавливается ответственность за отсутствие рекомендаций по итогам мониторинга.

По Указу № 227 любая проверка должна начинаться только с наличия соответствующего документа, в котором четко указаны время, цель проведения проверки и кто это делает. Заканчивается проверка итоговым документом: актом (нарушения выявлены) или справкой (нарушения не выявлены). По Указу № 227 проверяющих обязывают устанавливать разумный срок для исправления нарушений, учитывая специфику проблемы и реальную возможность ее устранения за это время.

Указом № 227 устанавливаются более четкие и понятные правила, убирается лишнее, например, книга учета проверок. Ранее книга учета проверок требовала регистрации в конкретных органах – теперь внедрена единая автоматизированная система учета, обслуживаемая уполномоченным органом. Однако, субъекты хозяйствования вправе самостоятельно фиксировать визиты и мероприятия.

В список оснований для внеплановой проверки новых субъектов хозяйствования в период двухлетнего моратория включен контроль за соблюдением трудового законодательства. Это позволит бороться с неофициальным трудоустройством.

Структурно Указ № 227 перестроен за счет выноса за его пределы норм, регулирующих однородные правоотношения. Перечень форм государственного контроля (надзора) остался неизменным, при этом профилактические и предупредительные меры были заменены на мониторинги. Указом № 227 запрещается проводить проверки и мониторинги, относящиеся к техническим мероприятиям. Передача полномочий и проверки другим организациям или ИП запрещены. Список уполномоченных органов и их сфера контроля исчерпывающие. Профсоюзы имеют право на общественный контроль в форме проверок (например, сфера охраны труда, случаи задержки заработной платы). Другие организации и физические лица проводить проверки не уполномочены.

Указом № 227 утверждены приложения, в которых содержится перечень терминов и их определений; признаются утратившими силу указы Президента Республики Беларусь и изменения, внесенные в указы Президента Республики Беларусь; указаны мероприятия, при осуществлении которых не применяется Указ № 227.

Контроль за выполнением Указа № 227 контролирующими (надзорными) органами возложен на Комитет государственного контроля Республики Беларусь.

За грубые нарушения по Указу № 510 предусматривалась административная ответственность по ст. 24.50 КоАП. По Указу № 227 – это дисциплинарная ответственность (перечень грубых нарушений приведен в подп. 2.3 п. 2.). Контроль за выполнением Указа № 227 контролирующими (надзорными) органами возложен на Комитет государственного контроля Республики Беларусь.

Таким образом суть новых правил, введенных Указом № 227, в том, чтобы сократить количество необоснованных проверок и давления на добросовестный бизнес, тем самым снижая давление на экономику. При этом порядок выявления и пресечения нарушений остается прозрачным и понятным, послабления не предусматривается, а нарушители закона будут привлекаться к ответственности.

УДК 340

ЦИФРОВОЙ НАЛОГ ФРАНЦИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕАКЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

Е. А. Дмитриева

студентка 4 курса
Российского государственного университета нефти и газа им И.М. Губкина
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М.Г. Смирнов

В ответ на неспособность международных налоговых правил обложить налогом цифровых гигантов (таких как Google, Apple), которые извлекают доход в странах без физического присутствия, Франция в 2019 г. ввела одностороннюю меру — цифровой налог (GAFA). Налог в 3% нацелен на доходы от определенных цифровых услуг, таких как платформы и целевая реклама. Несмотря на протесты США и угрозы санкций, эта мера была поддержана судом Франции и другими странами ЕС. В статье также рассматривается опыт России и Беларуси и предлагается создание международной организации для выработки единых подходов к цифровому налогообложению.

Ключевые слова: цифровой налог; цифровые услуги; Франция; цифровые гиганты; налог GAFA.

Стремительная цифровизация мировой экономики в XXI привела к возникновению серьезной проблемы: традиционные международные налоговые правила, разработанные для индустриальной эпохи, перестали справляться с эпохой цифровых гигантов. Такие компании, как Google, Apple, Facebook (meta) и Amazon могут получать значительные доходы в тех странах, где у них нет физического присутствия, что позволяло им легально минимизировать налоговые выплаты.

Франция стала одной из первых стран, которая приняла решение о введение в 2019 г. цифрового налога или налога на цифровые услуги, так называемый налог «GAFA» (по первым буквам компаний гигантов).

Основными предпосылками для введения цифрового налога были:

Налоговая несправедливость, которая заключалась в том, что национальные корпорации платят налоги в странах присутствия, в то время как цифровые платформы, получающие прибыль с пользовательской базы и данных, часто переводят доход в страны с низкими налоговыми ставками.

Фискальные потери, бюджеты европейских стран, Франция в том числе, недополучили миллиарды евро налоговых поступлений.

Отсутствие помощи со стороны международного экономического объединения преимущественно развитых стран (ОЭСР). Переговоры в рамках данной организации по изменению налоговых правил не привели к общему знаменателю, поэтому Франция приняла решение действовать в одностороннем порядке.

Политическое и общественное давление, в обществе нарастало негодования по поводу того, что цифровые гиганты не платят свою «справедливую долю» налогов наравне с национальными предприятиями.

Министр экономики и финансов Брюно Ле Мэр позднее заявил, что Франция решила «подать пример» другим европейским странам, так как крупнейшие технологические концерны мира сейчас платят в среднем на 14% меньше налогов, чем другие компании в Европе. Ожидалось, что нововведение будет приносить в государственный бюджет Франции около 400 млн евро ежегодно.

Затрагивая теоретический аспект рассматриваемой темы, можно отметить, что *цифровой налог/налог на цифровые услуги* – это мера, которая взимается с доходов компаний, оказывающих определенные цифровые услуги на территории страны.

Цифровые услуги, о которых идет речь, представляют собой: во-первых, предоставление цифровой платформы, которая позволяет пользователям вступать в контакт и взаимодействовать с другими пользователями. Некоторые услуги исключаются, например, опубликование цифрового контента, коммуникационные услуги, платежные услуги.

Во-вторых, оказание рекламодателям услуг, которые направлены на размещение таргетированных рекламных постов на цифровых платформах на основании данных о французских пользователях. Покупка и хранение рекламных постов, контроль и оценка результатов компании, а также управление и передача данных о пользователях, а также включается в эту категорию.

Налог распространяется на компании, которые предоставляют цифровые услуги и соответствуют двум критериям: годовой доход от соответствующих услуг свыше 750 млн евро и годовой доход от соответствующих услуг, полученный на территории Франции свыше 25 млн евро.

Ставка налога составляет 3 % от валового дохода, полученного от облагаемых услуг во Франции.

Говоря о реакции мирового сообщества, можно отметить, что администрация США восприняла этот шаг как дискриминационный по отношению к американским технологическим компаниям и объявили о введении торговых пошлин до 25 % на ряд французских товаров и пригрозили расширить эти меры, также представители компаний гигантов коллективно выступили в Вашингтоне против налогообложения цифровых компаний во Франции, осуждая дискриминацию и двойное налогообложение, однако, согласно информации из открытых источников на 12 сентября 2025 г., суд Франции поддержал введение цифрового налога, отклонил выше указанное заявление о том, что налог в 3% нарушает принцип равенства перед законом. Несмотря на давление со стороны США, другие страны ЕС, такие как Италия, Испания и Великобритания поддержали Францию и анонсировали аналогичные национальные цифровые налоги.

В 2024 г. обсуждался законопроект о введении в России налога на доходы цифровых компаний. Предлагалось ввести в Налоговый кодекс новую главу о налоге на доход цифровых компаний. В размере 3% он должен был взиматься от услуг, предоставляемых пользователям, находящимся на территории РФ. Министерство финансов не поддержало законопроект и отметило, что введение нового налога противоречит основным направлениям бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политики 2025-2027 гг., также Минфин указал, что фискальный эффект от налога будет ограниченным и не сопоставимым с расходами на администрирование.

В Беларуси нет отдельного «цифрового налога», но есть налог на профессиональный доход (НПД) и налог на доходы от операций с цифровыми активами. НПД – специальный налоговый режим для физических лиц, основанный на цифровом взаимодействии. В отличии от налога «GAFA» во Франции, который по сути является дополнительным собором с крупных корпораций, белорусский цифровой налог – это льготный налоговый режим, который заменяет собой несколько традиционных налогов.

Проанализировав обозначенную проблему и понимая значимость информационного пространства в современных реалиях, следует создать организацию для дружественных государств, деятельность которой непосредственно будет направлена на разработку общих терминов, критериев, механизмов уплаты и распределения налоговых поступлений, ставки и иных аспектов рассматриваемого налога. Создание такого органа не только поможет избежать двойного налогообложения, но и поможет нивелировать неравенство государств в этом вопросе.

Библиографический список

1. Ерёмкин, М. А. Правовое регулирование налогообложения цифровых услуг в европейских странах // Налоги и налогообложение. 2020. №5. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-nalogooblozheniya-tsifrovyh-uslug-v-evropeyskih-stranah (дата обращения: 07.10.2025).

2. Пономарева, К. А. Сравнительный анализ опыта введения налога на цифровые услуги в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-opyta-vvedeniya-naloga-na-tsifrovye-uslugi-v-zarubezhnyh-stranah (дата обращения: 07.10.2025).

3. Пономарева, К. А. Налог на цифровые услуги во Франции: передовой опыт или дискриминация? / К. А. Пономарева // Налоговед. – 2021. – № 4. – С. 51-66.

4. Ершов, А. В. Вопросы налогообложения электронных услуг: опыт Франции и Турции, закономерности, отличия и влияние на российские компании / А. В. Ершов // Налоговая политика и практика. – 2020. – № 4(208). – С. 72-75. .

5. Киреева, Е. Ф. Налогообложение цифрового бизнеса в Беларуси: новые подходы и стимулирующие механизмы // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. №46. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nalogooblozhenie-tsifrovogo-biznesa-v-belarusi-novye-podhody-i-stimuliruyuschie-mehanizmy (дата обращения: 07.10.2025).

6. Трошкова, Д. Н. Перспективы введения цифрового налога в Российской Федерации // Столыпинский вестник. 2023. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vvedeniya-tsifrovogo-naloga-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 347.73; 343.37

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОРОГОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ МАТЕРИАЛОВ ПРОВЕРКИ В ОРГАНЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

А. В. Кевра

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А. Пилипенко

Актуализируются вопросы передачи материалов проверки в органы уголовного преследования для разрешения вопроса о возбуждении (отказа в возбуждении) уголовного дела.

Ключевые слова: проверка; материалы проверки; ущерб; вред; уголовное преследование.

В определенных законодательством случаях по результатам проведения контрольных мероприятий может ставиться вопрос о передаче материалов проверки в органы уголовного преследования для дачи правовой оценки выявленных нарушений. Передача материалов проверки в вышеуказанные органы осуществляется в соответствии с п. 76 Положения о порядке организации и проведения проверок, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Положение и Указ № 510). Такая передача возможна, например, при установлении фактов, указывающих на признаки преступления. Данные факты, в первую очередь, связанные с уклонением от уплаты налогов, сборов, которые криминализированы ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9

июля 1999 г. № 275-З (далее – УК). В примечании 1 к главе 25 УК определено, что крупным размером (сделкой, ущербом, доходом (наживой) в крупном размере) в статьях настоящей главы признается размер (сделка, ущерб, доход (нажива)) на сумму, в тысячу и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером (сделкой, ущербом, доходом (наживой) в особо крупном размере) – в две тысячи и более раз превышающую размер такой базовой величины, если иное не оговорено в примечаниях к статьям настоящей главы.

Представляется, что минимальный размер установленного законодателем порога неуплаченных сумм обязательных платежей в 2000 БВ, превышение которого влечет передачу материалов проверки в органы уголовного преследования не отвечает современным реалиям развития предпринимательской деятельности, которая характеризуется значительными финансовыми показателями (в первую очередь, валовая выручка), которые, в свою очередь впоследствии соотносятся с формированием объектом налогообложения.

Наиболее наглядно несоответствие результатов экономической деятельности и возможности привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов можно проследить на примере ст. 82 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК). Данная статья регулирует особенности проведения налогового контроля за крупными налогоплательщиками. Положения п. 3 ст. 82 НК определяют одним из критериев крупного налогоплательщика суммарный объем налогов, сборов (пошлин), исчисленных организацией в году, предшествующем году, в котором подлежит утверждению перечень крупных плательщиков. Данный перечень утверждается Министерством по налогам и сборам Республики Беларусь до 1 октября года, предшествующего году его введения в действие. В 2025 г. минимальное значение рассматриваемого критерия составляет 16 200 000 белорусских рублей, что равно 385 714 БВ. Эта величина, в свою очередь, превышает определенный законодательством нижний предел уголовного преследования (2000 БВ) в 192 раза. Даже уклонение от уплаты налогов, сборов в особо крупном размере (более 30 000 БВ), криминализированное по ч. 3 ст. 243 УК, превышает критерий крупного налогоплательщика в 12 раз.

Представляется, что пороговые значения ущерба за налоговые преступления должны основываться на соотношении неуплаченных налогов с общей суммой налогов, подлежащих уплате за те же периоды, что и выявленная недоимка. Предлагаемый подход дает возможность уже при решении вопроса о передаче материалов в органы уголовного преследования учитывать количественные аспекты ведения предпринимательской деятельности (масштаб бизнеса), а также участие конкретного налогоплательщика в формировании доходной части бюджета. Более того, налогоплательщики будут дополнительно стимулироваться к уплате налогов: чем больше уплатил, тем выше гарантия от уголовного преследования. Это не только справедливо, но и рационально с точки зрения наполнения бюджетов. Также налогоплательщики будут мотивироваться к ведению бизнеса посредством одной и той же компании, а не к регистрации новых субъектов хозяйствования.

УДК 340

НОРМАТИВНОЕ И НАУЧНО-ПРИКЛАДНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА СТАБИЛЬНОСТИ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А. А. Кохович

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А. Пилипенко

Рассматриваются теоретические и прикладные аспекты принципа стабильности налогового законодательства. Закрепленный в Налоговом кодексе Республики Беларусь принцип стабильности налогового законодательства предлагается изложить в новой редакции в контексте невозможности ухудшения правового положения налогоплательщика.

Ключевые слова: принципы налогообложения; стабильность налогового законодательства; налоговая сфера; баланс частных и публичных интересов.

Со вступлением в силу с 1 января 2019 г. новой редакции Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) следует констатировать серьезную новационность законодателя по вопросу определения системы основных принципов налогообложения в Республике Беларусь.

Современное легальное понимание принципа стабильности налогового законодательства предусматривает возможность субъектам предпринимательской деятельности планировать свои бизнес-процессов с учетом сформированных на финансовый (бюджетный) год нормативных предписаний.

Обратим внимание, что в целях придания налоговому законодательству стабильности и определенности из НК исключены нормы, позволявшие законодателю в исключительных случаях в течение финансового года принимать нормативные правовые акты (решения) об установлении (изменении), введении или прекращении действия республиканских и местных налогов при уточнении республиканского или местных бюджетов (п. 2 ст. 11 и п. 3 ст. 12 НК в предыдущей редакции).

Анализ взглядов исследователей позволяет отметить некоторую долю осторожности, с которой ученые относятся к идее пересмотра налогового законодательства, что может привести к общей нестабильности в налоговой системе и ухудшению правового положения налогоплательщиков. С другой стороны, следует констатировать, что регулярный пересмотр налогового законодательства является неизбежным явлением, обусловленный динамикой происходящих в стране экономических процессов. Соответственно, абсолютная стабильность налогового законодательства скорее идеал, чем реальность в динамично развивающейся системе мирохозяйственных связей, сложная адаптация в которой осуществляется экономикой Беларуси. Необходимо обеспечивать способность налоговой системы достаточно быстро реагировать на изменение макроэкономической ситуации, целей социально-экономического развития и смену фаз делового цикла, которые могут влечь как повышение потребностей государства в дополнительных расходах, так и необходимость снижать налоговое бремя.

По нашему мнению, даже реализация государством своих функций, исключительно из фискальных соображений в налоговой сфере в контексте сохранения на стабильном уровне доходов бюджетной системы, невозможна без сохранения стабильных (а зачастую, более привлекательных по сравнению с существующими) условий хозяйствования, не ухудшающих экономико-правовое положение налогоплательщиков, которые являются основными субъектами формирования централизованных финансовых ресурсов.

Полагаем подп. 1.6 п. 1 ст. НК, закрепляющий принцип стабильности налогового законодательства, изложить в следующей редакции: «Налоги, сборы (пошлины), установленные настоящим Кодексом на очередной финансовый год, не подлежат изменению в течение этого финансового года. Изменения нормативных правовых актов, регулирующих вопросы налогообложения, не должны ухудшать правовое положение плательщиков налогов, сборов (пошлин)».

УДК 336.226

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАЛОГОВОГО РЕЗИДЕНТСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Мадрид

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пилипенко А.А.

В статье рассматривается актуальная проблематика определения статуса налогового резидентства физических лиц.

Ключевые слова: налоговое резидентство; физические лица; налоговое право.

В современных реалиях регулирование налоговых отношений сталкивается с правовой неопределенностью в связи с быстрым развитием финансовых инструментов и способов получения дохода. Сейчас остро стоит вопрос об уплате подоходного налога в реалиях проблематики института налогового резидентства.

Налоговым резидентом признается физическое лицо, статус которого в соответствии с законодательством государства обязывает его уплачивать налоги в этой стране на основе постоянного проживания или иных установленных критериев. В соответствии с ч. 1 п. 1 ст.17 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) налоговыми резидентами Республики Беларусь признаются физические лица, которые фактически находились на территории Республики Беларусь в календарном году более ста восьмидесяти трех дней.

Следовательно, в Республике Беларусь единственным критерием, определяющим налоговые обязательства физических лиц, выступает их постоянное пребывание на территории страны. При этом наличие или отсутствие гражданства Республики Беларусь не оказывает влияния на статус налогового резидента. Граждане Беларуси, иностранные граждане и лица без гражданства могут являться как налоговыми резидентами, так и нерезидентами данного государства.

Из вышесказанного вытекает проблема с определением статуса налогового резидента у лиц, которые не находились на территории одного из государств в период установленного налоговым законодательством времени. В качестве примера рассмотрим данный казус:

Иванов являясь гражданином Республики Беларусь трудоустроен водителем грузовика дальнего следования в Литовской Республике. Он выполняет международные рейсы по перевозке грузов. Иванов на протяжении календарного года не находился ни в одном из вышеперечисленных государств достаточное количество времени для приобретения статуса налогового резидента. Однако несмотря на это с него взимается подоходный налог и в Литовской Республике, и в Республике Беларусь. Как избежать ситуации двойного налогообложения и определить статус налогового резидента гражданина Иванова?

Исходя из вопроса следует подчеркнуть, что для налоговых органов критерии определения налогового резиденства имеют значение как для налогообложения всех доходов, полученных на территории Республики Беларусь, так и для раскрытия источников дохода физического лица, полученного за пределами Республики Беларусь.

Обращаясь к опыту иностранных государств, следует отметить что они устанавливают различные критерии для определения статуса налогового резидентства. Согласно Модельной Конвенции ОСЭР, «центр жизненных интересов» включает личные и экономические отношения, перечень которых установлен Конвенцией. Основные критерии включают семейные, социальные, профессиональные, культурные связи и место управления имуществом. Этот критерий является обширным и требует анализа связи физического лица с государством для целей налогообложения и предотвращения необоснованной налоговой выгоды через статус налогового резидента.

Таким образом, опираясь на законодательства иностранных государств и рассматривая вопрос проблематики налогового резидентства стоит пересмотреть белорусский подход и произвести реформу налогового законодательства. Следует добавить критерии в соответствии с Модельной Конвенцией ОСЭР для более точного определения статуса налогового резидентства.

УДК 347.73

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НАЛОГА НА СВЕРХДОХОДЫ

В. О. Мисюля

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А. Пилипенко

Рассматриваются теоретические и прикладные аспекты установления налога на сверхдоходы в Республике Беларусь с 1 января 2024 г. Делается вывод о преждевременности введения в нашей стране данного налогового платежа в контексте отсутствия у него фискального потенциала.

Ключевые слова: налог; подоходный налог с физических лиц; налоговые преференции; прогрессивное налогообложение; фискальный потенциал.

Одной из основных новаций последнего времени в сфере налогообложения стало введение повышенного уровня налоговых изъятий по доходам отдельным доходам физических лиц. Общий уровень налогового обременения по доходам физических лиц составляет 13 процентов (п. 1 ст. 214 НК). В то же время, с 1 января 2024 г. в соответствии с п. 8 ст. 214 НК установлена ставка подоходного налога 25 процентов в отношении совокупности доходов в размере, превысившем за налоговый период 200 тыс. руб., подлежащих налогообложению по ставке подоходного налога, установленной п. 1 ст. 214 НК, и полученных плательщиками от источников в Республике Беларусь в виде: дивидендов; по трудовым договорам; по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности. Следует отметить, что НК однозначно определены виды доходов, при получении которых в совокупном размере, превысившем 200 тыс. руб., физическое лицо будет являться плательщиком подоходного налога по ставке 25 процентов (в 2025 г. – с 220 тыс. руб.).

Налоговой базой для налогообложения доходов по ставке в размере 25 процентов является сумма превышения совокупности доходов в виде дивидендов, по трудовым договорам, по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг и создание объектов интеллектуальной собственности, над установленным пределом в размере 220 000 бел. руб.

Определение суммы подоходного налога, подлежащей доплате по ставке 25 процентов будет производиться налоговым органом с зачетом ранее удержанного налоговым агентом подоходного налога по ставке 13 процентов с доходов, начисленных за календарный год, в которых имелось вышеуказанное превышение. Т.е. налогообложению подлежит только доход, превышающий 220 000 бел. руб. за календарный год (сумма превышения), а не вся сумма годового дохода. При этом, как установлено ч. 2 п. 8-2 ст. 199 НК, налоговые льготы, предусмотренные ст. 208–212 НК, в т.ч. предоставленные налоговым агентом в течение налогового периода, к сумме доходов, превышающей 200 000 руб., не применяются.

По нашему мнению, не предоставление налоговых преференций, определенных вышеуказанными статьями НК, свидетельствует о нарушении принципа равенства, прямо закрепленного в попд. 1.3 п. 1 ст. 2 НК и постулирующего, что налоги, сборы (пошлины) не могут иметь дискриминационный характер и устанавливаться исходя из расовых, национальных, религиозных и иных критериев.

Белорусский законодатель при налогообложении сверхдоходов по ставке 25 процентов дискриминировал налогоплательщиков по количественному основанию – сумме дохода. Т.е. налогоплательщик не может реализовать свое законное право только потому, что у него высокий доход. При этом ему даже отказано в праве на уменьшение налоговой базы на сумму стандартных налоговых вычетов, предусмотренных ст. 209 НК, являющихся незначительными по величине и имманентными социально-незащищенным слоям населения.

Важным вопросом введения налога на сверхдоходы в Республике Беларусь (как и любого другого) является определение его фискального потенциала, который рассчитывается исходя из оценки налоговой базы, которая затем умножается на соответствующую налоговую ставку с учетом предусмотренных вычетов и льгот. Предварительный фискальный потенциал видится государству высоким в контексте, как было показано выше, запрета на применение налоговых льгот (в первую очередь, налоговых вычетов) при определении совокупной суммы налоговых изъятий. Однако конкретный сценарий введения налога (не смотря на его императивный характер) должен зависеть от компромисса между желаемой величиной дополнительных налоговых поступлений и уровнем налоговой нагрузки на физических лиц. Ведь увеличение ставки подоходного налога более чем в два раза вынуждает налогоплательщиков моделировать свои фискальные обязательства с учетом использования налоговой оптимизации (по мнению государства, незаконной налоговой минимизации (уклонения от уплаты налогов).

УДК 347.73

ДИСТАНЦИОННЫЙ АУДИТ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Пунтус

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель З.О. Кавалей

В работе обосновывается необходимость внедрения дистанционного аудита в Беларуси. Рассматриваются преимущества и риски, связанные с такой формой проверки. Отмечена необходимость адаптации национального законодательства для закрепления дистанционного формата аудита.

Ключевые слова: аудит; дистанционный аудит; аудиторская деятельность, аудитор, цифровизация.

Цифровизация, активное развитие информационно-коммуникационных технологий, а также ряд санитарно-эпидемиологических факторов, вызванных пандемией COVID-19, обусловило массовый переход работников на дистанционный формат работы, внедрение электронного документооборота, рост онлайн-сервисов и удалённых коммуникаций. Всё это делает очевидным необходимость пересмотра традиционной модели аудита.

Дистанционный аудит – это метод проверки, при котором аудиторская деятельность осуществляется без физического присутствия на объекте, с использованием цифровых технологий и телекоммуникационных средств.

Появление дистанционного аудита обусловлено стремительным ростом цифровых технологий и развитием коммуникаций. Основные причины появления этого подхода связаны с увеличением объёмов обрабатываемых данных, требованием постоянного мониторинга и необходимостью сокращения затрат на проведение традиционного аудита [2, с.104].

Для Республики Беларусь вопрос проведения дистанционного аудита как никогда актуален. Развитие дистанционного аудита позволит снизить административную нагрузку на бизнес, особенно для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также повысить устойчивость к кризисным явлениям, подобным пандемии COVID-19, когда традиционные формы взаимодействия оказались ограничены.

С одной стороны, наше государство уже активно развивает систему «электронного правительства», совершенствует институт электронной цифровой подписи и поддерживает внедрение цифровых технологий в бизнес-среде. Вместе с тем действующее законодательство напрямую не регламентирует вопросы проведения аудита в дистанционном формате, а существующие правовые нормы в области аудита пока ориентированы преимущественно на классический очный формат проверки. Вышеупомянутые факторы образуют правовой пробел, способный замедлять внедрение современных технологий в практику белорусских аудиторских организаций.

Безусловно, практика применения дистанционного аудита выявляет ряд рисков, которые связаны в первую очередь с традиционными для инфраструктурных коммуникаций проблемами, такими как несанкционированный доступ к системам и каналам связи; несовершенство используемых систем связи (сбои, ошибки, малая скорость передачи данных, несовместимость программ и модулей); необходимость единой системы для работы в ней всех аудиторских организаций и их клиентов и т.д. [1, с.436].

Для полноценного внедрения дистанционного аудита в Республике Беларусь необходимо совершенствование законодательства. В первую очередь требуется закрепить возможность проведения аудита с использованием электронных средств связи, разработать национальные стандарты дистанционного аудита, учитывающие требования информационной безопасности и аудиторских заключений в цифровом формате. Необходимостью является и расширение квалификационных требований к аудиторам, включив в них компетенции в сфере информационных технологий, анализа больших данных и кибербезопасности.

Таким образом, перспективы дистанционного аудита напрямую связаны с процессами цифровизации экономики и интеграции в мировое финансовое пространство. Для их реализации в Республике Беларусь необходимо обеспечить правовую регламентацию проведения аудита в дистанционном формате. Всё это позволит сделать белорусскую систему аудита более современной, эффективной и конкурентоспособной в условиях глобальных изменений.

Библиографический список

1. Бровкина, Н.Д. Дистанционный аудит: инновации коммуникаций / Н.Д. Бровкина // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – № 6. – С. 434–436.

2. Каширская, Л. В. Перспективы дистанционного аудита. / Л.В. Каширская // Современная экономика: проблемы и решения. – 2025. – №5. – С. 99–110.

УДК 336.226.11

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОХОДОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ЗНАКАМИ (ТОКЕНАМИ): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Я. М. Рабцевич

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель З.О. Кавалей

Работа посвящена анализу эволюции и текущего состояния налогообложения доходов физических лиц от операций с цифровыми знаками (токенами) в Республике Беларусь. В материале рассматривается существующая система налогообложения доходов, полученных в результате операций с токенами, включая майнинг, приобретение и отчуждение, а также действующие льготы.

Ключевые слова: криптовалюта; налогообложение; цифровые знаки, токены, подоходный налог.

В Республике Беларусь налогообложению подлежат доходы физических лиц, полученные в результате операций с цифровыми знаками(токенами), включая их приобретение, размещение, отчуждение за национальную и иностранную валюту, а также в процессе майнинга. Вместе с тем, отдельные категории таких операций освобождены от уплаты подоходного налога, что предусматривает действующее налоговое законодательство.

Доходы, полученные от разрешенных операций с токенами от зарубежных торговых площадок, иностранных организаций, иностранных ИП, иных физических лиц, подлежат налогообложению по ставке в размере 13 % [1].

26 апреля 2025 г. вступили в силу новые нормы, закрепленные Указом Президента Республики Беларусь № 166 от 23 апреля 2025 г. «О налогообложении доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами)» (далее — Указ №166). Они касаются налогообложения доходов физических лиц, полученных от незаконных или запрещенных операций с цифровыми знаками (токенами) [1]. Данный документ стал логическим продолжением Декрета Президента Республики Беларусь №8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» и Указа Президента Республики Беларусь № 367 от 17 сентября 2024 г. «Об обращении цифровых знаков (токенов)», что указывает на постепенное формирование комплексной системы регулирования обращения криптовалют внутри страны. Указом устанавливается, что для доходов от незаконных или запрещенных операций с токенами будет применяться специальный коэффициент доходности, который определяется на основании сведений о курсах покупки и продажи операторами трех видов токенов, в отношении которых за истекший календарный год ими совершено наибольшее количество сделок купли-продажи. Та-

ким образом, согласно Указу № 166, доходы от операций, признанных незаконными или запрещенными, в настоящее время облагаются подоходным налогом по ставке 26% с применением специального коэффициента доходности.

Принятие новых норм отражает стремление государства минимизировать теневой оборот цифровых активов, при этом не отказываясь от стимулирования отрасли путём сохранения льгот и прозрачных условий работы с цифровыми активами для резидентов Парка высоких технологий, что подтверждает статус Парка как ведущей площадки для развития финтех-проектов и блокчейн-бизнеса в Беларуси.

Несмотря на прогрессивность подхода, существует ряд вопросов, необходимых к уточнению законодателем. В первую очередь это касается механизмов налогообложения операций, совершаемых за рубежом, когда физические лица используют зарубежные биржи, в том числе для p2p переводов. Возникает необходимость в определении порядка фиксации таких переводов, что вызывает сложность.

Кроме этого, ставка налога в размере 26% несмотря на потенциальную сдерживающую функцию, может привести к обратному эффекту. Данная ставка способна стимулировать дальнейшее усложнение схем проведения операций, что делает транзакции трудно отслеживаемыми для налоговых органов. Кроме того, установление такой ставки без учета особенностей разных категорий налогоплательщиков, может создать риск оттока активных участников рынка за пределы юрисдикции Республики Беларусь, что может снизить привлекательность страны как площадки для развития цифровой экономики.

Библиографический список

1. Операции с токенами в Беларуси: налогообложение физических лиц в 2025 году [Электронный ресурс] // ilex.by. – 2025. – Режим доступа: https://ilex.by/news/operatsii-s-tokenami-v-belarusi-nalogooblozhenie-fizicheskih-lits-v-2025-godu-poyasnili-v-mns/ (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 347.73

ДИССКУСИОННЫЕ ВОПРОСЫ УРОВНЯ НАЛОГОВЫХ ИЗЪЯТИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КАМЕРАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ СООТВЕТСТВИЯ РАСХОДОВ ДОХОДАМ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

А. С. Румянцев

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А. Пилипенко

Рассматриваются вопросы определения уровня налоговых изъятий при подоходном налогообложении. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: доходы и расходы; подоходный налог с физических лиц; уровень налоговых изъятий.

С 1 января 2022 года Налоговый кодекс Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) был дополнен статьей 73-1 «Камеральная проверка соответствия расходов доходам физического лица». В контексте данной нормативной новации утратил силу Закон Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 174-З «О декларировании физическими лицами доходов и имущества по требованию налоговых органов».

Статья 73-1 НК достаточно подробно регламентирует порядок сопоставления расходов и доходов физических лиц, результатом чего является персонификация соответствующих расходов, смысл которой, в свою очередь, состоит в идентификации осуществившего их лица для целей последующего сопоставления с величиной расходов. Возникновение отрицательной разницы между расходами и доходами физического лица потенциально свидетельствует о том, что налогоплательщик тратит больше, чем зарабатывает, и тем самым позволяет предполагать наличие у него скрытых, незадекларированных доходов. При невозможности налогоплательщика обосновать источники расходов оценка налогооблагаемого дохода производится по величине израсходованных средств в части, которая превышает величину официальных доходов.

В настоящее время, в соответствии с подп. 7.1 п. 7 ст. 214 НК налогообложение сумм превышения расходов над доходами производится по ставке 26 процентов, которая в два раза превышает общую ставку подоходного налога с физических лиц (п. 1 ст. 214 НК). Противопоставление данных видов ставок с количественной точки зрения важно для понимания уровня налогового изъятия в рамках динамики законодательного регулирования, которую можно представить следующим образом:

– до 2016 г. применялась ставка 13 процентов;

– с 2016 по 2021 г. – 16 процентов (п. 92 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 343-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам предпринимательской деятельности и налогообложения»);

– в 2022 г. – 20 процентов (п. 112 ст. 2 Закона Республики Беларусь Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения»);

– с 2023 г. – 26 процентов (п. 110 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 230-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения»).

Полагаем, что проблема определения уровня налоговых изъятий в контексте динамики законодательного регулирования камерального контроля расходов доходам физического лица корреспондируется с принципом сочетания публичных и частных интересов. Полагаем, что реализация государством публичного интереса посредством повышения ставки подоходного налога с физических лиц исходя из сумм превышения расходов над доходами, должна корреспондироваться с учетом частных интересов в рамках обоснованности применения повышенного уровня налогового изъятия в соответствующие календарные года периода проверки.

В отношении камерального контроля соответствия расходов доходам физического лица в п. 7 ст. 214 НК целесообразно закрепить положение, в соответствии с которым применятся ставка подоходного налога с физических лиц, действовавшая в соответствующие периоды проверки. В этой связи подп. 7.1 п. 7 ст. 315 НК

следует дополнить предложением следующего содержания: «При этом применяется ставка подоходного налога с физических лиц, действовавшая в соответствующие календарные года периода проверки».

УДК 34.096

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ КАК МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Е. В. Севрюк

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель З.О. Кавалей

Рассмотрено значение финансовой грамотности как средства предупреждения финансовых правонарушений в Республике Беларусь. Сформулировано предложение по совершенствованию законодательства в целях повышения финансово-правовой грамотности граждан в целях снижения риска совершения финансовых правонарушений и укрепления финансовой системы страны.

Ключевые слова: финансовая грамотность; экономическая безопасность; финансовые правонарушения; правовая культура.

В условиях стремительной трансформации финансового рынка Республики Беларусь финансово грамотное поведение населения является не только неотъемлемой составляющей личной финансовой безопасности граждан, но и ключевым фактором обеспечения устойчивого экономического роста страны. В свою очередь актуальность вопроса предупреждения финансовых правонарушений, дестабилизирующих финансовую систему, неуклонно возрастает.

В данной связи финансовая грамотность становится эффективным средством предупреждения финансовых правонарушений, формируя у граждан понимание и осознание норм финансового законодательства, что стимулирует развитие ответственного финансового поведения.

Однако существующее понимание финансовой грамотности, как совокупности знаний, навыков, установок и поведенческих практик, определяющих способность граждан принимать осознанные решения в области личных финансов и нести за них ответственность, рационально и с соблюдением требований безопасности пользоваться финансовыми услугами, принимать меры по обеспечению и поддержанию в долгосрочной перспективе личного финансового благополучия, определенное в плане действий по повышению финансовой грамотности населения на 2025-2030 годы, утвержденном постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 25 августа 2025 г. № 246, на наш взгляд, является недостаточно полным.

Расширение понимания категории финансовой грамотности посредством включения в ее содержание финансово-правовой составляющей позволит уточнить существующую терминологию и обогатить арсенал мер по предупреждению финансовых правонарушений. Граждане, обладающие финансово-правовыми знаниями, способны ориентироваться в сложных финансовых вопросах, принимать ответственные решения, осознавая правовые последствия своих действий, что во

многом исключает благоприятную основу для совершения финансовых правонарушений как со стороны граждан, так и по отношению к ним.

Отсутствие финансовой-правовой грамотности может проявляться, например, в незнании правил безопасности на финансовых рынках, включая рынок криптовалют. Так, в сентябре позапрошлого года гражданин доверил доступ к своему криптокошельку знакомому. Незнание правил безопасности и отсутствие понимания рисков, связанных с хранением криптовалюты, привело к краже виртуальных активов на сумму, эквивалентную 881262 бел. руб. [1].

Следовательно, финансовые правонарушения представляют собой актуальную проблему, способную оказывать существенное влияние на стабильность и целостность финансовой системы. В свою очередь повышение финансово-правовой грамотности становится эффективным инструментом для предупреждения данного вида правонарушений, способствуя формированию ответственного финансового поведения. Отметим, что глава нашего государства многократно акцентировал внимание на том, что «экономика – это основа всего». Принимая во внимание стратегические направления развития экономики Республики Беларусь, можно с уверенностью констатировать, что финансовая грамотность в широком ее понимании является не только одним из важнейших факторов достижения поставленных целей, но и эффективным средством преодоления препятствий таких как финансовые правонарушения на пути к их реализации, позволяя также укрепить доверие к финансовым институтам.

Библиографический список

1. Столичные следователи установили обстоятельства хищения криптовалюты // Интернет-портал Следственного комитета Республики. — URL: https://sk.gov.by/ru/news-usk-gminsk-ru/view/stolichnye-sledovateli-ustanovili-obstojatelstva-xischenija-kriptovaljuty-13309/ (дата обращения: 29.09.2025).

2. Единый портал финансовой грамотности [Электронный ресурс] // Единый портал финансовой грамотности. URL: https://fingramota.by/ (дата обращения: 23.01.2025).

СЕКЦИЯ VIII.
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.45.47

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Э. Б. Бобровницкая

аспирант 3 года обучения юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. П. Короткевич

В статье представлен аналитический обзор научных дискуссий о правовой природе отношений между пациентом и медицинской организацией при оказании медицинской помощи, в том числе платных медицинских услуг. Автор рассматривает основные подходы: конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой. В качестве наиболее обоснованной выделяется позиция, согласно которой данные отношения имеют комплексную природу, сочетающую частные и публичные элементы.

Ключевые слова: правовая природа; медицинская услуга; пациент; организация здравоохранения; гражданско-правовое регулирование; комплексная природа.

В доктрине сложилось несколько подходов относительно правовой природы отношений, складывающихся между исполнителем медицинской услуги (организацией здравоохранения) и пациентом.

Согласно первому подходу, все правоотношения в системе здравоохранения носят конституционно-правовую природу, так как «сердцевину» её правового регулирования составляют нормы конституционного права [1, с. 5]. С данным подходом не согласен А. А. Мохов, который аргументировал свою позицию тем, что данные правоотношения регулируются не только нормами конституционного права, но и нормами гражданского, уголовного, административного права [2, с. 34].

Административно-правовой подход сформировался в развитие теории административного договора, отличительными чертами которого назывались неравноправие участников правоотношений, регулирование отношений по поводу оказания медицинской помощи населению органами государственного управления, рассмотрение возникающих споров в административном порядке [3, с. 134]. В настоящее время большинство исследователей отрицают административно-правовую природу отношений между пациентом и организацией здравоохранения, так как они не носят характер «власти-подчинения». В правовом регулировании медицинской сферы императивный метод используется прежде всего в связи с исполнением организациями здравоохранения, индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность, властных предписаний [4, с. 10].

Гражданско-правовой подход к определению правовой природы анализируемых отношений заключается в том, что применение императивного регулирования в целях защиты пациента-потребителя не меняет исключительно гражданско-правового характера медицинской услуги, поскольку она возникает по поводу удовлетворения частных интересов ее сторон (заказчика – в излечении, исполнителя – в получении дохода) [5, с. 10].

Также выделяется комплексный подход к определению правовой природы рассматриваемых отношений. По мнению В.Д. Рузановой и П.С. Кадашевой, ввиду особой специфики и социальной направленности медицинской услуги, необходим двоякий подход к определению её характера: «достижение баланса частного и публичного в правовом регулировании», а не придавать оказанию платных медицинских услуг лишь «возмездно-эквивалентный» характер. При этом упомянутые исследователи отводят ключевую роль именно к гражданско-правовому регулированию рассматриваемых отношений и указывают на необходимость его усиления с целью «обеспечения полноценной защиты прав пациента как потребителя» [6, с. 38-39]. А.А. Мохов охарактеризовал такие отношения «частноправовыми, но в ряде случаев отягощенными публичным элементом» [2, с. 37].

Представляется, что изучаемые отношения в силу специфики соотношения платного и бесплатного подхода к оказанию медицинской помощи населению имеют комплексную правовую природу. При этом правоотношения из оказания бесплатной медицинской помощи носят преимущественно социально-правовую природу, а правоотношения в связи с оказанием платной медицинской помощи – преимущественно гражданско-правовую. Необходимо также учитывать, что и те, и другие отношения осложнены публичным элементом ввиду наличия в законодательстве Республики Беларусь в сфере здравоохранения большого количества императивных предписаний.

Библиографический список

1. Косолапова Н. В. Конституционное обеспечение права граждан на медицинскую помощь: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.02 / Косолапова Наталья Валерьевна ; Поволжская академ. гос. службы. – Саратов, 2000. – 18 с.

2. Мохов А. А. Медицинское право (правовое регулирование медицинской деятельности): учеб. пособие / А. А. Мохов. – Волгоград : Издво ВолГУ, 2003. – 186 с.

3. Ямпольская Ц. А. О теории административного договора (вместо рецензии) / Ц. А. Ямпольская // Сов. государство и право. 1966. – № 10. С. 132–136.

4. Медицинское право: учеб. пособие / С. В. Агиевец [и др.]; под ред. С. В. Агиевец, Г. А. Василевича. – Минск : РИВШ, 2020. – 320 с.

5. Галь И. Г. Обязательство по оказанию медицинской услуги: дис. … канд. юрид. наук. 12.00.03 / Галь Игорь Геннадьевич ; Российская академ. правосудия. – Москва, 2014. – 192 с.

6. Рузанова В. Д. Договорное регулирование в сфере оказания медицинских услуг / В. Д. Рузанова, П. С. Кудашева // Актуальные проблемы частного права: монография / отв. ред. А. Ю. Касаткина. – М. : Проспект, 2023.– С. 36–50.

УДК 347.1

МЕЖОТРАСЛЕВОЕ СОДЕЖАНИЕ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Я. В. Алексеевец

студентка 3 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Вартанян

Исследован принцип верховенства права как фундамент гражданско-правовых отношений в Республике Беларусь. Анализируется его конституционное закрепление и отражение в гражданском, трудовом и семейном законодательстве.

Ключевые слова: гражданское право, принципы гражданского права, принцип верховенства права**.**

Принцип верховенства права является одним из фундаментальных признаков правового государства. Согласно ст. 1 Конституции Республики Беларусь [1] Республика Беларусь также является правовым государством. В Республике Беларусь данный принцип закреплен на конституционном уровне в ст. 7 Конституции Республики Беларусь и характерен для всей правовой системы, не только для отраслей публичного права.

Принцип верховенства права в частноправовых отношениях неразрывно связан с понятием законности. Ученые по-разному определяют понятие законности. Например. В. С. Афанасьев считает. что «законность можно определить как принцип, метод и режим строгого, неуклонного соблюдения, исполнения норм права всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, общественными и иными организациями, трудовыми коллективами, гражданами, всеми без исключения)» [2]. Принцип верховенства права ограничивает произвольное применение власти, что также является важным аспектом законности.

Принцип верховенства права отражен в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [3]. Например, в ст. 392 ГК закреплено, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законодательством, действующим в момент его заключения. Если после заключения и до прекращения действия договора принят акт законодательства, устанавливающий обязательные для сторон правила, иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда актом законодательства установлено, что договор подлежит приведению в соответствие с этим актом законодательства.

Однако принцип верховенства права также отражен и в других отраслях, относящимися к частному праву. Например, в ст. 19 Трудового кодекса (далее – ТК) [5] закреплены обязательные условия для содержания трудового договора, но работодатель может предусмотреть дополнительные условия, не ухудшающие положения работника по сравнению с законодательством и коллективным договором, иначе трудовой договор или его отдельные условия признаются недействитель-

ными (ст. 22-23 ТК). Также принцип верховенства права характерен и для семейного законодательства Республики Беларусь. Например, в ст. 20 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) [6] при определении условий брачного договора следует учитывать предусмотренные законодательством ограничения свободы брачного договора, обусловленные недопустимостью включения в брачный договор положений, противоречащих законодательству, а также недопустимостью нарушения прав и законных интересов других лиц (ст. 13 КоБС).

Несмотря на то, что принцип верховенства права является общеправовым, Н.Л. Бондаренко предлагает «отказаться от практики выборочного закрепления отдельных конституционных (общеправовых) принципов в нормах гражданского законодательства, исключив из ст. 2 ГК принципы верховенства права и социальной направленности регулирования экономической деятельности» [6], так как данные принципы не отражают специфику гражданско-правового регулирования и характерны для всей правовой системы.

Таким образом, принцип верховенства права отражает важность норм Конституции и основанных на ней нормативных правовых актов для регулирования частноправовых отношений и обеспечивает их стабильность и предсказуемость. Несмотря на то, что участники могут устанавливать свои условия при заключении какого-либо договора (трудового, брачного, гражданско-правового) его условия не должны противоречить действующему законодательству.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г., а также внесенными Законом Респ. Беларусь от 12 окт. 2021 г. № 124-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

2. Афанасьев В.С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук./В. С. Афанасьев; — М., 1993. — С. 10.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 29 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 года. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 5 декабря 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 года. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 12 июля 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

6. Бондаренко Н. Л. Проблема формирования эффективно действующей системы принципов гражданского права Республики Беларусь / Н. Л. Бондаренко// Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2012. - № 4 (8). - С. 56-63.

УДК 340

АКТУЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА

Н. С. Аникин

студент 4 курса Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. Г. Смирнов

На данный момент технология нейросети активно используются интернет-инфлюенсерами, а также крупными компаниями для создания рекламных проектов и демонстрации собственного продукта. Однако данная технология при всей эффективности вызывает ряд вопросов в спорах по интеллектуальным правам. В данной работе рассмотрены самые актуальные из них и будут предложены возможные пути решения.

Ключевые слова: нейросеть, интеллектуальные права, искусственный интеллект, гражданское право, гражданские правоотношения, плагиат, стиль, пользователь.

Нарушение интеллектуальных прав при обучении нейросети, это один из ключевых споров при рассмотрении данной проблематики. Для обучения моделей применяются так называемые датасеты, которые собой представляют объёмные собрания общедоступных источников и данных в интернете. Сюда попадают электронные версии книг, научные статьи, фотографии, картины и тому подобное. Все эти данные относятся к различной интеллектуальной собственностью, однако они не учитываются нейросетью при создании итого материала.

В этом плане позиция правообладателей достаточно прямолинейна, так как сам процесс копирования и обработки миллионов, защищенных авторским правом произведений без разрешения или выплаты вознаграждения является примером нарушения защиты интеллектуальной собственности, даже несмотря на видоизменения или возможные дополнения, произведение было подвергнуто плагиату. В этом вопросе позиция разработчиков ИИ основывается на доктрине «добросовестного использования» (fair use) в США или аналогичные исключения в других юрисдикциях. С их точки зрения процесс обучения — это не конечное использование, а преобразующий анализ, который не заменяет оригинальное произведение.

Еще одной распространенной проблемой является проблема авторства при использовании нейросети. Данный спор возникает в случаях генерации нейросетью текста или изображения, так как в данном случае возникают трудности с установлением правопреемства итого продукта. Если мы рассматриваем работу с нейросетью в качестве инструмента, то автором является пользователь, который сформулировал запрос, так называемый промпт, после чего им же была проведена выборка лучшего результата, затем он доработал и придал произведению уникальность. Однако не так редки случаи, когда пользователь практически или вовсе не вмешивается в работу нейросети, выгружая или продавая готовый продукт без проведения корректировок или выбора отличительного продукта. Как пример, пользователь ввел очень простой запрос, допустим на изображения чей-либо известной

личности, и нейросеть выдала типичный результат, суд может признать, что творческий вклад человека минимален. Такой объект может быть признан общественным достоянием, так как у него нет "автора" в человеческом понимании.

В некоторых случаях нейросеть можно квалифицировать как создателя. По действующему законодательству почти всех стран (включая РФ, США, ЕС), автором может быть только физическое лицо, внесшее творческий вклад и нейросеть (и компания, ее создавшая) не может быть признана автором. Это создает правовой вакуум. Стоит отметить, нейросети часто генерируют контент «в стиле» конкретного художника или писателя. Здесь возникает отдельный вопрос с тем, что мы подразумеваем под стилем, ведь, как правило, данное понятие не защищается авторским правом. Защищаются конкретные произведения. Также возникают проблемы если нейросеть генерирует изображение, которое является узнаваемой копией или адаптацией конкретной защищенной работы, так как это может быть расценено как создание производного произведения без разрешения автора.

С точки зрения введения санкций в отношение недобросовестных лиц, использующих нейросеть как инструмент нарушения интеллектуального права, также возникают определенные трудности, а именно с проблемой идентификации и раскрытия информации об использования нейросетью чьей-либо работы в качестве обучения и примером копирования. Возникают трудности с невозможностью извлечь чужое произведение из модели или доказать прямое заимствование, если результат не является точной копией. Это создает огромные сложности для защиты интеллектуальных прав. Это в свою очередь поднимает проблему ответственности у пользователей нейросети. Если нейросеть генерирует произведения нарушающие чьи-то права, например, клеветнический текст или изображение, порочащее честь и достоинство, кто несет ответственность?

Возможные пути решения вышеописанных проблем включают в себя:

1. Лицензирование и партнерства. Компании-разработчики ИИ начинают заключать соглашения с крупными правообладателями (например, OpenAI с Associated Press, Shutterstock).

2. "Opt-out" — возможность отказа. Некоторые компании (как Adobe в своем Firefly) создают модели, обученные только на контенте с открытой лицензией или контенте, правообладатели которого дали явное согласие. Также появляются инструменты, позволяющие авторам исключить свои работы из будущих датасетов для обучения.

3. Водяные знаки и идентификация. Разрабатываются технологии, позволяющие помечать контент, созданный ИИ, и отслеживать его происхождение.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что нейросети поставили под сомнение фундаментальные принципы интеллектуального права, созданного в докомпьютерную эпоху. Главные проблемы — легитимность обучения на чужих данных и определение авторства результата. Пока суды и законодатели ищут ответы, ситуация остается серой зоной с высокими рисками для всех участников: разработчиков, пользователей и правообладателей.

Библиографический список

1. Потехина К. А. Ананьева Е.О. Нейросеть как новый объект интеллектуальной собственности // Аграрное и земельное право. 2023. № 6(222). С. 105-107. http://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_6_105
2. Морозова И. Г. К вопросу о необходимости правового регулирования дипфейков // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 390-392. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_2_390.
3. Расторгуева А. А. Авторское право и технология Generative Pre-trained Transformer // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 378-379. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_378
4. Гартина Ю. А., Букур М. С. Состояние и перспективы развития цифрового права в России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 4. С. 303-306. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_303
5. Тарарышкина И. С., Тюрин М. И. Защита авторских прав в эпоху нейросетей: вызовы и подходы // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 290-292. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_290
6. Ересько П. В. Проблемы признания и защиты авторских прав при использовании произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 448–458. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-4-448-458, EDN: XXWIXT

УДК 347.427.1(476)

ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ УДЕРЖАНИЯ

Е. В. Бульбо

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент С. П. Протасовицкий

В статье рассматривается правовой институт удержания. Анализируется проблема сроков реализации удерживаемой вещи. Выдвигается предложение по усовершенствованию законодательства.

Ключевые слова: удержание; обращение взыскания; удовлетворение интересов; удерживаемая вещь; срок.

Согласно п. 1 ст. 340 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (ред. от 17 февраля 2025 г.) (далее – ГК) удержание – способ обеспечения исполнения обязательств, при котором кредитор, у которого находится вещь, (в доктрине – ретентор) подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Из данного определения следует, что кредитор путем удержания вещи побуждает должника к исполнению обязательства. В свою очередь исполнение обязательства со стороны должника влечет прекращение права удержания.

Судебной практике известны случаи продолжительного неисполнения со стороны должника обязательств. Как результат, появляется закономерный вопрос о дальнейшей судьбе удерживаемой вещи. По данному основанию в правовой доктрине сформировалась классификация: ученые выделяют дефензивное и экзекутивное удержание. Дефензивное удержание – удержание, предполагающее только право кредитора не отдавать должнику вещь до полного исполнения обязательства [1, с. 267]. Экзекутивное удержание наряду с прочим предоставляет возможность ретентору реализовать удерживаемую вещь и из ее стоимости удовлетворить свои интересы.

Обратимся к п. 5 ст. 340 ГК: «Требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом». В данном положении законодатель закрепляет экзекутивную модель удержания.

Апеллируя к правилам о залоге, отметим, что существует следующая вариация порядка обращения взыскания на заложенное имущество: требования залогодержателя (кредитора) удовлетворяются 1) по решению суда (ч. 1 п. 1 ст. 330 ГК), 2) на основании нотариально удостоверенного соглашения залогодержателя с залогодателем (ч. 2 п. 1 ст. 330 ГК), 3) на основании договора о залоге (ч. 3 п. 1 ст. 330 ГК), 4) на основании договора микрозайма (ч. 1 п. 5 ст. 339 ГК). Напомним, что удержание возникает ipso jure, следовательно для него будет характерно удовлетворение интересов кредитора лишь по решению суда.

Возникает резонный вопрос: в какой момент у ретентора появляется право подачи иска в суд? Законодательство не дает прямого ответа. Прибегая к положениям о залоге, заметим, что в соответствии с п. 1 ст. 329 ГК взыскание на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя (кредитора) может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства. Однако данное правило не применимо в полной мере к удержанию, поскольку это значило бы, что в момент нарушения договора должником удержание трансформируется в принудительный залог. Как результат, удержание как правовая конструкция становится фикцией.

Весьма интересным с этой точки зрения представляется опыт Российской Федерации. Так, судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 27 июня 2019 г. № 301-ЭС19-2351 по делу № А82-25746/2017 констатирует следующее: «Если становится очевидно, что цель склонить должника к скорейшим расчетам не может быть достигнута (например, должник не проявляет интерес к возврату имущества), действующему добросовестно ретентору в разумный срок следует обратить взыскание на имущество в порядке, предусмотренном для удовлетворения требований, обеспеченных залогом (ст. 360 ГК РФ)». На наш взгляд, формулировка «в разумный срок» представляется несколько абстрактной.

Исходя из вышеизложенного, находим разумным дополнить п. 5 ст. 340 ГК следующим положением: «Срок удержания вещи не может быть менее шести месяцев с момента возникновения права удержания, после чего требования кредитора, удерживающего вещь, удовлетворяются из ее стоимости в объеме и порядке, предусмотренных для удовлетворения требований, обеспеченных залогом».

Библиографический список

1. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции : дис. … доктор юр. наук : 5.1.3 / Роман Сергеевич Бевзенко ; РАНХиГС. – Москва, 2022. – 493 л.

УДК 347.13

ОСОБЕННОСТИ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ В СДЕЛКАХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СМАРТ-КОНТРАКТА

А. В. Василевич

студент 4 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Вартанян

Исследуются особенности выражения, фиксации и проверки воли участников в сделках, реализуемых с использованием смарт-контракта. Рассматриваются подходы к применению электронной цифровой подписи как инструмента, обеспечивающего надёжную идентификацию волеизъявления в таких сделках.

Ключевые слова: смарт-контракт; воля; волеизъявление; электронная цифровая подпись; информационная система.

Подход к проблематике волеизъявления в сделках, исполняемых посредством смарт-контрактов, во многом предопределяется доктринальным пониманием их сущности. Согласно позиции некоторых исследователей, специфика смарт-контракта заключается в том, что после создания электронного протокола на основе технологии распределённого реестра процесс его исполнения полностью изолирован от воли участников правоотношения. Признание смарт-контракта самостоятельным видом договора, заключаемым исключительно в электронной форме, «может рассматриваться как ограничение конституционного принципа свободы договора» [1, с. 140]. Другие учёные подчёркивают, что программный код не способен выразить действительную волю сторон в юридическом смысле, поскольку он не является человекочитаемым, и смарт-контракт следует квалифицировать не как договор, а как «технический инструмент исполнения соглашения, заключённого в традиционной форме» [2, с. 87].

С указанной позицией трудно согласиться, поскольку нередко отсутствует иной источник верификации воли сторон, кроме программного кода. Отрицание смарт-контракта как формы договора фактически вынуждает признавать сделку незаключённой, что некорректно по отношению к сущности данных правоотношений, так как воля сторон объективно существует, хотя её форма выражения нетрадиционна и закрепляется в алгоритме на языке программирования.

В контексте смарт-контрактов выявляется дополнительная проблема: цифровой протокол доступен для прочтения лишь программистами, в результате чего стороны полагаются на компетентность специалиста. В п. 5.3 Декрета Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. закреплена презумпция осведом-

лённости лица о содержании смарт-контракта, пока не доказано иное. На участников возлагается обязанность предпринять меры для проверки кода с точки зрения адекватного отражения их воли [3].

Смарт-контракт всегда функционирует в пределах информационной системы. Распределённый реестр и алгоритмы автоматически исполняют обязательства без отдельного волеизъявления сторон. Фактически именно информационная система реализует субъективные права и обязанности, выступая инструментом их автоматизированного исполнения [4, с. 101]. В этих условиях носитель субъективного права утрачивает возможность самостоятельного осуществления прав, так как вынужден следовать правилам, закреплённым в алгоритме. Воля проявляется косвенно – посредством программного кода, который субъект санкционировал. Волеизъявление трансформируется в алгоритм, исполняемый системой без непосредственного участия сторон. Подобный порядок реализации права противоречит ст. 8 Гражданского кодекса Республики Беларусь, устанавливающей, что участники гражданского оборота осуществляют права по собственному усмотрению.

Особого внимания заслуживает применение электронной цифровой подписи. Смарт-контракт представляет собой специфический способ заключения и исполнения договоров, при котором предполагается наличие волеизъявления сторон, в том числе удостоверяемого электронной подписью. Однако в смарт-контрактах идентификация субъекта осуществляется информационной системой, без участия регистрационного центра, что исключает возможность надлежащей идентификации.

Электронная подпись не является достаточным подтверждением волеизъявления, поскольку смарт-контракт может исполняться и без её применения. В настоящее время её использование ограничено, однако в перспективе оно может приобрести значение. Технико-правовые аспекты интеграции остаются дискуссионными и требуют дальнейшего исследования. Ошибочным представляется и отождествление волеизъявления при заключении традиционной сделки и смарт-контракта: в первом случае оно исходит от субъекта, тогда как во втором – от информационной системы, которая не может рассматриваться в качестве носителя субъективных прав и обязанностей, даже при наличии электронной подписи.

Библиографический список

1. Кузнецова С. С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта / С.С. Кузнецова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 134–149.

2. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах / Л.Г. Ефимова, И.В. Михеева, Д.В. Чуб // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 78–105.

3. Smart Contracts: Call for Evidence. – URL: https://www.law com.gov.uk/project/smart-contracts/ (date of access: 23.09.2025).

4. Саченко А. Л. К вопросу об осуществлении субъективных гражданских прав при исполнении смарт-контрактов / А.Л. Саченко // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. –2 022. – № 4 (84). – С. 99–102.

УДК 34.05

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРИРОДЫ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. В. Готовчиков

аспирант 2 курса Новосибирского государственного университета экономики и управления
Научный руководитель: докт. юрид. наук, профессор Н. В. Рубцова

Республика Беларусь стала одним из первых государств в мире, которое признало смарт-контракты и включило их в систему национального права. Данное исследование посвящено сравнению подходов к регулированию данной технологии в рамках российской и белорусской правовых систем.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровизация, блокчейн, сравнительное частное право, компаративистика, обязательственное право

Республика Беларусь стала одним из первых государств, включивших смарт-контракты в национальное правовое поле и закрепивших их легальную дефиницию. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г. «О развитии цифровой экономики» определил, что смарт-контракт – это «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». Декрет был призван упорядочить инновационные отношения в рамках Парка высоких технологий [1, с. 401] как «регуляторной песочницы». Предполагается, что потенциальные лакуны правового регулирования будут восполняться иными нормативными актами, как, например, уже принятым Постановлением правления Национального банка Республики Беларусь от 24 декабря 2020 г. № 428 «О совершении и (или) исполнении юридически значимых действий посредством смарт-контрактов». Подобный условно «технократический» подход близок европейскому законодателю, в частности Закон о данных Европейского союза (Data Act) (Регламент ЕС № 2023/2854 от 13.12.2023) определяет смарт-контракт как компьютерную программу.

Отметим, что признание смарт-контрактов программным кодом ведет к закономерному выводу, позволяя квалифицировать их в качестве объекта гражданских прав. Поскольку компьютерные программы (программы для ЭВМ) относятся к числу объектов интеллектуальной собственности [2, с. 50]. Данное суждение видится релевантным и для российского, и для белорусского права: в силу норм ст. 128, ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), а равно ст. 128 и ст. 992 Республики Беларусь. Универсальность данного подхода подкрепляется также нормами международного права, так ст. 10 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS Agreement) распространяет на программы правовой режим литературных произведений в соответствии с положениями Бернской конвенцией 1971 г.

Между тем в российском законодательстве в настоящий момент отсутствует легальное определение смарт-контрактов, а их признание ограничено абзацем вторым ст. 309 ГК РФ, признающим возможность автоматизированного исполнения обязательств. Однако предпринимались попытки ввести смарт-контракты в правовую систему и закрепить легальное определение, например, в первоначальной редакции законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» предлагалось следующее толкование смарт-контрактов как договоров в электронной форме.

В данной связи представляет интерес с точки зрения означенной темы Постановление Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 по делу № А55-7445/2022, в котором смарт-контракт трактуется как договор, записанный в виде компьютерной программы.

Таким образом, можно констатировать сущностное различие в подходах к правовому регулированию смарт-контрактов: в Республике Беларусь их имплементация связана с принятием специализированных подзаконных актов, а сами они рассматриваются как компьютерные программы; в то же время в Российской Федерации полноценное правовое регулирование и легальная дефиниция отсутствуют, однако намечается тенденция к признанию за смарт-контрактами правовой (вероятно, договорной) природы.

Библиографический список

1. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К. Л. Томашевский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 398–413.

2. Чурилов А. Программа для ЭВМ как особый объект авторского права / А. Чурилов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 8. – С. 49–56.

УДК 347.214.2

ПРИЗНАКИ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

М. И. Грузнова

магистрант 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент Т. М. Халецкая

В научной статье выделяются признаки предприятия как имущественного комплекса, рассматривается его гражданско-правовая характеристика с точки зрения гражданского права Республики Беларусь.

Ключевые слова: предприятие как имущественный комплекс; состав, признаки и особенности характеристики предприятия как имущественного комплекса.

С точки зрения белорусского законодательства предприятие как имущественный комплекс выделяется в качестве особого объекта гражданского права, в том числе отличный от составляющих его объектов (ст. 132 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)).

При этом законодатель в соответствии со ст. 130 ГК приравнивает данный объект к недвижимым вещам (имуществу), однако фактически предприятие в целом как имущественный комплекс не представляет собой ни имущество, ни вещь, ни сложную вещь, ни главную вещь с принадлежностью.

Вместе с тем, предприятие по своему существу не является и недвижимым имуществом, поскольку его состав как объекта права включает или может включать в себя вещные права, имущественные права на объекты недвижимого имущества, права на объекты интеллектуальной собственности, а также объекты, не имеющие никакой прочной связи с землей, и перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, а кроме того права требования, обязательства (долги, обременения).

Отличительной чертой предприятия как имущественного комплекса также является то, что оно (его состав) должен использоваться для осуществления предпринимательской деятельности.

Приравнивание предприятия как имущественного комплекса к недвижимым вещам, в свою очередь, позволяет законодателю усилить государственный контроль за отчуждением и иными формами распоряжения предприятием посредством установления обязательной государственной регистрации такого объекта и сделок по распоряжению им.

Так, государственной регистрации подлежат создание, изменение, прекращение существования предприятия как имущественного комплекса, возникновение, переход, прекращение прав, ограничений (обременений) прав на него и сделки с ним (п.2. Положения о порядке совершения регистрационных действий в отношении предприятия как имущественного комплекса, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 июня 2004 г. № 650).

В качестве объекта права предприятие может принадлежать как государству (и быть передано на праве хозяйственного ведения или оперативного управления унитарному предприятию), так и иными субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность. При этом, одному субъекту могут принадлежать несколько таких предприятий, соответственно, для осуществления разных видов предпринимательской деятельности.

В п. 2 ст. 132 ГК предусмотрено, что не только предприятие в целом, но и его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав.

Так, можно сделать вывод о том, что часть предприятия как имущественного комплекса также может рассматриваться в качестве особого и самостоятельного объекта гражданского права. Однако, если в ГК в отношении предприятия предприняты попытки определить его характеристики и состав, то дефиниции и характеристик «части предприятия как имущественного комплекса» в нем вовсе не содержится, что, в свою очередь, порождает вопросы правоприменительной практики: каким образом должна быть обособлена его часть, как этот объект права ограничивается в гражданском обороте и прочие.

Учитывая изложенное, с точки зрения законодательства Республики Беларусь можно выделить следующие признаки предприятия как имущественного комплекса:

1. признание его недвижимостью;

2. состав предприятия представляет собой совокупность не только прав, но и обязательств (долги, обременения), рассматриваемые в качестве единого объекта права;

3. объединяющий признак состава предприятия – реализация и осуществление определенной предпринимательской деятельности;

4. регистрация предприятия и сделок с ним;

5. право собственности на предприятие может принадлежать любому участнику гражданского оборота.

УДК 340

СПОРЫ, ВОЗНИКШИЕ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ

У. С. Жилевич

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. К. А. Матвеева

В статье анализируются типичные ошибки при заключении и исполнении договоров аренды в Республике Беларусь, связанные с нарушением требований к форме и регистрации, определению предмета и срока, субарендой и использованием имущества, что приводит к спорам и риску недействительности сделок.

Ключевые слова: договор аренды; форма договора; государственная регистрация; предмет аренды; срок аренды; субаренда; неотделимые улучшения; расторжение договора.

Заключение и исполнение договоров аренды в Республике Беларусь осуществляется на регулярной основе, однако не все участники обладают достаточными знаниями и навыками для правильного составления и исполнения таких договоров. Ошибки, допущенные на этапе заключения или исполнения договора аренды, могут привести к возникновению споров, финансовым потерям и признанию сделки недействительной. Для предотвращения негативных последствий как для арендодателей, так и для арендаторов, необходимо рассмотреть типичные ошибки, которые могут возникнуть в процессе заключения и исполнения договора аренды.

Одной из наиболее распространенных ошибок является несоблюдение требований к форме договора аренды. В соответствии со статьей 580 Гражданского кодекса Республики Беларусь, договор аренды, заключенный на срок более одного года должен быть оформлен в письменной форме, несоблюдение письменной формы приводит к недействительности договора аренды [1]. Устные договоренности не имеют юридической силы и доказать условия такого соглашения будет крайне затруднительно. Также следует отметить, что договор аренды недвижимого имущества подлежит обязательной государственной регистрации в соответствии с

частью 2 статьи 580 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Отсутствие государственной регистрации может повлечь за собой лишение арендатора каких-либо прав на арендуемую недвижимость [1].

Другим важным аспектом является определение предмета договора аренды. Объект аренды (предмет договора) является существенным условием, и в договоре должны быть указаны данные, позволяющие однозначно установить имущество, передаваемое арендатору. При отсутствии таких данных договор считается незаключенным.

Срок договора аренды также имеет значение, хотя и не является существенным условием (в случае отсутствия указания срока договор считается заключенным на неопределенный срок). Отсутствие срока может создать нестабильность для сторон, так как каждая из них имеет право расторгнуть договор, предупредив другую сторону за один месяц (для аренды недвижимости - за три месяца).

Арендатор не должен использовать имущество не по назначению, указанному в договоре. Нарушение данного условия может привести к расторжению договора и возмещению убытков. Также арендатору следует избегать проведения неотделимых улучшений без согласия арендодателя, поскольку стоимость таких улучшений, произведенных без разрешения, не подлежит возмещению.

Стороны часто забывают о том, что в соответствии со статьей 586 Гражданского кодекса Республики Беларусь арендатор имеет право сдавать арендованное имущество в субаренду только с согласия арендодателя. В случаях, если арендатор намеревается осуществить субаренду без предварительного согласия с арендодателем, любая подобная сделка может послужить основанием для расторжения договора аренды по инициативе арендодателя [1].

При прекращении договора аренды арендатор обязан вернуть арендодателю имущество в том состоянии, в котором оно было получено, с учетом нормального износа или в соответствии с условиями договора. Распространенной ошибкой является нефиксация существенных недостатков арендуемого помещения (трещины, сколы, неисправности), которые могут быть вменены в вину арендатору при возврате имущества, что может привести к спорам о размере причиненного ущерба.

Арендатор и арендодатель должны помнить, что одностороннее расторжение договора аренды допускается исключительно в случаях, прямо предусмотренных законодательством или условиями договора. Расторжение договора по надуманным основаниям, не имеющим юридической силы, будет признано судом недействительным.

Анализ Гражданского кодекса Республики Беларусь указывает о том, что законодательство создало детально проработанную структуру договора аренды. Тем не менее, большинство ошибок, возникающих в процессе заключения и исполнения договора аренды, обусловлены не столько пробелами в законодательстве, сколько пренебрежением его нормами, шаблонным подходом к составлению документа и ориентацией на неформальные договоренности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 29 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998

г. : с изм. и доп. от 17 февр. 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 24.09.2025).

УДК 347.745

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ ПОСРЕДСТВОМ АККРЕДИТИВА

В. Д. Зенькович

магистр 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. П. Протасовицкий

В работе рассматривается правовая природа аккредитива как формы безналичных расчётов и его роль в регулировании имущественных отношений. Особое внимание уделено моменту перехода права собственности на безналичные деньги и распределению рисков между сторонами и банком.

Ключевые слова: аккредитив; безналичные денежные средства, право собственности.

В гражданском праве аккредитив традиционно рассматривается как одна из форм безналичных расчётов. Как отмечает Р.Р. Томкович, «форма безналичных расчетов – это предусмотренные нормативными правовыми актами условия безналичных платежей, отличающиеся способом зачисления средств на счёт получателя, видами платёжных инструкций, порядком документооборота» [1, с. 87]. Иными словами, выбор формы расчетов между сторонами определяет механизм перевода денежных средств, т.е. порядок действий сторон и банка. Аккредитив представляет собой один из таких механизмов, который с равной степенью защиты, учитывает как интересы плательщика (приказодателя), так и получателя (бенефициара). Сущность аккредитивной формы расчетов, по мнению О.И. Лаврушина, состоит в том, что плательщик поручает обслуживающему его банку произвести за счет средств, предварительно депонированных на счете, либо под гарантию банка оплату товарно-материальных ценностей по месту нахождения получателя средств на условиях, предусмотренных плательщиком в заявлении на открытие аккредитива [2, с. 87].

Поскольку аккредитив является сложным механизмом безналичного расчета, его сущность тесно связана с переходом прав на безналичные денежные средства. Аккредитив способствует передаче этих прав, устанавливая определенные правила и порядок действий для сторон и банка. Открытие аккредитива в соответствии со ст. 260 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З (далее – БК), осуществляется по инструкции (заявлению) приказодателя к банку-эмитенту. Инструкция представляет собой распоряжение о совершении банком определенного действия с денежными средствами на основании заключенного договора банковского счета. Следовательно, заявление об открытии аккредитива не является основанием для перехода права собственности к банку,

несмотря на то что приказодатель больше не может распоряжаться суммой денежных средств, отданной под аккредитив. Таким действием он ограничивает свои права как собственник, тем самым, предоставляя бенефициару гарантию по оплате.

Когда же переходит право собственности на деньги к бенефициару? Если руководствоваться общими положениями гражданского законодательства, то право собственности возникает с момента передачи имущества, если иное не предусмотрено договором. Так, стороны в договоре могут определить установить переход права собственности на момент открытия аккредитива. Приказодатель исполнит свое обязательство, когда аккредитив будет открыт, но все риски, связанные с невыплатой банком суммы аккредитива, ложатся на бенефициара. Значит, и ст. 264 БК, позволяющая бенефициару истребовать долг у приказодателя в случае отказа банка выплатить денежные средства, не применима. Бенефициару следует заявлять требование о выплате денежных средств к исполняющему банку.

Если же момент перехода права собственности определен моментом зачисления денежных средств на счет бенефициара, то приказодатель, оставаясь собственником средств, отвечает перед бенефициаром за невыплату денег банком. В последствии он может заявить к банку требование о возмещении убытков.

Таким образом, вопросы, касающиеся момента перехода права собственности на денежные средства при расчетах посредством аккредитива, имеют ключевое значение для определения рисков сторон и правомерности их требований в случае нарушения обязательств.

Библиографический список

1. Калимов Д. А., Томкович Р. Р. Банковские операции: правовое регулирование и практика обслуживания киентов / Д.А. Калимов, Р.Р. Томкович. – Мн.: Амалфея, 2003. – 752 с.

2. Деньги, кредит, банки. Экспресс-курс: Учебное пособие / кол. авт. ; под ред. О.И. Лаврушина. - 4-е изд., стер. - М.: КНОРУС, 2010. - 320 с.

УДК 347.62

БРАК И ФАКТИЧЕСКИЕ БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

У. А. Илькевич

учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. И. С. Басалыга

В статье проводится сравнительный анализ брака и фактических брачных отношений (сожительства) в Республике Беларусь с юридической точки зрения, что позволяет определить правовые последствия каждого типа отношений.

Ключевые слова: брак; фактические брачные отношения; сравнительный анализ; личные неимущественные права; имущественные права.

В Республике Беларусь надлежащим образом оформленный брак является доказательством вступления мужчины и женщины в брачный союз, который государство берет под свою защиту. В отличие от зарегистрированного брака, в Республике Беларусь фактические брачные отношения (сожительство) не регулируются законодательством о браке и семье. В свете вышеизложенного особый интерес представляет сравнительный анализ брака и фактических брачных отношений с юридической точки зрения.

Во-первых, со дня регистрации заключения брака органами ЗАГС, между супругами возникают взаимные личные неимущественные и имущественные права и обязанности, которые определяются законодательством о браке и семье. Например, право на выбор фамилии при заключении брака (ст. 21 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г.; далее – КоБС), право на получение алиментов от супруга или бывшего супруга (ст.ст. 29–30 КоБС), права в отношении совместно нажитого имущества (ст. 23 КоБС). Также супруги могут урегулировать свои личные неимущественных и (или) имущественные права и обязанности как в период брака, так и после его расторжения, в брачном договоре (ст. 13 КоБС). Фактические брачные отношения не порождают между мужчиной и женщиной супружеских прав и обязанностей и не позволяют им заключить брачный договор. Имущественные отношения фактических супругов в отношении приобретенного ими имущества будут регулироваться нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК) об общей долевой собственности (ст. 246).

Во-вторых, нахождение мужчины и женщины в фактических брачных отношениях не влияет на права их общих детей. КоБС допускает заключение между родителями без привязки к браку таких соглашений, как Соглашение о детях (ст. 76^1) и Соглашение об уплате алиментов (гл. 11^1). Однако при установлении происхождения ребенка от отца действуют определенные правила (ст. 51 КоБС). Отцом ребенка, рожденного в браке, является муж матери ребенка (происхождение устанавливается *на основании записи акта о заключении брака)*. Аналогичное правило действует в случае рождения ребенка в течение десяти месяцев со дня прекращения брака или признания его недействительным. Также нахождение мужчины и женщины в браке или нет влияет на порядок осуществления записи о родителях ребенка (ст. 54 КоБС). Если отец и мать состоят в браке между собой, то они записываются родителями ребенка в записи акта о рождении по заявлению *любого* из них. Если родители ребенка не состоят в браке между собой, запись о матери ребенка производится по заявлению матери, а запись об отце ребенка – по совместному заявлению отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства, или на основании решения суда об установлении отцовства.

В-третьих, в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий в Республике Беларусь также есть свои ограничения для лиц, не состоящих в браке. Например, исходя из ст. 19 Закона Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г. № 341-З для образования эмбрионов при экстракорпоральном оплодотворении в отношении пациентки, не состоящей в браке, могут быть использованы только сперматозоиды анонимного донора.

В-четвертых, в случае смерти одного из супругов, у пережившего супруга возникает право на получение наследственного имущества. Согласно ст. 1057 ГК супруг относится к наследникам по закону первой очереди. Также по ст. 1064 ГК нетрудоспособный супруг независимо от содержания завещания имеет право на обязательную долю в наследстве. В случае с фактическими брачными отношениями эти нормы не действуют.

В-пятых, расторжение брака, в отличие от фактических брачных отношений, осуществляется под контролем государства. Например, при расторжении брака в общем судебном порядке (ст. 36 КоБС) супругам предоставляется трехмесячный срок для примирения и сохранения семьи.

Таким образом, зарегистрированный брак представляет собой не просто формальность, а осознанный правовой выбор, создающий прочный фундамент стабильности и взаимной ответственности.

УДК 347.736

ПРИОРИТЕТ РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Ишбаев

аспирант МГЮА им. О.Е. Кутафина
Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Н. В. Рубцова

В докладе рассматривает соотношение реабилитационных и ликвидационных процедур банкротства в Российской Федерации. Акцентируется значение прав и законных интересов кредиторов в реабилитационных процедурах.

Ключевые слова: банкротство; реабилитационная процедура; ликвидационная процедура; реабилитационный приоритет; реабилитационный паритет; цель производства по делу о банкротстве.

Производство по делу о банкротстве осуществляется в рамках процедур банкротства, под которыми следует понимать ряд действий, закрепленных в законодательстве о банкротстве, по управлению должником для достижения целей восстановление платежеспособности и (или) ликвидации должника [1, с. 524-525].

В научной литературе общепринято делить все процедуры банкротства на две большие группы: ликвидационные и реабилитационные. Отличие первых от вторых заключается не в целях, а в средствах их достижения [2, с. 254]. Основной целью производства по делу о банкротстве является удовлетворение требований кредиторов в наиболее полном объеме. В ликвидационных процедурах такая цель достигается через аккумуляцию имущества должника в конкурсную массу, продажу данного имущества с торгов и расчетов с кредиторами из вырученной суммы денежных средств. В реабилитационных процедурах эта цель достигается с помощью восстановления платежеспособности должника.

В настоящее время в судебной практике Верховного суда Российской Федерации (Далее – ВС РФ) утверждается тенденция приоритета реабилитационных процедур перед ликвидационными процедурами банкротства. Так, ВС РФ в деле Захаровой [3] ссылается на принцип приоритетного проведения реабилитационных процедур при соблюдении принципа реабилитационного паритета. Принцип приоритетного проведения реабилитационных процедур ВС РФ определяет через два его проявления: 1. презумпция необходимости выбора реабилитационной процедуры при неясности дальнейшего хода дела о банкротстве; 2. результат реабилитационной процедуры должен способствовать сохранению платежеспособности должника. Принцип реабилитационного паритета ВС РФ определяет следующим образом: «реализация любого реабилитационного плана в деле о банкротстве не должна ухудшать положение кредиторов, голосовавших против утверждения

плана, по сравнению с тем, как если бы имущество должника продавалось в ликвидационной процедуре».

Все правопорядки мира при регулировании реабилитационных процедур банкротства так или иначе, в большей или меньшей степени основываются на ущемлении имущественных прав кредиторов, предоставляя им права влиять на направление и ход реабилитационных процедур [4, с. 20]. Законодательство о банкротстве, включая законодательство в сфере реабилитационных процедур банкротства, напрямую влияет на развитие экономики и на экономический рост. Так, если кредиторы, ориентируясь на действующее законодательство о банкротстве и правоприменительную практику, приходят к выводу, что законодательство и правоприменительная практика не защищает их права и не помогает им получить максимально возможную компенсацию в случае неплатежеспособности их контрагентов – должников, то кредиторы (в том числе и кредитные организации) станут более осмысленно и рационально заключать сделки со своими контрагентами, взвешивая все возможные риски правоотношений с конкретным контрагентом, что в свою очередь негативно скажется на доступе компаний к финансированию и будет препятствовать экономическому росту[5].

Таким образом, выбор и проведение реабилитационных процедур банкротства не должны нарушать права и законные интересы кредиторов несостоятельного должника.

Библиографический список

1. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под. ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелина. Т. 1. – Москва: Статут, 2019. – 925 с.

2. Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов / Е.Д. Суворов. – Москва: Статут, 2022. – 528 с.

3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2024 № 305-ЭС24-11965 по делу № А41-71214/2020. Доступ из СПС «Консультант-плюс».

4. Степанов В.В. Правовые системы регулирования банкротства: дис. …канд. юр. наук: 12.00.03 / Степанов Вячеслав Валентинович; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. –Москва, 1998. – 236 с.

5. Martinez A.G. Insolvency Law as a Catalyst for Growth. URL: https://blogs.law.ox.ac.uk/oblb/blog-post/2025/06/insolvency-law-catalyst-growth. (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 347

НЕИСПОЛНЕНИЕ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

В. В. Кажуро

учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. В. В. Борода

Исследуются проблемы ответственности сторон договора суррогатного материнства, законодательного закрепления прав и обязанностей генетических родителей в случаях от-

каза от ребенка, а также ответственности суррогатной матери за нарушение условий договора. Предлагается предусмотреть различные формы ответственности суррогатной матери.

Ключевые слова: договор суррогатного материнства; ответственность; неисполнение условий договора.

Современное состояние демографической ситуации в Республике Беларусь характеризуется естественной убылью населения, обусловленной низкой рождаемостью, высокой смертностью, ухудшением возрастной структуры и, как следствие, демографическим старением населения. Суррогатное материнство на сегодняшний день стало одним из способов решения демографических проблем. Однако практика реализации законодательства о суррогатном материнстве показала существование некоторых пробелов. На наш взгляд, необходимо урегулировать ответственность сторон при несоблюдении условий договора, права суррогатной матери на ребенка в случае отказа генетических родителей, а также судьбу ребенка при смерти генетических родителей.

С учетом субъектного состава (физические лица), предмета (особые услуги) и цели (удовлетворение частных интересов), договор суррогатного материнства является гражданско-правовым договором возмездного оказания услуг. Следовательно, к нему применяются общие положения о договорах и специальные правила главы 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее - ГК).

Договор суррогатного материнства несет в себе риски для обеих сторон: для заказчиков – ненаступление беременности, рождение больного ребенка, а для суррогатной матери – вред здоровью или неполучение вознаграждения. Распределение ответственности зависит от вида договора. Важно, что при неблагоприятном исходе, но отсутствии вины суррогатной матери, отказать ей в выплате вознаграждения и компенсации нельзя. При этом допускается помесячная оплата за вынашивание.

Договор суррогатного материнства обладает признаками рисковой сделки: возмездность, неопределенность объема встречного предоставления до наступления события, срочность. Суть договора – одна сторона хочет ребенка, другая – либо выгоды (возмездное суррогатное материнство), либо оказание помощи (альтруистическое). Если результат не достигнут не по вине суррогатной матери, ее услуги компенсируются по условиям договора. То есть стороны не заключают договор ради риска, а желают наступления беременности, но она не всегда наступает.

В соответствии с белорусским законодательством, при гестационном суррогатном материнстве, матерью считается генетическая мать, а отцом - ее супруг. В этом случае, если у ребенка есть отклонения из-за наследственности генетических родителей, предъявлять претензии некому. Здесь встает вопрос, какие меры следует предпринять, если отклонения у ребенка вызваны действиями или бездействием суррогатной матери? Например, если она скрывает информацию о своем здоровье и здоровье ребенка или не выполняет предписания врача. Применить общие нормы гражданского права о нарушении обязательств в этом случае сложно. Нельзя устанавливать для суррогатной матери последствия за "передачу ребенка в ненадлежащем качестве". Генетические родители должны осознавать все риски.

В то же время, существуют риски злоупотреблений со стороны суррогатной матери. Поэтому для генетических родителей необходимо предусмотреть гарантии: возможность уменьшить или не выплачивать вознаграждение, а в случае серьезных нарушений - требовать прерывания беременности, если суррогатная мать нарушает условия договора, уклоняется от обследований, ведет антиобщественный образ жизни.

Что касается злоупотреблений со стороны генетических родителей, то главным нарушением будет отказ от ребенка. В этом случае суррогатная мать должна иметь право требовать в суде понуждения к принятию ребенка, ссылаясь на отсутствие генетической связи между собой и ребенком. Таким образом, важно предусмотреть в Законе «О вспомогательных репродуктивных технологиях» более четкое регулирование прав, обязанностей и ответственности генетических родителей, планирующих использование услуг суррогатного материнства, в случае отказа от ребенка по различным причинам.

Также следует отметить, что частым нарушением со стороны суррогатной матери, имеющим место после рождения ребенка, является несохранение тайны рождения ребенка. В случае нарушения тайны отношений, вытекающих из договора, добросовестная сторона должна иметь право на компенсацию морального вреда и понесенных убытков. В связи с этим, предлагается законодательно закрепить ответственность суррогатной матери, предусмотрев такие формы, как выплата денежной суммы, покрывающей расходы по договору, компенсация морального вреда и убытки.

Библиографический список

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: 9 июля 1999 г., № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12 июля 2025 г. №26-З// ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 27.09.2025).

2. О вспомогательных репродуктивных технологиях: Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях»: с изм. и доп. от 28 декабря 2023 г. № 324-З// ilex информ. правовая система (дата обращения: 25.09.2025).

3. О вопросах применения вспомогательных репродуктивных технологий: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 24 декабря 2019 г. № 124 : в ред. от 12 июня 2024 г. № 100 // ЭТАЛОН: информ.- поисковая система (дата обращения 27.09.2025).

4. Колтович Т. Н. Некоторые аспекты обеспечения правовой защиты ребёнка при применении вспомогательных репродуктивных технологий / Т. Н. Колтович. - Минск : Белорус. гос. эконом. ун-т, 2023. - 430 с. - URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/83444/1/Koltovich_T.N._s_430_431.pdf (дата обращения - 07.10.2025)

5. Шабанова А. С. Рисковой характер договора суррогатного материнства / А. С. Шабанова. Москва - 188 с. - URL:https://cyberleninka.ru/article/n/riskovyy-harakter-dogovora-surrogatnogo-materinstva (дата обращения: 07.10.2025)

УДК 340

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОАКТИВОВ И ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА В СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

О. А. Касперская, В. Н. Кулеша

Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Г. Говзич

В статье анализируются актуальные правовые проблемы, связанные с квалификацией и режимом криптоактивов и цифрового имущества в рамках семейных правоотношений в Республике Беларусь и Российской Федерации. Рассматриваются вопросы отнесения таких активов к объектам гражданских прав, их раздела при расторжении брака, доказывания их наличия и стоимости, а также особенности наследования. Выявляются пробелы и противоречия в современном законодательстве двух стран, предлагаются возможные пути их преодоления. Цель исследования – систематизация ключевых challenges и формулирование рекомендаций для дальнейшего совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: криптоактивы; цифровое имущество; семейные правоотношения; раздел имущества; правовой режим; законодательство Республики Беларусь; законодательство Российской Федерации; цифровые права.

Стремительная цифровизация экономики и повседневной жизни привела к появлению новых видов активов – криптовалют, токенов, NFT и иного цифрового имущества. Их интеграция в гражданский оборот неминуемо затрагивает одну из наиболее консервативных сфер права – семейные правоотношения, в частности, вопросы законного режима имущества супругов и его раздела. Законодательство как Республики Беларусь, так и Российской Федерации находится на начальном этапе осмысления и регулирования этих феноменов, что порождает целый комплекс правовых проблем.

1. Проблема правовой природы и отнесения к совместно нажитому имуществу.

Ключевой проблемой является отсутствие внятного юридического определения криптоактивов и цифрового имущества в контексте семейного законодательства.

В Республике Беларусь Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. (в ред. от 21 марта 2021 г.) ввел понятие «токен» и «криптовалюта», легализовав их оборот. Токен признается правом собственности, а операции с ним не считаются предпринимательской деятельностью. Это позволяет, путем широкого толкования, предположить, что криптоактивы, приобретенные одним из супругов в период брака, могут быть отнесены к совместно нажитому имуществу (ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, далее – КоБС РБ), поскольку являются иным имуществом, нажитым супругами в период брака.

В Российской Федерации ситуация сложнее. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» (в ред. Федеральных законов от 28 июня 2022 г. N 219-ФЗ, от 14 июля 2022 г. N 331-ФЗ, от 04 август 2023 г. N 422-ФЗ, от 04 август 2023 г. N 442-ФЗ, от 11 марта 2024 г. N 45-ФЗ, от 08 августа 2024 г. N 221-ФЗ, от 08 августа 2024 г. N 223-ФЗ, от 25 октября 2024 г. N 349-ФЗ) определяет цифровые права и цифровые финансовые активы, но прямо исключает криптовалюту из их числа. Криптовалюта (цифровая валюта) квалифицируется ЦБ РФ и правоприменительной практикой как «иное имущество» (ст. 128 Гражданского кодекса РФ). В семейном законодательстве РФ (ст. 34 Семейного кодекса РФ, далее – СК РФ) также используется формулировка «иное имущество». Следовательно, теоретически, криптоактивы, нажитые в браке, могут считаться общей совместной собственностью. Однако на практике доказывание этого факта крайне затруднено.

2. Проблема выявления, оценки и раздела

Выявление (раскрытие активов): Криптоактивы по своей природе псевдоанонимны. Доступ к кошельку обеспечивается закрытым ключом, который известен только его владельцу. При разделе имущества один из супругов может просто не раскрыть наличие у себя значительных криптоактивов. Судебные органы не обладают отработанными механизмами истребования такой информации, как, например, выписки по банковским счетам. Стандартные запросы в биржи (которые часто зарегистрированы в офшорных юрисдикциях) могут быть неэффективными.

Рынок криптоактивов характеризуется чрезвычайной волатильностью. Курс может измениться на десятки процентов в течение одного дня. На какую дату производить оценку – на день подачи иска, на день вынесения решения суда или на день фактического раздела? Отсутствие единой официальной котировки и множественность бирж усугубляют проблему. Кто будет признаваться сертифицированным оценщиком такого специфического актива? Эти вопросы законодательно не урегулированы ни в Беларуси, ни в России.

Технически разделить криптоактив сложно. Невозможно физически разделить, например, 1 Bitcoin. Наиболее реалистичные способы:

продажа актива и раздел вырученных фиатных денег;

перевод доли актива на кошелек второго супруга (если речь идет о делимых токенах). Оба способа требуют согласия владеющего супруга и сопряжены с техническими рисками. Суд не может принудительно изъять приватный ключ и осуществить перевод.

Проблема доказывания времени и источника приобретения. Супруг, владеющий криптоактивами, может утверждать, что приобрел их до брака, получил в дар или унаследовал, то есть что они являются его личной собственностью (ст. 26 КоБС РБ, ст. 36 СК РФ). Доказать обратное – что актив был куплен на общие средства супругов в период брака – крайне сложно из-за отсутствия прозрачных транзакций и привязки к банковским счетам.

Проблема цифрового имущества (NFT, игровые предметы, аккаунты). Помимо криптовалют, существует цифровое имущество, имеющее уникальную ценность: объекты NFT, виртуальная недвижимость, дорогостоящие игровые предметы, аккаунты в социальных сетях и мессенджерах с монетизацией. Их правовой статут еще более размыт. Является ли объект NFT, купленный в браке, совместной собственностью? Является ли доход от стриминга или блогинга, привязанный к конкретному аккаунту, общим доходом супругов? Законодательство обеих стран не дает прямых ответов на эти вопросы.

Для решения вышеназванных проблем требуется дальнейшее развитие законодательства, включая закрепление четких процедур раскрытия, оценки и раздела цифровых активов, а также развитие нотариальной и судебной практики с учетом специфики новых технологий. Целесообразным представляется также promoting использования наследственных и брачных договоров, в которых супруги могли бы заранее определить судьбу своего цифрового имущества.

Библиографический список

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (ред. от 01.01.2024).

2. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 01.10.2024).

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 01.10.2024).

УДК 347.132.6

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМУЛЯТИВНЫХ СДЕЛОК В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

М. В. Концевая

студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: старший преподаватель В.С. Галуза

В Республике Беларусь регулирование недействительности мнимых и притворных сделок представлено достаточно узко, а категориальный аппарат нуждается в дополнительной проработке. В статье рассматриваются общие и отличительные черты таких сделок как равнозначных правовых институтов гражданского права.

Ключевые слова: симуляция; мнимая сделка; притворная сделка; воля; волеизъявление; недействительность сделки.

Термин «симулятивная сделка» в законодательстве Республики Беларусь не предусмотрен, однако в доктрине есть общепринятый подход, в рамках которого мнимость и притворность рассматриваются как две формы симуляции, а сделки именуются симулятивными.

Симуляция – это умышленное расхождение формального волеизъявления, которое демонстрируется третьим лицам, и истинной воли сторон (скрытой договорённости) [1, с. 514].

Мнимые и притворные сделки, которые закреплены в ст. 171 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК), совершаются в обход закона, поскольку их целью является симуляция сделки без прямого нарушения законодательства. Сокрытие истинного содержания сделки выгодно обеим сторонам, поэтому такие сделки внешне оформлены юридически правильно.

Мнимая сделка предполагает согласованное отсутствие намерения обеих сторон создавать правовые последствия, и любое отклонение от этого признака исключает признание сделки мнимой. Например, если хотя бы одна из сторон сделки не стремится к созданию мнимого волеизъявления и рассчитывает на возникновение правовых эффектов сделки, то возникает возможность добросовестного исполнения сделки добросовестной стороной, что не соответствует признакам мнимости.

Притворная сделка схожа с мнимой тем, что и здесь имеет место расхождение между волей и волеизъявлением, но если при совершении мнимой сделки её участники вовсе не желают наступления правовых последствий, свойственных её содержанию, то при совершении притворной сделки стороны имеют намерение своими действиями вызвать правовой эффект, но не соответствующий результату данного волеизъявления, а другой, о котором они фактически договорились.

При притворности выделяются две сделки: прикрывающая, совершаемая для вида и недействительная, вследствие порока воли, и прикрываемая, которую стороны действительно имели в виду и которая может быть действительной или недействительной в зависимости от её условий.

Суды Республики Беларусь придерживаются такого подхода, что прикрываемая и прикрывающая сделки должны иметь разную правовую природу и не могут относиться к одному типу, но, например, быть заключёнными на иных условиях. На наш взгляд, такой вывод из буквального толкования нормы п. 1 ст. 171 ГК не следует, в силу чего прикрывающая и прикрываемая сделка могут относиться как к разным типам, так и к одному типу, но быть заключёнными на иных условиях. Также допускается, что одну сделку может прикрывать несколько сделок.

Таким образом, две исследуемые формы симуляции (мнимая и притворная сделки) объединяет общий признак – намеренное несовпадение воли и волеизъявления сторон, а также отсутствие направленности на достижение правовых последствий, соответствующих содержанию сделки. При этом ключевым критерием разграничения этих форм симуляции выступает характер внутренней воли сторон: если при мнимой сделке стороны вовсе не желают наступления каких-либо правовых последствий, то при притворной – их воля направлена на достижение иных, скрытых от третьих лиц, правовых последствий, отличных от видимых.

Библиографический список

1. Недействительность сделки : комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2025. – 1310 с.

УДК: 347.1

К ВОПРОСУ О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА В БЕЛОРУССКОМ ПРАВЕ

Ю. В. Куст

курсант 2 курса уголовно-исполнительного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Иванов

В рамках настоящего исследования осуществлен анализ действующего правового регулирования частной жизни гражданина в белорусском праве. Полученные в рамках исследования результаты станут составной частью знания, которое может быть использовано для дальнейшего исследования проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан. Установлена частноправовая природа частной жизни как нематериального блага и выявлены существующие пробелы нормативного обеспечения охраны ее неприкосновенности.

Ключевые слова: охрана частной жизни; частная жизнь; охрана; нематериальные блага; неприкосновенность частной жизни.

Право на тайну и защиту частной жизни считается одним из наиболее актуальных из прав гражданина в современном мире. В Республике Беларусь неприкосновенность частной жизни признается в качестве охраняемого законом личного неимущественного права.

Соответствующее нормативное установление охраны указанного права обеспечено ст. 151 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), в рамках которой помимо прочих личных неимущественных прав и нематериальных благ поименована и неприкосновенность частной жизни. Нормой указанной статьи констатируется обстоятельство неотчуждаемости и непередаваемости частной жизни. Представляется, что подобное установление вытекает из самого содержания и сущности частной жизни как нематериального блага, которая присуща каждому гражданину в своей неповторимости и уникальности, и которую невозможно возложить на иное лицо. Крайне важным и удачным видится обстоятельство того, что законодатель закрепил также возможность осуществления и защиты права на неприкосновенность частной жизни умершего, что позволяет: а) обеспечить волю умершего в контексте его частной жизни гражданами, так или иначе заинтересованными в осуществлении прав умершего, б) обеспечить возможность защиты неприкосновенности частной жизни умершего, что позволяет упредить заинтересованными лицами возможность нарушения указанного права кем бы то ни было посредством инструментария, предоставляемого ст. 11 ГК Республики Беларусь.

Однако основная предпосылка обеспечения неприкосновенности частной жизни гражданина содержится в Конституции Республики Беларусь, а именно ст. 28 и ст. 29, посредством которых гарантируется неприкосновенность частной жизни. Указанное обстоятельство позволяет вынести суждение о межотраслевом и междисциплинарном характере неприкосновенности частной жизни, охрана которой обеспечивается нормами как частного, так и публичного права.

В ст. 18 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации» содержится положение о том, что кому бы то ни было не дозволяется заявлять требование гражданину о предоставлении сведений о его частной жизни и персональных данных. Законодатель в указанной норме предоставляет толкование содержания дефиниции «частная жизни», элементами которой выступают: а) личная и семейная тайна, б) тайна телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений, которые так или иначе раскрывают сведения о состоянии здоровья гражданина.

Законодательством предусмотрена и уголовно–правовая ответственность за незаконное нарушение неприкосновенности частной жизни гражданина (ст. 179, 203 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Особое внимание автором настоящего исследования было обращено на содержание и толкование понятия «охрана частной жизни», что выразилось в анализе ряда позиций исследователей настоящей проблематики. Так, В. С. Карягина отмечает, что «под охраной частной жизни понимают запрет для всех лиц вмешиваться

в частную (личную) жизнь граждан за исключением случаев, предусмотренных законодателем в нормативных правовых актах» [1, с. 69] . В контексте установления межотраслевых связей в рамках настоящей проблемы важным видится обратить внимание на позицию А. К. Гацайниевой, которая отметила, что в качестве основных тенденций в сфере обеспечения неприкосновенности частной жизни выступают «влияние норм международного права, повышение уровня ответственности, наличие пробелов в законодательстве и слабая правоприменительная деятельность» [2, с. 176].

Ввиду наличия правовой неопределенности в контексте понимая содержания дефиниции «частная жизнь», автором настоящего исследования предлагается следующее ее понимание. Так, частная жизнь – это сфера жизнедеятельности гражданина, включающая в себя сведения о личной, семейной жизни гражданина, а также иные сведения, которые не относятся к общественной и государственной деятельности. Само понятие включает в себя такие аспекты, как отношения с близкими лицами, выбор жизненного пути, внутренний мир, а также сведения о здоровье, финансах, которые не подлежат контролю со стороны общества и государства без согласия гражданина и без законных на то оснований.

В контексте совершенствования частноправового регулирования охраны частной жизни в Республике Беларусь удачным видится опыт Российской Федерации по данной проблеме. Так, в Российской Федерации частноправовая охрана рассматриваемого нематериального блага обеспечивается ст. 152.2. Гражданского кодекса Российской Федерации «Охрана частной жизни гражданина». Особенно важным видится указание в данной статье на то обстоятельство, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. В ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации неприкосновенность частной жизни также поименована в качестве нематериального блага. Ввиду состояния правового урегулирования рассматриваемой сферы отношений, особый интерес представляет правоприменительная практика, складывающиеся в Российской Федерации по поводу охраны частной жизни. Так, обращает на себя позиция Верхового Суда Российской Федерации, изложенная в определении от 9 июня 2025 г., в рамках которого судом констатируется, что интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота предопределяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что её права оказались нарушенными [3].

Таким образом, охрана частной жизни – это фундаментальное право каждого человека, обеспечивающее свободу и безопасность личности. Проблема охраны частной жизни гражданина в современном обществе становится все более актуальной из–за широкого распространения цифровых технологий и требует постоянного внимания и адаптации к новым вызовам, связанным с развитием информационно–телекоммуникационных технологий и изменениями в общественных отношениях.

Библиографический список

1. Карягина В. С. Гражданско–правовая защита тайны частной жизни: проблемы теории и практики / В. С. Карягина, А. И. Сайфуллин // Образование и право. – 2024. – № 8. – С. 67–71.

2. Гацайниева А. К. Проблемы совершенствования уголовно–правовой политики в сфере охраны частной жизни в России / А. К. Гацайниева // Образование и право. – 2019. – № 10. – С. 173–177.

3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 июня 2025 г. по делу № № 2–155/2023 [электронный ресурс]. – URL: //sudact.ru/vsrf/doc/hECe0eKV45NO/ (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 347.451

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА РОЗНИЧНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРА

Д. П. Лещенко

магистрант 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент Т. М. Халецкая

В научной статье рассматриваются и выделяются особенности гражданско-правовой характеристики договора розничной купли-продажи, его признаки и особенности. Определяются способы защиты интересов как покупателя, так и продавца, также затронуты недостатки системы защиты продавца.

Ключевые слова: договор розничной купли-продажи, покупатель, продавец, защита прав потребителей, способы защиты.

Договор розничной купли-продажи является одним из наиболее распространенных и основных видов договора купли-продажи, выступая формализацией правоотношений, возникающих между субъектом хозяйствования и покупателем-физическим лицом в рамках розничной торговли.

В ст. 462 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) определено, что по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, либо лицо, осуществляющее ремесленную деятельность, самостоятельную профессиональную деятельность или реализацию товаров на рынках или в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах, в том числе разовую реализацию, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного семейного домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

С учетом того, что законодатель определяет его как вид договора купли-продажи, договор розничной купли-продажи обладает рядом общих признаков, характерных для договоров купли-продажи: является двусторонним, возмездным, обладает схожим предметом.

При этом выделяется ряд особенных признаков, которые следует учитывать при заключении такого договора, и которые отграничивают его от иных видов договоров купли-продажи:

субъектный состав – покупателем по договору выступает всегда физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность;

цель приобретения товаров – исключительно личное, семейное, домашнее или иное использования, не связанное с предпринимательской деятельностью;

форма договора – договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового чека, иного платежного документа в соответствии с законодательством, квитанции к приходному кассовому ордеру, товарного чека, документа (карт-чека, чека и т.п.), подтверждающего совершение платежа посредством банковских платежных карточек, электронных денег, систем дистанционного банковского обслуживания, автоматизированной информационной системы единого расчетного и информационного пространства, иного документа, подтверждающего оплату товара в соответствии с законодательством, если иное не предусмотрено законодательством или договором розничной купли-продаже, в т.ч. условиями формуляров или иных стандартных форм, к которым присоединятся покупатель (ст. 463 ГК);

публичность договора розничной купли-продажи.

Стороны и цели являются важнейшими критериями при определении вида договора купли-продажи. Неверный выбор договора может повлечь неправильное применение норм законодательства.

Также определены способы защиты нарушенных прав для обеих сторон договора розничной кули-продажи. Однако, законодатель наиболее ориентирован на гражданско-правовые механизмы для защиты покупателя, как более экономически слабой стороне в рамках договора. Правовое положение покупателя регулируется ГК и Законом Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей».

Способы защиты прав покупателей можно условно разделить на общие и специальные. К общим способам защиты можно отнести: возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда, к специальным – права покупателя в случае продажи товара ненадлежащего качества (уменьшение цены, замена товара, расторжение договора и т.д.), право на обмен доброкачественного товара, право на качество и безопасность товара, на получение достоверной и полной информации, особые гарантии при продаже товара дистанционном способом (отказаться от исполнения договора розничной купли-продажи до передачи товара).

Продавец в рамках договора розничной купли-продажи также обладает правомочиями, позволяющими защитить свои интересы. В основном они ограничены классическими способами защиты, предусмотренными ГК, вытекающими из вида договора и сути обязательства – требование уплаты установленной цены, право

удерживать товар до выполнения обязательств покупателем, взыскание убытков и т.д.

Система защиты покупателя и перечень предоставленных ему прав свидетельствует о создании эффективного и действенного инструмента для их защиты. Но данные инструменты для защиты нарушенных прав нередко применяются для злоупотреблений со стороны покупателей, которые с их использованием пытаются получить выгоды порой за счет мнимого или малозначительного нарушения права путем предъявления необоснованных претензий (так называемый потребительский экстремизм). В связи с чем имеет место нарушение принципов добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, предусмотренных ст. 2 ГК. Законодательство не предусматривает инструментов, устанавливающих ответственность за такое поведение покупателя, что с одной стороны вызывает неравенство сторон договора розничной купли-продажи.

Учитывая изложенное, законодатель предусматривает комплексное правовое регулирование отношений, возникающих из договора розничной купли-продажи, определяет все основные условия его заключения, права и обязанности сторон. Вместе с тем с учетом появления потребительского экстремизма требуется совершенствование способов защиты продавца от таких ситуаций и установление соответствующей гражданско-правовой ответственности покупателя.

УДК 347.215

ВЕЩНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА БИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Е. Н. Лобанова

соискатель кафедры гражданского права юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. П. Протасовицкий

Автор рассматривает одну из наиболее дискуссионных проблем современного гражданского права, связанную с определением вещно-правовой природы биологических материалов человека как объектов гражданских прав с точки зрения различных теоретических подходов, сложившихся в цивилистической правовой доктрине по данному вопросу.

Ключевые слова: биологические материалы человека; биомедицина; нематериальное благо; объекты гражданских прав; правовой режим органов и тканей.

Правовой режим биологических материалов человека (кровь, ткани, органы, клеточные линии и т.д.) (далее–биоматериалы) является одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного гражданского и биоэтического права. Основная коллизия заключается в противоречии между традиционным пониманием вещи в праве и особым, личностным происхождением данных объектов. В настоящее время, правовая природа и режим использования биоматериалов балансируют между парадигмой собственности и личной неотчуждаемости, в то время

как развитие медицинской науки, новые подходы в лечении различных заболеваний обуславливают необходимость четкой правовой регламентации биоматериалов как самостоятельных объектов гражданских прав, определения их места в системе объектов и установлении специального правового режима их использования.

Классическая цивилистика о теории вещей (*res corporales*) оперирует представлениями, выработанными еще римским правом, а законодательства большинства государств, в том числе и белорусское напрямую не определяет правовой статус биоматериалов, что порождает множество научных позиций, оставляя вопросы их принадлежности к объектам гражданских прав и оборота вне сферы правового регулирования.

Прежде чем, рассмотреть доктринальные подходы к отнесению биоматериалов к категории объектов гражданских прав, а в частности к вещам, следует обратиться к классическому пониманию понятия вещи (*Res*), закрепленному в Римском праве, под самой категорией которого понималось следующее: «отдельная, юридически самостоятельная материальная вещь с четкими пространственными границами; любой объект (в т.ч нематериальный – *iura*) частного права или гражданского процесса (*causa*), а также целый имущественный комплекс (*bona; hereditas; patrimonium*)» [1, с.228].

Пройдя длительный путь от средневекового права до эпохи возрождения понятие вещи развивалось и трансформировалось. В современном праве сложилось определение, согласно которому под вещью подразумевается объект материального мира, посредством которого человек удовлетворяет свои потребности. Однако единого сформированного определения вещей как объектов гражданских прав в юридической литературе до настоящего времени не имеется.

Анализируя, различные доктринальные подходы о вещно-правовой природе биоматериалов следует выделить основные направления. Так, согласно теории личного неимущественного блага биоматериалы, даже будучи отделенными, сохраняют неразрывную связь с личностью донора, так как содержат уникальную генетическую информацию и, следовательно, не могут быть приравнены к категории вещей (Л. О. Красавчикова, М. Н. Малеина, Дж. Херринг).

Сторонниками признания телесного начала благом, а биоматериалов особыми объектами гражданских прав, приравненных к категории вещей, но только с учетом разработки вещного права *sui generis* являются Н. В. Аполинская, М. С. Варюшин, А. А. Серебрякова, и В. А. Трубина. Согласно позиции данных исследователей, считается целесообразным выделить несколько групп органов, тканей и клеток человека, положив в основу деления причину их отторжения (отчуждения) и цель дальнейшего использования [2].

Представители классического вещно-правового подхода (В. Г. Васильев, Ю. С. Гамбаров, Д. С. Донцов, Н. М. Коркунов, В. Л. Суховерхий и др.) придерживаются мнения о том, что биоматериалы, отделенные от тела, утрачивают связь с личностью и становятся обособленными объектами материального мира, которые подлежат фактическому и юридическому управлению человеком [3; 4, с. 48]. Такая позиция обосновывается необходимостью регулирования рассматриваемых отношений в силу стремительного развития новых технологий в биомедицине и вовле-

чению данных объектов в гражданский оборот. Кроме того существует и компромиссный (дуалистический) подход согласно которому биоматериалы обладают двойственной правовой природой: как физический объект – это вещь, как носитель генетической информации – это личное неимущественное благо.

Гражданское право по своей природе должно исходить из установки на разрешение, а не запрета. Последнее, однако, вовсе не отрицает саму возможность установления в гражданском праве специальных режимов присвоения отдельных объектов вещных прав [5, с. 145]. Таким образом, с учетом научно-технического прогресса изменения в различных сферах правового регулирования, происходящие в современном гражданском праве неизбежны. Признание вещно-правовой природы биоматериалов является одним из важных шагов на пути правовой регламентации отношений в данной сфере, направленных на защиту прав их субъектов, а также пределов их осуществления [6, с 211–212].

Библиографический список

1. Бартошек М. Римское право (Понятия, термины, определения. Пер. с чеш.) / М. Бартошек. – М.: Юридическая литература. – 1989. – 448 с.

2. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине. – URL: http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/164.htm (дата обращения 07.10.2025).

3. Донцов Д. С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности / Д. С. Донцов // Медицинское право. – 2011. – № 2. – С. 38–42.

4. Лобанова Е. Н. К вопросу о месте репродуктивных клеток человека в системе объектов гражданских прав / Е. Н. Лобанова // Право.by. – 2024. – № 5 (91). – С. 42–51.

5. Харченко Г. Г. Особенности правопонимания вещи в гражданском праве / Г. Г. Харченко // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – №2 (8). – С. 142–147.

6. Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав: монография / В. А. Трубина // М. : Инфотропик Медиа. – 2020. – 238 с.

УДК: 347.6

ЭВОЛЮЦИЯ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г. А. Лугин

курсант 2 курса следственно-экспертного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Иванов

В рамках настоящего исследования осуществлен анализ факторов, обуславливающих собой трансформацию наследственного права как подотрасли гражданского права в условиях глобализации. Результаты настоящего исследования станут составной частью знания, которое может быть использовано для дальнейшего исследования проблем наследственного права. Выявлены возможные направления совершенствования законодательства в сфере наследственного права.

Ключевые слова: наследственное право; глобализация; унификация; цифровизация правоотношений; завещание.

Наследственное право является одной из наиболее древних и устойчивых подотраслей гражданского права. Сущность наследственного права заключается в регулировании порядка перехода имущества умершего к другим лицам – наследникам. Однако под влиянием глобализационных процессов, а также развития рыночных отношений и международной интеграции, наследование претерпевает существенные изменения. Эти изменения связаны как с расширением объёма наследственного имущества, так и с трансформацией подходов к свободе завещания, защиты прав наследников, а также с гармонизацией национальных правовых систем.

Как отмечает К.Д. Савицкая, развитие наследственного права в Республике Беларусь демонстрирует тенденцию от ограничительных моделей, характерных для советского периода, к более либеральным механизмам, основанным на принципах диспозитивности и свободе завещания [1, с. 154]. Эти тенденции во многом обусловлены влиянием международного права, унификацией правовых режимов и усилением трансграничных имущественных отношений.

Наследственное право известно с древнейших времён – его основные положения были заложены в римском частном праве, где были разработаны ключевые механизмы универсального правопреемства [1, с. 154]. Эти правовые конструкции стали основой для большинства современных правовых систем.

В советский период наследование было в значительной степени ограничено, а свобода завещания – минимальна. Законодательство ориентировалось на социально–обеспечительную функцию, направленную на защиту интересов ближайших родственников наследодателя, при этом наследственное имущество зачастую сводилось к предметам быта.

С переходом Республики Беларусь к рыночной экономике и восстановлению частной собственности наследственное право получило новое развитие. Возможность распоряжения имуществом по завещанию стала рассматриваться как один из элементов реализации права собственности и личной автономии [1, с. 154].

Современное законодательство Республики Беларусь закрепило приоритет наследования по завещанию (ст. 1040–1055 Гражданского кодекса Республики Беларусь) (далее – ГК Республики Беларусь) над наследованием по закону (ст. 1056–068 ГК Республики Беларусь) [2]. Это означает усиление роли личной воли наследодателя, что соответствует мировым тенденциям в области наследственного права.

По мнению К.Д. Савицкой, одной из ключевых тенденций в сфере наследственного права является постепенное расширение свободы завещательных распоряжений, включая возможность завещать имущество в различных формах, определять круг наследников, а также выдвигать условия наследования [1, с. 156].

Наблюдается также либерализация отдельных норм – например, обсуждается возможность расширения завещательных прав несовершеннолетних и ограниченно дееспособных граждан, а также внедрение новых форм завещаний (видеозапись, аудиозапись и др.) [1, с. 157].

Важным аспектом развития наследственного права является адаптация к международным стандартам. Современные тенденции направлены на упрощение процедуры оформления наследственных прав, расширение перечня форм завещаний и повышение роли договорных конструкций. Эти изменения во многом обусловлены глобальными процессами интеграции и унификации правовых систем, что подтверждается сравнительным анализом зарубежного законодательства.

Как отмечает И. Ю. Сывороткина, наследственное законодательство зарубежных стран формировалось под значительным влиянием римского частного права, что привело к устойчивости ключевых правовых конструкций и их адаптации к современным социальным реалиям [2, с. 176]. В процессе глобализации отмечается тенденция к унификации подходов к регулированию наследственных отношений, что проявляется в многообразии форм завещаний и расширении прав завещателей. Автор подчеркивает, что «в лучших традициях изменяющегося правопорядка наследственное законодательство, следуя существующей терминологии зарубежных стран континентальной Европы, преимущественно продолжает обычаи, сохраненные в рукописях времен формирования частного права в античном Риме» [2, с. 176]. Такой подход обеспечивает правопреемственность, правовую стабильность и упрощает имплементацию зарубежных норм в национальное право.

Глобализация порождает новые формы имущественных отношений, которые выходят за рамки национальных правовых систем. Увеличение трансграничных сделок, международные браки, зарубежные активы граждан и цифровые формы собственности требуют адаптации национальных норм наследственного права.

Сравнительный анализ наследственно–правовых режимов различных государств показывает, что многие страны вводят гибкие механизмы завещания – в частности, совместные завещания супругов, наследственные договоры, а также особые формы распоряжений цифровыми активами. В законодательстве ряда стран (Азербайджан, Грузия, Германия и др.) закреплены положения о совместных завещаниях, что повышает эффективность реализации воли наследодателей [1, с. 157].

Влияние глобализации также проявляется в активной гармонизации правовых систем, сближении принципов свободы завещания, защиты прав наследников и механизмов нотариального удостоверения завещаний.

Современные вызовы требуют совершенствования национального законодательства. Среди возможных направлений реформирования можно выделить:

расширение завещательных прав несовершеннолетних и ограниченно дееспособных граждан, с учётом особенностей их имущественного положения;

внедрение новых форм завещаний с использованием цифровых технологий, что повысит доступность и гибкость распоряжения имуществом;

закрепление совместных завещаний супругов как отдельного института, что позволит упростить наследственные отношения в семьях с общим имуществом;

развитие международного сотрудничества в сфере наследственного права, включая применение коллизионных норм и механизмов трансграничного признания завещаний.

Данные меры позволят сбалансировать интересы наследодателя и наследников, а также повысить правовую определённость наследственных отношений в условиях глобализации.

Заключение. Эволюция наследственного права в условиях глобализации представляет собой сложный и многоплановый процесс. Он связан не только с развитием национального законодательства, но и с его адаптацией к международным стандартам. Республика Беларусь уже демонстрирует движение в сторону расширения свободы завещания и модернизации процедур наследования.

Дальнейшее совершенствование подотрасли наследственного права предполагает учёт глобальных тенденций, включая цифровизацию правовых отношений, гармонизацию международных норм и укрепление гарантий прав всех участников наследственных правоотношений.

Таким образом, наследственное право становится более гибким, динамичным и ориентированным на защиту личных и имущественных интересов граждан в современном глобализированном обществе.

Библиографический список

1. Савицкая К. Д. К вопросу о совершенствовании института наследования по завещанию в праве республики Беларусь / К. Д. Савицкая // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 14. – С. 154–160.

2. Сывороткина И. Ю. Наследственно – правовые режимы стран мира: сравнительный анализ методологических подходов и практики правоприменения / И. Ю. Сывороткина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 2(27). – С. 176–179.

УДК 347.1

О СХОЖЕСТИ И РАЗЛИЧИЯХ ПРОЦЕНТОВ ЗА ПОЛЬЗОВАНИЕ ЧУЖИМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ И НЕУСТОЙКИ

К. С. Матвейков

студент 5 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. В. Максименюк

В настоящей статье исследованы две самостоятельные формы гражданско-правовой ответственности: неустойка и проценты за пользование чужими денежными средствами в сравнении с точки законодательства и доктрины гражданского права. По итогам работы выделены схожие признаки, присущие данным формам ответственности, а также выделены их различия. Результаты исследования могут применяться для целей совершенствования законодательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, формы гражданско-правовой ответственности, неустойка, проценты за пользование чужими денежными средствами, штраф, пеня, денежное обязательство, функции неустойки, ставка рефинансирования, сумма долга.

В гражданском праве Республики Беларусь возможно встретить такие формы гражданско-правовой ответственности, как проценты за пользование чужими денежными средствами и неустойка, которые схожи между собой и различны в некоторых аспектах.

Законодательный аспект. Проценты за пользование чужими денежными средствами взыскиваются только за нарушение денежных обязательств, например, они могут быть начислены задолженность по договору, на сумму неосновательного обогащения и другие случаи [1, с. 36-38]. А неустойку, в свою очередь, можно установить договором за любое нарушение обязательства (в том числе и за денежное), например, за порчу арендованного имущества, поскольку понятие неустойки, указанное в ст. 311 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), не содержит привязку к конкретному виду обязательства.

В связи с тем, что размер процентов заранее установлен ставкой рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, можно выделить их сходство с законной неустойкой, размер которой также устанавливается законодательством.

Вместе с этим, следует отметить, что у процентов за пользование чужими денежными средствами тоже действует правильно о несоразмерности, как и у неустойки. Но размер процентов, подлежащих взысканию, можно уменьшить только, если такой размер определен договором и только до размера, установленного п. 1. ст. 366 ГК, когда для неустойки нет пределов уменьшения в связи с несоразмерностью и нет ограничений для ее вида: договорной или законной.

Данные формы гражданско-правовой ответственности тоже отличаются в отношении порядка расчетов.

При расчете процентов за пользование чужими денежными средствами в качестве базиса для расчета следует применять сумму долга, погашенную с просрочкой, в качестве периода просрочки – срок с момента начала просрочки до погашения, в качестве ставки процентов –за ставку рефинансирования Национального банка на день погашения долга (части долга) или его взыскания в судебном порядке. А расчет неустойки (пени или штрафа) происходит на неуплаченную в срок сумму задолженности или остаток от неуплаченной в срок суммы.

Доктринальный аспект. Общими для неустойки и процентов являются компенсационная и штрафная функции.

По поводу обеспечительной функции отмечается следующее: на данный момент законодатель и доктрина наделяют обеспечительной функцией только неустойку, которая действует под угрозой применения санкций, побуждая исполнять обязательства надлежащим образом; после нарушения неустойка становится формой ответственности [2, с. 63]. По нашему мнению, такую функцию исполняют и проценты, действуя автоматически для денежных обязательств, побуждая их исполнять надлежащим образом. Так, их можно включить в перечень способов обеспечения обязательств, указанных в ст. 310 ГК.

Таким образом, в области законодательства данные формы ответственности отличаются в порядке расчетов, в основаниях применения, в порядке снижения в

случае признания размера несоразмерным. В доктринальном аспекте формы ответственности, реализуя ее цели, выполняют одинаковые функции, в том числе проценты также выполняют обеспечительную функцию.

Библиографический список

1. Краецкая Е. Как взыскать проценты за пользование чужими денежными средствами? / Е. Краецкая //Юридический справочник руководителя– 2022. – № 1. – С. 36–38.
2. Гришин Д. А. Неустойка: теория, практика законодательство / Д.А. Гришин // М : Статут –2005.– С. 63.

УДК 340

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФОРМ СДЕЛОК

М. В. Мачков

аспирант Международного университета «МИТСО»
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. Б. Матвийчук

В статье анализируется влияние цифровизации на форму сделок в гражданском праве Республики Беларусь, включая использование электронных документов и электронных подписей, а также специфику заключения публичных договоров и договоров присоединения (click-wrap и browse-wrap соглашений) в условиях виртуальной среды. Основное внимание уделяется необходимости законодательного закрепления особенностей заключения договоров в электронной форме на условиях публичной оферты.

Ключевые слова: цифровизация; форма сделки; электронный документ; электронная подпись; публичный договор; договор присоединения; click-wrap; browse-wrap; Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Глобальный феномен информатизации обеспечивает всесторонние преобразование социально-экономической сферы жизни общества, оказывая существенное влияние на сферу договорного права. Цифровая трансформация рассматриваемой подотрасли гражданского права в первую очередь затрагивает форму сделок – традиционный институт права, который определяет каким именно образом стороны выражают свою волю, защищает интересы сторон от недобросовестных действий, а также позволяет предотвращать споры и фиксировать условия договора, что в свою очередь обеспечивает правовую определенность и поддерживает стабильность гражданского оборота.

В соответствии с нормой п. 1 ст. 159 Гражданского кодекса Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. № 218-З (далее – ГК) закрепляется две формы совершения сделок – устная и письменная, последняя же может заключаться как в простой письменной форме, так и в нотариальной. Законодательное закрепление устной формы договора цифровизация в целом не затронула. Однако технический прогресс оказывает влияние на трансформацию правового регулирования письменной формы договора.

Примером изменения законодательства под влиянием процесса цифровизации является принятие Закона №135-З от 17.07.2018 г. «О внесении изменений и

дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» (далее – Закон), закрепившего в п.1 ст.161 ГК возможность использования документа в электронном виде (в том числе электронного документа) в совершении сделки. При это законодателем указывается, что использование электронных или технических средств при заключении сделки в простой письменной форме необходимо соблюдение основных критериев: во-первых, воспроизведение содержания сделки в неизменном виде, а во-вторых, способ подписания должен позволить достоверно установить, что договор подписан указанными лицами (факсимильное воспроизведение собственноручной подписи с помощью средств механического или другого копирования, электронная цифровая подпись или другой аналог собственноручной подписи, обеспечивающий идентификацию соответствующих лица или лиц), не противоречит законодательству и соглашению сторон. Аналогичное правило предусмотрела норма ч.2 ст.404 ГК в отношении формы договора.

Электронный способ заключения сделки безусловно имеет ряд существенных преимуществ, позволяя обеспечить экономию материальных и временных ресурсов сторон, упрощает процесс товарооборота. В том числе повышается уровень прозрачности договорных правоотношений, так как информация доступна для ознакомления, а действия постоянно фиксируются и могут быть верифицированы.

Возникает вопрос, каким образом цифровизация влияет на заключение публичного договора (ст.396 ГК) и договора присоединения (ст.398 ГК). В настоящее время большую популярность обрел способ заключения сделки через присоединение к стандартным условиям (Click-wrap- и Browse-wrap- соглашения). В странах романо-германской и англо-саксонской правовых семей выделяют две стадии заключения договоров: оферта, то есть предложение вступить в договорные отношения, и акцепт, то есть согласие на это предложение. Click-wrap соглашение представляет собой публичную оферту, акцептируемую другой стороной через нажатие специальной кнопки с условиями использования цифровой платформы. В отношении Browse-wrap соглашения не требуется нажатие каких-либо кнопок ввиду того, что использование цифровой платформы представляет собой согласие с предложенными условиями.

В рамках зарубежной правоприменительной практики были выработаны необходимые условия, при соблюдении которых click-wrap и browse-wrap соглашения подлежат исполнению. Для click-wrap соглашений необходимо наличие письменной оферты, опубликованной на платформе, и совершение конкретным лицом конклюдентного действия по ее принятию. При этом учитывается, что совершенные пользователем действия должны явно и недвусмысленно свидетельствовать о наличии воли вступить в договорные отношения при условии предоставления полной и достоверной информации о продукте или услуге. Для заключения browse-wrap соглашений необходима письменная оферта и заметное любому разумному пользователю уведомление о ее применении в случае продолжения пользования сервисом [1, с. 265].

В действующем законодательстве Республики Беларусь практически не уделяется внимание таким сделки, совершаемым в электронной форме. Представляется, что нормы ГК в части публичного договора также должны предусматривать особенности цифровизации отношений.

Исходя из этого, на наш взгляд, видится необходимым внедрение комплексных изменений в законодательство Республики Беларусь, в части установления процедуры и порядка заключения договора в виртуальной форме на условиях публичного предложения.

Библиографический список

1. Чирков А.Д. Вопросы юридической силы click-wrap и browse-wrap соглашений / А.Д. Чирков // Образование и право. – 2024. – № 7. – С. 264-267.

УДК 347.19

ЗНАЧЕНИЕ НОВЕЛЛ О ФИЛИАЛАХ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В. Н. Радченко

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. В. В. Максименюк

В тезисах рассмотрены отличия филиала от представительства и дочерней компании, а также правовые и экономические последствия внедрения нового субинститута филиалов иностранных юридических лиц для иностранных и национальных субъектов гражданского права, для развития рынка торговли и услуг на территории нашей страны.

Ключевые слова: филиал, иностранное юридическое лицо, представительство, дочерняя компания, правосубъектность, двойное налогообложение, международное сотрудничество.

С 2024 года в силу вступили изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь, в числе наиболее важных из которых – статья 51^1, закрепляющая возможность создания филиалов иностранных юридических лиц. Это нововведение усиливает международное взаимодействие и делает правовую систему более открытой. Теперь юридические лица получили возможность заниматься предпринимательской деятельностью, напрямую не создавая громоздкую систему из юридических лиц различной резидентной принадлежности.

Согласно п. 3 ст. 51^1 филиалом иностранного юридического лица является его обособленное подразделение, открытое и расположенное на территории Республики Беларусь, осуществляющее все или часть его функций, в том числе функции представительства. Такое образование сочетает в себе черты как представительства, так и дочерней компании, обеспечивая более широкие правомочия при меньшей административной нагрузке.

Ранее иностранные юридические лица могли действовать в Беларуси через представительства или дочерние компании. Вместе с тем:

- представительство не имело права заниматься предпринимательской деятельностью;

- дочерняя компания создавалась как резидент, но сопровождалась сложностями двойного налогообложения и юридических издержек.

Новеллы в отношении правого статуса филиалов выступают более эффективной и прозрачной формой участия иностранных субъектов в белорусской экономике.

Рассматриваемое нововведение облегчает реализацию международных соглашений и договоров о сотрудничестве, что ранее являлись единственным возможны путём для осуществления предпринимательских отношений иностранным юридическим лицом. Это не обеспечивало в полной мере условий и дополнительного желания иностранных резидентов дополнительно создавать на территории Республики Беларусь юридические лица. В настоящее время, ввиду того что гражданско-правовые отношения получили толчок в виде последнего изменения, международные соглашения и договоры смогут урегулировать правоотношения между сторонами более оперативно и качественно.

Как указывал английский экономист В. С. Джевонс, увеличение эффективности потребления не ведёт к снижению количества используемого ресурса, а напротив к его многократному увеличению [1]. По нашему мнению, создаваемая внесенными изменениями ситуация прогнозируемо должна привести к количественному и качественному увеличению взаимодействий, особенно в рамках ЕАЭС и Союзного государства. К тому же, считаем, что не только уже существующие соглашения получат развитие: данное изменение должно закономерно привести к созданию новых качественных международных актов. Это создает благоприятные условия для привлечения иностранных инвестиций и специалистов на территорию Республики Беларусь.

В заключение возможно отметить то, что новеллы Гражданского кодекса Республики Беларусь о правовом статусе филиалов значительно повышают гибкость правового регулирования деятельности иностранных субъектов на территории Беларуси, способствуют развитию международного товарооборота. Данное изменение должно положительно сказаться как на осуществлении конкретными организациями своих функций, так на привлечении новых иностранных субъектов в Республику Беларусь. При этом соответствующие нормативные правовые акты содержат нормы по защите белорусского рынка от неконтролируемого заполнения иностранными субъектами и вытеснения ими отечественных.

Библиографический список

1. Jevons, W.S. Coal question. An inquiry concerning the progress of the nation, and the probable exhaustion of our coal-mines./ W.S. Jevons. – London: Macmillan and Co, 1865. – 214 p.

УДК 340

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОПОНИМАНИЯ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

А. А. Ракова

студентк 5 курса Института прокуратуры, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академии»

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. В. Шугурова

В статье сравнительно анализируется государственная семейная политика и правовое регулирование брака и семьи в Республике Беларусь и Российской Федерации. Показано различие в законодательном определении брака, подходах к пониманию семейной политики и мерах социальной поддержки семей (семейный и материнский капитал), а также подчеркнута общая ориентация двух государств на укрепление традиционных семейных ценностей и демографическое развитие.

Ключевые слова: семья; брачно-семейные отношения; государственная семейная политика; Республика Беларусь; Российская Федерация; традиционные семейные ценности; семейный капитал; материнский капитал; демографическое развитие.

Определение семьи как социального института раскрывается в различных структурных составляющих этого понятия, закрепляются все конкретизирующие признаки, а также функциональное составляющее правового механизма семейных отношений.

Правовое регулирование института брака и семьи носит фундаментальный характер. Так, существуют весьма значительные различия между правовыми системами разных стран в рамках закрепления института семьи и брака на национальном уровне. Отличительные особенности во многом объясняются исторической спецификой каждого государства, влиянием религии, а также социальными нормами в виде традиций и обычаев.

В настоящее время в Российской Федерации семья не признается субъектом права, но является объектом государственной семейной политики. К основному принципу относится «сохранение достигнутых социальных гарантий поддержки семьи, их дальнейшее совершенствование», что отражается в Указе Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики». Сохранение традиционных семейных ценностей является одним из направлений государственной семейной политики Российской Федерации, что определяет потребность в выработке механизма интеграции традиционных семейных ценностей в охранительный механизм.

Проблематика правового оформления брака и семьи в Беларуси и России уже являлась предметом научного исследования. Неоднократно в своих исследованиях эту тематику поднимали Н.В. Бадаева, В.Н. Авлиева, Н.А. Матвеева. Брак (как форма взаимодействия мужчины и женщины) в законодательстве Республики Беларусь никак не определяется, закон описывает только его характерные признаки. В отличии от законодательства Республики Беларусь, в Российской Федерации определяется исчерпывающее понятие брака. Другими словами, в законодательстве Российской Федерации брак – это юридический факт, или юридическое состояние, т.е. длящееся правовое отношение, порождающее для субъектов брака (супруги, муж и жена) правовые последствия – комплекс взаимных семейных прав и обязанностей.

Рассмотрим концепцию осуществления государственной семейной политики в двух государствах. Так, отличительная особенность раскрывается в понимании семейной политики. В России под семейной политикой понимается целостная система принципов, задач и приоритетных мер, направленных на поддержку, укреп-

ление и защиту семьи как фундаментальной основы российского общества. Республика Беларусь, в отличие от России, раскрывает сущность семейной политики в основных направлениях государственной семейной политики. Приоритетными направлениями являются положения непреходящей ценности семьи для жизни и развития, необходимости учета коренных интересов семьи и принятия специальных мер по их социальной поддержке.

Рассматривая социально-экономические факторы, следует отметить тенденцию повышения регистрации браков в Республике Беларусь и Российской Федерации. По статистическим данным, размещенных на информационно-аналитическом портале «Реестр ЗАГС», на октябрь 2025 год подано 1 209 894 заявлений, в то время как за 2024 год – 1 152 337 заявлений. В Республике Беларусь за 2024 год зарегистрировано 46,2 тысячи браков.

Кроме того, схожими являются меры социальной поддержки для семей. Как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь существует разнообразные меры поддержки для семей с детьми. Так, в Республике Беларусь действует семейный капитал. Программа была первоначально рассчитана на 2015–2019 годы, но затем продлевалась. Указом Президента Республики Беларусь №403 от 30 октября 2024 года программа «Семейный капитал» продлена на 2025–2029 годы. В Российской Федерации вопрос материнского капитала регламентирован Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей".

И для Республики Беларусь, и для Российской Федерации вопросы социальной и экономической поддержки являются фундаментальными аспектами для поддержания роста демографии. Но в то же время, перед дружественными странами стоят новые вызовы современности и проблемы, которые требуют своевременного решения. России и Беларуси следует продолжать сотрудничество и поиски методов в рамках укрепления семейных отношений, ведь именно семья является основой любого общества и государства.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 14.05.1996 № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики» // СЗ РФ.

2. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г. № 278-З: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. от 8 июля 2024 г. № 26-З //Национальный правовой интернет портал Республики Беларусь.

3. Федеральный законом от 29 декабря 2006 г. N 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей".

УДК 347.763.2

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПЕРЕВОЗОЧНЫЙ ДОКУМЕНТ В ДОГОВОРЕ ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА

О. П. Рыбакович

студентка 4 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. Л. Гюрсель

В статье рассматриваются особенности правового регулирования договора воздушной перевозки пассажиров в Республике Беларусь с акцентом на внедрение электронных перевозочных документов. Отмечается значительное упрощение процедур оформления и регистрации благодаря автоматизированным системам. Материалы статьи будут полезны для юристов, судей, адвокатов и студентов юридических вузов.

Ключевые слова: договор воздушной перевозки; электронные перевозочные документы; перевозчик; пассажир; автоматизированная информационная система; воздушный транспорт.

В настоящее время воздушный транспорт лидирует в сфере международных пассажирских перевозок, регулирование которых находится в постоянном процессе развития и совершенствования. Одним из новшеств является электронный перевозочный документ. Его внедрение значительно упростило процесс оформления авиаперевозок.

Договор воздушной перевозки представляет собой публичный договор, который заключается по принципу присоединения. Пассажир обязан принять условия, предложенные конкретным перевозчиком, для заключения договора. В связи с этим можно сказать, что пассажир является слабой стороной в данном договоре [1, с. 77].

При предоставлении услуг по авиаперевозке пассажиров необходимо наличие одного из перевозочных документов для каждого пассажира. К таким документам относятся билет, багажная квитанция, грузовая накладная, почтовая накладная и другие документы. Билеты оформляются в электронном виде или на бумажном носителе для каждого пассажира отдельно. Использование билета лицом, не указанным в нем, не разрешается.

В настоящее время билеты, багажные квитанции и другие документы, связанные с авиаперевозками пассажиров, могут быть оформлены в электронном виде и внесены в автоматизированную информационную систему оформления воздушных перевозок.

При оформлении электронного перевозочного документа пассажиру по его требованию должна быть выдана заверенная выписка из указанной системы, содержащая условия договора воздушной перевозки. Важно, чтобы методы регистрации и обработки данных обеспечивали юридическую силу электронного билета и багажной квитанции.

Договор воздушной перевозки пассажира вступает в силу с момента полной и своевременной оплаты стоимости перевозки, а также оформления перевозочного

документа и его выдачи пассажиру. В рамках этого же договора осуществляется транспортировка багажа, принадлежащего пассажиру.

Полагаем, что оформление перевозочных документов в электронном виде способствует упрощению процедур регистрации и контроля, а также повышает оперативность взаимодействия между пассажиром и перевозчиком. Электронные системы позволяют минимизировать ошибки, связанные с человеческим фактором, и обеспечивают более надёжное хранение информации. Однако для полноценной реализации этих преимуществ необходимо обеспечить высокий уровень информационной безопасности, защиту персональных данных пассажиров и бесперебойную работу автоматизированных систем. Это требует от перевозчиков соблюдения технических стандартов и нормативных требований, а также постоянного обновления программного обеспечения и обучения персонала.

Таким образом, можно сделать вывод, что договор воздушной перевозки пассажира в Республике Беларусь регулируется детализированной нормативной базой. Он представляет собой публичный договор, заключаемый по принципу присоединения, что делает пассажира уязвимой стороной. Электронные перевозочные документы, автоматизированные системы и требования к регистрации усиливают юридическую значимость договора. Однако для обеспечения надёжной защиты прав пассажиров необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования, особенно в части доступности информации и гарантии исполнения обязательств перевозчиком.

Библиографический список

1. Рублевский М. И. Механизм гражданско-правовой защиты пассажиров в отношениях с организациями воздушного транспорта: обзор и постановка некоторых проблем / М. И. Рублевский. – Вест. Омского ун-та. – 2014. – № 1. – С. 77–86. – (Серия : Право).

УДК 347.625

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛЕЙ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ СУПРУГОВ

М. А. Савченко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. П. Короткевич

В статье анализируются особенности определения долей при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов.

Ключевые слова: супруги, общая совместная собственность, раздел имущества, определение долей супругов, соглашение о разделе имущества.

В соответствии со ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее − КоБС) имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены

денежные средства, является их общей совместной собственностью. Исходя из нормы п. 2 ст. 246 Гражданского кодекса Республики Беларусь имущество, находится в собственности супругов в таком случае без определения таких долей (совместная собственность).

Согласно ч. 1 ст. 24 КоБС доли супругов при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, признаются равными. Отступление от равенства долей допускается при включении соответствующих условий в брачный договор или судом. Когда суд вправе отступить от данного правила закреплено также в ч. 1 ст. 24 КоБС: в интересах несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, а также учитывая заслуживающие внимания интересы одного из супругов. В ч. 1 ст. 24 КоБС также поясняется, что доля одного из супругов, в частности, может быть увеличена, если другой супруг уклонялся от трудовой деятельности или расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи. Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 декабря 2022 г. № 7 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» к интересам супругов, подлежащим учету судом, могут быть отнесены даже случаи, когда супруг лишен возможности получать доход по независящим от него уважительным причинам, а также случаи, когда другой супруг без уважительных причин уклонялся от трудовой деятельности, расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи. Как отмечается в научной литературе, отступление от начал равенства «направлено на осуществление имущественного равенства прав супругов», применение норм ведет к фактическому уравниванию в имущественных отношениях и реализации принципа равенства прав супругов [1, с. 73].

Следует обратить внимание на отсутствие прямого указание в ч. 1 ст. 24 КоБС на возможность отступления от принципа равенства долей супругов при заключении соглашения о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов. При этом согласно ч. 4 ст. 24 КоБС в таком соглашении может быть предусмотрена выплата денежной компенсации, когда одному из супругов передаются предметы, превышающие его долю. Следовательно, законодатель прямо не закрепил возможность отступления от равенства долей в данном соглашении, однако предоставил право передачи имущества несоразмерно их долям, а также включения в такое соглашение условия о выплате денежной компенсации [2, с. 99].

Таким образом, в белорусском законодательстве презюмируется равенство долей супругов. Однако данное правило не носит императивный характер. Отступление от равенства долей допускается при включении соответствующих условий в брачный договор или судом. Однако представляется целесообразным дополнить ч. 1 ст. 24 КоБС прямым указанием на возможность изменения соотношения долей супругов в соглашении о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, что обусловлено необходимостью урегулирования имущественных отношений супругов не только в период брака, но и, в отличие от брачного договора, после его расторжения. Данное положение послужит более справедливому разделу имущества и позволит супругам (бывшим

супругам) самостоятельно определить доли в совместно нажитом имуществе, учитывая интересы друг друга.

Библиографический список

1. Ульянова М. В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов / М. В. Ульянова // Правосудие/Justice. – 2023. – № 4. – С. 59–75.
2. Короткевич М. П. К вопросу о порядке определения долей при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов / М. П. Короткевич // Юстыцыя Беларусі. – 2025. – № 5. – С. 95–101.

УДК 347

НОВЕЛЛЫ ЗАКОНА «О РИЭЛТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. О. Самойленко

магистрант 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. В. Сокол

В статье рассматриваются гражданско-правовые новшества современного законодательства в сфере риэлтерской деятельности в Республике Беларусь. Отмечается уникальность правовой природы нового законодательного акта и его определенная проблематика. Рассматривается, с одной стороны, достижения в рамках действующего законодательства, с другой стороны – неопределенность гражданско-правовой реализации нововведений.

Ключевые слова: риэлтерская деятельность, гражданское право, недвижимость, риэлтер, новеллы риэлтерского законодательства, агентства недвижимости.

Несмотря на то, что в Республике Беларусь достаточно внимания уделяется законодательным актам, регулирующим риэлтерскую деятельность, Министерство юстиции разработало и реализовало первый в истории Беларуси законопроект о риэлтерской деятельности, который, в некоторых своих частях, вступил в законную силу с 16 июня 2025 г. Основная часть Закона вступает в законную силу 16 мая 2026 г. Закон направлен на улучшение качества услуг и защиту прав потребителей [1].

Данный законодательный акт можно отнести к «кульминационному моменту» развития гражданско-правовой среды в сфере оказания риэлтерских услуг. Гражданское общество давно нуждалось в появлении подобного рода законодательного акта и момент его появления был вполне ожидаем. Закон «О риэлтерской деятельности» вобрал в себя фундаментальные основы, взятые с Указа Президента Республики Беларусь № 15 от 2006 г. «О риэлтерской деятельности» и дополнен другими существенными изменениями и правками [2].

Самыми заметными пунктами новации в сфере риэлтерской деятельности, которые в дальнейшем могут быть подвержены корректировке, являются:

создание палаты риелторов, которая будет основана на обязательном членстве риелторов. Палата призвана стать консолидирующим органом и будет наделена рядом полномочий;

отмена требований о наличии профильного образования у претендента на получение свидетельства об аттестации риелтора, что позволило открыть доступ к профессии более широкому кругу лиц. Риелтором сможет стать любой гражданин Беларуси с высшим образованием, что может негативно отразиться на качестве оказываемых услуг;

осуществлена коррекция состава лиц, оказывающих риэлтерские услуги от имени риэлтерской организации. Иными словами, упразднился институт агентов по операциям с недвижимостью и закреплено право оказывать риэлтерские услуги только риэлтерами, что создает определенную нагрузку для компании из-за отсутствия промежуточного профессионального звена в сложной системе деятельности;

предоставлена возможность сдать аттестационный экзамен и получить статус риэлтера лицам, имеющим среднее специальное образование и трехлетний стаж работы агентом по операциям с недвижимостью**.**

Законодательно закрепляется исключение предоплаты за предоставление информации о предложениях на рынке недвижимости для заключения договора найма жилых помещений.

Законом предусмотрено, что риэлтерская организация может оказывать услуги только одной стороне в сделке, что является безусловным плюсом для потребителя и минусом для компании в целом.

Изучив процесс становления института риэлтерской деятельности в Республике Беларусь и выхода в свет нового законодательного акта, основные принципы которого основывается на принципах: законности, добросовестности, профессионализма, приоритета интересов потребителя, соблюдения правил профессиональной этики риэлтера, работниками риэлтерской организации, конфиденциальности информации, соразмерности стоимости риэлтерских услуг их объему, сложности и качеству – считаем появления данного Закона своевременным.

Библиографический список

1. О риэлтерской деятельности : Закон Республики Беларусь 8 мая 2025 г. № 71-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.10.2025).

2. О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 09 янв. 2006 г. № 15 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22 июня 2023 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.10.2025).

УДК 340

ПРАВОСПОСОБНОСТЬ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В. С. Свирская

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: конд. юр. наук, доцент М. С. Стрижак

В тексте сопоставляется понимание правоспособности в римском праве и в современном гражданском праве Республики Беларусь. Показано, как статусная конструкция caput, основанная на сочетании свободы, гражданства и семейного положения, эволюционировала в универсальную правоспособность, возникающую с рождения и включающую как имущественные, так и личные неимущественные правомочия. Отмечается преемственность в признании интересов зачатого, но ещё не родившегося ребёнка, а также обосновывается необходимость нормативного уточнения возрастных и волевых критериев реализации отдельных элементов содержания правоспособности.

Ключевые слова: римское право; правоспособность; caput; насцитурус; Гражданский кодекс Республики Беларусь; наследственное право; возрастные критерии; дееспособность; регистрация актов гражданского состояния.

В римском праве основным понятием, отражающим юридическую характеристику субъекта, была caput — способность быть носителем прав и обязанностей. Правоспособность связывалась с самим фактом существования человека. Но «человек» и «лицо» (persona) – не всегда совпадали. Не каждый человек был субъектом права. Биологическое существование человека было необходимым, но недостаточным условием правоспособности. Над ним «надстраивались» статусные элементы.

Для полной правоспособности в римском праве требовалось наличие трех состояний: свободы (status libertatis), гражданства (status civitatis) и семейного положения (status familiae). В частноправовой сфере она включала право вступать в брак (ius conubii) и участвовать в имущественных отношениях (ius commercii). В составе ius commercii с некоторого времени стали особо выделять testamenti factio – право составлять и быть свидетелем при составлении завещания (testamenti factio activa) и право быть назначенным наследником по завещанию (testamenti factio passiva).

В современности правоспособность включает имущественные и личные неимущественные правомочия, а также возможность вступать в правоотношения и иметь права и обязанности.

В римском праве ребенок признавался субъектом права при живом рождении, полном отделении от матери и наличии законных оснований (например, рождение в браке). Также признавался правовой статус зачатого, но не родившегося ребенка (насцитуруса), если это было в его интересах. Таким образом, римское право признавало правовой статус и нерожденного ребенка, когда это было необходимо для защиты его прав, особенно в сфере наследования.

Что касается современности, то согласно п.2 ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается его смертью. Она признается в равной мере за всеми гражданами, независимо от пола, возраста, национальности и других признаков. Следуя концепции римского права, современное наследственное право, в качестве возможных наследников рассматривает неродившихся лиц, зачатых при жизни наследодателя. Так, согласно п. 1 ст. 1037 ГК наследниками по завещанию и закону могут быть граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Раздел наследства до рождения зачатого при жизни наследодателя наследника не допускается. При этом несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет самостоятельно действия по принятию наследства совершить не могут.

Интересы от их имени представляют родители, а при их отсутствии усыновители или опекуны. Соответственно в настоящее время общее правило о приобретении правоспособности с рождения имеет исключения, касающиеся отдельных возможностей, составляющих содержание этой правоспособности. Содержание правоспособности физических лиц определяется возрастным и волевым критериями. В ГК отсутствуют нормы, содержащие данные критерии. На наш взгляд необходимо дополнить ст. 16 ГК соответствующим положением о том, что возникновение отдельных элементов содержания гражданской правоспособности зависит от достижения лицом установленного законом возраста и наличия соответствующего объема гражданской дееспособности.

В Древнем Риме акты рождения и смерти подтверждались свидетелями, семьей и обычаями, без официальных документов. Рождение признавал отец семейства, смерть — окружение, а для наследства важны были жрецы и погребальные обряды. В случае одновременной гибели применялись презумпции. В современном праве Республики Беларусь рождение и смерть подлежат обязательной регистрации в ЗАГС, что обеспечивает юридическую определенность и реализацию прав.

Таким образом, правоспособность как юридическая категория прошла путь от статусной конструкции в римском праве до универсального признака в современном законодательстве. При этом сохраняется преемственность в признании интересов зачатого ребенка и необходимость возрастных и волевых критериев для реализации отдельных прав, что требует нормативного уточнения.

Библиографический список

1. Кожевина Е. В. Римское частное право: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – 144 с.

2. Гражданское право: учеб. В 3 т.; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – Т. 1 / А.В. Каравай [и др.]. – 864 с.

3. Гражданское право: учебник : в 3 т. Т 1 /под. Ред. А.П.Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – 1040 с.

4. Римское частное право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова. — Москва : Проспект, 2015. - 312 с.

УДК 4414

ОПЦИОН КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ АКЦИОНЕРОВ (УЧАСТНИКОВ) КОРПОРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

С. Ю. Сонкин

студент 4 курса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Научный руководитель: преп. Я. С. Бутакова

В условиях международных санкций особое значение приобретают правовые механизмы защиты прав акционеров (участников) хозяйственных обществ. На примере России

автор обосновывает, что одним из наиболее эффективных механизмов защиты прав акционеров (участников) является опцион, позволяющий в полной мере соблюсти баланс интересов сторон.

Ключевые слова: корпоративное право; международное частное право; опцион; международные экономические санкции; иностранные инвестиции.

Одной из ключевых особенностей российского контрсанкционного регулирования является существенное вмешательство органов государственной власти в договорные отношения с участием лиц из «недружественной» юрисдикции. Например, устанавливается обязательный дисконт в размере 60% от рыночной цены при «выходе» иностранных акционеров (участников) из российских корпораций [1]. Указанное обусловлено стремлением государства обеспечить защиту прав российских акционеров (участников) в условиях международных экономический санкций.

Вместе с тем, актуализируется вопрос о правовых механизмах защиты прав иностранных акционеров (участников), которые временно покинули российский рынок. В этом контексте одним из наиболее удачных решений представляется структурирование договоров купли-продажи акций (долей) российских хозяйственных обществ с возможностью обратного выкупа, которое достигается путем использования конструкции опциона (ст. 429.2 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Во-первых, при структурировании отношений сторон с помощью опциона не возникает отношений подконтрольности: российские лица являются полноценными собственниками актива и распоряжаются имуществом хозяйственного общества по своему усмотрению. Данные условия позволяют соблюдать контрсанкционные ограничения и в известной степени дистанцировать инвесторов из «недружественных» юрисдикций от прямой деятельности в России. Таким образом, опционы не противоречат контрсанкционным ограничениям ни формально, ни с точки зрения цели регулирования.

Во-вторых, использование опционов позволяет соблюсти принцип равноценного встречного предоставления: отчуждая актив за низкую стоимость, иностранный акционер (участник) получает возможность вернуть актив, как правило, по соизмеримой цене. Кроме того, существует разнообразная практика определения цены за акции или доли в опционах, которые стороны могут предусмотреть для реализации своих коммерческих интересов [2, с. 501–512]. Таким образом, экономические интересы российских лиц будут в полной мере защищены.

В-третьих, с точки зрения экономического анализа права и заинтересованности Российской Федерации в привлечении иностранных инвестиций, данный способ структурирования обязательств между российскими и иностранными акционерами (участниками) позволяет достигнуть цели применимого регулирования. Так, при заключении опционов, иностранные акционеры нередко предоставляют дополнительное финансирование (financial aid) российским компаниям путем внесения вклада в имущество или заключения договора дарения денежных средств, что позволяет последним сохранить положительные финансовые показатели и в полной мере осуществлять деятельность на территории России (в том числе расплачиваться с кредиторами и уплачивать налоги).

Таким образом, опционы, на наш взгляд, выступают одним из наиболее эффективных способов защиты прав акционеров (участников) в условиях международных экономических санкций, так как позволяют соблюсти баланс интересов сторон, а также соответствуют действующему контрсанкцинному регулированию. Исходя из этого, можно говорить о неэффективност дальнейшего ужесточения мер ограничительного характера, направленных на воспрепятствование реализации опционов [3].

Библиографический список

1. Выписка из протокола заседания подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 15 октября 2024 г. № 268/1.

2. Глухов Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. – М.: М-Логос, 2017.

3. Речь идет о введенном Выпиской из решения подкомиссии Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации от 7 июля 2023 года № 171/5 ограничении срока возвратного опциона двумя годами, которое, однако, не имеет обратной силы и не распространяется на уже заключенные соглашения.

УДК 347.15/18

К ВОПРОСУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

М. А. Станкевич

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент И. П. Третьякова

В научной работе рассматриваются правовые аспекты осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними гражданами в Республике Беларусь. Особое внимание уделено вопросам правового статуса несовершеннолетнего предпринимателя, порядку его государственной регистрации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; несовершеннолетний; дееспособность; эмансипация.

Развитие предпринимательства является важным фактором экономического роста и социальной мобильности. При этом участие несовершеннолетних в предпринимательской деятельности требует особого правового регулирования. Стремление молодежи к финансовой независимости постоянно растет.

Согласно п. 1 ст. 22 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), гражданин вправе без образования юридического лица осуществлять индивидуальную предпринимательскую деятельность с момента государственной регистрации, уведомления налогового органа, ведения ремесленной деятельности или оказания услуг в сфере агроэкотуризма на условиях, определённых Президентом Республики Беларусь.

Исходя ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, выполнения работ или оказания услуг.

В соответствии с абзацем 4 ст. 1 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь индивидуальный предприниматель — это физическое лицо, осуществляющее деятельность без образования юридического лица и зарегистрированное в установленном порядке. Деятельность без государственной регистрации запрещена и влечет административную или уголовную ответственность.

Так как предприниматель действует от своего имени и под свою имущественную ответственность, предполагается наличие у него полной дееспособности. В соответствии с п. 1 ст. 20 ГК она наступает с 18 лет, но может быть приобретена ранее — через эмансипацию (ст. 26 ГК) или вступление в брак (ч. 1 п. 2 ст. 20 ГК).

Согласно ч. 1 п. 1 ст. 26 ГК несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть признан полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору или с согласия одного из законных представителей занимается предпринимательством. Таким образом, полная дееспособность может быть приобретена через предпринимательскую деятельность при наличии письменного согласия одного из своих законных представителей.

Государственная регистрация несовершеннолетнего должна предшествовать признанию его полностью дееспособным. Хотя перечень документов для регистрации не требует отдельного письменного согласия одного из своих законных представителей, его целесообразно оформить прямо на заявлении о регистрации при личной явке несовершеннолетнего и его представителя.

Согласно п. 4.10 Перечня административных процедур решение об эмансипации принимается органом опеки и попечительства в течение 15 дней (до месяца — при запросе документов). В этот период несовершеннолетний зарегистрирован как предприниматель, но еще не полностью дееспособен.

Сделки, связанные с предпринимательством, требуют письменного согласия своих законных представителей (абз. 5 п. 2 ст. 25 ГК). Без него сделка может быть признана недействительной (ст. 176 ГК). До признания полной дееспособности имущественную ответственность по сделкам несет несовершеннолетний, а представитель — субсидиарную (ч. 1 п. 3 ст. 25 ГК).

Таким образом, участие несовершеннолетних в предпринимательской деятельности возможно только при соблюдении установленного законом порядка: государственной регистрации, получении согласия одного законных представителей и последующей эмансипации.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 62-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 347

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДУЕМЫМИ ДОЛЯМИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ

С. А. Столбунова

магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. С. Бойко

Автор обосновывает невозможность заключения договора доверительного управления наследуемыми долями в уставном капитале при наличии уставных ограничений, а также обосновывает возможность его заключения при отсутствии согласия всех наследников.

Ключевые слова: доверительное управление; доверительный управляющий; доля в уставном капитале; наследование; защита прав.

Основанием возникновения доверительного управления (далее – ДУ) наследственным имуществом, в том числе и долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, является договор (ст. 1173 ГК РФ).

Преобладающей в судебной практике и доктрине является позиция, что возможность заключения договора доверительного управления (далее – ДДУ) долями ставится в прямую зависимость от наличия уставных ограничений на переход долей к наследникам. В том случае если уставом предусмотрено получение согласия иных участников общества на переход долей к наследникам, то до учреждения ДУ необходимо испросить их согласие [1; 2, с. 35; 3, с. 90].

Автор соглашается с таким подходом: назначение и содержание ДУ долями диктуется их особым правовым режимом, при котором доля не только является имуществом, но также и удостоверяет права участия в управлении обществом. ДУ долями без возможности реализовывать корпоративные права лишено смысла. Однако некоторые исследователи оспаривают обоснованность такого подхода [4, с. 35; 5, с. 30; 6, с. 36].

Новеллой ГК РФ 2021 г. явилось прямое указание на то, что в ДДУ наследственным имуществом не указываются выгодоприобретатели. До этого условие о выгодоприобретателях являлось существенным (п. 1 ст. 1016 ГК РФ без учета п. 2 ст. 1026 ГК РФ). В случае, если в ДДУ были указаны не все наследники, то ДДУ признавался незаключенным [7].

После внесения изменений неочевидно, следует ли испрашивать согласие всех наследников для учреждения ДУ, либо достаточно лишь заявления одного из них [3, с. 40]. В судебной практике встречаются попытки оспаривания ДДУ по ст.ст.10, 168 ГК РФ [8]. Признание ДДУ незаключенным более не является надлежащим способом защиты.

Автор разделяет позицию, что ДУ может быть учреждено в отсутствие согласия всех наследников [9]. Неполучение согласия одного из них, особенно в ситуации конфликта личных интересов, не должно препятствовать целям охраны и управления наследственным имуществом, требующего непрерывного управления (п. 1 ст. 1173 ГК РФ).

В случае, если доверительный управляющий допускает нарушение своих фидуциарных обязанностей, оцениваемых в отношении наследственного имущества (либо воли наследодателя, но ни в коей мере не наследников [10, с. 31]), надлежащими способами защиты могут быть: расторжение ДДУ; оспаривание решения, принятого доверительным управляющим как действующим не в интересах охраны наследственного имущества; взыскание убытков в пользу наследников.

Библиографический список

1. Например: Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 14 марта 2006 г. № Ф08-635/2006 по делу № А53-2311/2005-С4-11; Постановление от 28 мая 2018 г. № 09АП-21981/2018 по делу № А40-6889/18; Постановление 6 ААС от 05.04.2019 № 06АП-234/2019 по делу № А04-6360/2017.

2. Ростовцева Н. В. Доверительное управление наследственным имуществом в виде доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / Н. В. Ростовцева, Д.А. Гулевская // Наследственное право. – 2017. – №. 1. – С. 34-40.

3. Доверительное управление наследственным имуществом / А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская [и др.]. – М. : Проспект, 2025. – 176 с.

4. Новоселова Л. А. Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью /Л.А. Новоселова // Хозяйство и право. – 2010. – №. 11. – С. 26-47.

5. Салей Е. А., Шуба Ю. А. Осуществление прав наследниками участника хозяйственного общества: доктрина и проблемы практической реализации и защиты / Е. А. Салей, Ю. А. Шуба // Право.by. – 2020. – № 1. – С. 27–32.

6. Гутников О. В. Доверительное управление долями и акциями, переходящими по наследству: проблемы определения полномочий / О. В. Гутников // Нотариус. – 2022. – №. 8. – С. 32 – 40.

7. Определение ВС РФ от 7 июля 2015 г. № 78-КГ15-7.

8. Постановление от 19 декабря 2023 г. № Ф06-11121/2023 по делу № А55-12321/2022.

9. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 марта 2021 г. по делу № 88-5799/2021; Апелляционное определение Московского областного суда от 26 января 2022 г. по делу № 33-3528/2022.

10. Михеева Л. Ю. Институт доверительного управления наследственной массой - что и почему меняем в нем / Л.Ю. Михеева // Закон. – 2017. – № 6. – С. 24–31.

УДК 347.453.1

ВТОРИЧНЫЙ ЛИЗИНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. А. Усович

учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преп. Г. И. Бухов

В статье рассматривается договор вторичного лизинга, который в настоящее время не предусмотрен белорусским законодательством. Обозначен ряд проблем, связанные с внедрением его в законодательство. Для их решения предложено внести изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Ключевые слова: лизинг; вторичный лизинг; повторный лизинг; аренда; финансовая аренда; лизинговая деятельность.

В условиях финансовой нестабильности, хронического недостатка средств для новых капитальных вложений, реконструкции и модернизации производства многие субъекты хозяйствования не могут представить гарантии банкам для обеспечения получаемых кредитов. Выход из этого положения субъекты хозяйствования могут найти, вступив в отношения лизинговой деятельности [1, с. 456].

Легальное понятие договора финансовой аренды (лизинга) нашло свое отражение в ч. 1 ст. 636 Гражданского кодекса Республики Беларусь. При этом в качестве разновидностей лизинга закреплены: финансовый лизинг, оперативный лизинг, возвратный лизинг, импортный лизинг, международный (межгосударственный) лизинг, экспортный лизинг и транзитный лизинг (п. 4 Правил осуществления лизинговой деятельности, утвержденных постановлением Правления Национального Банка от 18 августа 2014 г. № 526).

В мировой практике популярностью пользуется так называемый «вторичный лизинг», в рамках которого имущество, ранее приобретенное лизингодателем для передачи в лизинг и возвращенное ему лизингополучателем по прекратившему свое действие договору лизинга, не завершенному выкупом предмета лизинга, передается в лизинг новому лизингополучателю. В Республике Беларусь существует «запрет» на вторичный лизинг, который вытекает из содержания подп. 1.12 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2014 г. № 99 «О *вопросах регулирования лизинговой деятельности». Вместе с тем, данный запрет неочевиден, поскольку лизинг является видом аренды.*

Внедрение вторичного лизинга связано с некоторыми проблемами:

1. Отсутствие необходимого элемента модели лизинга – продавца, у которого имущество приобретается специально для лизингополучателя.

2. Ввиду отсутствия правового закрепления вторичного лизинга стороны могут прибегать к заключению иных договоров (купли-продажи и т.п.) с целью достижения того же результата, но более сложной цепью взаимосвязанных сделок. Подобные сделки имеют признаки «мнимых» и, кроме того, в меньшей степени защищают интересы лизингополучателя.

3. Сложность и субъективность оценки рыночной стоимости имущества, бывшего в употреблении, что также повышает риски для лизингодателя, особенно при установлении лизинговых платежей.

4. Риск нарушения лизингодателем процедуры изъятия имущества у первоначального лизингополучателя, что может привести к спорам и впоследствии судебным разбирательствам.

В течение 2021-2024 гг. происходила разработка проекта Закона «О лизинговой деятельности» (далее – законопроект), который призван создать правовую основу для внедрения вторичного лизинга в стране [2].

Следует согласиться, что закрепление вторичного лизинга будущим Законом обусловлено современными реалиями: лизинг более интересен предпринимателям ввиду снижения налоговой нагрузки и использования ускоренной амортизации. Помимо прочего, он позволит промышленным, сельскохозяйственным и транспортным предприятиям обновить производство, технику, расширить автопарк без чрезмерных затрат, повышая при этом конкурентоспособность [3]. Вместе с тем, по настоящее время упомянутый законопроект еще не принят.

С учетом вышеизложенного предлагаем дополнить Гражданский кодекс Республики Беларусь статьей 636^2 следующего содержания: «К отношениям по повторной передаче предмета лизинга, возвращенного лизингодателю вследствие прекращения, в том числе досрочного, или расторжения договора лизинга, во временное владение и пользование новому лизингополучателю на условиях лизинга, применяются правила настоящего параграфа, если иное не установлено законодательством».

Библиографический список

1. Гражданское право : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. – Т. 2. : учебник / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – 2010. – 960 с.

2. Вторичный лизинг в Беларуси: революция на финансовом рынке. – Минск, 2023. – URL: https://ringoleasing.by/vtorichnyj-lizing/ (дата обращения: 07.10.2025).

3. Будет ли развиваться в Беларуси вторичный лизинг. – Минск, 2023. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/budet-li-razvivatsya-v-belarusi-vtorichnyy-lizing/ (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 347.12

ПРИЗНАКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК КАТЕГОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

Д. В. Филимонов

магистрант 1 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. М. Вартанян

Исследуются понятие и признаки злоупотребления правом в гражданском праве Беларуси, их значение для разграничения правомерного и неправомерного поведения. Отмечена роль принципа добросовестности в судебной практике и теории гражданского права.

Ключевые слова: злоупотребление правом, признаки, субъективное право, добросовестность, правомерное поведение, гражданский оборот, правонарушение.

Проблема злоупотребления правом традиционно занимает значительное место в цивилистической науке, поскольку касается пределов осуществления субъективных прав и механизмов защиты интересов других участников оборота. В соответствии со ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причи-

нить вред другому лицу, а также иное злоупотребление правом. Тем самым закрепляется обязанность участников гражданских отношений действовать добросовестно и разумно.

В доктрине злоупотребление правом рассматривается как особая форма поведения, находящаяся на грани между правомерным и неправомерным. По мнению Е. А. Суханова, сущность злоупотребления правом заключается в использовании предоставленных законом возможностей вопреки их социальному назначению [1, с. 17]. Подобный подход разделяют и белорусские исследователи, подчёркивающие, что оценка добросовестности поведения должна основываться на объективных критериях – целях участника, последствиях его действий и соответствии ожиданиям другой стороны [2, с. 12].

К основным признакам злоупотребления правом относятся:

1) внешняя правомерность действий, выражающаяся в формальном соблюдении закона при фактическом нарушении его целей; 2) наличие вреда для контрагента или публичных интересов; 3) умышленный характер поведения, направленного на достижение противоправного результата; 4) отклонение от принципов добросовестности, разумности и справедливости, закреплённых в ст. 2 ГК.

Сдерживание злоупотреблений правом направлено не на ограничение субъективных прав как таковых, а на пресечение их использования вопреки их назначению. В этой связи Верховный Суд Республики Беларусь в обзорах судебной практики отмечает, что при разрешении споров необходимо исходить из принципа добросовестности и оценивать поведение сторон в совокупности фактических обстоятельств дела.

Злоупотребление правом не всегда тождественно правонарушению. Его противоправность проявляется не в буквальном нарушении закона, а в противоречии духу права и социальному назначению нормы. Тем самым данное явление занимает промежуточное положение между правомерным и неправомерным поведением. В зависимости от конкретных обстоятельств последствиями злоупотребления правом могут быть отказ в судебной защите, признание действий недействительными, прекращение или ограничение осуществления субъективного права без его лишения.

Современная тенденция развития гражданского законодательства и практики свидетельствует о возрастающей роли добросовестности как универсального критерия поведения субъектов. В контексте концепции устойчивого гражданского оборота добросовестность обеспечивает баланс частных и публичных интересов, укрепляет доверие между участниками и способствует развитию цивилизованных форм взаимодействия.

Таким образом, признаки злоупотребления правом являются важной научной и практической категорией, позволяющей разграничить пределы осуществления субъективных прав и повысить предсказуемость судебной практики. Формирование единого понимания этой категории в доктрине и практике будет способствовать укреплению принципов справедливости и правовой определённости в гражданском обороте.

Библиографический список

1. Суханов Е. А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 7–22.

2. Дробязко С. *Г.* Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Выбранныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта : у 7 т. – Мінск : БДУ, 2001. – Т. 3. – С. 9–24.

УДК 347.132:347.447.822(476)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ СДЕЛКИ

Д. С. Хамерман

студентка 2 курса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

Научный руководитель: ст. преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, магистр Н.А. Журович

В статье рассматривается понятие и особенности гражданско-правовых сделок в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Раскрывается значение устной и письменной формы сделок, приводятся их основные признаки, такие как волевой характер, правомерность и направленность на правовые последствия. Подчёркивается практическая роль сделок в повседневной жизни и значение правовой грамотности для защиты интересов граждан и организаций.

Ключевые слова: Гражданско-правовая сделка, Гражданский кодекс Республики Беларусь, устная форма сделки, письменная форма сделки, волевой характер, правомерность, правовые последствия.

Сделки – это фундамент нашей повседневности. На первый взгляд, наша жизнь кажется наполненной простыми действиями: купить хлеб, вызвать такси, оплатить интернет. Однако за каждым из этих привычных шагов скрывается гражданско-правовая сделка. От момента покупки продуктов до аренды жилья, от получения подарка до оформления кредита – мы ежедневно заключаем десятки соглашений, зачастую даже не осознавая этого. Эти невидимые договоренности, регулируемые законом, являются краеугольным камнем наших правоотношений, определяя наши права и обязанности в самых разных сферах жизни.

Согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [1, ст. 154].

Иными словами, когда две стороны договариваются о чём-то (например, купить-продать или подарить), они совершают сделку.

Закон выделяет несколько основных видов: одна-, двух- и многосторонняя сделка. Односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законодательством или соглашением сторон необходимо и достаточно выраже-

ния воли (действия) одной стороны. Для заключения двухсторонней или многосторонней сделки необходимо выражение согласованной воли (действий) двух сторон (двусторонняя сделка) либо трех или более сторон (многосторонняя сделка).

А также сделки в гражданском праве могут совершаться как в устной, так и в письменной форме. Устная сделка – это договорённость сторон без составления документа. Такая форма допускается, если законом прямо не установлено требование о письменной форме. Чаще всего устные сделки совершаются в повседневной жизни: покупка продуктов, заказ такси, мелкие услуги, которые исполняются сразу же в момент заключения. Несмотря на простоту, при споре доказать наличие устной сделки бывает сложнее, и тогда используются косвенные доказательства – свидетельские показания, переписка или чеки.

Письменная форма сделки предполагает закрепление воли сторон на бумаге или в электронном документе. Она обязательна в случаях, прямо предусмотренных законодательством, например при купле-продаже недвижимости, заключении договора аренды сроком более одного года или кредитного договора. Письменные сделки могут быть совершены в простой форме – когда стороны подписывают договор самостоятельно, либо в нотариальной — когда документ удостоверяется нотариусом. Нарушение письменной формы, установленной законом, может привести к тому, что сделку будет невозможно доказать в суде или она будет признана недействительной.

Немаловажными являются и признаки сделок. Главный признак, что сделка – это волевое действие, т. е. совершаемые волевые поступки гражданина или юридического лица, направленные на достижение определенной цели. В целом же сделка представляет собой определенный юридический факт, т. е. такой факт действительности, с наличием которого закон связывает соответствующие правомерные юридические последствия. Поскольку сделка является волевым действием, следовательно, она отличается от юридических фактов, именуемых событиями, которые происходят помимо воли людей (например, стихийные бедствия) [2, с. 204]. Второй важный признак – это правовые последствия. Сделка всегда направлена на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Если человек передал вещь без намерения породить юридические последствия (например, временно дал попользоваться предметом без договора и обязательств), то это уже не будет сделкой. Третий признак – правомерность. Сделка совершается только в рамках закона. Действия, противоречащие законодательству или нравственным основам общества, не могут считаться действительными сделками.

Таким образом, сделка отличается от других действий тем, что это всегда волевое и правомерное действие, нацеленное на возникновение юридически значимых последствий.

Гражданско-правовые сделки сопровождают нас ежедневно – от простых устных договорённостей до серьёзных письменных контрактов. Понимание их признаков, форм и условий действительности помогает каждому человеку осознанно заключать договоры, защищать свои интересы и избегать правовых рисков. Знание основ сделок – это элемент правовой грамотности, необходимый не только юристам, но и каждому, кто участвует в обычных жизненных отношениях.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: Одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. // ЭТАЛОН. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9800218. (дата обращения: 06.10.2025)

2. Колбасин Д. А. Гражданское право: учебник: в 2 ч. / Д.А. Колбасин; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Академия МВД, 2016.

УДК 4414

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОПРИНТИНГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Д. Хамицевич

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета

Научный руководитель: ст. преп. Т. В. Наумович

Биопринтинг представляет собой одно из наиболее перспективных направлений современной медицины. В данной статье рассматриваются основные этапы биопринтинга, направления развития, а также правовые аспекты использования биопринтинга в Республике Беларусь.

Ключевые слова: биопринтинг; 3d биопечать; трансплантация; технология; правовые аспекты.

Биопринтинг (также 3d биопечать) — это технология, которая использует живые клетки и биоматериалы, и, благодаря трёхмерному моделированию и послойной печати, создаёт ткани и внутренние органы [1, с. 17]. На данный момент биопринтинг является одной из самых развиваемых технологий в мире: он позволяет создавать ткани и органы для конкретного пациента, а значит, снизить время ожидания органа или ткани для трансплантации и риски, связанные с отторжением трансплантата.

Процесс биопечати состоит из нескольких этапов. Первый этап — это создание трёхмерной модели необходимого органа. Вторым этапом является подбор «чернил» для печати. Их создают из гидрогелей и живых клеток. Третий этап — печать ткани и перемещение её в специальный инкубатор, который позволяет ткани развиться до необходимого уровня [2, с. 2].

Биопринтинг можно использовать сразу в нескольких направлениях. Самое главное — печать тканей и органов для пересадок. Тем не менее, трансплантация не является единственным, что можно создать с помощью биопринтинга. Напечатанные ткани и органы можно использовать в учебных целях в медицинских заведениях, их можно подвергать лабораторным опытам для тестирования новых медикаментов, изучения заболеваний. Технология также позволит создавать персонализированные протезы и имплантаты.

Несмотря на то, что уже есть случаи удачных трансплантаций, до полноценного использования биопринтинга ещё далеко. Тем не менее, уже существуют

определённые правовые и этические проблемы, которые следует решить перед введением технологии в эксплуатацию.

Ввиду отсутствия биопринтинга как используемой технологии в Республике Беларусь, отсутствуют и нормы законодательства, регулирующие правовой статус участников. При привычной нам донации крови есть два субъекта: донор и реципиент. Закон Республики Беларусь от 30 ноября 2010 г. № 197-З «О донорстве крови и её компонентов» закрепляет права, обязанности и гарантии доноров. При биопринтинге же донор и реципиент являются одним человеком, так как клетки для создания ткани берут у пациента, которому требуется трансплантация. Соответственно, многие положения о донорах, уже существующие в законодательстве Республики Беларусь, не получится применить в случаях использования биопринтинга.

Также существует вопрос, могут ли органы и ткани, созданные при помощи технологии биопринтинга, использоваться в коммерческих целях. В Республике Беларусь действует Закон от 4 марта 1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека». В ст. 5 закреплено, что органы и (или) ткани человека не могут быть объектом гражданско-правовых сделок, за исключением сделок, носящих безвозмездный характер. Совершение возмездных сделок, а также реклама спроса и (или) предложений органов и (или) тканей человека запрещаются.

Существуют разные взгляды на данный вопрос. Однако, несмотря на то, что для печати тканей как ресурс используются человеческие клетки, многие склоняются к тому, что итоговый продукт нельзя рассматривать как часть тела человека (по крайней мере, до трансплантации ткани) [3, с. 11-12]. Органы, созданные при помощи биопринтинга, отличаются от органов человека в первую очередь тем, что созданы не естественным путём, а искусственно. При этом существует также этическая сторона вопроса.

В связи с определёнными выше проблемами необходима разработка нового нормативного правового акта, который будет регулировать использование биопринтинга и закреплять статус участников.

Библиографический список

1. Медведев М. П., Фомина М. А. 3D-печать как новая эпоха в медицине //Новая наука: От идеи к результату. – 2016. – Т. 11. – №. 4. – С. 16-19.

2. Kantaros, A.; Ganetsos, T.; Petrescu, F.I.T.; Alysandratou, E. Bioprinting and Intellectual Property: Challenges, Opportunities, and the RoadAhead. Bioengineering2025,12, 76.

3. Kirillova A, Bushev S, Abubakirov A, et al., 2020, Bioethical and Legal Issues in 3D Bioprinting, Int J Bioprint, 6(3): 272. DOI: 10.18063/ijb.v6i3.272.

УДК 347.451

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. М. Чагина

соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
Научный руководитель: докт. юрид. наук, профессор РАН С. А. Синицын

Развитие электронной коммерции актуализирует вопрос совершенствования правового регулирования в данной сфере. В статье анализируется регулирование электронной торговли в праве России и Беларуси, выявляются направления гармонизации законодательства в данной сфере в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: электронная коммерция; гражданское право; защита прав потребителей; маркетплейсы; Союзное государство.

С развитием цифровых технологий всё большее число договоров заключается гражданами не обычным способом, а через сеть «Интернет», и доля онлайн-продаж неуклонно растет из года в год. Развитие электронной коммерции привело к появлению новых субъектов – владельцев маркетплейсов, то есть сайтов в сети «Интернет» или программ для ЭВМ, которые позволяют одновременно большому числу продавцов разместить информацию о себе и о предлагаемых товарах, а покупателям – выбрать подходящий товар и заключить дистанционно договор купли-продажи с конкретным продавцом, а также оплатить товар. В российском праве такие субъекты называются владельцами агрегаторов информации о товарах (преамбула Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», далее – Закон РФ «О защите прав потребителей»), а праве Республики Беларусь – владельцами интернет-площадки (п. 2 Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 января 2009 г. № 31). Такого рода субъекты по своей сути выполняют роль посредника между продавцом и гражданином-потребителем, позволяя им обмениваться информацией, на что указывается в литературе [1, с. 127]

Однако нельзя сказать, что функция таких субъектов сводится чисто к информационному посредничеству. Если проанализировать положения договоров, которые заключают с продавцами наиболее известные в Российской Федерации и Республике Беларусь владельцы агрегаторов, такие как Ozon и Wildberries, то можно увидеть, что их функция намного шире. К примеру, из положений Договора для Продавцов товаров на Платформе Ozon следует, что Ozon обязуется, во-первых, за вознаграждение совершать за счёт продавца сделки, связанные с реализацией товаров продавца, во-вторых, за вознаграждение совершать за счёт продавца сделки с третьими лицами, которые привлекаются для исполнения отдельных обязательств, связанных с реализацией товаров продавца, в-третьих, также за плату оказывать продавцу ряд услуг. [2] Анализ условий Типового договора, заключаемого

платформой Wildberries с продавцами товаров, также показывает, что наряду с оказанием услуг информационного характера платформа также за вознаграждение обязуется от имени и за счет продавца совершать действия по заключению и исполнению договоров розничной купли-продажи, принимать оплату за товары и передавать полученные денежные средства продавцу, а также совершать некоторые иные действия. [3] При этом права и обязанности по договорам купли-продажи товаров, заключенным от имени продавца, возникают непосредственно у него. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что владельцы интернет-площадок по существу выполняют функцию не просто информационного посредника, а именно агента продавца. [4, с. 3-4] Также следует отметить, что и Ozon, и Wildberries также могут оказывать иные услуги, например, услуги по доставке и хранению товаров, в связи с чем они заключают договоры с иными лицами – перевозчиками, владельцами пунктов выдачи заказов. Это актуализирует вопрос регулирования правоотношений между всеми участниками отношений электронной коммерции.

Следует отметить, что на сегодняшний день законодательство и Российской Федерации, и Республики Беларусь большее внимание уделяет регулированию электронной коммерции в вопросах защиты прав граждан-потребителей. Принятый недавно в России Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», призванный урегулировать отношения владельцев агрегаторов с продавцами, владельцами пунктов выдачи заказов и иными участниками рынка, пока что не вступил в законную силу, в связи с чем оценить его регулирующее воздействие представляется затруднительным. В Беларуси также делаются шаги в направлении урегулирования данного вопроса, в частности, разработан и проходит общественное обсуждение проект Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию государственного регулирования потребительского рынка», которым устанавливаются особенности регулирования взаимоотношений владельцев интернет-площадок с продавцами. [5] Однако в настоящее время наиболее урегулированными являются именно правоотношения с участием потребителей.

Так, Закон РФ «О защите прав потребителей» определяет обязанности владельца агрегатора информации о товарах по предоставлению информации потребителю (статьи 9 и 10) и ответственности за ее ненадлежащее исполнение (статья 12), а также в определенной степени регулирует права и обязанности владельца агрегатора по приему и возврату платежей за товар (пункты 2.2-2.3 статьи 12, статья 16.1). То же можно сказать и о регулировании деятельности интернет-площадок в Республике Беларусь (п. 14 Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли). Однако уже в данной сфере можно обнаружить разницу в подходах.

Так, российское законодательство предъявляет к владельцу агрегатора информации о товарах требования по предоставлению потребителю информации как о себе и продавце: сведения о наименовании или имени, месте нахождения (адресе), сведения о государственной регистрации юридического лица либо индивидуального предпринимателя и т.д. (статья 9 Закона РФ «О защите прав потребителей») – так и о реализуемом продавцом товаре (статья 10 Закона РФ «О защите прав

потребителей»). Аналогичные требования установлены в законодательстве Республики Беларусь (пункты 10 и 14 (подпункт 14.2) Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли). Данные требования во многом схожи. Однако есть и различия.

Во-первых, белорусский законодатель, в отличие от российского, конкретизирует, что вся названная выше информация должна быть доведена до сведения гражданина-потребителя именно до момента заключения договора (пункт 10 Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли), что гораздо более полно отвечает целям информирования потребителей., которое, как отмечают ученые призвано предоставить гражданину полноценную возможность свободно выбрать товар, понимая все его позитивные и негативные стороны. [6, с. 121].

Во-вторых, в России непосредственно законом регулируется распределение ответственности между владельцем агрегатора информации о товарах и продавцом за предоставление потребителю недостоверной информации. Так, по общему правилу владелец агрегатора во всех случаях отвечает за ненадлежащее информирование потребителя о себе и контрагенте (абзац первый пункта 2.1 статьи 12 Закона РФ «О защите прав потребителей») и обязан возместить потребителю убытки, причиненные ненадлежащим информированием. В свою очередь ответственность владельца агрегатора за сообщение потребителю неполной или недостоверной информации о товаре носит ограниченный характер и по сути наступает только в случае, когда в договоре между продавцом и владельцем агрегатора отсутствует оговорка о том, что последний не изменяет информацию о товаре, которую ему предоставляет продавец. В литературе такое положение вещей подвергается обоснованной критике, поскольку приводит к недостаточной защищенности потребителя в ситуации, когда он не может получить информацию о товаре иначе как через посредника – владельца агрегатора. [7] В российском законе на сегодняшний день отсутствуют требования по проверке владельцем агрегатора размещаемой информации о товаре на предмет соответствия требованиям законодательства, в том числе Закона РФ «О защите прав потребителей», что приводит к абсурдной ситуации, когда при размещении продавцом так называемой карточки товара без указания всей информации, которая необходимо в соответствии со статьей 10 Закона РФ «О защите прав потребителей», владелец агрегатора может избежать ответственности со ссылкой на то, что по договору с продавцом у него отсутствует обязанность по проверке и изменению таких сведений. И только после вступления в силу Федерального закона «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» у владельцев агрегаторов появится право (но не обязанность) прекратить размещение предложения о продаже товара в целях обеспечения соблюдения требований, установленных законодательством (статья 13).

В законодательстве Республики Беларусь избран более гибкий и, как представляется, более оптимальный подход: согласно подпункту 14.3 Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли на владельца интернет-площадки возлагается обязанность по разработке правил площадки, которые включают в том числе распределение обязанностей между ним и продавцом (исполнителем) в том числе в вопросах ответственности перед потребителем. При этом в

соответствии с подпунктом 14.6 владелец интернет-площадки обязан также принимать меры по соблюдению продавцами требований законодательства в области торговли, а также в сфере защиты прав потребителей. Это, как представляется, делает невозможным включение в правила площадки положений, исключающих ответственность владельца площадки в случае предоставления неполной информации о товаре – то есть не всей информации, предоставление которой обязательно по закону – поскольку он обязан следить за соблюдением продавцами требований законодательства о защите прав потребителей. Данная формулировка не исключает также возложение на владельца интернет-площадки обязанностей в том числе по контролю достоверностью предоставляемой информации о товаре. [8, с. 138] Помимо этого правила, разрабатываемые владельцем интернет-площадки, должны также включать положения о порядке подачи потребителем обращений о нарушении его прав и получения ответа на них, а также срок их рассмотрения, чему коррелирует обязанность содействовать покупателю в защите им своих нарушенных прав (подпункт 14.3). В российском законодательстве на владельца агрегатора информации о товарах обязанностей по обеспечению возможности потребителю подать жалобу на нарушение своих прав напрямую не возлагается, что можно расценить как пробел в правовом регулировании.

В целом несмотря на то, что законодательство Республики Беларусь предполагает, что в значительной мере взаимоотношения владельца интернет-площадки и продавцов регулируются правилами такой площадки, рамочные требования, устанавливаемые законодателем, оказываются достаточно детализированными, чтобы обеспечить гарантии защиты прав потребителей, а не только обеспечение интересов хозяйствующих субъектов. Данный опыт может послужить ориентиром для дальнейшего совершенствования законодательства Российской Федерации. С учетом того, что в соответствии со статьей 20 Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» страны создают единое экономическое пространство, единый подход к регулировании электронной коммерции, в том числе в части обеспечения равных гарантий прав граждан-потребителей, является важным для достижения целей интеграции.

Библиографический список

1. Потапенко С. В. Товарные агрегаторы как информационные посредники в электронной коммерции / С. В. Потапенко, С. С. Сметанникова // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 3. – С. 127–130.

2. Договор для Продавцов товаров на Платформе Ozon – URL: https://seller-edu.ozon.ru/contract-for-sellers/contract-goods/contract-for-sell-goods-on-ozon#1

3. Оферта о реализации товара на сайте Wildberries – URL: https://static-basket-02.wbbasket.ru/vol20/offers/prd/product/68/fd80d959-87b3-4e13-b488-ae98f091a50c.pdf

4. Чагина Е. М. Права и обязанности владельца агрегатора информации о товарах и услугах в отношениях с потребителем // Юридические исследования. – 2025. – № 1. – С. 1–13.

5. Проект Указа Президента Республики Беларусь «О мерах по совершенствованию гсоударственного регулирования потребительского рынка» – URL: https://forumpravo.by/files/Proekt_Ukaz_rynok_25.06.21.pdf?ysclid=mglbt82gog304809470

6. Горупа Т. А. Особенности защиты отдельных прав потребителей в сфере электронной торговли: теоретические и прикладные аспекты / Т. А. Горупа, П. А. Андреюк // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2023. – № 3. – С. 117–128.

7. Гутников О. В. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли / О.В. Гутников, Е.М. Чагина // Право и бизнес. – 2023. – № 4. – С. 8–15.

8. Чагина Е. М. Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителей в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: к вопросу о гармонизации / Е. М. Чагина, Э. Н. Ларин // Право и политика. – 2024. – № 9. – С. 130–144.

УДК: 347

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

А. Д. Шашков

курсант 2 курса следственно-экспертного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук А. В. Иванов

В рамках настоящего исследования осуществлен анализ искусственного интеллекта с позиций констатации такового в качестве объекта гражданских прав. Результаты настоящего исследования станут составной частью знания, которой послужит основой для дальнейшего изучения проблем использования искусственного интеллекта. Выявлены возможные направления совершенствования законодательства в сфере использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; авторство; автор; авторские права; объект гражданских прав.

Искусственный интеллект повсеместно внедряется в нашу жизнь. В современных реалиях нередко приходится видеть новостные сводки о том, как искусственный интеллект постепенно вливается в медицину, образование и даже искусство. В белорусском законодательстве точного определения искусственного интеллекта не дано. Однако данная сфера активно развивается у наших соседей, так российское законодательство определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1]. Хотя данное определение даёт косвенное понятие того, что такое искусственный интеллект, для понимания всего масштаба проблемы искусственного интеллекта в гражданском праве требуется хотя бы поверхностное знание об особенностях его функционирования. Так, искусственный интеллект в своей основе берёт знания из заранее загруженной в него базы данных, взятой из открытых источников, это могут быть: научные статьи, изображения, книги. И уже на основании ранее полученной информации и запроса пользователя он выдаёт компилированный ответ, основанный на одном, двух и более источниках. С этого момента и возникает одна из главных

проблем искусственного интеллекта, так как материалы, производимые им, не являются продуктом мышления, а лишь набором информации, полученной путём анализа источников.

Вопрос о правомерности использования в коммерческих целях материалов, сгенерированных искусственным интеллектом, стоит остро. К примеру, если лицо задаст команду искусственному интеллекту изобразить картину И. И. Шишкина и К. А. Савицкого «Утро в сосновом лесу», то он получит не саму картину, а изображение, которое своей задумкой и идей схоже на известное произведение искусства. Однако если лицо начнёт использовать это изображение в коммерческих целях, например, напечатает его на обложке тетради и начнёт её продавать – будет ли это нарушением авторского права? Так, в данном случае изображение произведено не человеком, а таковое лишь напоминает произведение художников. В этом вопросе стоит обратиться к закону. В белорусском законодательстве объекты интеллектуальной собственности охраняются Гражданским кодексом Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). Согласно ст. 980 ГК Республики Беларусь объектами интеллектуальной собственности являются результаты интеллектуальной деятельности. Однако прямого определения результата интеллектуальной деятельности в законодательстве нет. Обычно под ними понимаются нематериальные объекты (идеи, образы, символы), существующие в сознании их создателей. Поскольку сознание присуще только человеку, автор настоящего исследования полагает, что искусственный интеллект не попадает под эту норму и для решения этого вопроса необходимы кардинальные решения. Таким образом, для регулирования настоящей проблемы необходимы изменения и дополнения законодательства. Наделять правосубъектностью искусственный интеллект, как считают некоторые учёные [2], видится нецелесообразным, так как деликтоспособностью искусственный интеллект по своей структуре обладать не может. Представляется возможным вынести суждение, что компиляция текста или изображения не будет чем–то новым, соответственно искусственный интеллект не может быть субъектом авторского права. А наделять программистов, написавших код или создавших базу данных, соответствующими правами видится неверным, так как к прямому процессу компиляции они отношения не имеют. Верным будет придерживаться позиции о принципиальной неохраноспособности произведений, созданных искусственным интеллектом. К примеру, во многих зарубежных законодательных актах искусственный интеллект не признается субъектом авторских прав. Так, британский законодатель определяет правообладателем лицо, предпринявшее меры по генерации материала. В § 178 Закона Великобритании «Об авторских правах, промышленных образцах и патентах» указано, что «произведения, сгенерированные компьютером, представляют собой такие объекты, автором которых является не человек». В § 9 данного акта закреплено, что «в случае создания литературного, драматического, музыкального или художественного произведения с помощью компьютера автором считается лицо, с помощью которого осуществляются мероприятия, необходимые для создания произведения».

Таким образом, в вопросе регулирования материалов, произведённых искусственным интеллектом, видится необходимым внедрение в законодательство термина «искусственный интеллект», который будет определять его статус в праве.

Удачным в данной связи видится опыт российского законодателя, так как таковым сформировано соответствующее определение. Однако Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» видится нецелесообразным всецело полностью брать за основу при совершенствовании отечественного законодательства в области оборота искусственного интеллекта, так как в таковом лишь определяется тенденции развития искусственного интеллекта в России, а вопросы регулирования создаваемых искусственным интеллектом объектов нуждаются в дополнительном нормативном закреплении. В рамках гражданского законодательства Республики Беларусь необходима самостоятельная разработка законодательного акта, который будет регулировать правомерность использования искусственного интеллекта при создании объектов интеллектуальной собственности, в том числе в преломлении возможности включения таковых объектов в гражданский оборот.

Библиографический список

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.10.2019. – № 41. – ст. 5700.

2. Bridy A. Coding Creativity: Copyrightand the Artificially Intelligent Author / A. Bridy [электронный ресурс]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228184682_Coding_Creativity_Copyright_and_the_Artificially_Intelligent_Author (дата обращения: 09.10.2025).

347.451.031.33

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ НА ТОРГОВЫХ ОНЛАЙН-ПЛОЩАДКАХ

К. Е. Юнец

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. Т. В. Наумович

Настоящая статья освещает вопросы защиты прав потребителей на торговых интернет-платформах. В ней рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются покупатели, приобретающие товары на маркетплейсах, а также методы защиты их прав и вопросы правового регулирования.

Ключевые слова: торговые интернет-площадки (маркетплейсы), защита прав потребителей, интернет-магазин, «Честный знак», онлайн-продажи.

Ежегодно наблюдается тенденция преимущественного приобретения товаров через онлайн-площадки. Маркетплейсы дают возможность приобретать необходимое, не выходя из дома.

Несмотря на возрастающую с каждым днем роль онлайн-торговли, правовое регулирование маркетплейсов только начинает набирать обороты. В Законе от 08.01.2014 (с изм. и доп. от 07.03.2024) «О государственном регулировании тор-

говли и общественного питания» дается определение понятию «интернет-магазин» и перечисляются требования к осуществлению торговли с использованием сети Интернет. Однако вопрос о правовом регулировании онлайн-продаж требует более детальной проработки и комплексного подхода.

Владельцы интернет-площадок, занимая доминирующее положение на рынке, не несут соразмерной ответственности за достоверность информации о реализуемых товарах, их составе и качестве. Как пример, можно рассмотреть ситуацию, в которую попал потребитель. 20.04.2025 года гражданкой Т. были куплены кроссовки на интернет-площадке Wildberries. Через два дня носки на обеих кроссовках появились следы клея практически по всему краю соединения с подошвой. Сразу 22.04.2025 года был оформлен возврат, однако, несмотря на очевидность брака, 08.05.2025 в возврате товара отказали. Только после 7 оформленных возвратов на данный товар, продавец удовлетворил требования гражданки Т. и вернул деньги за некачественный продукт. Маркетплейсы не являются продавцами в полном смысле слова, а выступают лишь посредником между продавцом и покупателем. Однако они должны активно способствовать разрешению возникающих по поводу нарушения прав потребителей вопросов.

Одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются покупатели в интернет-торговле, является отсутствие полного описания товаров, что противоречит положениям статьи 7 Закона «О защите прав потребителей». Отсутствие необходимой информации о составе товаров, особенно в случае с косметическими средствами и продуктами, предназначенными для питания, может привести к негативным последствиям для здоровья потребителей, таким как аллергические реакции. Для решения данной проблемы предлагается внедрить систему мониторинга жалоб потребителей на неполное описание товаров. В случае выявления систематических нарушений в предоставлении информации о составе товаров, маркетплейсы могут рассмотреть возможность ограничения или полного запрета продажи продукции таких производителей на своей платформе.

Еще одна проблема, требующая внимания, – продажа подделок. По данным Национальной системы цифровой маркировки товаров РФ «Честный знак», призванной защищать потребителей от нелегальной продукции, с января по сентябрь 2025 года было выявлено более 50 млн нарушений, связанных с продажей товаров с признаками подделки. Центр развития перспективных технологий, для предотвращения продажи контрафактов, работает с наиболее масштабными торговыми онлайн-платформами, такими как Wildberries, Ozon, lamoda и еще 6. За период с 2024 по 2025 год указанными маркетплейсами было предоставлено более 4 тыс. жалоб от потребителей.

Таким образом, необходимо усилить меры (насколько это возможно) по сближению онлайн-платформ и традиционных офлайн-магазинов в части соблюдения прав потребителей. Это позволит обеспечить распределение ответственности между владельцем маркетплейса, продавцом и покупателем, что, в свою очередь, повысит прозрачность и надёжность сделок в электронной коммерции.

Библиографический список

1. Маркетплейсы обяжут защищать потребителей [сайт] // ibMedia.by. – URL: https://ibmedia.by/news/marketplejsy-obyazhut-zashhishhat-potrebitelej/ (дата обращения: 08.10.2025).

2. «Честный знак» обнаружил 50 млн нарушений на маркетплейсах в 2025 году [сайт] // Secrets.tbank.ru. – URL: https://secrets.tbank.ru/novosti/narusheniya-markirovki-na-marletpleysah/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения: 09.10.2025).

СЕКЦИЯ IX.
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

УДК 347.77/78 (476)

БЛОКЧЕЙН КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Д. В. Беспалая

аспирант факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. С. Лосев

В данной статье автором рассматривается использование блокчейн-технологии как альтернативного механизма защиты личных неимущественных прав и перспективы ее использования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: авторское право; защита прав; блокчейн.

В настоящее время стремительное развитие цифровых технологий, а в особенности сети Интернет, вынуждает адаптировать существующие подходы к регулированию авторского права. Появление новых объектов права, размещение произведений в цифровом пространстве побуждают искать альтернативные способы защиты своих прав.

Одним из проблемных аспектов защиты авторского права в Интернете, является трудность доказывания авторства на то или иное произведение. Данный факт обуславливается тем, что согласно белорусскому законодательству, авторское право на любое произведение возникает из самого факта его создания и не требует прохождение специальной процедуры регистрации или депонирования, что делает процесс определения, кто же является автором произведения довольно трудным. Данный фактор вынуждает правообладателей обращаться к новым и альтернативным способам защиты прав [1].

В настоящее время, помимо существующего юридического механизма и простых технических мер (например, водяных знаков или ограничение возможности копирования), популярность набирает блокчейн, как метод защиты личных неимущественных прав правообладателей.

Блокчейн (от англ. «block» – блок, «chain» – цепочка) представляет собой «выстроенную на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в такой системе операциях» (п. 8 Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики»). Отличительными чертами блокчейна являются публичный и децентрализованный характер хранения данных, достоверность и безопасность [2].

Принцип работы блокчейн-систем (например, Ascribe, Po.et, Verisart, Mediachain), используемых для защиты прав прост: информацию о личности автора и существовании произведения в определенный момент времени записыва-

ется специальный хеш (закодированная цепочка обозначений). Далее хеш привязывается к остальным, создавая «блок данных», который также хешируется, и совокупность таких хешей создает новый «блок данных». Таким образом, в каждом блоке имеется ссылка на хеш предыдущего блока, что в итоге образует криптографически взаимосвязанную цепочку. Любое изменение ранее созданного блока невозможно, так как приводит к разрыву цепочки, поскольку ссылка на хеш этого блока в последующих блоках станет недействительной, исключает возможность изменения данных о личности автора, а также, что наиболее важно, а временном моменте фиксирования произведения [3].

Таким образом, блокчейн является довольно перспективной технической мерой, которая может быть использована правообладателями не только в качестве альтернативной меры защиты своих личных неимущественных прав, но и одним из способов доказывания в случае судебного процесса. Однако, в настоящее время для ее эффективного применения в Республике Беларусь, необходимо разработать специальные нормы, которые бы регламентировали и узаконили использования данной технологии в сфере защиты авторских прав.

Библиографические ссылки

1. Ипатова О.В. Перспективы защиты авторских прав с помощью блокчейна и NFT // ilex : информ. правовая система. URL: https://ilex.by/perspektivy-zashhity-avtorskih-prav-s-pomoshhyu-blokchejna-i-nft/ (дата обращения: 09.10.2025).

2. Березнёв Р.Ю. Актуальные проблемы правового регулирования отношений, связанных с использованием блокчейна // Право современной Беларуси: истоки, достижения и перспективы. URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2021/aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-otnosheniy-svyazannykh-s-ispolzovaniem-blokcheyna/ (дата обращения: 09.10.2025).

3. Роуз Э. Блокчейн: оптимизация процесса регистрации прав ИС и укрепление охраны незарегистрированных прав ИС // Журнал ВОИС. URL: https://www.wipo.int/ru/web/wipo-magazine/articles/blockchain-transforming-the-registration-of-ip-rights-and-strengthening-the-protection-of-unregistered-ip-rights-55817 (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 347.89

ИНТЕРНЕТ-ВЕЩАНИЕ КАК ОБЪЕКТ СМЕЖНЫХ ПРАВ

К. О. Горун

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преподаватель Ю. В. Урбанович

Рассмотрены правовые аспекты интернет-вещания как новой формы распространения аудиовизуального контента в Республике Беларусь. Анализируется действующее законодательство, регулирующее смежные права и деятельность организаций эфирного и кабельного вещания. Отмечается отсутствие в национальном праве определения интернет-вещания и правового статуса интернет-платформ, что создает пробел в регулировании цифрового медиапространства.

Ключевые слова: объект смежных прав; интернет-вещание; эфирное вещание; кабельное вещание; трансляция.

В XXI веке Интернет стал основным каналом распространения аудиовизуального контента. На смену классическим формам эфирного и кабельного вещания приходят цифровые платформы: IPTV, OTT-сервисы, стриминговые площадки (YouTube, Twitch, Megogo, Voka, Кинопоиск и др.).

Эти сервисы функционируют как новые формы интернет-вещания, обеспечивающие пользователям доступ к телерадиопрограммам в режиме онлайн.

В соответствии со ст. 1 Закона от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) смежные права распространяются на исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного или кабельного вещания.

Организация эфирного или кабельного вещания – юридическое лицо, самостоятельно определяющее содержание передачи организации эфирного или кабельного вещания и осуществляющее ее трансляцию в эфир или по кабелю своими силами либо с помощью третьих лиц .

В действующем законодательстве Республики Беларусь понятие интернет-вещания не закреплено. Закон апеллирует лишь категориями «эфирное» и «кабельное» вещание.

Передачей организации эфирного или кабельного вещания является передача в эфир или передача по кабелю звуков и (или) изображений для приема публикой, осуществляемые организацией эфирного или кабельного вещания или по ее заказу и за счет ее средств другой организацией. Передача без использования провода и кабеля кодированных сигналов является передачей в эфир, если средства декодирования предоставляются публике организацией эфирного вещания или с ее согласия.

Передача в эфир (эфирное вещание) – передача без использования провода и кабеля звуков и (или) изображений для приема публикой, включая передачу через спутник.

Передача по кабелю (кабельное вещание) – передача по проводам, радиочастотному или оптическому кабелю звуков и (или) изображений для приема публикой, включая трансляцию телепрограмм в системах кабельного телевидения и трансляцию радиопрограмм посредством проводных линий.

Обратимся к Закону «О средствах массовой информации. В ст. 1 закреплено понятие сетевого издания, интернет-ресурса. Однако отсутствует упоминание платформ, осуществляющих вещание во всемирной сети.

Стоит отметить, что в ст. 2 проекта Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности от 4 марта 2022 г. понятие «вещательная организация» включает публичную трансляцию любыми средствами несущего программу сигнала, включая монтаж и составление сетки вещания программ, переносимых сигналом. В пояснении к вышеупомянутой статье предлагается не исключать «трансляцию через компьютерные сети» из понятия «передача в эфир» с тем, чтобы со всей ясностью заявить, что на трансляцию средствами информационных и коммуникационных технологий (далее – ИКТ) может распространяться такой же правовой режим, как и на передачу в эфир. Трансляция несущих программу сигналов

через ИКТ дает такой же результат, как и передача в эфир в традиционном смысле. Объектом охраны по Договору является трансляция несущего программу сигнала, который и является передачей. Кроме того, термин «передача» в проекте текста не используется [1].

Указанное создает правовой пробел: интернет-вещание фактически осуществляется, но его статус как объекта правовой охраны и субъекта правовых отношений в Республике Беларусь остается неурегулированным.

В связи с вышеизложенным предлагаем:

– уточнить статус интернет-вещателей; объектов смежных прав, распространив их действие на трансляции, осуществляемые через интернет;

– гармонизировать национальный нормы с международными стандартами посредством внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» путем закрепления понятия «интернет-вещание» как формы цифрового распространения аудиовизуального контента:

Передача в сеть интернет (интернет-вещание) – распространение звуков и (или) изображений для публичного приема посредством информационно-коммуникационных сетей (в том числе сети Интернет), осуществляемое в режиме онлайн.

Внесение данных изменений и дополнений, по нашему мнению, будет способствовать совершенствованию правоприменительной практики и устранению пробелов.

Библиографические ссылки

1. Пересмотренный проект текста Договора ВОИС о вещательных организациях // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_42/sccr_42_3.docx (дата обращения: 02.12.2025).

УДК 347.77/.78:339.13

ПОНЯТИЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Т. С. Гусева

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

Статья посвящена исследованию понятия коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в Республике Беларусь. Рассматривается важность эффективной коммерциализации объектов интеллектуальной собственности для обеспечения конкурентоспособности в современных политических и экономических условиях страны.

Ключевые слова: коммерциализация; интеллектуальная собственность; объекты интеллектуальной собственности; экономика; инновация.

Инновационное развитие можно определить как экономический рост хозяйствующего субъекта на основе разработки и реализации новых или улучшающих технологий.

Прежде всего, следует говорить о внедрении инноваций. Это может происходить на коммерческой основе. В таком случае происходит процесс, который принято называть коммерциализацией.

Коммерциализация объектов интеллектуальной собственности – введение в гражданский оборот и (или) использование для собственных нужд объектов интеллектуальной собственности или товаров (работ, услуг), созданных (выполняемых, оказываемых) с применением данных объектов, в целях получения экономического и (или) социального эффектов.

Есть такие варианты коммерциализации объектов интеллектуальной собственности:

– применение их в собственном производстве предприятия;

– введение в гражданский оборот путем предоставления исключительных прав третьим лицам по гражданско-правовым договорам.

В первом случае речь идет об изготовлении, применении, хранении, предложении к продаже продукта, в котором применено изобретение, устройства, в котором применена полезная модель, изделия, содержащего промышленный образец. Такой способ долго окупается, но правообладатель полностью контролирует использование продукта.

При втором способе патентообладатель передает исключительное право по договору уступки исключительного права в полном объеме второй стороне либо предоставляет право использовать изобретение, иной патентуемый объект или товарный знак по лицензионному договору. Этот способ быстро окупается, уровень риска низкий. С другой стороны, передача своего бренда или технического решения может привести к недополучению потенциального дохода, вынужденному уходу с рынка из-за усиления позиции конкурента [1, с. 48].

Распорядиться исключительным правом можно и по договору франчайзинга: юридическое лицо предоставляет пользователю право использовать свое фирменное наименование, нераскрытую информацию, а также передает свои знания и опыт предпринимательской деятельности, оказывает консультативную и техническую помощь. Правообладатель вправе контролировать качество выпускаемой продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг в период действия договора. В лицензионный комплекс кроме фирменного наименования и нераскрытой информации могут входить права на иные объекты интеллектуальной собственности.

Среди проблемных моментов – самостоятельное создание и использование объектов интеллектуальной собственности внутри предприятий. Субъекты в таком случае должны выбирать стратегию правовой охраны разработок: в качестве секрета производства или патентуемого объекта. Чтобы решить этот вопрос, нужно учитывать, доступна ли патентная охрана для объекта с точки зрения его природы, требований законодательства, затраты на получение и поддержание охраны, возможность осуществления контроля [1, с. 50].

Прежде, чем принять решение, рекомендуем провести патентное исследование.

Неиспользуемый механизм коммерциализации прав – кредитование под залог имущественных прав на объект интеллектуальной собственности. Эта проблема комплексная: права на интеллектуальные объекты сложно оценить; банковская система не готова выдавать денежные средства под залог таких прав.

Библиографические ссылки

1. Арсенова Е.В. Инструменты коммерциализации инноваций: эмпирическое исследование рынка FMCG // Эффективное антикризисное управление. 2017. № 4 (103). С. 42–51.

УДК 347.77

ФОРМА И РЕГИСТРАЦИЯ ДОГОВОРА КОМПЛЕКСНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ЛИЦЕНЗИИ (ФРАНЧАЙЗИНГА) В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. Б. Донскова

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Свадковская

В статье рассматриваются особенности правового регулирования договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь, включая требования к его форме и государственной регистрации. Подчеркивается, что несоблюдение письменной формы и отсутствие регистрации влечет недействительность договора. Обосновывается необходимость закрепления обязательной регистрации договоров субфранчайзинга и сублицензий, а также изменений и их расторжения, с целью повышения правовой определенности и защиты интересов сторон.

Ключевые слова: франчайзинг; договор комплексной предпринимательской лицензии; регистрация договора; письменная форма договора; субфранчайзинг.

Договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) (далее – договор франчайзинга), регулируемый главой 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), представляет собой соглашение, по которому правообладатель за вознаграждение предоставляет пользователю лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя.

Согласно статье 910^1 ГК, договор франчайзинга, подлежит обязательному оформлению в письменной форме. Данное требование носит императивный характер, а его несоблюдение влечет признание договора ничтожным, исключая возможность заключения сделки в устной форме. Можем предположить, что данное требование, относительно формы договора, может быть связано с субъектным составом договорных правоотношений. Когда договор франчайзинга заключается

без соблюдения письменной формы, это создает правовую неопределенность. В таких условиях одна из сторон может воспользоваться отсутствием документального подтверждения условий сделки в своих интересах.

Кроме того, что договор франчайзинга должен быть заключен в письменной форме, он также должен быть зарегистрирован в государственном патентном органе – Национальном центре интеллектуальной собственности (НЦИС). При отсутствии регистрации в патентном органе Республики Беларусь договор считается недействительным. Можно сделать вывод, что в силу п.1 ст.165 ГК такой договор не повлечет правовых последствий [1, с. 24]. А также по общим правилам гражданского права, в соответствии с п. 3, ст. 403 ГК договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным с момента его регистрации.

В правоприменительной практике следует учитывать, что предмет договора франчайзинга – лицензионный комплекс, который помимо фирменного наименования и нераскрытой информации может включать в себя право использования других объектов интеллектуальной собственности [2, с. 22]. Следовательно, в отношении этих договоров применяется условие о вступлении в силу с момента регистрации и последствия в виде признания недействительными.

В продолжение анализа действующего регулирования, хочется упомянуть ч. 1 п. 6 ст. 987 ГК в которой установлено, что к сублицензионным договорам применяются нормы, регулирующие лицензионные договоры, что способствует унификации правоприменения. В связи с этим актуальным представляется введение обязательной регистрации расторжения таких договоров как самостоятельной административной процедуры, а также закрепление в нормативных актах требования о регистрации договоров субфранчайзинга и сублицензий, включая их изменение и прекращение [1, с. 23].

Учитывая, что франчайзинг как явление перспективен и широко распространен как в мире, так и в нашей стране, следует отметить, что назрела необходимость принятия возможных мер и рекомендаций, нормативных правовых актов, нацеленных на развитие и укрепление позиций договоров франчайзинга.

Библиографические ссылки

1. Ландо Д. Д. Правовые последствия отсутствия государственной регистрации договоров в патентном органе Республики Беларусь // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2024. С. 21 – 25.

2. Солоневич А. Проблемные вопросы регистрации договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) // Интеллектуальная собственность в Беларуси. № 4. 2020. С. 18 – 24.

УДК 347.785

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Н. Ю. Калинушкина

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

В работе рассматриваются правовые основания проведения экспертизы, квалификационные требования к экспертам, а также актуальные проблемы и перспективы развития данной области.

Ключевые слова: судебная экспертиза; авторское право; плагиат; экспертное заключение; защита авторских прав.

Процесс установления факта неправомерного использования в музыкальном произведении представляет собой комплексную задачу, требующую от эксперта не только больших знаний в области музыкальной теории и гармонии, но и применения специализированных методик анализа и сравнения музыкальных фрагментов.

В рамках судебного разбирательства, когда возникает необходимость в установлении оригинальности музыкального произведения, подтверждении авторства или выявлении признаков переработки, сторона, заинтересованная в исходе дела, вправе привлечь экспертов, обладающих специальными познаниями в области музыкальной теории, инструментоведения для проведения независимой экспертизы.

На основании результатов проведенного экспертного исследования, в случае установления факта нарушения авторских прав, заказчик имеет право обратиться в суд с исковым заявлением о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав, а также с требованием о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, включая, но не ограничиваясь, запретом на публичное исполнение или трансляцию спорного произведения. [1]

Одним из наиболее распространенных видов экспертных исследований является экспертиза аудиозаписей. Объектами экспертизы могут выступать различные типы аудиоматериалов, включая музыкальные произведения, песни, записи публичных выступлений, фонограммы и иные объекты, имеющие звуковую форму выражения.

Анализ представленных аудиозаписей может осуществляться экспертами различных специальностей, в зависимости от поставленных вопросов и целей исследования, включая искусствоведов, автороведов и специалистов в области фоноскопической экспертизы.

В отношении спорных аудиозаписей могут проводиться следующие виды экспертиз:

1. Фоноскопическая экспертиза. Данный вид экспертизы направлен на установление следующих обстоятельств: идентификация лица, голос и речь которого зафиксированы на аудиозаписи; установление подлинности и целостности аудиозаписи, включая выявление признаков монтажа или иных манипуляций с аудиоматериалом; установление дословного содержания зафиксированной речи, а также акустических характеристик звучания. Для проведения данного вида экспертизы предоставляется аудио- или видеозапись, являющаяся объектом исследования. В случае необходимости идентификации лица, дополнительно предоставляются сравнительные образцы голоса и речи, полученные в условиях, исключающих сомнения в их принадлежности конкретному лицу.

2. Автороведческая экспертиза. В качестве объектов автороведческой экспертизы, проводимой с целью выявления признаков неправомерного использования авторских прав или установления авторства произведения, могут выступать разнообразные формы выражения произведения. Экспертиза может быть направлена на идентификацию конкретного лица, являющегося автором текста произведения, либо на исключение определенных лиц из числа потенциальных авторов на основании анализа стилистических и лингвистических особенностей текста [2].

3. Искусствоведческая экспертиза. Проводится с целью установления наличия или отсутствия показаний возможности отнесения музыкального произведения к наследию того или иного автора, определения степени сохранности произведения, наличия или отсутствия реставрационных работ, определения принадлежности к определенному периоду времени, а также ответит на вопрос: является ли исследуемое произведение культурной ценностью [3].

3.1. Музыковедческая экспертиза - является подвидом искусствоведческой экспертизы [4]. Назначается в следующих случаях: при необходимости сравнения двух музыкальных произведений в целях определения их уникальности и оригинальности; при установлении авторства музыкального произведения, в случае наличия достаточного количества бесспорно принадлежащих автору произведений для сравнения; при выявлении фактов заимствования музыкальных тем или фрагментов в одном произведении из другого; при определении наличия признаков переработки (аранжировки) в музыкальном произведении, свидетельствующих о его вторичном характере.

В зависимости от того, какие перед экспертной организацией ставятся цели, определяется процедура проведения экспертизы и ее состав: единоличный или комиссионный.

Экспертиза авторских прав крайне сложна. В результате проведения экспертизы экспертами выявляются различные заимствованные признаки и наличие плагиата, которые умышленно совершаются физическим лицом при незаконном использовании или распоряжении охраняемыми результатами чужого творческого труда, которое сопровождается доведением до других лиц ложных сведений о себе как о действительном авторе. [5]

Для устранения недостатков экспертизу музыкальных произведений необходимо проводить с внедрением максимально возможного объема компьютерных технологий.

Библиографические ссылки

1. Музыкальная экспертиза // Центр судебных экспертиз. URL: https://expertizy.ru/muzyk.html (дата обращения: 09.10.2025).

2. Автороведческая экспертиза: сущность, методы и применение // Учебный портал ВГТУ. URL: https://course.cchgeu.ru/avtorovedcheskaya-ekspertiza-sushhnost-metody-i-primenenie/ (дата обращения: 09.10.2025).

3. Экспертиза музыки // Федеральный экспертный центр. URL: https://fec-rf.ru/index.php/ekspertiza-muzyki (дата обращения: 09.10.2025).

4. Что предоставить эксперту для музыковедческого исследования // СудАгент. URL: https://sudagent.ru/services/content/muzykovedcheskaya-ekspertiza/ (дата обращения: 09.10.2025).

5. Бондаренко А. В. О вопросах проведения экспертизы музыкальных произведений на предмет плагиата // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-voprosah-provedeniya-ekspertizy-muzykalnyh-proizvedeniy-na-predmet-plagiata/viewer. (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 347.77

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

В. А. Кравец

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преп. А. И. Шевандо

В статье рассматривается проблема определения лица, несущего гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом. В ходе исследования установлено наличие двух подходов к решению поставленной проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ответственность; гражданско-правовая ответственность; владелец; разработчик; пользователь.

Анализ научной литературы показывает, что среди ключевых проблем, связанных с функционированием искусственного интеллекта (далее – ИИ), является проблема определения субъектов юридической ответственности за причиненный им вред. Содержание проблемы заключается в установлении лиц, способных нести юридическую ответственность за вред, причиненный ИИ. В рамках решения этого вопроса можно выделить два основных теоретических подхода.

Первый подход предполагает считать субъектами юридической ответственности только физических и юридических лиц, отвечающих за функционирование ИИ и его использование. В эту категорию входят создатели ИИ (разработчики, производители), а также его владельцы (пользователи). Юридическая ответственность данных лиц будет зависеть от характера и размера причиненного ИИ вреда [1, с. 12].

В рамках второго подхода предлагается наделение ИИ правосубъектностью [2, с. 24]. Однако концепция «юридического лица», существующая в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК), не позволяет это сделать. Наделении ИИ правосубъектностью физического лица не представляется возможным в виду того, что сознание, самосознание, воля и мышление ИИ не равнозначны человеческому [3, с. 113]. Ведение же нового правового статуса для ИИ («электронного лица») на данный момент не обосновано, так как в научной литературе отсутствуют четкие критерии, по которым ее можно отличить от остальных [4, с. 18].

Полагаем, что ИИ не может и не должен сегодня быть субъектом права и, соответственно, юридической ответственности. Более целесообразным является рассмотрение вопросов юридической ответственности физического или юридического лица за вред, причиненный ИИ.

Возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности владельцев ИИ может быть обусловлена положениями ст. 948 ГК в соответствии с которыми по общему правилу обязанность по возмещению вреда возлагается на владельца источника повышенной опасности. ГК не содержит как понятия источника повышенной опасности, так и их закрытого перечня, в связи с чем, опираясь на признаки источника повышенной опасности, ИИ можно отнести к таковым. Применяя положения ст. 948 ГК необходимо отметить, что субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный ИИ, должен признаваться не только «владелец» в узком смысле, как лицо, имеющее потенциальную возможность извлечения полезных свойств, так и пользователь, непосредственно извлекающий полезные свойства. В таком случае целесообразно привлекать к ответственности именно пользователя как фактического причинителя вреда, поскольку такой подход охватывает как случаи передачи в аренду технологий ИИ, так и случаи неправомерного завладения таковыми.

К вопросу об ответственности разработчика ИИ вследствие ошибок в программировании соответствующей системы возможным представляется вариант с применением по аналогии конструкции, предусмотренной ст. 964 ГК, регулирующей основания возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги. В таком случае программное обеспечение с ИИ следует рассматривать как товар, имеющий недостатки, а разработчика – в качестве его изготовителя.

Библиографические ссылки

1. Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 10–19.

2. Гаджиев Г. А., Войникас Е. А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1 (253). С. 24–48.

3. Апостолова, Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.

4. Ладенков, Н. Е. Модели населения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 12–20.

УДК 347.78.043

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВА НА ОТЗЫВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

М. А. Коваленко

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

Статья посвящена анализу права на отзыв произведения в белорусском законодательстве. Рассматриваются условия его реализации, а также порождаемые им риски для приобретателей исключительных прав. Обосновывается необходимости

разработки законодательных механизмов для снижения правовой неопределенности последствий использования такого права.

Ключевые слова: авторское право, личные неимущественные права автора, право на отзыв, договор уступки исключительного права, лицензионный договор.

Содержание авторского права в белорусском законодательстве составляют личные неимущественные и имущественные права. Исчерпывающий перечень личных неимущественных прав автора содержится в п. 1 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах (далее – Закон): право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на обнародование и право на отзыв.

Законодательство содержит условия реализации права на отзыв – она возможна при возмещения пользователю причиненных таким решением убытков, включая упущенную выгоду. Если отзыв произведения происходит после обнародования произведения, на автора ложится обязанность публично оповестить о его отзыве. При этом он должен изъять за свой счет из гражданского оборота ранее изготовленные экземпляры произведения. Из этого можно сделать вывод, что белорусское законодательство позволяет автору воспользоваться правом на отзыв в любой момент (в том числе и после опубликования) и вне зависимости от наличия или отсутствия каких-либо оснований при соблюдении условий о возмещении убытков, публичном оповещении об отзыве и изъятия ранее изготовленных экземпляров из гражданского оборота.

Распорядиться принадлежащим лицу исключительным правом на объект интеллектуальной собственности можно в том числе путем его отчуждения по договору (например, договор уступки исключительного права или лицензионный договор).

При заключении договора уступки исключительного права или лицензионного договора за автором произведения сохраняется личные неимущественные права автора, в том числе право на отзыв.

В случае, если приобретатель или лицензиат захочет обезопасить себя, и включить в положения договора условия о невозможности использования автором права на отзыв произведения, такое положение будет являться ничтожным в силу ч. 2 п. 2 ст. 15 Закона.

Реализация автором права на отзыв в таком случае делает невозможным дальнейшее существование договора вообще, поскольку не могут складываться дальнейшие отношения по поводу этого объекта, так как он изъят из гражданского оборота. Целесообразным в таком случае является установление нормативной связи реализации права на отзыв произведения и расторжения договора о передаче исключительных прав или лицензионного договора. Такие положения также могут предусматривать дополнительные гарантии для приобретателя или лицензиата, такие как необходимость для автора заранее (за определенный срок) уведомлять о реализации права на отзыв произведения, а также предоставление приобретателю или лицензиату преимущественного перед другими лицами права на заключение нового договора уступки или лицензионного договора при повторном

опубликовании автором произведения на условиях не хуже первоначального договора.

Также возможным выходом из сложившейся ситуации может быть ограничение права на отзыв в отношении произведений, исключительные права на которые уже переданы в результате заключения соответствующего гражданско-правового договора.

Таким образом, право на отзыв произведения создает правовую неопределенность и значительные инвестиционные риски для приобретателей и (или) лицензиатов, так как автор обладает правом на отзыв, зависящим исключительно от его собственного желания, без предварительного предупреждения и объяснения причин. Законодательство не содержит четких механизмов разрешения коллизий, возникающих в результате реализации такого права.

УДК 347.78

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Д. А. Куршук

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Свадковская

В статье рассматривается возможность признания искусственного интеллекта в качестве объекта интеллектуальной собственности на основе доктрины, зарубежного законодательства и патентной практики.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторское право; промышленная собственности; искусственный интеллект; патентование.

В связи с развитием технологий искусственного интеллекта его правовой статус является одной из центральных тем.

Законодательство Республики Беларусь и зарубежных стран не обладает многообразием подходов к определению такого статуса, однако в правовой доктрине существует два основных направления [1, с.2-3]:

- Искусственный интеллект – объект авторского права;
- Искусственный интеллект – объект промышленной собственности;

В законодательстве зарубежных государств (например, Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») искусственный интеллект определяется как программа (технологическое решение), способное имитировать когнитивные функции человека, самообучаться и решать определённые задачи на основе имеющихся баз данных.

Исходя из указанных характеристик, подход к определению искусственного интеллекта как объекта авторского права определяет его в качестве сложного объекта, состоящего из компьютерной программы и базы данных как охраняемых объектов в соответствии с законодательством (в Республике Беларусь правовая

охрана предусмотрена Законом Республили Беларусь от 17 мая 2011 года «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон)).

В указанном подходе не возникает неопределённости с частью компьютерной программы, в которой выражена модель искусственного интеллекта, в то же время, исходя из смысла Закона база данных – результат целенаправленного подбора и расположения данных, результат творческого труда. Если учесть функцию моделей искусственного интеллекта по самостоятельному подбору источников самообучения (пополнению своей «базы данных» без участия человека и творчества), то такой компонент вряд ли можно отнести к охраняемой базе данных как самостоятельному объекту авторского права.

Что касается моделей искусственного интеллекта как объекта промышленной собственности, то на данный момент имеется определённая практика патентования (пример – в Российской Федерации патенты №2720363; №2779871; №2792329; №2791415; №2772835; №2745632 – определены преимущественно как изобретения [2]), а также в зарубежном законодательстве имеются определённые правовые решения: КНР поправками к Руководящим принципам проведения патентных экспертиз от 2019 г. допустила регистрацию объектов, связанных с технологией искусственного интеллекта [3].

Между тем в статье 2 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» к изобретению имеются требования для возможности его патентоспособным: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. Аналогичные требования имеются и в статье 1350 Гражданского Кодекса Российской Федерации от 21.10.1994 года, (исходя из указанной практики патентования, критерии были соблюдены). При таком подходе нет необходимости внесения в законодательство самостоятельного объекта интеллектуальной собственности.

В свою очередь при признании искусственного интеллекта объектом авторского права необходимо будет дополнить п.5 статьи 6 Закона словами «модель искусственного интеллекта».

Библиографические ссылки

1. Гуляева Ю. Р., Межуева Ю. С. Правовая охрана искусственного интеллекта и технологий искусственного интеллекта как объекта интеллектуальных прав в российской федерации // Политехнический молодежный журнал. 2022. №11. С. 1-8.

2. Российские *патенты в области искусственного интеллекта // habr.com. URL: https://habr.com/ru/companies/onlinepatent/articles/743994/ (дата обращения : 06.10.2025).*

3. *Талимончик, В.П. Назад в будущее: международно-правовая охрана искусственного интеллекта и больших* данных // legalacademy.ru. URL: https://legalacademy.ru/sphere/post/nazad-v-buduschee-mezhdunarodno-pravovaya-ohrana-iskusstvennogo-intellekta-i-bolshih-dannyh (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 347.77

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГРАФИЧЕСКОГО ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРФЕЙСА

Е. Д. САВИЦКАЯ

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

Рассматриваются различия между защитой графическим пользовательским интерфейсом авторским правом и регистрацией его в качестве промышленного образца. Делается вывод, что регистрация графического пользовательского интерфейса как промышленного образца является наиболее эффективным способом защиты в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: пользовательский интерфейс, UI/UX, промышленный образец, авторское право, интеллектуальная собственность, цифровая экономика.

Графический пользовательский интерфейс (GUI) сегодня является неотъемлемой частью любого цифрового продукта. Современный подход к проектированию интерфейсов основан на концепциях UI(user interface) и UX(user experience). UI отвечает за визуальное представление системы: цвета, шрифты, иконки, формы элементов и другие графические решения. UX характеризует функциональность и удобство взаимодействия пользователя с сервисом или приложением.

Таким образом, GUI - это тип пользовательского интерфейса, позволяющий пользователям взаимодействовать с электронными устройствами через графические элементы, такие как окна, значки и кнопки. Качество интерфейса напрямую влияет на коммерческий успех продукта: чем удобнее и эстетически привлекательнее интерфейс, тем выше конкурентоспособность на рынке. В связи с этим защита GUI как объекта интеллектуальной собственности становится особенно актуальной.

На ранних этапах развития цифровых технологий считалось, что GUI можно защищать авторским правом, поскольку интерфейс содержит творчески выраженные элементы. В деле CAI против Altai суд подтвердил, что авторское право не распространяется на стандартные программные элементы, включая многие компоненты GUI [1]. В деле Apple против Microsoft было установлено, что авторское право охраняет лишь оригинальные, творчески выраженные элементы интерфейса, но не его функциональные и типовые компоненты [2]. Эти решения показали, что авторское право недостаточно эффективно для защиты GUI. В связи с этим разработчики стали искать альтернативные способы охраны, и регистрация GUI как промышленного образца оказалась наиболее надёжной. Промышленные образцы обеспечивают защиту визуальных решений и внешнего вида GUI, предотвращая копирование его элементов.

Подобный подход постепенно закрепился и в Европе, где законодательство о промышленных образцах, допускает регистрацию графических интерфейсов, если

они обладают оригинальностью и визуальной индивидуальностью. Таким образом, GUI в международной практике рассматривается как промышленный образец, несмотря на его нематериальный характер.

В России в 2025 году был внесён законопроект о внесении изменений в ст. 1352 Гражданского кодекса РФ, предусматривающий возможность регистрации графического интерфейса программы для ЭВМ или его составной части, имеющей самостоятельное значение, в качестве промышленного образца. Эта инициатива направлена на устранение правового пробела и сближение российского законодательства с международной практикой.

В Республике Беларусь промышленный образец определяется ст.4 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16.12.2002 №160-З как художественное или художественно-конструкторское решение изделия, определяющее его внешний вид. Однако под «изделием» принято понимать объект, обладающий материальной формой. Это вызывает определённые сложности в применении нормы к графическим интерфейсам, которые существуют исключительно в цифровой форме. Несмотря на это, мировая практика показывает, что регистрация GUI как промышленного образца остаётся наиболее распространённым способом защиты визуальных решений, обеспечивая чёткие юридические границы охраны.

Современные тенденции подтверждаются и на уровне ВОИС: в документе *SCT/44/6 Rev.3* организация рекомендует странам-участницам обеспечивать охрану графических интерфейсов как промышленных образцов, независимо от того, встроены ли они в физическое устройство или существуют как самостоятельные цифровые объекты. Такой подход способствует адаптации институтов интеллектуальной собственности к цифровой экономике.

Таким образом, регистрация GUI как промышленного образца становится универсальным способом правовой защиты как GUI, так и его элементов. Для Беларуси внедрение подобного подхода представляется перспективным направлением развития законодательства в сфере охраны интеллектуальной собственности. В этой связи целесообразно рассмотреть возможность нормативного закрепления положения, согласно которому «изделием» может признаваться результат интеллектуальной деятельности, выраженный в цифровой форме, включая графические пользовательские интерфейсы.

Библиографические ссылки

1. Computer Associates International, Inc. v. Altai, Inc. URL: https://www.bitlaw.com/source/cases/copyright/altai.html (дата обращения: 10.10.2025).

2. Apple Computer, Inc. v. Microsoft Corp. URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/759/1444/1472666/ (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 347.78

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПРАВА ИСПОЛНИТЕЛЯ НА ГОЛОС

Е. Д. Седельник

аспирант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Свадковская

Работа посвящена исследованию правовых аспектов охраны голосовых характеристик в условиях развития современных технологий. На основе анализа национальных и зарубежных опыта и практики предлагается закрепить в законодательстве Республики Беларусь право на голос как особую имущественную категорию, подлежащую правовой охране с учетом развития технологий синтеза речи и необходимости обеспечения баланса интересов личности и общества.

Ключевые слова: право на голос, имущественное право, смежные права, персональные данные, цифровые технологии.

В условиях современной социокультурной среды человеческий голос утратил свою изначальную утилитарную функцию, эволюционировав в многогранный феномен, имеющий не только коммуникативное, но и выраженное коммерческое значение. Голосовые данные все чаще находят применение в рекламной индустрии, для целей дублирования, создания цифрового контента и функционирования голосовых интерфейсов. Для значительной части профессионалов голос является ключевым средством получения дохода. В частности, актеры озвучивания, дикторы, стримеры и медийные персоны используют свои голосовые характеристики в качестве средства профессиональной реализации и материального обеспечения.

Следовательно, утрата контроля над голосовыми данными влечет за собой не только репутационные издержки, но и убытки. В этой связи возникает вопрос об определении субъекта, осуществляющего контроль над голосовой информацией. В рамках белорусского законодательства голос находит частичную правовую охрану через призму авторского права (применительно к творческой деятельности: смежные права на исполнения в целом) и законодательства о защите персональных данных (в качестве биометрического идентификатора). Однако указанные механизмы представляются недостаточными для эффективной защиты от современных угроз, возникающих в связи с развитием технологий обработки и манипулирования голосовыми данными, когда голос являет из себя не столько нематериальное благо, сколько воспринятую англосаксонской концепцией «moral rights» имущественную категорию [1, с. 184].

Несмотря на значительный прогресс в развитии цифровых технологий, юридическая охрана голосовых характеристик в Республике Беларусь находится на начальной стадии. В отечественной правовой системе индивидуализирующие признаки личности в виду специфики романо-германской системы права не рассматриваются в качестве самостоятельного объекта охраны в рамках частноправовых отраслей, что

формирует потенциально опасную правовую неопределенность. Вместе с тем положения ч. 2 п. 1 ст. 996 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218–З допускают расширительное толкование имущественных прав исполнителей и включение в них индивидуализирующих биометрических характеристик. Так, например, в Российской Федерации, в отличие от белорусского законодательства, право на изображение лица получило отдельное частноправовое закрепление (ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51–ФЗ), однако, аналогичной нормы, регулирующей право на голос, в российских НПА, равно как и белорусских, пока не существует.

Но уже имеют место судебные споры. Так в 2023 году актриса дубляжа А. Андронова столкнулась с тем, что её голосовые данные, созданные для банка «Тинькофф», были переданы ООО «ТЦР» и использованы для синтеза речи в сомнительных проектах. Причина – передача банку исключительных прав на записи, включая переработку и передачу. В 2024 году суд отклонил иск А. Андроновой, признав действия банка правомерными в рамках договора, допускавшего переработку записей и их анонимное использование. Создание синтезированного голоса также было признано допустимым, поскольку вытекало из переданных прав [2, с. 154].

Зарубежный опыт (США – «право на публичность», ЕС – GDPR, AI Act) показывает разные подходы к защите голоса, от коммерческого использования до биометрической безопасности. Прецеденты, как широко известные дела С. Йоханссон и Lehrman v. Lovo, Inc., высвечивают новые проблемы, связанные с синтезом речи. Так, нашему законодателю очевидно следует изучить и закрепить право на голос как особую, отчуждаемую имущественную категорию, подлежащую правовой охране с учетом развития современных технологий.

Библиографические ссылки

1. Бахметьев П.В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт // Право и практика. 2023. № 9. С.184–188.

2. Кононова В.И. Голос как нематериальное благо и личное неимущественное право человека: правовая защита в условиях глобальной цифровизации // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 149–159.

УДК 347.78

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИИ

Е. Г. Тенько

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. преподаватель А. И. Шевандо

В статье рассматриваются правовые аспекты использования произведений для целей обучения искусственного интеллекта. Автором исследуются различные подходы, в том числе существующие в законодательстве и практике зарубежных стран.

Ключевые слова: объекты авторского права; искусственный интеллект; обучение ИИ; автор; разработчик; добросовестное использование.

Еще на этапе обучения искусственного интеллекта (далее — ИИ) возникает проблема правового регулирования использования объектов авторского права в качестве обучающих данных, что связано с рядом вопросов, касающихся соблюдения исключительных прав правообладателей, допустимости обработки охраняемых произведений без согласия субъектов авторского права. Данный вопрос затрагивает интересы как разработчиков ИИ, так и правообладателей произведений. С теоретической точки зрения существует несколько подходов к использованию произведений в процессе обучения нейросети. Разрешительный подход, требующий согласия правообладателя. Лицензионный договор определяет способы использования произведения, но влечет высокие финансовые издержки для разработчиков. Открытая лицензия обеспечивает предоставление прав широкому кругу лиц, начало использования которой является акцептом условий, однако ограниченный объем доступных данных снижает ценность такого подхода. Расширение случаев свободного использования. Примером является TDM (текст и дата-майнинг) в соответствии с Директивой ЕС 2019/790, которая предусматривает исключения для научных организаций в некоммерческих целях и для любых лиц, в т.ч. коммерческих, с возможностью запрета правообладателем. Дело Kneschke v. LAION. Фотограф Роберт Кнешке подал иск к LAION, некоммерческой организации, утверждая, что при создании датасета для обучения ИИ его изображение было воспроизведено без разрешения. Компания LAION в отзыве на иск указала, что были использованы общедоступные изображения и текстовые описания. Окружной суд Гамбурга признал действия законными, поскольку они соответствуют исключению для TDM в научных целях, предусмотренному европейской директивой [1]. В США доктрина «добросовестного использования» позволяет ограниченное использование без согласия правообладателя на основании 4 критериев: цели использования, характера произведения, объема и существенности заимствования, влияния на рынок. Объем и тип использования не регламентируется, и каждый случай рассматривается судом отдельно. В деле Kadrey v. Meta Platforms авторы обвинили Meta в использовании их литературных произведений, полученных из теневых библиотек, в целях обучения ИИ, что признали воспроизведением, и что в дальнейшем повлекло бы создание производных работ, нарушающее права авторов и снижающее их рыночные возможности. Meta ссылалась на доктрину «добросовестного использования», а также указали на отсутствие легальных баз данных, в то время как стоимость лицензированных произведений в сумме превысила бы их ценность в процессе использования. Суд признал потенциальную угрозу рынку, однако истцами не был доказан ущерб. Также суд отметил, что модель Meta LLama не может воспроизводить больше, чем тривиальные фрагменты работ, а копирование произведений носило трансформативный характер. Само использование теневых библиотек, если оно не финансирует и не стимулирует создание новых подобных ресурсов, не влияет на правовую квалификацию действий ответчика [2]. Правовое регулирование использования объектов авторского права для обучения ИИ находится на стадии формирования и не имеет единых подходов.В ЕС действует исключение для TDM в научных целях, тогда как в США —

гибкая доктрина добросовестного использования. В американской практике правовая оценка основывается на источниках данных, степени преобразования, влиянии на рынок, а в европейской — на цели использования. В перспективе выработка правовых механизмов является необходимой для защиты прав и развития технологии.

Библиографические ссылки

1. World Intellectual Property Organization (WIPO) [Electronic resource] : Hamburg Regional Court, Germany [2024], Case No. 310 O 227/23. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/judgments/details/2381 (дата обращения: 07.10.2025).

2. Justia Law [Electronic resource] : Kadrey et al v. Meta Platforms, Inc., No. 3:2023cv03417 - Document 598 (N.D. Cal. 2025). URL: https:// law.justia.com/cases/federal/district-courts/california/candce/ 3:2023cv03417/415175/598/ (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 347.77.048

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Теплякова

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

В статье анализируется защита прав создателей объектов интеллектуальной собственности на основе статьи 201 УК Беларуси. Выявлены недостатки норм по объектам промышленной собственности и проблемы оценки «крупного размера ущерба» и «дохода». Предложено расширить защиту.

Ключевые слова: авторские права; интеллектуальная собственность; крупный размер; доход; ущерб; плагиат.

Защита прав создателей объектов интеллектуальной собственности является ключевым фактором стимулирования творческой активности. Особое значение занимает уголовное законодательство в данной сфере. В Республике Беларусь вопросы уголовной ответственности за посягательства на интеллектуальную собственность регулируются ст. 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.07.1999 N 275-З 9 (далее УК), охватывающей нарушения авторского права, смежных прав и прав промышленной собственности.

Ч. 1 ст. 201 УК предусматривает ответственность за преждевременное раскрытие информации об объекте промышленной собственности. Условием привлечения к уголовной ответственности в данном случае является наличие административной преюдиции.

Текущая формулировка нормы устанавливает ответственность только за посягательства на объекты промышленной собственности, игнорируя нарушения авторских прав, а именно: обнародование произведения без согласия автора. Вместе

с тем, подобные посягательства на права авторов произведений представляют такую же общественную опасность, как и нарушения прав на объекты промышленной собственности. Кроме того, нарушения авторских прав встречаются чаще. Также в ч. 1 ст. 201 УК следует включить составы преступлений «присвоение авторства» и «принуждение к соавторству», которое обладает большой общественной опасностью, в связи с чем требуется дифференциация ответственности.

Ч. 2 ст. 201 УК Республики Беларусь касается неправомерного распространения или иного незаконного использования объектов авторского права, смежных прав, объектов права промышленной собственности. Условием привлечения к уголовной ответственности в данном случае является наличие административной преюдиции либо получение дохода в крупном размере, который, согласно примечанию к данной статье, по сумме совпадает с крупным размером ущерба. Это вызывает критику, так как доход и ущерб по сути являются тождественными, в то время как ч. 2 и ч. 3 ст. 201 УК устанавливают разную ответственность за одинаковый объем дохода (ущерба).

Кроме того, определение крупного размера ущерба по ст. 201 УК вызывает сложности из-за отсутствия единого подхода в практике и литературе. При оценке ущерба будет ошибочным опираться на определение крупного размера ущерба, указанное в примечании к ст. 201 УК. Отмечая термин «крупный размер ущерба» (дохода), наши юристы указывают, что этот термин имеет множественное значение, так как законодатель использует его в различных частях УК, придавая ему разные интерпретации [1, с.282].

В главах 23 и 24 УК ущерб рассматривается как имущественный вред. В других главах УК, в зависимости от категорий объектов, «ущерб» включает имущественный, моральный, экологический вред, включая упущенную выгоду.

Таким образом, при оценке ущерба важны объективные и субъективные критерии, включая мнение автора и материальное положение потерпевшего, ущерб его деловой репутации, сложность созданного произведения, а также упущенная выгода.

Предлагается исключить из ст. 201 УК требование о крупном размере ущерба, сделав состав преступления формальным, оставив лишь административную преюдицию.

Представляет интерес также создание в структуре Уголовного кодекса отдельной главы, объединяющей статьи, касающиеся нарушений авторских, смежных и патентных прав, прав на товарные знаки и разглашения коммерческой тайны, с включением ее в раздел «Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности».

В итоге следует отметить, что нормы уголовного законодательства в сфере интеллектуальной собственности нуждаются в совершенствовании для более эффективного правоприменения.

Библиографические ссылки

1. Ищенко Н. С. Некоторые проблемные вопросы уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь // Судебная реформа 1864 года и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства:

проблемы теории и практики : Материалы XIV Международных Конивских чтений, Владивосток, 13–14 мая 2015 года / Под общ. ред. А.В. Верещагиной. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2015. С. 282-290.

УДК 347.783.54

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОХРАНА ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА КАК ЛИЧНОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

М. Н. Трухова

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

В статье рассматриваются правовые способы охраны изображения гражданина в законодательстве Республики Беларусь. Делается вывод об отсутствии в настоящий момент надлежащего правового механизма, способного принимать во внимание и учитывать все особенности и существо данного нематериального блага. Обосновывается целесообразность выделения института охраны изображения гражданина и включения соответствующей нормы в Гражданский кодекс Республики Беларусь.

Ключевые слова: изображение гражданина; честь и достоинство; личные неимущественные права; права на изображение; нематериальное благо; персональные данные.

Согласно Конституции Республики Беларусь каждому гарантируется защита его личных неимущественных прав.

Право гражданина на использование и охрану изображения прямо не отнесено к нематериальным благам, подлежащим защите в порядке, установленным гражданским законодательством, однако перечень нематериальных благ в соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса не является исчерпывающим, из чего следует возможность защиты такого права. Конституционный Суд отмечает, что отсутствие прямых норм, регламентирующих охрану изображения гражданина, не исключает возможность правовой защиты, однако существенно ее затрудняет [1].

Законодательство многих других государств закрепляют права гражданина на собственное изображение.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З, охрана изображения как такового возникает в силу положений норм права интеллектуальной собственности, но не защиты личности гражданина, а право на такое изображение принадлежит фотографу. Обращаясь к положениям законодательства о защите персональных данных, изображение гражданина может охраняться как биометрические персональные данные, однако такой способ «регулирует лишь отдельные частные аспекты реализации и охраны права гражданина на его изображение, и не может рассматриваться в качестве правовой категории, которая всецело урегулировала бы общественные отношения в сфере права на изображение» [2, с. 78]. Отдельные аспекты защиты изображений также могут быть урегулированы положениями законодательства о рекламе, о средствах массовой информации.

В настоящий момент охрана изображения гражданина в Республике Беларусь не обеспечена надлежащим правовым механизмом, способным принимать во внимание и учитывать все особенности и существо данного нематериального блага. Обоснована целесообразность выделения самостоятельного правового института защиты изображения гражданина как личного нематериального блага. Введение в ГК Республики Беларусь отдельной статьи позволило бы избежать правовой неопределенности при решении подобных споров в судах, обеспечило бы надлежащую охрану законных прав и интересов граждан Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина : решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30 окт. 2018 г. № Р-1145/2018 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 27.09.2025).

2. Иванов, А.В. К вопросу о форме согласия на использование изображения гражданина в Российской Федерации и Республике Беларусь: частноправовой взгляд // Образование и право. 2023. № 9. С. 75–79.

УДК 347.77/78 (476)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Э. В. Федосова

магистрант факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. С. Лосев

Технологии искусственного интеллекта оказывают влияние на мышление и мировоззрение человека. На национальном уровне до настоящего времени не разработан инструмент правового регулирования порядка использования технологий искусственного интеллекта в общественных отношениях, в связи с чем рассмотрены актуальные проблемы данных правоотношений.

Ключевые слова: Искусственный интеллект; мировоззрение; правовое регулирование; законодательство; общественные отношения; цифровая реальность.

В современном мире технологии искусственного интеллекта фактически меняют образ мышления человека и его мировоззрение. Следствием изменения общественного сознания становятся экономические, политические, культурные преобразования и трансформации, которые нуждаются в правовом регулировании как национальном, так и на международном уровнях. В Республике Беларусь исследования в области искусственного интеллекта осуществляются в рамках государственных программ, реализуемых в различных сферах деятельности. При этом до настоящего времени на национальном уровне не разработан инструмент правового регулирования порядка использования технологий искусственного интеллекта в жизнедеятельности социума, а также результатов, полученных при

помощи таких технологий, их правовой статус и правовые механизмы обеспечения безопасности их применения. Существующие механизмы международного и регионального характера, зарубежный опыт в данной сфере позволяют провести анализ и исследования актуального положения вещей, прогнозировать развитие правового регулирования данного общественного явления, выявить возможные факторы риска, угрозы безопасности общества в целом и предположить степень воздействия на индивидуума.

По состоянию на сегодняшний день правовой статус искусственного интеллекта окончательно не определён и рассматривается в дуалистическом измерении: как в качестве субъекта права, так и в качестве объекта права.

По мнению В. В. Белозерцевой, «парадокс искусственного интеллекта заключается в том, что он будучи с точки зрения современного права его объектом, обладает некоторыми элементами субъектности. Современный механизм правового регулирования пользуется вполне устоявшимися традиционными инструментами (методами и способами), которые предполагают наличие вполне конкретного, четко определенного актора, а не просто совокупности признаков, и таким актором на данный момент с точки зрения права может быть только человек, причем независимо от формы субъектности в которой он выступает (физическое лицо, юридическое лицо или государство).» [1, с. 80]

Согласно С. С. Лосеву, «вопрос о правовом режиме результатов деятельности систем искусственного интеллекта, формально соответствующим требованиям охраноспособности в качестве объектов интеллектуальной собственности, в настоящее время не имеет однозначного решения. Реальностью является то, что системы искусственного интеллекта в настоящее время способны создавать результаты, схожие с результатами творческой деятельности человека. Как следствие, происходит подрыв основ современного права интеллектуальной собственности, основывающегося на таких понятиях как «автор» и «творческая деятельность»» [2, с. 208].

Исследование проблем правового регулирования отношений, связанных с применением технологий искусственного интеллекта, обуславливает самостоятельное направление теоретических и практических исследований, которые требуются для правового регулирования общественных отношений в новой цифровой реальности. К таковым можно отнести следующее:

- уточнение дефиниции искусственного интеллекта с социологической, технологической, философской и правовой точек зрения;
- определение сфер применения искусственного интеллекта в различных правовых отраслях и способов правового регулирования таких общественных отношений;
- возможные риски и угрозы, возникающие в связи с использованием технологий искусственного интеллекта в правовой сфере;
- анализ зарубежного и отечественного опыта в сфере правового регулирования результатов, полученных при помощи технологии искусственного интеллекта, выявление закономерностей и тенденций, определение наиболее эффективных способов такого регулирования;
- определение концептуальных направлений развития законодательства

Республики Беларусь об искусственном интеллекте.

Немаловажным направлением в регулировании данной области общественных отношений является стандартизация в сфере правового регулирования результатов, полученных при помощи технологий искусственного интеллекта и систематизация категориально-терминологического аппарата.

В этой связи, на наш взгляд, представляется актуальным уточнение дефиниции «искусственный интеллект» с правовой точки зрения, исследование правовой природы результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта, определение их правового статуса, анализ и сравнение зарубежного, отечественного законодательства и международного права. Выявление основных тенденций правоприменительной практики на региональном и международном уровнях, сравнительный анализ и систематизация зарубежного и отечественного опыта, на наш взгляд, будут способствовать выработке единых позиций в сфере правового регулирования результатов, полученных с помощью технологий искусственного интеллекта, и актуализации правоотношений в данной сфере с учетом новой цифровой модели общественных отношений.

Библиографические ссылки

1. Белозерцева, В. В. Правовое регулирование искусственного интеллекта / В. В. Белозерцева // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал, 2024. № 17 (6), С. 78-86.

2. Лосев, С. С. К вопросу о правовом режиме результатов деятельности систем искусственного интеллекта / С. С. Лосев // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 201-210.

УДК 347.45/.47

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА SAAS-СОГЛАШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. В. Шамбер

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Свадковская

В статье анализируется правовая природа соглашений о предоставлении программного обеспечения как услуги (SaaS) по законодательству Республики Беларусь. По результатам исследования делается вывод, что наиболее релевантным механизмом для данного инструмента является смешанный договор. Предлагается дополнить законодательство новым способом использования объекта авторского права для устранения правовой неопределенности.

Ключевые слова: SaaS, лицензионный договор, договор возмездного оказания услуг, смешанный договор, авторское право, компьютерная программа.

«Программное обеспечение как услуга» (Software as a Service, SaaS) становится доминирующим способом распространения и использования программных продуктов. Данная модель предполагает предоставление пользователю удаленного доступа к функционалу компьютерной программы (далее – КП) через сеть электросвязи без установки ее экземпляра на устройство пользователя. Однако в законодательстве Республики Беларусь отсутствует специальная договорная конструкция, прямо регулирующая SaaS-отношения. Это порождает дискуссии о квалификации таких соглашений, ключевой из которых является дихотомия между договором возмездного оказания услуг и лицензионным договором.

В доктрине распространена квалификация SaaS как договора возмездного оказания услуг. В пользу этого подхода свидетельствует то, что провайдер совершает определенные действия (обеспечивает хостинг, техническую поддержку и др.), а пользователь потребляет результат этих действий в процессе исполнения договора, не получая при этом в свое владение материальный результат. Поскольку пользователь SaaS не осуществляет запись программы в память устройства, то есть не осуществляет ее «воспроизведение», он фактически не использует объект авторского права в традиционном понимании [1, с. 86].

При этом следует отметить, что ядром SaaS-сервиса является предоставление возможности использования результата интеллектуальной деятельности – КП. Ключевым аргументом противников авторско-правовой модели является то, что в SaaS отсутствует передача экземпляра программы. Однако данный аргумент не учитывает открытый характер перечня способов использования произведения. Ст. 16 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) прямо указывает способы использования, а завершается перечень способов формулировкой «иные возможные способы использования произведения». При этом абз. 11 п. 2 ст. 16 Закона (иное сообщение для всеобщего сведения) не в полной мере применим, так как ряд SaaS-продуктов предоставляются ограниченному кругу лиц. Игнорирование авторско-правового элемента в SaaS-соглашениях лишает возможности защищать исключительное право, если пользователь, например, нарушает ограничения по количеству одновременных подключений или использует сервис в целях, прямо запрещенных соглашением.

Наиболее полно сущность SaaS-отношений отражает конструкция смешанного договора. SaaS-соглашение содержит в себе элементы как договора возмездного оказания услуг (в части технического обеспечения работы сервиса), так и лицензионного договора. Как отмечает Е. М. Косьяненко, дифференциация действий сторон помогает сделать верный выбор договорной конструкции [2, с. 37]. Такой подход позволяет применять к техническим аспектам – нормы о возмездном оказании услуг, а к вопросам, связанным с пределами использования КП, – о лицензионном договоре.

Таким образом, наиболее корректной моделью de lege lata является признание SaaS-соглашений смешанными договорами. Вместе с тем, в целях устранения правовой неопределенности представляется целесообразным внесение изменений de lege ferenda. Предлагается дополнить ст. 16 Закона, новым способом использова-

ния: «использование произведения в удаленном режиме посредством электросвязи». Такое дополнение напрямую легитимирует авторско-правовую квалификацию SaaS и аналогичных облачных сервисов и предоставит правообладателям и пользователям ясный и эффективный инструмент правового регулирования их отношений.

Библиографические ссылки

1. Чурилов А. Ю. Правовое регулирование облачного гейминга //Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 8. С. 83–92.
2. Косьяненко Е. М. Правовая квалификация соглашений об использовании облачных сервисов // Бизнес, менеджмент и право. 2023. № 3(59). С. 35-40.

УДК 347.77.048

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНШИЗ-ПУСТЫШЕК И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ ПРОДАЖУ

Д. Д. Шелег

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. О. Ядревский

В данной статье рассматривается правовой статус франшиз-пустышек и ответственность ее продавца.

Ключевые слова: договор франчайзинга, франшиза, франчайзер, франчайзи, недействительность договора.

Согласно пункту 1 статьи 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-З (далее – ГК) по договору комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) (далее – договор франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на определенный в договоре франчайзинга срок либо без указания срока лицензионный комплекс, включающий право использования фирменного наименования правообладателя, других объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных договором франчайзинга, а также нераскрытой информации в предпринимательской деятельности пользователя. Также согласно пункту 2 статьи 910 ГК договор франчайзинга предусматривает использование лицензионного комплекса, указанного в пункте 1 настоящей статьи, в определенном объеме (с установлением минимального и (или) максимального объема использования) с указанием или без указания территории его использования применительно к определенным видам предпринимательской деятельности. Такой договор предполагает передачу лицензионного комплекса за определенную плату, что подразумевает под собой развитие франчайзи своей модели заработка под товарным знаком и с различными методиками франчайзера. Договор франчайзинга предполагает оплату пользованием лицензионного комплекса через определенные промежутки времени. Именно этот момент становится ключевым при вычислении франшизы-пустышки.

Мошенники, которые развивали франшизы-пустышки начали появляться в 1960-1970-хх и их особенностью было то, что они зарабатывали на паушальном взносе (то есть на деньгах, которые франчайзи платит за покупку лицензионного комплекса), в то время как реальные франшизы нацелены в первую очередь на долгосрочное сотрудничество, потому их целью является заработок на роялти. Так как мошенникам нечего предложить и заработать какие-либо отчисления во время работы франчайзи с так называемой франшизой будет невозможно, то их цель извлечь финансовую выгоду от намерения франчайзи развивать часть мнимого бизнеса и получить деньги сразу [1].

Если все-таки сложилась ситуация, что франчайзи приобрел франшизу пустышку, как ему защитить свои права? Данная сделка будет считаться мнимой согласно п.1 ст. 171 ГК, поскольку не имела целью порождения правовых последствий. Также лицо, которое купило «франшизу» вправе обратиться в суд с требованием о признании сделки ничтожной и, как следствие, недействительной. Согласно ст. 168 ГК такая сделка не влечет правовых последствий и требует возврата всего полученного по сделке. Если такового не происходит, действия следует квалифицировать по пункту 1 части 1 статьи 972 ГК как неосновательное обогащение. В таком случае последствия для «франчайзера» таковы: согласно пункту 1 статьи 974 ГК требуется возвратить полученное либо в натуре, либо в денежном выражении, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, если приобретатель не возместил его стоимость немедленно после того, как узнал о неосновательности обогащения. Ситуация с похожим правовым регулированием существует в Российской Федерации. В определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2023 N 41-КГ23-33-К4 судебная коллегия по гражданским делам пришла к выводу, что отсутствие государственной регистрации на товарный знак является существенным условием, препятствующим выполнению договора, поскольку согласно пункту 2 статьи 1028 *Федерального закона* от *26.01.1996* № *14-ФЗ* "Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть вторая" при несоблюдении требования о государственной регистрации предоставление права использования считается несостоявшимся. Такой договор можно считать не порождающим правовых последствий, поскольку в нем есть существенные нарушения.

Таким образом мы делаем вывод, что законодательство защищает права франчайзи в случае, если сделка не предполагала порождения правовых последствий для него.

Библиографические ссылки

1. Франшизы-пустышки. Как вычислить их за 5 минут. URL: https://unitedinvestors.ru/blog/franchise-check?ysclid=m8xlo1mi9v53 0204104 (дата обращения: 01.10.2025).

СЕКЦИЯ X.
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.9

ИНСТИТУТЫ ОТЛОЖЕНИЯ И ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

А. И. Александрова

аспирант 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. Н. Романова

Упрощенное производство в цивилистическом процессе является разновидностью искового производства, для которого характерно отсутствие вызова сторон, судебных заседаний, а также преимущественное использованием письменных доказательств. В рамках данного порядка суд обязан рассмотреть требования в течение месяца после возбуждения дела. Успех применения этого механизма зависит от строгого соблюдения установленного срока. Институты отложения и приостановления в контексте упрощенного производства требуют четкого регулирования.

Ключевые слова: отложение разбирательства; приостановление производства; упрощенное производство, кодекс гражданского судопроизводства.

В соответствии со ст. 338 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), вступающего в силу 1 января 2026 года, дела в порядке упрощенного производства будут рассматриваться судом без проведения судебного заседания и вызова сторон в месячный срок после возбуждения производства по делу [2]. По причине наличия особенностей рассмотрения требований в данном производстве, а также ограничения законодателем срока рассмотрения дел необходимо остановиться на возможности отложения судебного разбирательства и приостановления производства по делу в упрощенном производстве. Отложение разбирательства дела – перенесение его рассмотрения на другое определенное время с назначением нового судебного заседания и с предоставлением суду права в этот промежуток времени рассматривать другие дела. Приостановление производства – временное прекращение процессуальных действий по делу (за исключением действий по обеспечению иска, по обеспечению доказательств и проведению экспертизы) в связи с наступлением обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела, или по взаимному соглашению сторон [1, с. 317, 319].

Представляется, что в упрощенном производстве институт отложения разбирательства не может быть использован правоприменителем по причине отсутствия, по общему правилу, судебных заседаний. На наш взгляд, судебные заседания в упрощенном производстве могут быть назначены в качестве исключения. Например, утверждение мирового соглашения возможно только в судебном заседании, не представляется возможным осуществить его на основании письменных документов. Видится, что суд будет должен провести судебное заседание, остава-

ясь в упрощенном производстве, с целью проверки соответствия соглашения законодательству и отсутствия нарушений прав, свобод и законных интересов других лиц. Аналогичное регулирование должно быть предусмотрено для разрешения отвода судей и иных участников процесса по причине необходимости заслушивания мнения всех лиц, участвующих в деле [2, ст. 37].

Институт приостановления производства по делу в рассматриваемом порядке, видится, не применимым, поскольку он может создать угрозу затягивания процесса, что противоречит цели введения упрощенного производства. В отличие от отложения судебного разбирательства при приостановлении течение процессуальных сроков приостанавливается. Институт упрощенного производства в подобной ситуации теряет свою значимость. Требования, рассматриваемые в упрощенном производстве, в дальнейшем могут быть рассмотрены по истечении неопределенного промежутка времени. Необходимо установить обязательность осуществления судом перехода от упрощенного к исковому производству при наличии оснований для приостановления производства по делу.

Особую значимость данные правила будут иметь в отношении таких институтов цивилистического процесса, как медиация, примирительная процедура и переговоры сторон при содействии их адвокатов. Согласно п. 6 ч. 1 ст. 132 КГС, заключение сторонами соглашения о применении медиации, кроме случаев, предусмотренных в ч. 4 ст. 176 КГС, обязывает суд приостановить производство по делу. В соответствии же с п. 14, 15 ч. 1 ст. 133 КГС суд вправе, но не обязан, по заявлению лиц, участвующих в деле, либо по своей инициативе приостановить производство по делу в случае назначения примирителя для проведения примирительной процедуры, проведения переговоров сторон при содействии их адвокатов [2]. Соответственно, в связи с тем, что применение института приостановления противоречит характеру упрощенного производства и цели его закрепления, в упрощенном порядке обращение сторон к медиации невозможно, за исключением подачи письменного заявления о заключении соглашения о применении медиации и оставлении искового заявления без рассмотрения в суд, а к примирительной процедуре и переговорам при содействии адвокатов возможно, если суд или стороны не выступят с инициативой приостановления производства по делу. Видится, что в подобных случаях судья должен совершать переход из упрощенного в исковое производство.

Библиографический список

1. Гражданский процесс. Общая часть / Т. А. Белова [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Изд. центр БГУ, 2020. – 379 с.

2. Кодекс гражданского судопроизводства : 11 марта 2024 г., № 359-З : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 февр. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 341.6(076.5)

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ, НЕ РАЗРЕШАЮЩИХ ДЕЛО ПО СУЩЕСТВУ

Ю. А. Бражицкая

аспирант 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. Н. Романова

В статье анализируется относимость акта к числу подлежащих признанию и приведению в исполнение как одно из позитивных правовых условий признания и приведения в исполнение решений иностранных судов. Обосновывается необходимость реформирования законодательства для расширения круга подлежащих признанию и приведению в исполнение актов посредством включения в данный перечень судебных постановлений (определений) суда иностранного государства, которыми дело не разрешается по существу (в том случае, если они требуют признания и приведения в исполнение).

Ключевые слова: решения иностранных судов; признание решений иностранных судов; приведение в исполнение решений иностранных судов; КГС Республики Беларусь; международный гражданский процесс.

Одним из позитивных правовых условий признания и приведения в исполнение решений иностранных судов является относимость акта к числу подлежащих признанию и приведению в исполнение.

Согласно нормам КГС Республики Беларусь, признанию и приведению в исполнение на территории Республики Беларусь подлежат решения иностранных судов, иностранных третейских судов (арбитражей). В связи с этим возникает вопрос о круге судебных постановлений, подпадающих под термин «решение», употребленный в ст. 527 КГС Республики Беларусь. В соответствии с п. 23 ст. 1 КГС Республики Беларусь, решение – судебное постановление суда первой инстанции, рассмотревшего дело по существу, содержащее ответ (ответы) на заявленные требования. Таким образом, можно прийти к выводу, что признанию и приведению в исполнение подлежат только судебные постановления: 1) судов первой инстанции; 2) разрешающие дело по существу; 3) вынесенные при рассмотрении дела в исковом производстве (т.е. необходимость непосредственного участия в судебном разбирательстве).

В связи с изложенным возникает вопрос о возможности признания и приведения в исполнение судебных постановлений, носящих процессуальный характер и не разрешающих дело по существу. Так, в настоящее время такая возможность не предусмотрена ни в рамках региональных конвенций, ни в национальном законодательстве, однако мнение в доктрине по данному вопросу не однозначно.

Во-первых, большое количество исследователей высказывается за необходимость допускать признание и приведение в исполнение определений о принятии обеспечительных мер при условии направления их копии до исполнения ответ-

чику (должнику) и соблюдения обычного порядка обжалования таких определений [1, с. 79]. Так, отсутствие возможности признания и приведения в исполнение таких определений может привести к тому, что исполнение окончательного судебного решения может уже оказаться неэффективным.

Во-вторых, особую важность акты процессуального характера имеют в сфере банкротства. Так, помимо ключевого акта о признании должника несостоятельным или банкротом существует огромное количество других споров, связанных с требованиями кредиторов, включением их в реестр и др. Фактически, в рамках процедуры банкротства судом рассматривается не один, а несколько споров, имеющих относительно автономное, хотя и взаимосвязанное с другими, значение. Таким образом, на практике возникает ситуация, когда в делах о трансграничном банкротстве невозможность признания и приведения в исполнение судебных постановлений, не разрешающих дела по существу, значительным образом усложняет и в некоторых случаях делает процедуру рассмотрения дела невозможным [2, с. 635].

Таким образом, мы полагаем, что реформирование сложившейся системы путем предоставления возможности признавать и приводить в исполнение судебные постановления, не разрешающие дело по существу, максимально направлено на эффективную защиту прав участников гражданского оборота. В связи с этим считаем необходимым включение в перечень актов, подлежащих признанию и приведению в исполнение, судебное постановление (определение) суда иностранного государства, которым дело не разрешается по существу (в том случае, если оно требует признания и приведения в исполнение).

Библиографический список

1. Марышева, Н. И. Иностранное судебное решение как объект признания и приведения в исполнение в России / Н. И. Марышева, А. И. Щукин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 45-83.

2. Севергин, А. Д. Проблема признания и приведения в исполнение судебных актов иностранных судов по делам о трансграничном банкротстве в РФ / А. Д. Севергин, С. А. Арутюнян // E-Scio. – 2020. – № 6(45). – С. 624-637.

УДК 347.9

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ

М. А. Воскресенская

студент 4 курсаюридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель В. В. Делибозоглова

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, возникающие при исполнении исполнительных производств, связанных со взысканием алиментов. Особое внимание уделяется необходимости законодательных изменений для повышения качества исполнения судебных постановлений.

Ключевые слова: алименты на содержание несовершеннолетних детей, исполнительное производство, исполнительные документы.

Исполнительное производство является важным этапом реализации судебных решений, направленных на защиту прав и законных интересов граждан и организаций. Одной из наиболее распространённых категорий исполнительных производств являются исполнительные производства о взыскании алиментов. Практика показывает, что в процессе исполнительного производства возникают многочисленные дискуссионные вопросы.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая на совещании судей судов республики 25 марта 2008 года, отметил: «Отдельно хочу остановиться на вопросах исполнения решений, связанных с обязательствами родителей перед детьми. Всё, что связано с детьми, –предмет первоочерёдной, наиглавнейшей заботы нашего государства» [4].

В целях совершенствования правовых механизмов эффективного постадийного движения исполнительного производства при взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, создания единообразной правоприменительной практики судов и судебных исполнителей считаю целесообразным внести следующие изменения:

1. Внести изменения в п. 208 Инструкции по исполнительному производству № 67 (далее – Инструкция по исполнительному производству), а именно в ч. 1, тем самым исключая ч. 2 и изложить её в следующей формулировке: *«Задолженность по алиментам может быть рассчитана до дня возбуждения исполнительного производства в пределах трёхлетнего срока по ходатайству взыскателя»* [3].

При расчёте задолженности возникает множество вопросов, особенно если должник оплачивал задолженности, но не может предоставить подтверждающие сведения; если удержания производились по месту работы, однако организации больше не существует; зачастую должникам насчитывается задолженность, не соответствующая действительности, ввиду отсутствия сведений об уплате; взыскатели злоупотребляют данным правом на расчёт за три года.

2. Внести изменения, касающиеся порядка привлечения должников к уголовной ответственности в соответствии со ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а именно: привлекать должников к уголовной ответственности исключительно по заявлению взыскателя, без инициативы судебного исполнителя [2].

3. Добавить в перечень оснований для возвращения исполнительного документа без возбуждения исполнительного производства, основание, касающееся взыскания алиментов (ст. 45 Закона «Об исполнительном производстве») в отношении должника: «Судебный исполнитель возвращает исполнительный документ без возбуждения исполнительного производства, если должник официально трудоустроен и денежные средства ежемесячно перечисляются из заработной платы должника (**например**, в течение 6 месяцев) [1].

4. Урегулировать порядок расчёта задолженности по алиментам индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), в связи с тем, что налоговые инспекции

могут предоставить сведения о доходах ИП за квартал/год, однако расчёт задолженности производится по месяцам, в связи с чем установить реальный доход ИП конкретно по каждому месяцу не представляется возможным.

Таким образом, дискуссионные вопросы исполнительного производства по взысканию алиментов обусловлены как нормативно-правовыми, так и организационно-практическими факторами, что требует комплексного подхода к реформированию этой сферы для улучшения исполнения судебных решений и социальной защиты взыскателей алиментов.

Библиографический список

1. Об исполнительном производстве : Закон Респ. Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З : в ред. от 8 июля 2024 г. № 26-З // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 03.10.2025).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 03.10.2025).

3. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству : пост. Министерства юстиции Респ. Беларусь, 7 апреля 2017 г., № 67 : в ред. пост. Министерства юстиции Респ. Беларусь от 21 ноября 2024 г. № 100 // ЭТАЛОН : информ.-правовая система (дата обращения: 03.10.2025).

4. Президент Республики Беларусь, Выступление на совещании судей судов Республики Беларусь / Президент Республики Беларусь // president.gov.by. – URL: https://president.gov.by/ru/events/vystuplenie-na-soveschanii-sudej-sudov-respubliki-belarus-5874 (дата обращения: 03.10.2025).

УДК 347.9

ПЕРЕГОВОРЫ СТОРОН ПРИ СОДЕЙСТВИИ ИХ АДВОКАТОВ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А. Ю. Гоман

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: доцент Т. В. Сысуев

В настоящей статье рассматривается институт переговоров сторон при содействии их адвокатов. Определяется сущность данного института, возможность его применения в судебном разбирательстве с учётом содержания нормативных актов Республики Беларусь.

Ключевые слова: переговоры сторон; партисипативная процедура**;** адвокат; КГС.

Принятие Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС), вступающего в силу 1 января 2026 г., завершило новую кодификацию гражданского процессуального законодательства.

Помимо фактического «объединения» двух процессуальных кодексов, КГС вводит и принципиально новые институты процессуального права. Один из них – переговоры сторон при содействии их адвокатов (партисипативная процедура) –

органичный пример учета тенденций развития и потребностей современного правосудия и заимствования полезного опыта иностранных государств.

Партисипативная процедура представляет собой один из альтернативных способов разрешения споров (далее – АРС). По своей сути она направлена на достижение между сторонами согласия по уже рассматриваемому делу без непосредственного участия суда, путем проведения переговоров между сторонами, представленными адвокатами (патентными поверенными).

Важнейшим квалифицирующим признаком, позволяющим разграничить партисипативную процедуру от иных способов АРС, на наш взгляд, является роль специального субъекта – адвоката, привлеченного в процесс переговоров.

Законодатель определяет специфику и порядок ведения переговоров при участии адвокатов схематично, но на основании выбранной партисипативной модели представляется возможным определить полномочия адвоката как участника таких переговоров следующим образом: в отличие от медиатора, адвокат не только высказывает рекомендации, но и обладает полномочиями оценивать правовые позиции, а также предлагать собственные варианты соглашения [1].

Ч. 1 ст. 169 КГС указывает, что назначение партисипативной процедуры возможно только по делам искового производства после возбуждения дела исключительно по ходатайству сторон. Использование этой формы урегулирования вне судебного процесса невозможно.

Законодатель не устанавливает конкретный срок на проведение переговоров, передавая решение по этому вопросу суду, который выносит соответствующее определение с учетом мнения участвующих в деле лиц. Для проведения переговоров сторон при содействии их адвокатов производство по делу может быть приостановлено (ч. 1 чт. 169, п. 15 ст. 133 КГС). Организационные вопросы партисипативной процедуры и порядок проведения переговоров в соответствии с ч. 2 ст. 169 КГС, определяется сторонами самостоятельно.

По итогам переговоров стороны вправе заключить соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов. Часть 2 ст. 170 КГС устанавливает, что к условиям, форме и содержанию, а также к порядку заключения, утверждения и исполнения такого соглашения применяются правила, установленные КГС для мирового соглашения, признания иска либо отказа от иска. Соглашение подписывается как сторонами, так и адвокатами, участвовавшими в переговорах (ч. 1 ст. 170 КГС).

Как и мировое соглашение и соглашение о примирении, соглашение об урегулировании спора по результатам переговоров сторон при содействии их адвокатов подлежит утверждению судом. В случае его утверждения суд прекращает производство по делу без вынесения решения (п. 9 ст. 130 КГС). Судебные расходы по делу, если сторонами не будет определено иное, взаимно погашаются (ч. 3 ст. 150 КГС).

По нашему мнению, партисипативная процедура, закрепленная в КГС, нуждается в дополнительной регламентации. Было бы целесообразным дальнейшее изучение опыта иностранных юрисдикций (например, Республики Казахстан) в ее регулировании, например, – создание методических рекомендаций для участников переговоров.

Закрепление в КГС института переговоров сторон при содействии их адвокатов отражает стремление законодателя к модернизации судопроизводства и развитию и дифференциации форм АРС.

Библиографический список

1. Здрок, О.Н. Переговоры при содействии адвокатов: новелла КГС // О.Н. Здрок // Юрист [Электронный ресурс]. – 2024. Режим доступа : https://jurist.by/zhurnal/statia/peregovory-pri-sodejstvii-advokatov-novella-kgs. – Дата доступа : 05.10.2025.

УДК 347.9

ОСОБЕННОСТИ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. В. Гринь

учащийся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: преподаватель И. С. Басалыга

В статье проводится анализ правового регулирования упрощенного производства в рамках Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. Определен круг дел, которые могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства, а также перечень обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в порядке упрощенного производства.

Ключевые слова: упрощенное производство; исковое производство; приказное производство; Кодекс гражданского судопроизводства.

В юридической литературе нет единой точки зрения относительно правовой природы упрощенных процедур в гражданском судопроизводстве. Также нет общей позиции относительно вопроса, какие производства следует относить к упрощенным (например, приказное, заочное). Однако в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который вступит в силу с 1 января 2026 г., упрощенные процедуры представлены приказным и упрощенным производством. В свете вышеизложенного представляется актуальным выделить основные особенности упрощенного производства в рамках главы 30 КГС.

Во-первых, важно определить, какие дела могут быть рассмотрены в порядке упрощенного производства, поскольку разрешение в порядке упрощенного производства дела, подлежащего рассмотрению по общим правилам искового производства, является безусловным основанием для отмены решения суда. Согласно ч. 1 ст. 339 КГС в рамках упрощенного производства могут быть рассмотрены дела по исковым заявлениям о взыскании денежных средств или об истребовании имущества при цене иска, предъявленного к гражданам, в том числе индивидуальным предпринимателям, не свыше 300 базовых величин, а к юридическим лицам – не свыше 1000 базовых величин. Исходя из ч. 2 ст. 339 КГС другие дела искового производства также могут быть рассмотрены су-

дом в порядке упрощенного производства по ходатайству одной из сторон и при согласии другой стороны *или* по инициативе суда при согласии сторон. Не подлежат рассмотрению в порядке упрощенного производства (ч. 3 ст. 339 КГС) дела по коллективным исковым заявлениям, дела, содержащие сведения, составляющие государственные секреты, дела о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, а также дела, затрагивающие права несовершеннолетних, за исключением дел о взыскании алиментов. В юридической литературе отмечается, что «критерием разграничения возможности рассмотрения дел о взыскании алиментов в порядке упрощенного производства либо приказного производства является наличие или отсутствие спора о праве» [1, с. 4]. В приказном производстве предметом судебной деятельности является бесспорное требование взыскателя, подтвержденное документами. В упрощенном производстве имеет место спор о праве.

Во-вторых, исходя из ст. 338 КГС дела в порядке упрощенного производства рассматриваются судом *без проведения судебного заседания и вызова сторон* в месячный срок после возбуждения производства по делу по общим правилам искового производства с учетом особенностей, предусмотренных главой 30 КГС. Месячный срок рассмотрения дела продлению не подлежит [1, с. 3]. Отметим, что в исковом производстве срок рассмотрения дела по общему правилу составляет не более двух месяцев (ст. 122 КГС).

В-третьих, ч. 4 ст. 339 КГС содержит перечень обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела в порядке упрощенного производства. Данный перечень является открытым. К вышеуказанным обстоятельствам относятся следующие: возражения истца и (или) ответчика против рассмотрения дела в порядке упрощенного производства; предъявление встречного иска; удовлетворение судом ходатайства о привлечении к участию в деле третьего лица; возникновение необходимости выяснения дополнительных обстоятельств путем допроса свидетелей или совершения других процессуальных действий; возникновение иных обстоятельств (например, увеличение истцом размера исковых требований выше предела, установленного ч. 1 ст. 339 КГС).

Таким образом, понимание особенностей упрощенного производства повышает эффективность судебной защиты по делам искового производства, а также содействует реализации принципа процессуальной экономии.

Библиографический список

1. Хотько, Е. Упрощенное производство в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь / Е. Хотько // Судовы веснік. – 2025. – № 4. – С. 3–7.

УДК 347.9

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ МЕДИАЦИИ

Б. А. Девятник

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель В. В. Делибозоглова

В статье анализируется перспектива применения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сфере медиации в Республике Беларусь. Выделяются ключевые преимущества внедрения ИИ, а также недостатки и риски. Делается вывод о невозможности полной замены медиатора ИИ в рассматриваемой перспективе.

Ключевые слова: альтернативные методы разрешения споров, искусственный интеллект, медиация.

В целях оптимизации судебной нагрузки и внедрения альтернативных механизмов разрешения споров законодателем был инициирован правовой институт медиации. Его нормативное закрепление осуществилось посредством принятия Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации), который закрепил данную процедуру в национальной судебной системе и создал предпосылку для дальнейшего развития.

В соответствии с абз. 4 ч. 1 ст. 1 Закона о медиации, медиация понимается как переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения.

На данном этапе развития возможных вариантов упрощения жизни человека происходит концентрация внимания на искусственном интеллекте (далее – ИИ), который оказывает влияние в том числе и на правосудие.

В настоящее время в судебной системе Республики Беларусь активно используются информационные технологии, в частности автоматизированную информационную систему судов общей юрисдикции (АИС СОЮ), которая обеспечивает комплексную автоматизацию основных функций судов всех уровней, что приводит к оптимизации и ускорению судебных процедур [1]. В то же время суды Российской Федерации стали постепенно использовать потенциал ИИ, поручая ему анализ документов больших объемов, выявление халатности и коррупции [2].

Рассматривая перспективу применения ИИ в медиации, сопутствуется рядом достоинств, к которым можно отнести: обработка и хранение большого количества данных; возможность прогнозирования результатов; снижение субъективности и широкая доступность для многих людей, в случае интеграции онлайн-платформы с ИИ-медиатором.

Однако здесь же можно отметить недостатки и риски, связанные с использованием ИИ в медиации. Непосредственная обработка и хранение данных требует их предоставления, что подвергает сомнению принцип конфиденциальности. Несмотря на развитие цифровых технологий, все еще остается наличие фактора уязвимости кибербезопасности, так как хранение конфиденциальных данных в облачных системах повышает риски хакерских атак и утечек персональных данных [3].

На данном этапе ИИ не способен полностью имитировать человеческое сопереживание, критичное для разрешения эмоционально заряженных споров, к примеру семейных, что является его значимым минусом. Принципиальное ограничение ИИ в данной сфере связано с его неспособностью к полноценному учёту ню-

ансов казуса, поскольку его функционирование уже предопределено заложенными алгоритмами, в то время как каждый правовой спор обладает уникальной совокупностью фактических обстоятельств, требующей особого подхода и гибкости в выработке решений.

Таким образом, полная замена медиатора ИИ невозможна. Невзирая на ранее перечисленные преимущества ИИ, такие как обработка больших данных, прогнозирование результатов, снижение субъективности и повышение доступности, его внедрение в медиацию сопряжено с фундаментальными ограничениями. Оптимальное использование ИИ в сфере медиации может выражаться в интеграции ИИ как вспомогательного инструмента для повышения оперативности деятельности медиатора, посредством возложения на него рутинных задач.

Библиографический список

1. Использование искусственного интеллекта в судопроизводстве: реальность и перспективы : Верховный Суд Республики Беларусь. – Минск, 2023. – URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/b7ad4297f4a64efb.html (дата обращения: 18.09.2025).

2. Искусственный интеллект внедрили в работу российских судов : Lenta.ru. – 2025. – URL: https://lenta.ru/news/2025/05/20/iskusstvennyy-intellekt-vnedrili-v-rabotu-rossiyskih-sudov/ (дата обращения: 18.09.2025).

3. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве / И. Я. Сабуров. – Вестник Дагестанского гос. ун-та, 2025. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve/viewer (дата обращения: 18.09.2025).

УДК 347.9

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА (МАТЕРИНСТВА)

К. А. Казак

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. Н. Романова

В статье анализируются актуальные проблемы процессуального характера, возникающие при установлении отцовства (материнства) в Республике Беларусь. Несмотря на законодательное регулирование данного института, на практике сохраняются спорные моменты, требующие более точную конкретизацию и урегулированность.

Ключевые слова: установление отцовства (материнства), процессуальные стороны, доказывание.

Установление отцовства (материнства) – это одна из важнейших юридических процедур, которая определяет не только права и обязанности родителей по отношению к ребенку, но и защищает права самого ребенка.

В Республике Беларусь вопросы установления отцовства (материнства) регулируются семейным и гражданско-процессуальным законодательством, и несмотря на урегулированность и разъяснение данного вопроса уже утратившим силу постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 1991 г. № 12 «О практике применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов на детей» (далее – постановление Пленума № 12) все равно возникают вопросы.

При анализе законодательства регулирующего установления отцовства (материнства) можно выделить следующие проблемы:

1. Истец (ответчик) по делам об установлении отцовства (материнства). В правоприменительной практике является общепризнанный подход, в соответствии с которым стороной процесса по таким категориям дел, суды считают родителя, отстаивающего интересы несовершеннолетнего, а не самого ребенка [1, с. 99]. В п. 3, 7 постановления Пленума № 12, мать ребенка также указывается как истец по делу об установлении отцовства.

Однако, при рассмотрении теоретического подхода к понятию стороны процесса, как лица, чьи права (обязанности) выступают предметом судебного спора, то подход постановления Пленума № 12 будет противоречивым. Таким образом в делах об установлении отцовства (материнства) предметом судебного спора являются права (обязанности) самого ребенка, но не выступающего в процессе в интересах ребенка – родителя. Так, например, на основании подп. 5 п. 1 ст. 164 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, суд обязан прекратить производство по делу, в случае смерти гражданина, являющегося стороной по делу. Тем самым в случае смерти родителя, суд прекратит производство по делу, но если же рассматривать ребенка процессуальной стороной, а родителя в качестве его законного представителя, то его смерть не приведет к прекращению производства по делу.

2. Доказывание по делам об установлении отцовства (материнства). На основании ч. 4 ст. 57 Кодекса о браке и семье Республики Беларусь при установлении отцовства суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от предполагаемого отца, или признание предполагаемым отцом ребенка. Суд может также принять во внимание и иные обстоятельства. Также в п. 6 постановления Пленума № 12 указывается, что доказательствами, с достоверностью подтверждающими происхождение ребенка от ответчика, могут быть заключения судебно-медицинской и генно-дактилоскопической экспертиз. Тем не менее формулировка «могут быть», является некорректной и дает повод считать, что с достоверностью подтверждать происхождение ребенка от ответчика способны помимо заключения эксперта, иные доказательства [2, с. 88]. На Наш взгляд, важность данных доказательств переоценить сложно, так как являются самым достоверным источником доказательства. Однако, в то же время, в п. 16 того же постановления подчеркивается, что заключения указанных экспертиз являются только одним из средств доказывания, поэтому они должны быть оценены судом наряду с другими доказательствами по делу в их совокупности.

Библиографический список

1. О некоторых процессуальных проблемах рассмотрения судами дел, связанных с установление происхождения детей / В. П. Скобелев. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/241150/1/%D0%A1%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%2096-100.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

2. Новые стандарты доказывания по судебным делам об установлении отцовства / В. П. Скобелев. – URL: file:///C:/Users/37529/Downloads/0L4==_=UTF_8BINGB0YPQtNC10LHQvdGL0Lwg0LTQtdC70LDQvCDQvtCxINGD0YHRgg===.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 347.998.72

РАЗЛИЧИЯ ТРЕТЕЙСКИХ И АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Кухарчик

студент 4 курса Академии Министерства внутренних дел,
Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент А. Г.Сачек

Данная статья посвящена сравнительному анализу третейских и арбитражных судов в системе разрешения споров Республики Беларусь. Рассмотрены основные юридические особенности, отличия и особенности регулирования указанных институтов. Материалы статьи будут полезны для юристов, судей, адвокатов и студентов юридических вузов.

Ключевые слова: Третейский суд; международный арбитражный суд; разрешение споров, внесудебные формы урегулирования; гражданско-правовые споры; третейское соглашение.

Разрешение споров является важной составляющей современной правовой системы любой страны. В Республике Беларусь особое значение приобретают внесудебные (альтернативные) формы урегулирования конфликтов, способствующие снижению нагрузки на судебную систему, содействующие сохранению деловых и межличностных отношений, а также повышению эффективности правового регулирования.

Несмотря на различные способы альтернативного разрешения споров, особое место среди них, по нашему мнению, занимает рассмотрение спорных правоотношений в арбитражных либо третейских судах. Следует подчеркнуть, что эти два института имеют существенные различия в своей природе, порядке создания и функционирования[1,с. 89].

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах», третейским судом является организация, не входящая в судебную систему Республики Беларусь, создаваемая для разрешения споров в виде постоянно действующего третейского суда или третейского суда, образуемого по соглашению сторон для разрешения конкретного спора. Однако следует уточнить, что для рассмотрения спора в третейском суде существует одно очень важное условие, без которого разбирательство невозможно – это наличие в договоре третейской оговорки или третейского соглашения.

Вместе с тем, в преамбуле к Закону «О третейских судах» отмечено, что он не регулирует отношения в области создания и деятельности международных арбитражных (третейских) судов. Правовое положение последних определено Законом Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее Закон о МАС) где международный арбитражный (третейский) суд определяется как создаваемая в целях рассмотрения соответствующих споров постоянно действующая арбитражная (третейская) организация или третейский орган, специально образуемый по соглашению сторон спора вне постоянно действующей арбитражной (третейской) организации для рассмотрения отдельного спора.

Анализ законодательства свидетельствует о ряде отличий между арбитражными и третейскими судами:

1. Наличие в наименовании понятия «арбитраж» свидетельствует об определенной специализации – возможности рассмотрения спорных хозяйственных (экономических) правоотношений, в то время как третейские органы могут создаваться для рассмотрения различных категорий споров.

2. Постоянно действующий третейский суд в отличие от постоянно действующего международного арбитражного суда, под юрисдикционного Республике Беларусь, может создаваться (учреждаться) не только некоммерческой организацией (ст. 7 Закона о МАС). Он может учреждаться и иными юридическими лицами - торговыми палатами, биржами, общественными объединениями предпринимателей и потребителей, иными организациями, созданными в соответствии с законодательством Республики Беларусь, и их объединениями (ассоциациями, союзами) и действующими при этих организациях юридическими лицами. Такой третейский суд не может быть образован при государственных органах, в том числе органах местного самоуправления.

Изучение особенностей арбитражных и третейских судов в Республике Беларусь позволяет сделать вывод о значимости этих институтов для обеспечения разрешения спорных правоотношений в досудебном порядке. Дальнейшее развитие и совершенствование арбитражного и третейского судопроизводства способствует укреплению правовой системы страны и повышению эффективности разрешения споров.

Библиографический список

1. Дубовик, Э. Третейское разбирательство в Республике Беларусь: становление и развитие / Э. Дубовик, Н. Тарасюк // Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. – 2013. – № 7. – С. 89–94.

УДК 347.94

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. В. Малявский

учащийся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель И. С. Басалыга

В статье проводится анализ правового регулирования электронных доказательств в гражданском судопроизводстве. Определены порядок представления и особенности исследования электронных доказательств.

Ключевые слова: электронные доказательства; письменные доказательства; звуко- и видеозаписи; Кодекс гражданского судопроизводства.

В Республике Беларусь с 1 января 2026 г. вступает в силу Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС). Вследствие этого прекратит свое действие Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК). Одной из новелл КГС является закрепление электронных доказательств в качестве самостоятельного средства доказывания (§ 4 гл. 22).

В настоящее время суды также принимают электронные доказательства. Однако в зависимости от содержания информации, зафиксированной на техническом носителе, электронные доказательства могут представляться и исследоваться по правилам, предусмотренным для письменных доказательств (ст. 192 ГПК и ст. 84 ХПК) или звуко- и видеозаписей (ст. 229 ГПК, ст. 90 ХПК).

Согласно ст. 199 КГС электронными доказательствами являются сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет. На случай высокой вероятности удаления информации в сети Интернет, КГС допускает обеспечение электронных доказательств как до, так и после возбуждения производства по делу в суде, *нотариусами* (ст. 235 КГС). На данный момент исходя из ст. 234 ГПК нотариус может обеспечить только *письменные доказательства* и только до возбуждения дела в суде общей юрисдикции.

Исходя из ст. 200 КГС электронные доказательства представляются в подлиннике или в копии. Лицо, представившее копию электронного доказательства, должно указать о наличии у него или другого лица подлинника электронного доказательства. Если подлинник электронного доказательства не представлен, а достоверность представленной копии оспаривается и (или) вызывает сомнения у суда, такое доказательство не может быть принято судом. Лица, представляющие электронные доказательства, обязаны указывать сведения о формате записи на электронном носителе информации, а также об оборудовании и программном обеспечении (далее – ПО), необходимых для ее воспроизведения. При отсутствии у суда оборудования и (или) ПО сторона может предоставить суду оборудование и (или) ПО (компьютер, смартфон, программу и т.п.). Электронные доказательства с зафиксированной на них текстовой или графической информацией должны сопровождаться изображением записи на бумажном носителе. По ходатайству сторон или одной из них и при отсутствии возражений лиц, участвующих в деле, суд

может исследовать изображение электронного доказательства на бумажном носителе без использования соответствующих оборудования и (или) ПО (ч. 5 ст. 201 КГС). В отношении информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, должен быть указан адрес в Интернете, по которому такая информация размещена. При исследовании электронных доказательств, требующих введения паролей, кодов, графических ключей и иных способов идентификации, операции по доступу к электронному доказательству осуществляются представившим его лицом, о чем делается запись в кратком протоколе, протоколе судебного заседания, без оглашения идентификационных данных в судебном заседании и без их занесения в краткий протокол, протокол судебного заседания (ч. 3 ст. 201 КГС).

В свете активного развития информационных технологий (vpn, 2p2 и пр.), искусственного интеллекта (далее – ИИ) открытым остается вопрос подлинности электронных доказательств. На данный момент существует множество программ, с помощью которых возможно изменение текстовой, графической информации, в том числе голосовых сообщений. Часть 6 ст. 201 КГС допускает привлечение судом специалиста для участия в исследовании электронных доказательства. А ст. 184 КГС дает возможность доказывать подложность доказательств с помощью любых средств доказывания, включая свидетельские показания. Таким образом, основные проблемные вопросы группируются вокруг сбора, фиксации, проверки и оценки электронных доказательств.

УДК 347.91

КОНЦЕПЦИЯ «COLLABORATIVE LAW» КАК ОСНОВА ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Маслакова

аспирант Академии управления при Президента Республики Беларусь
Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор Т. С. Таранова

Концепция «collaborative law» представляет собой альтернативный подход к разрешению гражданских споров. Идеи взаимопомогающего права находятся в русле современных тенденций развития права, когда альтернативные способы разрешения споров становятся более востребованными, чем судебное разбирательство.

Ключевые слова. Collaborative law, партисипативная процедура, сотрудничество в праве, примирение, юридический конфликт.

Идея взаимопомогающего права была разработана в конце XX века в США. В 1990 году юрист Стюарт Уэбб, взяв за основу положительный опыт работы юристов по семейному праву разработал подход, при котором работа юриста заключалась в способствовании мирному урегулированию конфликта до суда, а не в представительстве на судебном разбирательстве [1]. Данный подход получил название «collaborative law» и в дальнейшем лег в основу многих примирительных процедур, в частности партисипативной процедуры (примирение сторон конфликта при содействии их адвокатов).

Его основа − взаимодействие сторон спорного правоотношения и их юристов для достижения взаимоприемлемого решения без обращения в государственный суд. Основная задача взаимопомогающего права заключается в помощи сторонам юридического конфликта в достижении компромиссного решения в отношении вынесенного на рассмотрение спорного правоотношения. Решение, принятое по окончании совместной работы, должно устраивать обе стороны и при этом стороны имеют больше шансов сохранить дружественные отношения, чем при рассмотрении дела в суде [1].

Примирение сторон в концепции collaborative law зачастую обходится дешевле, чем при рассмотрении дела в суде [2]. Каждая сторона несет ответственность за оплату гонораров юристов. Стоимость варьируется и во многом зависит от сложности решаемых вопросов и времени, необходимого для их решения. В целом, отмечается, что стоимость будет ниже, чем при обращении в суд, где необходимо уплачивать пошлину [2].

В Америке и ряде европейских государств, где концепция сотрудничества в праве активно применяется в гражданском судопроизводстве, основой для применения Collaborative Law является Типовой закон, разработанный Американской ассоциацией юристов − Uniform Collaborative Law Act. Данный Закон носит является актом рекомендательного характера и может быть использован сторонами только при условии включения информации о его применении в текст контракта или иного соглашения [3, с.398].

Процесс примирения в концепции взаимопомогающего права предполагает проведение нескольких встреч, которые именуются четырехсторонними. Количество встреч, которые необходимо провести, и вопросов, которые необходимо решить между сторонами, неограниченно и четко не регламентируется. В случае, если стороны в ходе проведения переговоров, не могут достичь консенсуса, дело может быть рассмотрено в суде. Важным аспектом при этом является то, что каждой стороне необходимо будет поручить альтернативное представительство, поскольку адвокаты, ранее участвующие в примирительных переговорах, не смогут вновь их представлять.

Таким образом, можно говорить о том, что именно американская концепция collaborative law способствовала появлению концепции партисипативности в современном ее понимании. Использование коллаборативного подхода для разрешения юридических споров должно способствовать повышению ответственности сторон спорного правоотношения, увеличению контроля над выбор экспертов, объемом финансирования процесса, сроками разрешения спора, а также заключению таких соглашений, которые будут удовлетворять интересы все стороны.

Библиографический список

1. Forrest, B. Introduction: participation agreements and the team approach / B. Forrest // Evidence based library and information practice. – URL: https://journals.library.ualberta.ca/themanitobalawjournal/index.php/mlj/article/view/1265/1241 (дата обращения: 06.09.2025).

2. Шамликашвили, Ц. Адвокат уходит из суда. Что такое collaborative law? / Ц. Шамликашвили // Academia. – URL:

https://www.academia.edu/40097026/Адвокат_уходит_из_суда_Что_такое_collaborative_law_2009_ (дата обращения: 06.09.2025).

3. Донская, Д. Д. Особенности Collaborative Law в урегулировании трансграничных споров / Д. Донская // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения», г. Москва, 6-8 апр. 2017 г. / Московской государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина ; редкол: В. Н. Синюков (гл. ред.) [и др.]. – М., 2017. – С. 397–402.

УДК 347.254 : 347.952

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ДОЛЖНИКА БЕЗ СВЕДЕНИЙ О НАСЛЕДНИКАХ

А. Г. Пилат

аспирант 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. Н. Никонова

Проанализирована проблема развития исполнительного производства по требованиям о взыскании денежных средств в случае смерти должника при наличии имущества, за счет которого могут быть удовлетворены требования взыскателей, и отсутствии у судебного исполнителя информации о наследниках, принявших наследство.

Ключевые слова: исполнительное производство, окончание исполнительного производства, прекращение исполнительного производства, возвращение исполнительного документа взыскателю, приостановление исполнительного производства, смерть должника, правопреемство, наследование, выморочное наследство.

Судебный исполнитель сталкивается с существенными затруднениями при определении дальнейшего хода исполнительного производства после смерти должника, когда правопреемство теоретически возможно, однако ни взыскатель, ни судебный исполнитель не обладают документами, подтверждающими факт принятия наследства или переход имущества к наследникам [1, с. 47]. На основании п. 2 ст. 81 Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» от 18 июля 2004 г. № 305-З орган нотариата вправе открыть наследственное дело по заявлению кредитора.

По истечении срока на принятие наследства (6 мес.) при отсутствии денежных средств, иного имущества должника и отсутствии открытого наследственного дела исполнительное производство, в соответствии со сформировавшейся в органах принудительного исполнения (далее – ОПИ) практикой, прекращается ввиду *невозможности перехода обязанности стороны исполнительного производства (должника) к иному лицу* (абз. 6 ч. 1 ст. 52 Закона).

Законодатель также точно определил момент, до которого приостанавливается дело по иску наследника к исполнителю завещания или наследственному имуществу в ситуации, когда имеется наследственное имущество, но нет информации о наследниках. [2, с.22]

Предлагаем следующий алгоритм действий. По истечении шести месяцев приостановленное исполнительное производство возобновляется, направляется запрос в соответствующую нотариальную контору для установления факта открытия наследственного дела, получения информации о наследниках, уточнения состава наследства. Если наследственное дело не открывалось либо было открыто, но никто из наследников не принял наследство или все они от наследства отказались, судебному исполнителю следует уведомить об этом взыскателя, разъяснить ему право обратиться в суд с иском о взыскании суммы с наследников – при наличии у кредитора информации о *фактическом* принятии наследства наследниками (п. 4 ст. 1086 ГК). Судебному исполнителю, думается, следует уведомить и местный исполнительный и распорядительный орган, который позднее может обратиться в суд за признанием наследства выморочным. После совершения данных действий исполнительное производство снова приостанавливается.

По истечении года следует возобновить исполнительное производство, проверить, не оформил ли кто-либо из наследников свои права на наследство, а также наличие в суде дела о признании наследства выморочным. При наличии информации о принятии наследства, привлечь правопреемника должника в исполнительное производство. При наличии в суде дела о признании наследства выморочным, приостановить исполнительное производство до его разрешения [3, с.47].

Если по истечении срока на обращение в суд (т.е. по истечении года и трех месяцев со дня смерти должника) судебным исполнителем не будет получена информации о возбуждении в суде дела, исполнительное производство полежит возобновлению с последующим прекращением [4, с. 6–8].

Библиографический список

1. Хотько, Е. П. Исполнительное производство в гражданском процессе / Е. П. Хотько. – Брест : БрГУ, 2016. – 85 с.

2. Скобелев, В. П. Прекращение исполнительного производства в контексте последних новаций законодательства / В. П. Скобелев // Наука. Предпринимательство. Инновации. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 244–248.

3. Горелов, Н. В. Взыскание долгов за счет выморочного имущества / Н. В. Горелов // ilex : ООО «ЮрСпектр». – URL: https://ilex.by/vzyskanie-dolgov-za-schet-vymorochnogo-imushhestva/ (дата обращения: 18.03.2025).

4. Никонова, Н. Н. Правовое положение Республики Беларусь и административно-территориальных единиц как сторон исполнительного производства / Н. Н. Никонова // Исполнительное производство: проблемы правового регулирования. – Минск : Колорград, 2022. – С. 213–223.

УДК 347.9

ОСНОВАНИЯ, ФОРМЫ И ЗАДАЧИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Н. М. Слабейко

аспирант 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: кан. юрид. наук, доцент О. Н. Романова

С учетом рассмотрения процессуального положения и полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве в статье определяется важность и значимость участия прокурора в исполнительном производстве, определение его правового статуса и включения в состав участников исполнительного производства.

Ключевые слова: прокурор, исполнительное производство, принцип прокурорского надзора, защита прав

Среди участников исполнительного производства в литературе выделяют лиц, интерес которых в исполнительном производстве носит государственный или общественный характер. Обеспечивая своим участием защиту интересов государства и общества, эти лица тем самым активно содействуют правильному и быстрому исполнению исполнительных документов, так как государство непосредственно заинтересовано в реализации принятых судебных и иных актов, подлежащих исполнению [1, с.130]. Заметную роль при исполнении судебных постановлений играют органы прокуратуры.

В 2021 году в Законе Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З (ред. от 08.07.2024) «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) дано определение понятия «прокурор» и расширен круг его полномочий.

В абз.2 п.1 Приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 7 февраля 2019 г. № 1 (ред. от 14.03.2024) «Об организации надзора за соблюдением законодательства при принудительном исполнении исполнительных документов» закреплено, что органы прокуратуры обязаны при помощи мер прокурорского реагирования добиваться неукоснительного соблюдения законодательства об исполнительном производстве, при необходимости принимать участие в рассмотрении внесенных актов прокурорского реагирования.

Цель прокурорского надзора в рассматриваемой сфере является обеспечение законности в процессе принудительного исполнения, эффективная и своевременная защита прав участников исполнительного производства и лиц, в отношении которых ошибочно совершались исполнительные действия [2, с.119].

Таким образом, задачи участия прокурора в исполнительном производстве совпадают с целями и задачами исполнительного производства (ст.4 Закона об исполнительном производстве) – это защита нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и иных организаций, соблюдение и охрана интересов государства.

Основанием участия прокурора в исполнительном производстве является осуществление им правоохранительной функции. Прокурорский надзор осуществляется на всех стадиях гражданского процесса, в том числе в исполнительном производстве. Данное утверждение вытекает из сущности принципа прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве.

Заслуживает внимание позиция В.П.Скобелева, что целесообразно закрепить среди принципов исполнительного производства как завершающей стадии гражданского процесса принцип прокурорского надзора как один из принципов гражданского судопроизводства [3].

Полномочия прокурора в исполнительном производстве можно условно разделить на две категории – надзорные, закрепленные Законом о прокуратуре, а также установленные ст.21 Закона об исполнительном производстве.

Однако такое положение не совсем применимо, когда речь идет про участие прокурора в гражданском судопроизводстве в форме обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц. Несмотря на то, что в литературе нет единого мнения относительно статуса прокурора в делах, возбужденных по его заявлению, на наш взгляд, выделение прокурора среди других участников гражданского судопроизводства и наделение его достаточно широкими и характерными только для него процессуальными функциями позволяет говорить о необходимости наделения прокурора правом на возбуждение исполнительного производства, по крайней мере, по судебным постановлениям, вынесенным по его заявлениям, а также в тех случаях, когда в силу объективных причин лицо не может самостоятельно обратиться для защиты своих прав, свобод и законных интересов на стадии исполнительного производства.

Таким образом, целесообразно по аналогии, как прокурор является участником гражданского судопроизводства согласно ст.54 ГПК, в ст.16 Закона об исполнительном производстве [4] включить прокурора в число участников исполнительного производства.

Библиографический список

1. Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство. – М.; «Городец-издат», 2002. – 448 с.

2. Проблемы правового регулирования и совершенствование законодательства в сфере исполнительного производства: монография / Т.С. Таранова [и др.] 4 Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редколл.: Т.С.Таранова, Д.В.Гапоненко. – Минск: Колорград, 2023. – 354 с.

3. Скобелев, В.П. Законодательство меняется – проблемы остаются [Электронный ресурс] : // ЭТАЛОН. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

4. Ващеброви́ч, М. Г. Некоторые особенности определения статуса прокурора в исполнительном производстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : https://elib.bsu.by/handle/123456789/310734 – Дата доступа: 01.10.2025.

УДК 347.9

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВА

А. С. Тарабонда

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: доцент Т. В. Сысуев

Цифровизация преобразует различные сферы жизни, и правоприменение не является исключением. В контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС Республики Беларусь), положения которого вступают в силу с 1 января 2026 г., цифровизация представляет собой одну из новаций, которая меняет подход к оказанию правосудия.

Ключевые слова: цифровизация; судопроизводство; ИКТ; информационные технологии; ЭЦП; КГС.

На сегодняшний день в условиях постоянно развивающегося общества правовая система не остается на месте и следует принципу изменчивости. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) играют особую роль в получении оперативной информации, анализе деятельности судов, обеспечении доступности, оперативности и открытости правосудия.

Под термином «цифровизация» в рамках судебной системы понимается применение ИКТ в процессе правосудия и (или) переход на электронное судопроизводство, что способствует совершенствованию судебной защиты прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц.

Позитивный опыт иностранных государств подсказывает, что правосудие уже невозможно будет представить без использования информационных технологий. Так, в Соединенных Штатах Америки (лидер в области внедрения ИКТ в судебную систему) существует своя система электронного правосудия или, иными словами, концепция e-justic / e-court (electronic justice – цифровая юстиция; electronic court – цифровой суд), которая обладает широкими функциональными возможностями. В режиме круглосуточного доступа предусмотрены работа с документами (загрузка и печать), ознакомление с аудиозаписями судебных заседаний, возможность подачи заявлений в суды в электронной форме, получение информации о ходе рассмотрения, движения дела в электронной форме и иных элементах судебных разбирательств (информация о сторонах дела, процессуальные действия, совершенные в ходе заседаний) [1, с. 136].

В Республике Беларусь широкое применение информационных технологий началось еще в рамках экономического правосудия, а именно внедрением сервиса «Электронное судопроизводство», которое предоставило возможность зарегистрированным пользователям дистанционно направлять в суды процессуальные обращения в электронном виде. Обеспечивается легитимность прикрепляемых документов наличием электронной цифровой подписи (ЭЦП). В личном кабинете заявитель имеет возможность наблюдать за результатами обработки обращения, получать электронное оповещение о его статусе, назначении дела к судебному заседанию и т.д.

Внедрены были также системы фиксирования судебного слушания с использованием звуко- или видеозаписи, составлением краткого протокола в письменной форме, видео-конференц-связи, размещением в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет судебных постановлений.

Активное применение информационных технологий в судопроизводстве явилось результатом повышения эффективности деятельности судов, обеспечения

оперативного доступа к аудио- и видеозаписям, повышения качества организации и культуры судебных заседаний.

Положительный опыт использования ИКТ как помощника секретаря судебного заседания, так и правосудия, нашел свое закрепление в КГС Республики Беларусь. С учетом современных реалий законодатель учел и внедрил подачу документов в электронной форме, представление электронных доказательств, направление судебных извещений путем также СМС-сообщений, глобальной компьютерной сети Интернет (в том числе посредством электронной почты, размещения информации на Интернет-портале судов общей юрисдикции Республики Беларусь) и др.

Причина медленного внедрения элементов электронного судопроизводства видится в не недостатке средств на техническое переоснащение судов, а в нежелании некоторых судей использовать возможности электронных технологий. В связи с этим необходимо обеспечить повышение уровня компьютерной грамотности как работников аппарата суда, так и судейского корпуса. В данной ситуации представляется возможным решением – организация курсов, направленных на развитие и освоение новых компьютерных компетенций.

Библиографический список

1. Муромская, Ю. В. Электронная форма судопроизводства за рубежом / Ю. В. Муромская, Н. А. Батурина // Инновационная наука. – 2019. – № 4. – С. 136–140.

УДК 347.921.43

УДОСТОВЕРЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ АДВОКАТА ПО КОДЕКСУ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О. И. Ярмолюк

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. Н. Никонова

В статье анализируется порядок удостоверения полномочий адвоката в гражданском процессе Республики Беларусь, внесенные изменения в формы подтверждения полномочий адвоката в суде. Обосновывается необходимость упразднения института адвокатского ордера в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс; адвокат; подтверждение полномочий представителя; доверенность; ордер; устное уполномочение.

1. Оказание юридической помощи адвокатом невозможно без соответствующих полномочий, что предопределяет необходимость проверки их наличия. Подтверждение полномочий не тождественно подтверждению статуса адвоката.

2. В соответствии с ч. 11 ст. 96 Кодекса гражданского судопроизводства от 11 марта 2024 г. (далее – КГС) для подтверждения полномочий «адвокат представляет суду удостоверение адвоката и доверенность или ордер».

3. В настоящее время ч. 3 ст. 75 Гражданского процессуального кодекса от 11 января 1999 г. (далее – ГПК) определяет, что доверенность, выдаваемая адвокату, может совершаться в простой письменной форме. На практике это вызывает определенные сложности: отдельные случаи компрометации таких доверенностей фактически привели к тому, что суды требуют от адвокатов доверенности, удостоверенные лицами, названными в ч. 1 ст. 76 ГПК. Данное противоречие нормативного регулирования и практики решает ч. 11 ст. 96 КГС, где отсутствует указание на форму доверенности, что говорит о необходимости соблюдения общих правил ее оформления.

4. Часть 14 ст. 96 КГС в целом сохраняет правило ч. 4 ст. 76 ГПК о том, что подтверждение полномочий адвоката возможно посредством «*устного* заявления, сделанного в суде». В силу п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2001 г. № 7 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса при рассмотрении дел в суде первой инстанции» такое заявление заносится в протокол (в т. ч. краткий) судебного заседания. На практике граждане зачастую передают суду в ходе судебного заседания для приобщения к материалам дела письменное ходатайство, в котором оговаривают и необходимые специальные полномочия. Легализуя сложившуюся практику, ч. 14 ст. 96 КГС предусматривает, что такое заявление может быть сделано как в устной, так и в письменной форме.

5. КГС сохраняет указание на ордер как документ, который может подтверждать полномочия адвоката. О процессуальных полномочиях, которые могут быть предоставлены ордером, ни ГПК, ни КГС не говорят, и создается впечатление, что доверенность и ордер равнозначны. В соответствии с п. 2 Инструкции о порядке выдачи, учета и хранения ордеров (далее – Инструкция) (утверждена постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 3 февраля 2012 г. № 37) ордер – документ, который адвокат должен иметь для выполнения отдельных поручений по оказанию юридической помощи. Пунктом 5^1 Инструкции предусмотрено, что ордер выдается при отсутствии доверенности от клиента при оказании юридической помощи, предусмотренной абз. 2–4 подп. 5.3 п. 5 Инструкции. В ордере не могут быть указаны специальные полномочия, за исключением полномочия на обжалование судебных постановлений (абз. 4 подп. 5.3 п. 5 Инструкции). Таким образом, равнозначной заменой доверенности ордер не является.

На основе значения слова «ордер» в литературе делается вывод о неуместности его использования при наличии соглашения между адвокатом и клиентом об оказании юридической помощи [1]. Указывается также, что до 6 апреля 2012 г. в Беларуси на ордер возлагалась квазифискальная (не процессуальная) функция [2].

Считаем, что следует полностью отказаться от его применения и использовать стандартные механизмы уполномочения адвоката-представителя: доверенность или заявление в суде. Заметим, что в хозяйственном процессе предъявление адвокатом ордера никогда не предусматривалось (см. ч. 4 ст. 82 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г.).

Библиографический список

1. Лясковский, И. Ордер или доверенность? О подтверждении полномочий адвоката как представителя в гражданском процессе / И. Лясковский // Адвокатская газета. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/order-ili-doverennost/ (дата обращения: 28.09.2025).

2. Любич, О. Л. Некоторые вопросы подтверждения полномочий адвоката при оказании юридической помощи / О. Л. Любич // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 28.09.2025).

СЕКЦИЯ XI.
ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.22

МЕТАМОРФОЗЫ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

А. С. Аржевитов

студент 4 курса Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М.Г. Смирнов

Обоснована необходимость совершенствования трудового законодательства. Рассмотрены взаимоотношения работника и работодателя. Предложены пути возможного решения проблем в указанной сфере с позиций интересов работодателя. Обоснована необходимость принятия соответствующих правовых новаций.

Ключевые слова: трудовое право; трудовое законодательство; трудовая миграция; работодатель; работник; правовое регулирование; опыт Республики Беларусь.

Общеизвестно, что в юридической литературе под правом чаще всего понимается система общеобязательных, формально выраженных, принимаемых в установленном порядке гарантированных государством правил поведения, которые регулируют наиболее важные общественные отношения [1, с. 161].

Система трудового права содержит правовые нормы, тогда как система трудового законодательства включает в себя совокупность нормативно-правовых актов о труде. Таким образом, система трудового права выражается через трудовое законодательство, которое является источником трудового права.

Известно, что трудовое законодательство России и Беларуси имеет значительные сходства в основных положениях. Это соблюдение международных норм трудового права, конституционных прав граждан и Трудового кодекса, примерно сходные понятия о трудовом договоре, обязанностях и правах работодателя и работников и т.д. Это связано с влиянием Международной организации труда на законодательство двух стран, а также единым советским наследием трудового права.

С 1 января 2024 г. в Беларуси произошли важные изменения в действующем Трудовом кодексе, которые заслуживают внимания российского законодателя. Они затрагивают уточнения ответственности и полномочий сторон трудовых отношений и расширения диапазона прав работника: предоставление ему дополнительных социальных трудовых гарантий, оплаты труда, совершенствования порядка и условий предоставления отпусков, корректировки норм по вопросам рабочего времени, использования информационных технологий в сфере трудовых отношений и другие вопросы [2].

Ранее введенной новацией явилось наделение государственных организаций обязанностью запрашивать характеристику с предыдущего места работы при тру-

доустройстве человека, а также запрашивать сведения о правонарушениях в отношении кандидатов на руководящие должности. Удачным можно назвать также правило о заключении с добросовестными работниками контрактов на срок до пяти лет [3; 4, с. 2].

Все это свидетельствует о том, что законодательство о труде Республики Беларусь находится в процессе постоянного развития, а его правильное применение является одним из важнейших направлений в сфере правотворчества.

Особый практический интерес имеет политика Беларуси в сфере регулирования внешней трудовой миграции. Она направлена на совершенствование регулирования экспорта и импорта рабочей силы, защиту национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы и смягчение ситуации на внутреннем рынке труда за счет трудоустройства белорусских граждан за границей, и российских граждан в Республике Беларусь.

В республике установлен лицензионный порядок осуществления деятельности по привлечению иностранной рабочей силы и трудоустройству граждан Беларуси за границей. Данный вид деятельности осуществляется юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, получившими в установленном порядке специальные разрешения (лицензии), выдавать которые уполномочено Министерство внутренних дел Республики Беларусь.

В соответствии с республиканским законодательством в Беларуси строго регламентирован завоз мигрантов. Бизнесмены должны доказать необходимость и количество мигрантов, которые работают по срочному контракту. Все расходы на привлекаемых работников несет предприниматель и исключительно за его счет они прибывают на работу в республику и впоследствии возвращаются на родину [5]. Такой опыт, несомненно, заслуживает внимания.

В последнее время российские трудовые инспекции и Департамент государственной инспекции труда Министерства и социальной защиты Республики Беларусь ужесточили контроль за соблюдением трудового законодательства и более чем в 90%, а значит чаще всего подобные нарушения адресуются работодателю. Вот перечень таких распространенных нарушений [6]:

— не заключаются трудовые договоры в случаях, когда они должны быть заключены;

— в трудовых договорах нет обязательных условий;

— нарушаются правила предоставления отпусков;

— не соблюдается порядок привлечения к работе в выходные и праздничные дни, а также порядок оплаты этих дней;

— в локальных нормативных актах (например, в коллективном договоре) не указывается порядок индексации заработной платы;

— работники не ознакомлены с локальными нормативными актами;

— отсутствуют табели учета рабочего времени;

— в штатном расписании указываются разные должностные оклады по одноименным должностям;

— и, наконец, нарушаются правила ведения воинского учета.

И в этой связи следует отметить трудовые права предпринимателей. В России, как и в Беларуси, бывает непросто освободить от должности принятого сотрудника, так как трудовое право в большей степени защищает наемного работника, а не работодателя. В связи с этим действующее трудовое законодательство имеет недостатки, оказывая сдерживающее влияние на предпринимательскую деятельность и экономический рост. Их устранение должно осуществляться в рамках действующего правового поля.

Одним из распространенных методов является заключение срочных трудовых соглашений, которые продлеваются через короткие промежутки времени (2-3 месяца). Это позволяет избежать сложностей при увольнении неэффективного сотрудника, так как контракт с ним попросту не возобновляется.

В целях повышения эффективности работы персонала целесообразно использовать систему поощрений и взысканий. Поскольку действующие Трудовые кодексы двух стран не предусматривают штрафных санкций, а ограничиваются замечанием, выговором и увольнением. Поэтому целесообразно оформлять часть заработной платы как премиальную. Это создает законную возможность лишения премии за нарушения, что фактически является аналогом штрафа. Закон не запрещает лишать работника премии, так как она рассматривается как поощрение за достижения в работе. Во многом это типичная ситуация для России и Беларуси.

Кроме того, для каждого сотрудника необходимо иметь документально подтвержденные предупреждения и выговоры, что обеспечит возможность его увольнения в случае необходимости. Важно, чтобы все письменные предупреждения были оформлены в соответствии с установленными требованиями, чтобы работник не мог оспорить их в судебном порядке.

Есть еще один деликатный момент. Он касается женщин, которые ждут ребенка. В Российской Федерации законодательство запрещает их увольнение даже за прогулы [7, ст. 261; 8]. В Республике Беларусь, напротив, законом определен перечень, в соответствии с которым можно уволить таких работниц, например, за отсутствие на рабочем месте более трех часов в течение дня без уважительных причин или за систематическое неисполнение трудовых обязанностей (если к работнику ранее применялись меры дисциплинарного взыскания) и т.д. [9, ст. 42].

Между тем нормы трудового права обеих стран составлены так, что на практике уволить сотрудницу «в положении» за какие-либо нарушения бывает проблематично, а в некоторых случаях и вовсе невозможным.

В этом плане важно найти такое решение, которое бы одновременно защищало права беременных женщин и наделяло работодателя полномочиями по увольнению будущих матерей, которые систематически нарушают правила внутреннего трудового распорядка в той или иной организации (разумеется, без дальнейших последствий со стороны контрольно-надзорных органов).

Такое решение существует. Оно заключается в упразднении компании. Именно поэтому дальновидные руководители оформляют сотрудников не в основную структуру, а распределяют их по нескольким небольшим независимым фирмам. С этими фирмами головной офис оформляет соглашения об оказании сервисных услуг. И если в одной из таких фирм появляется нежелательный человек, ее всегда можно ликвидировать и заключить контракт с новой, куда перевести всех

сотрудников, за исключением того самого нежелательного. Да, это может показаться негуманным. Но для бизнеса приоритет – прибыльное производство, а все остальное вторично. Это суровая реальность рыночных отношений, и с этим сложно что-либо поделать.

Кроме того, законодатели часто упускают из виду, что за любое нарушение работник должен понести наказание. Это касается и поощрений. К примеру, если вознаградить сотрудника в конце года за достижения весной, то ожидаемого результата не будет.

Размышления можно продолжить и далее. Целесообразно иметь в виду, что частое применение штрафных санкций к сотрудникам допустимо, в то время как избыточное материальное стимулирование не всегда целесообразно. Существует оптимальный уровень увеличения заработной платы, при котором достигается пик мотивации персонала к достижению высоких результатов. После превышения этого уровня дальнейшее увеличение оплаты труда, хотя и желательно, уже не оказывает существенного влияния на заинтересованность работника в выполнении своих обязанностей.

Так как в России и Беларуси прав у работодателя значительно меньше, чем обязанностей, то целесообразно задуматься о необходимости «подгонки» трудового законодательства под реальные условия рыночных отношений. В этом случае такое законодательство станет не тормозом, а стимулом к росту экономики и развитию предпринимательства. Это возможно сделать путем законодательного уточнения и закрепления прав работодателя.

В заключение необходимо отметить следующее. Трудовые рынки России и Беларуси уже объединены в рамках Союзного государства: граждане Беларуси могут спокойно работать в России и наоборот. В этой сфере дальнейшая интеграция наших стран абсолютно правомерна. Речь идет о создании единого трудового законодательства, Трудового кодекса. Уже есть позитивный опыт с общим таможенным законодательством Союзного государства и Таможенного союза, который положительно повлиял на торговые отношения в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Поэтому практики гармонизации трудового законодательства необходимо развивать и далее.

Библиографический список

1. Теория государства и права : Учебник для обучающихся по программам бакалавриата, специалитета / В. Н. Власенко, Т. В. Власова, В. М. Дуэль [и др.]. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2023. – 464 с. – ISBN 978-5-00209-018-1. – EDN XFNSBG.

2. Об изменении законов по вопросам трудовых отношений: Закон Республики Беларусь от 29.06.2023 г. № 273-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Pravo.by (дата обращения 09.10.2025).

3. Об изменении Декрета Президента Республики Беларусь: Декрет Президента Республики Беларусь от 12.10.2021 № 6 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Pravo.by (дата обращения 09.10.2025).

4. Васильева Ю., Нестеров А. Какие новшества в сфере трудовых отношений появились в Беларуси и России // Союз. Беларусь-Россия. 10.03.2022. № 1021. [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3PeiSZ (дата обращения 09.10.2025).

5. Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции»: Закон Республики Беларусь от 30.12.2022 г. № 233-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Pravo.by (дата обращения 09.10.2025).

6. Тарасова Т. ТОП «трудовых» нарушений, выявляемых при проверках в 2025 году // АКГ «ПРАВОВЕСТ Аудит». 03.06.2025. [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3PeiBY (дата обращения 09.10.2025).

7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 3.

8. Гарантии для беременных женщин // Государственная инспекция труда в Курской области. 27.06.2025. [Электронный ресурс] – URL: https://clck.ru/3PehPd (дата обращения 09.10.2025).

9. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь – Pravo.by (дата обращения 09.10.2025).

УДК 349.2

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. Д. Богдевич

учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Д. С. Судниченко

Актуальность темы обусловлена ключевой ролью профсоюзов в системе социального партнерства и защите трудовых прав граждан. Работа раскрывает генезис правового статуса профсоюзов в Республике Беларусь, а также анализирует взаимодействие профсоюзов с такой категорией лиц, как молодежь.

Ключевые слова: профсоюз; правовой статус; общественная организация; молодежь; трудовые права; государство.

Профсоюзы существуют на протяжении долгого времени, но их деятельность не утратила свою актуальность и в рамках современных условий, необходимость их активного участия в трудовых, а также политических отношениях сильно возросла.

Причиной возникновения профсоюзов является переход к машинному производству, концентрация производства и капитала в 1890-х годах, что привело к росту числа наёмных рабочих и их высокой эксплуатации. В 1904 г. профсоюзы были созданы почти во всех крупных городах Беларуси. В этот год в забастовках участвовало в общей сложности 20 тыс. рабочих. Именно 1904 г. считается отправной точной профсоюзного движения Беларуси [1].

Ключевыми историческими событиями, которые повлияли на правовой статус профсоюзов была Октябрьская революция 1917 года, после которой белорусское профессиональное движение стало частью первого в мире государства рабочих и крестьян – Союза Социалистических Советских Республик, а также провозглашение независимости Республики Беларусь, в Декларации о государственном

суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 года, в результате которой образовалась Федерация профсоюзов Беларуси, которая действует до сих пор [2].

Профсоюз, как добровольная общественная организация, объединяющая граждан, в том числе обучающихся, связанных общими интересами по роду деятельности как в производственной, так и в непроизводственной сферах, действует в целях защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов, а также способствует улучшению условий труда и обеспечению социальной справедливости. Наиболее часто профсоюзы рассматривают как обязательный субъект правоотношений тесно связанных с трудовыми, поэтому профсоюзы, а именно их структура, компетенция, обязанности, цели и задачи регулируются нормами трудового законодательства.

Мотивированные, образованные и активные молодые люди являются залогом успешного развития любого государства, его стратегическим ресурсом. Поэтому каждое правительство стремится создать условия для их эффективного развития. Огромный вклад в это развитие делают профсоюзы. Они помогают молодым людям проявить свой потенциал, раскрыть таланты, развить организаторские и иные способности [3, с. 1].

Также в целях усиления проводимой молодежной политики в сфере защиты трудовых прав и социально-экономических интересов молодых членов профсоюзов, привлечения молодежи к активной профсоюзной деятельности была разработана Концепция молодежной политики Федерации профсоюзов Беларуси, утвержденная Постановлением Президиума Совета Федерации профсоюзов Беларуси от 25 сентября 2017 № 425 в ред. Постановления Президиума Совета федерации профсоюзов Беларуси от 25 апреля 2025 № 85.

На сегодняшний день профессиональные союзы и их активисты принимают участие в управлении такими сферами жизни государства, как трудовые отношения, социально-экономическая политика, социальное страхование, пенсионное обеспечение. Также благодаря им были внесены изменения в уже существующие документы, были разработаны программы для дальнейшего развития страны в социальной и экономической сферах.

Библиографический список

1. Коноплёв А.А. К 120- летию профсоюзного движения. Как создавались белорусские профсоюзы. / А. А. Коноплёв : [сайт]. – Минск, 2024. – URL:, https://himprofgrodno.by/arhiv-novostej/k-120-letiyu-profsoyuznogo-dvizheniya.-kak-sozdavalis-belorusskie-profsoyuzy.html (дата обращения: 08.10.2025).

2. О государственном суверенитете Республики Беларусь : Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. N 193-XII // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 07.10.2025).

3. Карпухин И.А. Молодежь – настоящее и будущее независимой Беларуси: ко Дню Независимости Республики Беларусь / И.А. Карпухина // - 2024 – URL: https://ptm.by/storage/Работ%20с%20молодёжью/ЕДИ-июнь.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 349.2

НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ПРИЕМА НА РАБОТУ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЛИЧНЫМ ХАРАКТЕРОМ ТРУДОВОГО ОТНОШЕНИЯ

Д. Д. Будюхина

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. В. Мотина

В работе анализируется связь личногохарактера трудового отношения и нарушения правил приёма на работу как основания прекращения трудового договора по обстоятельствам, независящим от воли сторон.

Ключевые слова: трудовое отношение, работник, наниматель, личный характер, правила приема на работу, трудовой договор.

В науке трудового права общепризнано, что трудовое отношение имеет личный характер. Это, в частности, проявляется в том, что работник берет на себя обязательство выполнять работу лично; заключение трудового договора происходит также лично, не допускается заключение договора через представителя или в пользу третьих лиц. Работник, как правило, становится частью трудового коллектива, что влечет выполнение работы под управлением и контролем нанимателя. Стоит отметить, что Рекомендация МОТ № 198 о трудовых отношениях при разграничении трудовых и гражданско-правовых договоров советует использовать именно индикаторы личной зависимости и персонального исполнения обязательства по договору. Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) строится на индивидуализации трудовой роли работника и, например, прямо запрещает требовать работу вне обусловленной трудовой функции (ст. 20), что влечет опосредованную защиту личных границ трудовой обязанности. Отдельно обозначим и неотчуждаемость статуса работника в трудовых отношениях. Трудовой договор также прекращается по личным обстоятельствам, к таковым, в частности, относится и смерть работника.

В ТК к другим обстоятельствам, не зависящими от воли сторон, отнесено и нарушение правил приема на работу (п. 3 ст. 44). Рассмотрим, как это основание связано с личным характером трудового отношения. Известно, что стороны трудовых отношений связаны не просто результатом, а процессом труда и взаимным доверием. По этой причине существует мнение, согласно которому трудовое отношение имеет не просто личный характер, а лично-доверительный (фидуциарный) характер. Интересно, что в некоторых европейских государствах распространена практика в процессе трудоустройства не требовать предъявления документа об образовании, поскольку законодатель презюмирует добросовестность работника. В качестве примера могут выступить нормы трудового законодательства Германии, не закрепляющие обязанность востребовать или предъявить документ об образовании для работы в сфере информационных технологий. В свою очередь

трудовое право Чехии, Венгрии, Польши и Словакии также допускает возможность трудоустройства без предъявления диплома или свидетельства об образовании, однако только для лиц, занимающихся неквалифицированным трудом.

Важно помнить: законодатель в процессе трудоустройства возлагает обязанность как на нанимателя, так и на работника потребовать соответствующие документы и предоставить их соответственно. К сожалению, судебной практике известны случаи нарушения требований ст. 26 ТК обеими сторонами трудового правоотношения. Так, 21-летний отец семейства купил себе за 210 р. поддельное свидетельство об окончании образовательного центра по профессии «арматурщик 4-го разряда». Он сказал, что просто пытался финансово обеспечить семью [1]. Однакостоит отметить, что ни благие намерения, которые двигали работником, ни успешное выполнение трудовой функции не смогли повлиять на правовые последствия совершенного деяния – прекращение трудовых отношений. Приведем и противоположный пример. Наниматель принял в порядке перевода на должность зоотехника работницу, у которой не было диплома о высшем ветеринарном образовании, что, впоследствии, привело к увольнению по п. 3 ст. 44 ТК. Однако суд стал на сторону истицы, признав такое увольнение незаконным, поскольку ранее работница неоднократно и успешно выполняла соответствующую трудовую функцию [2].

Таким образом, полагаем, что поскольку правила приема на работу нарушаются на практике обеими сторонами трудового договора, то нет необходимости допускать доверительную процедуру заключения трудового договора, без требования соответствующих документов. Зарубежный опыт в этой части не может быть воспринят нашим законодательством в силу только личного, но не личнодоверительного характера общественной связи между указанными субъектами.

Библиографический список

1. Белорус устроился на работу по липовым документам и даже ездил в командировки за границу /https://www.belarus.kp.ru/online/news/5163934/

2. Банк судебных решений https://pravo.by Дата доступа 25.03.2023.

УДК 349.2

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ ТРУДОУСТРОЙСТВА В СТУДЕНЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ

О. Г. Буслович

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

В статье анализируются признаки студенческих отрядов, а также отдельные особенности, связанные с трудоустройством в такие отряды. Автором сформулированы обоснованные выводы и предложения в целях совершенствования специальных норм, ограничивающих возможность членства в студенческих отрядах и возникновения трудовых правоотношений в этих случаях.

Ключевые слова: студенческий отряд; молодежь; несовершеннолетние; трудоустройство; трудовая функция.

Создание студенческих отрядов, как вида временной трудовой занятости молодежи, позволяет ее представителям получить первый трудовой опыт и достойную оплату труда, стать членом трудового коллектива. Из определения понятия студенческого отряда [1, п. 2], можно выделить следующие его признаки: представляет собой добровольное объединение граждан, у которых есть желание выполнять трудовую функцию; работа в студенческом отряде возможна для молодежи (лица в возрасте от 14 лет до 31 года) и только в период свободный от учебы или работы.

Ограничением для работы в студенческом отряде является наличие академической задолженности [1, п. 4]. Студенты и учащиеся учреждений образования, имеющие незакрытые академические задолженности, не могут быть зачислены в студенческий отряд. На наш взгляд, данное требование можно смягчить в отношении обучающихся граждан, особенно нуждающихся во временном трудоустройстве. Такой подход позволит им не только заработать, но и приобрести опыт работы по профессии. Предлагаем, закрепить для лиц, имеющих академическую задолженность, в исключительных случаях возможность трудоустройства в студенческий отряд с письменного разрешения учреждения образования, в котором учится гражданин.

Работа в студенческом отряде возможна с 14 лет. Лица в возрасте от 14 до 16 лет должны предоставить письменное согласие одного из родителей (усыновителей (удочерителей), попечителей) (ч. 2 ст. 21 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [2]). Это ограничение иногда не позволяет несовершеннолетним стать членом студенческого отряда. Некоторые родители принципиально не хотят, чтобы их дети работали, без объективных на то причин. Представляется, что данная норма требует изменения в части обязательности письменного согласия одного из родителей (усыновителей (удочерителей), попечителей) при трудоустройстве в студенческие отряды лиц от 14 до 16 лет. Предлагаем закрепить в законодательстве возможность в отдельных случаях получения вместо письменного согласия на трудоустройство представителя несовершеннолетнего, согласия от учреждения образования, в котором обучается гражданин. Это объясняется следующим: во-первых, студенческие отряды формируются учреждениями образования, ОО «БРСМ» и иными молодежными общественными объединениями, основной целью которых является развитие и предоставление возможностей молодежи [1, п. 3]; во-вторых, лица в возрасте от 14 до 16 лет при участии в студенческом отряде задействованы в сфере производства товаров и оказания услуг, охраны окружающей среды, сельского хозяйства, что не предусматривает тяжелой или опасной работы для молодых граждан [1, п. 7].

Все лица моложе 18 лет принимаются на работу лишь после предварительного медицинского осмотра (ст. 275 ТК). На наш взгляд, необходимо предусмотреть обязательный предварительный медицинский осмотр для всех категорий

граждан (с 14 лет до 31 года), изъявивших желание работать в студенческом отряде. Это позволит предотвратить негативное влияние условий труда на здоровье молодежи и обеспечит необходимый уровень особой охраны труда для этой группы работников.

Таким образом, поскольку участие в студенческих отрядах обеспечивает для молодежи дополнительные возможности реализовать себя в трудовой деятельности и активно влияет на их социальную жизнь, необходимо оптимизировать специальные нормы, ограничивающие трудоустройство в такие отряды.

Библиографический список

1. Положение о порядке организации деятельности студенческих отрядов на территории Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 18 февр. 2020 г. № 58 : в ред. от 25 окт. 2022 г. № 381 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.09.2025).

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. от 5 декабря 2024 г. № 46-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 349.23/24

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА ИНВАЛИДОВ

М. С. Варсоба

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. А. Постовалова

В статье рассматриваются особенности правового регулирования труда инвалидов в Республике Беларусь. Анализируются механизмы бронирования и квотирования рабочих мест, их эффективность и проблемы практической реализации. Отмечается значение государственной поддержки и создания безбарьерной среды.

Ключевые слова: труд инвалидов; занятость; социальная интеграция; бронирование; квотирование; защита населения.

Особенности труда инвалидов в Республике Беларусь связаны с обеспечением равных возможностей и социальной защитой. Беларусь, ратифицировав Конвенцию о правах инвалидов в 2016 году, обязалась на международном уровне признавать право инвалидов на труд и создавать условия для его реализации. В национальном законодательстве это право закреплено в Конституции, ТК, Законе «О занятости населения Республики Беларусь», а с 2022 года – и в Законе «О правах инвалидов и их социальной интеграции».

Роль при трудоустройстве инвалидов играет ИПРИ, выдаваемая МРЭК. В соответствии с ней наниматель обязан создавать необходимые условия труда, включая установление неполного рабочего дня или особого режима труда и отдыха. Инвалидам предоставлены особые гарантии: запрет на испытательный срок при приеме на работу, преимущественное право на надомный труд. Наниматель также

обязан трудоустроить сотрудника, ставшего инвалидом из-за производственной травмы или профзаболевания.

Исторически механизмом содействия занятости инвалидов в Беларуси является бронирование рабочих мест (Постановление Совета Министров от 20 июля 2022 г. № 475). Оно предусматривает закрепление определенных должностей для людей, нуждающихся в социальной защите. Но чаще всего это низкооплачиваемая и малоинтересная работа, что к формальному выполнению законодательства без полноценной интеграции инвалидов в рынок труда.

С 2025 года дополнительно введено квотирование рабочих мест (Постановление Совета Министров от 13 февраля 2025 г. № 91). Квоты распространяются на нанимателей с численностью 100 и более работников, вне зависимости от формы собственности. Особенностью механизма стал дифференцированный учет: один инвалид I группы засчитывается как три рабочих места, II группы – как два. Наниматели могут сами определять, какие должности включить в квоту, а также зачитывать трудоустройство инвалидов, пришедших по собственной инициативе [1].

Вместе с тем внедрение новых норм столкнулось с рядом трудностей. В 2023 году лишь 0,3% банковских отделений в стране были доступны для инвалидов, при плане почти в три раза выше [2]. Отсутствие пандусов и адаптированной инфраструктуры остается серьезным барьером для трудовой и социальной интеграции. Кроме того, бизнес отмечал финансовые и организационные риски, связанные с приемом инвалидов: сокращенная продолжительность рабочего времени, особые условия труда, невозможность установления испытательного срока. При этом стимулирующих мер в виде налоговых льгот, грантов или субсидий, как это принято во многих странах, в Беларуси пока практически нет. Тем не менее в соответствии со ст.118 НК Республики Беларусь существуют и льготы для предпринимателей: при трудоустройстве инвалидов I или II группы наступают льгот по уплате страховых взносов в ФСЗН, при трудоустройстве инвалида в качестве его адаптации государство компенсирует часть зарплаты, при трудоустройстве не менее 30% инвалидов от списочной численности наступают налоговые льготы.

Таким образом, Беларусь сочетает административные механизмы бронирования и квотирования, что позволяет расширять возможности трудоустройства инвалидов. Однако для реальной интеграции в экономику необходим комплексный подход: государственная поддержка нанимателей, создание безбарьерной среды и изменение общественных установок. Только при этом условии можно достичь равноправного участия инвалидов в трудовой и социальной жизни страны.

Библиографический список

1. Гулевич, Е. А. Бронирование и квотирование рабочих мест для людей с инвалидностью / Е. А. Гулевич // Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – 2019. – URL: https://elib.gsu.by/bitstream/123456789/37456/1/Гулевич_Бронирование_и_квотирование.pdf (дата обращения: 27.09.2025).

2. Заяц Д. Готовность бизнеса трудоустраивать инвалидов под вопросом / Д. Заяц. – Минск : «ЭГ» выпуск №13(2707) от 16.02.2024. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/gotovnost-biznesa-trudoustraivat-invalidov-pod-voprosom/ (дата обращения: 25.09.2025).

УДК 349.3

ГАРАНТИИ ГРАЖДАНАМ, УВОЛЕННЫМ С ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

М. Н. Голомако

курсант 4 курса военного факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент П. А. Гуцко

В материалах доклада рассматриваются некоторые гарантии, предоставляемые гражданам, уволенным с военной службы. Выделены ключевые недостатки в действующих гарантиях и предложены рекомендации по их совершенствованию.

Ключевые слова: военная служба; военнослужащий; увольнение; гарантии; пенсии за выслугу лет.

Военнослужащие находятся под особой социальной защитой государства. В целях бесперебойного функционирования армии как мощнейшего механизма защиты территориальной целостности, конституционного строя и народа государства законодательством для них установлены многочисленные социальные гарантии. Увольнение с военной службы представляет собой напряженный этап в жизни каждого военнослужащего, что требует особого подхода в виде установления дополнительных гарантий.

На основании анализа норм законодательства, доктринальных источников и правоприменительной практики определены особенности предоставления некоторых гарантий и сформулированы отдельные предложения по предоставлению дополнительных гарантий гражданам, уволенным с военной службы.

1. Согласно ч. 7 ст. 19 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» гражданам, уволенным с военной службы, устанавливаются следующие гарантии: сохранение в течение трех месяцев со дня, следующего за днем окончания состояния на военной службе, права поступления на работу к тому же нанимателю на должность служащего (профессию рабочего), равноценную занимаемой до призыва на военную службу, а лицам из числа молодых специалистов, молодых рабочих (служащих) – права на занятие прежней должности служащего (профессии рабочего).

По нашему мнению, законодательством не учтена возможность акклиматизации гражданина после увольнения с военной службы. В связи с тем, что переход от военной службы к гражданской жизни сочетается с большим стрессом, считаем обоснованным в целях охраны здоровья и повышения работоспособности гражданина в его дальнейшей трудовой деятельности предоставить ему право на санаторно-курортное лечение и оздоровление.

2. Согласно ч. 1 ст. 17 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного коми-

тета судебных экспертиз Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований» от 17 декабря 1992 г. № 2050-XII в качестве социальной гарантии гражданам, уволенным с военной службы, мы можем рассматривать пенсию за выслугу лет.

К пенсии за выслугу лет, назначаемой военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, лицам начальствующего и рядового состава (в том числе к исчисленной в минимальном размере), начисляются надбавки на уход: а) инвалидам I группы – 100 процентов минимального размера пенсии по возрасту; б) пенсионерам, достигшим 80-летнего возраста, а также другим одиноким пенсионерам, нуждающимся по заключению медико-реабилитационной экспертной комиссии или врачебно-консультационной комиссии в постоянной посторонней помощи, – 50 процентов минимального размера пенсии по возрасту [1, с. 79].

Учитывая незначительный размер надбавок и особый статус пенсионеров, достигших 80-летнего возраста, и одиноких пенсионеров, нуждающимся в постоянной посторонней помощи, считаем оправданным увеличить им надбавки на уход, к примеру, до 75 процентов минимального размера пенсии по возрасту, поскольку данная категория гражданам является уязвимой.

Таким образом, установление дополнительных гарантий лицам, уволенным с военной службы, будет способствовать повышению уровня социальной защиты данной категории граждан и установлению социальной справедливости в целом.

Библиографический список

1. Северцова, Т. В. Право социального обеспечения : курс лекций / Т. В. Северцова. – Горки : БГСХА, 2022. – 202 с.

УДК 349.2

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П. А. Дашкевич

студент 3 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: Л. А. Киселева

Исследование посвящено анализу института дисциплинарной ответственности в трудовом праве Республики Беларусь. Рассматриваются критерии дифференциации дисциплинарной ответственности на общую и специальную. Цель – оптимизация правового регулирования дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: общая и специальная дисциплинарная ответственность; дисциплинарный проступок; дифференциация; уставы и положения о дисциплине.

Одним из важнейших институтов трудового права является институт дисциплинарной ответственности. Дисциплинарная ответственность выражается в законном применении нанимателем мер принудительного воздействия при совершении работником дисциплинарного проступка. Данные меры влекут для работника

личные, организационные или имущественные ограничения [1, с. 436]. Классификация видов дисциплинарной ответственности на общую и специальную проводится по нескольким ключевым критериям: источник правового регулирования, круг субъектов, к которым она применяется, характер санкций, порядок применения мер дисциплинарного взыскания.

Общая дисциплинарная ответственность обладает универсальным характером и распространяется на всех работников, в том числе и тех для которых законодательством установлена специальная ответственность. Нормативной основой её реализации выступает Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК). Специальная дисциплинарная ответственность применяется к отдельным категориям работников, чья трудовая деятельность наряду с ТК регулируется специальными актами, например, уставами и положениями о дисциплине для отдельных категорий работников государственных органов и организаций. Так, специальная дисциплинарная ответственность дипломатических работников закрепляется Положением о дипломатической службе Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 15 мая 2008 г. № 276.

В ТК закреплен перечень мер дисциплинарного взыскания, применяемых нанимателем в связи с совершением работником дисциплинарного проступка к которым относятся: замечание, выговор, лишение стимулирующих выплат (полностью или частично) на срок до двенадцати месяцев, а также увольнение по предусмотренным ТК основаниям (ст. 198 ТК). В свою очередь особенность мер специальной дисциплинарной ответственности проявляется в их специфике и повышенной строгости по сравнению с общими взысканиями. Например, помимо предусмотренных законодательством о государственной гражданской службе и о труде мер дисциплинарного взыскания к прокурорскому работнику могут быть применены: понижение в классном чине на одну ступень ниже имеющегося, лишение нагрудного знака органов прокуратуры, освобождение от занимаемой должности (увольнение), а также освобождение от занимаемой должности (увольнение) с лишением классного чина (ст. 55 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»).

Важным критерием дифференциации видов дисциплинарной ответственности является субъект, уполномоченный применять дисциплинарные взыскания. В соответствии со ст. 201 ТК, при общей дисциплинарной ответственности взыскание налагается руководителем, имеющим право приема и увольнения работников, или уполномоченным им органом. В отличие от этого, специальная дисциплинарная ответственность предусматривает возможность привлечения к ответственности вышестоящими органами и должностными лицами. Например, согласно ст. 102 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей судьи общей юрисдикции могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности непосредственно Президентом Республики Беларусь, что подчеркивает особый характер их правового статуса.

Таким образом, на основе выявленных различий предлагается дополнить главу 14 ТК следующим определением: специальная дисциплинарная ответственность – это особый вид юридической ответственности, применяемый к отдельным

категориям работников, деятельность которых наряду с трудовым законодательством регулируется специальными нормативными правовыми актами, характеризующаяся расширенным перечнем мер воздействия и порядком применения, предусматривающим возможность наложения дисциплинарных взысканий вышестоящими по отношению к нанимателю органами или должностными лицами.

Библиографический список

1. Куренной, А. М. Трудовое право России : учебник / А. М. Куренной. – 3-е изд., перераб. и доп.– М. : Проспект, 2019. – 624 с.

УДК 349.222

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА О СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

А. И. Жихарева

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель О. Л. Нихайчик

Определяется правовая природа договора о спортивной деятельности по законодательству Республики Казахстан. Проводится анализ регулирования правоотношений в сфере профессионального спорта в странах ЕАЭС. Выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства Казахстана в соответствующей сфере.

Ключевые слова: договор о спортивной деятельности; спортивный контракт; гражданско-правовой договор; трудовой договор; трудовые отношения;профессиональный спорт; Евразийский экономический союз.

Легальное определение договора о спортивной деятельности (спортивного контракта) содержится в подп. 43 ст. 1 Закона Республики Казахстан (далее – РК) от 3 июля 2014 г. № 228-V «О физической культуре и спорте» (далее – Закон) гражданско-правовой договор, заключаемый между спортсменом, тренером или иным специалистом в области физической культуры и спорта и физкультурно-спортивной организацией.

Согласно п. 2 ст. 27 Закона особенности регулирования отношений между профессиональными спортсменами, тренерами и другими специалистами в области физической культуры и спорта устанавливаются гражданским законодательством РК и иными нормативными правовыми актами. Таким образом, казахский законодатель определяет отношения, складывающиеся между вышеуказанными субъектами, как гражданско-правовые. Однако ни в Общей, ни в Особенной частях Гражданского кодекса РК нет прямого упоминания рассматриваемой договорной конструкции. Полагаем, на спортивный контракт распространяются лишь общие нормы ГК об обязательствах и договоре. Основное правовое регулирование приходится на Закон: в нем содержатся положения о правах и обязанностях работников и работодателей, о социальном и медицинском страховании, условия заключения и расторжения договора, гарантии прав профессиональных спортсменов и

тренеров (компенсации, возмещение расходов) и пр. Исходя из анализа норм Закона и краткого обзора регулирования аналогичных правоотношений в странах ЕАЭС докажем ошибочность определения правовой природы договора о спортивной деятельности как гражданско-правового.В ходе исследования выяснен тот факт, что РК является практически единственным государством, где отношения в сфере профессионального спорта рассматриваются как гражданско-правовые, а не трудовые.

В других странах-участницах ЕАЭС, коей является и РК, правоотношения урегулированы в рамках трудового законодательства (Беларусь, Россия). В Беларуси и России (далее – РФ) установлено наиболее детальное правовое регулирование среди всех государств-членов ЕАЭС. В Трудовых кодексах (далее – ТК) Беларуси и РФ труду профессиональных спортсменов и тренеров посвящены отдельные главы (26^1 и 54.1 соответственно), где достаточно полно раскрыты вопросы заключения и

прекращения договора, трансфера спортсменов, работы по совместительству, гарантий отдельным категориям работников и т. д. В РФ присутствует норма о порядке разрешения спортивных трудовых споров.

В Армении (далее – РА) и Кыргызстане (далее – КР) в ТК отсутствуют нормы, устанавливающие особенности регулирования труда в спортивной сфере [1, с. 127]. Однако в КР согласно ст. 28 Закона КР от 21 января 2000 г. № 36 «О физической культуре и спорте», договор (контракт) о спортивной деятельности заключается на основе трудового законодательства КР и представляет собой соглашение в письменной форме между спортсменом (тренером, специалистом) и нанимателем или уполномоченным лицом. В РА вообще не установлена правовая природа отношений в сфере профессионального спорта: в регулировании нет конкретной отсылки ни на трудовое, ни на гражданское законодательство (в ст. 18 одноименного Закона РА от 10 июля 2001 г. № ЗР-196 установлено, что деятельность профессионального спортсмена регулируется контрактами (договорами), заключаемыми с национальными федерациями и иными спортивными организациями).

В результате было доказано, что правоотношения в сфере профессионального спорта следует считать трудовыми. Таким образом, на основании вышеизложенного предлагаем установить регулирование отношений по спортивному контракту трудовым законодательством РК и исключить договор о спортивной деятельности из сферы регулирования гражданским законодательством.

Библиографический писок

1. Хасенов, М. Х. Пробелы и коллизии правового регулирования труда в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан / М. Х. Хасенов, Р. О. Букенов // Вестник института законодательства и правовой информации РК. – 2021. – № 1 (64). – С.120–132.

УДК 349.2

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ РАБОТНИКОВ, ИМЕЮЩИХ СЕМЕЙНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

П. В. Жоголь

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

Статья посвящена отдельным гарантиям работников, имеющих семейные обязанности. В результате анализа нормативного и научного материала сделаны выводы о необходимости разработки правовых режимов, способных эволюционировать одновременно с трансформацией семейных структур, а также учитывающие волю работников.

Ключевые слова: гарантии; наниматель; работники; семейные обязанности; трудовые правоотношения.

Особенности правового регулирования труда работников, имеющих семейные обязанности, закреплены в гл. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК). Введение в ТК термина «работники, имеющие семейные обязанности» – это результат прямой рецепции положений Конвенции МОТ № 156 1981 г. «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями». Под работниками, имеющими семейные обязанности, следует понимать лиц, находящихся в трудовых правоотношениях с нанимателем, состоящих в родстве или свойстве с ребенком, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из факта наличия детей, и фактически осуществляющих уход за ребенком [1, с. 653].

Рассмотрим гарантии в отношении отцов, одиноких родителей, других родственников, членов семьи ребенка, опекунов (попечителей).

Принципиальное значение имеет закрепление в ч. 1 ст. 271 ТК права на получение отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет, определяемое волеизъявлением семьи (усмотрением), а не желанием нанимателя. Согласно ч. 3 ст. 271 ТК для данной категории работников закреплено право на пособие по временной нетрудоспособности при осуществлении ухода за больным ребенком в возрасте до 14 лет, ребенком в возрасте до 3 лет и ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет в случае болезни матери. В соответствии с ч. 5 ст. 271 ТК работающие отцы, воспитывающие детей без матери, одинокие родители, а также опекуны (попечители) детей имеют право на гарантии, предоставляемые законодательством, коллективным договором, соглашением работающим женщинам-матерям.

Вариативной является гарантия о предоставлении дополнительного свободного от работы дня или сокращении продолжительности работы на 1 час (ст. 265 ТК). Так, матери (мачехе) или отцу (отчиму), опекуну (попечителю), воспитывающей (воспитывающему) 2 и более детей в возрасте до 16 лет, по ее (его) заявлению

ежемесячно предоставляется 1 дополнительный свободный от работы день; в случае воспитания ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет вместе с дополнительным свободным от работы дня предоставляется его оплата в размере среднего заработка за счет средств государственного социального страхования; в случае воспитания ребенка-инвалида в возрасте до 18 лет либо троих и более детей в возрасте до 16 лет указанные лица могут потребовать как предоставление на основании письменного заявления одного дополнительного свободного от работы дня в неделю с оплатой в размере среднего заработка, так и согласовать с нанимателем сокращение установленной продолжительности работы (смены) на 1 час с сохранением заработной платы.

Действующее законодательство отстает от эволюции семейных моделей. Правовой режим остается ориентированным на нуклеарную семью с детьми, не затрагивая партнеров в незарегистрированных союзах и т.п. В качестве основных проблем правового регулирования этих гарантий для работников, имеющих семейные обязанности, можно определить: некоторые гарантии обладают незначительной распространенностью в контексте их же реализации (например, отцовский отпуск); самовольность нанимателя; низкая адаптивность правовых механизмов к социальным изменениям.

Таким образом, перспективы совершенствования исследуемого правового института должны быть направлены не на наращивание объема гарантий, а на разработку правовых режимов, способных эволюционировать одновременно с трансформацией семейных структур, а также на соблюдение прав работников в этой сфере.

Библиографический список

1. Петоченко, Т. М. Основные направления обеспечения гендерного равенства в трудовой сфере Республики Беларусь / Т. М. Петоченко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Колорград, 2022. – Вып. 17. – С. 648-655.

УДК 349.2

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ю. А. Журова

аспирант 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: доцент, канд. юрид. наук Т. Э. Шпилевская

В статье рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования применения информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в сфере занятости населения Республики Беларусь. Автор анализирует положения законодательства в части функционирования информационного портала государственной службы занятости и

обращает внимание на необходимость расширения его функционала. Предлагаются конкретные изменения законодательства, которые позволят повысить эффективность и прозрачность системы занятости, а также адаптировать ее к современным цифровым условиям.

Ключевые слова: занятость населения, информационно-коммуникационные технологии, рынок труда, государственная служба занятости

Современный рынок труда характеризуется высокой динамикой и постоянными структурными изменениями, обусловленными цифровизацией экономики, автоматизацией производственных процессов и возникновением новых форм занятости. В этих условиях возрастает значение эффективного применения ИКТ в системе занятости населения.

Относительно использования ИКТ в области занятости населения, в первую очередь необходимо обозначить, что законодатель в рамках ст. 24 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения» (далее – Закон) определяет основы работы информационного портала государственной службы занятости. Данный портал создан в целях предоставления государственной службой занятости населения услуг населению и нанимателям в электронном виде посредством глобальной компьютерной сети Интернет. На сегодняшний день его основной задачей и предназначением является размещение сведений о наличии свободных рабочих мест (вакансий). Вместе с тем, на наш взгляд, есть ряд направлений для расширения возможностей его использования.

Так, например, абз. 3 п. 1 ст. 21 Закона предусматривает возможность выдачи направления на работу в электронном виде. Однако, в рамках абз. 4 вышеуказанного пункта не определяется, каким образом фиксируется отказ нанимателя в трудоустройстве в том случае, если направление на работу было выдано в таком виде. По нашему мнению, следует предусмотреть возможность возврата направления на работу онлайн через платформу Государственной службы занятости.

Еще одной необходимой новацией в законодательстве, на наш взгляд, является закрепление возможности проведения собеседования в дистанционной форме по согласованию с нанимателем. Данное изменение учитывает расширение использования информационных технологий в трудовых отношениях, а также наличие у безработного уважительных причин, которые могут препятствовать личной явке. Так, по нашему мнению, абз. 3 п. 1 ст. 21 Закона необходимо изложить в следующем виде: «явиться на переговоры с нанимателем по вопросу о трудоустройстве в течение двух рабочих дней со дня выдачи органом по труду, занятости и социальной защите направления на работу, в том числе в электронном виде. В случае невозможности личной явки по уважительным причинам возможно проведение собеседования в дистанционном формате по согласованию с нанимателем;».

Также, полагаем, что, с целью расширения функциональных возможностей информационного портала государственной службы занятости, необходимо закрепить возможность отклика на предложения об оплачиваемых временных работах посредством данного портала. Данное изменение повысит оперативность, доступность и вовлечённость граждан в оплачиваемые временные работы.

Таким образом, можем обозначить, что использование ИКТ в сфере занятости способствует расширению доступности информации о вакансиях, повышению прозрачности рынка труда, сокращению сроков поиска работы и оптимизации деятельности государственных органов занятости. Вместе с тем, на наш взгляд, представляется необходимым:

1. предусмотреть возможность возврата направления на работу, выданного в электронном виде, онлайн через платформу Государственной службы занятости;

2. абз. 3 п. 1 ст. 21 Закона необходимо изложить в следующем виде: «явиться на переговоры с нанимателем по вопросу о трудоустройстве в течение двух рабочих дней со дня выдачи органом по труду, занятости и социальной защите направления на работу, в том числе в электронном виде. В случае невозможности личной явки по уважительным причинам возможно проведение собеседования в дистанционном формате по согласованию с нанимателем;»

3. закрепить возможность отклика на предложения об оплачиваемых временных работах посредством информационного портала государственной службы занятости.

УДК 349.2

ОТПУСК ОТЦУ (ОТЧИМУ) ПРИ РОЖДЕНИИ РЕБЕНКА

Е. С. Заверач

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юридич. наук, доцент Т. М. Петоченко

В статье рассмотрены отдельные вопросы предоставления отпуска отцу (отчиму) при рождении ребенка. В результате выявлена проблема низкого уровня участия отцов в воспитании детей из-за неоплачиваемого характера этого отпуска, предложены пути ее решения на основе анализа зарубежного опыта и с учетом национальных особенностей.

Ключевые слова: гендерное равенство; отпуск отцу (отчиму); рождение ребенка; социальный отпуск; сохранение заработной платы.

Проблема обеспечения гендерного равенства остается актуальной, несмотря на существующие достижения в этой области. Республика Беларусь обеспечивает условия для равного участия отца и матери в воспитании ребенка, признавая важность присутствия контакта ребенка с обоими родителями на ранних этапах его жизни. Одной из мер, направленной на обеспечение таких условий, стало предоставление обязательного социального отпуска для отцов (отчимов) при рождении ребенка (Закон Республики Беларусь от 18.07.2019 № 219-З «Об изменении законов»).

Согласно ст. 186 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), при рождении ребенка и воспитании его в семье наниматель обязан по желанию отца (отчима) ребенка предоставить ему отпуск без сохранения заработной платы про-

должительностью не более 14 календарных дней, который предоставляется единовременно по письменному заявлению отца (отчима) в течение 6 месяцев с даты рождения ребенка. Иная продолжительность и (или) оплата отпуска при рождении ребенка могут быть предусмотрены коллективным договором, нанимателем.

Несмотря на предоставленные государством возможности, участие отцов в воспитании детей значительно уступает участию матерей. Например, по данным Министерства труда и социальной защиты, лишь около 38% отцов в Беларуси используют право на отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка, о котором было сказано выше [1].

Основной причиной, ограничивающей участие отцов в воспитании детей раннего возраста и использование отпуска при рождении ребенка, является неоплачиваемый характер этого отпуска. Особенно велика эта проблема в семьях, где мать не работает, и финансовая нагрузка ложится на отца. Востребованность отцовского отпуска при рождении ребенка заметно выше в организациях, которые предоставляют такой отпуск с сохранением заработной платы за счет собственных средств.

В Латвии существует 10-дневный отпуск для мужчин в связи с рождением ребенка, если мужчина работает и социально застрахован. Воспользоваться этим отпуском можно в течение 2 месяцев со дня рождения ребенка (можно и позже – до 6 месяцев, но без пособия). Чтобы получить пособие и отпуск, нужно написать заявления работодателю и в Государственное агентство социального страхования. Размер выплат во время отпуска составляет 80% заработка отца.

В Норвегии, помимо 10 обязательных декретных недель, которые отец должен провести с ребенком, предусмотрен двухнедельный оплачиваемый отпуск после родов. Им можно пользоваться по желанию, при этом отец получает 80% от своего заработка [2].

Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка, в соответствии с ТК, является социальным отпуском наравне с отпуском по беременности и родам для женщин и отпуском по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, за время нахождения в которых выплачивается государственное пособие по государственному социальному страхованию. Отсутствие оплаты государством отцовского отпуска при рождении ребенка и низкие показатели его использования мужчинами ставят под сомнение его необходимость для общества.

Таким образом, для большей вовлеченности отцов в воспитание детей раннего возраста необходимо закрепление на законодательном уровне оплачиваемого характера отцовского отпуска при рождении ребенка. Поскольку отпуск отцам (отчимам) при рождении ребенка является социальным, соответственно представляется целесообразным его оплата за счет средств государства.

Библиографический список

1. В Беларуси могут повсеместно ввести оплачиваемый отпуск для отцов [Электронный ресурс] // Брагинская районная газета. – 08.09.2025 – URL: https://www.bragin.by/2025/09/v-belarusi-mogut-povsemestno-vvesti-oplachivaemyj-otpusk-dlya-otcov/ – Дата обращения: 07.10.2025.

2. Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы: сборник статей V Международной научно-практической конференции. –

Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2018. – 150 с. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36267624&selid=36268690 – Дата обращения: 07.10.2025.

УДК 349.3

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Зубцов

курсант 4 курса военного факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент П. А. Гуцко

В материалах работы детально рассматривается такой аспект социальной защиты военнослужащих, как охрана здоровья. Обозначена нормативная правовая база обеспечения медицинской помощью военнослужащих всех категорий. Проведен анализ правовых гарантий в сфере охраны здоровья через призму этапов оздоровления: от профилактики до реабилитации.

Ключевые слова: военная служба; здоровье; охрана здоровья; социальные гарантии; медицина; права военнослужащих.

Обеспечение здоровья военнослужащих является мерой социальной защиты и стратегической задачей государства. Правовую основу этой системы формируют Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих» (далее – Закон № 100-З) и постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 1993 г. № 814 «О медицинском обеспечении военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, членов их семей, инвалидов Великой Отечественной войны и инвалидов из числа военнослужащих» (далее – постановление № 814).

Согласно ст. 14 Закона № 100-З охрана здоровья военнослужащих обеспечивается государством и включает комплекс следующих мер: создание благоприятных условий военной службы, быта и системы мер по ограничению воздействия вредных или опасных факторов военной службы, проведение мероприятий по профилактике заболеваний, получение бесплатной медицинской помощи в полном объеме в государственных организациях здравоохранения, осуществление мероприятий по медицинской реабилитации военнослужащих [1].

Конкретизация и практическая реализация этих общих гарантий, установленных ст. 14 Закона № 100-З, детально прописаны в постановлении № 814. Основным звеном оказания медицинской помощи военослужащим являются организации здравоохранения Министерства обороны и других государственных органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба. За этими организациями закрепляется обязанность оказывать первичную медико-санитарную помощь, специализированную медицинскую помощь в стационарных и амбулатор-

ных условиях, осуществлять медицинскую реабилитацию [2, с. 220]. Профилактический этап выражен обязательными медицинскими осмотрами. Санитарно-гигиенический и противоэпидемический надзор за условиями службы и быта осуществляется медицинской службой воинских частей совместно с органами государственного санитарного надзора. Медицинская реабилитация военнослужащих направлена на восстановление утраченных функций, компенсацию ограничений жизнедеятельности и подготовку к возвращению в строй или адаптацию к новым условиям жизни.

Не смотря на достаточно комплексное правовое регулирование гарантий в сфере охраны здоровья военнослужащих, в правоприменительной практике возникают проблемные вопросы, связанные с эффективностью их реализации. Приведем некоторые примеры: 1) материально-техническая база некоторых медицинских учреждений, особенно в отдаленных гарнизонах, не всегда соответствует современным требованиям, что ограничивает возможности диагностики и лечения заболеваний [1]; 2) недостаточная обеспеченность квалифицированными медицинскими кадрами в военной медицине; 3) нарушение сроков и организационные сложности в реализации механизма направления военнослужащих в гражданские организации здравоохранения (в частности, сильная отдаленность одной организации от другой, что мешает быстрому и согласованному взаимодействию).

В целях повышения эффективности реализации права военнослужащих на охрану здоровья предлагается проводить модернизацию материально-технической базы военной медицины, осуществлять качественную подготовку военных медицинских кадров и обеспечивать ими военные организации здравоохранения, оптимизировать межведомственное взаимодействие при направлении в гражданские организации здравоохранения.

Таким образом, постоянный мониторинг эффективности действующих норм и их адаптация к современным возможностям медицины остаются важной задачей для обеспечения высокой боеготовности и социальной защищенности военнослужащих.

Библиографический список

1. Козлов, В.И. Теоретические и практические аспекты сохранения здоровья военнослужащих / В.И. Козлов; под ред. Ю.В. Лизунова. – СПб.: Б. и., 2003. – 106 с.

2. Право социального обеспечения : учебное пособие / И. В. Савина ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – 303 с.

УДК 349.2

СТУДЕНЧЕСКИЙ ОТРЯД: ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д. П. Кабаков

студент 2 курсаюридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Т. А. Постовалова

В данной статье мы анализируем понятие студенческого отряда, на примере практики выявляем проблематику правового регулирования оных. Анализируем нынешнее правовое регулирования студенческих отрядов, предлагаем внесение изменений в нынешнее регулирование студенческих отрядов с целью формирования единообразного подхода к их организации и обеспечению соблюдения прав работников согласно трудовому законодательству Республики Беларусь.

Ключевые слова: студенческий отряд, стройотряд, работник студенческого отряда, договор подряда

Под студенческим отрядом понимается добровольное объединение лиц в возрасте от 14 до 31 года, изъявивших желание в свободное от учебы и работы время, осуществлять трудовую деятельность, а также участвовать в мероприятиях, проводимых студенческим отрядом в соответствии с программой (планом) деятельности. Организация студенческих отрядов возложена на учреждения образования, а также на ОО «БРСМ» и иные молодежные организации. Студенческие отряды также могут быть разной профилизации [1].

На условиях полной занятости студенты, как правило, могут работать только летом, в период каникул. В такой ситуации студенческий отряд является одним из самых оптимальных видов временного трудоустройства для студентов.

При всех преимуществах студенческих отрядов существует ряд проблем, которые в разной степени требуют разрешения. В первую очередь это касается заключения договоров между сторонами. Инструкция «О порядке организации деятельности студенческих отрядов», утв. Постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 07.06.2012 №60, позволяет заключать с работниками студенческих отрядов трудовые и гражданско-правовые договоры. В соответствии со ст. 6 Трудового кодекса обязательства, возникающие на основании договоров, предусмотренных гражданским законодательством, не попадают под действие Трудового кодекса [1]. Таким образом, нормы законодательства о труде, в том числе, установленный порядок приема работников на работу, права и обязанности работников и нанимателей, государственные гарантии по оплате труда работников, гарантии и компенсации, режим труда и отдыха, трудовые и социальные отпуска, дисциплинарная и материальная ответственность работников, на гражданско-правовые отношения не распространяются. С целью обеспечения защиты прав трудоустраивающихся лиц, не достигших 18 лет, в т.ч. участников студенческих отрядов, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь рекомендует при приеме на работу

заключать с каждым из них трудовой договор. В соответствии со статьями 18 и 19 Трудового кодекса, трудовой договор заключается в письменной форме и должен содержать обязательные условия и сведения. Мы предлагаем исключить возможность заключения гражданско-правовых договоров в рамках студенческих отрядов с целью недопущения произвола в отношении работников.

На практике при организации студенческих отрядов возникают нарушения со стороны нанимателей: необеспечение и неприменение средств индивидуальной защиты (СИЗ), непосредственно обеспечивающих безопасность труда; допуск участников студенческих отрядов без проведения обучения, инструктажа, стажировки и проверки знаний по вопросам охраны труда; неудовлетворительная организация рабочих мест; несоответствие при оформлении трудовых договоров (отсутствие подписей в трудовых договорах работника и нанимателя, а также сведений о наименовании профессии рабочего); заключение с участниками студенческих отрядов гражданско-правовых договоров с нарушением требований Указа Президента Республики Беларусь от 06.07.2005 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» (далее – Указ № 314); отсутствие или некачественная разработка инструкций по охране труда; нарушения организации проведения обязательных медосмотров [2].

С целью лучшего контроля организации студенческих отрядов, мы предлагаем передать полный контроль за осуществлением и организацией студенческих отрядов местным исполнительным комитетам, а также предлагаем усилить проверки в отношении работ, осуществляемых студенческими отрядами, на предмет соответствия законодательству.

С целью упорядочения правового регулирования работы студенческих отрядов мы предлагаем запретить заключение с участниками студенческих отрядов гражданско-правовых договоров (договоров подряда).

Таким образом студенческие отряды являются положительным примером занятости молодежи в Республике Беларусь. При этом организация и правовое регулирование данных трудовых отношений нуждаются в укреплении и улучшении с целью минимизации рисков для участников студенческих отрядов.

Библиографический список

1. Доклад прокуратуры Республики Беларусь о деятельности студенческих отрядов // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01801976 (дата доступа 15.09.2025).

2. Прилуцкий, А. Порядок организации деятельности студенческих отрядов / А. Прилуцкий // Кадровая служба: профессиональный журнал для тех, кто работает с персоналом / учредитель УП "КвалитетЭкоПресс". – 2021. – № 5. – С. 39 – 47.

3. Штейнер А. И. Порядок организации деятельности студенческих отрядов / А. И. Штейнер. // Кадровая служба: профессиональный журнал для тех, кто работает с персоналом / учредитель УП "КвалитетЭкоПресс". – 2021. – № 5. – 25 с.

УДК 349.22

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ РАБОТНИКОВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

М. С. Косинская

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель О. Л. Нихайчик

В работе анализируется современное состояние и выявляются проблемы правового регулирования профессиональной подготовки работников на производстве в Республике Беларусь. Обосновывается необходимость системного подхода к регулированию данных отношений и предлагаются конкретные направления совершенствования законодательства.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; ученический договор; производственное обучение; трудовое право; работник.

Актуальность темы совершенствования правового регулирования профессиональной подготовки работников на производстве обусловлена динамичными изменениями в социально-экономической сфере. Принцип непрерывного профессионального обучения трудящихся, провозглашенный в Конвенции МОТ № 142, остается ключевым, но его полноценная реализация требует системного правового регулирования.

Действующее законодательство, регулирующее отношения по профессиональному обучению, носит комплексный характер и рассредоточено в нормативных правовых актах. Значительная часть норм содержится в разделе XV Кодекса Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г № 243-З. В то же время, Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК) содержит лишь фрагментарные нормы, касающиеся профессионального обучения, что создает пробелы в правовом регулировании. Ст. 55 ТК лишь предусматривает обязанность нанимателя по обеспечению подготовки работников, не определяя порядок исполнения этой обязанности.

Особую проблему составляет отсутствие детальной регламентации профессионального обучения непосредственно на производстве. Хотя п. 1 ч. 1 ст.4 ТК подтверждает, что эти отношения входят в предмет трудоправового регулирования, конкретные упоминания содержатся лишь в ст. 220^1 и ст. 278 ТК [1, с.1]. Отдельные вопросы урегулированы в подзаконных актах: Положение о непрерывном профессиональном обучении по профессиям рабочих, должностям служащих, кроме должностей руководителей и специалистов, утвержденное Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 сентября 2022 г. № 574, и Положение о гарантиях при направлении на профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировку, утвержденное Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 января 2008 г. № 101. Однако эти

акты в большей степени регулируют организацию образовательного процесса и предоставление гарантий работникам, обучающимся в сторонних организациях, оставляя нерешенными вопросы профессионального обучения на производстве.

В трудоправовой науке дискуссионным остается вопрос правовой природы договора, заключаемого между нанимателем и работником, направляемым на обучение на производстве. Постановлением Министерства образования Республики Беларусь «О типовых формах договоров в сфере образования» от 9 сентября 2022 г. № 297 утверждена типовая форма договора о профессиональной подготовке рабочего (служащего). Понятия «наниматель» и «работник» применимы только в рамках трудового договора, а типовая форма договора в сфере образования предполагает заключение между обучающей организацией и нанимателем в интересах работника, а не напрямую между нанимателем и работником для обучения на производстве [2, с. 2].

Полагаем, что для обеспечения системности правового регулирования необходимо разработать самостоятельную правовую форму отношений, связанных с профессиональной подготовкой на производстве. Исторически апробированный и доктринально признанный ученический договор может стать такой формой, как это реализовано в законодательстве ряда других государств (Российская Федерация, Кыргызская Республика). Это позволит обеспечить должное нормативное и договорное урегулирование вопросов возмещения убытков нанимателю, привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности, перевода обучающегося работника и других.

Список использованных источников:

1. Маслакова, Н.Н. Правовое регулирование отношений, связанных с профессиональной подготовкой работников на производстве (общая характеристика) / Н.Н. Маслакова/ ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01901073b&q_id=4037849 (дата обращения: 07.10.2025).

2. Карпович, А.Г. Об отдельных вопросах совершенствования правового регулирования профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников непосредственно на производстве / А.Г. Карпович/ ЭТАЛОН : информ.-поисковая система. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01903675b&q_id=4037973 (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 349.2

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ИНВАЛИДОВ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

У. Ю. Кудинова

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

В статье рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования труда инвалидов в Китайской Народной Республике. В результате анализа зарубежного опыта в части механизмов квотирования рабочих мест для инвалидов в условиях цифровой экономики, выработаны обоснованные выводы и предложения по совершенствованию законодательства о труде Республики Беларусь в исследуемой сфере.

Ключевые слова: инвалиды; правовое регулирование; рынок труда; пропорциональная занятость; квотирование.

Обеспечение занятости людей с инвалидностью является важным направлением социальной политики любого государства. Внимание к соблюдению прав инвалидов обусловлено увеличением их численности, что является мировой тенденцией.

В Китайской Народной Республике (далее – КНР) перепись населения происходит раз в десять лет; исходя из этого, нами за основу будут взяты статистические материалы на основе последней переписи населения, которая была произведена в 2020 году. В КНР насчитывается около 85 млн. инвалидов, от общей численности населения, что составляет 6,0 % [1, с. 11].

Цифровая экономика в КНР занимает значительную часть ВВП страны, в связи с чем открывается ряд возможностей для трудоустройства людей с инвалидностью. Развитие информационно – коммуникативных технологий (далее – ИКТ) способствует занятости инвалидов, тем самым позволяя им чувствовать себя полноценными членами общества.

Существуют различные формы занятости инвалидов в КНР: 1) пропорциональная занятость, под которой понимается трудоустройство инвалидов в соответствии с квотами, устанавливаемые национальными законами и правилами; 2) концентрированная занятость – форма занятости, предусматривающая создание условий, способствующих интеграции инвалидов в производственные коллективы и просматривающаяся как важный аспект защиты и поощрения; 3) самозанятость; 4) общественные работы; 5) модель содействия занятости – предполагающая разработку государственными органами на городском, районном и муниципальном уровнях мероприятий, обеспечивающих стабильное и непрерывное трудоустройство инвалидов в течении длительного времени; 6) гибкая занятость или платформенная занятость; 7) занятые в сельском хозяйстве.

Рассмотрим пропорциональную занятость в КНР в сравнении с такой новеллой законодательства о труде Республики Беларусь, как «квотирование рабочих мест для лиц с инвалидностью».

Пропорциональная занятость означает, что в соответствии с национальными законами и правилами наниматели обязаны выделить определенный процент рабочих мест для лиц с инвалидностью. Устанавливается размер квоты 1,5 % для всех нанимателей с численностью персонала более 30 человек. Наниматель, не выполнивший квоту, выплачивает сбор в Фонды обеспечения занятости инвалидов. China Disabled Persons' Federation использует фонд для предоставления услуг по трудоустройству, профессиональному обучению [2]. Данная система действует на территории всей страны, включая и частный сектор. Происходит активное внед-

рение цифровых форм занятости, таких как платформенная занятость, электронная торговля, удаленные услуги и т.д. Кабинет министров Китая (Государственный совет) принял план действий по содействию полной и качественной занятости людей с ограниченными возможностями на период с 2025 по 2027 годы. Согласно этому плану, государственные учреждения должны выделить определенную долю вакансий для людей с ограниченными возможностями и проводить политику поддержки предпринимательства [3]. Наниматели, не выполнившие квоту, обязаны выплатить компенсационный взнос не в государственный или местный бюджет, а непосредственно в Фонд обеспечения занятости инвалидов; тем самым косвенно оказывая им материальную помощь. Также квоту можно направить на финансирование центров занятости инвалидов.

Так как пропорциональная занятость непосредственно связанна с платформенной, то у людей с ограниченными возможностями расширяется перечень вакансий, открытых для трудоустройства.

В целях стимулирования нанимателей осуществлять квотирование рабочих мест для лиц с инвалидностью целесообразно ввести норму о том, что наниматель, не выполнивший квоту, может внести взнос в Фонд социальной защиты населения. В случае если наниматель не в силах осуществить выполнение квоты (по уважительным причинам), он может закрыть ее через финансирование специализированных центров по обучению инвалидов».

Библиографический список

1. Топилин, А. В. Реализация трудового потенциала инвалидов в Китае: новые возможности в эпоху цифровизации / Топилин, А. В., Ладик М. В. //ДЕМИС. Демографические исследования. - 2025. - Т. 2, №4. - С. 10–24.

2. China Disabled Persons' Federation: [сайт]. – Минск, 2025. – URL: http://www.cdpf.org.cn/ (дата обращения: 06.10.2025).

3. Новый план трудоустройства инвалидов: Inva.New.: [сайт]. – Минск, 2025. – URL:https://www.inva.news/articles/society/kitay_predstavil_novyy_plan_trudoustroystva_invalidov (дата обращения: 06.10.2025).

УДК 332.14

ЗАНЯТОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

А. С. Лаврова

курсант 4 курса Могилёвского института МВД Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. экон. наук, доцент Н. В. Пушко

В статье рассматриваются научные подходы к определению понятия «занятость» в современных условиях.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, деятельность, труд.

В настоящее время актуальность вопроса об определении такой социально-экономической и правовой категории как занятость населения не теряет своего значения, так как с учетом системного характера социальных, экономических и

интеграционных процессов, происходящих в обществе, которые существенно влияют на изменения в сфере занятости и труда, появляются новые модели трудовой деятельности и методы выполнения работы. Кроме того, структурность изменений на рынках труда и появление новых форм организации трудовой деятельности, когда традиционная занятость соседствует с гибкими ее формами, вызывает необходимость в уточнении определения данной категории.

Прежде всего, рассматривая занятость в историческом аспекте, необходимо отметить, что в доиндустриальный период занятость носила принудительный характер, а сама теория занятости была основана на признании нетоварного характера рабочей сила, так как всеобщность занятость была основана на моральном долге и экономической необходимости. В период XIX - начало XX вв., в эпоху интенсивной индустриализации и урбанизации, с формированием первых преставлений о безработице, занятость превратилась из преимущественно частной в общественную проблему (причиной послужило массовое появление рабочих профессий). В настоящие же время для участников трудового процесса характерно: обладание многими профессиями при непрерывном процессе обучения, мобильность в плане различных сфер и форм занятости, например, наемный труд, самозанятые, предпринимательство.

В Республики Беларусь правовые нормы, регулирующие правоотношения связанные с занятостью закреплены в Конституции Республики Беларусь, Трудовом Кодексе Республики Беларусь [1], Законе Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения» [2], в котором занятость определяется как деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, вознаграждение по гражданско-правовому договору. Таким образом законодатель рассматривает занятость как деятельность и фактически проводит тождество между понятиями занятость и труд.

В свою очередь экономическая наука анализирует занятость с других позиций и рассматривает ее с различных точек зрения: во-первых, как многоуровневую систему отношений между субъектами, объектами и внутри субъектов по поводу определения условий и форм воспроизводства человеческого капитала [3]; во-вторых, как экономико-правовые отношения между людьми, прежде всего, по поводу включения работника в конкретную кооперацию труда на определенном рабочем месте. Из этого следует, что статус занятого совершенно не зависит от того, трудится ли человек в данный конкретный момент, значение имеет остается ли работник в той или иной подсистеме хозяйственного комплекса. Следовательно, отсутствие на работе по различным уважительным причинам (например, временная нетрудоспособность, отпуск, повышение квалификации и др.) не означает, что состояние занятости окончено. В связи с этим деятельность может быть отнесена к только к признакам, характеризующим понятие занятости.

Таким образом, в научной литературе закреплены различные подходы к определению такой социально-экономической и правовой категории как «занятость». При этом как правовая категория она характеризуется следующими признаками: это деятельность, которая направлена на удовлетворение личных и общественных потребностей; легальность; возможность получения дохода.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296–З : принят Палатой представителей 8 июня. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. от 08 июля 2024 г. № 25-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 27.09.2025).

2. О занятости населения: Закон Респ. Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З : в ред. от 11 окт. 2024 г. № 36-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь: информ.-поисковая система (дата обращения: 27.09.2025).

3. Ванкевич, Е. В. Экономические отношения занятости: закономерности развития и регулирования / Е. В. Ванкевич. – Минск : БГЭУ, 2000. – 238 с.

УДК 349.2

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗБРАННЫХ СТРАН БРИКС)

А. А. Лапатко

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель О. Л. Нихайчик

Исследуется опыт правового регулирования платформенной занятости на примере Бразилии, России и Индии. Выявлена тенденция квалификации отношений на платформах как гражданско-правовых. Для Республики Беларусь предлагается внедрение гибридной модели регулирования и расширение социальных гарантий работников платформ.

Ключевые слова: платформенная занятость; БРИКС; цифровая экономика; гиг-экономика; цифровые платформы труда; платформенные занятые; гиг-работники.

Отсутствие адекватного правового регулирования платформенной занятости в ряде стран, несмотря на глобальность феномена, обусловливает актуальность сравнительно-правового исследования. Для анализа взяты следующие страны: Бразилия, Россия, Индия. Правовой опыт стран БРИКС представляет практическую ценность для Республики Беларусь, особенно в свете позиции А. Г. Лукашенко об общности целей и взглядов на мир Беларуси и БРИКС [1].

В Бразилии законодательные инициативы в сфере платформенной занятости охватывают лишь одну профессиональную группу – лиц, осуществляющих пассажирские перевозки (водители такси). Законопроект PL № 536/2024, представленный 4 марта 2024 г. и все еще находящийся на рассмотрении, устанавливает статус водителей такси как независимых автономных работников, что выводит данную категорию лиц из-под действия трудового законодательства Бразилии. Законопроект наделяет водителей правом на получение полной информации о поездке до принятия заказа и правом на отказ от осуществления поездки при наличии исчерпывающего перечня обстоятельств. Вводится особая методология ценообразования, обеспечивающая покрытие эксплуатационных расходов водителей. Законо-

проект устанавливает запрет на одностороннюю автоматическую блокировку водителей со стороны платформ, а также использование любого типа ИИ для принятия решений в отношении работников платформ.

В Российской Федерации принят Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступающий в силу 1 октября 2026 г. Согласно нему лица, выполняющие работу посредством цифровых платформ, именуются «партнеры-исполнители», не подпадают под действие трудового права и осуществляют деятельность в рамках гражданско-правовых отношений. Закон в ст. 16 предусматривает право платформенных занятых получать информацию, касающуюся условий деятельности на платформе, определять место и время принятия и исполнения заказов, приостанавливать или прекращать в любое время принятие заказов и т.д.

С 2020 г. в Индии введен в действие Кодекс социального обеспечения, глава 9 которого посвящена социальным гарантиям гиг-работников и платформенных занятых. Статья 109 Кодекса предусматривает разработку на федеральном уровне схем социального обеспечения платформенных занятых, охватывающих страхование жизни, пособия в связи с рождением ребенка, пенсии и др. В свою очередь правительства штатов на локальном уровне обязаны прорабатывать для гиг-работников и платформенных занятых вопросы пособий при производственных травмах, обеспечения жильем, повышения квалификации и др. В штате Карнатака 31 мая 2025 г. вступил в силу Закон «Об обеспечении и благосостоянии гиг-работников, использующих платформы». Он гарантирует права работников на своевременную выплату вознаграждений (ст. 15), защиту от дискриминации со стороны платформ (ст. 13.2), отказ от выполнения задач (ст. 12.2), получение информации, касающейся автоматизированного мониторинга и принятия решений (ст. 13) и др. Отметим, что в Индии на платформенных занятых трудовое законодательство также не распространяется.

Исследованные подходы демонстрируют неготовность законодателей избранных стран БРИКС распространять на платформенных занятых нормы трудового законодательства. Игнорируется система признаков трудовых отношений. С учетом этого для Республики Беларусь было бы целесообразно внедрить уравновешенную гибридную модель, в рамках которой лица, занятые на платформах, могли бы признаваться состоящими в трудовых отношениях при наличии определенных признаков. Такой подход позволит сохранить гибкость и обеспечить надлежащую защиту. Также необходимо расширять социальные гарантии платформенных занятых – в особенности курьеров – в идеале финансируемые за счет комиссий платформ.

Библиографический список

1. Лукашенко о БРИКС: место Беларуси - в этом коллективе // БЕЛТА. – https://belta.by/president/view/lukashenko-o-briks-mesto-belarusi-v-etom-kollektive-670440-2024/ (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ В ТРУДОВОМ АРБИТРАЖЕ

Ж. Р. Мамедова

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. А. Постовалова

В статье рассматривается трудовой арбитраж как способ разрешения коллективного трудового спора, актуальные проблемы и перспективы развития института трудового арбитража в Республике Беларусь. Он применяется в случаях, когда переговоры и примирительные процедуры не приводят к соглашению сторон.

Ключевые слова: трудовой арбитраж; коллективный трудовой спор; досудебное урегулирование спора; трудовой арбитр.

Зачастую стороны спора могут не прийти к единогласному решению либо могут быть не удовлетворены предложенным трудовым арбитром вариантом пути разрешения трудового спора.

Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК), в частности, ст. 383, закрепляет понятие «трудовой арбитраж».

Главная задача трудового арбитража – оказание помощи сторонам спора в поисках взаимовыгодного решения по урегулированию спора. Трудовой арбитраж – это одна из обязательных примирительных стадий разрешения коллективного трудового спора [1, с. 177].

Было бы рационально, если бы трудовой арбитраж стал вторым этапом досудебного урегулирования коллективного трудового спора. Обусловлено это тем, что чаще всего, трудовые арбитры имеют соответствующее образование и опыт работы по специальности не менее пяти лет.

Стоило бы сделать трудовой арбитраж постоянно действующим органом, где на постоянной основе будут работать квалифицированные специалисты, имеющее соответствующее образование и опыт в данной сфере.

Главным условием разрешения конфликта является содействие сторонам в принятии решения и выполнении предусмотренных законодательством примирительных процедур, также, включая подбор посредников или трудовых арбитров. Создать эти условия помогают постоянно действующие органы. Постоянно действующие организации созданы во многих странах: иерархия трудовых судов в Германии, служба Служба консультирования, примирения и арбитража (ACAS) в Великобритании, специализированные суды во Франции.

Важно отметить, что трудовой арбитраж создается и функционирует только после согласия всех сторон коллективного трудового спора. В этот момент у субъектов появляется свобода волеизъявления в аспекте самостоятельного решения вопроса о дальнейшей судьбе спора. Именно данная свобода выбора дает сторонам

понимание того, что решения этого органа носят рекомендательный и необязательный характер исполнения.

Трудовой арбитраж создается по каждому случаю коллективного трудового спора отдельно. Именно из-за этого теряется суть трудового арбитража. Ведь стадия досудебного урегулирования спора, на которой приоритетно было бы получить квалифицированное решение, которое носило бы обязательный характер. Потому что спор может затянуться на долгий срок, что может влиять и на трудовую деятельность как работников, так и самого нанимателя.

Из этого возникают вопросы о недостаточности законодательного закрепления в данном вопросе, где будет описан порядок рассмотрения трудового спора, статус трудового арбитра, сила принятого решения трудового арбитража и обязательность его исполнения; об установлении и закреплении на законодательном уровне порядка осуществления трудовой деятельности, времени работы, режима труда и отдыха, оплаты труда трудовых арбитров.

Таким образом, выявлена необходимость принятия нормативного правового акта, который будет регулировать порядок создания и функционирования трудового арбитража, правовой статус трудовых арбитров, а также определение данного органа как постоянного действующего, в который необходимо будет обращаться на втором этапе досудебного регулирования коллективного трудового спора. Помимо этого, требуется закрепление условия вынесения по нему соответствующего обязательного решения.

Все вышесказанное будет способствовать точному, профессиональному и своевременному разрешению коллективного трудового спора и вынесению решения по нему, что поможет упразднить досудебный порядок рассмотрения коллективного трудового спора.

Библиографический список

1. Волк, Е. А. Трудовое право : учеб. - метод. пособие : в 3 ч. / Е. А. Волк. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2016. – 216 с.

УДК 349.2

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

К. Д. Миклашевская
студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т.М. Петоченко

В статье рассмотрены отдельные вопросы правового регулирования труда дистанционных работников в условиях цифровой трансформации. В результате анализа нормативного материала и зарубежного опыта сделаны выводы, направленные на расширение гарантий дистанционных работников в социально-трудовой сфере.

Ключевые слова: дистанционная работа; цифровая трансформация; время отдыха; рабочее время; право на отключение.

Активное использование информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества обусловило распространение такого процесса, как цифровизация (цифровая трансформация). Цифровая трансформация – общепризнанное стратегическое направление развития в современном мире, охватывающее экономику, социальную сферу и государственное управление. Цифровизация способствует распространению нестандартных форм занятости, отличающихся повышенной гибкостью распределения рабочего времени и места выполнения трудовых функций, открывает новые способы трудоустройства для людей, которых раньше вытесняли с обычного рынка труда: женщины, люди с инвалидностью, мигранты, беженцы и другие уязвимые группы населения [1].

Цифровизация трансформировала занятость, породив такой вид нестандартной занятости, как дистанционная работа. Особенности правового регулирования труда дистанционных работников нашли закрепление в главе 25–1 Трудового кодекса Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-З (далее – ТК). Согласно ч. 1 ст. 307-1 ТК, дистанционной работой считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Несмотря на отдельные правовые гарантии, право на отдых дистанционных работников часто нарушается в условиях цифровой трансформации.

Для решения данной проблемы можно обратиться к опыту зарубежных стран. В некоторых европейских странах, включая Францию и Бельгию, законодательно закреплено право работников отключаться от любых цифровых систем или инструментов, используемых в профессиональных целях (право на «отключение») [2]. Заслуживают внимания нововведения Трудового кодекса Франции, дающие работникам право не принимать служебные сообщения вне рабочего времени [3]. В Трудовом кодексе Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ закреплено, что «время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время» (ч. 6 ст. 312.4). Тем не менее, такое правовое регулирование не является достаточно эффективным и в полной мере не защищает работника от необходимости находиться постоянно на связи.

Таким образом, требуется дальнейшее совершенствование норм, регулирующих рабочее время и время отдыха дистанционных работников, для обеспечения оптимального баланса между реализацией ими права на отдых и требованиями нанимателя. Целесообразно закрепить право дистанционного работника не выходить на связь с нанимателем в нерабочее время.

Библиографический список

1. Graham, Hjorth, and Lehdonvirta, ‘Digital Labour and Development’; Aditi Surie and Lakshmee V. Sharma, ‘Climate Change, Agrarian Distress, and the Role of Digital Labour Markets: Evidence from Bengaluru, Karnataka’, DECISION: Official Journal of the Indian Institute of Management Calcutta 46, no. 2 (2019): 127–38.

2. Caroline Froger-Michon and Christopher Jordan, Switching on to Switching off: Disconnecting Employees in Europe? (2018).

3. LOI n° 2016–1088 du 8 août 2016 relative au travail, à la modernisation du dialogue social et à la sécurisation des parcours professionnels [Electronic resource] // UNSA-itefa. —

Mode of access: https://itefa.unsa.org/IMG/pdf/loi_no_2016 1088_du_8_aout_2016_relative_au_travail_.pdf. — Date of access: 09.10.2025.

УДК 349.2

ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРУДОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И КОНВЕНЦИИ МОТ 1930Г.

К. С. Михаленя

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

Настоящий доклад анализирует возможные противоречия между Трудовым кодексом Республики Беларусь и Конвенцией МОТ № 29. Выявляются несоответствия национального законодательства международным стандартам. Предлагаются пути гармонизации трудового права Беларуси с учетом обязательств членства в МОТ. Подчеркивается важность соблюдения международных трудовых стандартов.

Ключевые слова: трудовое право, Международная Организация Труда (МОТ), Конвенция МОТ, принудительный труд, международные трудовые стандарты.

Актуальность темы обусловлена тем, что Республика Беларусь является членом Международной организации труда (МОТ) и, следовательно, приняла на себя обязательства по соблюдению международных трудовых стандартов, закрепленных в Конвенциях МОТ. Гарантирование соблюдения трудовых прав является одним из важнейших факторов стабильности и социального благополучия в любом обществе. В условиях глобализации и интеграции, соответствие национального трудового законодательства международным нормам приобретает особое значение.

Целью данного доклада является выявление и анализ возможных противоречий между положениями Трудового кодекса Республики Беларусь и ключевой Конвенцией МОТ.

Рассмотрим противоречия между Трудовым кодексом [3] и Конвенцией МОТ № 29 "О принудительном или обязательном труде" [1]. Конвенция МОТ № 29 определяет "принудительный или обязательный труд" как всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для выполнения которой это лицо не предложило добровольно свои услуги. Конвенция содержит исключения из этого определения, включая воинскую повинность, обычные гражданские обязанности, работы, выполняемые в силу приговора суда, работы в случаях чрезвычайных обстоятельств. Соответствие Трудового кодекса Республики Беларусь Конвенции № 29 в целом обеспечивается. Статья 13 прямо запрещает принудительный труд. Однако, отдельные аспекты реализации этого принципа могут вызывать вопросы.

Например, Декрет № 3 Президента Республики Беларусь "О содействии занятости населения" [2], обязывающий не занятых трудовой деятельностью граждан возмещать расходы государства на определенные социальные услуги, вызывал

критику со стороны МОТ как потенциальная форма принуждения к труду. Хотя прямым принуждением это не являлось, создание неблагоприятных экономических условий для незанятых граждан могло подталкивать их к поиску работы, а не к добровольному ее выбору. После изменений в Декрет, эта проблема была частично решена, но вопрос о косвенном принуждении остаётся дискуссионным.

Также спорным вопросом является обязанность отработки после окончания обучения, финансируемого за счет средств республиканского бюджета. Положение законодательства об образовании, обязывающее выпускников отработать определенный срок после окончания обучения, финансируемого за счет средств республиканского бюджета, также может рассматриваться как форма обязательного труда. С одной стороны, это может быть оправдано необходимостью возврата инвестиций в образование и обеспечения квалифицированными кадрами определенных отраслей. С другой стороны, ограничение свободы выбора места работы после окончания обучения может противоречить принципу добровольного труда. Это ограничение, однако, распространяется на лиц, добровольно выбравших обучение за счёт бюджетных средств, что несколько смягчает остроту проблемы.

Для устранения выявленных противоречий и повышения соответствия Трудового кодекса Республики Беларусь международным трудовым стандартам, необходимо предпринять ряд мер:

• Усиление контроля за соблюдением трудового законодательства: необходимо усилить роль государственных органов по надзору и контролю за соблюдением трудового законодательства, обеспечить эффективное рассмотрение жалоб работников на нарушение их трудовых прав, привлекать к ответственности нанимателей, нарушающих трудовое законодательство.

• Развитие социального диалога: необходимо развивать социальный диалог между правительством, профсоюзами и нанимателями, создать эффективные механизмы для проведения консультаций и переговоров по вопросам трудовой политики.

• Проведение обучения и повышение осведомленности: необходимо проводить обучение и повышение осведомленности работников и нанимателей о трудовых правах и обязанностях, о международных трудовых стандартах.

Проведенный анализ выявил ряд потенциальных противоречий между Трудовым кодексом Республики Беларусь и Конвенцией МОТ № 29. Хотя Трудовой кодекс в целом соответствует основным принципам международного трудового права, отдельные нормы и практика их применения могут вызывать вопросы. Для повышения соответствия национального законодательства международным стандартам необходимо предпринять комплекс мер, направленных на совершенствование законодательства, усиление контроля за его соблюдением и развитие социального диалога. Соответствие законодательства международным трудовым стандартам является важным условием обеспечения трудовых прав и социального благополучия в Республике Беларусь, а также повышения ее международного авторитета.

Библиографический список

1. Конвенция о принудительном или обязательном труде/Международная Организация Труда. – Женева: Генеральная Конференция Международной Организации Труда, 1930г. – 26 с.

2. О содействии занятости населения: Декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г., №3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 26 июля 1999 г., № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 нояб. 2024 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 349.23

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

В. В. Немогай

студент 2 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Л. А. Киселева

Исследование посвящено анализу правовых норм, регулирующих порядок заключения трудового договора. Обоснована необходимость правового регулирования процедур отбора кандидата на работу при трудоустройстве. Цель –защита трудовых прав граждан при трудоустройстве

Ключевые слова: необоснованного отказ в заключении трудового договора; деловые качества работника; общий и специальный порядок заключения трудового договора; трудоустройство; порядок отбора.

1. Основным средством защиты прав граждан при приеме на работу является недопустимость необоснованного отказа в заключении трудового договора, что служит важнейшей гарантией конституционного права граждан на труд, закрепленного в ч. 1 ст. 41 Конституции Республики Беларусь.

Отказ в приеме кандидата на работу в случаях, не связанных с его деловыми качествами, является необоснованным [1, с. 80–96]. При этом под деловыми качествами понимается наличие у лица, устраивающегося на работу, соответствующих профессионально-квалификационных (наличие, профессии, квалификации) и личностных качеств (состояние здоровья, образование, опыт работы), позволяющих выполнять соответствующую трудовую функцию. Требования, предъявляемые к претенденту, не могут быть произвольными и устанавливаются нанимателем путем обращения к квалификационным справочникам и иным нормативным актам. В то же время процедура выявления соответствия потенциального работника данным требованиям (круг задаваемых вопросов с целью проверки деловых качеств, критерии отбора, порядок отбора) законодательством не определяется.

Отношения непосредственно между потенциальным работником и нанимателем по вопросам трудоустройства в случае, если кандидат в работники откликнулся на объявление нанимателя о вакансии, либо потенциальный наниматель отреагировал на резюме, размещенное претендентом на работу, относятся к отношениям по трудоустройству и попадают в сферу действия трудового права. Вместе с тем указанные отношения не получили достаточного законодательного регулирования и нуждаются в правовой регламентации. В частности, на наш взгляд, требуют правовой регламентации порядок приглашения нанимателем потенциального работника на работу, порядок проверки деловых качеств кандидата, а также порядок отбора среди кандидатов в работники. Представляется целесообразной необходимость законодательного установления понятий необоснованный отказ в заключении трудового договора и деловые качества работника.

2. Порядок заключения трудового договора предполагает ряд действий нанимателя и потенциального работника, направленных на получение информации друг о друге и выражение своей воли о заключении трудового договора. В случае общего порядка заключения трудового договора законодательством не предусматривается процедура проверки и оценки деловых качеств претендентов. Наниматель вправе проводить отбор среди кандидатов на работу для последующего трудоустройства. Отбор может заключаться в сравнении документов, представленных кандидатами, в проведении определенных отборочных процедур, например, собеседование, тестирование и др.

Специальный порядок заключения трудового договора для отдельных должностей служащих предусматривает конкретные процедуры отбора: избрание по конкурсу, назначение на должность. Так, согласно ст. 24 ТК в случаях, предусмотренных ТК и иным законодательством о труде, заключению трудового договора, может предшествовать прохождение конкурса, избрание на должность служащего и иные мероприятия, позволяющие определить профессиональную пригодность претендента на соответствующую работу, должность служащего.

Таким образом, лица, устраивающиеся на работу, находятся в разном правовом положении при отборе среди кандидатов для последующего трудоустройства. Правовая регламентация процедуры отбора влечет расширение возможностей граждан по защите своих трудовых прав при трудоустройстве.

Библиографический список

1. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / ред. совет: Г. А. Василевич (председатель); А. А. Греченков; Г. Б. Шишко [и др.]. – Минск : Регистр, 2020. – 1360 с.

УДК 349.2

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

К. Р. Нестерова

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юридич. наук, доцент Т. М. Петоченко

Статья анализирует правовые механизмы обеспечения гендерного равенства в трудовых отношениях Республики Беларусь, выявляет основные проблемы правоприменения и предлагает практикоориентированные рекомендации по совершенствованию законодательства, мониторинга и кадровой практики.

Ключевые слова: гендерное равенство; трудовые отношения; дискриминация по признаку пола; трудовое право; трудовые права.

Гендерное равенство в трудовых отношениях — ключевой элемент социальной политики Беларуси, влияющий на экономическую эффективность, стабильность и соблюдение прав человека. Статья 22 Конституции Республики Беларусь закрепляет принцип недискриминации, а глава 19 Трудового кодекса регулирует охрану труда женщин и права работников с семейными обязанностями. На практике эти нормы сдерживают институциональные, процедурные и социокультурные барьеры, проявляющиеся в ограниченном доступе женщин к руководству и гендерных разрывах в оплате. Цель исследования — проанализировать действующие механизмы, выявить препятствия и предложить практические рекомендации для совершенствования политики и правоприменения.

Положения демонстрируют двойственность политики: гарантии и запреты защищают здоровье и семью, но их избыточность делает женщин «неудобной» рабочей силой и сужает экономические возможности. Нужен переход от роста запретов к трансформации гарантий в механизмы, усиливающие экономическую автономию женщин при сохранении охраны здоровья [1].

Необходимо заменить категоричные запреты моделью права выбора работницы и обязанностей работодателя по созданию безопасных условий: закрепить право на отказ от ночных, сверхурочных и командировок без ущерба для карьеры и дохода и обязать работодателя предлагать альтернативы — временный перевод, смену функций, обучение. Это превратит льготы в процессуальные гарантии и устранит нечёткие практики применения правил. Запрет работы женщин в тяжёлых и вредных условиях должен быть сбалансирован: полный запрет ограничивает выбор, а допуск без ограничений угрожает здоровью. Ввести поэтапный механизм с медицинскими критериями допуска, учётом стажа и возрастными ограничениями, стимулировать модернизацию рабочих мест и программы перевода с сохранением зарплаты и статуса [2].

Согласно статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь:

1. Гендерный разрыв в оплате труда составляет около 27% (на 2024 г.).

2. Женщины чаще работают в низкооплачиваемых секторах и реже занимают руководящие должности.

3. Гендерная статистика ведётся централизованно на портале Белстата, но требуется более детализированный отраслевой и должностной анализ для выявления непрямой дискриминации.

Необходимо прямо запретить дискриминацию по признаку пола и закрепить за работницей право выбора по ночным, сверхурочным работам и командировкам

с обязательной фиксацией информированного отказа и предложенных работодателем альтернатив; уточнить статус «работник, имеющий семейные обязанности» и опекунов. Прямой запрет устранит правовую неопределённость и позволит привлекать нарушителей к ответственности; закреплённое право выбора защитит здоровье и семейные обязанности без потери дохода; уточнение статуса упростит доступ к льготам и доказывание прав в спорах.

Конституционные гарантии остаются основой, но их эффективность требует качественной реализации, институциональной поддержки и аналитического мониторинга для создания сбалансированной системы охраны здоровья и равного доступа к труду и благам [3, с. 41–44].

Библиографический список

1. Петоченко, Т. М. Гендерное равенство и запрет дискриминации по признаку пола как один из основных принципов трудового права Республики Беларусь / Т. М. Петоченко // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21—22 окт. 2010 г., г. Минск). — Минск, 2010. – С. 299–301.

2. Петоченко, Т. М. Труд женщин: проблемы совершенствования правового регулирования / Т. М. Петоченко // Право и демократия: Сборник научных трудов / Белорусский государственный университет; Редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) и др. – Минск: Право и экономика, 1999. – Вып. 10. – 336 с. – (Приложение к журналу “Право и экономика”).

3. Правовые гарантии и реализация принципов гендерного равенства : практ. пособие / Г. А. Василевич [и др.]; под ред. С. А. Балашенко, В. В. Саскевич. - Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 126 с.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РАСТОРЖЕНИЯ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА ПО ТРЕБОВАНИЮ РАБОТНИКА

Т. Н. Новик

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. В. Мотина

В работе рассматриваются сложности реализации права работника на труд при прекращении срочного трудового договора по его требованию.

Ключевые слова: работник; срочный трудовой договор; требование; факт нарушения законодательства о труде.

Согласно Трудовому кодексу Республики Беларусь (далее – ТК) работник по желанию может расторгнуть только договор, заключенный на неопределенный срок (ст. 40). В отношении срочного трудового договора такая возможность отсутствует, и процедура увольнения более сложна. Так как большинство работников в Беларуси работает по срочным трудовым договорам (контрактам), вопрос надлежащей гарантии реализации их права на труд является актуальным.

В доктрине существует дискуссия по поводу определения момента, когда работник вправе прекратить работу при расторжении трудового договора по его требованию. В ст. 41 ТК не предусматривается срока предупреждения, по истечении которого работник вправе прекратить работу, в результате чего возникает своеобразный пробел. О. С. Курылева отмечает, что если рассматривать отсутствие такой нормы в ст. 41 как пробел, то нужно по аналогии применить ст. 40 ТК и предоставить работнику право на оставление работы по срочному договору (контракту) при наличии обстоятельств, исключающих или значительно затрудняющих продолжение работы [1, с. 120-123].

Поподробнее остановимся на норме, предусмотренной ч. 2 ст. 41 ТК. Если факт нарушения установлен компетентным органом, а не судом, то вправе ли работник оставить работу по договору, если, несмотря на установленный факт, наниматель свою обязанность не выполнил и требование работника не удовлетворил? Высказано мнение, что даже при условии веских оснований работник не может оставить работу [2, с. 344]. Однако полагаем, что в данном вопросе стоит согласиться с утверждением О. С. Курылевой о том, что обязывать работника продолжать работу до вступления в силу решения суда означает не защиту, а продолжение нарушения его прав. Поэтому считаем, что следует не признавать подобные бездействия работника прогулом и закрепить право на оставление работы в рассматриваемом случае.

Если же факт нарушения устанавливается судом, то, по смыслу п. 13 постановления Пленума Верховного суда от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – ППВС), работник обязан продолжать работать, чтобы не получить взыскание за нарушение трудовой дисциплины. Однако в этом же пункте отмечается, что необходима тщательная проверка доводов работника о невозможности продолжения работы. И если это обстоятельство установлено, то попрежнему неясно, почему работник не может прекратить работу в указанный им срок.

Таким образом, представляется, что существует необходимость закрепления за работником права прекращения работы по срочному трудовому договору в указанный им срок в случае установления органом надзора за соблюдением законодательства о труде, профсоюзами, судом факта нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, трудового договора. Такой подход позволит обеспечить реализацию конституционного права работника на труд.

Библиографический список

1. Курылёва, О. С. Расторжение срочного трудового договора (контракта) по требованию (инициативе) работника в связи с нарушением его трудовых прав: проблемы толкования и применения / О. С. Курылёва // Юрист. – 2008. – № 11. – С. 120-123.

2. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь. В 2 т. Т. 1. / Коллектив авторов; под общ. ред. Л.И. Липень. – Минск: Амалфея, 2020. – 896 с.

УДК 349.2

КОРПОРАТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ РАБОТНИКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Е. Н. Осмоловская

студентка 4 курса Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент, Е. В. Мотина

В работе рассматриваются теоретические основы концепции корпоративного благополучия работников, аргументируется ее необходимость для устойчивого развития организации. Особое внимание автором уделяется роли системы социального партнерства в формировании политики корпоративного благополучия среди нанимателей.

Ключевые слова: благополучие; корпоративное благополучие работников; социальное партнерство; социально-партнерские соглашения; трудовые отношения.

Концепция корпоративного благополучия выступает относительно новой категорией, сформировавшейся, в частности, в качестве инструмента нивелирования последствий, вызванных COVID-19. Ее сущность заключается в повышении уровня благополучия работников с целью увеличения вовлеченности кадров в деятельность организации. В Международном журнале о благополучии этот феномен определяется как достижение «точки равновесия между ресурсами человека и стоящими перед ним задачами» [0].

Исследования в области благополучия работников демонстрируют, что низкий уровень удовлетворенности жизнью приводит к пассивности и уменьшению продуктивности сотрудников, увеличению уровня прогулов и увольнений. Так, согласно статистическим данным, представленным Английской компанией BHSF, порядка 42% больничных листов работников связаны не с болезнями, а с личными проблемами. Несомненно, поиск и обучение нового сотрудника предполагает определенный объем затрат как материального, так и физического характера: проведение собеседований, размещение объявлений о вакансиях, выплата выходных пособий, адаптация и обучение сотрудника и др. Исследования Американского института Gallup показывают, что замена руководителей и менеджеров обходится организации примерно в 200% их зарплаты, замена специалистов на технических должностях – в 80%.

На сегодняшний момент вопросом благополучия работников обеспокоены не только сами работники и их наниматели, но и государство в целом. Цели устойчивого развития ООН определили обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте наиболее приоритетным направлением деятельности каждого государства. На наш взгляд, система социального партнерства в данном контексте выступает эффективным механизмом достижения указанной цели. Так, Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, Республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2025–2027 годы базируется на содействии в достижении целей устойчивого развития. Положения, направленные на повышение корпоративного благополучия работников,

находят свое отражение в социально-партнерских соглашениях, выступающих действенным инструментом регулирования трудовых и связанных с ними отношений. Таковыми, в частности, являются гарантии, направленные на повышение вовлеченности человека в профессиональную деятельность: медицинское страхование работников, организация здорового питания в компании, обустройство тренажерных залов и др. Помимо прочего, достичь мотивации у сотрудников возможно и сквозь систему бонусов [2, с. 11]. С точки зрения эффективного управления коллективно-договорные акты выполняют ряд важных функций, в числе которых – формирование системы корпоративного благополучия сотрудников. Например, согласно данным, предоставленным Белорусским профсоюзом работников транспорта и коммуникаций за 2024 год, порядка 79,1% положений коллективных договоров были направлены на удешевление путевок на санаторно-курортное оздоровление работников.

Таким образом, корпоративное благополучие представляет собой институциональный механизм, формирующий устойчивое развитие трудовых и связанных с ними отношений, реальная значимость которого проявляется именно в контексте социального партнерства. В то же время необходимо учитывать, что наибольшая эффективность рассматриваемой концепции проявляется лишь при условии ее системности и непрерывности. Разовые акции не способны обеспечить улучшение психологического климата в компании – напротив, они будут восприниматься как формальность, тем самым снижая мотивацию работников в будущем и вызывая риск трансформации социально-партнерских соглашений в фиктивный инструмент.

Библиографический список

1. Проблема определения благополучия / Р. Додж, А. Дейли, Д. Хайтон, Л. Сандерс // Международный журнал о благополучии. – 2012. – № 2. – С. 222–225.

2. Обзор лучших мировых практик корпоративных программ благополучия сотрудников / Высшая школа экономики. – Москва, 2024. – 24 с. – URL: https://wec.hse.ru/mirror/pubs/share/981641545.pdf (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 349.23

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОБЕСЕДОВАНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

А. В. Пигуль

студент 2 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Л. А. Киселева

Исследование посвящено обоснованию необходимости правового регулирования собеседования при заключении трудового договора, формулирования перечня недопустимых вопросов, задаваемых претенденту на вакантное место. Цель исследования – недопущение необоснованного отказа при приеме на работу.

Ключевые слова: собеседование; вакантное место; дискриминация; необоснованный отказ в заключении трудового договора; деловые качества работника; недопустимые вопросы.

1. На сегодняшний день, несмотря на повсеместное применение собеседования как основного этапа подбора работников и проверки их деловых качеств, отсутствует правовое регулирование самого процесса его проведения. Несмотря на развитие современных технологий и расширение форм проведения собеседований, включая онлайн-форматы, отсутствие законодательно закрепленных правил проведения собеседования предоставляет возможность для дискриминационных практик, недобросовестного отбора и нерационального использования времени соискателей, что негативно сказывается на эффективности кадровой политики. В связи с этим исследование необходимости правового регулирования собеседования представляется своевременным и практико-ориентированным, позволяющим выявить существующие проблемы законодательства и предложить пути их решения.

На стадии собеседования нанимателю достаточно получить от претендента на вакантное место сведения, которые подтверждают наличие у него определенных деловых качеств и его соответствие предъявляемым требованиям, необходимым для выполнения трудовой функции. Однако наниматель зачастую злоупотребляет своим правом по подбору кандидатов в работники. Это может проявляться в некорректных вопросах и предвзятой оценке. Подвергаться трудовой дискриминации могут как отдельные работники, так и группы людей, в том числе женщины, иммигранты, инвалиды, несовершеннолетние, выпускники вузов, лица пенсионного возраста и т.д. [1, с. 551].

С учетом вышеизложенного, представляется необходимым законодательное закрепление четких правил проведения собеседований с лицом, претендующим на вакантное место, включая перечень недопустимых вопросов.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) содержит нормы, предусматривающие гарантии при трудоустройстве. Так, в ст. 16 ТК приводится перечень лиц, для которым запрещен необоснованный отказ в заключении трудового договора, также можно выделить ст. 14 ТК, закрепляющую право на запрет дискриминации в сфере трудовых отношений и право на обращение в суд с соответствующим заявлением об устранении дискриминации. В случае отказа в приме на работу лицам, которым в соответствии с ч. 1 ст. 16 ТК предусматривается запрещение необоснованного отказа в заключении трудового договора, по требованию гражданина или специально уполномоченного государственного органа наниматель обязан известить их о мотивах отказа в письменной форме не позднее трех дней после обращения.

Следует отметить, что ст. 64 Трудового кодекса Российской Федерации запрещает необоснованный отказ любому лицу в заключении трудового договора, а также закрепляет обязанность работодателя по письменному требованию любого лица, которому отказано в заключении трудового договора, сообщить причину отказа в письменной форме в срок не позднее чем в течение семи рабочих дней со дня предъявления такого требования. Законодательство Российской Федерации

предусматривает более широкий круг гарантий при заключении трудового договора. На наш взгляд, с целью недопущения необоснованного отказа в заключении трудового договора важно использовать опыт российского законодателя и внести соответствующие изменения в ст. 16 ТК.

Библиографический список

1. Мазин А. Л. Трудовая дискриминация в новых условиях: проблемы и вызовы // Экономика труда. Нижний Новгород : Нижегородский и-т упр. – фил. Рос. акад. нар. хозва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-diskriminatsiya-v-novyh-usloviyah-problemy-i-vyzovy (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 349.3

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАТЕРЕЙ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. А. Пачкова

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Т. А. Постовалова

В статье рассматривается поддержка матерей, воспитывающих детей-инвалидов в Республике Беларусь, акцентируется внимание на законодательных мерах социальной защиты и их значении для социальной интеграции.

Ключевые слова: мать, воспитывающая ребенка-инвалида, законодательство, социальная защита, социальная интеграция, меры социальной поддержки.

Актуальность поддержки семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья, становится всё более очевидной. Важно не только обеспечить правовую защиту, но и создать условия для социальной интеграции таких семей в общество.

Современное законодательство Республики Беларусь в области защиты прав инвалидов формировалось на основании актов ООН. Ряд международных актов закрепляет права детей-инвалидов, включая Конвенцию о правах инвалидов 2006 г., для реализации которой был принят «Национальный план действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2017-2025 годы». Внутригосударственное правовое регулирование составляет Конституция, закон 30 июня 2022 г. «О правах инвалидов и их социальной интеграции» и другие акты [1, с. 184].

Меры социальной поддержки, предусмотренные для матерей детей-инвалидов, можно условно разделить на 6 категорий: трудовые, жилищные, пенсионные, медицинские, налоговые, образовательные.

К трудовым мерам относят: предоставление трудовых отпусков за первый рабочий год (до истечения 6 месяцев работы), ограничения в привлечении к работе, дополнительный свободный от работы день и иные меры [2, с. 93-95]. К

жилищным можно отнести: право на получение жилого помещения социального пользования, то есть безвозмездно используемого жилья, ограничения в выселении из общежитий при определенном условии и другие. Медицинские меры: обеспечение перечнем лекарственных средств, выдаваемых в установленном порядке по рецептам врачей и иные. К налоговым, в частности: право на стандартный налоговый вычет и иные гарантии.

Также в Республике Беларуси, согласно ст. 20 закона от 17 апреля 1992 г. «О пенсионном обеспечении», «матери, воспитывающие детей-инвалидов не менее 8 лет до их совершеннолетия, имеют право на пенсию по возрасту со снижением общеустановленного пенсионного возраста на 5 лет при стаже работы не менее 20 лет». Так, система, выработанная в Беларуси, может быть более выгодной, благодаря своей гибкости и возможности учета различных обстоятельств.

В сфере образования гарантии следующие: право бесплатно пользоваться учебниками и учебными пособиями, право на бесплатное питание детей, финансируемое за счет средств республиканского и (или) местного бюджетов, право на бесплатный прием и оформление необходимых документов при участии в ЦТ. Также в Республике Беларусь дети-инвалиды обладают правом преимущественного приема при равенстве баллов, однако если мы обратимся к Федеральному закону 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», то увидим, что дети-инвалиды могут быть приняты на обучение по программам бакалавриата и специалитета за счет бюджетных средств, в пределах квоты 10% от общего количества бюджетных мест в образовательном учреждении, что повышает шансы на получение ими бесплатного образования. Так, приоритет при равных баллах в Беларуси может дать преимущество в конкурсе, однако, как нам кажется, система, сформировавшаяся в РФ обеспечивает реальные возможности для поступления таких лиц на бюджетную форму получения образования.

Таким образом, социальные гарантии, предоставляемые матерям, воспитывающим детей-инвалидов в Республике Беларусь, играют ключевую роль в обеспечении их поддержки в сложных условиях. Однако необходимо продолжать работу в данном направлении, чтобы обеспечить более справедливую защиту их прав и соответствие международным стандартам, что поспособствует улучшению качества жизни этих семей и их социальной интеграции.

Библиографический список

1. Богдан, О. М. Законодательство Республики Беларусь в сфере поддержки граждан с ограниченными возможностями / О. М. Богдан , Н. В. Вердыш, Ю. А. Степанчук // Новые информационные технологии в телекоммуникациях и почтовой связи. – 2021. – № 1. – С. 184-185.

2. Стрижак М. С. Особенности регулирования труда женщин и лиц, имеющих семейные обязанности / М. С. Стрижак // Сацыяльна-эканамічные і прававые даследаванні. – 2016. – № 1. – С. 84–99.

УДК 349.2

ТРУД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: БАЛАНС МЕЖДУ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

А. И. Савченко

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Л. В. Курило

В статье отмечаются особенности правового регулирования труда несовершеннолетних в Республике Беларусь. Поднимается вопрос необходимости сохранения баланса при трудоустройстве лиц моложе 18 лет между их основной деятельностью – получением образования и желанием реализации права на труд. Высказывается позиция об усилении контроля со стороны государственной инспекции труда за нанимателями, использующими труд данной категории работников, а также развитии сотрудничества между нанимателями и учебными заведениями.

Ключевые слова: труд, несовершеннолетние, образовательный процесс, социальная защита.

Трудовые отношения с несовершеннолетними регулируются преимущественно нормами главы 20 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), которые направлены на защиту прав и интересов данной категории работников с учетом их возраста, психофизиологических особенностей и образовательных потребностей. Главной целью такого регулирования является обеспечение баланса между правом несовершеннолетних на труд и их обязательным правом на получение образования.

В силу ст. 272 ТК подростки могут самостоятельно трудоустраиваться с 16 лет. В целях охраны их здоровья законодатель очерчивает круг работ, где применение труда несовершеннолетних запрещено, например, на тяжелых работах, на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах. Запрещается использовать труд подростков на работах, связанных с подъемом и перемещением тяжестей вручную, превышающих предельные для них нормы. Указанные нормы закреплены постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 13 октября 2010 г. № 134 «Об установлении предельных норм подъема и перемещения несовершеннолетними тяжестей вручную».

В порядке исключения можно заключить трудовой договор и с лицом, достигшим 14 лет, но при выполнении ряда условий: 1) письменное согласие одного из родителей (усыновителей, попечителей); 2) работа должна быть легкой, то есть физически легкой и не причинять вреда морально-нравственной сфере подростка; 3) не препятствовать посещению общеобразовательного учреждения. Таким образом, приоритет должен отдаваться получению образования несовершеннолетним,

а не его трудовой деятельности. Постановлением Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 15 октября 2010 г. № 144 утвержден Перечень легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от 14 до 16 лет.

Трудоустройству несовершеннолетних работников должен предшествовать обязательный предварительный медицинский осмотр. В последующем данные работники подлежат ежегодному медицинскому осмотру.

На практике, однако, выявляются проблемы в реализации этих норм. К ним относятся случаи привлечения подростков к запрещенным видам работ, несоблюдение ограничений по продолжительности рабочего времени, а также недостаточный контроль со стороны инспекций труда. Это негативно отражается как на здоровье несовершеннолетних, так и на их образовательных достижениях. Неформальная занятость часто лишает подростков правовой защиты, а ограниченное взаимодействие между нанимателем и учебными заведениями снижает эффективность контроля за учебным процессом и трудовой деятельностью.

Для решения указанных проблем предлагается усилить государственный контроль за соблюдением законодательства в сфере труда лиц моложе 18 лет, разработать механизмы более тесного взаимодействия между образовательными учреждениями и нанимателями, а также создавать информационно-просветительские программы для несовершеннолетних и их родителей о правах и обязанностях в трудовой сфере. Важной мерой является совершенствование нормативной базы с учетом новых форм занятости и современных условий труда, что позволит обеспечить не только права несовершеннолетних работников, но и сохранить возможность для получения полноценного образования.

Система правового регулирования труда несовершеннолетних должна постоянно развиваться, обеспечивая надежную защиту интересов молодых работников. Только при эффективном сочетании трудовой занятости и образовательного процесса можно достичь гармоничного развития личности, стимулировать трудовую активность молодых граждан и снизить риски социальных проблем, связанных с трудом подростков.

УДК 340.12

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

К. Салхи

учащийся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Д. С. Судниченко

В публикации проводится анализ влияния искусственного интеллекта на трудовые отношения с точки зрения права, выявление ключевых правовых проблем и перспектив их решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологическая безработица; трудовые правоотношения; наниматель; работник

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) оказывает глубокое трансформационное воздействие на различные сферы общественной жизни, включая экономику, право и социальные отношения. Одной из ключевых областей, подверженных наиболее значительным изменениям, являются трудовые правоотношения, где активное внедрение систем ИИ кардинально переопределяет традиционные модели занятости, управления персоналом и распределения трудовых функций. Использование автоматизированных систем создает новые возможности для повышения эффективности трудового процесса, но одновременно порождает комплекс серьезных правовых, этических и социальных вызовов.

ИИ представляет собой междисциплинарную область, направленную на создание алгоритмов, наделяющих машины способностью к ситуационному анализу и самостоятельному принятию решений. Современные системы ИИ принципиально отличаются от традиционного программного обеспечения своей способностью не просто выполнять типовые операции, а самостоятельно формировать сложные логические цепочки на основе анализа информации. Эта трансформация создает предпосылки для коренного изменения характера трудовой деятельности. [1]

На сегодняшний день формируются новые формы занятости, такие как удаленная работа с использованием интеллектуальных систем и алгоритмическое управление трудовыми процессами. Эти изменения сопровождаются правовой неопределенностью в вопросах защиты трудовых прав, распределения ответственности за решения, принятые автономными системами, и предотвращения дискриминации на алгоритмической основе. Отсутствие адаптированного законодательства создает риски систематического нарушения прав как работников, так и нанимателей. Одной из наиболее острых проблем, связанных с внедрением систем ИИ, является перспектива технологической безработицы. Автоматизация трудовых процессов закономерно приводит к сокращению рабочих мест, что требует пересмотра социально-трудовых гарантий, организации переквалификации работников и разработки новых механизмов социальной защиты.

Особое внимание заслуживает вопрос определения правосубъектности ИИ в системе трудового права. В современной правовой науке отсутствует единый подход к определению правового статуса автономных систем. Рассматриваются различные правовые модели – от признания частичной правосубъектности до полного непризнания ИИ в качестве самостоятельного субъекта правоотношений. Обоснованное признание ограниченной правосубъектности может стать шагом в обеспечении эффективной защиты прав третьих лиц. [2, с. 166-169]

Серьезной и пока не решенной правовой проблемой остается персонификация и юридически корректная квалификация ответственности за действия и решения, совершаемые системами ИИ в процессе трудовой деятельности. Для обеспечения надежной защиты прав работников и справедливого разрешения возникающих трудовых споров необходимо разработать и законодательно закрепить четкие критерии распределения ответственности между разработчиками, владельцами систем ИИ и нанимателями.

Таким образом, в качестве перспективных направлений развития национального правового регулирования предлагается разработка специальных правовых норм, регламентирующих использование систем ИИ в трудовых правоотношениях, внедрение механизмов страхования рисков, совершенствование законодательства в области защиты персональных данных и цифровых прав работников, а также участие в международной гармонизации правовых стандартов.

Библиографический список

1. Норейко, Е. В. Цели развития искусственного интеллекта / Е.В. Норейко // Материалы XIV Междунар. студ. научн. конф. «Студенческий научный форум», Сочи, 2-7 ноября 2022 г. - URL: https://files.scienceforum.ru/pdf/2022/61c9dc1c369ce.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

2. Новиков, Д.А. Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения / Д.А. Новиков // Ежегодник трудового права. – 2024. – Вып.14. – С. 156–174.

УДК 331.322.7

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СОЦИАЛЬНЫЙ ОТПУСК»

А. П. Соболевский

магистрант 1 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент, Л. В. Курило

В статье проводится анализ различных подходов к определению понятия «социальный отпуск», в результате которого предлагается своё авторское определение.

Ключевые слова: правовое регулирование; законодательство; социальный отпуск; трудовые отношения.

Законодательство Республики Беларусь уделяет большое внимание правовому регулированию положения работников в трудовых отношениях. С течением времени необходимо совершенствовать законодательство для того, чтобы оно соответствовало современному обществу. Согласно ст. 150 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) под отпуском понимается освобождение от работы по трудовому договору на определенный период для отдыха и иных социальных целей с сохранением прежней работы и среднего заработка в случаях, предусмотренных ТК. Трудовой отпуск предназначен для отдыха и восстановления работоспособности, укрепления здоровья и иных личных потребностей работника. Социальные отпуска работникам предоставляются в целях создания благоприятных условий для материнства, ухода за детьми, образования, удовлетворения семейно-бытовых потребностей и для других социальных целей в соответствии с ТК. Одним из базовых вопросов в регулировании отпусков и ограничении от схожих институтов является разработка и закрепление понятий социального отпуска. Такая проблема существует по той причине, что ни в одной отрасли законодательства, в которой фигурирует социальный отпуск, не сформировано легальное определение.

Определение социального отпуска было выработано М.С. Мищенко, согласно которому: «социальный отпуск» – это специфический и самостоятельный вид среди всех отпусков, который предоставляется работнику не для отдыха, а для определенных социальных целей и только при возникновении определенных обстоятельств, не зависит от продолжительности, места, вида работы и статуса нанимателя, исчисляется в календарных днях, предоставляется сверх трудового отпуска [1, с.39]. Не со всем можно согласиться. Отдых не является основной целью социальных отпусков, но однозначно утверждать, что все социальные отпуска предоставляются не для отдыха, нельзя. Данное определение объемно, поэтому в качестве доктринального определения может подойти, но для легального закрепления – нет. Свое видение определения социальных отпусков дает А. А. Греченков, понимая под ним «связанное с определенными обстоятельствами освобождение работника от работы для различных социальных целей с сохранением прежней работы, а также среднего заработка, если иное не предусмотрено ТК» [2, с.166]. В данном определении делается акцент на гарантиях, которые предоставляются работнику на период социального отпуска. С формулировкой можно согласиться, так как она раскрывает суть социального отпуска как разновидности отпуска, ограничивает его от трудового и указывает на основные характерные черты в виде сохранения прежней работы.

Можно сделать вывод о том, что трудовые и социальные отпуска являются отдельными институтами, о чем свидетельствуют цели, по которым они предоставляются. Таким образом, для совершенствования правового регулирования института социальных отпусков, на основании анализа теоретических основ и норм законодательства о труде Республики Беларусь предлагаем ввести дополнения в ч. 1 ст. 183 ТК в виде легального определения социального отпуска в следующей редакции: «Социальный отпуск – период времени, при котором работник освобождается от работы для удовлетворения социальных целей, предусмотренных ТК, соглашением, коллективным договором с сохранением прежней работы, а также среднего заработка, если иное не предусмотрено ТК».

Библиографический список

1. Мищенко, М. С. Социальный отпуск как правовая категория / М. С. Мищенко // Кадровая служба. – № 2. – 2018. – С. 39–46.

2. Греченков, А. А. Правовое регулирование социальных отпусков в Республике Беларусь в контексте Конвенции МОТ о труде отдельных категорий работников / А. А. Греченков // Международные трудовые стандарты и национальное законодательство о труде и социальном обеспечении: сб. науч. трудов V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 нояб. 2019 г. / редкол.: К. Л. Томашевский [и др.]. – Минск, 2019. – С. 166–170.

УДК 349.2

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ ПО РАБОЧЕМУ ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕНИ ОТДЫХА ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РАБОТНИКОВ

Д. А. Стоянова

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

В статье рассмотрены отдельные гарантии по рабочему времени и времени отдыха, предоставляемые в Республике Беларусь несовершеннолетним работникам, а также проведен сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации в этой области. В результате обоснована важность и необходимость предоставления таких гарантий лицам в возрасте до 18 лет как специальным субъектам трудового права.

Ключевые слова: несовершеннолетние; гарантии; рабочее время; время отдыха, право на труд.

Государство признает молодежь специальным субъектом трудового права. Общепризнанным субъектным фактором дифференциации правового регулирования труда молодежи является возраст [1, с 610.].

В соответствии с законодательством о труде несовершеннолетние в трудовых правоотношениях приравниваются в правах к совершеннолетним (ст. 273 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК)), а нормами институтов трудовой договор, рабочее время, время отдыха, охрана труда, заработная плата, материальная ответственность работника им предоставляются дополнительные гарантии реализации трудовых прав [2, с. 249].

Особое значение имеют гарантии несовершеннолетних работников относительно ограничения продолжительности рабочего времени. В соответствии с ч. 1, 2 ст. 114 и п. 1, 2 ч. 2 ст. 115 ТК, для работников моложе 18 лет устанавливается сокращенная продолжительность рабочего времени. Согласно п. 3 ч. 4 ст. 117 ТК они не допускаются к работе в ночное время, к сверхурочным работам (п. 3 ч. 2 ст. 120 ТК), работам в государственные праздники, праздничные и выходные дни (ст. 276 ТК). Закрепление на законодательном уровне таких ограничений, по нашему мнению, не должно подвергаться сомнению.

В отличие от нашего государства, в Российской Федерации Федеральным законом от 7 апреля 2025 г. № 63-ФЗ был упразднен ранее установленный полный запрет на привлечение несовершеннолетних к работе в выходные и праздничные дни, а именно были внесены изменения в ст. 268 Трудового кодекса Российской Федерации. В актуальной редакции этой статьи закреплены случаи, когда работодатель имеет право привлекать работников в возрасте от 14 до 18 лет с их согласия (и их представителей) к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, выполняемой в период летних каникул по направлению органов службы занятости населения или в составе студенческих отрядов, включенных в федеральный или региональный реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой.

Целесообразность таких изменений оценить сложно в связи с отсутствием правоприменительной практики. По нашему мнению, это нововведение представляется спорным, поскольку работа в выходные или нерабочие праздничные дни будет нарушать право несовершеннолетнего на отдых, приводить к переутомлению, стрессу, чрезмерным нагрузкам, ограничивать социальную активность, может негативно отразиться на здоровье. Так как в настоящий момент временная трудовая занятость является востребованной среди молодежи, это может привести к злоупотреблениям со стороны нанимателя. Кроме того, выходные или нерабочие

праздничные дни – это время, когда молодые работники могут уделить больше времени своим увлечениям, личным интересам, самообразованию, что способствует их всестороннему развитию.

Таким образом, предоставляемые в Республике Беларусь гарантии несовершеннолетним работникам относительно рабочего времени и времени отдыха, в частности, полный запрет на привлечение их к работе в государственные праздники, праздничные и выходные дни полностью соответствует основаниям дифференциации правового регулирования труда этой группы субъектов трудового права.

Библиографический список

1. Петоченко, Т. М. Теоретико-правовые основы регулирования труда молодежи / Т. М. Петоченко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь ; ред. кол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : НЦЗПИ, 2024. – Вып. 19. – С. 602–612.

2. Петоченко, Т. М. Вопросы дисциплинарной и материальной ответственности несовершеннолетних работников в трудовом праве Республики Беларусь / Т. М. Петоченко // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений : сб. науч. ст. / Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь ; редкол.: О. И. Чуприс (гл. ред.) [и др.]. Минск : НЦЗПИ, 2024. – Вып. 6. – С. 247–255.

УДК 349.2

ПРАВО НА ЗАБАСТОВКУ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Д. Сухотская

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. М. Петоченко

В статье рассмотрены вопросы правовой природы забастовки как способа разрешения коллективного трудового спора. На основе анализа нормативного и научного материала автором сформулированы выводы относительно особенностей реализации права на забастовку в Республике Беларусь.

Ключевые слова: забастовка; коллективный трудовой спор; трудовые права.

Право на забастовку получило широкое признание в XX в. Оно гарантировано в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 8). В документах МОТ право на забастовку прямо не закреплено, однако оно рассматривается в качестве неотъемлемого элемента свободы объединений. Признается, что право на забастовку следует из ст. 3 Конвенции Международной организации труда № 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» 1948 г., согласно которой, организации трудящихся и нанимателей имеют право самостоятельно организовывать свою деятельность и формулировать свою программу действий.

Право на забастовку является формой коллективной защиты трудовых и социально-экономических прав работников. Оно позволяет работникам отстаивать свои интересы в случае, когда другие способы разрешения коллективных трудовых споров оказываются неэффективными. Конституция Республики Беларусь провозглашает право граждан на защиту своих экономических и социальных интересов, включая право на объединение в профессиональные союзы, заключение коллективных договоров (соглашений) и право на забастовку (ч. 3 ст. 41).

Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) определяет забастовку как временный добровольный отказ работников от выполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора. В отличие от примирительно-посреднических и третейских процедур разрешения коллективного трудового спора забастовка – ультимативное действие работников, давление на нанимателя, чтобы путем временного прекращения работы добиться выполнения своих неурегулированных разногласий [1, с. 204].

Законом могут быть установлены ограничения реализации права на забастовку. В соответствии со ст. 393 ТК, в случаях, предусмотренных законодательством, Президент Республики Беларусь вправе отложить проведение забастовки или приостановить ее, но не более чем на трехмесячный срок. Согласно ч. 3 ст. 388 ТК, при проведении забастовки запрещается выдвижение политических требований. Запрещается участвовать в забастовках государственным служащим, военнослужащим, работникам органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, а также некоторым другим категориям лиц, отказ которых от работы может нанести ущерб вышеперечисленным особо охраняемым объектам (подп. 1.2 п. 1 ст. 26 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. №204-З «О государственной службе»).

Анализ норм законодательства о забастовках позволил выявить, что, во-первых, забастовка признается законной только как способ разрешения коллективных трудовых споров, во-вторых, устанавливаются значительные ограничения на реализацию права на забастовку в случае создания реальной угрозы национальной безопасности, общественному порядку, здоровью населения, правам и свободам других лиц и др. Таким образом, правовое регулирование реализации права на забастовку в Республике Беларусь находится в балансе между обеспечением возможности защиты трудовых прав работников и необходимостью защиты государственных и общественных интересов.

Библиографический список

1. Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие для магистрантов, обуч. по спец. 1-24 81 05 "Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров" / [авт.: А. Г. Авдей и др. ; под ред. У. Хелльманна и др.]. - Минск: Издательский центр БГУ, 2015. – 244 с.

УДК 349.2

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

К. А. Филонович

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т. К. Бритова

В статье представлены результаты сравнения действующих норм трудового законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения в части регулирования труда при дистанционной форме занятости. Сделаны выводы и предложения по усовершенствованию действующего национального законодательства в области исследования.

Ключевые слова: дистанционная работа; дистанционный работник; трудовой договор, трудовой кодекс, режим рабочего времени; время отдыха.

В настоящее время характер социально-трудовых отношений постоянно меняется, что обусловлено развитием информационных технологий, глобализацией экономики, процессами гармонизации законодательства и рядом других причин. Дистанционная работа выступает в качестве эффективного средства для решения большого количества задач в сфере занятости, конкуренции, обеспечения гибкости рынка труда [1, с. 94].

Обращаясь к исторической составляющей, связанной с особенностями регулирования данной категории работников, отметим, что в 2020 году Трудовой Кодекс (далее – ТК) Республики Беларусь был дополнен отдельной главой 25^1, в которой были закреплены «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу». В ней содержится 5 статей, которые закрепляют легальное определение «дистанционная работа», особенности заключения трудового договора, охраны труда, режима рабочего времени и времени отдыха, а также прекращения трудового договора.

Так, для сравнения, следует отметить, что в ТК Российской Федерации (далее – РФ) регулированию дистанционного труда посвящена глава 49.1, которая была введена федеральным законом от 05.04.2013 № 60-ФЗ, т.е. на целых семь лет раньше, чем в Республике Беларусь. В ней дано определение понятию «дистанционная работа», определены особенности заключения, изменения, расторжения трудового договора, режима рабочего времени и времени отдыха и т.д.

Далее проводя сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь с законодательством других стран, входящих в ЕАЭС, обратим внимание на то, что их трудовое законодательство регламентирует дистанционный труд еще более фрагментарно. Так, ТК Республики Казахстан (далее – РК) содержит всего одну статью, которая регулирует институт дистанционной работы. В соответствии со ст. 138 ТК РК работодатель обязан предоставить работнику средства коммуникаций, а также нести расходы по их установке и обслуживанию. [3, с. 570].

А законодательство Республики Армения и Кыргызской Республики вообще не определяет особенности дистанционного труда. По их правовым нормам, регулирование труда дистанционных работников осуществляется за счет института надомного труда [2, с. 110].

В заключении можно сделать следующие выводы:

1. Законодательство двух стран из пяти (Республика Беларусь и РФ) закрепляет отдельную главу в ТК. В то время, как в Республике Казахстан содержится лишь одна статья, регулирующая данную группу отношений.

2. В Республике Армения и Кыргызской Республике нет отдельной главы или нормы в нормативных правовых актах, которые закрепляли бы особенности регулирования дистанционного труда.

3. Такой труд не рассматривается как вид надомничества, а признаётся самостоятельной формой работы, что подтверждается отдельным закреплением правовых норм, регулирующими данные отношения.

Таким образом, наряду с развитием правовых норм, можно увидеть и определенные проблемы, которые выражаются в отсутствии достаточной нормативно-правовой базы, регулирующей дистанционный труд.

Библиографический список

1. Карпович, А.Г. Правовое регулирование дистанционной работы в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // А.Г. Карпович // Cyberleninka. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/80107/1/Karpovich_A.G._94_95.pdf. – Дата доступа: 01.10.2025.

2. Чудиновских М.В. Регулирование дистанционного труда в странах Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // М.В. Чудиновских // Cyberleninka. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-distantsionnogo-truda-v-stranah-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza/viewer. – Дата доступа: 03.10.2025.

3. О.А.Кожевников, М.В.Чудиновских. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом [Электронный ресурс] // О.А. Кожевников, М.В. Чудиновских // Cyberleninka. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-truda-distantsionnyh-rabotnikov-v-rossii-i-za-rubezhom/viewer. – Дата доступа: 04.10.2025.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ

А. С. Шарунова

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Т. А. Постовалова

В статье исследуются проблема предоставления отпуска при рождении ребенка мужчинам, проходящим военную службу по контракту. Проведен анализ действующего законодательства, выявлены пробелы и коллизии в правовом регулировании. Автор обосновывает необходимость увеличение продолжительности отпуска по причинам личного и семейного характера.

Ключевые слова. Военная служба, военная служба по контракту, работник, отпуск по уходу за ребенком до 3-х лет.

Военная служба представляет собой вид государственной службы, что влечет за собой определенные обязанности, а также ограничение прав граждан Республики Беларусь, которые занимаются данной профессиональной деятельностью, находятся на воинских должностях в составе Вооруженных сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований, а также не на воинских должностях и на условиях, установленных законодательными актами. Ограничения, связанные с прохождением военной службы – это установленные нормами военного права обстоятельства, при наличии или возникновении которых военнослужащие не могут проходить военную службу и подлежат увольнению, а граждане не могут поступить на военную службу [1].

Военная служба по контракту – это военная служба граждан, которую они в целях исполнения конституционного долга по защите Республики Беларусь добровольно обязуются проходить в соответствии с законодательством на условии заключенного контракта. Военнослужащие по контракту обладают определенными правовым статусом. В общем случае положения Трудового кодекса (далее – ТК) не применяются к правоотношениям, связанным с прохождением военной службы. Данные граждане являются государственными служащими и их деятельность регулирует законодательство о прохождении военной службы.

В текущей редакции ТК имеются статьи о так называемом отцовском отпуске. Отцовский отпуск – это кратковременный отпуск для работающих отцов (от нескольких дней до нескольких недель), который предоставляется в первые недели после рождения ребенка. При рождении ребенка и воспитании его в семье наниматель обязан по желанию отца (отчима) ребенка предоставить ему отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью не более 14 календарных дней. Иная продолжительность и (или) оплата отпуска при рождении ребенка могут быть предусмотрены коллективным договором, нанимателем. Военнослужащему может быть предоставлен отпуск военным комендантом по уважительным причинам личного и семейного характера на срок до 10 суток в случае тяжелой болезни или смерти его близкого родственника (матери, отца, жены, детей, родных брата или сестры, детей, усыновителей, лица, которого он воспитывает) или в случае, когда присутствие военнослужащего, проходящего срочную военную службу, в семье необходимо. Отпуск по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет военнослужащим по контракту не предоставляется. В данном случае мы можем говорить об ограничении определенных прав, связанных со статусом военнослужащего. Согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка.

Несмотря на специфические условия военной службы, важно, чтобы граждане имели право на определенные социальные гарантии. Особенно это касается непредвиденных случаев при рождении ребенка (например смерть жены). Безусловно, отпуск на 10 дней будет предоставлен, однако мало представляется возможным в такой срок решить личные проблемы и вернуться к службе. Данный

промежуток времени справедливо было бы увеличить до 2-х недель, а при мирном времени в стране и до 1-го месяца. При чрезвычайном положении мы сошлемся на ст. 63 Конституции Республики Беларусь, где допускается ограничение ряда прав и свобод период чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом. Следовательно, право на отцовский отпуск может быть ограничено до 10 дней вновь.

Библиографический список

1. Козлов, В.В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации (о некоторых проблемах правовых ограничений военнослужащих, установленных статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих») / В.В. Козлов // Право в Вооруженных Силах.– 2001.– № 5.

2. Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы: Указ Президента Респ. Беларусь от 25 апр. 2005 г. № 186 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 31. – 1/8320.

УДК 349.2

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ОТЦА И ОТЧИМА КАК ЛИЦ С СЕМЕЙНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. К. Шевеленко

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. В. Мотина

В работе рассматриваются правовые гарантии для отцов и отчимов как лиц с семейными обязанностями. Анализируются положения Трудового кодекса (далее – ТК), регулирующие участие мужчин в воспитании детей. Обосновывается необходимость внесения изменений в статью 271 ТК и 166 ТК, а также установления оплаты краткосрочного отпуска при рождении ребенка.

Ключевые слова: трудовое законодательство; семейные обязанности; отец; отчим; трудовые гарантии; гендерное равенство.

Современное трудовое законодательство Республики Беларусь стремится создать условия для гармоничного сочетания профессиональной деятельности работников с их семейными обязанностями: в рамках реализации конституционной нормы о защите материнства, отцовства и детства, законодательство о труде использует сочетание принципов единства и дифференциации правового регулирования. В данном контексте особенно актуальным становится анализ правового статуса отцов и отчимов, их прав и гарантий.

Трудовое законодательство Республики Беларусь предоставляет отцам и отчимам ряд специальных гарантий, направленных на поддержку выполнения ими семейных функций.

1. Гарантии при заключении, изменении и прекращении трудового договора. Согласно ст. 261^5 ТК наниматель обязан с согласия работника продлить срок действия контракта (заключить новый) с отцом, находящимся в отпуске по уходу за ребёнком до трёх лет, минимум до окончания отпуска, а для отцов, приступивших к работе до или после окончания отпуска по уходу –до достижения ребенком возраста пяти лет.

2. Регулирование рабочего времени и времени отдыха. Отцы и отчимы, воспитывающие двух и более детей (до четырнадцати лет) либо ребёнка-инвалида (до восемнадцати), вправе использовать трудовой отпуск до истечения шести месяцев с начала работы (ст. 166 ТК). Также отцам (отчимам), воспитывающим ребенка с инвалидностью, гарантировано право выбора времени трудового отпуска в летний период или другое удобное время. Однако в данной части наблюдается неравенство прав отцов (отчимов) и матерей (мачех), которым такая гарантия предоставляется еще и при воспитании двоих и более детей в возрасте до четырнадцати лет.

3. Отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет (ст. 271 ТК) также имеет гендерно-нейтральный характер: он может предоставляться не только матери, но и отцу. Отметим, что законодатель предоставляет право на данный отпуск мачехе, в случае если такой отпуск не использован работающими родителями или другими родственниками. Однако аналогичная норма в отношении отчима отсутствует. Такая дифференциация не имеет правовой логики, поскольку юридический статус мачехи и отчима идентичен. На наш взгляд, расширив круг лиц, имеющих право на отпуск по уходу за ребенком, и включив в него отчима наравне с мачехой позволит приблизить правовое регулирование к принципам равенства и социальной справедливости.

4. Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка (ст. 186 ТК). «Отцовский отпуск», который предоставляется по письменному заявлению работника единовременно на срок до 14 календарных дней в течение шести месяцев с даты рождения ребенка. Отпуск при рождении ребенка, как правило, является неоплачиваемым, что снижает его востребованность и эффективность. Практика показывает, что востребованность отцовского отпуска значительно выше в тех организациях, где коллективным договором предусмотрена его оплата. Министерство труда и социальной защиты уже ведет обсуждение соответствующих изменений в данную статью в части неоплачиваемости такого отпуска.

Таким образом, несмотря на наличие специальных гарантий для отцов и отчимов, практика применения вышеуказанных статей ТК позволяет выявить ряд недостатков. Представляется, что устранение последних в предложенном автором направлении позволит не только укрепить правовой статус отцов и отчимов, но и станет важным шагом на пути к достижению реального гендерного равенства, обеспечив более справедливое распределение семейных обязанностей и создав условия для полноценного участия мужчин в воспитании детей.

Библиографический список

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. от 8 июля 2024 г. № 25-З. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 269 с.

УДК 349.2

КОНВЕНЦИЯ № 102: НЕОБХОДИМОСТЬ РАТИФИКАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

П. А. Янчук

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доц. Т. А. Постовалова

В статье рассматривается Конвенция №102, ее цели, значение, место среди иных конвенций Международной организации труда. Анализируется необходимость ратификации данного документа Республикой Беларусь.

Ключевые слова: ратификация конвенции, Международная организация труда, социальное обеспечение, Цели устойчивого развития.

Конвенция МОТ № 102, принятая Генеральной конференцией Международной организации труда в 1952 году, является основополагающим документом, который устанавливает минимальные стандарты социального обеспечения для стран-участниц. Основная цель Конвенции заключается в обеспечении универсального доступа к социальным услугам для всех граждан, что подчеркивает важность социальной защиты в современном обществе.

Стоит отметить, что Конвенция о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенция № 102) является одним из основополагающих документом среди всех Конвенций Международной организации труда (МОТ), устанавливающим минимальные стандарты для ключевых аспектов социального обеспечения, среди них можно выделить: медицинское обслуживание, выплаты по болезни, пособия по безработице, пенсионное обеспечение, пособия в случаях производственного травматизма, семейные пособия, пособия по беременности, пособия по инвалидности, а также пособия по случаю потери кормильца.

Хотя Конвенция охватывает все указанные разделы, для ратификации странами-членами необходимо, чтобы хотя бы три из этих разделов были приняты. Это условие позволяет осуществлять постепенное расширение сферы социального обеспечения в странах-участниках и предоставляет гибкость в их реализации, учитывая социально-экономическое положение каждой страны.

По состоянию на 2025 год, данную конвенцию ратифицировали более 60 стран, в их число также входят и страны-соседи Республики Беларусь. Например, в 2019 году Российская Федерация стала 56-м государством – членом МОТ, ратифицировавшим Конвенцию МОТ 1952 года. Ратифицировав Конвенцию, МОТ 1952 года № 102 по всем разделам, за исключением обеспечения по безработице и семейного обеспечения, Российская Федерация стала одной из стран, взявших на себя обязательства по наибольшему количеству областей социального обеспечения, указанных в Конвенции.

На данный момент Республика Беларусь не ратифицировала данную конвенцию. Однако, необходимость ратификации Конвенции №102 Республикой Беларусь можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, Конвенция охватывает практически все аспекты социального обеспечения, включая поддержку по болезни, по старости, в случае несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, по материнству, по инвалидности, по случаю потери кормильца и многое другое. Одним из главных аспектов Конвенции является коэффициент замещения заработка пенсией. Согласно Конвенции, в стране, подписавшей ее, этот коэффициент должен составлять не менее 40% от прежнего заработка гражданина. Коэффициент замещения рассчитывается как соотношение пенсии к прежним доходам получателя и зависит от стажа, уровня заработка, базы начисления страховых взносов, возраста выхода на пенсию, пенсионной формулы и тарифа, учитываемого в пенсионных правах.

Во-вторых, ратификация данного документа напрямую поддерживает реализацию Целей устойчивого развития до 2030 года. Среди задач ЦУР, связанных с Конвенцией, можно выделить: внедрение на национальном уровне эффективной системы социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, с целью достижения к 2030 году значительного охвата бедных и уязвимых групп населения (цель №1: ликвидация нищеты); обеспечение всеобщего доступа к медицинским услугам, включая защиту от финансовых рисков, доступ к качественным основным медико-санитарным услугам и доступ к безопасным, эффективным, качественным и недорогим основным лекарственным средствам и вакцинам для всех (цель № 3: обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте) и многие другие.

Конвенция МОТ 1952 года № 102 устанавливает необходимый уровень социального обеспечения, который не должен зависеть от финансовых кризисов и экономических спадов, а также от реформ, связанных со старением населения и другими структурными изменениями в сфере труда. В Республике Беларусь вопросам безопасности труда придается безусловное приоритетное значение.

Таким образом, ратификация Конвенции №102 Республикой Беларусь станет эффективным инструментом для продолжения обеспечения минимальных норм социального обеспечения под международным, национальным и общественным контролем.

УДК 349.2

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТНИКОВ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ДИСТАНЦИОННУЮ РАБОТУ

П. В. Ярошук

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель О. Л. Нихайчик

В работе исследуются аспекты дисциплинарной ответственности работников, выполняющих дистанционную работу. Раскрываются проблемы фиксации дисциплинарных проступков и предлагаются механизмы их преодоления через включение в трудовой договор условий электронного взаимодействия, отчетности и контроля качества труда. Обоснована необходимость адаптации традиционных процедур привлечения к ответственности к цифровой среде.

Ключевые слова: дистанционная работа; дистанционный работник; дисциплинарная ответственность.

Современные тенденции на рынке труда, а также влияние глобальных цифровых трансформаций и санитарно-эпидемиологических факторов в период распространения вируса Covid-19 способствовали широкому внедрению дистанционной работы. Тем не менее в условиях отсутствия физического нахождения работника на рабочем месте особое значение приобретает правовое регулирование механизмов контроля и ответственности за нарушение трудовых обязанностей.

Основная проблема заключается в объективных трудностях фиксации дисциплинарных проступков дистанционных работников. В отличие от традиционной формы труда, при которой контроль за соблюдением трудовой дисциплины осуществляется непосредственно на рабочем месте, в дистанционном формате контроль носит опосредованный характер и базируется преимущественно на системе электронного взаимодействия и обмена документами.

Для эффективного привлечения к дисциплинарной ответственности наниматель должен заранее предусмотреть инструменты контроля и оценки трудовой дисциплины. Одним из таких инструментов является обязанность представления отчётов о выполненной работе, установленная ч. 3 ст. 307^2 Трудового Кодекса Республики Беларусь № 296-З от 26 июля 1999 г. (далее – ТК). Эта мера позволяет не только оценить результативность труда, но и служит дисциплинирующим фактором при работе вне места нахождения нанимателя. Помимо этого, такие цифровые инструменты как специализированные программы, журналы учёта активности, трекеры времени могут позволить объективно фиксировать факты нарушения трудовой дисциплины [1, с. 445].

Не менее важен контроль качества работы. Согласно ст. 307^1 ТК, результаты труда, задания и иная информация передаются между сторонами посредством обмена электронными документами или сообщениями в электронном виде. В связи с этим наниматель вправе устанавливать конкретные требования к выполнению заданий, в том числе качество и сроки, а также принимать работу поэтапно, что обеспечивает возможность оперативного реагирования на ненадлежащее исполнение обязанностей.

Контроль рабочего времени также является одним из важных аспектов. Несмотря на гибкость, предоставляемую дистанционному работнику, законодательство обязывает соблюдать нормы рабочего времени (ст. 307^4 ТК). В случае нарушения наниматель обязан соблюдать процедуру привлечения к ответственности: зафиксировать факт нарушения, затребовать объяснение, издать приказ и ознако-

мить с ним работника в установленный срок. При дистанционной работе эти действия должны быть организованы с использованием электронных каналов связи, с обязательным подтверждением получения документов [2].

Согласно ст. 199 ТК, приказ о дисциплинарном взыскании должен быть доведен до сведения работника под роспись в течение пяти дней. В отношении дистанционных работников этот порядок трансформируется: ознакомление производится посредством обмена электронными документами, что требует согласования условий электронного взаимодействия в трудовом договоре или локальном правовом акте.

Таким образом, дисциплинарная ответственность дистанционных работников требует адаптации традиционных механизмов контроля к цифровой среде. Грамотно выстроенная система взаимодействия между нанимателем и дистанционным работником способствует не только соблюдению трудовой дисциплины, но и повышению общей эффективности дистанционной занятости на рынке труда.

Библиографический список

1. Трудовое право : учебное пособие / А. А. Греченков [и др.]; под общ. ред. Г. А. Василевича, К. Л. Томашевского. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. -632 с.

2. Штейнер, А. И. Организация дистанционного рабочего места: рекомендации для IT-компании / А. И. Штейнер //ilex : информ. правовая система. URL: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEPBI/81098/-/ (дата обращения:02.10.2025).

СЕКЦИЯ XII.
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 346

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКСПОРТНОГО КОНТРОЛЯ

В. Л. Артюх

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст.пр. А. В. Гавриленко

В данном исследовании проанализировано определение экспортного контроля, исследован перечень специфических товаров (работ, услуг). Обосновывается необходимость уточнения определение экспортного контроля, а также внесения в перечень специфических товаров (работ, услуг) систем антидронов.

Ключевые слова: хозяйственнее право; экспортный контроль; специфические товары (работы, услуги); ядерные материалы; антидроны.

С учетом сложной геополитической обстановки, развитием атомной энергетики и беспилотных систем, тема экспортного контроля приобретает особую актуальность в плане усовершенствования системы национальной безопасности Республики Беларусь.

В соответствии со ст.1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле»: «экспортный контроль – комплекс мер, обеспечивающих выполнение разрешительного порядка ввоза, вывоза, транзита, использования объектов экспортного контроля и осуществления посреднической деятельности в отношении их» [1].

Также для сравнения понятия «экспортный контроль» проанализируем положения российского законодательства. Так, в соответствии со ст.1 Федерального закона от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»: «экспортный контроль – комплекс мер, обеспечивающих реализацию установленного настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности (прав на них), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники либо при подготовке и (или) совершении террористических актов» [2].

Также в соответствии со ст.7 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле»: «Перечнями специфических товаров (работ, услуг) являются:

перечень возбудителей заболеваний (патогенов) человека, животных и растений, их генетически измененных форм, фрагментов генетического материала

и оборудования, которые могут быть применены при создании бактериологического (биологического) и токсинного оружия;

перечень химикатов, оборудования и технологий, которые имеют мирное назначение, но могут быть применены при создании химического оружия;

перечень ядерных материалов, оборудования, специальных неядерных материалов и соответствующих технологий, которые могут быть применены при создании ядерного оружия;

перечень оборудования и материалов двойного назначения и соответствующих технологий, применяемых в ядерных целях (связанных с ядерным топливным циклом и производством ядерных материалов);

перечень оборудования, материалов и технологий, применяемых при создании ракетного оружия и иных средств доставки ядерного, химического, бактериологического (биологического) и токсинного оружия;

перечень товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть применены при создании вооружений и военной техники;

перечень продукции военного назначения;

перечень товаров (работ, услуг), контролируемых в интересах национальной безопасности Республики Беларусь» [1].

Предлагается уточнить определение «экспортный контроль» в Законе Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле» по аналогии с российским законодательством в целях большей четкости определения объектов экспортного контроля, а также внести дополнение в Постановлении Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь и Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 15/137 «Об установлении перечней специфических товаров (работ, услуг)» путем внесения в данный перечень систем антидронов.

Библиографические ссылки

1. Закон Республики Беларусь 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле» [Сайт] - URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11600363 (дата обращения: 30.09.2025).

2. Федеральный закон 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ "Об экспортном контроле (с изменениями от 30 декабря 2001 г., 29 июня 2004 г.)" [Сайт] - URL: https://www.alta.ru/tamdoc/99_fz183/#st1 (дата обращения: 30.09.2025).

УДК 336.71

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Д. Богдановский

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. пр. Е. В. Максименко

В статье рассмотрены вопросы применения цифровых технологий в банковской деятельности, позволяющих повысить эффективность и улучшить качество клиентского сервиса, и их правовое регулирование в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: банковская деятельность; цифровизация; цифровые продукты.

Цифровизация банков стала ключевым фактором конкурентоспособности. Банки, активно внедряющие современные технологии, получают конкурентное преимущество за счет повышения эффективности, улучшения клиентского сервиса и снижения операционных издержек. Для банков открываются новые возможности: высокая скорость совершения транзакций, оптимизация банковских операций, повышение информационной безопасности и ряд других преимуществ.

В основе этой трансформации лежит интеграция искусственного интеллекта, блокчейн, API-решений и инструментов автоматизации документооборота. Данные технологии меняют не только способы взаимодействия с клиентами, но и внутренние процессы, делая банковскую систему более гибкой, безопасной и ориентированной на пользователя.

Цифровизация банковской деятельности – это внедрение современных цифровых технологий на ключевых участках бизнес-процессов кредитно-финансовых организаций. А именно тех, в которых осуществляется взаимодействие с клиентами, определение кредитоспособности клиентов, ведение учета, формирование отчетности, инвестиционная политика, принятие управленческих решений и др [1].

В законодательстве Республики Беларусь использование цифровых технологий в банковской деятельности урегулировано рядом нормативных правовых актов, в том числе посвященных использованию безналичных расчетов и электронных денег.

К таким нормативным правовым актам следует отнести:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 № 148 (ред. от 19.02.2024) "О цифровых банковских технологиях". Устанавливает правовую основу для использования информационных систем при совершении банковских и иных финансовых операций дистанционно и регламентирует функционирование Межбанковской системы идентификации (МСИ), возможности удалённой идентификации, удалённого заключения договоров и других юридически значимых действий онлайн.

2. Указ Президента Республики Беларусь от 02.12.2021 N 462 (ред. от 31.07.2023) "Об особенностях осуществления расчетов" регулирует особенности безналичных расчётов, включая расчёты с использованием электронных кошельков.

3. Закон Республики Беларусь от 19 апреля 2022 г. № 164-З "О платежных системах и платежных услугах". Данный закон комплексно регулирует всё, что связано с платежами: системы, услуги, участников платежного рынка.

На сегодняшний день в Республике Беларусь проводятся активные мероприятия по цифровизации банковской деятельности. Так, планируется внедрить: цифровой мониторинг инвестпроектов; систему мгновенных платежей по QR-коду;

отечественное программное обеспечение, которое не будет зависеть от иностранных поставщиков. Кроме того, банковский сектор направлен на поиск цифровых решений, способствующих увеличению сбережений клиентов, поскольку в настоящее время цифровые решения банков, прежде всего по дистанционному обслуживанию, направлены на упрощение процесса трат с текущих счетов [2]. В тоже время Национальный банк Республики Беларусь на постоянной основе ведет работу по совершенствованию правовой базы для развития цифровой среды и платежного рынка, а также контроля за цифровыми продуктами банков.

Библиографические ссылки

1. Новиков, А. В. Правовое регулирование банковской деятельности в условиях цифровизации [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы науки и образования: межвузовский сборник научных трудов. – 2021. – № 4. – Режим доступа: https://apni.ru/article/9204-pravovoe-regulirovanie-bankovskoj-deyatelnosti-v-usloviyah-cifrovizacii (дата доступа: 04.10.2025).

2. Егоров, А. Н. Нацбанк обрисовал ориентиры цифровизации банковской сферы в Беларуси [Электронный ресурс] // Экономическая газета. — 07.05.2025. — Режим доступа: https://neg.by/novosti/otkrytj/natsbank-obrisoval-orientiry-tsifrovizatsii-bankovskoy-sfery-v-belarusi/ (дата доступа: 04.10.2025).

УДК 346

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИГРОВОЙ ИНДУСТРИИ

К. А. Бодров

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. В. Пантелеева

В статье рассматриваются особенности формирования и развития правового регулирования предпринимательской деятельности в игровой индустрии. Анализируются риски, связанные с вовлечением несовершеннолетних, проблема игровой зависимости и неопределенность правового статуса лутбоксов. Выявляется необходимость создания специализированных правовых норм, направленных на обеспечение баланса между развитием индустрии и защитой интересов потребителей.

Ключевые слова: игровая индустрия; предпринимательская деятельность; правовое регулирование; лутбоксы;

За последние десятилетия игровая индустрия стала одним из самых динамично развивающихся элементов экономики. Её развитие привело не только к появлению новых форм развлечений, но и к возникновению социальных, психологических и правовых рисков. Увеличение числа игроков, особенно среди несовершеннолетних, делает необходимость чёткого правового регулирования в сфере игровой деятельности и предпринимательства особенно актуальной.

Одним из наиболее значимых рисков в игровой индустрии является доступ несовершеннолетних к играм, содержащим сцены насилия и иные компоненты, оказывающие негативное влияние на психику. Современные исследования подтверждают, что чрезмерное потребление подобного контента может формировать толерантность к агрессии, снижать уровень критического восприятия и способствовать развитию девиантного поведения. С целью минимизации этого риска во многих государствах разработаны системы возрастных рейтингов, например, система PEGI [1].

Вторым значимым риском, получившим международное признание, является патологический гейминг, который включён Всемирной организацией здравоохранения в 11-ю редакцию Международной классификации болезней [2]. Согласно данному документу, игровое расстройство характеризуется нарушением контроля над игровым поведением, приоритетом игр над другими видами деятельности и продолжением игровой активности, несмотря на её негативные последствия. Включение этого состояния в МКБ-11 стало основанием для признания игровой зависимости не только медицинской, но и социально-правовой проблемой.

Третьим значимым риском в сфере игровой индустрии является распространение лутбоксов как формы монетизации компьютерных игр. Лутбоксы представляют собой виртуальные контейнеры со случайным содержимым, которые игрок может приобрести за реальные деньги. Их особенность заключается в сочетании элементов вознаграждения и случайности, что сближает их с азартными играми. Основная проблема заключается в правовой неопределённости данного механизма на международном уровне. В большинстве государств отсутствует единый подход к квалификации лутбоксов. Такая ситуация создаёт правовой вакуум, который позволяет субъектам предпринимательства использовать агрессивные методы монетизации, не нарушая формально существующее законодательство.

Таким образом, игровая индустрия стала одним из ключевых элементов мировой экономики, однако её стремительное развитие выявило проблемы, требующие чёткого правового регулирования. Системы саморегулирования оказались недостаточно эффективными в защите несовершеннолетних, борьбе с игровой зависимостью и контроле монетизации. Дальнейшее развитие отрасли связано с устранением правовой неопределённости вокруг лутбоксов. Принятие единых и прозрачных норм их регулирования позволит снизить риски для несовершеннолетних, предотвратить злоупотребления и сформировать справедливую, безопасную игровую среду.

Библиографические ссылки

1. Pan European Game Information. URL: https://pegi.info (дата обращения: 01.10.2025).

2. Пономарева Е. С. Видеоигры и агрессия: Основные тенденции зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. — 2022. — № 3. — С. 169–199.

УДК 346.7

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С. М. Глебко

аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Т.М. Халецкая

В материале обосновывается необходимость внесения изменений в п. 13 Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации».

Ключевые слова: цифровое развитие; система законодательства; ключевые этапы; бюджетное финансирование; равный доступ; промышленные организации.

В настоящее время в Республике Беларусь сформирована система нормативных правовых актов, направленная на всестороннее управление процессами цифрового развития. Ключевые подразделы данной системы приведены на официальном сайте Минсвязи [1].

Последовательный процесс от зарождения идеи до разработки и реализации цифрового мероприятия (проекта), состоит из четырнадцати следующих ключевых этапов:

1. Инвестор (исполнитель) инициирует мероприятие (проект), анализирует его на соответствие нормам постановления Минсвязи от 6 октября 2022 г. № 18 «О перечне мероприятий в сфере цифрового развития».

2. При соответствии перечню – далее необходима разработка технического паспорта согласно постановлению Минсвязи от 6 октября 2022 г. № 15 «О форме технического паспорта мероприятия в сфере цифрового развития». Паспорт должен соответствовать Указу Президента Беларуси от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии».

3. Затем, при желании инвестора финансировать мероприятие (проект) за счет бюджетных невозвратных источников, – паспорт направляется в Минский городской исполнительный комитет (далее – Мингорисполком) или областные комитеты, где Комиссии по цифровизации проводят конкурсный отбор и принимают решение о целесообразности реализации мероприятия.

4. Мингорисполком (облисполкомы) направляют паспорт в Минсвязи для проведения дальнейшей экспертизы.

5. При соответствии мероприятия всем установленным критериям, Минсвязи направляет документ в межведомственный Совет по проектам в сфере цифрового развития, который рассматривает целесообразность его реализации и финансирования.

6. После положительного решения Совета, необходима экспертиза паспорта в ОАО «Гипросвязь» (оператор экспертизы) согласно постановлению Совета Министров Беларуси от 4 ноября 2022 г. № 757 «О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136».

7. При положительном заключении на всех этапах – паспорт возвращается в

Мингорисполком (облисполкомы) для включения в региональный комплекс мероприятий в области цифровизации и финансирования.

8. Формирование и согласование смет расходов.

9-10. Согласование конкурсных документов. Проведение процедуры государственной закупки с учетом действующих особенностей в сфере цифровизации, информирование о ее результатах Минсвязи.

11-12. Реализация мероприятия (проекта), в том числе достижение запланированных целевых значений ключевых показателей.

13-14. Внесение изменений в паспорт (при необходимости) и в договор, заключенный по результатам государственной закупки, которые регулируются Указом № 136 и постановлением Совета министров Беларуси от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)». При этом, при реализации мероприятий и проектов в сфере цифровизации, практически в каждой стране хозяйствующие субъекты стремятся получить бюджетное финансирование и/или средства из иных специальных невозвратных фондов.

В Беларуси такой механизм также разработан, но нуждается в совершенствовании. Так, применительно к промышленности, п. 13 Указа № 136 не содержит в качестве получателей средств местных инновационных фондов, выделяемых на реализацию мероприятий (проектов) в области цифрового развития, хозяйственные общества, акции (доли в уставных фондах) которых принадлежат Беларуси и переданы в управление Минпрома, указанные в приложении 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 31 июля 2006 г. № 980 «Вопросы Министерства промышленности Республики Беларусь». Действие п. 13 Указа № 136 распространяется только на приложение 1, в котором фигурируют всего 4 организации.

Считаем, что с целью интенсивного внедрения цифровых технологий, обеспечения равного конкурентного доступа всех хозяйствующих субъектов к государственному финансированию, исключительно на конкурсной основе, для внедрения приоритетных, имеющих значительных социально-экономический эффект мероприятий и проектов, действие п. 13 Указа № 136 должно распространяться на все организации, подведомственные Минпрому Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Министерство связи и информатизации Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2025. – URL: https://www.mpt.gov.by/ru/o-merakh-po-realizacii-ukaza-prezidenta-respubliki-belarus-ot-7-aprelya-2022-g-no-136-0 (дата обращения – 10.10.2025).

УДК 346

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ

С. Х. Гулиева

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета

М. С. Никольская

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. М. Куницкая

В статье анализируются подходы к определению количественных и качественных критериев, позволяющих установить различие между исходным произведением и результатом его переработки. Определено, что правовая и творческая оценка производных произведений требует комплексного подхода и выработки алгоритма их разграничения от оригинала.

Ключевые слова: производные произведения; переработка; критерий; интеллектуальная деятельность; авторское право.

Статья 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. №262-З «Об авторском и смежных правах» (далее – Закон об авторском праве) дает определение понятию «производные произведения», обозначая их как переработку произведения, являющуюся результатом творческого труда, в т.ч. обработку, инсценировку, музыкальную аранжировку. Также ст. 10 Закона об авторском праве устанавливает, что авторам производных произведений принадлежит авторское право на осуществленные ими перевода или иной переработки произведения при условии соблюдения прав автора оригинального произведения. Авторское право на производные произведения не ограничивает других лиц в осуществлении собственных переработок того же произведения при соблюдении прав оригинального автора.

Существует несколько видов производных произведений, и все они имеют общую черту – они основаны на уже существующих произведениях. Разница между ними лежит в степени изменения содержания, аранжировки и исполнении оригинальной композиции, а также в способе их творческого объединения или переосмысления [1].

Производное произведение считается новым музыкальным произведением, но оно должно существенно отличаться от существующего, чтобы охраняться авторским правом.

Определение количественных и качественных критериев позволяет установить различие между исходным произведением и результатом его переработки [2, с. 250]. В этой связи закономерно возникает вопрос о необходимости разработки единого алгоритма разграничения «параллельного творчества» – создания схожих музыкальных

произведений авторами, действующими независимо друг от друга – и производного произведения [3]. Актуальность решения данного вопроса усиливается процессами глобализации и активным использованием сети Интернет, способствующими быстрому распространению музыкального контента и усложняющими установление факта заимствования. Вместе с тем ранее ключевым критерием для разграничения указанных категорий являлось наличие или отсутствие у создателя реального доступа к оригинальному произведению. Музыкальное произведение признавалось оригинальным именно вследствие отсутствия у автора доступа к исходному [4]. Это, в свою очередь, свидетельствует о возможности самостоятельного создания идентичного звучания и подтверждает необходимость разработки единого алгоритма разграничения даже вне современных технологических вызовов, поскольку развитие цифровых технологий и программных средств создает все больше предпосылок для появления схожих музыкальных композиций.

Существует ряд звуковых элементов, которые являются стандартом: тональность произведения, базовое построение аккордов или всем известный ритм вальса. Критерий уникальности позволяет разграничивать понятия оригинального (нового) и производного произведений. Упомянутые стандарты никак не охраняются законом.

Правовая и творческая оценка производных произведений требует комплексного подхода с учетом как юридических норм, так и особенностей музыкального искусства, что обеспечит справедливую защиту прав авторов и стимулирует развитие музыкальной культуры.

Библиографические ссылки:

1. Скипетров Д.П. Ремиксы и каверы как производные произведения // Бизнес и общество. 2023. № 3 (39). URL: https://busines-society.ru/2023/3-39-2/94_skipetrov.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

2.Олин Е.А. Критерии определения производных объектов интеллектуальных прав в музыкальной сфере // Теория и практика общественного развития. 2025. №7. С 248-253

3. Довгалюк А. Переработка произведения и «параллельное» творчество: понятие, критерии разграничения / URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/17/pererabotka_proizvedeniya_vs_parallelnoe_tvorchestvo_ponyatie_kriterii_razgranicheniya (дата обращения: 09.10.2025).

4. Айрапетов Н. Критерии разграничения оригинального и производного произведения // Авторское право и смежные права. 2020. № 9 (сентябрь). URL: https://www.lidings.com/ru/media/articles/kriterii-razgranicheniya-originalnogo-i-proizvodnogo-proizvedeniya/ (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 658.7

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ E-CMR В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Кулаженко

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: профессор Н. Л. Бондаренко

Исследуется правовое регулирование внедрения электронных международных транспортных накладных e-CMR в Республике Беларусь. Анализируется механизм функционирования системы e-CMR, включая технические аспекты создания документов и использование цифровых подписей. Рассматривается национальная правовая база, институциональная структура с участием РУП «НЦЭУ» как доверенной третьей стороны и EDI-провайдеров. Изучается практический опыт пилотного проекта Беларусь-Россия 2021-2023 гг. и перспективы масштабирования на страны ЕАЭС. Определяется роль цифровизации транспортного документооборота в создании «безбумажных» международных грузоперевозок.

Ключевые слова: электронная транспортная накладная; e-CMR; цифровизация грузоперевозок; электронная цифровая подпись; доверенная третья сторона; EDI-провайдеры; международный транспортный документооборот; ЕАЭС; трансграничное признание электронных документов; безбумажные перевозки.

Современное развитие международных грузоперевозок неразрывно связано с внедрением цифровых технологий, которые кардинально трансформируют традиционные подходы к логистическому документообороту. Цифровизация транспортной отрасли становится ключевым фактором повышения эффективности международной торговли и создания «безбумажных» транспортных коридоров.

Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (CMR) от 19 мая 1956 г. установила единообразные правила перевозки и закрепила обязательность международной транспортной накладной как основного документа, подтверждающего заключение и условия договора перевозки. CMR-накладная выполняет несколько функций: служит распиской-подтверждением грузоотправителя в получении груза перевозчиком, доказательством заключения договора перевозки и документом, определяющим условия перевозки. Однако традиционная бумажная форма CMR в условиях интенсификации международных грузопотоков и цифровизации экономики стала создавать существенные административные барьеры, увеличивая время и затраты на документооборот.

Дополнительный протокол к Конвенции CMR от 20 февраля 2008 г. заложил правовую основу для внедрения электронных международных транспортных накладных – e-CMR [1]. Электронная накладная e-CMR представляет собой цифровой аналог традиционной CMR, обладающий равнозначной юридической силой и доказательственным значением. Ключевым принципом протокола стала правовая эквивалентность электронных и бумажных документов при международных автомобильных перевозках.

Преимущества e-CMR очевидны: сокращение времени оформления документов, снижение административных затрат, повышение прозрачности логистических процессов и возможность прослеживаемости грузов в режиме реального времени [2]. Электронный формат накладной позволяет интегрировать транспортные документы с государственными информационными системами, упрощая процедуры таможенного и налогового контроля.

Механизм функционирования e-CMR основан на создании электронного документа на специализированной информационной платформе с присвоением уникального идентификационного кода. Все участники перевозки – грузоотправитель, перевозчик и грузополучатель – получают доступ к накладной в режиме реального времени через портативные устройства. Для упрощения доступа используются QR-коды,

которые позволяют мгновенно получить информацию о грузе и статусе перевозки [3]. Подлинность электронной накладной обеспечивается методом электронной подписи, при этом протокол допускает использование любого другого метода электронной аутентификации, разрешенного национальным законодательством [4]. Критически важным аспектом является возможность подписания одного документа e-CMR несколькими электронными подписями различных государств, что требует взаимного признания цифровых подписей на международном уровне.

В Республике Беларусь правовая основа применения e-CMR базируется на Законе «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28.12.2009 № 113-З, который определяет правовой статус электронных документов и порядок их использования. Постановление Совета Министров № 248 от 10.04.2023 регулирует механизмы трансграничного электронного документооборота и устанавливает процедуры взаимного признания электронных подписей с другими государствами. Беларусь присоединилась к Протоколу e-CMR в январе 2019 года, создав институциональную основу для «безбумажных» международных перевозок. Ключевую роль в системе играет РУП «НЦЭУ» как национальный оператор доверенной третьей стороны, обеспечивающий взаимное признание электронных подписей, и EDI-провайдеры как операторы электронного документооборота между участниками рынка.

Практическое внедрение e-CMR в Беларуси началось с пилотного проекта с Российской Федерацией, реализованного в 2021-2023 годах. Целью проекта стала апробация технологий трансграничного обмена юридически значимыми электронными документами с использованием механизма доверенной третьей стороны [4]. С белорусской стороны координацию осуществляло ООО «Современные технологии торговли», а перевозки выполнялись компанией «Белтаможсервис». Российскую сторону представляли АНО «Дирекция международных транспортных коридоров», ПАО «Сбербанк» и Транспортная группа FESCO [2]. В рамках проекта использовался международный формат e-CMR стандарта D.22A СЕФАКТ ООН на основе синтаксиса XML, что обеспечило совместимость систем двух государств. Результаты эксперимента продемонстрировали техническую и практическую возможность осуществления «безбумажных» международных автоперевозок и подтвердили работоспособность механизма взаимного признания электронных подписей различных юрисдикций [5].

В настоящее время перспективы развития e-CMR связаны с масштабированием проекта на все государства ЕАЭС. В мае 2025 года был официально запущен пилотный проект по применению электронных международных транспортных накладных в рамках Евразийского экономического союза [6]. К сентябрю 2025 года сформирован весь пакет технологических документов, необходимых для проведения эксперимента, и согласованы четыре базовых сценария взаимодействия между участниками грузовых перевозок различных государств [7]. Планируется, что полноценный запуск системы e-CMR в ЕАЭС состоится в первой половине 2026 года, что создаст единое цифровое пространство для международных автомобильных грузоперевозок на евразийском континенте [8]. Долгосрочные перспективы включают интеграцию e-CMR с системами прослеживаемости товаров, создание экосистемы цифровых транспортных коридоров и распространение технологии на «дружественные» для стран

ЕАЭС государства, что в конечном итоге может привести к формированию глобальной системы «безбумажной» логистики.

Таким образом, успешная реализация пилотного проекта e-CMR между Беларусью и Россией и создание правовой основы для электронного документооборота в международных грузоперевозках демонстрируют готовность белорусского законодательства к вызовам цифровой трансформации транспортной отрасли. Предстоящее масштабирование системы e-CMR на все государства ЕАЭС открывает беспрецедентные возможности для создания единого цифрового пространства международных автомобильных перевозок, что будет способствовать укреплению экономических связей и повышению конкурентоспособности евразийского региона в глобальной логистике.

Библиографические ссылки

1. Проект развития электронного документооборота в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/906/Pril._Doklad-EDO-Itog.pdf. – Дата доступа: 09.10.2025.

2. В Минтрансе РФ рассказали об использовании e-CMR в грузоперевозках с Беларусью [Электронный ресурс] // Trans.ru. – Режим доступа: https://trans.ru/news/v-ministerstve-transporta-rasskazali-kak-proshel-eksperiment-po-ispolzovaniyu-e-cmr-pri-vipolnenii-gruzovih-perevozok-s-belarusyu. – Дата доступа: 09.10.2025.

3. Вишневская, И. С. Внедрение электронных накладных в практику документооборота при грузоперевозках / И. С. Вишневская, А. С. Карпач // Актуальные проблемы информационного и документального обеспечения управления: материалы междунар. науч.-практ. интернет-конф. – Тамбов, 2021. – С. 45–51.

4. Отчет о реализации пилотного проекта по обмену электронными транспортными накладными между Российской Федерацией и Республикой Беларусь [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/476/2shmw0ouneo4xge42jqt3tqqpj2x4i2b/4.1-Otchet-transgranichnyy-pilot-e_CMR.pdf. – Дата доступа: 09.10.2025.

5. Завершается пилотный проект по внедрению электронных международных транспортных накладных CMR [Электронный ресурс] // М-во транспорта Рос. Федерации. – Режим доступа: https://mintrans.gov.ru/press-center/news/10980. – Дата доступа: 09.10.2025.

6. В ЕАЭС приступили к проведению пилотного проекта по применению электронных международных транспортных накладных [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-pristupili-k-provedeniyu-pilotnogo-proekta-po-primeneniyu-elektronnykh-mezhdunarodnykh-transp/. – Дата доступа: 09.10.2025.

7. Сформирован пакет документов для эксперимента в ЕАЭС по применению электронных транспортных накладных [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: https://belta.by/special/economics/view/sformirovan-paket-dokumentov-dlja-eksperimenta-v-eaes-po-primeneniju-elektronnyh-transportnyh-nakladnyh-738788-2025/. – Дата доступа: 09.10.2025.

8. В 2026 году в ЕАЭС запустят эксперимент по использованию электронных накладных в автомобильных грузоперевозках [Электронный ресурс] // Trans.ru. – Режим доступа: https://trans.ru/news/v-2026-godu-v-eaes-zapustyat-eksperiment-po-ispolzovaniyu-elektronnih-nakladnih-v-avtomobilnih-gruzoperevozkah. – Дата доступа: 09.10.2025.

УДК 346

БАНКРОТСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т. Ю. Любецкая

учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университет
Научный руководитель: магистр юрид. наук М. Г. Литвинович

На основе актуальных статистических данных за 2024-2025 годы в статье анализируется институт банкротства. По результатам анализа выявлена положительная динамика, определены преимущества и системные проблемы процедуры. В заключении предложены направления для развития института.

Ключевые слова: банкротство; неплатежеспособность; рыночная экономика; экономическая статистика; субсидиарная ответственность; досудебное урегулирование.

Современная наука хозяйственного права исходит из того, что институт банкротства является фундаментальным элементом любой развитой рыночной экономики. Правовой механизм банкротства позволяет цивилизованно разрешать ситуации финансовой несостоятельности, обеспечивая баланс интересов должника, кредиторов и общества в целом. Правовые основы данного института закреплены в Законе Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности», который формирует императивную модель вывода неплатежеспособных субъектов из хозяйственного оборота под руководством антикризисного управляющего и под государственным контролем.

Согласно данным Министерства экономики Республики Беларусь в первом полугодии 2025 года было открыто 464 дела о банкротстве, что на 15,3% меньше, чем за аналогичный период 2024 года [1]. Географическое распределение остается неравномерным с концентрацией в г. Минске. Свыше 60% процедур банкротства в I квартале 2025 г. инициировалось государственными органами [2]. Эффективность процедур демонстрирует увеличение количества завершенных дел в 1,5 раза по сравнению с первым полугодием 2024 года, сокращение срока ликвидационного производства с 9,4 до 7,6 месяцев и рост уровня требований кредиторов с 10% (2022 г.) до 41,5% (первое полугодие 2025 г.) [1].

Согласно данным Европейской статистической службы во II квартале 2025 года на фоне общего роста банкротств (1,7%) наиболее значительный прирост отмечен в секторе информации и коммуникаций (+13,6%) и строительстве (+8,1%), тогда как в гостиничном бизнесе и торговле зафиксировано снижение. Параллельно наблюдается рост регистраций новых компаний (+4,6%), особенно в транспорте (+13,1%) и секторе информации и коммуникаций (+8,2%), что свидетельствует о процессах структурной перестройки экономики [3]. К примеру, в США в тот же период зафиксировано сокращение количества корпоративных банкротств с 23 309 до 23 043 случаев [4]. Представленные данные свидетельствуют о разнонаправленных процессах мировой экономики.

Институт банкротства в современном праве обладает рядом преимуществ: представляет собой наиболее легальный и цивилизованный способ ликвидации предприятия, позволяет добросовестному предпринимателю при этом избежать накопления долгов, направлен на соразмерное погашение задолженности перед кредиторами.

Однако процедура обладает существенными недостатками: продолжительность и сложность, необходимость совершенствования досудебного урегулирования. Серьезным риском для учредителей является возможность привлечения к субсидиарной ответственности, в случае установления их вины в доведении компании до банкротства.

Таким образом, институт банкротства в Республике Беларусь демонстрирует положительную динамику развития, выражающуюся в росте уровня удовлетворения требований кредиторов, сокращении количества возбужденных дел и сроков ликвидационного производства. По моему мнению, дальнейшее совершенствование должно быть направлено на дифференциацию и ускорение процедур банкротства, развитие досудебного урегулирования, а также формирование устойчивой судебной практики по вопросам привлечения к субсидиарной ответственности, что будет способствовать защите прав всех участников.

Библиографические ссылки

1. В Беларуси снизилось количество новых дел о банкротстве [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: https://belta.by/. – Дата доступа: 05.10.2025.

2. Цифры и факты: количество возбуждаемых дел о банкротстве снижается [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: https://economy.gov.by/. – Дата доступа: 05.10.2025.

3. Количество банкротств в ЕС выросло на 1,7% во втором квартале 2025 года [Электронный ресурс] // Neftegaz.Ru. – Режим доступа: https://neftegaz.ru/. – Дата доступа: 05.10.2025.

4. Банкротства в США | 1980-2025 Данные | 2026-2027 прогноз [Электронный ресурс] // TradingEconomics. – Режим доступа: http://ru.tradingeconomics.com/. – Дата доступа: 05.10.2025.

УДК 346.21

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КРУГА АФФИЛИРОВАННЫХ ЛИЦ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Н. С. Миронов

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: док. юрид. наук, профессор Я. И. Функ

В статье анализируется и критикуется подход законодателя к определению круга аффилированных лиц общества с ограниченной ответственностью посредством закрытого перечня. Обосновывается приоритет открытого перечня, позволяющего учитывать фактический контроль и повышать защиту участников и кредиторов названных обществ.

Ключевые слова: аффилированное лицо; круг аффилированных лиц; фактическая связанность.

Статья 56 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020–XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон) закрепляет нормативное определение понятия аффилированного лица общества с ограниченной ответственностью (далее – Общество).

Согласно части первой вышеуказанной статьи аффилированными лицами Общества признаются физические и юридические лица, способные прямо и (или) косвенно (через иных физических и (или) юридических лиц) определять решения либо оказывать влияние на их принятие Обществом, а также юридические лица, на принятие решений которыми Общество оказывает такое влияние.

Далее в статье приводится перечень таких лиц, состоящий из 9 категорий. Среди них, в частности, выделяются:

– члены совета директоров (наблюдательного совета), коллегиального исполнительного органа;

– юридическое лицо, являющееся участником холдинга, в состав участников которого входит это Общество.

В данной норме законодатель применяет два критерия для определения круга аффилированных лиц: объективный и субъективный. К объективному критерию относится непосредственно определение понятия аффилированного лица, к субъективному – отдельно выделяемые законодателем категории лиц [1, с. 13].

При этом, исходя из буквального толкования статьи 56 Закона, выходит, что субъективный критерий определения аффилированного лица Общества следует считать превалирующим.

Идентичный вывод сделан в различных комментариях к Закону. В них, в частности, пишут: «Это широкое понятие, но возможность его толкования ограничена закрытым перечнем лиц, которых следует относить к аффилированным» [2; 3, с. 311].

Об этом подходе свидетельствует и судебная практика, в том числе в следующих решениях: Решение Экономического суда города Минска от 25 мая 2023 г. по делу № 155ЭИП231255, Решение Экономического суда Минской области от 13 февраля 2024 г. по делу № 156ЭИП231401 [3; 4].

Тем не менее, стоит признать, что такой подход законодателя не может являться абсолютно верным, так как иногда признаки формальный связанности между лицами могут отсутствовать, что не отрицает влияние одного лица на другое посредством фактических способов (например, путем использования дружеских или коммерческих отношений).

На практике такие формы влияния могут проявляться в различных ситуациях. Например, лицо, формально не обладающее долей в уставном фонде Общества, может оказывать существенное влияние на деятельность его органов управления, в том числе и через устойчивые неформальные контакты с руководством и (или) участниками Общества.

Применение подхода, при котором аффилированными признается лишь ограниченный перечень лиц, является не до конца верным, в том числе и из-за интенсивно меняющихся экономических и социальных отношений, складывающихся в Обществе. Законодатель не может быть полностью уверен в том, что в будущем не появится иных форм правоотношений, достаточных для признания лиц, участвующих в них, аффилированными.

Следует отметить, что объективный критерий охватывает достаточно широкий круг лиц, поскольку закрепленное в Законе определение носит весьма общий характер. В связи с этим ему необходима «судебная настройка», в процессе которой суд детализирует количественные и (или) качественные критерии отнесения лиц к аффилированным вне приведенного перечня.

Ввиду вышесказанного, логичным видится внесение изменений в часть первую статьи 56 Закона путем добавления в нее оговорки «в частности», которая будет предшествовать перечню аффилированных лиц. Таким образом законодатель не будет ограничиваться приведенным перечнем (тем не менее суд сможет руководствоваться им) и позволит суду в каждом конкретно взятом случае при наличии соответствующих доказательств сделать вывод об относимости того или иного лица к категории аффилированных.

Библиографические ссылки

1. Аффилированные лица хозяйственных обществ. Сделки с заинтересованностью аффилированных лиц (комментарий к Закону Республики Беларусь «О хозяйственных обществах») : в 4 т. Т. 1. Понятие и категории аффилированных лиц / Я.И. Функ. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – 444 с.

2. Вашкевич, А. С. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь от 09.12.1992 N 2020-XII «О хозяйственных обществах» [Электронный ресурс]: / А.С. Вашкевич, И.А. Аноп [и др.]. – Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/28139/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83%20%D0%BE%20%D1%85%D0%BE%D0%B7%D1%8F%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%D1%85%20%D0%B2%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87?searchKey=h9ci&docSwitcherKey=jnlf&searchPosition=1&clckid=c61badc9#M100001. – Дата доступа: 04.10.2025.

3. Барчук, Ю. З. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» / Ю.З. Барчук, В.Ф. Брагинец, В.В. Галич [и др.]. – Минск : Дикта, 2011. – 528 с.

4. Решение Экономического суда города Минска от 25.05.2023 по делу № 155ЭИП231255 [Электронный ресурс] // ilex / ООО «ЮрСпектр». – Дата доступа: 20.06.2024.

5. Решение Экономического суда Минской области от 13.02.2024 по делу № 156ЭИП231401 [Электронный ресурс] // ilex / ООО «ЮрСпектр». – Дата доступа: 20.06.2024.

УДК 346.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БАНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. С. Приймак

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель В. А. Козловская

В работе рассматривается правовой статус Национального банка Республики Беларусь как особого субъекта, сочетающего функции государственного органа и центрального банка. Анализируются его нормативная база, функции, степень независимости и подотчётности.

Ключевые слова: Национальный банк Республики Беларусь; правовое положение; Устав Национального банка Республики Беларусь; Банковский кодекс Республики Беларусь; функции; независимость; подотчетность; финансирование; вызовы.

Национальный банк Республики Беларусь (далее — НБРБ) занимает особое место в системе государственных органов и хозяйственных субъектов. Его правовой статус сочетает характеристики субъекта, наделённого функциями публично-правового характера, и одновременно самостоятельного центрального банка, проводящего государственную денежно-кредитную политику. Такая двойственная природа формирует уникальные особенности правового положения НБРБ, которые проявляются в особенностях его нормативной базы, институционального статуса, функций, ограничений, а также в степени независимости и подотчётности.

Правовое положение НБРБ закреплено на законодательном уровне. Согласно ст. 136 Конституции Республики Беларусь, банковская система страны состоит из Национального банка и иных банков, а исключительное право на выпуск денег принадлежит именно НБРБ. Эта норма подчёркивает его ключевое место в экономическом механизме государства. Более детально правовой статус банка регулируется Банковским кодексом Республики Беларусь (далее — БК) и Уставом Национального банка, утверждённым Указом Президента № 320 «О статусе Национального банка Республики Беларусь» (далее — Устав).

Особенности белорусской модели заключаются в том, что НБРБ объединяет черты государственного органа и финансового института, обладающего хозяйственной самостоятельностью [1]. В соответствии со ст. 24 БК и п. 6 Устава НБРБ является юридическим лицом. Его имущество является государственной собственностью, закреплённой за ним на праве оперативного управления, что закреплено в п. 29 Устава.

НБРБ осуществляет широкий круг функций, которые перечислены в ст. 25 БК. К основным относятся эмиссия национальной валюты, организация денежного обращения и расчётов, проведение денежно-кредитной политики, управление золотовалютными резервами, надзор за деятельностью банков, лицензирование кредитных организаций и установление нормативов их ликвидности [2]. Кроме того, НБРБ является для банков кредитором последней инстанции, осуществляя их рефинансирование [3].

Особое внимание в литературе уделяется ограничению на прямое финансирование государственного бюджета. Законодательство Республики Беларусь прямо запрещает Национальному банку предоставлять кредиты Правительству для покрытия дефицита бюджета согласно ч. 2 ст. 53 БК. Это правило направлено на предотвращение инфляции и укрепление независимости денежно-кредитной политики. Поэтому, как отмечает А. В. Шавцова в статье «Правовая регламентация национальной валюты как фактора стабильности национальной экономики

Республики Беларусь», «эмиссия денег должна проводиться под строгим контролем и только в рамках утвержденной кредитно-денежной политики» [4].

Важной особенностью является сочетание элементов независимости и подотчётности. Как отмечает А. С. Ярош, формальная независимость НБРБ ограничена механизмами подотчётности Президенту, который назначает с предварительного согласия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь Председателя и членов Правления, утверждает Устав и годовой отчёт [5]. Независимость НБРБ выражается прежде всего в оперативной самостоятельности при проведении денежно-кредитной политики и использовании инструментов регулирования — процентной ставки, операций на открытом рынке, нормативов резервирования, рефинансирования кредитных организаций, валютных интервенций, установления ориентиров роста денежной массы, прямых количественных ограничения, эмиссии облигаций. Финансовая независимость характеризуется степенью самостоятельности в определении собственного внутреннего бюджета, а кадровая независимость означает независимость руководства центрального банка, обусловленную установленным законодательством порядком назначения соответствующих должностных лиц, сроком пребывания в должности и освобождения их от должности [2, с. 40].

Современные вызовы, стоящие перед НБРБ, связаны с необходимостью адаптации его правового статуса и инструментов к новым экономическим реалиям. В условиях цифровизации, санкционных ограничений и структурных изменений экономики банк вынужден искать баланс между обеспечением макроэкономической стабильности и поддержкой экономического роста.

Таким образом, правовое положение Национального банка Республики Беларусь представляет собой сложный комплекс конституционных, организационных и экономико-правовых элементов. НБРБ одновременно выступает как центральный банк, выполняющий классические функции регулирования денежно-кредитной системы, и как государственный орган, интегрированный в систему публичного управления. Дальнейшее совершенствование его правового статуса должно быть направлено на укрепление институциональной и финансовой независимости, развитие прозрачности и повышение ответственности перед обществом. Только в этом случае НБРБ сможет эффективно выполнять свои задачи по обеспечению стабильности национальной валюты и устойчивости финансовой системы страны.

Библиографические ссылки

1. Правовой статус Национального банка Республики Беларусь: становление и эволюция. Учеб.-метод. пособие /В.А.Свиридович. Науч. ред. П.Г.Никитенко. – Мн.:. – 40 с.

2. Томкович, Р. Р. Банковское право : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-24 01 01 «Международное право» / Р. Р. Томкович, В. А. Козловская ; БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права. – Минск : БГУ, 2022. – 152 с.

3. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/statebodies/nacionalnyy-bank-respubliki-belarus (дата обращения: 07.10.2025).

4. Шавцова А. В. Правовая регламентация национальной валюты как фактора стабильности национальной экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-reglamentatsiya-natsionalnoy-valyuty-kak-faktora-stabilnosti-natsionalnoy-ekonomiki-respubliki-belarus (дата обращения: 07.10.2025).

5. Ярош А. С. Правовой статус Национального банка Республики Беларусь и Центрального банка Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ: магистерская диссертация / А. С. Ярош. – Минск, 2018. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/211561 (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 346.1

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ

С. П. Савицкая

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель В. А. Козловская

В работе исследуются правовые основы банковской тайны в Республике Беларусь. Проанализированы положения статьи 121 Банковского кодекса и меры по защите конфиденциальных данных. Подчёркнута роль банковской тайны в укреплении доверия клиентов и стабильности финансовой системы.

Ключевые слова: банковская тайна; конфиденциальная информация; Банковский кодекс Республики Беларусь; защита персональных данных; банковская деятельность.

Вопрос конфиденциальности информации является одним из ключевых аспектов в работе банковских учреждений по всему миру, и Беларусь не исключение. Одним из важнейших элементов банковской деятельности выступает соблюдение банковской тайны — особого режима защиты сведений о клиентах, их счетах и операциях. При открытии банковского счета каждый клиент вправе рассчитывать на то, что его личные и финансовые данные останутся конфиденциальными и могут быть использованы исключительно в рамках законодательства. Для защиты таких данных не требуется подписывать дополнительные соглашения — охрана информации обеспечивается автоматически. С развитием цифровых технологий практика соблюдения банковской тайны постоянно совершенствуется и адаптируется [1].

Основным актом законодательства в нашей стране, регламентирующим вопросы банковской тайны, является Банковский кодекс Республики Беларусь (ст. 121). Этой статьей определен перечень сведений, являющихся банковской тайной, перечень лиц, имеющих право на получение ее у банков, устанавливается обязанность Национального банка и банков по ее соблюдению, а также предусматривается некоторые особенности оформления запросов о ее предоставлении. Согласно ст. 121 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441-З банковская тайна — это сведения о счетах и вкладах (депозитах), в том числе о наличии счета в банке (небанковской кредитно-финансовой организации), его владельце, номере и других реквизитах счета, размере средств, находящихся на счетах и во вкладах (депозитах), а равно сведения о конкретных сделках, об операциях без открытия счета, операциях по счетам и вкладам (депозитам), а также об

имуществе, находящемся на хранении в банке, являются банковской тайной и не подлежат разглашению. Из определения можно сделать вывод, что к банковской тайне относится определенный круг сведений. Это в частности, сведения:

О счетах, вкладах (депозитах) в банке, небанковской кредитно-финансовой организации; о наличии счета в банке у определенного лица; о владельце счета в банке; о номере и других данных счета клиента банка; о сумме средств на счетах и вкладах; о сделках со средствами по счетам клиента банка; о платежных операциях клиентов без открытия счета в банке; об операциях клиентов по счетам и вкладам; информация о платежах, которые совершены при оказании электронных государственных услуг; об имуществе клиентов, которое хранится в банке [3; 5, с. 205-206].

Сведения, составляющие банковскую тайну физических лиц (кроме индивидуальных предпринимателей), могут быть предоставлены банком только самим клиентам или их уполномоченным представителям на основании их письменного согласия, лично поданного в банк, — любому третьему лицу. В ряде зарубежных государств, например, в Швейцарии и Люксембурге, подобная информация не раскрывается даже государственным органам, включая случаи возбуждения уголовного дела. Республика Беларусь, напротив, относится к числу стран, где при защите банковской тайны приоритет отдается публичным интересам. В отечественном законодательстве предусмотрено право банков предоставлять сведения о клиентах и их счетах судам и судебным исполнителям, прокурору, нотариусам, налоговым и таможенным органам, организации, обеспечивающей гарантированное возмещение вкладов физических лиц, а также другим структурам, определенным законом [4].

Для обеспечения безопасности персональных данных и соблюдения банковской тайны банки применяют комплекс технических и организационных мер. Это включает использование современных систем шифрования и контроля доступа, регулярное обучение сотрудников правилам работы с конфиденциальной информацией, а также внедрение внутренних процедур по предотвращению несанкционированного доступа и утечек данных. Помимо этого, банки проводят постоянный мониторинг и аудит систем безопасности, чтобы оперативно выявлять и устранять потенциальные угрозы.

Если клиент столкнулся с нарушением банковской тайны — например, с утечкой информации или её разглашением без законных оснований, — он имеет право обратиться в соответствующие контролирующие органы. В Беларуси это могут быть Национальный банк, Национальный центр защиты персональных данных, а также правоохранительные органы. В случае серьёзных нарушений можно обратиться в суд. Важно своевременно фиксировать все факты нарушения и сохранять доказательства для успешного рассмотрения дела [1].

В заключение можно отметить, что банковская тайна является неотъемлемым элементом правового регулирования банковской деятельности и важнейшей гарантией защиты интересов клиентов. Её существование обеспечивает сохранность конфиденциальной информации, способствует укреплению доверия между банком и клиентом, а также формирует устойчивость и надежность финансовой системы государства.

Библиографические ссылки

1. Банковская тайна: счета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://spex.by/rus/news/banking-secrecy-accounts (дата обращения: 06.10.2025).
2. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 25 октября 2000 г. № 441-З : в ред. от 17 июля 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK0000441 (дата обращения: 06.10.2025).
3. Тайна банковской деятельности в Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://ambylegal.by/ru/news/bank-secrecy-in-belarus/ (дата обращения: 06.10.2025).
4. Тайна банковских операций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://fingramota.by/ru/guide/practical/taina?cookies=true (дата обращения: 06.10.2025).
5. Банковское право: курс лекций / Р.Р. Томкович. — Минск : Амалфея, 2011. — 672 с.

УДК 346

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ WHITE PAPER В СФЕРЕ ИННОВАЦИОННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Е. В. Сапьяник

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: ст. пр. А. В. Гавриленко

В статье рассматривается финансирование инновационных проектов посредством ICO-инвестиций. Особое внимание уделяется роли White paper в сфере инновационного инвестирования, рассматривается и описывается его содержание.

Ключевые слова: хозяйственное право; White paper; ICO; инвестиции; криптовалюта; токен.

В настоящее время все большую популярность набирает финансирование инновационных проектов, которое имеет определенную специфику по сравнению с классическими способами финансирования инвестиционных проектов. Так, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2024 году в Республике Беларусь инвестиции в основной капитал цифровой экономики выросли на 31% по сравнению с 2023 годом [1].

С начала 2010-х годов в цифровом пространстве мировой экономики начала появляться новая форма финансирования проектов – Initial coin offering или первичное привлечение монет (далее – ICO). Привлечение средств в бизнес-проекты посредством ICO представляет собой способ финансирования криптовалютных проектов путем продажи инвесторам своих криптографических активов, иначе – цифровых токенов (т.е. монет), за криптовалюту [2].

Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» установлены требования для организации, создающей и размещающей собственные токены. В частности, создавать и размещать токены может только резидент ПВТ и только при наличии в его бизнес-проекте соответствующего вида деятельности. Такой резидент ПВТ вправе приступить к размещению токенов только при наличии декларации «White paper».

Так, например, через резидента ПВТ ООО «ДФС» на ICO путем выпуска токенов-облигаций уже выходили целый ряд лизинговых компаний, а также такие компании, как «Белвест», МАЗ и «Чистый берег» и др.

Одним из важных элементов при привлечении финансирования путем ICO является подготовка так называемого белого документа (англ. – White paper). В Правилах оказания услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов), и осуществления операций по созданию и размещению собственных цифровых знаков (токенов), утвержденным решением Наблюдательного совета Парка высоких технологий White Paper определяется как документ, содержащий сведения о деятельности, для которой привлекаются инвестиции посредством размещения токенов, и лице, планирующем ее осуществлять. В п. 19 и п. 33 Правил закрепляется ряд обязательных сведений, которые должны включаться в декларацию «White paper» (о резиденте ПВТ, его финансово-хозяйственной деятельности, рисках, основных конкурентах, правила ценообразования токенов, объем прав их владельцев и т.д.).

Следует обратить внимание на содержание, условия и качество написанного White paper, т.к. зачастую именно он влияет на принятия решения инвесторами вкладываться в проект. Так, влияние White paper на успех ICO может быть обусловлено возможностью анонимных транзакций. Важную роль может играть децентрализация. White paper раскрывает исходный код с высокой степенью технологической информации, которая может быть решающей [3, с. 1694-1695].

White paper должен чётко и полно отражать ключевые элементы проекта, поскольку без качественных и правильных формулировок проекты в сфере fintech рискуют исказить правовой смысл важных юридических определений [4].

Таким образом, форма привлечения финансирования средств путем ICO инвестиций становится более актуальной с каждым годом. Однако нехватка развитой правовой базы в сфере ICO-инвестиций препятствует свободному развитию этой сферы, поэтому совершенствование элементов инвестируемого проекта, в том числе и White paper, благоприятно влияют на рост числа сделок.

Библиографические ссылки

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. (дата обращения: 3.10.2025).

2. Шарова, В. А. ICO - инновационный способ финансирования деятельности компаний [Электронный ресурс] / В. А. Шарова, С. О. Данеева // Теоретическая и прикладная экономика. – 2018. – № 3. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ico-innovatsionnyy-sposob-finansirovaniya-deyatelnosti-kompaniy. (дата обращения: 03.10.2025).

3. Belitski, M. Success factors of initial coin offerings / M. Belitski, D. Boreiko // The Journal of Technology Transfer. – 2022. – № 47. – P. 1690–1706.

4. Печенин, П. Е. Понятие и правовая природа первичного размещения цифровых токенов [Электронный ресурс] / П. Е. Печенин // Вестник науки. – 2019. – № 6 (15). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-pravovaya-priroda-pervichnogo-razmescheniya-tsifrovyh-tokenov. (дата обращения: 03.10.2025).

УДК 346.9

ПРОИЗВОДНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ: ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ УЧАСТНИКОВ

В. А. Томчик

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, Ю. Г. Конаневич

В работе выявляются проблемы, связанные с защитой прав участников сделок с производными финансовыми инструментами. Исследование основано на анализе действующего законодательства и доктрины. В результате предложены направления совершенствования нормативной базы и механизмов правовой защиты.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты; деривативы; волатильность; механизм «кредитного плеча»; риски.

Современный финансовый рынок характеризуется активным использованием производных финансовых инструментов (ПФИ). В Республике Беларусь принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих вопросы ПФИ. Однако, по нашему мнению, действующее регулирование носит фрагментарный характер и преимущественно охватывает биржевые деривативы. Внебиржевые сделки, заключаемые напрямую между сторонами, остаются менее защищёнными, что создаёт правовые риски и затрудняет защиту интересов участников.

Согласно п.1 Постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. N 74 (ред. от 25 августа 2025 г.) «О бухгалтерском учете финансовых инструментов» производный финансовый инструмент (дериватив) – финансовый инструмент, с приобретением которого не связаны или связаны незначительные операционные затраты, стоимость которого зависит от параметров базового актива и расчеты по которому предполагается произвести в будущем. Отталкиваясь от белорусского законодательства, можно выделить, что деривативы позволяют участникам хеджировать риски, спекулировать на изменении цен и управлять ликвидностью. Уже из анализа определения можно выделить некоторые виды рисков. Во-первых, поскольку стоимость ПФИ зависит от базового актива, в качестве которого может выступать целый ряд материальных, нематериальных и финансовых активов, любые колебания на рынке могут привести к резким изменениям стоимости [2, с. 113]. Так, участники не защищены от понесения убытков, превышающих первоначальные вложения, особенно при использовании кредитного плеча (т.е. права на использование заемного капитала для совершения сделки). Во-вторых, некоторые ПФИ предполагают расчёты в будущем без реальной поставки актива (например, расчётный фьючерс). Для биржевых ПФИ, заключаемых в секции срочного рынка, каждая сделка подлежит регистрации и отражается в едином учётном электронном реестре, где хранится на постоянной основе. Однако внебиржевые деривативы, заключаемые напрямую между сторонами, не подлежат обязательной регистрации в централизованной системе. Это усложняет защиту прав – трудно доказать факт исполнения или наруше-

ния обязательств. В-третьих, несмотря на наличие ряда нормативных актов, регулирующих отдельные аспекты операций с ПФИ, в Республике Беларусь отсутствует единый нормативный акт, который содержал бы все ключевые элементы: классификацию ПФИ, стандарты договоров, механизмы защиты прав участников, порядок разрешения споров. Это создаёт некоторые сложности в правоприменении.

Согласно п.2.35 ст.13 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) от 19 декабря 2002 г. N 166-З (с изм. и доп., вступившими в силу с 01 мая 2025 г.) к производным финансовым инструментам относятся опционы, фьючерсы, форварды, свопы и другие производные финансовые инструменты, в том числе представляющие собой комбинацию перечисленных производных финансовых инструментов. Следует подчеркнуть, что в белорусской научной литературе до сих пор отсутствует единый подход к интерпретации этих понятий, что связано с различиями в исходных методологических основаниях [2, с. 113]. Экономическая и юридическая литература не синергируют между собой, что ведет к неправильному пониманию населением Республики Беларусь функционирования институтов, находящихся на стыке юридической и экономической наук (деривативов в частности). Данный факт, по нашему мнению, всё также указывает на проблему отсутствия единого нормативного правового акта, который бы закрепил унифицированную терминологию, а соответственно привел к единообразному толкованию норм и увеличению эффективности защиты прав и интересов участников сделок с ПФИ.

Говоря о иных способах защиты прав участников, мы считаем необходимым введения стресс-тестов и оценки рисков при использовании участником механизма «кредитного плеча». При заключении сделок с использованием права на использование заемного капитала будет проводиться оценка потенциальных убытков в различных сценариях, и клиент, в свою очередь, будет уведомлен о возможных последствиях по результатам стресс-тестов.

Стоит отметить также, что одной из причин уязвимости участников сделок с ПФИ является низкий уровень осведомленности о специфике этих инструментов участниками в Республике Беларусь. Деривативы обладают сложной структурой, высокой волатильностью и значительными рисками, включая возможность потери капитала, превышающей первоначальные вложения [2, с. 116]. Поэтому мы считаем необходимым внедрить обучение для неквалифицированных инвесторов перед получением доступа к сложным ПФИ. Регуляторы и профессиональные участники должны публиковать аналитические материалы, статистики, типовые риски. Белорусская валютно-фондовая биржа, в свою очередь, занимается публикацией материалов, обучающих работе с деривативами, и мы считаем важным поощрение и развитие данной инициативы [3].

Подводя итог, в рамках исследования были выявлены основные риски, присущие сделкам с ПФИ: высокая волатильность, отсутствие централизованной регистрации внебиржевых сделок, а также сложности, связанные с отсутствием единого нормативного акта. Также было уделено внимание проблеме наличия непрофессиональных участников.

Реализация предложенных мер позволит сформировать более устойчивую правовую среду, способную обеспечить надлежащую защиту прав всех участников сделок с производными финансовыми инструментами в Республике Беларусь. Это, в

свою очередь, будет способствовать развитию срочного рынка, укреплению доверия инвесторов и повышению инвестиционной привлекательности национальной финансовой системы [1, с. 144].

Библиографические ссылки

1. Максименко, А. С. Производные финансовые инструменты: законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации // НИРС БГЭУ – 2016 : сборник научных статей. Вып. 6 / БГЭУ ; редкол.: Г.А. Короленок [и др.] ; Минск ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. - Минск : БГЭУ, 2017. С. 143–146.

2. Походзило, А. В. Производные финансовые инструменты (деривативы) – инструменты не для всех // Новая экономика. 2024. №1. С. 112-117.

3. Правила срочного рынка // Белорусская валютно-фондовая биржа URL: https://www.bcse.by/markets/derivatives/rules (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 346

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ

М. Е. Юркевич

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета

В. Д. Менёк

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О. М. Куницкая

В статье исследуются правовые основы интеграции социального предпринимательства в сферу государственной монополии. Авторы доказывают, что монополия может быть трансформирована через хозяйственно-правовые механизмы, что позволяет повысить общую эффективность системы.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; государственная монополия; деконцентрация монополии; фискальное агентирование; государственно-частное партнерство.

Социальное предпринимательство представляет собой осуществление предпринимательской деятельности, направленной на решение острых социальных проблем и развитие социальной сферы, что позволяет рассматривать его как эффективную форму публично-частного партнерства [1, с. 55]. В условиях существования государственной монополии на предоставление ключевых социальных благ (здравоохранение, социальное обслуживание и др.) закономерно возникают системные вызовы: недостаток гибкости, инноваций и эффективности. В этой связи актуален поиск механизмов, позволяющих повысить качество и доступность услуг без полного отказа от регулирующей роли государства.

Ключом к пониманию предлагаемой концепции является отказ от восприятия государственной монополии как запретительного института. Ее правовая природа, безусловно, вытекает из необходимости защиты публичных интересов (национальная безопасность, социальная защищенность населения), однако она создает правовое поле для конструктивного взаимодействия с частным интересом.

Наиболее релевантной для нашего исследования формой такого взаимодействия является институт фискального агентирования. Государство, являясь носителем исключительного права на определенный вид деятельности, далеко не всегда непосредственно его осуществляет. Вместо этого оно делегирует право на реализацию этой деятельности частным субъектам – фискальным агентам [2, с. 6].

Государственная монополия не требует исключительно того, чтобы ее субъект обладал соответствующими правами и обязанностями. В этой связи, на наш взгляд, возможна интеграция социального предпринимательства в систему государственной монополии.

Механизмы интеграции социального предпринимательства:

1. **Социальное фискальное агентирование.** Государство, оставаясь носителем исключительного права, делегирует право на осуществление определенных видов монопольной деятельности (например, в социальном обслуживании) социальным организациям. Условием делегирования является соблюдение нормативных требований, достижение социальных показателей эффективности.

2. **Государственная поддержка социальных предприятий.** Механизм публично-частного партнерства в социальной сфере воплощается в создании комплексной системы поддержки, где риски и ресурсы распределяются между государством и частным сектором.

3. **Концессионные модели в социальной сфере.** Государство передает на возмездной основе объекты социальной инфраструктуры (центры реабилитации, социальные общежития) специализированным социальным предприятиям на длительный срок. Государство сохраняет право собственности и функцию стратегического регулятора, утверждая тарифы на социально необходимый набор услуг.

Интеграция социальных предприятий через модели фискального агентирования, государственной поддержки и концессий позволяет осуществить стратегическую **деконцентрацию** монополии. Это не ее отмена, а трансформация: переход от жесткой централизованной иерархии к гибкой сетевой модели управления. В такой модели государство сохраняет роль стратегического регулятора, определения стандартов и контролера результатов, а социальные предприятия выступают высокоспециализированными, клиентоориентированными и инновационными исполнителями.

Библиографические ссылки:

1. Бондаренко Н. Л. Социальное предпринимательство: проблемы идентификации и институционализации / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, М. С. Бондаренко // Юстиция Беларуси. 2022. № 8. С. 54–62.

2. Актуальные проблемы науки административного, финансового и международного права : материалы II науч. круглого стола, Минск, 10 апр. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.В. Шидловский (гл. ред.). Минск: БГУ, 2024. С. 4–8.

СЕКЦИЯ XIII.
АГРАРНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО

УДК 349.6

ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ АГРАРНОГО СЕКТОРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. Апанасёнок

студент 3 курса юридического факультета,
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кузьмич И.П.

В статье анализируются основные направления государственной поддержки аграрного сектора Республики Беларусь. Рассмотрены меры по льготному кредитованию инвестиционных проектов, удешевлению семян и развитию экспортного финансирования. Сделан вывод о комплексности государственной политики, направленной на повышение эффективности сельского хозяйства и укрепление продовольственной безопасности.

Ключевые слова: государственная поддержка; сельское хозяйство; льготное кредитование; удешевление семян; экспортное финансирование.

Государственная поддержка аграрного сектора в Республике Беларусь занимает особое место в системе национальной экономической политики. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утверждённой Решением Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 № 5, продовольственная безопасность названа одним из ключевых национальных интересов. В частности, в части шестой пункта 5 отмечается нарастание угроз в сфере энергетической и продовольственной безопасности, а в пункте 10 подчёркивается необходимость обеспечения продовольственной безопасности. Указанные положения определяют приоритетность поддержки сельского хозяйства как системообразующей отрасли национальной экономики.

Совет Министров Республики Беларусь последовательно проводит политику, направленную на стимулирование инвестиционной активности, повышение эффективности производства и укрепление экспортного потенциала. Механизмы государственной поддержки включают как прямые меры в виде субсидий, дотаций и льготного кредитования, а также косвенные формы стимулирования, к примеру, предусматривающие налоговые льготы и удешевление производственных ресурсов. Такой подход позволяет комплексно воздействовать на развитие сельского хозяйства и компенсировать влияние внешнеэкономических ограничений.

Одним из приоритетных направлений остаётся предоставление субсидий для льготного кредитования инвестиционных проектов по реконструкции, модернизации и строительству объектов животноводства, птицеводства, кролиководства и звероводства [1]. Такие меры направлены на повышение производственной эффективности и обеспечение финансовой устойчивости предприятий агропромышленного комплекса.

Важную роль играет и регулирование семеноводства. Постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь «Об удешевлении семян сельскохозяйственных растений» от 08.04.2025 № 31 установлен порядок удешевления стоимости оригинальных и элитных семян сельскохозяйственных растений до 50 % от среднереспубликанского уровня. Такая мера позволяет стимулировать применение высококачественного посевного материала и способствует внедрению инновационных сортов, что в долгосрочной перспективе повышает урожайность и снижает зависимость от импортных семян.

Важным направлением государственной поддержки является развитие экспортного финансирования. Постановлением Совета Министров «О поддержке экспорта и страховании» от 05.05.2021 № 262 расширен перечень товаров, по которым предоставляются экспортные кредиты, постфинансирование и дисконтирование аккредитивов. Принятые меры укрепляют позиции белорусских производителей на внешних рынках и стимулируют развитие экспортно ориентированного аграрного производства.

Современная практика государственной поддержки аграрного сектора демонстрирует тенденцию к её дифференциации. Меры всё чаще ориентируются на конкретные категории производителей, исходя из их производственного потенциала и региональных особенностей. Такой адресный подход позволяет эффективнее распределять бюджетные ресурсы и повышать результативность государственной помощи.

Таким образом, действующая система государственной поддержки сельского хозяйства в Республике Беларусь характеризуется комплексностью и направленностью на долгосрочное развитие отрасли. Она способствует модернизации производственной базы, стимулирует научные разработки, повышает конкурентоспособность продукции и укрепляет продовольственную безопасность страны.

Библиографический список

1. О предоставлении субсидий : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22.06.2022 г. № 405 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр зак. и правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Д. С. Борисюк

студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О.В.Мороз

Рассматривается вопрос правового закрепления определения понятия «государственные нужды» и перечня целей (потребностей) для изъятия земельных участков для государственных нужд. Содержатся конкретные предложения по совершенствованию земельного законодательства по указанным аспектам.

Ключевые слова: государственные нужды; изъятие; земельный участок; цели (потребности); прекращение прав.

Правовой институт изъятия земельных участков для государственных нужд представляет собой совокупность правовых норм, регламентирующих общественные отношения, возникающие в процессе прекращения субъективных имущественных прав на земельные участки с целью их использования в публичных (государственных) интересах.

В научной литературе данный институт традиционно рассматривается как один из способов распределения (перераспределения) земель, обусловленный объективными потребностями экономического и социального развития и позволяющий государству эффективно управлять земельными ресурсами и обеспечивать их использование в соответствии с приоритетными направлениями государственной политики. В национальном законодательстве отсутствует определение понятия «изъятие земельных участков для государственных нужд». Однако в статье 1 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З даются определения терминам «изъятие земельного участка» и «государственные нужды» [1, с. 379].

Под изъятием земельного участка понимаются установленные законодательством об охране и использовании земель юридические действия и техническая процедура прекращения прав на земельный участок по основаниям, определенным отмеченным Кодексом, иными законами и актами Президента Республики Беларусь. На наш взгляд, указанное легальное определение является оптимальным, так как позволяет передать правовую сущность понятия.

Основная проблема касается правового определения государственных нужд. Оно не является корректным, так как в нём излагаются только потребности, на реализацию которых направлено изъятия земельных участков для данной цели, а не раскрываются основные признаки понятия. Более того, следует согласиться с точкой зрения, что некоторые из потребностей не имеют конкретного характера [1, с. 380], к примеру, обеспечение национальной безопасности, охрана окружающей среды. Это может создавать предпосылки для усмотрения органами государственной власти и, как следствие, привести к необоснованному изъятию земельных участков и прекращению прав землепользователей.

Более того, круг целей (потребностей) изъятия земельных участков для государственных нужд содержится не только в Кодексе Республики Беларусь о земле, но и в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 г. № 32. Перечни во многом дублируют друг друга, но содержатся и отличия. К примеру, Положение предусматривает такую цель как размещение мест погребения, а Кодекс Республики Беларусь о земле – обеспечение соглашений о государственно-частном партнерстве.

Таким образом, предлагаем отказаться от закрепления в ст. 1 отмеченного кодекса термина «государственные нужды», так как правовое содержание принудительного изъятия земельного участка для государственных нужд соответствует правовому определению более общего понятия «изъятие земельных участков», в котором указывается на необходимость определенных оснований для такого изъятия.

Единый перечень целей (потребностей) для изъятия земельных участков для государственных нужд целесообразно отразить в статье 88 Кодекса Республики Беларусь о земле, дополнив ее наименование соответствующим указанием. При этом следует исключить изложение их перечня в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков, что позволит избежать как дублирования целей, так и отличия в перечнях. Отражение целей на уровне указанного кодекса будет дополнительной гарантией для землепользователей, учитывая негативные последствия при изъятии земельных участков у них, особенно, если земельный участок находится на праве частной собственности.

Библиографический список

1. Кузьмина, А.А. Правовое понятие изъятия земельных участков для государственных нужд / А.А. Кузьмина // Современные тенденции развития права, государства и интеграционных образований : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 2–3 ноября 2018 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: Т. А. Червякова (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 379-380.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ВЕТЕРИНАРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

З. М. Воронин

студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В.В.Саскевич

В статье рассматриваются проблемы и направления совершенствования организационно-правового обеспечения деятельности государственной ветеринарной службы Республики Беларусь. Отмечаются недостатки действующего законодательства, влияющие на эффективность функционирования службы. Обосновывается необходимость уточнения полномочий должностных лиц, расширения их прав по контролю и оценке деятельности нижестоящих органов, а также законодательного закрепления критериев эффективности работы государственной ветеринарной службы.

Ключевые слова: государственная ветеринарная служба; организационно-правовое обеспечение; совершенствование законодательства; полномочия должностных лиц; эффективность деятельности.

Эффективное регулирование ветеринарной деятельности является важным условием для обеспечения продовольственной безопасности Республики Беларусь и реализации экспортного потенциала. В данных условиях особую значимость приобретает совершенствование организационно-правового обеспечения деятельности государственной ветеринарной службы. В действующем законодательстве выявляются отдельные недостатки в регулировании её деятельности, снижающие общую эффективность функционирования системы

В соответствии с Положением о государственной ветеринарной службе (далее–Положение), утвержденным Указом Президента от 28 июня 2019 года №252 «О государственной ветеринарной службе» (далее–Указ), Департамент ветеринарного и продовольственного надзора Министерства сельского хозяйства и продовольствия (далее–Департамент) организует и руководит деятельностью государственной ветеринарной службы, в том числе государственных ветеринарных врачей, государственных ветеринарных инспекторов [1]. Аналогичными функциями применительно к областям наделены управления (отделы) ветеринарии комитетов по сельскому хозяйству и продовольствию облисполкомов.

На наш взгляд, с точки зрения организации данных полномочий их следовало бы конкретизировать в Законе Республики Беларусь от 02.07.2010 № 161-З (ред. от 03.01.2024) «О ветеринарной деятельности» и в Указе.

В соответствии Положением, директор Департамента имеет право лишь согласовывать назначение и освобождение от должностей начальников управлений (отделов) ветеринарии комитетов по сельскому хозяйству и продовольствию облисполкомов и аналогичные полномочия имеются в отношении руководителей районных и городских ветеринарных станций, а также вносить представления об их отстранении от работы.

Вместе с тем ни директор Департамента, ни начальники указанных управлений (отделов) не обладают полномочиями проверять организацию работы нижестоящих работы нижестоящих органов государственной ветеринарной службы (областного и районного уровней) с правом давать оценку эффективности их деятельности. Также целесообразно законодательно закрепить за указанными должностными лицами полномочия по принятию мер реагирования дисциплинарного и поощрительного характера в отношении подчиненных им по вопросам ветеринарии ветеринарных врачей (инспекторов) органов государственной ветслужбы.

Например, предлагается за директором Департамента закрепить право выносить предписания, обязательные для рассмотрения председателями облисполкомов и райисполкомов, о наложении дисциплинарных взысканий на главных государственных ветеринарных врачей области и района соответственно, вплоть до освобождения их от занимаемой должности. Также директор может быть наделён аналогичными полномочиями по вынесению обязательных для исполнения предписаний указанным должностным лицам в отношении иных сотрудников ветеринарной службы. Аналогичный подход предлагается использовать при расширении полномочий в отношении главных государственных ветеринарных врачей областей. Кроме уже предусмотренного в подп. 2.2 п. 2 Указа права выносить обязательные предписания об устранении нарушений, предлагается распространить это полномочие и на председателей облисполкомов и райисполкомов.

Целесообразно было бы также закрепить в специальном законодательстве критерии оценки эффективности работы государственной ветеринарной службы. В данном отношении, примечателен опыт других государств, например в Российской Федерации в п.60 Положения (О федеральном государственном ветеринарном контроле (надзоре)) предусмотрен критерий который устанавливает вред, причиненный в результате падежа, вынужденного убоя животных, изъятия животных при ликвидации очага особо опасной болезни животных, снижения продуктивности животных, по отношению к внутреннему валовому продукту (процентов) [2].

Таким образом, представляется, что реализация указанных предложений по изменению законодательства, будет способствовать оптимизации организационно-правового механизма деятельности ветеринарной деятельности, более ответственному отношению государственных ветеринарных врачей, а также повышению оперативности государственной ветеринарной службы.

Библиографический список

1. Об утверждении Положения о Департаменте ветеринарного и продовольственного надзора Министерства сельского хозяйства и продовольствия : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 4 дек. 2019 г. № 833 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 23.10.2024).

2. О федеральном государственном пожарном надзоре : постановление Правительства РФ от 12 апр. 2012 г. № 290 (в ред. от 27 авг. 2025 г.) // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 23.10.2024).

УДК 349.42

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АГРОЭКОТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.С. Демченко

студент 3 курса юридического факультета,
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кузьмич И.П.

В статье рассматриваются актуальные тенденции правового регулирования агроэкотуризма в Республике Беларусь в свете завершения общественного обсуждения проекта Указа Президента Республики Беларусь «О развитии агроэкотуризма». Сделан вывод о формировании более устойчивой и прозрачной правовой среды для развития агроэкотуризма.

Ключевые слова: агроэкотуризм; агроэкоусадьба; централизованный учет субъектов агроэкотуризма; режим льготного кредитования; договор на оказание услуг агроэкотуризма.

Правовое регулирование агроэкотуризма в Республике Беларусь претерпевает важные изменения в связи с вынесением Министерством спорта и туризма летом 2025 г. проекта Указа Президента Республики Беларусь «О развитии агроэкотуризма» (далее – Проект) на общественное обсуждение [1]; впоследствии указанным министерством были подведены итоги общественного обсуждения [2]. В настоящей статье будут рассмотрены основные нововведения, предлагаемые Проектом.

Прежде всего, Проектом утверждается Перечень утративших силу указов, среди которых имеется как Указ Президента Республики Беларусь «О развитии агроэкотуризма» от 4 октября 2022 г. № 351, так и Указ Президента Республики Беларусь «О мерах по развитию агроэкотуризма в Республике Беларусь» от 2 июня 2006 г. № 372, предусматривающий режим льготного кредитования субъектов агроэкотуризма. Данное решение видится обоснованным, так как утвержденное Проектом Положение о порядке осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма (далее – Положение) в п. 17 содержит обновленные нормы, которые в т.ч. направлены на продление льготного кредитования субъектов агроэкотуризма на период 2026–2030 гг. и введение компенсации ОАО «Белагропромбанк» из республиканского бюджета.

Пожалуй, самым дискуссионным новшеством стало исключение из перечня оказываемых субъектами агроэкотуризма услуг спортивно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий, предусмотренных ранее абз. десятым ч. 1 п. 5 Указа № 351. Такое решение можно объяснить стремлением законодателя разграничить сферу агроэкотуризма и сферу спорта, требующую лицензирования и в целом особый правовой режим; при этом Положением сохраняется возможность предоставления инвентаря для спорта и отдыха.

Нормы о заключении договора на оказание услуг в сфере агроэкотуризма также претерпели изменения – такие договоры должны заключаться сторонами в

соответствии с типовыми формами договоров, устанавливаемые Советом Министров.

Важнейшей составляющей Проекта стал налоговый режим. В соответствии с нормами Указа № 351 субъекты агроэкотуризма – физические лица уплачивают фиксированный сбор, заменяющий подоходный налог, причём решение районного исполнительного комитета об осуществлении деятельности было бессрочным, а обязанность ограничивалась ежегодным представлением информации о заключённых договорах в налоговый орган. Проект сохраняет возможность применения сбора, но вводит более жёсткие условия: обязательная уплата налога на профессиональный доход не менее 12 месяцев подряд до подачи заявления, ограничение срока действия решения райисполкома одним годом с правом лишь однократного продления, а также дополнительные основания для отказа или прекращения применения сбора.

Заслуживающей внимание новеллой также является введение централизованного учета субъектов агроэкотуризма, который будет вестись Министерством спорта и туризма. Данные реестра будут открыты и размещены на официальном сайте министерства.

Таким образом, Проект отражает стремление государства выстроить более системную и управляемую модель агроэкотуризма. Так, сохраняются льготные механизмы поддержки и кредитования, что демонстрирует заинтересованность в развитии отрасли, а изменения налогового режима, детализация спектра оказываемых услуг субъектами агроэкотуризма и внедрение централизованного учета показывают желание минимизировать возможные злоупотребления в рассматриваемой сфере.

Библиографический список

1. О развитии агроэкотуризма: проект Указа Президента Респ. Беларусь, 12 июня 2025 г. // Правовой форум Беларуси. URL: https://forumpravo.by (дата обращения: 10.10.2025).

2. Итоги общественного обсуждения проекта Указа Президента Респ. Беларусь «О развитии агроэкотуризма»: сообщение М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь, 23 июня 2025 г. // Правовой форум Беларуси. URL: https://forumpravo.by (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 349.6

РЕКУЛЬТИВАЦИЯ РАДИАЦИОННО ЗАГРЯЗНЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А. С. Зубрилина

студентка 3 курса РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М.Г.Смирнов

Статья посвящена анализу современных подходов к рекультивации радиационно загрязненных земель в Российской Федерации и Республике Беларусь, пострадавших вследствие аварии на Чернобыльской АЭС.

Ключевые слова: рекультивация, радиационное загрязнение, экологическая безопасность, Чернобыльская АЭС, Российская Федерация, Республика Беларусь.

Авария на атомной электростанции (далее АЭС) в Чернобыле в 1986 году стала одной из крупнейших техногенных катастроф в истории человечества, в результате которой 17 европейских стран оказались загрязненными цезием с плотностью выше 1 кюри на квадратный метр [1]. Действий СССР по ликвидации последствий оказалось недостаточно, в этой связи рекультивация радиационно загрязненных земель, особенно для Российской Федерации и Республики Беларусь, является актуальной задачей.

После катастрофы зоны распространения радиации согласно Закону СССР «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы» от 12.05.1991 № 2146-1 были дифференцированы на «зону отчуждения», «зону отселения», «зону проживания с правом отселения и с льготным статусом». Такое разделение определило стратегии и методы восстановления территорий, в зависимости от радиационного уровня.

В Республике Беларусь в зонах отселения, так же как и в РФ, осуществляется контроль радиационного излучения, мониторинг доз облучения населения, мониторинг плотности загрязнения почв радионуклидами, мониторинг радиационной обстановки. Территории загрязнения обладают особым правовым режимом, который обеспечивается единой государственной политикой. В Республике Беларусь последовательно реализовано пять государственных программ по ликвидации последствий катастрофы.

В 1993 году Россия и Беларусь заключили соглашение между правительствами о совместных действиях по минимизации и преодолению последствий Чернобыльской катастрофы, закрепив концептуальные основы взаимодействия и учредив совместный фонд «Чернобыль» для аккумулирования средств (Международное соглашение «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях в 1993 году по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы» от 03 сентября 1993). В 1995 году было заключено схожее соглашение, но с большей конкретизацией, закрепившее принципы содействия в проектировании и строительстве инфраструктуры, взаимного признания документов, подтверждающих статус пострадавших от катастрофы, и координацию действий на международном уровне (Международное соглашение «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о совместных действиях в 1995 году по минимизации и преодолению последствий чернобыльской катастрофы» от 26 июля 1995).

Союзные государства уже реализовали 5 чернобыльских программ, направленных на координацию усилий по защите населения и реабилитацию территорий. Учитывая текущее стратегическое партнерство между России и Беларуси в сфере экологии в рамках взаимодействия Росатома и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь на период 2024–2030 гг., представляется целесообразным создание совместного независимого научно-практического центра по изучению методов восстановления почв, разработки единой системы мониторинга радиационного состояния сельскохозяйственных земель [2]. Основой для функционирования международного межправительственного российско-белорусского научно-практического центра по изучению методов восстановления почв станет тесное сотрудничество, направленное на создание новых технологий и накопления опыта в области нейтрализации радиационного загрязнения земель.

Таким образом, опираясь на 40-летний опыт Чернобыльской катастрофы, представляется возможность создания международной организации по максимально эффективной ликвидации последствий.

Библиографический список

1. Герасимова Н. В. Итоги реализации федеральных программ по преодолению последствий аварии на ЧАЭС // Институт проблем безопасного развития атомной энергетики. URL: https://www.ibrae.ac.ru/russian/chernobyl-3d/bookcase40/sbornik.htm (дата обращения: 10.10.2025).

2. Росатом и Минприроды Республики Беларусь развивают сотрудничество в сфере экологии // Федеральный экологический оператор Росатом. URL: https://rosfeo.ru/press-czentr/novosti-fgup-feo/2024/iyul/rosatom-i-minprirodyi-respubliki-belarus-razvivayut-sotrudnichestvo-v-sfere-ekologii.html (дата обращения: 10.10.2025).

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. К. Кукета

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук М.П. Курилович

В статье обосновывается целесообразность законодательного закрепления проведения общественной экологической экспертизы в качестве этапа государственной экологической экспертизы при сохранении рекомендательного характера ее заключения, но с установлением порядка государственного финансирования участия независимого эксперта.

Ключевые слова: государственная экологическая экспертиза; общественная экологическая экспертиза; независимые эксперты; заинтересованная общественность.

Экологическая экспертиза в Республике Беларусь представляет собой важнейший инструмент государственного регулирования в области охраны окружающей среды, направленный на предупреждение возможных негативных последствий хозяйственной и иной деятельности. В соответствии с действующим законодательством, государственная экологическая экспертиза (далее – ГЭС) является обязательной процедурой для широкого круга объектов, оказывающих воздействие на окружающую среду. В то же время общественная экологическая экспертиза (далее – ОЭЭ) существует как факультативный механизм, инициируемый гражданами и общественными объединениями за счет их собственных средств.

Понятие и порядок проведения ГЭЭ закреплены в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду» и одноименном Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 19 янв. 2017 г. № 47 (ред. от 18.09.2025). Осуществляется ГЭЭ организациями, подчиненными Министерству природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь (далее – Минприроды). Вместе с тем, правовой основой для проведения ОЭЭ выступает ст. 39 Закона Республики Беларусь № 1982-XII от 26 нояб. 1992 г. «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») и Положение о порядке организации и проведения общественной экологической экспертизы, утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 окт.

2010 г. № 1592 (ред. от 12.12.2023). Согласно названным документам, ОЭЭ проводится независимыми группами специалистов за счет собственных средств инициаторов или на общественных началах, а заключения такой экспертизы не имеют обязательного характера.

Сведения, размещенные на официальном сайте Минприроды демонстрируют, что «положительное заключение ГЭЭ не гарантирует достаточного уровня экологической безопасности объекта в случаях, когда нормы экологического законодательства игнорируются в угоду экономической, хозяйственной целесообразности» или если «в ходе самой реализации экологической экспертизы допускаются грубые нарушения экологического законодательства и положений проекта, которые не выявлены соответствующими органами государственного контроля» [1]. В таких ситуациях проведение обязательной ОЭЭ может стать действенным средством предотвращения вреда, причиненного окружающей среде, однако, существуют определенные правовые препятствия, ограничивающие потенциал данного элемента правового механизма охраны окружающей среды и природопользования, среди которых: статус заключения ОЭЭ, источники финансирования ее проведения [2].

Для преодоления имеющихся правовых барьеров, на наш взгляд, ОЭЭ может стать обязательной составляющей процедуры ГЭЭ, при сохранении рекомендательного характера ее заключений. Финансирование работы независимого эксперта должно осуществляться из государственного бюджета/специально создаваемых фондов, что позволит преодолеть финансовые барьеры для участия общественности. Заключение общественного эксперта должно быть доступно для ознакомления заинтересованной общественности.

На основании проведенного исследования предлагается законодательно закрепить обязательное участие независимого общественного эксперта в процедуре ГЭЭ с установлением порядка финансирования его участия из государственного бюджета или специально создаваемых фондов. Соответствующие изменения могут быть внесены в ст. 39 действующего Закона «Об охране окружающей среды» или в главу проекта Экологического кодекса [3], посвященную экологической экспертизе. Данная мера позволит повысить доверие общественности к результатам экологических оценок, обеспечит участие граждан в принятии экологически значимых решений, исключив игнорирование норм экологического законодательства в угоду экономической целесообразности.

Библиографический список

1. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды. URL: https://www.minpriroda.gov.by/special/ru/Public_Reception_FAQ-ru/view/26-chto-takoe-obschestvennaja-ekologicheskaja-ekspertiza-63/ (дата обращения: 28.09.2025).

2. Мороз, О. В. Правовые аспекты организации общественной экологической экспертизы // Право.by. 2019. № 5(61). С. 82–87.

3. Проект Экологического кодекса Республики Беларусь : общественные обсуждения 11-21 сентября 2025г. // Официальный правовой портал. URL: https://forumpravo.by/publichnoe-obsuzhdenie-proektov-npa/forum15/17813 (дата обращения 04.10.2025).

УДК 349.6

СТАТУС ГОРОДСКИХ ЛЕСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. С. Макеев, А. С. Максимушкин

студенты 4 курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Российская Федерация,
Научный руководитель: к.ю.н., доцент Ю.В.Сорокина

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию правового режима городских лесов в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Ключевые слова: городские леса; лесной фонд; управление; правовой режим; полномочия.

Советское природоресурсное законодательство содержало понятие городских лесов в статье 81 Земельный кодекс РСФСР (принят 01 июля 1970 г.), обозначая их как «земли, занятые городскими лесами, в составе земель городов» [1]. Законодательство БССР содержало аналогичные положения. Однако с обретением независимости лесное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь стало развиваться автономно друг от друга, в результате чего образовалось два разных подхода к пониманию городских лесов, значительно отличающихся по правовым последствиям их охраны и защиты.

Лесной кодекс РФ (принят 4 декабря 2012 г.) в статье 116 закрепляет дефиницию городских лесов, под которыми понимаются «леса, расположенные на землях населенных пунктов в пределах одного муниципального образования». Таким образом, российский законодатель выводит эту группу лесов из состава лесного фонда, что также подтверждается положениями земельного законодательства.

Согласно пункту 9 статьи 85 Земельного кодекса РФ (принят 25 октября 2001 г.) земли, на которых произрастают городские леса, относятся к предназначенным для рекреационного использования землям населенных пунктов. В связи с этим определяются особенности пользования и управления ими. Так, согласно пункту 2 статьи 116 ЛК РФ на территории городских лесов запрещено использование токсичных химических препаратов, осуществление охотничьего и сельского хозяйства; разведка и добыча полезных ископаемых; строительство объектов капитального строительства. Управление ими полностью передано органам местного самоуправления, которые, согласно пункту 1.1 статьи 84 ЛК РФ, пункту 20.1 статьи 14 и пункту 26.2 статьи 16 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (принят 16 сентября 2003 г.).

Законодательство Республики Беларусь не содержит дефиницию городских лесов, но согласно пункту 3.1 части 3 статьи 16 Лесного кодекса Республики Беларусь (принят 24 декабря 2015 г.), они отнесены к категории рекреационно-оздоровительных лесов, которые, в свою очередь, входят в состав лесного фонда Беларуси. Таким образом, можно сформулировать определение городских лесов, охватывающее «лесные земли лесного фонда, расположенные в границах городов».

Для обеспечения выполнения рассматриваемыми лесами рекреационных функций белорусский законодатель определил ряд ограничений в хозяйственной деятельности, в частности в таких лесах запрещается «заготовка древесины в порядке проведения рубок главного пользования; заготовка живицы, заготовка второстепенных лесных ресурсов; за-

готовка древесных соков, пастьба скота, заготовка мха, сбор лесной подстилки, размещение ульев и пасек». Управление городскими лесами передано главным образом местным Советам депутатов, исполнительным и распорядительным органам, которые, согласно пункту 2.4 части 2 статьи 13 ЛК Республики Беларусь, «организуют работы по благоустройству, охране и защите рекреационно-оздоровительных лесов».

В итоге можно сделать вывод о том, что в РФ понятие городских лесов закреплено на федеральном уровне, а управление ими передано органам местного самоуправления, а в белорусском законодательстве это понятие не закреплено, однако упомянутые леса входят в лесной фонд, хотя управление ими осуществляется также на местном уровне.

Библиографический список

1. Фалеев Н.И. Лесное право : пособие для лесничих, ученых лесоводов, сел. хозяев. – Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1912. 23. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003798209?page=49&rotate=0&theme=black (дата обращения: 24.09.2025).

УДК 349.6

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ

Е. В. Мелех

студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О.В.Мороз

В статье рассматривается такой элемент стратегической экологической оценки как мониторинг существенных, в том числе связанных со здоровьем населения, экологических последствий. Содержится конкретное предложение по совершенствованию экологического законодательства по данному аспекту.

Ключевые слова: стратегическая экологическая оценка; мониторинг; окружающая среда; стратегии; программы.

В соответствии с национальным законодательством стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО) – определение при разработке проектов государственных, региональных и отраслевых стратегий, программ, градостроительных проектов состояния окружающей среды, возможных воздействий на нее и изменений окружающей среды, которые могут наступить при их реализации. Большинство нормы ее процедуры изложены в Положении о порядке проведения стратегической экологической оценки, требованиях к составу экологического доклада по стратегической экологической оценке, требованиях к специалистам, осуществляющим проведение стратегической экологической оценки (далее – Положение о СЭО), утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2017 г. N 47.

В основные этапы проведения СЭО включаются 1) определение сферы охвата, 2) подготовка экологического доклада по СЭО, 3) его общественные обсуждения, 4) и согласование с Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды. При необходимости проводятся консультации и согласование экологического доклада по СЭО с иными государственными органами. Данный подход не сочетается с Протоколом по стра-

тегической экологической оценке (далее – Протокол по СЭО) к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (принят в Киеве в 2003 г., но Республика Беларусь к нему не присоединилась), предусматривающему более широкий круг ее этапов, включая мониторинг существенных экологических, в том числе связанных со здоровьем населения, последствий осуществления планов и программ.

В научной литературе также указывается на необходимость совершенствования национальной процедуры СЭО, в том числе детализации мониторинга в данной сфере [1, с. 125; 2]. Как видится, проблема в отсутствии надлежащего правового закрепления мониторинга заключается в характере объектов СЭО, имеющих стратегический (программный) характер: проекты государственных, региональных и отраслевых стратегий, программ и градостроительные проекты специального планирования.

Существует точка зрения, что рассматриваемый мониторинг не отражен в национальном законодательстве, так как в Положении о СЭО предусматривается план мониторинга эффективности реализации программы, градостроительного проекта, «однако, каких именно аспектов эффективности он касается не указано» [2, с. 22]. По нашему мнению, исходя из природоохранного контекста Положения о СЭО, имеется ввиду именно мониторинг существенных экологических, в том числе связанных со здоровьем населения, последствий осуществления стратегической (программной) документации.

Для исключения неоднозначного понимания правовой нормы предлагаем закрепить формулировку, используемую в Протоколе по СЭО, но с учетом национальной специфики: мониторинг существенных, в том числе связанных со здоровьем населения, экологических последствий, осуществления проектов государственных, региональных и отраслевых стратегий, программ и градостроительных проектов специального планирования. Во-первых, формулировка отражает национальную специфику объектов СЭО. Во-вторых, учитывает не только природоохранный аспект, но и последствия для здоровья населения. Как и в Протоколе по СЭО, в Положении о СЭО содержится положение, касающееся необходимости учета рисков для здоровья человека при проведении СЭО.

Библиографический список

1. Лаевская, Е. В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки: международный и зарубежный опыт, состояние и перспективы развития в Республике Беларусь : [монография] / Е. В. Лаевская ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 172 с.

2. Обзор и анализ законодательства Республики Беларусь в сфере экологической экспертизы, стратегической экологической оценки и оценки воздействия на окружающую среду с точки зрения его соответствия Конвенции Эспо и Протоколу по СЭО / Д. Скрыльников, О.В. Мороз. – 2021. – С.1 –34. // ЕЭК ООН. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-10/EU4Environment%20%282021%29%2C%20Review%20EIA_SEA%20Belarus_RUS.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ «ЗЕЛЕНОГО» СТРОИТЕЛЬСТВА

А. И. Циуньчык

студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В.Е.Лизгаро

В статье анализируются особенности правового закрепления понятия «зеленое» строительство в Республике Беларусь, исследуются нормативные правовые акты различного содержания, а также научные работы с целью установления особенностей правовой дефиниции «зеленое» строительство.

Ключевые слова: нормативные правовые акты; правовая охрана окружающей среды; законодательство в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности; «зеленое» строительство.

Большой интерес для исследования термина «зеленое» строительство составляет тот факт, что непосредственное закрепление он получил в 2021 году, однако первые упоминания в нормативных правовых актах были намного раньше. Об этом свидетельствует следующий анализ:

1. В п. 4 Пост. Совета Министров Белорусской ССР от 16 октября 1973 г. № 327 «Об организации Белорусского института по проектированию капитального ремонта и реконструкции объектов жилищно-гражданского назначения (Белжилпроект) Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР», была упомянута «разработка комплексных проектов на строительство и реконструкцию объектов благоустройства, зеленого строительства», хотя при этом документ не определял, что относится к таким объектам.

2. Пост. Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 29 сентября 2003 г. № 110 «Об утверждении выпуска 63 Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих (ЕТКС)» использует термин «рабочий зеленого строительства» разных разрядов, и это уникально, так как самого термина «зеленого» строительства на тот момент официально утверждено еще не было.

3. Пост. Совета Министров Белорусской ССР от 12 июля 1988 г. № 181 «О создании Института по проектированию объектов жилищно-гражданского назначения Гомельского горисполкома», Программа реконструкции объектов центрального ботанического сада национальной академии наук Беларуси на 2007 – 2013 гг. (утв. Пост. Совета Министров Республики Беларусь от 13 февраля 2003 г. № 171), п.2.2 ч. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2014 г. № 456 «О реализации инвестиционного проекта «Экспериментальный многофункциональный комплекс «Минск-Мир» и в некоторых других правовых актах также упоминалось «зеленое» строительство, но его определение или хотя бы характерные черты не были раскрыты.

«Зеленое» строительство до его закрепления «в законе» использовалось и в науке [1-3]. Авторы, как правило, сходятся в одном: новый вид строительства представляет собой инновационный метод, основанный на ресурсосбережении, эффективном и устойчивом использовании природных ресурсов, что способствует снижению негативного воздействия на окружающую среду и здоровье населения.

Непосредственное закрепление термин «зеленое» строительство нашел в гл. 2 Национального плана по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь на 2021-2025 гг. (утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 декабря 2021 г. № 710), под которым понимается ресурсосберегающий метод

строительства, при котором создаются здания, оказывающие меньшее воздействие на окружающую среду и требующие меньших эксплуатационных затрат. Немного ранее, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 гг. (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292), указывалось, что в рамках создания комфортной и безопасной среды проживания получит развитие «зеленое» строительство, основанное на расширенном использовании экологичных материалов, в том числе конструкций из древесины, и строительство ландшафтно-рекреационных объектов.

Таким образом, понятие «зеленое» строительство хоть и нашло своё отражение в соответствующем документе, однако его упоминание в правовых актах и использование в науке началось задолго до этого, создавая предпосылки для его формирования и законодательного закрепления.

Библиографический список

1. Титок В. В. Научное обеспечение зеленого строительства / В. В. Титок, И. К. Володько // Наука и инновации. – 2016. – № 5. – С. 4–6.

2. Максимович С. В. «Зелёное» строительство Беларуси: направления и перспективы развития / С. В. Максимович // Экология: вчера, сегодня, завтра : материалы Всеросс. научн.-практ. конф., Грозный, 30 окт. 2019 г. – Махачкала : АЛЕФ, 2019. – С. 289-293.

3. Гринчук, И. С. "Зеленое строительство" как один из важнейших аспектов устойчивого развития / И. С. Гринчук, Н. Г. Синяк // Труды БГТУ. – №7. – Экономика и управление, 2014. – С. 201– 204.

СЕКЦИЯ XIV.
УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ

К. Ю. Автухова

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М. Г. Головенчик

В исследовании анализируются вопросы дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией. Обосновывается важность адаптации норм национального уголовного закона для повышения общественной безопасности в условиях использования информационных технологий.

Ключевые слова: Интернет; уголовный закон; публичная демонстрация; обстоятельства, отягчающие ответственность; общественная безопасность.

Усовершенствование информационно-коммуникационных систем и рост масштабов обрабатываемых данных обусловили обязательность применения глобальной сети Интернет для поддержания социальных связей. Но цифровизация, при всех достоинствах, сопряжена с рисками, среди которых важную роль играют угрозы криминального характера.

Практически все государства мира вынуждены противостоять преступности в информационной среде. Это может проявляться во внедрении технологий информационной безопасности, изменении структуры правоохранительных органов и разработке комплексной правовой системы, регулирующей оборот информации. Важной частью данной системы являются меры уголовной ответственности за противоправное использование информационных технологий [1, с. 28].

По статистическим данным на 2024 г., в Российской Федерации и Республике Беларусь удельный вес населения, использующего глобальную сеть Интернет примерно одинаков: около 94 % граждан в Беларуси и 90 % в России. В других странах СНГ показатели также схожи: 92 % в Казахстане, в Узбекистане – 83 %, а в Азербайджане – 88 % [2].

Федеральным законом Российской Федерации от 8 августа 2024 г. №а218-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены изменения и дополнения. В частности, ч. 1 ст. 63 была дополнена п. «т», согласно которому отягчающим обстоятельством признаётся совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») [3].

Следует отметить, что аналогичной нормы нет в уголовных кодексах других стран СНГ, поэтому вопрос адаптации уголовного законодательства к данным условиям является научно значимым.

В условиях роста преступности в цифровой среде дифференциация уголовной ответственности по признаку использования сети Интернет становится скорее необходимостью, чем трендом. Преступления с публичной демонстрацией представляют собой серьезную угрозу не только для отдельных лиц, но и для общества в целом. Публичная демонстрация может проявляться в различных формах, включая треш-стримы, провокационные видео, а также онлайн-акции. Негативные последствия таких действий могут привести к повышению уровня агрессии в обществе, подрыву общественного порядка и безопасности, а также повлиять на психическое состояние зрителей, в особенности молодёжи [4, с. 130].

Разделяем позицию М. А. Дубко, что при решении вопроса о признании данного обстоятельства в качестве квалифицирующего признака состава преступления необходимо осуществить прогнозный и криминологический анализ, а также проверку на соответствие научным критериям дифференциации. Иначе возможны ошибки квалификации и нарушение принципа справедливости. Дифференциация уголовной ответственности требует особой взвешенности. [5, с. 111].

Исходя из изложенного выше, представляется возможным рассматривать совершение преступления с его публичной демонстрацией в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность, что потребует внесение соответствующих дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь. Данная мера будет способствовать дифференциации ответственности с учетом общественной опасности совершаемых деяний, повышению общественной безопасности, что представляется важным для борьбы с преступностью, особенно в эпоху цифровых технологий и социальных сетей.

Библиографический список

1. Соловьев, В. С. Криминализация деяний, совершаемых с использованием сети Интернет: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь / В. С. Соловьев // Вестник Могилевского института МВД. – 2020. – № 2. – С. 28–34.

2. Digital 2024. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report (дата обращения: 01.10.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 1 сент. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 29.09.2025).

4. Уторова, Т. Н. Использование информационно-телекоммуникационных сетей в преступной деятельности: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики / Т. Н. Уторова, Я. Р. Кротов, М. М. Павлов // Lex Criminalis Scientiarum. – 2024. – Т. 1, № 2 (2). – С. 128–134.

5. Дубко, М. А. Дифференциация уголовной ответственности по признаку использования сети Интернет при совершении преступления: тренд или необходимость / М. А. Дубко // Право.by. – 2025. – № 1 (93). – С. 108–116.

УДК 343.2/.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, НЕ ЯВЛЯЮЩИХСЯ СОУЧАСТНИКАМИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

М. И. Агейчик

учащаяся 3 курса
Юридического колледжа Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: преподаватель первой квалификационной категории
Ю. М. Щёчина

Анализируется вопрос ответственности лиц, совершающих преступления по заданию преступной организации, обосновывается необходимость закрепления их ответственности в ст. 285 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Обосновывается необходимость привлечения к уголовной ответственности близких за недонесение о готовящихся особо тяжких преступлениях.

Ключевые слова: преступная организация; ответственность участника преступной организации; ответственность лица, не являющегося участником преступной организации; недонесение о преступлении; ответственность близких родственников и членов семьи за недонесение о преступлении.

Преступная организация является наиболее опасной формой соучастия и представляет собой объединение организованных групп либо их организаторов (руководителей), иных участников для разработки или реализации мер по осуществлению преступной деятельности либо созданию условий для ее поддержания и развития.

В соответствии с ч. 3 ст. 19 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее - УК) преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершалось участником такой организации во исполнение ее преступных целей либо лицом, не являющимся участником данной организации, по ее заданию. Ответственность участников преступной организации предусмотрена ст. 285 УК. Ответственность лица, не являющегося участником данной организации, но совершающего преступление по ее заданию в УК не предусмотрена.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2003 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» (в ред. постановления от 27 марта 2025 г. № 1) квалификация действий лица, не входящего в состав преступной организации, но совершающего преступление по ее заданию, будет по ч.2 ст. 285 УК.

Следовательно, можно сделать вывод, что лицо, не входящее в состав преступной организации, но совершающее преступление по ее заданию несет такую же ответственность, как и участники преступной организации. Исходя из этого, такое лицо целесообразно признать участником преступной организации и закрепить его ответственность в ч.2 ст. 285 УК.

Согласно примечанию к ст. 406 УК члены семьи и близкие родственники лица, совершившего преступление, не подлежат уголовной ответственности за недонесение о преступлении. Согласно ст. 27 Конституции Республики Беларусь никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников.

Но также согласно ст. 2 Конституции Республики Беларусь человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Также ст. 24 Конституции Республики Беларусь закрепляется право каждого на жизнь. Недонесение о готовящемся особо тяжком преступлении исключает реальную возможность предотвратить общественно опасные последствия его совершения, что является фактором повышения уровня преступности.

В данном случае имеются основания для отхода от положений ст. 27 Конституции Республики Беларусь. Целесообразным будет закрепление в Уголовном кодексе положений об «ответственности близких родственников и членов семьи за несообщение об особо тяжких преступлениях, влекущих или повлекших гибель людей» [2, с. 51].

Библиографический список

1. Лосев, В.В. Преступная организация как форма соучастия в уголовном праве // ИПС ilex [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/home.

2. Василевич, Г.А. «Уголовная ответственность членов семьи (близких родственников) преступника в контексте соотношения закона и нравственности» //Журнал российского права, 2021, №12 с.47-52 - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-chlenov-semi-blizkih-rodstvennikov-prestupnika-v-kontekste-sootnosheniya-zakona-i- nravstvennosti?ysclid=mg8zjbbzzo772853376.

3. Мороз, Д.Г. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь общая часть раздел II основания и условия уголовной ответственности глава 3. Преступное деяние (статьи 10 - 20) //ИПС ilex [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/home.

4. Марчук, В.В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь особенная часть раздел XIII преступления против государства и порядка осуществления власти и управления глава 34. Преступления против правосудия (статьи 388 - 423) //ИПС ilex [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://ilex-private.ilex.by/home.

УДК 343.2

К ВОПРОСУ О НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

А. О. Азаренко

студентка 4 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Реутская

Исходя из современного состояния и тенденций наркопреступности, автором обосновывается необходимость совершенствования действующего уголовного законодательства. При этом проблемным полем выступает способ совершения преступлений, а именно – использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: наркопреступления; наркотические средства; информационно-телекоммуникационные сети; сеть Интернет; наркотики.

В современную эпоху глобальной цифровизации происходит трансформация традиционных форм преступной деятельности. Одной из наиболее социально опасных сфер, подвергшихся кардинальной модернизации, является сфера незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Использование информационно-телекоммуникационных сетей, в особенности сети Интернет, создало принципиально новую парадигму организации наркопреступности. Так за прошлый год, исходя из материалов сотрудников аналитической разведки, пресечена деятельность 24 интернет-магазинов, размещавшихся в теневом сегменте сети Интернет и занимавшихся сбытом наркотиков. В ходе реализации информации, полученной сотрудниками аналитической разведки, возбуждено 859 уголовных дел в отношении 767 лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков с использованием различных веб-ресурсов [1]. Доступ к наркотикам стал гораздо проще, пользователи компьютеров и современных гаджетов, которые имеют доступ в сеть Интернет, приобретают самые различные виды наркотических средств и их аналогов, не имея при этом специальных знаний и связей в преступной среде [2, с. 751]. При этом функцию распространителей выполняют как совершеннолетние граждане, так и подростки. По последним статистическим данным прослеживается, что возраст совершения наркопреступлений значительно снизился [3, с. 20]. Так, за первое полугодие 2025 года количество несовершеннолетних, осужденных за преступления, связанные с незаконными действиями в отношении наркотиков, увеличилось на 13,9% [4].

Перейдя к анализу отечественного законодательства, устанавливающего ответственность за наркопреступления, можно заметить, что в действующей редакции ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) законодателем не выделяется такой способ совершения противоправного деяния, как «использование информационно-телекоммуникационных сетей», в качестве квалифицирующего признака. Введение обозначенного признака позволит дифференцировать ответственность, а также учесть возросшую общественную опасность наркопреступлений, что было отражено и в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда: «незаконный сбыт наркотических средств… следует считать оконченным с момента … сообщения информации о месте их нахождения при реальной возможности приобретателя распорядиться ими.».

Таким образом, на основании проведенного исследования, предлагается усовершенствовать содержание ч. 3 ст. 328 УК, путем введения квалифицирующего признака: *«с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)»*. Следовательно, в целях формирования единообразной судебной практики и исключения ошибок при квалификации действий виновного лица, необходимо внести в соответствующее постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь положение, закрепляющее определение понятия «использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)», как способа совершения преступления.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что предлагаемые изменения являются необходимой мерой по адаптации уголовного законодательства Республики Беларусь к вызовам «цифровой эпохи» и повышению эффективности борьбы с организованной наркопреступностью.

Библиографический список

1. Обзор ситуации в сфере незаконного оборота наркотиков. – URL:https://aor.gov.by/ru/actual-ru/view/obzor-situatsii-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkotikov-1-oe-polugodie-2024-g-40941-2024/ (дата обращения: 21.09.2025).

2. Исаева, Л. А. Участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств / Л. А. Исаева // Аллея науки. – 2018. – № 11. – С. 750-753.

3. Шачанина, Т. А. Незаконный оборот наркотических средств и их аналогов с использованием компьютерных технологий (сети интернет) / Т. А. Шачанина // Вестн. межд. науч. конференций. – 2023. – № 1. – С. 19-22.

4. Статистика за 1 полугодие 2025 года об осужденных несовершеннолетних. – URL:https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/091569db74014355.html (дата обращения: 21.09.2025).

УДК 343.3

О ВЛИЯНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА НАЦИОНАЛЬНО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. О. Балбатовский

курсант 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А.Реутская

В данной работе рассматриваются актуальные вопросы, связанные с правовым регулированием отношений по противодействию экстремизму, а также влияние норм международного права на национальное законодательство Республики Беларусь по вопросам борьбы с экстремизмом.

Ключевые слова: экстремизм; противодействие; национальная безопасность.

На сегодняшний день одной из угроз, наносящей ущерб национальной безопасности Республики Беларусь и осложняющей социально-политическую обстановку в стране, являются проявления экстремизма. Поэтому необходимость выработки мер противодействия экстремизму и понимания его сущности являются актуальными направлениями, обсуждаемыми в научном сообществе.

Следует отметить, что в действующем законодательстве Республики Беларусь нет четкого закрепления определения экстремизма, следовательно, единообразия для квалификации деяний субъектов данной группы правоотношений. Как справедливо отмечает Варихов С.В., ни в одном из международных нормативных правовых актов не содержится понятия и четкого выделения признаков экстре-

мизма и его видов. Их детальное изучение показало, что единого правового понятия «экстремизм» не существует, а потому этот вопрос является открытым для изучения и вызывает споры у многих исследователей [1, с. 85].

Первыми шагами в урегулировании данного вопроса стало принятие на международном уровне Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Так в ст. 1 Закона было дано определение «экстремизма», под которым понимается идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий. Несмотря на то, что Республика Беларусь не является страной, ратифицировавшей данную конвенцию, ее положения в дальнейшем легли в основу разработки национального законодательства, направленного на регулирование отношений в сфере экстремизма.

Республика Беларусь, являясь членом Содружества независимых государств, также принимает активное участие в разработке и реализации положений актов данной организации. Так, например, борьба с экстремизмом находит свое отражение в Программе сотрудничества государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2011-2013 годы от 10 декабря 2010 года.

Одним из документов, обеспечивающих международную стратегию противодействия экстремизму, выступает Концепция правовой политики Республики Беларусь, принятая Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 года № 196, в п. 37 которой указывается, что фундаментом противодействия экстремизму является консолидация общества через соответствующее формирование правосознание.

Соответствующее положение находит свое место в таком нормативном правовом акте, как Закон «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. № 203-З, по которому под экстремизмом (экстремистской деятельностью) признается деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства (далее, если не указано иное, – граждане) либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность путем различных способов.

Подводя итог, можно с уверенность сказать, что в настоящее время ведется активная и планомерная работа в целях противодействия данному негативному явлению. При всей разобщенности позиций по поводу экстремизма в Республике Беларусь сформирована система правовых актов, а также принимаются меры противодействия экстремизму для обеспечения поддержания национальной безопасности страны.

Библиографический список

1. Варихов, С. В. Противодействие экстремизму и его отражение в национальном законодательстве / С. В. Варихов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь, Минск, 2013 год. – : Академия МВД Республики Беларусь, 2013. – С. 84-88.

УДК 343

ХАРАКТЕРИСТИКА СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В КОНКУРЕНЦИИ НОРМ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ И ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ

К. Э. Баранкевич, А. Ю. Коготько

студентки 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

В статье анализируется характеристика специального субъекта в преступлениях против правосудия и интересов службы в уголовном праве Беларуси. Рассматриваются проблемы разграничения и конкуренции уголовно-правовых норм при квалификации деяний должностных лиц органов правосудия, а также критерии отнесения к специальным субъектам и вопросы квалификации соучастия в таких преступлениях.

Ключевые слова: специальный субъект, преступления против правосудия, преступления против интересов службы, должностное лицо, конкуренция норм, квалификация преступлений.

Особенности специального субъекта преступления являются ключевым вопросом современного уголовного права, влияющим на правовую доктрину и практику. Статистика показывает, что в уголовных кодексах разных стран доля преступлений, предполагающих специальных субъектов, составляет 40–73%.

В теории под специальным субъектом понимается физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, которое, наряду со всеми общими признаками, необходимыми для любого субъекта преступления, обладает дополнительными юридическими признаками. Эти дополнительные признаки, как отмечал Н. А. Бабий, являются факультативными для системы Уголовного кодекса в целом, но становятся обязательными для конкретного состава преступления, настолько «врастая» в преступление, что его невозможно ни изъять, ни заменить.

Наличие специального субъекта повышает меру общественной опасности деяния и обосновывает ужесточение ответственности либо расширение круга наказаний, включая уголовные, дисциплинарные и административные последствия. Для должностных и процессуальных субъектов характерно сочетание уголовных санкций с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью.

Ключевым признаком специального субъекта в данной категории преступлений является связь с отправлением правосудия или обеспечением такой деятельности. Всех специальных субъектов в этой сфере можно разделить на две большие группы:

1. Лица, осуществляющие правосудие или предварительное расследование ("изнутри"):

– Судьи, прокуроры, следователи, дознаватели. Именно они чаще всего являются субъектами таких преступлений, как вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 392 УК), привлечение заведомо невиновного (ст. 393 УК) или фальсификация доказательств (ст. 395 УК).

– Иные должностные лица, нарушающие порядок исполнения судебных актов (ст. 423 УК).

2. Лица, содействующие правосудию или противодействующие ему ("извне"):

– Участники судопроизводства: свидетель, потерпевший, эксперт, переводчик, специалист. Они несут ответственность, например, за заведомо ложные показания или отказ от их дачи (ст. 401, 402 УК).

– Лица, подвергнутые правовому принуждению: осужденные, лица, содержащиеся под стражей, а также лица, за которыми установлен превентивный надзор. Они являются субъектами таких преступлений, как побег или уклонение от отбывания наказания (ст. 413–422 УК).

Ключевым признаком специального субъекта здесь является наличие властных или организационно-распорядительных полномочий, воплощаемых в понятии «должностное лицо» (ч. 4 ст. 4 УК). Данное понятие в нашем уголовном праве является комплексным. Отдельно выделяется категория «должностные лица, занимающие ответственное положение» (ч. 5 ст. 4 УК).

Из этого вытекает проблема конкуренции между преступлениями против правосудия и преступлениями против интересов службы, поскольку деяния должностных лиц органов правосудия одновременно может содержать признаки обоих видов преступлений. Например, заведомо незаконное задержание может подпадать под ст. 397 УК (преступление против правосудия) и одновременно под общие нормы о злоупотреблении властью или служебными полномочиями. В данном случае будет использоваться специальная норма, а именно ст. 397, где санкция значительно мягче, что вызывает соответствующие вопросы.

Дифференциация субъектов проявляется в коррупционных составах, что демонстрирует специфику понимания «служебных полномочий». Например, по Уголовному кодексу Республики Беларусь субъектом получения взятки (ст. 430) может быть только должностное лицо. Взятка даётся за действия (или бездействие), входящие в служебные полномочия лица, либо за содействие благодаря авторитету или положению.

В белорусской практике мало информации о взяточничестве специальных субъектов, поэтому рассмотрим пример из судебной практики Российской Федерации. Судья Зорин К.С. был признан виновным в получении взятки в размере 150 000 рублей (ч. 5 ст. 290 УК РФ) за незаконный отказ вынести решение о выселении взяткодателя. Он был приговорён к 3 годам лишения свободы с лишением права занимать государственные должности на 3 года.

Термин «должностное лицо» контекстуален; его установление требует анализа не только формальной должности, но и характера действий. Квалификация по ст. 430 УК требует доказательств, что вознаграждение передано именно за использование служебных полномочий (например, решение об освобождении от ответственности). Если же это «благодарность» без ожидания выгоды, квалификация будет иной.

Наличие специального субъекта влияет и на квалификацию соучастия. Исполнитель преступления со специальным субъектом должен обладать специальными признаками. Однако лица, не являющиеся специальными субъектами, могут быть привлечены как организаторы, подстрекатели или пособники.

Например, бывший сотрудник правоохранительных органов, не имеющий статуса должностного лица, организовал схему, по которой действующий следователь за вознаграждение фальсифицировал доказательства. Бывший сотрудник находил «клиентов», передавал деньги и инструкции. Возникает вопрос: как квалифицировать действия организатора, не являющегося специальным субъектом?

В доктрине нет единого подхода. И.О. Грунтов, ссылаясь на ч. 9 ст. 16 УК РБ, допускает соисполнительство лица без признаков специального субъекта, если преступление совершено организованной группой. П.В. Никонов считает, что такое лицо не может быть соисполнителем, а его действия следует квалифицировать как пособничество или организацию. Представляется, что позиция Никонова более соответствует принципу субъективного вменения, поскольку лицо без специальных признаков не может исполнить преступление, требующее таких признаков.

УДК 343.97

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ЗАВИСИМОГО ПРЕСТУПНИКОВ

П. С. Баранникова

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Д.А. Плетенёва

Исследование посвящено анализу основных черт, характеризующих психологический портрет различных типов зависимого преступника.

Ключевые слова: зависимый преступник; психологический портрет; пироман; сталкер; серийный убийца.

При изучении психологического портрета зависимого преступника важно затрагивать не все действия лица после совершения преступления (нельзя исключать важность посткризисного поведения), а факторы, предшествующие этому, в особенности аспекты, влияющие на формирование личности: семья, окружение, образование, увлечения, личные качества. Такой подход позволяет максимально эффективно реализовывать профилактику криминализации личности, в частности, личности зависимого преступника.

Зависимый преступник – лицо, испытывающее необъяснимую тягу к совершению преступления конкретного вида, например, пироманы, сталкеры, серийные убийцы.

Так, например, пиромания – это – патологическая тяга к совершению поджогов. Человек с плохо развитыми навыками социального взаимодействия, разжигая пламя, выпускает свой гнев, демонстрирует храбрость и силу, которую без поджога выразить не может. Несмотря на импульсивность, пироманы осознают свои действия, однако объясняют это невозможностью снятия накопленного напряжения и тревоги иным образом. На возникновение пиромании могут влиять как биологические, так и психологические факторы: нарушения в эмоциональной сфере (невозможность выражать негативные эмоции). Это объясняется методами воспитания: суровость и авторитарность, буллинг и неумение себя защитить, отсутствие любви и поддержки от родителей. По статистике мужчины подвергнуты пиромании чаще, чем женщины. Во многом это связано с тем, что именно мальчики в детстве часто слышат всевозможные фразы, которые запрещают им проявлять свои эмоции.

В свою очередь психологический портрет сталкера включает: навязчивые мысли, желание следить за человеком, эмоциональную нестабильность (низкая самооценка или нарциссизм, страх одиночества, чувство превосходства и желание контроля над личностью). Сталкеры чаще всего живут в иллюзии, что они должны быть рядом с жертвой или, наоборот, причинить ей вред. Для данного типа преступника ключевым фактором возникновения зависимости является отсутствие эмпатии или ее искажение.

Исследование криминологических черт серийных убийц позволяет отметить их противоречивость, поскольку ими могут быть как прилежные семьянины, так и маргинальные личности. Первые разделяют свою жизнь на «ячейки», где в одной они живут свою обычную жизнь, а в другой – убивают. Им крайне важно поддерживать имидж «хорошего человека», что дает им возможность чувствовать превосходство. Вторые, наоборот, критически антисоциальны. Серийные убийцы выбирают определенный мотив. На этот счет есть исключения: в криминологической теории серийных убийц делят на организованных и дезорганизованных. Если организованные совершают свои преступления, тщательно их планируя: выбирают по определенным параметрам жертву и идут к определенной «цели», то дезорганизованные преступники совершают свои преступления спонтанно, когда у преступника срабатывает триггер. Критическим моментом становления лица, как серийного преступника, становится травма, которая в сочетании с детством, где было только насилие и жестокость, а также отсутствие эмпатии, создает определенные фантазии, где он меняет свою роль на того, кто может себя защитить перед обидчиком. Фантазии становятся детальнее и навязчивее. Нельзя сказать, что на этом этапе он становится убийцей, но, если в будущем происходит событие, которое окончательно ломает хрупкую психологическую защиту – это становится разрешением воспроизвести мечту в реальность.

Криминологические исследования показывают, что не всегда при формировании личности зависимого преступника происходит инверсия ролей, однако, когда вся совокупность факторов сходится в одной точке, риски возрастают.

Таким образом, при изучении психологического портрета зависимого преступника необходимо акцентировать внимание не только на биологические фак-

торы, но и на механизмы психологической защиты, которые формируются в детстве. Главная роль в становлении отводится семье. Осознавая это, проблема зависимой преступности будет разрешаться не через следствие (сами преступления), а через то, что на самом деле оказывает влияние.

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕЗАКОННОМУ ПРОИЗВОДСТВУ АБОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Э. А. Батина

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. И. Козелецкая

Уголовно-правовая охрана здоровья женщин является важнейшим элементом государственной политики в сфере здравоохранения, а преступления, связанные с незаконным прерыванием беременности, относятся к категории деяний, посягающих на человека, его жизнь и здоровье.

Ключевые слова: аборт, эволюция уголовного законодательства, сравнительный анализ, сроки искусственного прерывания беременности, право женщины на исусственное прерывание беременности.

Законодательство Республики Беларусь демонстрирует умеренную позицию, основанную на принципе, согласно которому право эмбриона на жизнь находится в прямой зависимости от уровня развития или достижения состояния жизнеспособности. Данный подход предполагает комплексный анализ биологических и этических аспектов, связанных с определением момента, когда эмбрион приобретает статус субъекта, обладающего правом на жизнь.

Эволюция уголовного законодательства постсоветских государств демонстрирует различие в подходах к установлению пределов уголовной ответственности за незаконное производство аборта. Наиболее показателен в этом контексте сравнительный анализ уголовного законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, позволяющий выявить ключевые тенденции и подходы к регулированию общественных отношений в данной сфере, а также оценить их применимость и целесообразность в контексте правовой системы Республики Беларусь.

Сравнительный анализ законодательства указанных стран в сфере регулирования искусственного прерывания беременности (аборта) выявляет различия в подходах к реализации данного права женщин. Так, Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-XII "О здравоохранении" устанавливает возможность проведения искусственного прерывания беременности по желанию женщины на сроке до 12 недель после консультации с врачом и при наличии письменного согласия законного представителя в случае несовершеннолетия пациентки. В случае

медицинских показаний аборт проводится независимо от срока беременности в государственных медицинских учреждениях. Социальные показания для аборта на сроке до 22 недель также допускаются, при этом перечень таких показаний определяется Советом Министров Республики Беларусь. В настоящее время перечень социальных показаний включает два основания: наступление беременности в результате изнасилования и наличие судебного решения о лишении родительских прав.Федеральный закон Российской Федерации от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в редакции от 23.07.2025) "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" также гарантирует право женщины на искусственное прерывание беременности. В соответствии с этим законом, аборт может быть проведен по желанию женщины на сроке до 12 недель, по медицинским показаниям – независимо от срока беременности, и по социальным показаниям – на сроке до 22 недель. Однако социальные показания для аборта в Российской Федерации определяются Правительством Российской Федерации и на данный момент включают только одно основание – наступление беременности в результате изнасилования.

Таким образом, анализ законодательства показывает, что право женщины на искусственное прерывание беременности по социальным показаниям в Республике Беларусь является более широким по сравнению с Российской Федерацией. В Беларуси социальные показания включают не только изнасилование, но и лишение родительских прав, что позволяет более гибко подходить к решению вопроса в сложных социальных ситуациях.

Уголовные кодексы (далее – УК) Республики Беларусь и Российской Федерации содержат статью о незаконном производстве аборта. В соответствии со ст. 123 УК РФ уголовно наказуемым является проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Тем самым законодатель ограничил сферу уголовно-правового воздействия случаями, когда аборт осуществляется вне рамок профессиональной медицинской деятельности. Уголовная ответственность наступает также в случаях, когда такие действия по неосторожности повлекли смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью. Таким образом, норма направлена преимущественно на пресечение нелегальной, немедицинской практики, представляющей прямую угрозу жизни женщины. Иной подход реализован в ст. 156 УК Республики Беларусь, которая предусматривает два самостоятельных состава преступления. Во-первых, уголовной ответственности подлежит лицо, имеющее высшее образование по направлению «Здравоохранение»**,** если оно производит аборт с нарушением установленного порядка. Во-вторых, ответственность несет и лицо, не имеющее медицинского образования, если оно незаконно производит аборт. Часть третья статьи предусматривает квалифицированный состав – причинение по неосторожности смерти женщины либо тяжкого телесного повреждения. Белорусская конструкция состава преступления отличается большей полнотой и комплексностью. Законодатель охватывает не только случаи кустарного вмешательства, но и деяния, совершаемые медицинскими работниками с профессиональной подготовкой, если они нарушили условия или порядок проведения аборта, установленные медицинскими нормативами. Это отражает идею усиленного государ-

ственного контроля за безопасностью медицинских процедур и реализует принцип приоритета охраны здоровья граждан, закрепленный в ст. 45 Конституции Республики Беларусь. Российский законодатель, напротив, ограничился криминализацией действий лиц, не обладающих профессиональной квалификацией. При этом нарушения порядкапроведения аборта медицинскими специалистами отнесены преимущественно к сфере дисциплинарной, административной или гражданско-правовой ответственности. Данный подход основан на идее дифференциации ответственности и сокращения сферы уголовно-правового вмешательства в профессиональную деятельность медиков.

Эффективность уголовно-правовых норм традиционно соотносится с частотой их применения на практике. Обращаясь к официальным данным статистики, как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации, за последние годы не было случаев осуждения по статьям о незаконном производстве аборта. Вместе с тем отсутствие осужденных по статьям, устанавливающим ответственность за незаконное проведение аборта, в Республике Беларусь и Российской Федерации не может рассматриваться как основание для их исключения из уголовного законодательства. Напротив, данный факт свидетельствует о превентивном воздействии соответствующих норм. Их наличие в уголовном законе выполняет одну из ключевых функций уголовного права – предупредительную, направленную на недопущение противоправного вмешательства в сферу охраны жизни и здоровья женщины.

Таким образом, сохранение подобных положений в УК обеих стран является не только целесообразным, но и обоснованным с точки зрения обеспечения устойчивости правового регулирования и поддержания высокого уровня гарантий защиты личных и общественных интересов.

Однако данные судебной статистики Российской Федерации по административным правонарушениям свидетельствуют о наличии случаев привлечения к ответственности за нарушения, предусмотренные гл. 6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, включая ст. 6.32, которая регулирует вопросы нарушения требований законодательства в сфере охраны здоровья при проведении искусственного прерывания беременности. Этот факт подтверждает, что отдельные нарушения в данной сфере все же имеют место, хотя и не достигают степени общественной опасности, достаточной для квалификации в рамках уголовного закона.

Административная практика демонстрирует, что установленные меры воздействия эффективно выполняют профилактическую функцию, препятствуя переходу таких деяний в плоскость уголовно наказуемых.

Проведенный сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере регулирования искусственного прерывания беременности и ответственности за его незаконное производство позволяет сделать ряд значимых выводов. Белорусское законодательство демонстрирует более строгий подход к уголовной ответственности, сохраняя криминализацию широкого спектра нарушений, тогда как российская правовая система движется в сторону либерализации, ограничивая уголовную ответственность лишь наиболее тяжкими случаями. Несмотря на существующие различия в нормативно-правовых

подходах к регулированию вопросов, связанных с искусственным прерыванием беременности, оба государства демонстрируют приверженность признанию права женщины на аборт, стремясь обеспечить его реализацию в рамкахустановленных норм. В этом контексте особое внимание уделяется защите здоровья и жизни женщин от незаконных посягательств, что подтверждается отсутствием судебных решений по уголовным делам, связанным с незаконным производством абортов. Данный факт свидетельствует о высокой превентивной эффективности существующих законодательных мер. Однако, несмотря на это, наличие административных дел по аналогичным вопросам в России указывает на сохранение актуальности проблемы, требующей дальнейшего изучения и разработки эффективных механизмов контроля и профилактики.

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПРОПАГАНДЕ И РЕКЛАМЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В. Н. Бондарь

студентки 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: старший преподаватель И. В. Шепелев

В статье рассматриваются актуальные вопросы о пропаганде и рекламе наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в сети Интернет. Рассматриваются особенности противоправных действий, пробелы в законодательстве.

Ключевые слова: пропаганда; склонение; реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов в сети Интернет.

Пропагандой наркотических средств и психотропных веществ считается распространение информации о способах их изготовления, употребления, приобретения, размещение сведений о способах использования, производства, выращивания наркосодержащих растений, а также нанесение интернет-адресов сайтов, содержащих информацию об их продаже, на стены зданий и домов.

Пропаганда и реклама наркотиков в Интернете может квалифицироваться как склонение к употреблению, если содержит признаки побуждения. Объективная сторона преступления по ст.331 УК – любые действия, направленные на возбуждение желания к потреблению наркотиков (предложения, уговоры, советы и др.) путём обмана, ограничения свободы, насилия, угроз или издевательства. Преступление считается оконченным, даже если склоняемое лицо не употребило наркотик. Если склоняющее лицо участвовало в сбыте, хищении, изготовлении, переработке, приобретении, хранении, перевозке или пересылке наркотиков, его действия квалифицируются по совокупности преступлений – ст.331 и соответствующие части ст.327 или ст.328 УК.

Склонение – одна из составляющей пропаганды, охватывающая действия, связанные с непосредственным взаимодействием между людьми, которые направлены на убеждение человека в употреблении наркотиков. Пропаганда включает также размещение изображений, плакатов с наркотиками.

Под «пропагандой» и «рекламой» понимается публичное распространение информации, формирующей положительное отношение к потреблению, побуждающей к употреблению, демонстрирующей способы применения. «Реклама» — информация об объекте рекламирования, размещаемая в любой форме, направленная на привлечение внимания, формирование интереса и продвижение.

Согласно п.8 Декрета Президента РБ «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», владельцы интернет-ресурсов обязаны анализировать содержание ресурсов на предмет распространения сообщений, направленных на незаконный оборот наркотиков, и информировать органы внутренних дел о попытках их размещения. За неисполнение предусмотрена юридическая ответственность.

П.10 Декрета Президента РБ «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков» гласит, что при наличии информации о размещении сообщений и материалов, направленных на незаконный оборот наркотиков, Министерство информации направляет владельцу ресурса уведомление о необходимости удаления. Такие уведомления обязательны для исполнения всеми владельцами интернет-ресурсов на территории РБ. Поставщики интернет-услуг обязаны ограничивать доступ к таким ресурсам.

П.11.5 Декрета, что неисполнение уведомлений Министерства информации влечёт штраф – от 5 до 20 базовых величин (физ. лицо), от 20 до 50 (ИП), до 200 (юр. лицо).

В законодательстве РБ отсутствуют отдельные составы правонарушения или преступления за пропаганду и рекламу наркотиков в Интернете, как в ч.1.1 ст.6.13 КоАП РФ, но схожие признаки есть в ч.3 и 4 ст.23.9 КоАП РБ. Эти нормы охраняют общественные отношения в сфере ограничения доступа к запрещённой информации и выполнения поставщиками интернет-услуг обязанностей по хранению сведений о посещаемых ресурсах.

Использование Интернета для пропаганды незаконного потребления наркотиков – угроза национальной безопасности. Согласно Концепции национальной безопасности, внутренними источниками угроз в социальной сфере являются склонность к асоциальному образу жизни, злоупотребление алкоголем, употребление наркотиков, психотропных веществ, их аналогов, токсических и одурманивающих веществ.

Таким образом, в законодательстве РБ отсутствует административная и уголовная ответственность за пропаганду наркотиков в Интернете, однако установлена ответственность ИП и юридических лиц за нарушение требований по ограничению доступа к запрещённой информации.

В связи с этим представляется целесообразным ввести в правовую систему административно-деликтную и уголовную норму для привлечения к ответственности и предотвращения распространения информации о незаконной продаже наркотиков, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

УДК 343.6

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А. А. Бриневец

студентка 4 курса юридического факультета
Гродненского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Т. В. Ковчун.

Анализируются проявления домашнего насилия в отношении несовершеннолетних, его последствия и трудности выявления. Приведены данные по Республике Беларусь. Обоснована необходимость комплексной профилактики и межведомственного взаимодействия для поддержки пострадавших.

Ключевые слова: насилие; семья; несовершеннолетние; зашита; воспитание.

Домашнее насилие в семье представляет собой широко распространённую проблему глобального масштаба и международного уровня, которая затрагивает интересы детей. Причины такого явления многообразны и, как правило, связаны с социально-экономическими факторами, такими как безработица, злоупотребление алкоголем, деморализация семейных и человеческих ценностей и др. К сожалению, в связи с латентностью данного вида преступлений часто приводит к тому, что насилие в отношении детей может продолжаться в течение длительного времени, оставаясь незамеченным. В случаях выявления фактов физического, психологического или сексуального насилия над детьми неизбежно наступает уголовная ответственность, и в действие вступают соответствующие нормы Уголовного кодекса, направленные на защиту прав и интересов детей.

Каждый ребенок с момента рождения имеет гарантированное государством право на защиту, воспитание и заботу. Это право обеспечивается в первую очередь предоставлением родительских прав, которые одновременно являются и обязанностями по воспитанию. Конституция подчеркивает данные права и обязанности обоих родителей [1].

Сегодня перед государством стоит непростая задача - найти психодиагностические методики, направленные на выявление фактов насилия, психологических особенностей подростков, переживших насилие в семье, на раскрытие условий, влияющих на изменение психического состояния подростков, показывающих каким образом такое насилие влияет на эмоциональную составляющую и интеллект. И как следствие, выработать практические рекомендации, направленные на профилактику насилия в отношении детей в семье [2].

Определение термина «домашнее насилие» содержится в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон). Под ним понимается – умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (прожи-

вали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющие физические и (или) психические страдания [3]. Физическое насилие предполагает воздействие на телесную неприкосновенность, причиняя при этом физическую боль. Оно включает истязания, пытки, связывание, сильные шлепки, удары, избиение и другие подобные способы [4, с. 203]. Сексуальное насилие — насильственное вовлечение ребенка, зачастую неосознанное им в силу возрастной незрелости, в сексуальные отношения со взрослыми. Данный вид семейного насилия неразрывно связан с физическим [5, с. 389].

Как правило, правонарушения данного вида совершают лица, ведущие антиобщественный образ жизни, в прошлом судимые за умышленные преступления, но не вставшие на путь исправления. Это обычно алкоголики, бытовые пьяницы, постоянно нарушающие общественный порядок (совершающие хулиганские действия), занимающиеся истязаниями, издевающиеся над членами семьи, родственниками, соседями.

Домашнее насилие оказывает катастрофическое влияние на все сферы развития ребёнка: физическую, моральную, социальную и интеллектуальную. На эмоциональном уровне преобладает чувство страха и неуверенности, что выражается в социальной изоляции, замкнутости, тревожности, депрессии, пассивности. Ребёнок может демонстрировать навязчивые действия, такие как обгрызание ногтей или вырывание волос, повышенной напряжённости, упрямству, негибкости, импульсивности и агрессии. Дети, подвергающиеся домашнему насилию, воспринимают конфликт, крики, оскорбления и физическое насилие как допустимые способы разрешения проблем. Отсутствие опыта конструктивного общения, переговоров и выражения чувств лишает их возможности заводить друзей, строить здоровые отношения и понимать свои собственные эмоции и качества. В результате дети и подростки становятся замкнутыми, реагируют на социальные ситуации неадекватно: кричат, дерутся, оскорбляют, насмехаются, избегают контакта.

Любое насилие имеет свои последствия. Ребенок более восприимчивый, чем взрослый человек, и его переживания различных ситуаций воспринимаются намного острее. Испытанная ребенком жестокость оставляет след на всю жизнь и приводит к самым разнообразным последствиям, которые объединяет одно – ущерб здоровью ребенка или опасность для его жизни. Среди отдаленных последствий выделяют различные заболевания, личностные и эмоциональные нарушения физического и психического развития, а также тяжелые последствия, например:

- отстают в росте, массе, или и в том и другом от своих сверстников;
- позже начинают ходить, говорить, реже смеются;
- значительно хуже успевают в школе, чем их одногодки;
- любым путём привлекают к себе внимание, что иногда проявляется в виде вызывающего, эксцентричного поведения;
- несвойственные возрасту познания о сексуальных взаимоотношениях, что проявляется в их поведении, в играх с другими детьми или с игрушками (при сексуальном насилии);
- низкая самооценка, которая способствует сохранению и закреплению чувства вины, стыда, неполноценности;

- высокая частота депрессий
- трудности социализации
- пристрастие к алкоголю, наркотикам;
- начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия.

Другими признаками семей, в которых присутствует домашнее насилие являются:

- неполные, малообеспеченные семьи;
- семьи, в которых один из родителей не приходится ребенку кровным родственником (отчим, мачеха);
- отсутствие у родителей постоянного места работы;
- криминальное прошлое родителей или других взрослых членов семьи;
- наличие у одного или обоих родителей алкогольной или наркотической зависимости;
- низкий уровень образования и культуры внутри семьи;
- наличие у ребенка психических, умственных или физических отклонений и др. [6, с. 142].

В научной литературе широко распространено мнение о межпоколенной передаче насилия - ребенок, воспитанный родителями (или другими взрослыми), применявшими насилие, став взрослым, сам начнет его использовать в отношении своих детей [7, с. 254].

Ежегодно дети в возрасте до 14 лет избиваются родителями, что в некоторых случаях заканчивается смертью, многие убегают из дома, спасаясь от семейного насилия, другие же становятся жертвами сексуального насилия [8, с. 49].

В условиях семейного воспитания закладываются фундаментальные характеристики личности ребёнка, и моральная атмосфера, а также отношения с родителями оказывают существенное влияние на его развитие. Способы общения родителей с детьми играют решающую роль в формировании отношения ребёнка к окружающим. В счастливых и любящих семьях нравственное воспитание успешно реализуется. В то же время, в тех семьях, где родители используют физическое насилие для достижения послушания, дети, как правило, проявляют агрессивное поведение, направляя негативные эмоции на сверстников. Такой тип поведения можно рассматривать как форму возмездия за унижение, причиняемое родителями. Таким образом, жестокое обращение с ребёнком в семье является одним из факторов риска развития агрессии и предрасположенности к насилию во взрослой жизни.

Республикой Беларусь, как и во многие другие страны принимают законодательные и иные меры по предупреждению и пресечению любых форм домашнего насилия, осуществляется поддержка и защита пострадавших от него лиц. Профилактическая работа по предупреждению семейного насилия над детьми включает в себя просвещение родителей по вопросам прав и свобод детей, закрепленных в международных и федеральных законодательных актах, отказ от культурологически оправдываемых форм насилия, прежде всего в сфере воспитания и перевоспитания детей; полный отказ от физических наказаний; привитие ценностного отношения к детям и детству и т.д. Данная работа может строиться с использованием

таких форм, как использование стендовой информации, выступление на родительских собраниях, проведение родительских клубов, выпуска газет внутри образовательного учреждения, индивидуальных бесед и консультаций и т. д. Профилактическая работа должна быть направлена на комплексное решение проблемы: государственную экономическую поддержку семей; психологическую профилактику насилия в семье, реализуемую школами, детскими учреждениями и общественными организациями; разработку программ психологического сопровождения молодых родителей; Реабилитацию и лечение подростков, находящихся в группе риск, необходимо расширить возможности кризисных центров, приютов, пансионатов, учреждений социального обслуживания, способствовать созданию современных психолого-медико-социальных центров, поддерживать временные и постоянные приемные семьи, создать более качественную связь между «телефоном доверия» и действиями служб по таким обращениям. Таким образом, семейное насилие над детьми и его профилактика представляют собой важную проблему, которая решается не только на государственном, но и на международном уровне и требует дальнейшей теоретической и практической разработки.

Библиографический список

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2025.

2. Пиганова Е.В., Кислова Н.А. Семейное насилие над несовершеннолетними: психодиагностика и профилактика / Е.В. Пиганова, Н.А. Кислова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. - 2021. – С. 45.

3. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г., № 122-З : в ред. от 01.01.2018 г., № 263-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 20.03.2025).

4. Осипова Л. Я. Насилие над детьми как главная социальная проблема современного общества / Л.Я. Осипова // Юридическая наука и практика : альманах науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России / гл. ред. Р. А. Ромашов. - Самара : Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2014. - С. 203–206.

5. Пенкрат В. И. Насилие в семье: признаки и виды / В.И. Пенкрат // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.- практ. конф., Минск, 21 февр. 2019 г. : тез. докл. - Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2019. - С. 388–389.

6. Березанцев А.Ю., Кузнецов Д.А. Правовые и клинические аспекты оценки общественной опасности больных шизофренией и органическими психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния / А.Ю. Березанцев, Д.А. Кузнецов // Медицинское право. - 2013.

7. Солодников, В.В. Социология социально-дезадаптированной семьи / В.В. Солодовников. - СПб.: Директ, 2007. — 384 с.

8. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. -№2. С. 46-62.

УДК 343.4

ВЛИЯНИЕ АФФЕКТА НА КВАЛИФИКАЦИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Бугай

студентка 2 курса
Российского государственного социального университета филиала в г. Минск
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. М. Свило

В статье проводится сравнительно-правовой анализ дефиниции «аффект» в уголовном праве Российской Федерации и Республики Беларусь; предлагается авторское толкование длительной психотравмирующей ситуации.

Ключевые слова: аффект, длительная психотравмирующая ситуация, квалификация преступлений, сильное душевное волнение, уголовное право.

Институт аффекта занимает особое положение в системе обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность. Его присутствие указывает на сниженный уровень виновности лица по сравнению с обычным умыслом, когда действия виновного вызваны противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Тем не менее, законодательные подходы к формированию данного института не являются единообразными. Как показывает сравнительный анализ, в УК РФ и Республики Беларусь используются принципиально разные подходы к его закреплению, что порождает особенности в квалификации преступлений и требует оценки своей логической обоснованности.

Юридическая значимость аффекта заключается в его способности преобразовывать состав преступления из основного в привилегированный, что приводит к значительному смягчению наказания. Например, простое убийство, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет. В то же время убийство, совершенное в состоянии аффекта, регулируется ст. 107 УК РФ и наказывается исправительными работами либо ограничением или лишением свободы на срок до трех лет (ч. 1).

Основное различие между двумя кодексами заключается в месте расположения статей, раскрывающих содержание аффекта.

В российском законодательстве применяется метод определения аффекта непосредственно в диспозициях норм, устанавливающих ответственность за соответствующие преступления. Так, ст. 107 (Убийство, совершенное в состоянии аффекта) и 113 УК РФ (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта) содержат аналогичные формулировки, объясняющие условия возникновения данного состояния. Логика такого подхода заключается в придании конкретности и удобстве правоприменения при квалификации отдельных составов. Следователю и суду нет необходимости обращаться к Общей части, чтобы установить признаки аффекта – они непосредственно указаны в статье Особенной

части УК. Однако это приводит к дублированию текста и, как справедливо отмечают некоторые исследователи, может вызывать трудности в единообразном понимании аффекта при квалификации различных преступлений, поскольку его определение «привязано» только к определенным статьям [1, с. 172].

Белорусский законодатель избрал иной путь. Понятие аффекта раскрывается в ст. 31 УК, которая находится в Общей части кодекса. Данное определение затем используется в Особенной части УК: в ст. 141 (Убийство, совершенное в состоянии аффекта) и ст. 150 (Умышленное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в состоянии аффекта). Данный подход обусловлен стремлением к унификации и систематизации закона, что обеспечивает его последовательное применение ко всем привилегированным составам преступлений в Особенной части УК. Это помогает избежать повторений в тексте кодекса и создает базу для формирования единой судебной практики по всем преступлениям, совершенным в состоянии аффекта.

Полагаем, подход белорусского законодателя является более удачным. Он создает прочный фундамент для всей совокупности норм о привилегированных составах преступлений, а также способствует снижению риска противоречий в судебной практике, поскольку все суды при квалификации различных преступлений руководствуются одной и той же дефиницией.

Однако, как показывает судебная практика, независимо от применяемой законодательной техники, установление состояния аффекта играет решающую роль в квалификации преступлений. Ярким примером этого является дело сестер Хачатурян в России (2018 г.). Девушки были обвинены в убийстве своего отца, которое стало результатом многолетнего систематического физического, психологического и сексуального насилия с его стороны. Вместе с тем, следствие и суд признали, что во время совершения убийства отсутствовало состояние аффекта и действия сестер не были переквалифицированы на убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Научные изыскания также подтверждают связь между травматическим опытом и последующим противоправным поведением. Например, исследование, проведенное среди несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления, показало, что в истории их семей систематически присутствуют травмирующие события (совершение преступлений членами семьи, разводы, насилие, алкоголизация), причем характер преступления коррелирует с типом и глубиной травматизации [2, с. 67].

Установлено, что одним из условий применения норм об аффекте в УК РФ и Республики Беларусь является наличие длительной психотравмирующей ситуации. Полагаем, в рассматриваемом аспекте требуется законодательное толкование данной дефиниции. Так, под длительной психотравмирующей ситуацией следует понимать объективно существующую систему взаимоотношений между виновным и потерпевшим, характеризующуюся протяженностью во времени (систематичностью противоправного или аморального поведения потерпевшего) и содержанием, приводящим к кумулятивному негативному воздействию на психику виновного, вызывая у него хроническое психическое напряжение, тревогу, страх или унижение.

Библиографический список

1. Урусов, И. А. Понятие аффекта в рамках статьи 107 УК РФ / И. А. Урусов // Молодой ученый. – 2024. – № 38 (537). – С. 172–174.

2. Хачатурян, С. Д. Зависимость характера преступления от типа травматизации преступника (на примере несовершеннолетних осужденных за насильственные преступления) / С. Д. Хачатурян, М. Н. Абдурасулова // Психология и право. – 2017. – С. 57–70.

УДК 343.9

КРИПТОПРЕСТУПНОСТЬ КАК НОВАЯ УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В. Н. Веретельная

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М. Г. Головенчик

В рамках данного исследования анализируется криптопреступность в качестве нового вида преступности. Рассмотрены особенности, виды преступлений и вызовы правового регулирования, а также опыт Республики Беларусь в создании условий для продвижения цифровой экономики.

Ключевые слова: криптовалюта; цифровая экономика; криптопреступность; криптопреступления; обеспечение безопасности; угрозы экономической безопасности.

Появление и широкое распространение криптовалют кардинально изменили финансовую среду современного общества. Несмотря на очевидные преимущества, присущие данным технологиям, их децентрализованный и анонимный характер одновременно способствовал формированию новых условий для противоправной деятельности, что, в свою очередь, привело к возникновению особого вида преступности – криптопреступности. В настоящее время данное явление приобретает все больший общественный и правовой резонанс, требуя четкого определения и классификации криптопреступлений для эффективной борьбы с ними.

Под криптопреступлениями следует понимать противоправные деяния, совершаемые с использованием криптовалют и связанных с ними технологий. Данный вид преступности отличается от традиционной экономической преступности своей технологической основой и специфическими инструментами, включая технологии блокчейн, криптографию. Совокупность криптопреступлений, совершаемых на определенной территории за определенный промежуток времени, формирует отдельный сегмент преступности, который характеризуется быстрым ростом, высоким уровнем скрытности и сложностью выявления.

Беларусь одним из первых государств в мире приняла решение о развитии цифровых технологий в сфере цифровых знаков, включая криптовалюты, на государственном уровне, что нашло отражение в положениях Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики».

За 2024–2025 гг. оборот операций с цифровыми знаками в стране значительно вырос, ориентировочно достигнув по итогам 2025 г. 8 966 100 000 белорусских рублей, что подтверждает значимость этой отрасли [1].

Однако рост и развитие цифровых активов выявили новые угрозы: нарушения регистрации финансовых операций, риски нелегального вывода средств за границу и неполное возвращение инвестиций. Именно поэтому государство проводит «тонкую цифровую настройку» регулирования, направленную на создание условий для безопасного функционирования цифрового рынка и защиты инвесторов.

Криптопреступность охватывает широкий спектр преступлений, включающих помимо экономических и иные общественно опасные деяния, среди которых можно выделить: уклонение от уплаты налогов, сборов; хищение криптовалюты; финансирование терроризма посредством криптовалютных транзакций; легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем; дача и получение взяток.

Одним из ключевых препятствий в борьбе с криптопреступлениями является отсутствие единых международных правовых стандартов и четких критериев, какие деяния следует признавать относящимися к данной группе. Многие государства находятся на стадии разработки соответствующих нормативных актов, что затрудняет расследование. Необходимы внедрение современных инструментов кибербезопасности и международный обмен информацией.

Президент Республики Беларусь подчеркивает важность комплексной настройки законодательства с учетом текущих нарушений и рисков, а также создание прозрачной и понятной системы регулирования, позволяющей удержать лидирующие позиции страны в цифровой экономике и обеспечить финансовую стабильность и безопасность [1].

Подводя итог вышеизложенному, криптопреступность представляет собой новую, быстрорастущую угрозу экономической безопасности. Необходимость выработки унифицированного подхода к пониманию криптопреступлений является актуальной задачей правового сообщества и государственных институтов. Только на основе нормативного регулирования и международного сотрудничества возможно создание эффективной системы выявления, расследования и пресечения криптопреступлений, что позволит предотвратить негативные последствия для экономики и общества в целом.

Библиографический список

1. На совещании у Лукашенко обсудили ключевые моменты в новом правовом регулировании сферы криптовалют // SB.BY. – URL: https://www.sb.by/articles/tonkaya-tsifrovaya-nastroyka.html (дата обращения: 21.09.2025).

УДК 343.71

ХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА УМЕРШИХ И ИЗ МЕСТ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ

А. С. Вигура

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: профессор, доктор юрид. наук А. Л. Савенок

Исследование посвящено проблеме квалификации хищения имущества с тел мертвых и из мест их захоронения. Проводится анализ различных подходов к данной проблеме и предлагаются новые.

Ключевые слова: хищение; хищение имущества умерших; надругательство над трупом; надругательство над могилой; похищение предметов, находящихся в захоронении; отграничение составов.

На данный момент в уголовном праве под хищением понимается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или модификации компьютерной информации: таково легальное определение, данное в Уголовном Кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Вне всякого сомнения, принадлежность имущества иному лицу является одним из главных признаков хищения. В связи с этим может возникнуть вопрос: будет ли считаться хищением изъятие имущества уже мертвого человека? Ответ же будет зависеть от многих обстоятельств. В первую очередь следует разобрать ситуацию, при которой умерший еще не был предан погребению. Несмотря на то, что отношения собственности, несомненно, прекращаются со смертью самого собственника, данное деяние (изъятие) будет квалифицироваться по ст. 205 УК (кража). Опираясь на ст. 1035 и 1069 Гражданского Кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), мы можем смело утверждать, что в данном случае потерпевшими будут выступать наследники умершего. Однако как быть, если у погибшего нет наследников? В таком случае наследство будет признано выморочным, а собственником-потерпевшим – государство. При этом мы бы так же хотели отметить, что ущерб при хищении имущества мертвого оказывается несколько больше, нежели при хищении в отношении имущества живого человека.

Квалификация завладения имуществом усопшего до его погребения будет отличаться, если такое имущество было неразрывно с ним связано – вне зависимости от того, захоронен умерший или нет, мы квалифицируем деяние по ст. 347 УК. По нашему мнению, не все так однозначно. К примеру, при кремации тела наследникам умершего отдают золотые коронки как неорганические элементы. Получается, что пострадать может не только общественная нравственность, но и имущественные отношения.

Если же изъятие с тела умершего имущества, не являющегося неразрывно с ним связанным, осуществляет путем повреждения тела – например, при отрубании

пальца для снятия кольца, – то содеянное, по словам Р.А. Исмагилова, следует квалифицировать по совокупности преступлений: ст. 205 УК и ст. 347 УК, и мы с ним согласны.

Отличаться квалификация будет при хищении имущества захороненных или из мест их захоронения. Многие ученые, например, А.В. Калужская, считают, что завладение имуществом, находящимся в могиле или ином захоронении, не будет образовывать состав ст. 205 УК ввиду того, что имущество, по сути, никому не принадлежит: наследники от него отказались, а мертвому оно принадлежать не может. Таким образом, в настоящее время подобное преступление рассматривают как соответствующее ст. 347 УК. Тем не менее, часть исследователей (Лопашенко Н.А.) не согласны с указанной точкой зрения и утверждают, что такое преступление образует совокупность по ст. 205 и ст. 347 УК.

Иная ситуация обстоит с надмогильными сооружениями. Взгляды исследователей сильно разнятся: некоторые (З.А. Незнамова) настаивают на совокупности ст. 347 УК и ст. 205 УК, другие (А.Э. Жалинский) – только на ст. 347 УК. Наиболее обоснованной нам кажется первая позиция: ущерб причиняется как имуществу, так и неприкосновенности захоронения как нравственной ценности общества.

Подводя итоги, мы можем сделать следующие выводы: 1) Хищение имущества умершего до его захоронения следует квалифицировать по ст. 205 УК; после – по ст. 347 УК; 2) Исключение составляет хищение вещей, неразрывно связанных с телом усопшего: в практике деяние квалифицируют как надругательство над трупом (ст. 347 УК), с чем мы не согласны. Опираясь на ГК, мы можем утверждать, что объектом преступления так же являются имущественные отношения, т.е. деяние необходимо квалифицировать по совокупности ст. 205 УК и ст. 347 УК. 3) Хищение же надмогильных сооружений, несомненно, следует квалифицировать так же по совокупности ст. 205 и 347 УК.

УДК 343.237

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ЛИЦОМ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

Ж. В. Гвоздикова

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д. В. Шаблинская

Статья посвящена рассмотрению вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Рассматривается опыт Грузии и Российской Федерации, где данные нормы введены в уголовный закон, и обосновывается внесение подобных норм в белорусское законодательство.

Ключевые слова: уголовная ответственность; организованная преступность; преступная иерархия; вор в законе; лидер преступного сообщества; зарубежный опыт.

Актуальность вопроса об изменении уголовного законодательства Республики Беларусь в части противодействия организованной преступности заключается в необходимости борьбы с главными системными звеньями и элементами криминальной среды. Ведь именно лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии и опосредованно руководящие множеством преступных организаций, являются гарантом продолжения существования криминального мира.

Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь в ч. 4 ст. 16 закрепляет положение организатора (руководителя) преступной организации или организованной группы и предлагает соответствующее определение. Самостоятельной нормы, устанавливающей ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, в уголовном законе на данный момент нет. Соответственно, её отсутствие создаёт пробел в законодательстве, позволяющий «элите» преступного мира оказывать влияние безнаказанно.

Для рассмотрения вопроса о введении подобной нормы в национальное законодательство стоит обратиться к опыту иностранных государств. Ещё в 2005 г. в связи со вспышкой организованной преступности в Грузии законодатель принял Закон от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэкете». Указанный Закон даёт определения таким понятиям, как «вор в законе», «воровское сообщество», «воровской сход» и др., а после дополняет УК Грузии ст. 223.1, предусматривающей ответственность за членство в воровском сообществе и нахождение в положении «вора в законе». Следующей на постсоветском пространстве в вопросах борьбы с авторитетами преступного мира стала Российская Федерация. Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» в ст. 210.1 введена уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Указанная норма охватывает значительно больший круг лиц, чем грузинская норма, устанавливающая уголовную ответственность только для некоторых представителей преступной элиты [1, с. 161]. При этом обе нормы призваны бороться с криминальными авторитетами высшего ранга, объявляя преступным их статус и привлекая их к ответственности за возложенные на них функции влияния на систему.

Дополнение уголовного законодательства Грузии и Российской Федерации нормами, определяющими статус лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, «воров в законе» и иных членов преступной «элиты», может служить примером для белорусского законодателя. Выделение главы преступной системы поможет пресечь его системообразующие действия, а не только его участие в совершении отдельных преступлений. На данный момент «вор в законе» или иной криминальный авторитет, даже после отбытия наказания за совершенное им преступное деяние, имеет возможность снова стать центром притяжения преступного сообщества, быть «коронованным» и продолжить фактическое руководство системой.

Введение в УК ответственности «элиты» преступного мира необходимо для устранения пробела в законодательстве и может стать мощным превентивным инструментом, сущность которого заключается в наказании уже за само обладание высшим статусом в преступной иерархии, а значит, это укажет на превращение

статуса криминального лидера в уголовно наказуемый признак. Таким образом, криминализация высшего положения в преступной иерархии позволит не только ограничить влияние «элиты» криминального мира на всю систему организованной преступности, но и разрушит миф о неприкасаемости данных лиц.

Библиографический список

1. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.2 УК РФ) / И. В. Пантюхина, Л. Ю. Ларина // Lex Russica. – 2020. – № 10. – С. 159–170.

УДК 343

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

К. К. Герасимов

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. В. Шидловский

В статье рассматривается понятие экономического преступления и особенности противодействия их расследованию. Анализируется специфика воздействия на источники доказательственной информации, формы и стадии противодействия, применяемые преступниками с целью уклонения от ответственности. Определяются социально-правовые и криминалистические меры нейтрализации данного явления, обеспечивающие эффективность расследования и защиту экономической безопасности.

Ключевые слова: экономическое преступление; противодействие расследованию; уголовное право; экономическая безопасность.

Признание общественной опасности преступлений против порядка осуществления экономической деятельности мировым сообществом, их повышенную угрозу для государства и общества в сравнении с общеуголовными формами преступности, стремительную адаптацию преступлений в сфере экономики к процессам, трансформирующим экономическую и законодательную сферы, обуславливают актуальность научных исследований в данной области. Уголовная политика в области противодействия экономической преступности должна соответствовать потребностям современного общества[3 с. 77].

Прежде чем создавать какие-нибудь рекомендации по обнаружению, выявлению и пресечению экономических преступлений, необходимо определить, что к ним относится с точки зрения уголовного права.

Среди существующих сегодня нерешенных вопросов относительно определения содержания понятия «экономические преступления» можно выделить следующие. В специальной литературе предлагаются различные формулировки понятия «экономические преступления». По мнению А.Ю. Чупрова, под последним

следует понимать не только преступления, предусмотренные уголовным законодательством, но и те, которые имеют экономическую направленность [5 с. 163]. В свою очередь, Н.А. Лопашенко считает, что к рассматриваемому понятию можно отнести любое деяние, которое направлено на получение материальной выгоды [4 с. 122–132].

Противодействие расследованию экономических преступлений проявляется в уничтожении или искажении финансовой отчетности; физическом давлении на должностных лиц; подаче ложных доносов; создании «фирм-однодневок» для уклонения от налогов и легализации доходов.

Противодействие расследованию экономических преступлений характеризуется, с одной стороны, распространенностью подкупа участников уголовного процесса, реализацией возможностей коррумпированных связей, а с другой, жестокостью и беспощадностью в отношении лиц, по каким-либо причинам представляющих опасность для преступного бизнеса и его руководителей, а также в отношении «несговорчивых» свидетелей, иногда и следователей [1, с. 163].

В литературе выделяют трёхэлементную схему: **подготовка — совершение — сокрытие**; от стадии зависит выбор методов и способов вмешательства. Наиболее выгодна для преступников предотвращение возбуждения дела, поэтому противодействие часто начинается уже на стадии возбуждения уголовных дел [2 с. 42].

Все это говорит о том, что эффективно бороться с «теневой» экономикой можно, когда закон сможет своевременно реагировать на преступления, законодательно оформлять основания для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, и обеспечивать правоприменителей надлежащими методами квалификации по уголовным делам.

Библиографический список

1. Волынский, А. Ф. О способах противодействия расследованию экономических преступлений / А. Ф. Волынский // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – С. 27–36.

2. Ковган, А. С. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере предпринимательской деятельности и особенности тактики производства следственных действий на первоначальном этапе расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Ковган ; Академия МВД Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 243 с. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/3027/1/Kovgan.pdf (дата обращения: 21.05.2024).

3. Кукштель, В. П. Понятие экономической преступности: теоретико-правовой аспект / В. П. Кукштель, А. В. Шабан // Финансы, учет, банки. – 2022. – № 1 (28). – С. 77–81. – URL: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/98071/1/Kukshtel_77_81.pdf (дата обращения: 21.05.2024).

4. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ [Текст] : монография / Н. А. Лопашенко. Ч. 1. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 330, [1] с. – ISBN 978-5-4396-0811-9.

5. Понятие экономической преступности в законе и на практике: сравнительно-правовой аспект = The Concept of Economic Crime in Law and Practice: A Comparative Legal Aspect / И. В. Гончаров [и др.] // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 2 (50). – С. 161–164. –

URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-ekonomicheskoy-prestupnosti-v-zakone-i-na-praktike-sravnitelno-pravovoy-aspekt (дата обращения: 21.05.2024). – Текст : электронный.

УДК 343.213.1

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ

М. М. Голов

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М.Г. Головенчик

В контексте данной работы исследуются правовые нормы, регулирующие институт экстрадиции. Рассматривается соотношение отраслей права, подход отечественных учёных к понятию выдачи, исследуется зарубежный опыт. Сделаны выводы о перспективных направлениях совершенствования белорусского законодательства.

Ключевые слова: правовой институт; доктрина; выдача; СНГ; экстрадиция.

По нашему мнению, одним из направлений совершенствования правового регулирования является закрепление в Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь (от 09.07.1999 № 275-З) перечня оснований для отказа в экстрадиции. Их введение, на наш взгляд, будет способствовать обеспечению защиты прав и свобод лица, подлежащего выдаче. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (от 16.07.1999 № 295-З) (далее – УПК) данные основания упомянуты, но фрагментарно, без единого закрепленного перечня.

Проведённый анализ кодексов показал, что нормы, регулирующие рассматриваемый институт, различаются в терминологии: в УК Республики Беларусь предусмотрена ст. 7 «выдача лица, совершившего преступление»; положения главы 50 УПК в свою очередь используют понятия «передача лица для отбывания наказания», «выдача для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания», «выдача на время для производства процессуальных действий», «передача на время для производства процессуальных действий». Однако ни ст. 6 УПК, ни ст. 4 УК Республики Беларусь не закрепляют дефиниции экстрадиции. В юридической литературе и практике до сих пор не существует единства в понимании соотношения понятий «экстрадиция» и «выдача преступников».

Как справедливо отмечает Э. А. Саркисова, уголовное право наиболее взаимодействует с уголовно-процессуальным правом и неразрывно с ним связано – является механизмом реализации норм уголовного права. [1, с. 52]. Экстрадиция находится на стыке уголовного процесса, международного публичного и уголовного права, образуя межотраслевой институт. В научно-практическом комментарии специалисты в области уголовного права разделяют точку зрения о многозначности термина, то есть о наличии разновидностей выдачи преступников [2, с. 18].

В целях устранения правовой неопределённости, предлагаем ст. 4 УК дополнить ч. 3^1: «Под экстрадицией следует понимать передачу лица для производства

процессуальных действий или отбывания наказания, выдачу на время лица для производства процессуальных действий в качестве свидетеля, или потерпевшего, или в качестве обвиняемого, выдачу лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания».

Вернёмся к изначально поставленному вопросу об отсутствии в УК Республики Беларусь оснований для отказа в выдаче. В модельном УК для государств – участников СНГ (от 17.02.1996 № 7-5) положения об отказе не освещены. Являясь нормативным образцом, который носит рекомендательный характер, считаем обоснованным закрепление указанных положений в данном правовом акте.

Нами также был проведён анализ уголовных законов государств, которые имеют схожие с Беларусью правовые системы. В России, Азербайджане, Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане не содержатся основания для отказа в экстрадиции, отсылки к УПК отсутствуют. В кодексах Армении, Грузии, Молдовы, Казахстана основания для отказа в выдаче закреплены, отсылок на УПК не содержится. В УК Кыргызстана рассматриваемые нами основания отсутствуют, однако норма отсылает к положениям УПК.

Подводя итог настоящего исследования, следует в завершении отметить, что, по нашему мнению, также видится целесообразным дополнить ч. 3 ст. 7 УК Республики Беларусь следующим: «Основания для отказа в исполнении просьбы иностранного государства определяются УПК». Цель – не только устранение неоднозначности изложения правовых норм, но и реализация подп. 26.2 п. 26 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 28.06.2023 № 196, а именно недопущения избыточности правового регулирования.

Библиографический список

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э. А. Саркисова : учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2017. – 559 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

УДК 343.5

ИНЦЕСТ: НЕОБХОДИМО ЛИ УЖЕСТОЧИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

К. Д. Головин

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д. В. Шаблинская

В статье рассматриваются подходы к оценке запрета на инцестуальные отношения и обосновывается необходимость ужесточения уголовной ответственности за инцест в случае совершения насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: инцест, сексуальное насилие, несовершеннолетние, уголовная ответственность, защита детей.

Инцест, иначе кровосмешение, – явление, известное с древнейших времен. На сегодняшний день исторический опыт и результаты медицинских исследований неоспоримо доказывают разрушительные последствия данного явления, которые ведут к деформации семейных ценностей, смешению внутрисемейных ролей и наносят непоправимый психологический вред ребенку, подрывая основы его нравственного развития и представления о нормальном укладе семьи.

В настоящее время, несмотря на то, что запрет на инцест имеет социальную поддержку и признается практически повсеместно, далеко не во всех странах он имеет законодательную, в частности уголовно-правовую, основу противодействия данному явлению.

Современным фундаментом для запрета инцестуальных отношений стала Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., ст. 19 которой обязывает государства-участники принимать все необходимые меры для защиты ребенка от всех форм насилия, оскорбления, злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке. В последующем данная норма нашла отражение в национальном законодательстве. Так, ст. 9 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» прямо предусматривает защиту ребенка от сексуальной эксплуатации, насилия и домогательств, в том числе со стороны родителей (опекунов, попечителей) и родственников.

Знаковым моментом в ужесточении ответственности за инцест в Республике Беларусь стало принятие Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях»: в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) был введен квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 168 УК и установлена повышенная ответственность лиц, на которые возложены обязанности по воспитанию, содержанию, обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего. К таким лицам относятся родители, педагогические работники и иные лица, осуществляющие деятельность, связанную с постоянной работой с детьми [1, с. 358–359].

В законодательстве иностранных государств наблюдаются различные подходы к определению круга субъектов инцеста. В одних странах ответственность за инцест распространяется исключительно на кровных родственников по прямой линии. В иных – перечень лиц шире, включая двоюродных братьев и сестер, иных родственников, свойственников и усыновленных/удочеренных детей [2, с. 40].

На наш взгляд, подход отечественного законодателя к определению субъекта является наиболее точным, носит комплексный характер и сочетает биологические и социально-психологические критерии. Именно эти категории лиц имеют

наиболее тесную связь с ребенком и способны причинить ему наиболее существенный вред.

Считаем, что на данный момент выделение отдельной статьи, криминализующей непосредственно инцест, не совсем целесообразно. Часть 2 ст. 168 УК предусматривает ответственность, в частности, и за инцест с лицами от 12 до 16 лет. Статьи 166 и 167 УК также устанавливают повышенную ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального в отношении детей. При этом полагаем возможным введение в данные нормы анализируемого выше квалифицирующего признака для усиления защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Афонченко, Т. П. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 1000.

2. Елинский, А. Криминализация инцеста: конституционно-правовые основания / А. Елинский // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 5 (78). – С. 39–50.

УДК 343

МОТИВАЦИЯ И СТРАТЕГИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ К. ЮНГА

К. Е. Горборова

студентка 4 курса юридического факультета
Витебского государственного университета
Научный руководитель: канд. пед. наук, доцент А. А. Сухарев

Понимание мотивации и когнитивных механизмов преступников остаётся важной задачей криминальной психологии. В данной работе в качестве теоретической основы используется типология К. Г. Юнга – различие интроверсии, экстраверсии и четырёх психических функций (мышление, чувство, ощущение, интуиция) – как инструмент для описания устойчивых стилей восприятия и принятия решений. Поздние популярные адаптации типологии (например, MBTI и соционика) будут упомянуты лишь критически как эмпирически спорные и методологически ограниченные интерпретации исходной концепции. Цель исследования – установить связи между психическими функциями по Юнгу и мотивационным мышлением преступников. Были использованы материалы таких ученых, как Павлов В.Г., Андреева Г. М., Фрейд З., Юнг К. Использованные методы познания – анализ, индукция, аналогия.

Ключевые слова: Психическая функция, психоанализ, типология, мотив преступника, психология.

Юнг выделял два вида направленности сознания: экстраверсия и интроверсия. Экстраверсия – ориентация психики на объекты и события внешнего мира. Интроверсия – ориентация психики внутрь сознания, направленная на собственные переживания и мысли. Также Юнг выделил четыре базовые психические функции, делящиеся на рациональные и иррациональные [1].

Мышление – логико-понятийная функция. Оценивает факты, строит причинно-логические связи. Является рациональной функцией.

Чувство – ценностно-оценочная функция. Определяет значимость, моральную и эмоциональную окраску явлений, формирует мотивационные оценки. Рациональная функция.

Ощущение – сенсорная функция. Фиксирует конкретные факты и детали «здесь-и-сейчас», обеспечивает контакт с реальным миром. Иррациональная функция.

Интуиция – функция восприятия возможностей и перспектив. Обнаруживает скрытые связи, предчувствия, абстрактные гипотезы, отвечает за планирование. Иррациональная функция.

MBTI и соционика — популярные адаптации идей Юнга с разными целями и методологией. MBTI (Типология Майерс-Бриггс) опирается на четыре дихотомии (E/I, S/N, T/F, J/P) и 16 типов, широко применяется в самопознании и HR, но критикуется за ограниченную валидность и нестабильность некоторых шкал. Соционика (А. Аугустинавичюте) развивает идею «информационного метаболизма», вводит модель типов и сложные схемы межтипных отношений, за что и критикуется в большей степени. Обе типологии используют функции, но разделяют каждую из функций на экстравертную (в соционике – черную) и интровертную (в соционике – белую) [2].

У экстравертированных субъектов мотивация чаще опирается на внешние стимулы: социальное одобрение, давление, острые ситуации. Преступления, как правило, носят импульсивный, демонстративный или групповой характер. Преобладает склонность к прямому действию, сниженной рефлексии, риску [3]. Бытует мнение о том, что экстраверсия в совокупности с доминирующей сенсорикой порождает агрессивное, силовое поведение. В соответствии с MBTI и соционикой экстравертная сенсорика ответственна за расширение жизненного пространства человека, стремление ощущать себя сильнее и больше. Поэтому другое ее название Силовая или Волевая сенсорика. Экстравертов с доминирующей сенсорикой обычно привлекают карьера или интересы, которые позволяют им получать немедленную обратную связь за свои действия, развивать навыки с помощью практической деятельности в реальных жизненных ситуациях. Если при всем при этом добавить достаточно сильную функцию чувства, мы получим сильного человека с высокими моральными качествами, возможно служителя закона или военного начальника. Но если эта функция будет слабой, пострадают моральные качества человека и на выходе получится агрессивный и волевой социопат. Антисоциальная корыстно-насильственная направленность, насильственное вымогательство, грабежи, разбойные нападения, совершенные группой лиц – наиболее типичные преступления, совершаемые субъектами с подобным набором психических функций. Мотив – продемонстрировать силу, получить благодаря силе какие-либо блага [4]. Иногда просто всплеск неконтролируемой агрессии. Нарушение правовых и моральных норм проявляется как форма доминантного поведения, лишённого этической регуляции. Обращаясь к теории психоанализа З. Фрейда, можно рассматривать это как активацию примитивных импульсов Ид (Оно) при ослабленном контроле со стороны Эго (Я) и отсутствии морального Супер-Эго [5].

Интровертированные индивиды характеризуются ориентацией на внутренние процессы: личные убеждения, образы, фантазии. Их мотивация часто скрыта, рационализирована, преступное поведение – замкнутое, планируемое, обособленное от внешнего влияния [6]. Преобладает когнитивная переработка, аффективная автономность, высокая степень контроля. Ярко выраженное мышление у интровертного индивида может породить настоящего гения. А в сочетании с ярко выраженной интуицией – эффективного стратега. Опять же, если у человека есть моральный регулятор в виде функции чувства, он может стать успешным ученым. Но опять же, если данная функция выражена слабо, человек может начать использовать свой интеллект в преступных целях [7]. Мотив – чаще корыстный, чем силовой [8]. Логико-интуитивные интроверты, как правило, менее заинтересованы в демонстрации силы. В первую очередь это будут преступления, направленные на получение благ посредством манипуляции компьютерной информацией, тайным хищением имущества, обманом. Скорее всего будут скрываться и стараться демонстрировать себя как прилежных граждан [9].

Таким образом, типология Юнга позволяет рассматривать преступное поведение как отражение устойчивых когнитивных и мотивационных особенностей личности. Экстравертные типы с преобладанием сенсорной функции склонны к открытому, импульсивному и агрессивному правонарушению, особенно при слабой этической регуляции. Интровертные типы с доминированием логики и интуиции действуют скрытно, обдуманно, мотивированы расчётом; при дефиците моральной функции возможны интеллектуализированные формы девиации. Типологический подход не является универсальным объяснением, но может использоваться как дополнительный инструмент в анализе преступной мотивации и стратегии поведения преступника.

Библиографический список

1. Юнг, Карл Густав. Психологические типы / К. Г. Юнг; Пер. Е. И. Рузера; Предисл. проф. Ив. Ермакова.- Москва : Гос. изд-во, [1924]

2. Аугустинавичюте, А. Соционика / А. Аугустинавичюте. – М.: Черная белка, 2008. – 568 с.

3. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник / Г. М. Андреева. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 327 с.

4. Карягина, О. В. Психологические особенности индивидуального и группового преступного поведения / О. В. Карягина // Вестник ТИУиЭ. 2022. №1 (35). С. 61-65.

5. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд; пер. с нем. – Москва: АСТ, 2021. – 542 с.

6. Еникеев, М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник для вузов / М.И. Еникеев. – М.: Норма, 2005. – 640 с.

7. Антонян, Ю. М. Личность корыстного преступника / Ю. М. Антонян, В. П. Голубев, Ю. Н. Кудряков. – Томск: Юрид. лит., 1989. – 178 с.

8. Возрастная психология [Электронный ресурс]: учеб.-метод. Комплекс для студентов спец 1-23 01 04 Психология/[сост. Ж.Л. Данилова]; М-во образования РБ, УО «ВГУ им. П. М. Машерова», Каф. прикладной психологии. – Электрон. Текстовые дан. – Витебск., 2009. – URI: https://rep.vsu.by/handle/123456789/2005 (дата обращения: 10.09.2025).

9. Павлов, В. Г Некоторые структурные особенности личности преступника при совершении насилия в отношении несовершеннолетних /В.Г. Павлов // XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2017.

УДК 343.2

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. А. Граевский

курсант 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А.Реутская

Данная статья поднимает вопрос об совершенствовании иных мер уголовной ответственности путём сравнительного анализа с законодательством Российской Федерации. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления целей иных мер уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная политика; иные меры; механизм; анализ; совершенствование.

Уголовно-правовая политика является определяющей частью политики государства в области противодействия преступности. На ее основе формируются стратегия и тактика уголовной, криминологической, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. Как верно отмечает Л.А.Савенок, «разработку теоретических основ уголовно-правовой политики, бесспорно, можно отнести к наиболее сложным проблемам науки уголовного права» [1, с.3].

Актуальность изучения иных мер уголовной ответственности обусловлена необходимостью гуманизации уголовного законодательства и поиска альтернатив традиционным видам наказания. Следует отметить, что наказание не всегда является оптимальным инструментом реагирования на преступное поведение, поэтому иные меры уголовной ответственности представляют собой гибкий механизм, позволяющий учитывать специфику каждого конкретного случая и обеспечивать баланс между принципами справедливости, неотвратимости наказания и социальной полезности наказания.

В Уголовном Кодексе Республики Беларусь (далее - УК Республики Беларусь) в рамках Главы 11 «Иные меры уголовной ответственности» закреплены следующие меры: отсрочка исполнения наказания, осуждение с условным неприменением наказания и осуждение без назначения наказания. Однако, более чем 20-летний срок действия УК Республики Беларусь позволяет на основании анализа правоприменительной практики выявить некоторые проблемы и недостатки уголовного закона, свидетельствующие о необходимости его совершенствования. Так, нормы главы 11 УК Республики Беларусь не имеют четкого механизма реализации, что затрудняет их применение; законодательно не определены понятие,

цели и задачи иных мер уголовной ответственности, что также приводит трудностям при решении вопроса об их назначении.

Как верно отмечал С. В. Анаич, «В контексте учета судом при применении осуждения с отсрочкой исполнения наказания или осуждения с условным неприменением наказания характера и степени общественной опасности совершенного деяния следует отметить законодательное положение о неприменении названных мер в отношении лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление». [2, с. 103]

Сравнительно-правовой анализ с законодательством Российской Федерации (Главы 10 УК РФ) свидетельствует о том, что в Российской Федерации отсутствует самостоятельная глава, регламентирующая иные меры уголовной ответственности. При этом российский законодатель предусматривает понятие «условное осуждение» (в ст. 73 УК РФ), что соответствует отечественной мере уголовной ответственной в виде «осуждения с условным неприменением наказания» (ст. 78 УК Республики Беларусь), а такая мера, как «осуждение с отсрочкой применения наказания», отсутствует. Полагаем, что наличие в УК РФ одной статьи, регламентирующей все аспекты, связанные с условным осуждением субъекта преступления, является удачным примером законодательной техники, который мог бы учесть отечественный законодатель.

Таким образом, анализ норм главы 11 УК Республики Беларусь показывает наличие правовых пробелов. Сравнительно-правовой анализ с законодательством Российской Федерации свидетельствует о различиях в подходах к регулированию данного института. Представляется целесообразным пересмотр и уточнение норм главы 11 УК Республики Беларусь для повышения их эффективности и правовой определенности.

Библиографический список

1. Савенок, А.Л. Уголовно-правовая политика и эффективность уголовного закона / А. Л. Савенок //Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – 243 с

2. Анаич, С. В. Социальные и правовые основы применения иных мер уголовной ответственности / С. В. Анаич // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., (Минск, 7 апр. 2016 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; [редкол.: А. В. Яскевич и др.]. – Минск, 2016. – С. 103–104.

УДК 343.79

ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЁМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРОНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В. О. Дек

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: доктор юрид. наук, профессор А. Л. Савенок

В настоящей работе анализируется предмет хищения статьи 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК), с учётом появления цифровых активов. Предлагается изменить формулировку ст. 212 УК для защиты имущественных отношений в связи с появлением цифровых активов.

Ключевые слова: предмет хищения; право на имущество; цифровые активы.

В настоящее время правонарушения, посягающие на отношения собственности, и непосредственно связанные с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, получили широкое распространение. Обеспечение безопасности в информационной сфере требует постоянного поиска новых механизмов противодействия киберпреступности, включая правовые инструменты, анализа причин, рисков и угроз высокотехнологичных преступлений против собственности. Одним из правовых инструментов по охране отношений собственности, связанных с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, является ст.212 УК.

Из диспозиции ч.1 ст. 212 УК следует, что предметом хищения выступает исключительно имущество. Право на имущество не является предметом данного преступления. Гражданское право воспринимает имущество иначе. Согласно положениям ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-З перечень объектов гражданских прав является исчерпывающим и к таковым в настоящее время относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; объекты интеллектуальной собственности и права на них; нематериальные блага. Это создает потенциальное противоречие между гражданско-правовым и уголовно-правовым пониманием объектов, что требует дальнейшего законодательного уточнения для учета современных цифровых и нематериальных объектов собственности. Следует также обратить внимание на общепризнанную доктринальную позицию, согласно которой предметом хищения может быть только имущество, удовлетворяющее следующим признакам: а) юридическому; б) экономическому; в) физическому[1].

В настоящее время предметом преступных посягательств становятся криптоактивы (биткойн, эфириум, и др.). Правовой статус криптовалюты закреплен Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Криптовалюта не является работой или услугой, ни нематериальным благом, а так же объектом интеллектуальной собственности. Криптовалюта не имеет материальной формы и не является видом денежных средств. Но она имеет денежный эквивалент. Отсюда следует, что криптовалюту можно приравнять к имуществу. Предметом преступления также становится виртуальное игровое имущество. Но исходя из общепризнанной доктринальной позиции, согласно которой предметом хищения может быть только имущество, удовлетворяющее трем приведенных выше признакам, виртуальное игровое имущество к понятию «имущество» не относится. Как видно, здесь отсутствует физический признак. Однако у собственника виртуального имущества есть право владения, пользования и распоряжения.

Таким образом, нами поддерживается позиция, согласно которой предметом преступлений как против собственности в целом, так и в частности предметом хищения имущества путем модификации компьютерной информации может быть любое благо, которое имеет экономическую ценность, признается объектом экономического оборота, принимает товарную форму и имеет стоимостное выражение. При этом под виртуальным имуществом следует понимать совокупность объектов виртуального мира, имеющих реальное стоимостное выражение, которые находятся в собственности какого-либо лица, а также права имущественного характера на такие объекты.

Подводя итог, отметим, что предметом хищения имущества путем модификации компьютерной информации следует признать безналичные и электронные денежные средства, цифровые финансовые активы: криптовалюту, криптотокены, а также «виртуальное имущество». Предлагаем изменить диспозицию ч.1 ст. 212 УК и изложить её в следующей редакции: «Хищение имущества или приобретение права на имущество путём модификации компьютерной информации».

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.]; под ред. У26 В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

УДК 343.45

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ТАЙНЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

П. Н. Жилич

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.В. Шаблинская

В статье рассмотрены проблемные аспекты квалификации посягательств на неприкосновенность частной жизни гражданина, сопряжённых с распространением его интимных изображений. Проанализированы отечественные и зарубежные подходы к уголовно-правовой оценке данных деяний. Подчёркнута необходимость установления направленности умысла обвиняемого и природы предмета преступления.

Ключевые слова: частная жизнь; интимные изображения; порнографические материалы; квалификация.

В настоящее время социальные сети и мессенджеры являются наиболее оперативным и доступным средством коммуникации. Вместе с тем, их использование для освещения отдельных сторон личной жизни сопряжено с рисками нарушения основополагающих прав граждан. Одной из острых проблем современности стало распространение интимных изображений лиц без их согласия, что приобрело особую актуальность в контексте уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни.

При анализе правоприменительного опыта отмечается несогласованность подходов к уголовно-правовой оценке исследуемых деяний ввиду конкуренции норм ст. 203^1 и 343 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): в ряде случаев изображения, на которые распространяется правовой режим информации о частной жизни, могут носить признаки порнографии. В белорусской практике с одинаковой частотой встречаются варианты оценки сходных деяний как исключительно по ст. 203^1 [1], так и по ст. 343 УК в случае проведения культурологической экспертизы и установления в её результате порнографического характера распространённых материалов [2, с. 12]. На наш взгляд, ни один из указанных примеров не является корректным: в первом случае орган, ведущий уголовный процесс, зачастую пренебрегает назначением экспертизы, в связи с чем возможный незаконный оборот порнографии не подвергается правовой оценке; второй же случай не позволяет обеспечить защиту нарушенного права на неприкосновенность частной жизни в ситуациях, когда изображения подпадают под соответствующий информационно-правовой режим.

В российской практике выработаны более системные подходы, в рамках которых правоприменитель при квалификации исходит из природы предмета посягательства, направленности умысла обвиняемого и результатов применения специальных знаний. Так, в случае если экспертное исследование не установит признаков порнографии в изображениях, составляющих личную тайну лица, деяние оценивается исключительно как нарушение неприкосновенности частной жизни. Для квалификации данных действий по совокупности преступлений (применительно к Республике Беларусь, по ст. 203^1 и 343 УК) необходимо не только признание экспертом порнографического характера материалов, но и доказательства, подтверждающие умысел на причинение вреда общественной нравственности [3, с. 9]. Если же будет установлено, что распространённые изображения не отражали частную жизнь потерпевшего (к примеру, его принудили к участию в изготовлении порнографических материалов), содеянное подлежит квалификации по ст. 343 УК [4, с. 144–145]. На наш взгляд, такой зарубежный опыт уголовно-правовой охраны применим и для белорусской правовой системы.

Таким образом, в Республике Беларусь не выработан единообразный подход к уголовно-правовой оценке исследуемых деяний. В вопросе их квалификации рекомендуется применять системный подход, включающий в себя анализ состава преступления и применение специальных знаний.

Библиографический список

1. Легко ли получить штраф за фото и видео в соцсетях? Не стоит забывать, что законы реального мира распространяются и на виртуальный // Pravo.by: национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2017/april/24004/ (дата обращения: 06.10.2025).

2. Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 41, [3] с.

3. Алексеева, Т.С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни / Т.С. Алексеева // Уголовное право. – 2023. – № 4. – С. 3–13.

4. Витрук, П.А. Проблемные аспекты квалификации преступлений, связанных с оборотом порнографических материалов в сети Интернет / П.А. Витрук // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 8А. – С. 137–147.

УДК 343.7

ОБЪЕКТ И ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е. И. Загоровская

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор И.О. Грунтов

В рамках статьи рассматривается объект и объективная сторона мошенничества, с использованием информационно-коммуникационных технологий. Анализируются родовой объект и предмет данного преступления, а также ключевой признак его объективной стороны – обман.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровое мошенничество, объект мошенничества, объективная сторона мошенничества, обман.

В настоящее время для современного общества характерно активное проникновение информационных технологий во все сферы человеческой деятельности. Информационно-коммуникационные технологии все чаще используются в противоправных целях, способствуя возникновению и распространению мошенничества, совершаемого с их применением.

Согласно анализу Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, в 2024 году по статье 209 Уголовного кодекса за мошенничество были осуждены 816 человек. Почти половина из них — 360 человек (44,1%) — использовали ИКТ как предмет противоправных деяний [1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении №37 содержит разъяснение информационных сетей. В соответствии с п.17 постановления, под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники [2].

Для уголовно-правовой оценки преступления важно установить объект. Под объектом понимаются те общественные отношения, которым причиняется вред в результате совершения преступного посягательства.

Характерным признаком мошенничества, совершенного с использованием ИКТ, является наличие родового объекта преступления. В данном случае, родовой

объект выражается в отношениях, складывающихся по поводу собственности. Путем совершения преступления нарушаются правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом или правом на имущество [3].

Наряду с объектом, обязательным элементом состава преступления выступает его предмет. В науке уголовного права предмет преступления рассматривается как вещь материального мира, воздействуя на которую нарушаются или могут быть нарушены общественные отношения.

В соответствии с примечанием к гл. 24 Уголовного кодекса, предмет данного противоправного деяния определен как имущество или право на имущество.

Мошенничество — это совершение хищения путем обмана или злоупотребления доверием. Именно обман, как признак объективной стороны, является ключевым отличием цифрового мошенничества от смежных составов, в которых используются техническое вмешательство в работу компьютерных систем [4].

Действующее уголовное законодательство не содержит дефиницию обмана. Однако по мнению некоторых ученых, в частности А.И. Бойцова, содержание обмана заключается в сообщении ложных сведений о фактах или обстоятельствах, либо в умолчании истинной информации, которая могла бы воспрепятствовать передаче имущества [5, с. 324].

В связи с этим, на наш взгляд, является обоснованным дополнение ст. 4 УК следующим содержанием: «Под обманом следует понимать введение лица в заблуждение путем сознательного искажения истины либо умолчания об обстоятельствах, которые могли бы воспрепятствовать передаче имущества».

Примером судебной практики является уголовное дело, которое было рассмотрено 26 сентября 2025 года в отношении гражданина П.

Обвиняемый П., используя учетные записи в социальной сети «В Контакте», разместил в различных группах, специализирующихся, в том числе, на продаже товаров, объявления о реализации имущества, в дальнейшем не намереваясь исполнять принятые на себя обязательства по продаже товаров, в ходе интернет-переписки добился перевода ему денежных средств в качестве предоплаты от 101 потерпевшего в общей сумме 25 920,76 рубля.

Рассмотрев дело по существу суд вынес решение о признании гражданина П. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 209 УК Республики Беларусь [6].

Поскольку действующий уголовный закон не закрепляет отдельной ответственности за цифровое мошенничество, предлагается дополнить ч. 2 ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь квалифицирующим признаком «с использованием информационных технологий».

На наш взгляд, закрепление такого квалифицирующего признака в качестве отягчающего обстоятельства, позволит обратить внимание на повышенную опасность данного противоправного деяния.

Библиографический список

1. Анатомия обмана: криминологический портрет современного мошенничества, его схемы и уязвимые мишени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/anatomiya-obmana-kri1707202. – Дата доступа: 03.10.2025.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/documents/own/31913/. – Дата доступа: 03.10.2025.

3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 768 с.

4. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/mogilevskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/326cff4544ef4d6e.html. – Дата доступа: 03.10.2025.

5. Преступления против собственности / Бойцов А.И. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 755 с.

6. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://court.gov.by/ru/gomeljskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/adf3044b8c45455b.html. – Дата доступа: 03.10.2025.

УДК 343.226

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯНИЙ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Е. С. Захилько

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор И.О. Грунтов

Рассматриваются особенности субъективной стороны превышения пределов крайней необходимости. Делается вывод о необходимости закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь составов преступлений, устанавливающих пониженную ответственность за деяния при превышении пределов крайней необходимости.

Ключевые слова: крайняя необходимость; превышение пределов крайней необходимости; субъективная сторона; уголовная ответственность; привилегированные составы.

В соответствии с ч. 1 ст. 36 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) объективная сторона превышения пределов крайней необходимости выражается в причинении правоохраняемому благу вреда равного или большего, чем вред предотвращаемый, а субъективная сторона может быть выражена в форме умысла или неосторожности. Превышение пределов крайней необходимости оценивается на общих основаниях по соответствующей статье Особенной части УК со ссылкой на п. 9 ч. 1 ст. 63 УК. Считаем, что такая уголовно-правовая оценка не соответствует значению института крайней необходимости, особенностям субъективной стороны такого деяния, что выражается в следующем.

Профессор И.О. Грунтов отмечает, что вина – это интеллектуальное и волевое отношение субъекта к совершаемому им деянию и наступившему последствию,

выражающее отрицательное (характерное для умысла) либо пренебрежительное или недостаточно внимательное (свойственное для неосторожности) отношение к социальным ценностям, охраняемым УК [1, с. 20]. В ситуациях, когда лицо действует с целью спасения правоохраняемого блага (крайняя необходимость), социально-психическая составляющая умысла и неосторожности существенно видоизменяется. Так, содержание *неосторожности* при превышении пределов крайней необходимости выражается в предвидении возможности причинения вреда равного или большего, чем предотвращаемый вред и расчете без достаточных на то оснований на предотвращение такого вреда, или в отсутствии предвидения таких последствий, когда лицо должно было и могло их предвидеть. Не имея времени на тщательную оценку ситуации, переживая о социальных благах и их защите тем самым, лицо стремится к устранению большего вреда, в связи с чем нельзя охарактеризовать такое поведение как пренебрежительное или недостаточно внимательное отношение к социальным ценностям, которым причиняется вред. Поэтому превышение пределов крайней необходимости по неосторожности, на наш взгляд, должно оцениваться в рамках ст. 36 УК. При *умышленном* превышении пределов крайней необходимости лицо сознает, что своим деянием причиняет равный или более значительный вред правоохраняемым благам, чем вред предотвращаемый, предвидит наступление таких последствий и желает их наступления *с целью спасения* другого правоохраняемого блага, либо не желает, но сознательно допускает наступление таких последствий, или относится к ним безразлично. Находясь в обстановке давления обстоятельств неминуемой опасности, выбор лица, выразившийся в заведомом причинении вреда равного или большего, чем вред предотвращаемый, отличается от направленности деяния в умышленных преступлениях, поскольку лицо руководствуется целью спасения блага, а отражающее опасность причинение вреда выступает как средство достижения цели, а не как самоцель. Социальная сущность такого умысла не может быть охарактеризована как отрицательное отношение к социальным ценностям, что должно находить отражение в законе. Законодатель должным образом оценивает аналогичные обстоятельства и конструирует правила уголовно-правовой оценки деяний при превышении условий правомерности необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, устанавливая преступность и наказуемость только за умышленное их превышение, выразившееся в причинении вреда жизни и здоровью потерпевшего. Ввиду общего социально-правового значения указанных обстоятельств, исключающих преступность деяния, и крайней необходимости, социально значимой направленности деяния, считаем обоснованным распространить описанный подход законодателя и на превышение пределов крайней необходимости, закрепив в Особенной части УК привилегированные составы убийства, умышленного причинения тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при превышении пределов крайней необходимости.

Библиографический список

1. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012. – 366 с.

УДК 343.2

ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ОТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

А. Д. Згурская

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор А.В. Барков

Работа анализирует обстоятельства, исключающие преступность деяния. Проводится сравнение между обстоятельствами, выделяются их отличительные признаки в контексте целей, оснований и характера причиняемого вреда. Высказываются предложения по совершенствованию правового регулирования в этой области для обеспечения прав граждан.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, регламентируются в главе 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее-УК). При наличии этих обстоятельств, деяние лица не считается преступлением, хотя внешне обладает всеми его признаками.

К таким обстоятельствам УК относит необходимую оборону; причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние; крайнюю необходимость; пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию; деяние, связанное с риском; исполнение приказа или распоряжения. Правовая теория выделяет и иные обстоятельства, оставшиеся вне сферы правового регулирования.

Необходимая оборона имеет ряд схожих признаков с крайней необходимостью и причинением вреда при задержании лица.

Основание для реализации права на защиту – любое общественно опасное посягательство, в то время как задержание лица возможно только при совершении им общественно опасного деяния, предусмотренного УК, что значительно сужает круг общественно опасных деяний в контексте ст. 35 УК. Такое решение обусловлено специальной целью ст. 35 УК, а именно: передача органам власти и пресечения возможности совершения новых общественно опасных деяний, когда лицо пытается или может скрыться от следствия и суда. В то время, как целью необходимой обороны является защита охраняемых законом благ от общественно опасного посягательства. Необходимая оборона – вынужденное право лица, направленное в первую очередь на защиту. Право на задержание лица направлено на пресечение последующей возможной опасности.

Право на необходимую оборону может возникать и до наступления общественно опасного посягательства, если перед ним следуют реальные угрозы и неизбежна опасность. Право на задержание лица возникает только после совершения этим лицо общественно опасного деяния, предусмотренного УК, когда реальная опасность уже отсутствует.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 в п. 18 отмечает, что при реализации права на задержание лица, у задерживающего лица может возникнуть право на необходимую оборону, если задержанный оказывает сопротивление [0].

Статья 36 УК определяет крайнюю необходимость как действие, совершенное для предотвращения или устранения опасности.

Основные отличия этой нормы заключаются в том, что основания для ее применения (источник опасности) значительно шире и включают в себя стихийные силы природы, поведение животных, источники повышенной опасности, а также действия людей (кроме общественно опасного нападения лица). Вред, как правило, причиняется обществу и третьим лица, а не нападающему. Отличается также и цель деяния при крайней необходимости, а именно: устранение вреда или предотвращение еще несуществующего вреда, но потенциально очень опасного.

Наличие исключительных обстоятельств в УК предоставляет возможность для активных действий граждан, направленных на защиту своих прав и прав окружающих. Однако, границы между различными обстоятельствами главы 6 УК во многом размыты, а толкование норм содержится только в доктринальных источниках, что порождает сложности их применения на практике.

На основании изложенного, представляется необходимым принятие Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь по вопросам применения законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, что исключит субъективную трактовку некоторых норм, гармонизирует законодательство в этой сфере и обеспечит реализацию прав граждан в полном объеме.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: [сайт]. – Москва, 2010–2025. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 01.10.2025)

УДК 343.2

ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ФОРМА СОУЧАСТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ УГОЛОВНЫХ ЗАКОНОВ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

Ю. А. Иванютенко

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М. Г. Головенчик

Настоящее исследование посвящено анализу такой формы соучастия, как преступная организация, в уголовных законах государств – участников СНГ. Сопоставляются подходы различных стран СНГ к определению и правовой регламентации данной формы. Сделаны выводы о необходимости внедрения унифицированного подхода к ее пониманию.

Ключевые слова: преступная организация; преступное сообщество; уголовный кодекс; государства – участники СНГ; сравнительно-правовой анализ.

В Уголовном кодексе (далее – УК) Республики Беларусь преступная организация закреплена в качестве одной из форм соучастия. В ст. 19 УК Республики Беларусь содержится определение данной формы, отражающее её правовую природу и место в системе уголовно-правового регулирования. Кроме того, ст. 285 указанного УК устанавливает ответственность за создание преступной организации, а также за участие в её деятельности, что свидетельствует о комплексном подходе национального законодательства к противодействию организованной преступности. В уголовных кодексах государств – участников СНГ такая форма соучастия также получила законодательное закрепление, как и в Модельном уголовном кодексе СНГ, где в ст. 38 содержатся важные положения о рассматриваемой форме соучастия. В связи с этим представляется целесообразным провести сравнительно-правовой анализ регламентации (подходов к закреплению) данной формы соучастия в уголовных кодексах стран, имеющих схожую с Республикой Беларусь правовую систему, что позволит выявить общие тенденции, а также установить особенности различных моделей нормативного закрепления.

В УК Российской Федерации (от 13.06.1996 № 63-ФЗ) закреплена такая форма соучастия, как преступное сообщество (преступная организация). Так, ст. 35 определяет её как совершенное структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Сравнение с УК Республики Казахстан (от 03.07.2014 № 226-V) демонстрирует отличия организованной группы от преступной организации (ст. 262) и преступного сообщества (ст. 263), определяя последнее как объединение двух или более преступных организаций для совместных преступлений. В отличие от данной модели, УК Республики Беларусь характеризуется более интегрированным подходом: в рамках единой конструкции «преступной организации» охватываются как объединения преступных групп, так и их внутренняя организационная структура. Отсутствие необходимости нормативной дифференциации между «организацией» и «сообществом» способствует упрощению квалификации преступлений, снижению вероятности правоприменительных ошибок. Продолжая анализ, в ст. 29 УК Республики Узбекистан (от 22.09.1994 № 2012-XI) одной из форм соучастия является преступное сообщество, определяемое как предварительное объединение двух или более организованных групп для занятия преступной деятельностью, а в ст. 242 устанавливается ответственность за организацию преступного сообщества.

В ходе сравнительно-правового анализа регулирование преступной организации в уголовных кодексах Республики Беларусь и стран СНГ отражает разные, но обоснованные подходы: Российская Федерация выделяет структурированное преступное сообщество с наличием определенной цели, Республика Казахстан разделяет организованную группу, преступную организацию и преступное сообщество

для более детализированной дифференциации уголовной ответственности, Республика Узбекистан применяет общее определение с широким толкованием, а Республика Беларусь акцентирует структурные особенности и согласованность действий. Рассмотренный опыт других государств – участников СНГ позволяет сделать вывод о наличии в каждом из государств специфики подходов к определению форм соучастия, так и закрепления отличительных черт преступной организации (сообщества).

Кроме того, на основании проведенного выше анализа, учитывая сущность данной формы соучастия, по нашему мнению, является целесообразным выработка унифицированного подхода, выражающегося в закреплении в Модельном уголовном законе таких признаков, как наличие общего руководства, создания условий для поддержания и развития, наличие цели в виде совместного совершения преступления (преступлений), а также регламентация ответственности участников преступной организации (сообщества).

УДК 343

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ «СТАЛКИНГ» В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Б. В. Иващенко

студент 1 курса
УО ФПБ Международный университета «МИТСО»
Научный руководитель: Р.Н.Говорко

Актуальность данного исследования обуславливается тем, что термин «Сталкинг» как преступление, так и не получил своего легального закрепления в уголовном законодательстве Республики Беларусь, в соответствии с которым, само понятие «Сталкинг», в некоторых странах (например, США, Канада, Австралия), определяется как сознательное, совершаемое со злым умыслом и повторяющееся преследование и причинение беспокойства другому человеку. В статье проанализирована ст. 115-1 «Сталкинг» Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), предусматривающая состав преступления и уголовную ответственность за совершенное деяние. Целью исследования является имплементация преступления «Сталкинг» в раздел VII. Преступления против человека главу 19 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) отдельной статьи, которая будет предусматривать состав преступления за «Сталкинг», а также уголовную ответственность за совершение данного деяния.

Ключевые слова: сталкинг, преступление, уголовное законодательство, уголовная ответственность, имплементация.

Слово «Сталкинг» происходит от «to Stalk», что означает ходить особым образом, осмотрительно и крадучась. Синтез этих понятий рождается термин «выслеживать». Подход к определению термина с этимологической точки зрения показывает нам связь термина «Сталкинг» с охотой и означает выслеживать кого-то на охоте. Такое толкование термина дает нам точное представление о типе пове-

дения сталкера – скрытом преследовании жертвы со стороны охотника, при котором не учитываются интересы преследуемого лица, и также указывает на серию нежелательных коммуникаций, рождающих у жертвы страх [1, с. 279].

Так, сам понятие «Сталкинг» некоторыми учеными такими как А.М. Мясниковой, Е.Г. Сторубленковой, определятся как преступление, предусматривающее нежелательное навязчивое внимание к лицу со стороны другого лица, выражающееся в преследовании, слежении, применении угрозы, шантажа, совершенных неоднократно [2, с. 53].

К сожалению, в белорусском законодательстве нет основного и общепризнанного трактования «Сталкинга». Данный пробел в белорусском законодательстве приводит к тому, что предварительные неблагоприятные для состояния жертвы «Сталкинга» деяния никаким образом не пресекаются. Следовательно, впоследствии могут возникнуть последующие официально незаконные деяния, правонарушения и преступления в отношении гражданина Республики Беларусь и иных граждан.

В данной ситуации, следует проанализировать ст. 115-1 УК РК. Объективная сторона преступления определяет «Сталкинг» как «неоднократное совершение умышленных действий по преследованию, слежке, поиску потерпевшего, выражающихся в личном и виртуальном контакте против его воли, создающих у потерпевшего обоснованные опасения за свою безопасность». Санкция выражается в «наказывании штрафом в размере до двухсот месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до двухсот часов, либо арестом на срок до пятидесяти суток». Введение отдельной ст. 115-1 УК РК предоставило правоохранительным органам четкий правовой инструмент для вмешательства в ситуацию преследования на ранних стадиях. Это позволяет предотвращать эскалацию поведения сталкера и до того, как перерастет в физическое насилие.

Таким образом, предлагаем закрепить отдельную статью «Сталкинг» в раздел VII. Преступления против человека главу 19 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая будет предусматривать специальный состав преступления, криминализирующего «Сталкинг». Новая уголовно-правовая норма позволит осуществлять раннее и превентивное вмешательство правоохранительных органов, разрывая порочную цепь виктимизации и предотвращая более тяжкие последствия, что соответствует принципу экономии уголовной репрессии и стратегии предупреждения преступности.

Библиографический список

1. Сторубленкова, Е. Г. Сталкинг: синдром навязчивого преследования / Е. Г. Сторубленкова, В. Л. Самуткин // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 6. – С. 278-281.

2. Дюсенбаева, А. К. Сталкинг в уголовном законодательстве Республики Казахстан: реалии и перспективы / А. К. Дюсенбаева, У. Е. Тугелбаев // Вестник Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова. – 2022. – № 4(78). – С. 51-56.

УДК 343.7

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Н. А. Казак

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор И. О. Грунтов

В рамках статьи рассматривается субъект и субъективная сторона киберпреступлений против собственности. Отмечается снижение возраста лиц, совершающих киберпреступления. Предлагается определение корыстной цели и ее отличия от корыстного мотива.

Ключевые слова: киберпреступления против собственности; субъект киберпреступлений против собственности; субъективная сторона киберпреступлений против собственности; снижение возраста уголовной ответственности; корыстная цель; корыстный мотив.

Киберпреступность – «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [1, с. 46].

За преступления, предусмотренные главой 24 Уголовного кодекса, в зависимости от формы хищения, ответственность может наступать как с 14 лет, так и с 16 лет. Важно отметить, что возраст лиц, совершающих киберпреступления, значительно уменьшился за последние 20 лет. Если раньше он составлял в основном 18-35 лет, то сейчас 90% киберпреступлений совершаются лицами в возрасте до 20 лет [2],[3].

На наш взгляд, возраст киберпреступника уменьшается пропорционально уменьшению возраста пользователя ИКТ, в том числе сети «Интернет».

На основании этого, различные ученые-юристы вступают в дискуссии относительно снижения возраста уголовной ответственности за киберпреступления против собственности. Одни считают это необходимым шагом, направленным на борьбу с киберпреступностью, другие, наоборот, не видят в этом необходимости и отмечают угрозу безопасности государства. В обоснование своей позиции они говорят, что чем раньше ребенок попадает в места лишения свободы, тем больше вероятность, что он выйдет оттуда закоренелым преступником.

Э.А. Саркисова связывает установление минимального возраста с историческими и культурными ценностями общества, где растет несовершеннолетний. «Необходимо стремиться к установлению разумного низшего предела, который в дальнейшем мог бы применяться не только на уровне государства, но и в международных масштабах» [4, с. 506].

С субъективной стороны киберпреступления против собственности характерны наличием прямого умысла, а также корыстной цели. По делам о хищении,

корыстная цель имеет важное значение при квалификации преступлений. В зависимости от ее наличия или отсутствия, содеянное может иметь различную уголовно-правовую оценку.

Корыстная цель, по мнению А.В. Баркова, – тот желаемый результат, которого стремится достичь лицо, совершая общественно опасное деяние: обогатиться самому либо обогатить близкого или иное лицо» [5, с. 57].

В литературе есть различные мнения о совпадении корыстной цели и корыстного мотива.

«Цель преступления – это представление о желаемом результате, к которому стремится лицо. В отличие от мотива преступления, цель характеризует тот непосредственный результат, на достижение которого виновный направляет свое общественно опасное деяние» [5, с. 65].

В литературе существует мнение: «Без корыстного мотива, состоящего в побуждении виновного извлечь в результате совершения преступления выгоду имущественного характера или избавиться от определенных материальных затрат, отсутствует корыстная цель» [6, с. 37].

Однако есть и противоположная точка зрения, когда преступление может совершаться с корыстной целью, но без корыстного мотива.

Для понимания масштабности киберпреступлений против собственности, по данным Следственного комитета Республики Беларусь, только за 2024 год ущерб гражданам, причиненный интернет-преступлениями, составил свыше 63 миллионов белорусских рублей [7].

Таким образом, мы можем наблюдать прямую зависимость возраста субъекта совершения преступления от способа. С повсеместным внедрением цифровизации в нашу жизнь, возраст киберпреступника уменьшился. Однако, по нашему мнению, снижение возраста уголовной ответственности может повлиять на становление молодежи как граждан государства.

Также, рассматривая вопрос субъективной стороны, хочется отметить, что особых различий между преступлениями против собственности и киберпреступлений против собственности нет.

Библиографический список

1. Номоконов, В. А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / В. А. Номоконов, Т. Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 24. – С. 45–55.

2. В Сбербанке рассчитали долю совершенных детьми киберпреступлений – РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/04/07/2018/5b3ceb009a7947b19e91997e. – Дата доступа: 03.10.2025.

3. Черкасов, В. Н. Кто живет в «киберпространстве»? / В. Н. Черкасов, А. Б. Нехорошев // Управление защитой информации. – 2003. – Т. 7, № 4. – С. 468–471.

4. Саркисова, Э. А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э. А. Саркисова. – 2-е изд., пересм. и доп. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 734 с.

5. Барков, А. В. Корыстная цель (в уголовном праве) / А. В. Барков // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. – Минск, 2009. – Т. 2. – С. 125.

6. Шеслер, А. В. Корысть: соотношение цели и мотива совершения преступления / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер // Вестник Югорского государственного университета. – 2023. – № 4. – С. 33–37.

7. Следственный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/sledstvennyj-komitet-zloumyshlenniki-chasche-orudujut-v-internet-prostranstve-i-ispolzujut-vse-bolee-14728/. – Дата доступа: 03.10.2025.

УДК 343

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОСТОЯНИЯ АФФЕКТА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

У. А. Калиева

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Н. И. Козелецкая

В статье рассматриваются правовые и психологические аспекты установления состояния аффекта в уголовном праве Республики Беларусь. Анализируются сложности его доказывания в судебной практике, выявляются пробелы в законодательстве и приводятся предложения по совершенствованию правового регулирования.

Ключевые слова: Аффект; сильное душевное волнение; судебная практика; уголовное право; психолого-психиатрическая экспертиза; внезапность.

В уголовном праве Республики Беларусь значительное внимание уделяется учету психоэмоционального состояния лица, совершившего преступление. Однако на практике установление состояния аффекта вызывает существенные трудности. Ошибки в установлении состояния аффекта могут привести к неправильной квалификации деяния, что противоречит принципам справедливости и индивидуализации наказания.

Аффект — это состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием, издевательством, тяжким оскорблением или иными противоправными или грубо аморальными действиями потерпевшего либо длительной психотравмирующей ситуацией, связанными с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [1, с. 2].

Закон не даёт четкого определения «сильного душевного волнения», что вызывает вопрос о признаках, позволяющих суду установить аффект и отличить его от иных эмоциональных состояний. Важно понимать, что аффект —это не болезнь и не полная утрата сознания, а пограничное состояние между эмоцией и психическим расстройством, при котором осознание действий сохраняется, но способность управлять ими снижается.

В судебной практике ключевую роль играет психолого-психиатрическая экспертиза. Эксперты оценивают способность осознавать и контролировать действия в состоянии внезапного сильного душевного волнения, учитывая аффектогенность ситуации, динамику эмоционального состояния, взаимодействие с обстоятельствами и влияние эмоций на поведение. [3, с. 2].

Однако применение этих критериев судами остается непоследовательным, что приводит к разным выводам при оценке наличия аффекта.

Доказательная плоскость установления аффекта проблематична по двум причинам: отсутствие четких процессуальных критериев допустимости и релевантности доказательств, подтверждающих его наличие, и субъективный характер эмоциональных переживаний, не оставляющих прямых следов. Поэтому доказательства строятся на косвенных признаках — поведенческих реакциях, телесных повреждениях, показаниях свидетелей и медицинских данных. Это создает трудности для суда, который должен не только подтвердить внезапность, интенсивность и кратковременность эмоционального всплеска, но и понять внутреннее состояние обвиняемого, отличая умысел от мгновенной утраты самоконтроля.

Например, в определении судебной коллегии Верховного Суда Республики Беларусь от 10 июля 2020 года по делу № 02ау-102/2020 указано, что оснований считать обвиняемого находившимся в состоянии аффекта не имеется, так как повода для сильного душевного волнения не было, а потерпевшие не совершали действий, способных его вызвать [2, с. 2].

Рассмотрев проблемы установления состояния аффекта в судебной практике Республики Беларусь, можно сделать вывод, что данная категория дел остаётся одной из наиболее сложных в уголовно-правовой оценке. Основные трудности связаны с отсутствием четких процессуальных критериев допустимости и оценки доказательств, субъективным характером эмоциональных состояний и неоднозначностью судебной интерпретации признаков аффекта.

Для совершенствования правоприменительной практики предлагается: закрепить в законодательстве единые подходы к оценке внезапности, интенсивности и кратковременности эмоциональных всплесков, определить процессуальные стандарты допустимости и уточнить критерии доказательств состояния аффекта.

Реализация этих мер повысит объективность судебных решений, обеспечит единообразие практики и позволит более полно воплотить принципы справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : принят 9 июля 1999 г. № 275-З // Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

2. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 10 июля 2020 г. по делу № 02ау–102/2020 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — 2020.

3. Постановление Государственной службы медицинских судебных экспертиз Республики Беларусь от 17 сентября 2012 г. № 1 «Об утверждении нормативных правовых актов по вопросам проведения судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз» (с изм. и доп. постановлением Государственной службы медицинских судебных экспертиз от 28 сентября 2012 г. № 2)

УДК 343.7

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ («ОТМЫВАНИЕ») МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

М. П. Карев

студента 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.В. Шидловский

В статье автором рассматриваются проблемные вопросы, связанные с уголовно-правовой оценкой легализации («отмывания») денежных средств и иного имущества, приобретенного преступным путем, исследуется цель легализации как обязательный признак состава данного преступления.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, отмывание денежных средств, объективная сторона, субъективная сторона

Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретённых преступным путём, является преступлением против порядка предпринимательской деятельности (ст. 235 УК). Она выражается в совершении финансовых операций или сделок с денежными средствами, ценными бумагами либо иным имуществом, добытым преступным путём, а также в использовании их для предпринимательской или иной хозяйственной деятельности с целью скрыть или исказить их происхождение, местонахождение, движение или принадлежность.

Отмывание преступных доходов относится к международным преступлениям. Европейская конвенция 1990 года направлена на создание системы международного сотрудничества для борьбы с легализацией преступных доходов независимо от места их получения и отмывания.

Предметом преступления выступают материальные ценности – деньги, ценные бумаги, иное имущество, добытое преступным путём. Нематериальные ценности предметом не являются. На квалификацию не влияют характер и тяжесть исходного преступления, место или способ приобретения. Если имущество получено с нарушением норм не уголовного, а иного законодательства, уголовная ответственность не наступает.

Финансовые операции охватывают действия с денежными и валютными средствами, подлежащие контролю согласно Закону Республики Беларусь «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных незаконным путём». К ним относятся банковские операции с ценностями, сделки с ценными бумагами, переводы денег, выигрыши в азартных играх, перемещение средств через границу, страховые выплаты, вложения в уставные фонды и иные действия, связанные с изменением имущественных прав.

Сделки с деньгами, ценными бумагами или имуществом охватывают любые действия, направленные на установление, изменение или прекращение прав, включая покупку, продажу, залог, хранение, перевозку. Использование преступных доходов в предпринимательстве (страховании, торговле, производстве и др.) также может быть формой легализации.

Действия квалифицируются как легализация, если они совершаются с целью придать преступно приобретённым ценностям вид законных, вводя их в правомерный оборот путём сокрытия или искажения сведений об их происхождении и принадлежности.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и целью скрыть незаконное происхождение имущества и придать ему официальный статус. Виновный осознаёт, что действует с преступно добытыми ценностями, хотя не обязан знать детали их получения.

Субъект преступления – любое лицо с 16 лет, участвующее в незаконной легализации. Исключение сделано для исполнителя первоначального преступления, если он не использовал добытые ценности для хозяйственной деятельности. При этом организаторы, подстрекатели и пособники несут ответственность на общих основаниях.

Квалифицирующими признаками считаются повторность, использование служебного положения и особо крупный размер, а особо квалифицированный состав – совершение преступления организованной группой.

Освобождение от ответственности возможно, если участник добровольно сообщил о преступлении до привлечения к ответственности и содействовал следствию в установлении соучастников, обстоятельств преступления или местонахождения имущества.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 09 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Рсеп. 24 июня 1999 г. : в ред Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. №61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.10.2025).

2. Бабий, Н. А. Легализация (отмывание) материальных ценностей, приобретенных преступным путем / Н. А. Бабий // Белорусская юридическая энциклопедия: В 4 т. – Т. 2. – Минск, 2009, - С. 161–163.

3. Уголовное право : учебное пособие / А. В. Барков [и др.] ; под ред. А. Л. Савенка, А. В. Шидловского, К. С. Захилько. – Минск : БГУ, 2023. – 607 с. – (Совершенствование магистерской программы по уголовной юстиции).

4. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 768 с.

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Д. В. Капанец

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Д. А. Плетенёва

Исследование посвящено анализу криминогенных детерминант, влияющих на формирование личности подростка-правонарушителя

Ключевые слова: подросток, криминогенная личность, макроуровень, микросреда, криминогенные качества

Подростковый возраст – это период, который наполнен эмоциональными и физическими изменениями, серьезно влияющими на формирование личности. В это время молодые люди начинают активно искать свою идентичность, свое место в этом мире. Зачастую это приводит к девиантным и даже криминальным проявлениям.

Детерминанты преступности несовершеннолетних представляют собой целостную систему взаимодействующих элементов, таких, например, как: жизненные ситуации, воспитание, влияние общества и СМИ и др. Эти факторы могут как позитивно воздействовать на личность подростка, так и делать ее уязвимой к негативным внешним условиям. Для определения причины правонарушений необходимо обратить внимание на систему внешних и внутренних факторов. Первые представляют собой противоречия в общественном бытие, а также в экономических и социальных отношениях, вторые – элементы социальной психологии подростков, которые противоречат установленным нормам права и запретам, морали и нравственности. Следует отметить, что к детерминантам, вызывающим негативные последствия, относятся такие общие факторы, как экономическая нестабильность и кризисные явления, а также частные внутренние причины, например, снижение эффективности профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступности среди несовершеннолетних.

С объективными причинами связаны внешние обстоятельства, которые принято делить на два уровня: макро- и микроуровень. На макроуровне в качестве криминогенных в первую очередь выделяют социально-экономические факторы: уровень общего правосознания населения, его общую правовую культуру, неразвитость экономических отношений, государственный строй и ряд иных. Однако большее значение для формирования криминальной личности подростка приобретает микросреда – его ближайшее окружение. Именно оно, демонстрируя образцы антиобщественного поведения, впоследствии может перерасти в криминогенную среду, оказывающую на личность чрезвычайно существенное влияние.

Указанные ранее факторы способствуют формированию криминогенной направленности личности подростка, что представляет собой качественную динамическую характеристику личности, содержательную основу которой в свою очередь составляет криминогенный комплекс качеств личности и ее асоциальные мотивы, обуславливающие склонность подростка к выбору противоправных средств и способов удовлетворения своих потребностей [1, с. 189].

Криминогенные качества личности подростка образуют ее криминогенный комплекс, который включает деформированную систему жизненных ценностей, отсутствие адекватных представлений о будущем, хроническую конфликтность в отношении со взрослыми и сверстниками, акцентуацию характера и т.п. Особое место в структуре личности несовершеннолетнего занимают асоциальные мотивы,

которые имеют ключевое значение в возникновении намерения совершить преступление. Такой мотивацией может стать месть, жадность, подражание, стремление приобрести авторитет, желание скрыть другое правонарушение или же принудить к совершению такового.

Таким образом, содержание криминогенной направленности личности подростка включает в себя черты характера, отношение к будущему, а также социальные отношения подростка с другими людьми [1, с. 189]. Понимание комплекса криминогенных детерминант, формирующего личность подростка-правонарушителя, позволяет разработать и эффективно применять систему мер, направленных на предупреждение преступности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Аптикиева Л.Р., Бурсакова М.С. Диагностика криминогенной направленности личности подростка / Л.Р. Аптикиева, М.С. Бурсакова // Вестник оренбургского государственного университета. – 2014. – №. 2 (163). – С. 189-194.

УДК 343.71

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗБОЙ

М. И. Кизер

магистрант юридического факультета
Витебского государственного университета
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент В.Г. Стаценко

За короткий период времени уголовно-правовая норма, регламентирующая разбой, претерпела ряд изменений. Это говорит лишь о том, что понимание и отношение к разбою как правовому и социально негативному явлению постепенно меняется, имеется необходимость в совершенствовании законодательства, что в свою очередь поспособствуют ее правильному применению и укреплению в последующем законности в деятельности правоприменительных органов нашего государства.

Ключевые слова: разбой, ответственность, преступление, собственность, насилие

В Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З, в редакции от 17 февраля 2025 г. № 61-З (далее УК) определены основные ценности уголовно-правовой охраны, в научной литературе эти социальные ценности именуют объектом уголовно-правовой охраны.

Объектом правовой охраны является и собственность граждан, которая также может стать объектом такого преступления, как «разбой».

Официальные статистические данные [1] свидетельствуют о том, что удельный вес корыстных преступлений последних лет в структуре преступности стабильно составляет порядка 55%: 2018 год - 50,1%; 2019 год - 53,4%, 2020 год - 61,8, 2021 год - 55%, 2022 год - 55,6%, 2023 год - 56,3, 2024 год - порядка 50%. В общем числе зарегистрированных преступлений определенный удельный вес занимают преступления корыстно-насильственной направленности. Из указанной

группы преступлений самым опасным является разбой – форма хищения, который посягает на два объекта: собственность и личность. Во время его совершения здоровью потерпевшего часто причиняется тяжкий вред, нередко он сопряжен с убийством потерпевшего.

В 2024 году зарегистрировано 52 разбоя (2023 год - 69).

Разбой представляют собой особую форму преступного поведения, для которого характерно инструментальное насилие, то есть насилие, используемое исключительно как средство достижения корыстной цели. Разбои – это почти исключительно мужская преступность, характерная для лиц в возрасте 25 - 40 лет. Нельзя не отметить тот факт, что разбои совершаются и несовершеннолетними: 2020 г. - 4, 2021 – 2, 2022 – 5, 2023 –1, 2024 – 4 [1].

Число фиксируемых в последние годы разбоев конечно не достигает того уровня, который требует кардинальных мер для решения данной проблемы, однако такие преступления всегда будут являться актуальными для юридической науки и правоприменительной практики.

Особая общественная опасность разбоя обусловливает необходимость совершенствования уголовного закона в области реализации уголовной ответственности.

В правовом регулировании уголовной ответственности за данное преступление имеются некоторые проблемные моменты, требующие принятия мер по совершенствованию действующего белорусского законодательства в отношении, в частности, разбоя, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Так, несмотря на то, что признаки организованной группы определены в ч. 1 ст. 18 Уголовного Кодекса и охарактеризованы в п. 2–4 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 25 сентября 2003 г. № 9, в правоприменительной практике отсутствует единый подход к уголовно-правовой оценке такого явления, как организованная группа, что, в свою очередь, отрицательно влияет на практику расследования и рассмотрения в судах уголовных дел данной категории.

Мы полагаем необходимым внести следующие изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда от 25 сентября 2003 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с созданием и деятельностью организованных групп, банд и преступных организаций» (далее - Постановление), в частности:

1) второе предложение части второй пункта 2 Постановления изложить в следующей редакции: о предварительной объединенности преступной группы могут свидетельствовать, в частности, планирование преступной деятельности, согласованность действий соучастников, разработка системы мер, позволяющих свести риск провала к минимуму, отработка вариантов поведения на предварительном следствии на случай задержания и т. д.»;

2) часть вторую пункта Постановления дополнить следующим предложением: «для установления предварительной объединенности преступной группы суды должны устанавливать цель создания группы и какие именно действия выполняли участники такой группы».

Библиографический список

1. Статистика правосудия и правонарушений. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/10620 (дата обращения: 23.09.2025)

УДК 343.7

ПОДХОДЫ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

А. Н. Кирьянова

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор И.О. Грунтов

В целях возможности заимствования наиболее прогрессивных уголовно-правовых норм в статье рассматриваются подходы государств дальнего зарубежья к закреплению уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения. Преимущество ст. 216 УК Беларуси.

Ключевые слова: причинение имущественного ущерба без признаков хищения; зарубежные государства; криминализация; ответственность; предмет преступления.

В уголовном законодательстве современных государств дальнего зарубежья нет аналогов ст. 216 УК Республики Беларусь и используется подход, согласно которому криминализации подлежат отдельные положения причинения имущественного ущерба без признаков хищения.

Наиболее распространенными являются преступные деяния, связанные с получением услуг путем обмана (ст. 263 УК ФРГ, 313-5 УК Франции, ст. 149, 150 УК Швейцарии), незаконным использованием энергии (ст. 248с УК Австрии, ст. 137 УК Албании, ст. 255 УК Испании, ст. 248с УК ФРГ, ст. 142 УК Швейцарии, ст. 10 гл. 8 УК Швеции), противоправным пользованием телекоммуникационными линиями, телефонной и иными видами связи (ст. 137 УК Албании, ст. 326с УК Нидерландов, ст. 256 УК Испании, ст. 265 КНР, ст. 265а УК ФРГ), транспортными средствами (ст. 265а УК ФРГ, ст. 313-5 УК Франции, ст. 150 УК Швейцарии, ст. 7 гл. 8 УК Швеции). Как вы видим, происходит криминализация в зависимости от предмета преступления. Совершаются деяния в форме противоправного использования чужим имуществом или возмездными услугами.

УК Швейцарской конфедерации предусматривает ответственность лица, которое получает проживание или другие услуги в отеле, ресторане или аналогичном заведении и обманным путем покидает его, не заплатив за них, и лиц, получивших услугу без оплаты, зная, что услуга предоставляется только за плату, и, в частности, посетившее публичные выступления, выставки или аналогичные мероприятия [1, ст. 149, 150].

В УК Италии в ст. 624 «Кража» указано, что электроэнергия и любая другая энергия, имеющая экономическую ценность, считаются движимой вещью и являются предметом кражи [2]. Как мы видим, УК Италии избрал отличный от Беларуси подход и в качестве предмета хищения рассматривает также энергию. УК Беларуси не признает энергию предметом хищения, поскольку отсутствует ее объективная форма в реальности, а значит, нет физического признака имущества.

УК Нидерландов предусматривает ответственность лица, которое с намерением не платить в полном объёме использует технологические средства или ложные сигналы для получения услуги, предоставляемой широкой общественности посредством телекоммуникаций [3, ст. 326с].

Положения о причинении имущественного ущерба без признаков хищения рассматриваются как разновидность злоупотребления доверием (ст. 263 УК ФРГ) и обмана (ст. 313-1 УК Франции), которые не связаны с завладением чужим имуществом. Зачастую данные положения подлежат смешению с мошенничеством (ст. 263 УК ФРГ, ст. 347-2 УК Кореи).

Также в связи развитием информационных технологий в ряде государств криминализирован новый способ совершения преступлений против собственности, который применим и в отношении рассматриваемого состава преступления. Так, согласно УК Швеции, ответственности полежат лица, которые совершают преступное деяние путем незаконного влияния на результат автоматической обработки информации [4, ч. 2 ст. 1 гл. 9].

Таким образом, в уголовном законодательстве государств дальнего зарубежья не находит прямого отражения норма о причинении имущественного ущерба без признаков хищения, однако криминализируются отдельные ее проявления. На наш взгляд, закрепление отдельных положений не столь удачно и является ограничивающим. К тому же идет смешение рассматриваемого деяния с мошенничеством, что может отрицательно сказываться на квалификации преступного деяния. Потому мы считаем, что ст. 216 УК Беларуси является довольно прогрессивной, имеет ряд преимуществ (предусмотрена ответственность за совершение деяния путем модификации компьютерной информации) и могла бы быть заимствована зарубежными государствами. Однако ознакомление с нормами иных государств относительно рассматриваемого преступления может быть полезно с практической точки зрения, поскольку перечисляется широкий круг предметов преступного деяния.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Швейцарской Конфедерации: [электронный ресурс]. – Минск, 2025. – URL: Criminal Code of the Swiss Confederation.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

2. Уголовный кодекс Италии: [электронный ресурс]. – Минск, 2025. – URL: criminal code of Italy.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

3. Уголовный кодекс Нидерландов: [электронный ресурс]. – Минск, 2025. – URL: Netherlands-Criminal-Code.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

4. Уголовный кодекс Швеции: [сайт]. – Минск, 2025. – URL: https://constitutions.ru/?p=25020 (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 343.35

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ КАК НАИБОЛЕЕ ОПАСНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

А. В. Ковалёва

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель А. Н. Кривой

В настоящей статье анализируется вопрос совершенствования уголовно-правовых механизмов противодействия коррупции и коррупционным преступлениям в Республике Беларусь. Исследуется опыт наименее коррумпированных государств в сфере противодействия взяточничеству как наиболее опасной формы коррупции.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, коррупция, коррупционные преступления, взяточничество, противодействие.

Противодействие коррупции и коррупционным преступлениям является одним из важнейших приоритетов уголовно-правовой политики белорусского государства.

Индекс восприятия коррупции в Республике Беларусь за 2024 г., согласно информации международной общественной организации Transparency International, составил 33 балла (114 место из 180 стран), показывая отрицательную тенденцию по сравнению с предыдущими годами, поэтому коррекция уголовно-правовых механизмов противодействия взяточничеству как наиболее опасному проявлению коррупции является актуальным для рассмотрения.

По состоянию на 2024 г. в рейтинг наименее коррумпированных государств входят: Королевство Дания (далее – Дания), Финляндская Республика (далее – Финляндия) и Республика Сингапур (далее – Сингапур).

Согласно Уголовному кодексу Дании, коррупционные преступления наказываются штрафом, размеры которого зависят от уровня и тяжести преступления, лишением свободы сроком до 6 лет, а также лишением заниматься государственной службой до конца своей жизни.

Уголовное законодательство Финляндии предусматривает за совершение государственными должностными лицами коррупционных преступлений от штрафа до 2 лет лишения свободы. При этом лицо освобождается от занимаемой должности, запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 2 месяцев до 4 лет при наличии отягчающих обстоятельств.

Согласно сингапурскому уголовному законодательству, санкции за коррупционные преступления предусматривают наказание в виде штрафа или лишения свободы сроком от 5 до 7 лет в зависимости от характера преступления, либо и то, и другое за каждый доказанный коррупционный эпизод.

Подчеркнем, что в вышеперечисленных государствах помимо репрессивных особое внимание уделяется превентивным антикоррупционным мерам.

В Республике Беларусь за получение взятки, согласно ч. 1 ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), предусмотрено наказание в виде ограничения свободы сроком от 3 до 5 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или лишением свободы на срок до 7 лет со штрафом и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Должностные лица, занимающие государственные должности, осужденные за совершение коррупционных преступлений, не подлежат условно-досрочному освобождению от наказания, к ним не применяется замена неотбытой части наказания более мягким. На основании акта амнистии такие лица могут быть лишь частично освобождены от наказания при условии полного возмещения стоимостного эквивалента предмета взятки.

Благодаря принимаемым мерам сдерживания и ранней профилактики коррупция в Республике Беларусь количество коррупционных преступлений на первое полугодие 2025 г. не превышает 2% в структуре общей преступности. Следует констатировать, что условия и причины, по которым был введен запрет на условно-досрочное освобождение в 2019 г. в настоящий момент отпали. Важно не забывать, что находясь в исправительных учреждениях, коррупционный преступник устанавливает более тесную связь с людьми, у которых можно перенять криминогенные взгляды и умения.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо внести изменения и изложить санкцию ч. 1 ст. 430 УК следующим образом: «наказываются общественными работами, арестом или ограничением свободы на срок от двух до пяти лет, или штрафом с лишением права занимать определенные должности». Впоследствии последует концептуальный пересмотр санкций статей иных коррупционных преступлений.

Таким образом, видится нецелесообразным применять в целях противодействия коррупционным преступлениям исключительно репрессивный подход, поскольку он нацелен на борьбу с воздействием на совершившийся факт, а не причины благоприятной для коррупционной обстановки. Вопрос поиска и трансформации уголовно-правовых механизмов противодействия коррупционным преступлениям имеет многоаспектный характер, поэтому остается актуальным и требует дальнейшего изучения.

УДК 343.918.2

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СКУЛШУТЕРА

А. В. Козырева

студентка 3 курса юридического факультета
Могилевского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель А. Ю. Рыжанков

В данной работе даётся определение понятия "скулшутинг", выделены три условных типа скулшутеров по форме поведения, описывается основная группа риска, анализируются социально-психологические особенности лиц, совершающих такие нападения, а также отмечается наличие двух противоположных комплексов черт среди характерологических особенностей скулшутеров. Работа направлена на углубление понимания психологического профиля данной группы лиц с целью разработки превентивных мер и профилактических программ в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: насильственные преступления; скулшутинг; скулшутер; личность преступника; преступность несовершеннолетних.

Под скулшутингом понимается массовая стрельба, вооружённое нападение учащегося (группы учащихся), или стороннего человека на обучающихся и педагогов в учреждении образования [1].

С точки зрения социально-демографических признаков, группу риска составляют лица мужского пола, средний возраст которых 15–18 лет [2].

Среди характерологических особенностей скулшутеров можно выделить два противоположных по содержанию комплекса черт: с одной стороны импульсивно-возбудимая личность, проявляющийся во враждебно-жестоком отношении к окружающим, сочетающийся с нарциссизмом и эгоизмом, с другой иппохондрически-тревожная личность, для которой характерны самообвинения, суицидальные фантазии и избегание социального взаимодействия [3].

В научной литературе выделяют следующие основные социально-психологические особенности скулшутера: нарциссизм; трудности с социализацией; тяга к насилию; внешний локус контроля; желание прославиться; интерес к деструктивной идеологии [4].

По форме поведения психиатры и криминологи условно разделили скулшутеров на три типа:

- психопаты. Это нарциссы, с активной агрессией в сторону окружающих, которые подвержены асоциальному поведению.
- психотики. Малоразговорчивые, необщительные люди, одиночки.
- травматики. Эти лица сами пережили какой-либо вид насилия [5].

Таким образом, личность, совершающая эти преступления, обладает такими психологическими особенностями как нарциссизм, трудности в социализации, склонность к насилию, внешний локус контроля, стремление к известности и интерес к деструктивной идеологии. Понимание этих факторов критически важно для раннего выявления и профилактики данного вида преступлений. Полагаем, в школах необходимо ввести обязательные беседы с психологами для всех учащихся в целях оперативного выявления лиц, склонных к общественно опасному поведению.

Библиографический список

1. Лукашкова И.Л., Ященко А.А. Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. - 2021. - Т. 6, № 2 (12). - С. 337-341. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-skulshutinga-prichiny-i-profilaktika/viewer (дата обращения: 06.10.2025).

2. Ломовская С.А., Пономарев Е.А. Психологические особенности личности террориста в контексте проблемы скулшутинга // Студенты пишут. - 2022. - С. 285-288. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-lichnosti-terrorista-v-kontekste-problemy-skulshutinga/viewer (дата обращения: 06.10.2025).

3. Белодед Д.Р., Енгалычев В.Ф., Корзунин В.А., Духновский С.В. Психологическая модель выявления потенциальных скупшутеров в цифровой образовательной среде // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2023. - Т. 28, № 1(92). - С. 34-40. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-model-vyyavleniya-potentsialnyh-skulshuterov-v-tsifrovoy-obrazovatelnoy-srede/viewer (дата обращения: 06.10.2025).

4. Букалерова Л.А., Даитгаджиев Г.М., Лапин А.В. Социально-психологические характеристики скулшутера // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 3/231. - С. 401-404. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskie-harakteristiki-skulshutera/viewer (дата обращения: 07.10.2025).

5. Кучер О.А., Семенова Е.А., Рогозина М.А. Психопатология массовых убийц // Инновационная наука. - 2022. - № 4-2. - С. 125-128. - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihopatologiya-massovyh-ubiyts/viewer (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 343.97

КИБЕРСТАЛКИНГ: ВОВЛЕЧНИЕ В СЕКС-ИНДУСТРИЮ

А. А. Костелетская, В. С. Тишурова

студентки 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Д. А. Плетенёва

Исследование раскрывает кибersталкинг как инструмент для вовлечения жертв в секс-индустрию. Через манипулятивные тактики, схожие с онлайн-грумингом, сталкеры добывают компрометирующие материалы для шантажа. Выявлена потребность в криминализации и правовом регулировании указанного социально-негативного явления для борьбы с ним.

Ключевые слова: кибersталкинг; секс-индустрия; цифровая среда; онлайн-груминг; шантаж.

Кибersталкинг – насильственное преследование в цифровой среде. А.И. Видергольд, в статье на данную тему, отмечает, что сбор информации о потенциальной жертве осуществляется сталкером из открытых данных – по профилям в социальных сетях, геолокационным данным или фотографиям, путем применения вредоносного программного обеспечения, несанкционированного доступа к вебкамере и использования специальных устройств слежения. Также информацию можно получить из личной переписки или разговора с жертвой.

Развитие Интернета, обеспечивающее анонимность и удобство взаимодействия, создало благоприятные условия для прочной интеграции рынка сексуальных услуг в цифровую среду. Так, С.В. Шлык определяет секс-индустрию как

сложную социальную систему, включающая в себя как легитимные, так и противозаконные коммерческие действия, связанные с оборотом, предложением и потреблением сексуальных товаров и услуг, осуществляемые в пределах границ определенных стран или регионов. «Рекрутеры» могут использовать кибersталкинг в качестве инструмента для достижения определенной цели – вовлечения в секс-индустрию с последующим извлечением финансовой выгоды.

Сегодня криминологический портрет личности потерпевших от сексуальной эксплуатации выглядит следующим образом: отсутствие доступа к получению должного уровня образования и профессиональных навыков, невозможность длительное время найти источник заработка, низкий уровень социальной адаптации, нарушение чувства собственной ценности и самоуважения, наркотическая или алкогольная зависимость, проживание за чертой бедности, социальная изоляция.

В настоящее время учеными активно исследуется явление онлайн-груминга, которое А.С. Мошарова и Д.А. Карабатова определяют, как манипулятивный процесс, подразумевающий собой «обхаживание» ребенка с сексуальными целями. При этом, можно проследить схожее поведение кибersталкера в отношении жертв, вовлекаемых в секс-индустрию. Так, после нахождения жертвы, сталкер осуществляет взаимодействие, которое включает в себя установление доверительных отношений, их развитие, создание впечатления исключительного характера таких отношений. Получив расположение жертвы происходит включение сексуального содержания в общение, после чего у кибersталкера появляется возможность получить ее интимные фотографии и видео. И, если такие материалы используются грумером с целью навязать ребенку ложное представление о нормальности сексуальной связи со взрослым, чтобы в конечном итоге встретиться с ребенком лично, то кибersталкер сфокусирован на получении компрометирующих материалов для превращения их в инструмент воздействия на жертву. Однако, несмотря на то, что термин “онлайн-груминг” в литературе применим только в отношении несовершеннолетних, выявленный механизм может быть использован кибersталкерами, действующими в отношении взрослых с целью вовлечения в секс-индустрию, что требует новых форм профилактики.

Секс-индустрия в цифровой среде вызывает ряд криминологических последствий: увеличение количества преступлений против половой свободы; завладение персональной информацией; повышенный уровень виктимности девушек, оказывающих секс-услуги в сети Интернет. Для эффективного противодействия данной проблеме необходимо: повысить осведомленность о цифровой безопасности; установить правовую базу; обеспечить жертвам поддержку; комплексное взаимодействие.

Таким образом, профилактика кибersталкинга представляет особое значение. Сложный характер этой проблемы требует комплексного подхода к ее решению с разработкой ответных мер, включающих в себя криминализацию рассматриваемого явления и его правовое регулирование. Обозначенные особенности кибersталкинга как инструмента для вовлечения в секс-индустрию, социально-психологические механизмы реализации взаимодействия и приемы воздействия на жертву являются необходимым основанием для эффективного решения задач по выявлению, пресечению и профилактике такой формы преступных действий.

УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

М. С. Крушный

курсант 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. В. Григорьев

Исследование посвящено проблеме криминализации в уголовно-правовой политике Беларусь. Рассматриваются критерии криминализации, приводятся примеры и обосновывается необходимость более четкого законодательного закрепления теоретических подходов к криминализации.

Ключевые слова: криминализация; общественная безопасность; правовая политика; преступление; уголовный закон.

Под криминализацией понимается отнесение того или иного общественно опасного деяния в разряд преступлений с установлением за него уголовной ответственности [1, с.133]. Вопрос о криминализации и её критериев в уголовно-правовой политике Республики Беларусь актуальная и требует углубленного изучения. Это находит своё отражение в Концепции правовой политики, утвержденная указом Президента Республики Беларусь №196 от 23.06.2023, которая предусматривает в качестве одного из направлений уголовно-правовой политики усиление уголовно-правовой защиты отношений в области общественной безопасности, порядка осуществления власти и управления при одновременном наличии широкого спектра возможностей для индивидуализации наказания, мер уголовно-правового воздействия, альтернативных осуждению и наказанию.

Первый заместитель председателя Верховного Суда по этому поводу указал следующее: «Проблемам криминализации и декриминализации уделяется самое пристальное внимание. За время действия Уголовного кодекса из него исключены 46 составов преступлений. А 57 новых составов введены… Сам процесс криминализации и декриминализации должен быть связан с анализом общей системы мер профилактики преступности и правонарушений. Именно такой подход к реформированию уголовного закона позволил за прошедшие 20 лет вдвое сократить общую судимость в стране» [2].

Процесс криминализации является предметом множества споров, из этого следует необходимость разработки четких критериев, которые обуславливают необходимость принятия таких мер.

Рассмотрим пример криминализации преступлений в Республике Беларусь на примере киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. По данным МВД Беларуси, в 2024 году их число составило 176. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в ч. 2 ст. 27 УК Беларуси хищение путем использования компьютерной техники включено в перечень преступлений, нижний порог

возраста уголовной ответственности за которые установлен в 14 лет. Однако, с другой стороны, российский уголовный закон (ч. 2 ст. 20 УК России) не рассматривает составы, предусмотренные ст. 159.3 и 159.6, в качестве преступления, за которое уголовная ответственность наступает с 14 лет [3, с.225].

Таким образом, процесс криминализации представляет собой комплексную проблему. Решение этой проблемы требует определения точных критериев, обуславливающих необходимость признание конкретного деяния преступлением и их законодательного закрепления.

Библиографический список

1. Карпов, К. Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление / К. Н. Карпов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3(99). – С. 133–140.

2. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.by. – Дата доступа: 24.06.2016.

3. Писаревская, Е. А. Обусловленность процессов криминализации и декриминализации деяний / Е. А. Писаревская // Роль академии наук в развитии государственно-правовой системы России (к 300-летию Российской академии наук). – Санкт-Петербург : Центр научно-производственных технологий "Астерион", 2024. – С. 222–230.

УДК 343.9

О РОЛИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕВЕНЦИИ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. М. Лапехо

магистрант юридического факультета
Витебского государственного университета
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент В.Г. Стаценко

Одним из важных направлений государственной политики является охрана и защита ребенка. Большое внимание уделяется защите детей, законные представители которых не исполняют или ненадлежащим образом исполняют свои обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних. Совершенствование системы мер по снижению роста противоправных действий со стороны несовершеннолетних, усилению эффективности профилактики, среди которых ключевую роль играет повышение уровня правового сознания, все также остаются актуальными задачами для государства.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика, правосознание, преступность, воспитание.

Республика Беларусь вступила в XXI век с одной из наиболее эффективных на постсоветском пространстве систем защиты прав и законных интересов детей, в том числе попавших в социально опасное положение и вступивших в конфликт с законом.

Несмотря на все принимаемые в государстве меры, для лиц подросткового возраста, присущ низкий уровень правовой грамотности, который подвергает

опасности самих несовершеннолетних. Несовершеннолетние зачастую не осознают, что многие поступки не просто недопустимы, но и прямо запрещены законом. Именно недостаточная правовая грамотность и пробелы в уровне нравственно-правового воспитания личности могут привести к асоциальному поведению.

Формирование у ребенка правосознания позволят ему в дальнейшем соотносить свои желания и потребности с общественными интересами и поступать в согласовании с ними. «Вся жизнь человека и вся судьба его слагаются при участии правосознания и под его руководством… оно остается всегда одною из великих и необходимых форм человеческой жизни» [1, с. 11].

Важнейшим аспектом является воспитание не под угрозой возможного наказания, а основанное на принятии лицом сознательного выбора такого варианта поведения, которое было бы целесообразным и правомерным в любой ситуации. Такое поведение предполагает «…преобразование норм права во внутренние регуляторы правового поведения личности, что требует от человека осознания личностной значимости общечеловеческих ценностей и требований права, наличия убеждений о правомерном поведении как единственном в любых жизненных ситуациях и внутреннего запрета на совершение противоправных действий» [2, с. 34].

Таким образом, можно заключить, что правосознание тесно переплетается с правовой системой. Однако, правосознание - это не только отношение к праву, но и осознание людьми своих потребностей, интересов, а также отношение к регулируемым и охраняемым государством явлениям. Таким образом, первоисточником правосознания регулируемые общественные отношения, а в последующем сами нормы права.

К факторам, влияющим на правовую идеологию следует относить, в числе прочего, «доступность нормативно-правовых актов, … способность индивида воспринимать правовую информацию, ... активность самого индивида по поиску правовой информации» [3, с. 10].

Отметим, что одним из важных направлений профилактики противоправного поведения является формирование у несовершеннолетних ценностных ориентаций, определяющих выбор социально приемлемого поведения.

В целях повышения уровне правосознания несовершеннолетних считаем целесообразным включить на постоянной основе в учебную программу обязательный для посещения факультатив «Правовая культура», состоящий из основ по изучению права, а также работы с информационным сервисом «ЭТАЛОН-ОНЛАЙН». Разработать информационно-просветительную игру, которая будет включать в себя как правомерные так не неправомерные поступки, за решение которых несовершеннолетние смогут получать бонусы с последующим обменом бонусных баллов на денежный счет мобильной связи. Тем самым на сознательном и подсознательном уровне будет закладываться основа поведения в обществе.

Библиографический список

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания /И. А. Ильин // Русская философия права : философия веры и нравственности. – С-Пб. : Питер,1997.

2. Пастушеня, А. Н. Юридическая психология: учеб. пособие для обучающихся в учреждении Высшего образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь / А. Н. Пастушеня, А.А. Урбанович. – Минск : Академия МВД, 2020. – 275 с.

3. Осипов, М. Ю. Основные факторы, влияющие на правосознание и правомерное поведение / М. Ю. Осипов // Юридические записки. – 2013. – № 1. – С. 9–16.

УДК 343

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ.СТ. 166-168 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. В. Лущик

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор А.Л. Савенок

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, предусмотренных ст.ст. 166-168 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Анализируются вопросы, связанные с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Предлагаются пути решения выявленных проблем, в том числе путем внесения изменений в законодательство и уточнения судебной практики.

Ключевые слова: квалификация преступлений, беспомощное состояние, проблемы квалификации преступлений.

Одной из актуальных проблем в настоящее время являются вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст.ст. 166-168 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). В Республике Беларусь данный аспект в юридической науке изучали Н. И. Козелецкая, Д.В. Шаблинская, Л.В. Павлова. Однако, несмотря на значительное число исследований, посвященных рассматриваемой теме, некоторые вопросы до сих пор остаются дискуссионными.

Обеспечение безопасности и свободы личности, нормального развития детей и подростков, защита их жизни и здоровья, а также половой неприкосновенности, обоснованно относятся к числу важнейших задач современного белорусского государства. Посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних характеризуются высокой общественной опасностью в связи с этим следует глубоко изучить вопрос защиты прав несовершеннолетних при совершении в отношении них преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы [3].

На охрану половой неприкосновенности как недопустимости совершения полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, направлена ст. 168 УК. При совершении преступления, предусмотренного ст. 168 УК законодатель установил общие условия, при кото-

рых наступает ответственность по данной статье: установлен запрет на совершение полового сношения, мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера, с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, даже в случае согласия данного лица на совершение указанных действий и при отсутствии применения насилия или угрозы его применения, без использования беспомощного состояния потерпевшего [2]. На практике действия, предусмотренные ст. 168 УК, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-ти летнего возраста, квалифицируются по ч. 3 ст. 166 или ч. 3 ст. 167 УК. Полагаем, что для более точной квалификации следует установить возрастные рамки потерпевшего для ст. 168 УК, как это установлено в примечании к ст.ст. 166 и 167 УК (малолетний, не достигший 12-летнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии), поскольку стоит учитывать, что были совершены действия, предусмотренные ст. 168, а деяния квалифицируются по ст. 166 или 167 УК. Полагаем, что данную проблему в судебной практике можно разрешить путем редакции ч. 2 ст. 168 УК и внесении в нее следующего: «Действия, предусмотренные ч. 1 настоящей статьи, совершенные лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 166 или 167 настоящего Кодекса, либо в отношении двух и более лиц, либо лицом, на которое возложены обязанности по воспитанию, содержанию, обеспечению безопасности жизни и здоровья несовершеннолетнего, либо группой лиц, либо совершенные в отношении заведомо малолетнего (малолетней)». Также добавить примечание к ст. 168, установив, кто понимается под лицом, находящимся в беспомощном состоянии. Таким образом будет сформирована градация возрастных рамок, что обеспечит охрану прав лиц, не достигших 12-летнего возраста, при совершении в отношении них противоправных действий, предусмотренных ст. 168 УК.

В связи с вышеизложенным следует заключить, что вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 166-168 УК, остаются актуальными и требуют дальнейшего совершенствования. Полагаем, что разрешение сложившейся ситуации находится в плоскости формулирования правил квалификации, которые должны найти отражение не только в УК, но и в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК)». Это позволит учесть потребности правоприменительной практики в единообразном применении соответствующей уголовно-правовой нормы, а также обеспечит защиту прав и законных интересов потерпевших [1].

Библиографический список

1. Козелецкая, Н. И. Половая неприкосновенность несовершеннолетних: проблемные вопросы квалификации преступлений / Н. И. Козелецкая // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2024. – № 1. – С. 223–229.

2. Павлова, Л. В. О дифференциации ответственности за ненасильственное посягательство на половую неприкосновенность с учетом возраста потерпевшего / Л. В. Павлова // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.), И. А. Анищенко, О. И. Бахур [и др.]. – Минск, 2021. – С. 182.

3. Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 3. – 304 с.

УДК 343.2

ПРАВО НА ЗАЩИТУ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНСТИТУТУ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

А. М. Малецкая

студентка 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Реутская

В работе представлен сравнительный анализ института необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран. Рассматриваются нормативные основания, доктринальные подходы и особенности правоприменения в Германии и России.**Ключевые слова**: правовое регулирование; доктрина; критерии; необходимая оборона.

Институт необходимой обороны занимает ключевое место в системе уголовно-правовых гарантий личности, обеспечивая баланс между правом на защиту и запретом самоуправства. В различных зарубежных правопорядках условия его применения и пределы допустимости варьируются. Актуальность сравнительного анализа обусловлена необходимостью выявления общих принципов и специфических черт, присущих институту необходимой обороны в зарубежных странах. Это позволяет углубить теоретическое понимание механизма правомерной защиты и оценить эффективность существующих моделей.

Обратимся в первую очередь к анализу законодательства Российской Федерации как члена Союзного государства с наиболее близкой к отечественной романо-германской правовой системой. Право на необходимую оборону в Российской Федерации регламентируется ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и базируется на положениях Конституции Российской Федерации, которая гарантирует каждому право на жизнь, защиту личности и собственности. Так, граждане вправе применять любые средства защиты от общественно опасного посягательства, если такие действия были направлены на предотвращение или пресечение противоправных действий. Это право предоставлено каждому, независимо от возможности обратиться за помощью к государственным органам или иным лицам. При этом обороняющийся не обязан избегать посягательства, искать компромиссы или уклоняться от нападения, если для этого требуется покидать место происшествия [1].

Превышением пределов необходимой обороны считается умышленное причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени опасности нападения. В таких случаях действия обороняющегося могут быть признаны неправо-

мерными. Право на необходимую оборону также распространяется на сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и других лиц, защищающих законные интересы общества и государства в рамках своих полномочий.

Рассматривая иных представителей романо-германской правовой системы, приведем в пример немецкое уголовное законодательство. Так, в Федеративной Республике Германия, согласно § 32 StGB, законодатель значительно ориентирован на защиту прав обороняющегося. Нет требования к уклонению, а принцип пропорциональности применяется достаточно гибко, что позволяет совершать активные действия до полного устранения угрозы. Однако такая свобода может вызвать злоупотребления. Например, отсутствие четкой регламентации может привести к неоправданно жестокой защите, даже если нападение не представляло реальной угрозы [2].

Для Беларуси применение столь широких рамок защиты было бы противоречивым с точки зрения правового баланса. Ведь в белорусском обществе, где государство традиционно берет на себя значительную ответственность за поддержание порядка, такой подход мог бы подрывать гарантии безопасности самих нападающих, которые, как ни парадоксально, тоже защищены нормами права.

Анализ зарубежного уголовного законодательства позволяет выделить недостатки правового регулирования необходимой обороны в Республике Беларусь Институт необходимой обороны в уголовном праве зарубежных стран имеет общую цель: защиту личности и её прав от противоправных посягательств. Однако подходы к его нормативному оформлению, доктринальному осмыслению и правоприменению существенно различаются. Германия демонстрирует гибкость и акцент на защите обороняющегося, а Россия — стремление к балансу между правом на защиту и недопустимостью превышения её пределов.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 23 июля 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – Москва, 2025.

2. Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch, StGB) : в ред. от 1 июля 2025 г. [Электронный ресурс] // Федеральное министерство юстиции Германии. – Берлин, 2025.

УДК 343.3

ВИДЫ ЭКСТРЕМИЗМА И ПРИЧИНЫ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ

Д. И. Матюшенко

курсант 3 курса
Могилевского института МВД Республики Беларусь
Научный руководитель: старший преподаватель О. Ф. Воспякова

В предлагаемом материале автор анализирует различные виды экстремизма с учетом фактора причинности.

Ключевые слова: экстремизм; виды экстремистской деятельности; экстремистские преступные деяния.

Экстремизм представляет угрозу для любого современного государства, в том числе и Республики Беларусь. Следует признать, что благодаря слаженной работе белорусских правоохранителей в 2024 год количество экстремистских преступных деяний сократилось вдвое, однако данный факт не исключает наличие проблемы противодействия экстремизму в нашем государстве [1].

Международные экстремистские организации стремятся расширить сферу своего влияния в Республике Беларусь, вовлечь в экстремистскую деятельность молодежь. В профилактике преступлений экстремистской направленности немаловажным является установление причин и условий, способствующих формированию мотивов этих преступных деяний, которые могут быть самыми различными по своему содержанию и во многом зависят от вида проявления экстремизма.

Определение экстремизма (экстремистской деятельности) закреплено в Законе Республики Беларусь 2007 г. «О противодействии экстремизму», который в настоящее время действует в редакции от 14 мая 2021г.

Анализируя определение экстремизма, можно, по нашему мнению, условно выделить несколько видов экстремистской деятельности. Так, этноцентрический экстремизм предполагает нетерпимое отношение к чужой нации, расе или культуре ввиду уверенности в превосходстве собственной нации, расы или культуры. Такой экстремизм проявляется через ксенофобию, шовинизм, нетерпимость к мигрантам и меньшинствам.

Причинами развития такого вида экстремистской деятельности могут служить ощущение утраты статуса своей нации, высокий уровень безработицы и, соответственно, неравенства в тех или иных сферах, недостаточно проработанные механизмы интеграции мигрантов и другие. Интерпретация религии, попытки установления религиозного порядка и нетерпимость по отношению к представителям иных религиозных конфессий свидетельствуют о проявлении религиозного экстремизма. Причинами развития экстремисткой деятельности такого направления могут служить приверженность устаревшим догмам, слабость существующих в обществе светских институтов.

Сепаратистский экстремизм характеризуется стремлением к независимости или доминированию одной этнической группы над другой, что зачастую приводит к вооруженным конфликтам. Детерминантами такого вида экстремизма являются дискриминация какой-либо группы по этническим признакам, так называемые «исторические обиды», ограниченный доступ определенной этнической группы к институтам власти, слабый внутренний механизм государства.

Сектантский экстремизм, или экстремистская деятельность, завязанная на культах личности, характеризуется наличием групп, объединенных вокруг лидера, пропагандирующих идеологию криминальной деятельности. Такой вид экстремизма связан, прежде всего, с психологической уязвимостью людей, изоляцией одной части общества от другой, а также манипуляцией лидеров.

Следует отметить, что вышеуказанные виды экстремизма, хотя и не типичны для современной Беларуси, но их профилактика имеет важное практическое значение.

В современных условиях общество все чаще сталкивается киберэкстремизмом, что проявляется в пропаганде и планировании незаконных экстремистских действий, вербовке лиц посредством Интернета, проведением кибератак. Экстремистские организации подчас имеют сетевую структуру. Их участники могут быть лично не знакомы и поддерживать отношения, координировать свои действия с помощью интернет-ресурсов. Причинами развития киберэкстремизма могут являться анонимность, доступность радикального контента, возможность интернет - влияния иностранных государств, навязывающих взгляды и ценности, неприемлемые для граждан нашего государства, несовместимые с белорусским менталитетом.

Безусловно, существуют и другие виды экстремизма, но основа любого из них определяется характером экстремистской идеологии. Представляется, что данный фактор следует учитывать при проведении системной работы по профилактике экстремистской деятельности.

Библиографический список

1. Belta.by : офиц. сайт Респ. Беларусь. – Минск, 1999-2025. – URL: https://belta.by/society/view/shved-kolichestvo-ekstremistskih-prestuplenij-v-2024-godu-sokratilos-vdvoe-698688-2025/ (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 343.541.2

К ВОПРОСУ ОТГРАНИЧЕНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ (СТ. 166 УК) ОТ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА (СТ. 167 УК)

А. Л. Мойса

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С.В. Казак

Автор статьи в целях совершенствования законодательства об ответственности за насильственные действия сексуального характера, предупреждения ошибок при рассмотрении дел о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы рассматривает целесообразность отграничения изнасилования от насильственных действий сексуального характера, учитывая законодательство зарубежных стран.

Ключевые слова: изнасилование; насильственные действия сексуального характера; половой акт; иные действия сексуального характера; законодательство зарубежных стран.

Для отграничения изнасилования от насильственных действий сексуального характера необходимо изучить объективные и субъективные признаки данных преступлений, анализируя положения Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее −УК) и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практики по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. ст. 166-170 УК)» от 27 сент. 2012 г. № 7. Так, ключевым отличием изнасилования, предусмотренного ст. 166

УК, от мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, предусмотренных ст. 167 УК, является то, что под изнасилованием понимается половой акт мужчины с женщиной в естественно-вагинальной форме, совершаемый с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшей или ее близким (против ее воли) либо с использованием ее беспомощного состояния [2, с. 60].

Категория «иные действия сексуального характера», употребляемая в ст. 167 УК, носит оценочный характер. При этом законодатель не формулирует никаких конкретных признаков, которые, по его мнению, должны быть свойственны этим действиям и которые ориентировали бы правоприменителей при осуществлении уголовно-правовой оценки соответствующего поведения. В данном случае необходимо руководствоваться научной правовой литературой. Так, Р. Е. Затона указывает следующие формы, в которых могут выступать действия сексуального характера: coitus per os – минет – разновидность орально-генитального контакта; coitus per anum – анальный секс; сексуальный садизм – интенсивное, многократное совершение действий, причиняющих боль, особые мучения, страдания и унижения другому человеку с целью достижения сексуального удовлетворения; иные формы сексуальных действий [4, с. 240 −250]. Н.Л. Сергеенко предлагает иные действия сексуального характера определить как иные чем половое сношение, мужеложство, лесбиянство формы удовлетворения половой страсти, когда имеет место участие полового органа хотя бы одного из лиц [5, с. 309].

Стоит отметить, что преступления, предусмотренные статьями 166 и 167 УК, имеют не только идентичные санкции, но и квалифицированные составы. Схожесть объективных признаков и субъективной стороны данных преступлений вытекает из их правового анализа. Различие между двумя состава фактически проводится по видам совершаемых насильственных сексуальных посягательств и тем, что потерпевшим лицом от изнасилования является лицо женского пола. При этом общественной опасностью изучаемые нами составы не отличаются. Не понятно на основании каких критериев законодатель выделяет в отдельный состав преступления насильственный естественно-вагинальный половой акт мужчины с женщиной, ведь преступления, предусмотренные статьями 166 и 167 УК, не являются по отношению друг к другу общим и специальным составами. При этом, многие законодатели зарубежных стран не придерживаются позиции разделения насильственных действий сексуального характера и изнасилования.

Так, в США ответственность за изнасилование наступает, если оно совершено, «помимо традиционного способа, путем анального или орального проникновения, а также введением в генитальное или анальное отверстие какого-либо предмета и, кроме того, путем умышленного (намеренного) прикосновения к интимным частям тела потерпевшего с целью получения полового удовлетворения или возбуждения» [3, с. 220].

Законодатель Франции признает изнасилованием «любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенного в отношении другого лица, путём насилия, принуждения, угрозы или обмана». Следовательно, то, что мы называем действиями сексуального характера, входит в объективную сторону изнасилования. Однако Кассационный суд Франции подчеркнул, что введение различных

предметов в анальное отверстие потерпевшего относится к пыткам и жестокости, если виновный не придавал своим действиям «сексуальный характер». [1, с. 3].

Так, полагаем целесообразным установить единую норму, предусматривающую уголовную ответственность за любые насильственные действия сексуального характера, что позволит уйти от искусственного разграничения сходных составов преступления и единообразно и справедливо оценивать содеянное. С учётом вышеизложенного мы предлагаем следующую дефиницию изнасилования – это совершение действий сексуального характера, связанных с вагинальным, анальным или оральным проникновением в тело другого лица с использованием гениталий или любого другого предмета, а равно иные действия сексуального характера, не связанные с проникновением в тело другого лица, вопреки воле потерпевшей (потерпевшего), с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей (потерпевшему) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (потерпевшего).

Библиографический список

1.Агашкова, М. С. Сравнительный анализ ответственности за изнасилование по уголовному законодательству Российской Федерации и уголовному законодательству зарубежных стран / М. С. Агашкова // Современная российская наука: проблемы и перспективы развития : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 25-летию принятия Конституции Российской Федерации, Набережные Челны, 17 ноября 2018 года / Под редакцией Р.Г. Назипова, Р.Н. Назмутдиновой. – Набережные Челны: Университет управления "ТИСБИ", 2019. – С. 3-7.

2. Литвинович, М. А. особенности содержания объекта и объективной стороны изнасилования / М. А. Литвинович // Молодость. Интеллект. Инициатива : Материалы XI Международной научно- практической конференции студентов и магистрантов. В 2-х томах, Витебск, 21 апреля 2023 года / Редколлегия: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. Том 2. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2023. – С. 59-61.

3. Минязева, С. Р. Изнасилование: проблемы уголовно – правовой квалификации / С. Р. Минязева // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2016. – № 3-1(71). – С. 219-221

4. Моисеева, И. А. Способы насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних / И. А. Моисеева, Т. М. Князюк // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы : Сборник научных статей, Курск, 01 апреля 2018 года / Редколлегия: А.А. Гребеньков [и др.]. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 248-252.

5. Сергеенко, Н. Л. К вопросу об определении сексуальных действий при характеристике насильственных действий сексуального характера / Н. Л. Сергеенко // Мир детства в современном образовательном пространстве : Сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов / Ответственный редактор И.А. Шарапова. Том II. Выпуск 4. – Витебск : Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2012. – С. 307-309.

УДК 343.72

НАЛОГОВОЕ МОШЕННИЧЕСТВО И МОШЕННИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ

А. Ю. Парфентьева

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель А.Н. Кривой

В статье исследуется проблема конкуренции составов преступления: налогового мошенничества и мошенничества. Проанализированы структуры соответствующих норм, составы преступлений, а также трудности, возникающие при их квалификационном разграничении. Выработаны рекомендации по совершенствованию действующего законодательства, которые направлены на повышение эффективности уголовно-правового воздействия рассматриваемых деяний.

Ключевые слова: налоговое мошенничество; мошенничество; разграничение; состав преступлений; квалификация; правовая неопределённость.

В настоящее время при возникновении новых форм мошенничества объектом данного преступления могут выступать не только общественные отношения собственности, но и порядок осуществления экономической деятельности. В 2021 году Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) был дополнен новым составом преступления – ст. 243^2 «Налоговое мошенничество».

Особенность налогового мошенничества состоит не в неисполнении обязанности уплатить налоговые платежи, а в незаконном изъятии находящихся в бюджете средств. Этим указанная норма характеризуется как разновидность мошенничества, а не уклонения от уплаты налогов, сборов [1].

Полагаем, что необходимо произвести разграничение мошенничества как преступления против собственности (ст. 209 УК) и налогового мошенничества как преступления против порядка осуществления экономической деятельности (ст. 243^2 УК). Несмотря на то, что данные составы имеют общий родовой объект, они различаются видовым и непосредственным объектами соответственно.

Проанализируем объективную сторону обоих составов преступления. В соответствии с диспозицией ст. 209 УК мошенничеством признается «завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием» [2]. Налоговым мошенничеством же признается «представление уполномоченному органу документов, содержащих заведомо ложные сведения, либо заведомо ложных сведений иным способом в целях необоснованного возврата налогов, сборов при отсутствии признаков более тяжкого преступления» [2].

Субъект преступления, предусмотренный ст. 209 УК общий, в то время как субъект ст. 243^2 УК является специальным.

Субъективная сторона обоих преступлений характеризуется прямым умыслом. Однако следует отметить, что данные преступления преследуют различные

цели. В ст. 209 УК она является корыстной, а цель ст. 243^2 УК – необоснованный возврат налогов, сборов.

Отметим, что уголовная ответственность по ст. 243^2 УК наступает при отсутствии признаков более тяжкого преступления. Следовательно, в отношении ч.2 ст. 243^2 более тяжким преступлением будет являться преступление, которое предусматривает ответственность в виде лишения свободы свыше семи лет. Среди преступлений, однородных по степени тяжести и криминообразующим признакам можно выделить мошенничество, совершенное организованной группой (ч.4 ст. 209 УК).

Так, если незаконный возврат НДС был получен в результате скоординированных действий организованной преступной группы и поступил в распоряжение ИП или собственника УП (но при условии, что такая сумма не была обналичена и использована в дальнейшем обороте этого юридического лица), соответствующие действия будут квалифицированы как мошенничество, совершенное организованной группой (ч. 4 ст. 209 УК) [1].

Проанализировав составы преступлений, предусмотренные ст. 209 УК и ст. 243^2 УК, отметим, что данные нормы соотносятся как общая и специальная, что требует их раздельной квалификации. Из этого следует предложение по внесению изменений в ч.2 ст. 243^2 УК и изложение ее в следующей редакции:

«Налоговое мошенничество, совершенное организованной группой либо повлекшее причинение ущерба в особо крупном размере». Это может служить критерием квалификационного разграничения налогового мошенничества от мошенничества, а также способствовать устранению правовой неопределённости.

Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к главе 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь // Авторский коллектив [офиц. сайт]. – URL: https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/48311/#M100001 (дата обращения: 05.10.2025).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999г. №275–З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999г.: в ред. Закона от 17.02.2025 №61-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 343.9

О НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. В. Полякович

курсант 2 курса уголовно-исполнительного факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент А. А. Тит

Борьба с незаконным оборотом наркотиков не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Динамика противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуется своей цикличностью. На данный момент, начиная с 2022 года, в Беларуси сохраняется динамика снижения зарегистрированных наркопреступлений. Но не стоит забывать, что в силу высокого уровня латентности наркомании и связанной с ней

наркопреступности данные официальной статистики не в полной мере отражают объективную картину наркоситуации.

Ключевые слова: наркотики, динамика, наркоситуация, преступность, профилактика.

Борьба с незаконным оборотом наркотиков не теряет своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Данный вид криминала признан одной из основных социальных проблем, оказывающих неблагоприятное воздействие на здоровье, генофонд нации.

По самым приблизительным оценкам специалистов 3-4% от всего населения планеты являются наркозависимыми. Учеными и практиками уже давно установлена прямая связь между наркотиками и преступностью. Из-за невероятной рентабельности и распространенности данной деятельности, искоренение наркоугрозы является весьма трудоемким процессом.

Анализ статистических данных показывает, что всплеск указанной разновидности преступности в Республике Беларусь пришелся на 2014-2015 гг. Безусловно, складывающаяся неблагоприятная наркоситуация потребовала незамедлительного изменения государственной политики страны. Так, например, 28 декабря 2014 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», в 2016 г. были внесены изменения и дополнения в УК Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях по вопросам незаконного оборота наркотиков. Именно для этого периода характерен рост применения наказания в виде лишения свободы (в 2014 г. данный вид наказания был назначен 34,6 % осужденных за совершение преступлений по ст. 327–332 УК Республики Беларусь, в 2015 г. за аналогичные деяния – 57 %, в 2016 г. – 61,5 % осужденных), при этом имело место увеличение числа лиц, осужденных к лишению свободы на сроки от 10 до 15 лет [0].

Динамика преступлений, составляющих преступный оборот наркотиков, с 1990 г. характеризовалась периодами резкого роста (1991-1997, 2000 гг.), стабилизации (1997-1999, 2000-2003 гг., незначительного снижения (2005-2008, 2011-2012 гг.), снова резкого роста (2014-2015 гг.), затем резкого спада (2015-2020), роста (2021 г.) и снова снижения показателей (2022-2024 гг.). В 2024 г. количество преступлений рассматриваемой категории сократилось почти в два раза и составило 3978 преступлений против 7296 в 2015 г. [0]

На данный момент, начиная с 2022 года, в Беларуси сохраняется динамика снижения зарегистрированных наркопреступлений. Наркоситуация в стране стабильна и контролируемая. Повысилась эффективность направления наркопотребителей в лечебно-трудовые профилактории с целью избежания смертельных передозировок. Отдельные части статьи 328 Уголовного кодекса дополнены альтернативными видами наказания, снижен нижний предел санкций за сбыт наркотиков в составе организованной группы [0].

Но следует отметить еще один важный аспект. Статистические данные относительно преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков не в полной мере отражают объективную картину наркопреступности. Это не позволяет объективно оценить криминологическую ситуацию в данном сегменте криминала, и как следствие – не дает полной возможности определить эффективность принимаемых мер по противодействию наркопреступности. Как утверждает М.А. Дугушкин, официальные данные о количестве преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов свидетельствуют скорее об объеме работы правоохранительных органов, нежели о фактически совершенных преступлениях [5, с. 61].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод:

Динамика противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков характеризуется своей цикличностью: наблюдаются как периоды резкого роста, стабилизации, снижения, так и вновь периоды стремительного роста. Всплеск указанной разновидности преступности пришелся на 2014-2015 гг., что потребовало существенных изменений в государственной политике. Реализация обозначенных мер позволила стабилизировать наркоситуацию в стране, значительно снизив количество совершаемых подобных преступлений. Вместе с тем, в настоящее время в Республике Беларусь ситуация в сфере незаконного оборота наркотиков снова стала ухудшаться. Причиной тому, по нашему мнению, могла стать либерализация действующего в республике законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков, реализация актов амнистии и ряд других факторов. Совершенно очевидно, что дальнейшее послабление действующего в стране законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков не способно положительно повлиять на наркоситуацию, а лишь будет способствовать ее усугублению.

В силу высокого уровня латентности наркомании и связанной с ней наркопреступности данные официальной статистики не в полной мере отражают объективную картину наркоситуации. Отсутствие же достоверных данных не позволяет в полной мере оценить криминологическую картину наркопреступности в целом, определить эффективность принимаемых мер по противодействию незаконному обороту наркотиков. Представляется, что оценивать масштабы наркоугрозы необходимо посредством установления индекса латентности наркомании с последующим расчетом примерного числа потребителей наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, установления соотношения между зарегистрированной и латентной частью наркопреступности.

Библиографический список

1. Число преступлений, связанных с незаконными действиями в отношении наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров и аналогов [Электронный ресурс] //Национальный статистический комитет Республики Беларусь : Режим доступа:https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicatorinfo/10108000003?viwType=TABLEhttps://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicatorinfo/10108000003?viewType=TABLE – Дата доступа: 29.09.2025.

2. МВД: сохраняется динамика снижения зарегистрированных наркопреступлений в стране [Электронный ресурс] //БЕЛТА– Режим доступа: https://belta.by/society/view/mvd-

sohranjaetsja-dinamika-snizhenija-zaregistrirovannyh-narkoprestuplenij-v-strane-699013-2025/ Дата доступа: 29.09.2025.

3. Дугушкин, М. А. Административно-правовые меры предупреждения и пресечения распространения наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / М. А. Дугушкин. – М., 2002. – 172 с.

УДК 343.2

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВИРТУАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА

В. Ю. Пузако

курсант 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. А. Реутская

В данной работе рассматривается вопрос уголовно-правовой охраны виртуального имущества, а также признания такого виртуального имущества, как имущество в компьютерной игре, NFT, виртуальные токены и т.п. в качестве предмета хищения.

Ключевые слова: виртуальное имущество; предмет хищения; криптовалюта; уголовно-правовая охрана; игровое имущество; NFT; токены.

Уголовно-правовая характеристика хищений основное внимание уделяет предмету преступления, под которым принято понимать элемент материального мира, на который осуществляется воздействие в ходе совершения преступления. Однако указанное определение с развитием общества, правовых учений и информационных технологий, по мнению многих ученых, устаревает. Так в статье 208 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) предметом помимо имущества являются право на имущество и действия имущественного характера, что уже идет в разрез с общепринятым понятием предмета преступления.

В предмете хищения в качестве обязательных признаков выделяют физические, экономические и юридические свойства. Физический признак характеризует предмет хищения как вещь, то есть предмет материального мира [1, с. 413]. Однако законодатель сам допускает отсутствие данного признака через признание предметом прав человека и действий имущественного характера. Кроме того, с развитием технологий появилась возможность использовать деньги, которые находятся на счете в банке и взаимодействие с ними происходит посредством пластиковой банковской карты, что тоже расходится с понятием предмета материального мира.

Явление криптовалюты, которая представляет собой зашифрованные при помощи технологии блокчейн данные и в материальном мире выражения не имеет, стала предметом вымогательства и разбоя по данным Генеральной прокуратуры, которая поддержала в суде государственное обвинение по уголовному делу о разбойном нападении и вымогательстве у жителя г. Минска криптовалюты на общую

сумму в эквиваленте свыше одного миллиарда рублей. По итогам судебного разбирательства действия обвиняемого были квалифицированы по ч. 3 ст. 207 и ч. 3 ст. 208 УК Республики Беларусь [2].

Так же остается открытым вопрос по поводу иных видов виртуального имущества таких как: видеоигровое имущество («скины», танки, предметы), NFT и т.д. Подобное имущество лишено физического признака, однако экономический и юридический признаки имеют место быть. Экономический признак характеризует предмет с точки зрения способности удовлетворять человеческие потребности, а также с точки зрения затраченного и овеществленного труда. Данный признак присущ как игровому имуществу, так и криптовалюте, NFT и т.д. На получение игровых предметов может быть затрачено большое количество времени и денежных средств, а стоимость некоторых проданных NFT составляла миллионы долларов США. Юридический признак обозначает законное основание, в связи с которым владелец имеет право собственности на имущество.

Обозначенные проблемы и несоответствие определения предмета хищения современным реалиям приводят к сложностям с квалификацией преступлений в сфере собственности. Так, например, в известном случае «угона танка» в видеоигре «World of Tanks» у жителя города Пружаны взломали аккаунт, на котором находился танк ИС-8, на который он потратил не только много времени, но и денежные средства в размере 1,2 миллиона рублей. По данному факту было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 349 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации». Однако данная квалификация затрагивает лишь факт несанкционированного доступа к игровому аккаунту, в то время как реальный ущерб, причиненный отношениям собственности, в квалификации не был учтен.

На основании изложенного можно сделать вывод, что подходы к выделению признаков предмета хищений нуждаются в переосмыслении, в том числе путем формулирования нового определения предмета и исключения физического признака из числа обязательных.

Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

2. Генеральная прокуратура Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998-2025. – URL: https://www.prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/generalnaya-prokurat13052025/ (дата обращения: 29.09.2025).

УДК 343.2/.7

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА

Д. С. Рогачевская

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор А.Л. Савенок

В статье рассматриваются уголовно-правовые проблемы, возникающие при использовании беспилотного транспорта: определение виновного лица при дорожно-транспортных происшествиях, а также проблема обеспечения кибербезопасности. Отмечены пробелы регулирования и предложены пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: беспилотный транспорт; транспортная безопасность; дорожно-транспортное происшествие; кибербезопасность; автоматизированная техническая система (робот); искусственный интеллект.

Беспилотные транспортные средства, которые ранее воспринимались как технологическое чудо, сегодня активно внедряются в различные сферы – от коммерческих перевозок до общественного транспорта. Однако вместе с технологическими достижениями возникает ряд новых правовых вызовов, в том числе в области уголовного права.

Одной из проблем при квалификации является определение вины и ответственности за дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП). Отметим, что беспилотный транспорт намного реже становится участником аварий, однако инциденты случаются. Например, в 2023 году беспилотное такси Cruise столкнулось с автомобилем пожарной охраны Сан-Франциско, следовавшим на экстренный вызов и имевшим приоритет проезда [1]. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) не содержится норм, прямо предусматривающих ответственность за причинение вреда общественным отношениям беспилотным автомобилем или иной автоматизированной технической системой (роботом), обладающей искусственным интеллектом.

Сложность заключается в определении виновного лица. Как представляется, в большинстве случаев ДТП происходят из-за программных ошибок, а количество лиц, участвующих в разработке программного обеспечения, крайне велико. Но в ряде европейских стран уже выработали презумпцию невиновности водителя беспилотного транспорта и принцип того, что чем выше степень автоматизации транспорта, тем меньше ответственность водителя. Такой подход представляется обоснованным, так как предполагает проведение комплексной технической экспертизы, определяющей уровень автоматизации (согласно международным стандартам SAE – Society of Automotive Engineers – американская Ассоциация автомобильных инженеров) и возможность предотвращения происшествия человеком [2].

В связи с отсутствием водителя в беспилотном транспорте, ответственность может быть возложена на компанию-производителя, но и здесь возникает проблема: юридические лица не могут быть субъектами преступления по УК, а установление конкретного виновного лица весьма затруднительно. В результате мы отказываемся от уголовно-правовой ответственности и применяем нормы гражданского права, а именно возмещение вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (статья 948 Гражданского Кодекса Республики Беларусь). Таким образом, вред жизни и здоровью человека пока оценивается лишь в денежном эквиваленте, что не соответствует задачам и принципам уголовного закона.

Не менее значимой является проблема обеспечения кибербезопасности при использовании беспилотного транспорта. Управление таким транспортом осуществляется программными комплексами, что создает риск кибератак, которые могут привести к целому ряду преступлений: ДТП, утечки персональных данных, мошенничества, похищения людей и др. Так, исследователи Мичиганского университета продемонстрировали возможность эффективного взлома систем управления беспилотных автомобилей с вероятностью успеха до 86%. В реальных условиях это привело бы к резкому торможению или столкновению транспортных средств [1]. Компании-производители пытаются минимизировать эти риски, однако нет гарантии полной защиты от внешнего вмешательства.

Подводя итог, отметим, что в условиях международной конкуренции невозможно отказаться от автоматизированных систем, в том числе и от беспилотного транспорта. Но их использование не должно приводить к новым угрозам для жизни и здоровья людей, соответственно, необходимо разработать новые нормы и институты в УК, которые были бы универсальными и соответствовали стремительно меняющимся информационным технологиям.

Библиографический список

1. Кто будет виновным в аварии с беспилотным транспортом: сложные вопросы. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/innovation/67933b269a794778a9eeb6b1 (дата обращения: 01.10.2025).

2. SAE Standards. The leading authority in mobility standards development. – URL: https://www.sae.org/standards (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 343.9

РЕИНТЕГРАЦИЯ БЕЗ БАРЬЕРОВ: ПРЕОДОЛЕНИЕ СТИГМЫ И СНИЖЕНИЕ РЕЦИДИВА СРЕДИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Я. О. Сазановец

курсант 3 курса
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А. А. Тит

Реинтеграция лиц, освобожденных из мест лишения свободы затруднена стигмой, которая препятствует трудоустройству, доступу к услугам и ведет к изоляции. Необходим комплексный подход, включающий изменение общественного мнения, совершенствование законодательства, программы психологической поддержки, ресоциализации и образования.

Ключевые слова: стигматизация; реинтеграция; рецидивная преступность; трудоустройство; образование; законодательство.

Реинтеграция среди лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы на определенный срок – сложная и многоаспектная задача, стоящая перед

обществом. Успешная адаптация этой категории граждан к жизни после освобождения имеет решающее значение для снижения уровня рецидивной преступности и укрепления правопорядка. Однако, стигма, связанная с криминальным прошлым, создает серьезные барьеры на пути к полноценной ресоциализации, ограничивая доступ к трудоустройству, образованию и социальной поддержке.

Стигматизация – это формирование негативного отношения к отдельному человеку или группе людей на основании каких-то психологических, физических, интеллектуальных и других особенностей [1]. Стигматизация проявляется в навешивании ярлыков и негативных стереотипов, что приводит к социальной изоляции и ограничению возможностей для реабилитации.

Статья 22 Конституции Республики Беларусь (от 15 марта 1994 г.) закрепляет, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Несмотря на закрепленное в законодательстве равноправие, реальность такова, что человек, отбывший наказание в виде лишения свободы, зачастую остается без необходимой помощи в решении насущных социально-бытовых вопросов. Без участия и поддержки государственных структур, органов местного управления и самоуправления самостоятельное преодоление этих трудностей становится практически невозможным. Любая стратегия, направленная на снижение преступности должна включать в себя комплекс мер по успешной адаптации ранее судимых лиц.

Влияние стигматизации на рецидив проявляется в нескольких аспектах:

Ограничение возможностей трудоустройства: отсутствие стабильного дохода и занятости приводит к отчаянию и финансовой нестабильности увеличивая риск рецидива, так как бывшие осужденные могут прибегать к незаконным способам заработка, чтобы удовлетворить свои потребности и потребности своих семей.

Отсутствие доступа к услугам: возможно ограничение доступа ранее осужденных к основным социальным услугам, таким как образование, здравоохранение и жилье.

Социальная изоляция: это может проявляться в недоверии, избегании контактов, отказах в аренде жилья или даже в отторжении со стороны бывших друзей и семьи. Людям с судимостью может быть трудно устанавливать новые отношения, как личные, так и профессиональные, из-за страха быть отвергнутыми или осужденными.

Психологическое давление: стигма постоянно напоминает бывшим осужденным об их ошибках, подрывая их самооценку и веру в себя.

Утрата идентичности: ранее осужденные могут испытывать трудности в определении своей идентичности вне рамок своей судимости, что может привести к чувству безысходности и утрате цели в жизни.

Важным элементом является расширение возможностей образования и профессиональной переподготовки для бывших осужденных. Предоставление доступа к востребованным на рынке труда профессиям позволяет им обрести финансовую независимость и снижает риск возвращения к криминальной деятельности. Необходимо также усилить психологическую поддержку и консультирование, помогающие адаптироваться к новым условиям жизни и преодолеть посттравматический синдром, связанный с пребыванием в местах лишения свободы.

Ключевым фактором успеха реинтеграции является изменение отношения работодателей к ранее осужденным. Стимулирование компаний, готовых предоставлять рабочие места, а также организация специальных программ адаптации на рабочем месте, способствуют снижению предубеждений и создают благоприятные условия для трудоустройства.

Таким образом, стигматизация, с которой сталкиваются лица после освобождения из мест лишения свободы, представляет собой серьёзную социальную проблему. Это негативное явление препятствует их реинтеграции в общество, способствует повторным правонарушениям и создает барьеры для полноценной жизни. Эффективная борьба с этой проблемой требует комплексного подхода, включающего изменение общественного мнения, поддержку программ реабилитации и ресоциализации, а также совершенствование законодательства.

Одним из ключевых направлений является образование и просвещение общества. Необходимо развеивать мифы и стереотипы, связанные с ранее осужденными лицами, подчеркивая их потенциал для исправления и вклад в общество. Средства массовой информации играют важную роль в формировании общественного мнения и должны освещать истории успеха ресоциализации.

Важным элементом являются программы ресоциализации и реабилитации, направленные на получение образования, профессиональных навыков и психологической поддержки. Обеспечение доступа к трудоустройству и жилью – критически важные факторы успешной реинтеграции.

Библиографический список

1. Goffman, E. Stigma: Notes on the management of spoiled identity/ E. Goffman. – N. Y., 1986.

УДК 343.614

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СТ.145 УК РБ

Е. П. Самаль

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель А. Н.Кривой

Работа посвящена проблемам уголовно-правового регулирования ответственности за доведение до самоубийства по ст. 145 Уголовного Кодекса Республики Беларусь. В работе анализируются системные недостатки действующей нормы, включая отсутствие законодательных дефиниций ключевых понятий, использование оценочных категорий и терминологические коллизии, а также предлагаются конкретные пути совершенствования диспозиции статьи для повышения эффективности правоприменения.

Ключевые слова: доведение до самоубийства; Уголовный кодекс; покушение; попытка.

Анализ судебной статистики свидетельствует о несоответствии между растущим количеством совершенных суицидов и единичными случаями возбуждения уголовных дел по ст. 145 Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК

РБ). К числу причин сложившейся ситуации относятся: высокий уровень латентности преступления, наличие пробелов и противоречий в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Уязвимость нормы, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, обусловлена отсутствием легального закрепления, используемого в ней базового определения. В диспозиции ст. 145 УК РБ понятие «самоубийство» применяется в качестве ключевого, однако содержательное наполнение не конкретизируется, а лишь определяется через альтернативные деяния, предусмотренные объективной стороной. Указанный пробел приводит к возникновению проблем: неопределенности в установлении характера самих противоправных действий, которые определены лишь через перечень определенных проявлений, установленным законодателем. Следствием изложенного является отсутствие у правоприменителя однозначных критериев для квалификации деяния. Единственное легальное определение понятия «самоубийство» содержится в постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь 2 октября 2023 г. № 151 Об утверждении образовательных стандартов переподготовки руководящих работников и специалистов по специальностям переподготовки. Согласно которому, самоубийство (суицид) – любое преднамеренное действие, имевшее целью причинение себе вреда и завершившееся смертью. Целесообразно закрепить в примечании к статьям 145-146 УК РБ законодательное определение понятия "самоубийство", используя для этого существующую дефиницию из нормативных правовых актов в сфере здравоохранения.

Учитывая, что достоинство – это самоуважение личности, осознание своей ценности как члена общества, ощущение и переживание собственной значимости [1], исключающее применение её к остальным элементам реальности, вне зависимости от того, являются ли они живыми или нет, мы полагаем словосочетание "человеческого" излишним. Поэтому, взамен фразы "систематическое унижение человеческого достоинства" целесообразно установить формулировку "систематическое унижение достоинства". Достоинство – прирожденное, естественное право человека, которое не может быть утрачено [3]. Исходя из этого, использование термина "достоинство" само по себе достаточно, а значит, выражение "унижение достоинства" в ст. 145 УК РБ будет полностью уместным.

Анализируя объективную сторону по ст.145 УК РБ приходим к выводу, что уголовная ответственность наступает при совершении альтернативных деяний - совершения потерпевшим суицида либо выполнения им действий, квалифицируемых законодателем как «покушение» на лишение себя жизни. Вместе с тем, использование в данном контексте уголовно-правового термина «покушение» вызывает терминологическую коллизию, поскольку в доктрине уголовного права это понятие традиционно связывается с этапами реализации умышленного деяния самим преступником. В целях устранения правовой некорректности полагаем обоснованным заменить в диспозиции статьи дефиницию «покушение на самоубийство» на понятие «попытка самоубийства». Указанный термин является устоявшимся в быту, а также в медицинской практике. Так, Инструкции о порядке действий работников учреждений образования, здравоохранения и сотрудников органов внутренних дел при выявлении факторов риска суицидальных действий у

несовершеннолетних, утвержденная Постановлением Министерства Республики Беларусь от 15 января 2019 г. № 7/5/13 закрепляет легальную дефиницию: попытка суицида (попытка самоубийства, парасуицид) – попытка лишения себя жизни, которая не привела к смерти.

Включение в диспозицию ст. 145 УК РБ как квалифицированного состава прямого указания на угрозу убийством в качестве способа доведения до самоубийства представляется целесообразным и логически обоснованным. Угроза лишением жизни обладает исключительным психологическим воздействием на потерпевшего, создавая состояние постоянного страха и безысходности, что объективно повышает общественную опасность данного деяния. Именно угроза лишением жизни чаще всего создает у потерпевшего ощущение полной безысходности и является кульминацией длительного психологического давления. В отличие от общей угрозы применения насилия, указанной в текущей редакции статьи, угроза убийством имеет конкретный характер и вызывает более интенсивное психотравмирующее воздействие, что требует правового закрепления.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать наличие значительного потенциала для совершения уголовно-правового регулирования в сфере, охватываемой статьей 145 УК РБ.

Библиографический список

1. Бабий, Н. А. Честь и достоинство // Белорусская юридическая энциклопедия. В 4 т. Т. 4. Т-Я /БГУ, Юрид. фак. ; [редкол.: С. А. Балашенко и др.]. - Минск: ГИУСТ БГУ, 2013. - 303 с. - ISBN 978-985-491-094-9 (т. 4).

2. Плетенёв, Д.А., Стаханова, Е.Ю. Достоинство личности // Правовая политика Республики Беларусь: Современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Минск, 6 декабря 2013 года) / Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, редкол.: Семенков, В.И. (гл. ред.), [др.] – Минск, 2013. С. 117-119

УДК 343.9:343.85

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Н. М. Саулов

курсант 3 курса
Могилевского института МВД Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент Т. И. Вишневская

В данной статье рассматривается феномен киберпреступности как одной из наиболее динамичных и значимых угроз современности на примере Республики Беларусь. Анализируется экспоненциальный рост количества киберпреступлений за последние два десятилетия, выделяются ключевые тенденции и региональные особенности их распространения. Особое внимание уделяется проблеме высокой латентности данного вида преступлений и связанным с этим трудностям криминологического анализа и правоприменения.

Ключевые слова: киберпреступность, динамика преступности, информационно-телекоммуникационные технологии, кибербезопасность, цифровая преступность, криминологический анализ.

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни принесла не только неоспоримые преимущества, но и породила новые, высокотехнологичные формы противоправной деятельности. Киберпреступность стала глобальным вызовом для национальных систем безопасности и правопорядка по всему миру. Республика Беларусь не является исключением, демонстрируя в последние годы тревожные темпы роста числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ). Начало XXI века ознаменовалось относительно скромными цифрами: в 2002 году было зарегистрировано 924 преступления. Однако за последующие 13 лет наблюдается устойчивая негативная тенденция, и к 2015 году этот показатель возрос до 2471 случая, что свидетельствует об увеличении более чем в 2,5 раза. Наиболее резкий скачок произошел в период с 2015 по 2020 год. Всего за пять лет количество киберпреступлений увеличилось более чем в 10 раз, достигнув рекордного значения в 25 561 эпизод. Такие темпы красноречиво свидетельствуют о масштабировании угрозы и активизации деятельности злоумышленников в цифровом пространстве. Однако в 2021 году наметилась позитивная тенденция к стабилизации ситуации. По итогам года было зарегистрировано 15 503 подобных противоправных деяния, а в 2022 году – 13 541. Несмотря на значительное снижение, текущий уровень остается чрезвычайно высоким по сравнению с докризисными периодами, что требует сохранения повышенного внимания к проблеме [2, с. 183].

Стоит отметить, что негативная тенденция роста киберпреступности носит глобальный характер. Например, в Российской Федерации в 2024 году было зафиксировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИКТ, что на 13,1% больше по сравнению с предыдущим годом [1]. Это подтверждает, что Беларусь сталкивается с частью общемировой проблемы. Анализ географического распределения киберпреступлений внутри страны демонстрирует ее неравномерность. Наибольшее число преступлений совершается в столице – городе Минске (33,1% от общего количества). На втором месте находится Гомельская область с долей в 14,3%. Подобная география отражает общую урбанизированность данного вида преступной деятельности [2, с. 183].

Проведенный анализ позволяет сделать ряд важных выводов относительно состояния и специфики киберпреступности в Республике Беларусь. Во-первых, киберпреступность в Беларуси имеет четкую региональную специфику, концентрируясь в столичном регионе и крупных областных центрах, что коррелирует с уровнем цифровизации и плотностью населения. Во-вторых, наибольшую сложность в противодействии данному виду преступности представляет ее исключительная латентность. Дальнейшее изучение этого феномена требует консолидации усилий ученых и практиков из разных областей знания для разработки эффективных комплексных решений, способных противостоять вызовам цифровой эпохи.

Библиографический список

1. Число киберпреступлений в России. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения 05.10.2025)

2. Криминология: учебное пособие ; под ред. В. А. Ананича. – Минск : Академия МВД, 2023. – 211с.

УДК 343.721

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИПФЕЙКОВ, ИМИТИРУЮЩИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Д. В. Смирнова

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М.Г. Головенчик

В настоящем исследовании рассматривается общественная опасность деяний, совершаемых с использованием технологии дипфейк. Сделаны выводы о перспективных направлениях совершенствования Уголовного кодекса Республики Беларусь для противодействия им.

Ключевые слова: дипфейки; публичное размещение; цифровая дезинформация; искусственный интеллект; национальная безопасность; ответственность за распространение дипфейков.

В Республике Беларусь на сегодняшний день отсутствует специальная статья в национальном уголовном законе, которая бы прямо закрепляла ответственность за создание и распространение дипфейков. Это создаёт правовой вакуум, приводящий к сложностям в квалификации общественно опасных деяний, направленных на распространение дезинформации в цифровом пространстве [2].

Публичное размещение дипфейков с участием высокопоставленных должностных лиц несёт угрозу национальной безопасности и общественному доверию [3]. Такие видеоматериалы могут использоваться для дискредитации власти, манипулирования общественным мнением, подрыва демократических процессов и создания социальной дестабилизации. В ряде зарубежных стран, таких как Россия, США, Китай и Сингапур, уже разработаны законодательные инициативы, направленные на противодействие незаконному созданию и распространению дипфейков. Китай требует обязательной маркировки синтезированного контента, а в Сингапуре предусмотрена ответственность за распространение дипфейков во время выборов.

Дипфейки, которые могут воспроизводить изображение и голос должностных лиц, занимающих ответственное положение, активно распространяются в том

числе и в Республике Беларусь [1], что несомненно угрожает национальной и общественной безопасности. На данном этапе государством ведется разработка комплексного нормативного правового акта о технологиях искусственного интеллекта, что будет являться важной основой нормативного урегулирования общественных отношений, складывающихся в связи (или по поводу) использования данных новшеств.

Но кроме того, ввиду общественной опасности таких деяний, считаем целесообразным дополнить Уголовный кодекс Республики Беларусь новой статьей, которая будет устанавливать ответственность за изготовление, распространение или иное размещение видеоматериалов, звуковых записей или иных мультимедийных продуктов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта (дипфейков), изображающих или воспроизводящих облик, голос или действия должностных лиц Республики Беларусь, а также должностных лиц Республики Беларусь, занимающих ответственное положение, при этом содержащих заведомо ложную информацию, порочащую честь, достоинство или деловую репутацию указанных лиц либо наносящих ущерб интересам государственной безопасности. Введение указанной статьи будет способствовать предотвращению распространения дезинформации и цифровых манипуляций, сохранению доверия к государственным институтам, защитите чести и репутации должностных лиц, а также обеспечению национальной безопасности в условиях быстро развивающихся цифровых технологий. Принятие таких норм повысит ответственность за противоправное использование новых технологий и обеспечит более эффективное противодействие угрозам, возникающим в информационном пространстве.

Библиографический список

1. Внимание, фейк! Мошенники используют имя А. Лукашенко для обмана // ОНТ. – URL: https://ont.by/news/vnimanie-fejk-moshenniki-ispolzuyut-imya-lukashenko-dlya-obmana (дата обращения: 01.10.2025).

2. В. О. Калишук, "Противодействие распространению недостоверной информации: политико-правовой аспект", 2021 – URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/268908 (дата обращения: 01.10.2025).

3. Шляпугина, А. И. Уголовно-правовая оценка использования дипфейков (Deepfakes) для совершения клеветы и распространения порочащих сведений / А. И. Шляпугина, С. А. Юрков // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 5 (86). – С. 732–737. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-otsenka-ispolzovaniya-dipfeykov-deepfakes-dlya-sovershеniya-klevety-i-rasprostraneniya-porochaschih-svedeniy (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 343.241.2

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕННОМ ХАРАКТЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Смоленская

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д. В. Шаблинская

Статья посвящена рассмотрению вопроса о временном характере смертной казни в Республике Беларусь. Обосновывается внесение законодательных изменений, касающихся временных рамок применения смертной казни.

Ключевые слова: смертная казнь; временный характер; правоприменительная практика; правовая неопределённость; реформа уголовного законодательства.

Смертная казнь как исключительная мера уголовной ответственности является предметом дискуссий в общественной жизни с момента введения данного наказания на территории Беларуси. Её применение вызывает дебаты правового характера, касающиеся соответствия этой меры международным стандартам.

Актуальность исследования временного характера применения смертной казни в белорусском праве обусловлена выявленным несоответствием, которое проявляется в расхождении между декларативным положением о временном характере данной меры, зафиксированным в нормативных правовых актах, и фактически длительным периодом её реализации в правоприменительной практике. В частности, ст. 24 Конституции Республики Беларусь закрепляет, что смертная казнь носит временный характер. Аналогичная формулировка правовой нормы отображена в ст. 48 и 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Из этого следует, что на законодательном уровне закреплена перспектива возможной отмены или существенного пересмотра данной меры. Но, поскольку отсутствуют временные рамки для её прекращения в действующем законодательстве, образуется некая правовая неопределённость в отношении перспективы существования смертной казни как вида наказания.

Одним из предлагаемых вариантов разрешения данной проблемы является исключение условия временного характера применения смертной казни. Это будет означать отказ от первоначального намерения её отменить и подтверждение постоянного статуса данного наказания в системе наказаний. Подобные изменения, с одной стороны, будут рассматриваться как регресс в вопросе прав человека, что противоречит тенденции гуманизации уголовного законодательства. Но, с другой стороны, это будет соответствовать правоприменительному опыту Республики Беларусь в отношении реализации смертной казни, поскольку за десятилетия существования формулировки «до её отмены» она так и не была отменена. При этом данный шаг потребует проведения республиканского референдума, поскольку поправки, касающиеся смертной казни, должны будут также вноситься и в Конституцию Республики Беларусь.

В качестве альтернативы предлагается возможным внести изменения в связи с конкретизацией условий применения смертной казни. Введение формулировки о том, что рассматриваемое наказание носит временный характер и может быть отменено, например, по мере достижения стабильного снижения уровня преступлений, за совершение которых оно применяется, продемонстрирует, что государство не отказывается от идеи отмены смертной казни, но устанавливает необходимые конкретные условия для этого в будущем.

Опыт ряда иностранных государств, в частности, Грузии, Кыргызстана и Таджикистана, демонстрирует их шаг в сторону поэтапного отказа от смертной казни. Первым этапом в приведённых странах являлось введение моратория, после которого следовала отмена смертной казни. Применительно к Республике Беларусь, анализ успешных стратегий указанных стран позволяет рассматривать поэтапный подход в качестве потенциального механизма имплементации международно признанных принципов гуманизации уголовного законодательства и соблюдения прав человека, при условии учёта особенностей национальной правовой системы.

Таким образом, исследование выявило ключевое противоречие между декларированным «временным характером» смертной казни в законодательстве Республики Беларусь и её фактической длительной реализацией, порождающее правовую неопределённость. Устранение данной проблемы требует стратегического переосмысления статуса смертной казни, что включает прямое законодательное закрепление её фактического положения либо внедрение поэтапных мер по гуманизации системы наказаний, как того требует международная практика.

Библиографический список

1. Пацкевич, А.П. Право на жизнь и проблемы смертной казни в контексте Конституции Республики Беларусь / А. П. Пацкевич, С. Н. Стороженко // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2007. – № 1 – С. 59–63.

УДК 343.54

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ПУТЕМ ДЕМОНСТРАЦИИ ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

А. С. Снегирева

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, проф. А.Л. Савенок

В настоящей статье рассматривается конкуренция ст.ст. 169, 343, 343-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь. По результатам исследования предлагается ее разрешение по правилу общей и специальной нормы, а также дополнение редакции ч. 2 ст. 169 квалифицирующим признаком.

Ключевые слова: развратные действия; порнографические материалы; несовершеннолетние; сеть Интернет; груминг.

Цифровизация всех сфер общественной жизни послужила причиной появления такого нового способа совершения развратных действий, как онлайн-груминг. В целях развращения, виновные часто используют порнографические материалы либо вовлекают несовершеннолетних в их изготовление. В данной связи представляется важным рассмотреть отграничение развратных действий, предусмотренных ст. 169 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), совершаемых

с использованием информационно-коммуникационных технологий, от ст.ст. 343, 343-1 УК.

Некоторые ученые указывают на различные объекты посягательств в данных преступлениях, в связи с чем они представляют совокупность (Н. А. Бабий, О. А. Гоноченко, С. М. Свило). На основе положений юридической науки о реальной и идеальной совокупности преступлений можем сделать вывод, что при совершении развратных действий в сети Интернет путем демонстрации порнографических материалов совокупность отсутствует, а имеет место конкуренция норм.

Например, в ситуациях, когда виновный преследовал цель развратить несовершеннолетнего путем демонстрации ему порнографической продукции, или заполучил порнографические материалы несовершеннолетнего в личных целях или для распространения, усматриваются различные умыслы. В обоих случаях совершается единичное преступление, при этом интеллектуальное развращение через переписку выступало своеобразным этапом к совершению более тяжких преступлений, предусмотренных ст.ст. 343, 343-1 УК. При этом ошибочно утверждать, что развратные действия, совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий, представляют приготовление либо покушение, поскольку образуют самостоятельное преступное деяние (ст. 169 УК).

В комментарии к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)» указывается, что если развратные действия предшествовали совершению более тяжкого преступления или совершались в процессе таких действий, то содеянное следует квалифицировать как соответствующее более тяжкое преступление и необходимость дополнительной квалификации отсутствует [1, с. 22].

На наш взгляд, объекты в ст.ст. 169, 343, 343-1 УК тесно связаны друг с другом и составляют сложную группу однородных общественных отношений в сфере половой неприкосновенности, нравственности и нормального развития несовершеннолетних, в связи с чем совокупности не образуют. В таких случаях следует пользоваться правилами конкуренции общей (ст. 169 УК) и специальной нормы (ч. 2 ст. 343, ч. 2 ст. 343-1 УК). Таким образом, интеллектуальная форма развратных действий как самостоятельное преступление заканчивается с момента демонстрации порнографической продукции онлайн, поскольку данное деяние охватывается отдельным составом.

На основании проведенного исследования можем сделать следующие выводы:

1. Необходимо конкретизировать физические и интеллектуальные формы совершения развратных действий (ст. 169 УК), а в случае конкуренции со ст.ст. 343, 343-1 УК – квалифицировать по специальной норме с учетом направленности умысла виновного.

2. Ввиду того, что информационно-коммуникационные технологии облегчают совершение развратных действий благодаря анонимности и возможности воздействия на широкий круг лиц, считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 169 УК квалифицирующим признаком: «С использованием глобальной компьютерной

сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи».

Библиографический список

1. Анискевич, Р. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 166–170 УК) (по материалам обзора) / Р. Анискевич, В. Кривая, Л. Дулько // Судовы веснік. – 2012. – № 4. – С. 15–22.

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЗАПРЕТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Я. Е. Сниткова

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Д.А. Плетенёва

В статье рассматриваются причины, цели и последствия введения запрета и ужесточения условий осуществления абортов.

Ключевые слова: запрет абортов, ужесточение условий, права женщин, демографический кризис, последствия.

Сегодня реализация социально-демографической политики во многих государствах стала выстраиваться на введении запрета и ужесточении условий осуществления принудительного прерывания беременности (например, в Мальте, Польше, России, некоторых штатах США). Основанием для такого решения послужил демографический кризис, вызванный экономическими, политическими, институциональными, социально-культурными, медицинскими факторами. В тоже время второстепенными факторами могут быть названы: религиозные убеждения и культура (особенно основанные на католицизме), политический популизм (борьба за голоса консервативного электората), попытка навязать женщинам «удобную для государства» модель поведения (ориентированную на рождение детей и заботу о быте), медицинские, этические и правовые дебаты (о статусе эмбриона, правах плода и границах медицинского вмешательства), борьба с распространением идеологии «childfree». В авторитарных и тоталитарных государствах данные запреты и ограничения могут быть рассмотрены как часть инструментария, обеспечивающего контроль правящей элиты над обществом и индивидами.

В качестве целей запрета или ужесточения условий аборта приверженцы данных идей обычно называют решение демографических задач, защиту права эмбриона на жизнь, сохранение и укрепление традиционных семейных и моральных норм, защиту здоровья женщин.

Однако такая позиция не учитывает факторы, в силу которых женщины чаще всего идут на прерывание беременности. К ним, прежде всего, относятся: эконо-

мические и бытовые трудности (отсутствие стабильного дохода, жилья, возможности обеспечить ребенку достойный уровень жизни); отношения с партнером и семейная ситуация (отсутствие поддержки со стороны родных и близких, проблемы в отношениях и неуверенность в избраннике); жизненные планы (получение образования, построение карьеры, намерение отложить рождение детей до «лучших времен»); медицинские проблемы (угроза жизни и здоровью матери, серьезные патологии плода, несовместимые с жизнью или ведущие к тяжелой инвалидности, осложнение беременности); неожиданная или незапланированная беременность; социальные и культурные факторы (страх социальной стигмы, давление со стороны общества); психологические причины (неготовность стать матерью, проблемы с ментальным здоровьем); беременность в результате насилия.

В результате запрет или строгое ограничение абортов часто приводит к негативным последствиям, таким как: нарушение права женщин и мужчин свободно и ответственно решать вопрос о числе детей, иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право (п. е ст. 16 Конвенции о ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятой резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г.), права женщин на жизнь и охрану здоровья, которые в различных формах закреплены в конституционных законах большинства государств; повышение количества незаконных абортов и, как следствие, значительное ухудшение здоровья женщин, в том числе ментального (с такой проблемой столкнулся СССР, когда в 1955 г. Советскому правительству пришлось отменить принятый ранее запрет абортов в связи со скачком числа подпольных операций, имевших трагические последствия); рост уровней материнской и младенческой смертности (в результате криминальных абортов, наличия заболеваний и противопоказаний); возрастание количества детей, а в последствии и взрослых, страдающих ментальными расстройствами (не все женщины могут хорошо относиться к детям, которые были рождены против их воли; это приводит к низкому уровню родительской заботы о ребенке и высокому уровню стресса в семье, что в свою очередь влечет развитие проблем с ментальным здоровьем); увеличение рисков отказа от детей, а также детоубийства.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что введение запрета и ужесточения условий осуществления принудительного прерывания беременности в целях разрешения демографического кризиса является слишком категоричным, нецелесообразным и негуманным способом. Считаем, что при осуществлении социально-демографической политики внимание государства должно быть сфокусировано на факторах, формирующих у женщин решение совершить аборт.

УДК 343.721

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТ

П. С. Сороко

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель М.Г. Головенчик

В рамках научной работы рассматриваются законодательные подходы в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Казахстан, где криптовалюта регулируется в контексте майнинга и обмена активами, а также особое внимание уделяется основным схемам мошенничества.

Ключевые слова: криптовалюта; мошенничество; цифровые активы; правовое регулирование; майнинг; схемы совершения мошенничества; борьба с киберпреступностью.

Мошенничество с использованием криптовалюты стало актуальной проблемой на фоне роста операций с цифровыми активами. В Уголовных кодексах Республики Беларусь и Российской Федерации мошенничество определяется как хищение имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Развитие информационных технологий и глобализация привели к тому, что криптовалюта стала объектом преступных действий.

В Беларуси криптовалюты легализованы в связи с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», регулирующий майнинг и обмен цифровых активов. В России криптовалюта регулируется Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Физические и юридические лица могут покупать и продавать криптовалюту, но ее использование в расчетах запрещено. В Казахстане криптовалюта также не признана платежным средством, а майнинг регулируется Законом Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII «О цифровых активах».

Мошенничество с использованием криптовалют включает широкий спектр схем, направленных на получение незаконной выгоды через цифровые активы. Одним из наиболее распространённых способов является фишинг, когда преступники создают поддельные сайты или рассылают письма, вынуждая пользователей раскрыть приватные ключи и пароли от кошельков. Другой популярный метод связан с фальшивыми процедурами первичного размещения токенов (ICO): преступники запускают проекты без реальной ценности, обещая инвесторам высокую доходность. Кроме того, участились мошенничества, осуществляемые под видом высокодоходного трейдинга криптовалютами, который на самом деле не осуществляется. Указанные преступные деяния стали довольно распространенными и в Республике Беларусь (см., например, [1]; [2]).

В связи с ростом числа мошеннических схем, связанных с криптовалютами, становится очевидной необходимость разработки более детализированного правового регулирования в странах СНГ. Нормативные правовые акты о цифровых активах в Беларуси, России и Казахстане, требуют дальнейшего уточнения и совершенствования, чтобы эффективно противодействовать мошенничеству в этой сфере. Без внедрения развёрнутых норм и механизмов контроля криптовалюта продолжает оставаться привлекательным инструментом для преступных действий, угрожая финансовой безопасности пользователей и стабильности финансовых рынков. Важной составляющей борьбы с криптомошенничеством является повышение финансовой грамотности населения. Указанного можно достичь через

внедрение образовательных программ и курсов, ориентированных на основы безопасности в интернете и управление цифровыми активами, а также через информирование о рисках, связанных с криптовалютами, в учреждениях образования. Эти меры позволят пользователям лучше ориентироваться в рисках и защитить свои активы. Кроме того, поддержание и осуществление международного сотрудничества, особенно с международными, в том числе межправительственными, организациями, такими как ФАТФ (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) и другими регулирующими структурами, будет способствовать выработке единой правовой базы и обмену опытом, что повысит эффективность борьбы с киберпреступностью и укрепит безопасность цифровых финансовых экосистем на глобальном уровне.

Библиографический список

1. Трейдинг в сфере криптовалюты – новый тренд для мошенников: прокуратура Бреста поддержала гособвинение в суде // Генеральная прокуратура Республики Беларусь. – URL: https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/nadzor-za-resheniyami-po-ugolovnym-i-grazhdanskim-delam/treyding-v-sfere-kri2012/ (дата обращения: 01.10.2025).

2. Мошенничество на криптобирже: как минчане становятся жертвами обмана // Минск-новости. – URL: https://minsknews.by/kripta-mozhar/ (дата обращения: 01.10.2025).

УДК 343.237

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В. А. Станилевич

магистрант юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор И.О. Грунтов

В статье анализируется институт добровольного отказа соучастников преступления. Рассматриваются особенности правового регулирования добровольного отказа организатора, подстрекателя, пособника, соисполнителей; предлагаются направления для совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: добровольный отказ; соучастие в преступлении; квалификация преступлений.

Добровольный отказ от преступления предусмотрен ст. 15 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК). Объективная сторона добровольного отказа выражается в прекращении преступных действий, а субъективная – в том, что субъект, добровольно и окончательно отказавшийся от совершения преступления (волевой признак), осознает возможность довести свои деяния до конца (интеллектуальный признак) [1, с. 113]. В этой же статье регулируется добровольный отказ соучастников преступления: организатора, подстрекателя и пособника.

Для организатора и подстрекателя законодатель устанавливает одинаковые требования: предотвратить совершение преступления. В том случае, если их действия не привели к желаемому результату, принятые меры могут быть признаны смягчающими обстоятельствами.

К пособнику предъявляются менее строгие требования: до окончания преступления ему необходимо отказать исполнителю в заранее обещанном содействии или устранить результаты уже оказанной помощи. Стоит согласиться с тем, что пособник может осуществить добровольный отказ как путем действия (отобрание предоставленных ранее орудий), так и путем бездействия (несообщение необходимой информации) [2, с. 309]. Однако исходя из смысла ч. 4 ст. 15 УК добровольный отказ невозможен, если пособник уже предоставил информацию, дал советы и указания. Такой вклад не может быть извлечен из сознания исполнителя, несмотря на усилия пособника. Исходя из этого, необходимо признать возможным добровольный отказа пособника, предоставившего информацию исполнителю, путем предотвращения преступления, а также учитывать это как смягчающее обстоятельство при неудавшейся попытке.

Дискуссионным остается вопрос добровольного отказа соисполнителей преступления. Можно выделить две противоположные точки зрения: 1) добровольный отказ соисполнителей ничем не отличается от добровольного отказа индивидуально действующего лица; 2) возможность добровольного отказа следует рассматривать дифференцированно.

В науке высказывается мнение о том, что существующая законодательная модель добровольного отказа соучастников является не вполне удачной. Соучастие всегда характеризуется умыслом. Если соучастники выполнили незначительную часть преступных действий, но добровольно и окончательно прекратили их, хотя могли продолжить, это свидетельствует об отсутствии у них умысла [3, с. 258]. И. О. Грунтов приходит к следующему выводу: если лица предпринимают все возможные шаги для предотвращения преступления исполнителем, то их вина в причиненных общественно опасных последствиях может вообще отсутствовать [3, с. 258].

Таким образом, в целях совершенствования законодательства предлагаем дополнить ст. 15 УК ч. 5, а также внести изменения в ч. 3 и ч. 4 ст. 15 УК, изложив их в следующей редакции:

«3. Добровольный отказ организатора (руководителя) преступления или подстрекателя исключает уголовную ответственность, если эти лица предотвратили совершение преступления. Если их действия не привели к предотвращению преступления, то вопрос об уголовной ответственности должен решаться в соответствии с их виной.

4. Добровольный отказ пособника исключает уголовную ответственность, если лицо до окончания исполнителем преступления откажет ему в заранее обещанном содействии или устранит результаты уже оказанной помощи. Если устранить результаты уже оказанной помощи невозможно, то добровольный отказ пособника определяется по правилам части третьей настоящей статьи.

5. Добровольный отказ от преступления одного из соисполнителей определяется по правилам части первой настоящей статьи».

Библиографический список

1. Назаренко, Г. В. Неоконченное преступление и его виды. Монография / Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова. – М. : Ось-89, 2003 – 160 с.

2. Шатов, С. А. Добровольный отказ соучастников преступления: специфика уголовно-правовой квалификации / С. А. Шатов // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 307– 310.

3. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 366 с.

УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН В РАМКАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. А. Станько

учащаяся 3 курса
Юридического колледжа Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель первой квалификационной категории,
Ю. М. Щечина

. Домашнее насилие как форма угнетения женщин по-прежнему остается серьезной проблемой общества. Одним из средств борьбы является наличие эффективного законодательства. В Уголовном кодексе Республики Беларусь специальные нормы о семейно-бытовом насилии отсутствуют, что указывает на необходимость их внесения.

Ключевые слова: домашнее насилие; семейно-бытовое насилие; физическое насилие; насилие в семье; телесные повреждения; оскорбления.

Согласно ст. 1 Закона «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 4 января 2014 г. № 122-З (далее – Закон) домашнее насилие – это умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющие физические и (или) психические страдания.

Изначально в законе использовался термин «насилие в семье», который впоследствии был заменен на «домашнее насилие» в целях расширения круга лиц, подпадающих под профилактику подобных правонарушений. Однако, по статистике, в большинстве случаев жертвами домашнего насилия становятся женщины. Согласно статистическому буклету за 2025 год «Состояние здоровья и положение женщин в семье: основные итоги» женщины в возрасте от 18 до 69 лет в течение жизни подвергались со стороны мужа (партнёра) физическому насилию (13,9%), психологическому (30,4%), экономическому (13,2%), а также сексуальному (3,1%) [1, с. 2].

Особенно агрессоры изобретательны в выборе физических истязаний. В 2,4% случаев физического насилия мужчины угрожали оружием, колющим, рубящим или режущим предметом, или использовали его против женщины, пытались её задушить или намеренно наносили ожоги [1, с. 2].

Для защиты своего права на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, закрепленного в ст. 25 Конституции Республики Беларусь, женщины могут обратиться к следующим нормативным правовым актам:

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (ст. 10.1. Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания, ст. 10.2. Оскорбление);

Закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 4 января 2014 г. № 122-З (ст. 17 Основные профилактические мероприятия по предупреждению насилия в семье, ст. 31 Защитное предписание);

Закон Республики Беларусь «О социальном обслуживании» от 22 мая 2000 г. № 395-З (ст. 28, 30);

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК).

Некоторые нормы УК могут применяться в качестве специальных при определённых обстоятельствах. Например, ст. 148 УК «Умышленное лишение профессиональной трудоспособности». Допустим, муж лишает руки жену-пианистку для того, чтобы она не имела возможности работать. Супруга, помимо телесных повреждений, ощущает душевные терзания.

Проблема правового регулирования по вопросу домашнего насилия заключается в отсутствии единой системы. Так, при применении норм уголовного законодательства факт семейно-бытового угнетения не является квалифицирующим признаком или же отягчающим обстоятельством. Это свидетельствует о необходимости добавления в соответствующие статьи (ст. 147, 186 УК и др.) пункта «в отношении супруги (партнёрши)».

Что касается «материальных» способов противостояния насилию в семье, то в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 декабря 2014 г. № 1192 организациями здравоохранения информация о лицах, обращающихся за оказанием медицинской помощи в связи с насилием (физические и психологические травмы), передается в соответствующие территориальные органы внутренних дел для принятия необходимых мер.

Таким образом, УК требует совершенствования в области домашнего насилия.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/. – Дата доступа: 01.10.2025.

УДК 343.3/.7

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК КРИМИНООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е. А. Старовойтова

студент 3 курса
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук В. Р. Меерсон

В статье рассматривается дефиниция «существенный вред» как один из ключевых признаков составов преступлений против компьютерной безопасности. Анализируются отдельные подходы по его толкованию с учетом особого влияния установления на квалификацию указанного общественно опасного последствия.

Ключевые слова: существенный вред; иные тяжкие последствия; компьютерная безопасность; преступления в сфере информационных технологий; уголовно наказуемое деяние; дифференциация ответственности.

Современный этап развития информационных технологий обуславливает рост числа совершаемых преступлений против компьютерной безопасности. Указанные преступления, в подавляющем большинстве, влекут причинения вреда охраняемым общественным отношениям, как материального, так и нематериального характера. Стоит отметить, что используемая в уголовном законодательстве Республики Беларусь категория «существенный вред» выступает в качестве разграничительного признака между административным правонарушением и уголовно наказуемым деянием.

Следует отметить, что на основании анализа уголовно-правовых норм, содержащихся в гл. 31 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), наличие общественно опасных последствий является обязательным признаком объективной стороны рассматриваемой группы преступлений (за исключением альтернативного деяния, предусмотренного формально-материальным составом ч. 1 ст. 349 УК, а также составов, описанных в ч. 1, 2 ст. 354 УК). В качестве общественно опасных последствий законодателем предусмотрено: причинение существенного вреда (ч. 1 ст. 349 УК, ч. 1, 2 ст. 350 УК, ч. 1, 2 ст. 352 УК, ч. 1 ст. 355 УК), а также крушение, авария, катастрофа, несчастные случаи с людьми, отрицательные изменения в окружающей среде и иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 349 УК, ч. 3 ст. 350 УК, ч. 3 ст. 352 УК, ч. 3 ст. 354 УК, ч. 2 ст. 355 УК).

Важным, с точки зрения оценки общественно опасных последствий, является разграничение «существенного вреда» и «иных тяжких последствий». Разграничение указанных категорий законодателем призвано дифференцировать ответственность: составы преступлений, содержащие признак «существенного вреда», являются основными и относятся к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности, либо менее тяжким. В то время как составы

преступлений, содержащие признак «иных тяжких последствий», являются квалифицированными, что обуславливает повышенную ответственность [1].

Следует отметить, что ввиду отсутствия на законодательном уровне закрепления понятия «существенный вред» в контексте рассматриваемой группы преступлений, возникает вопрос, какие общественно опасные последствия могут подпадать под данный критерий. Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК)» указывается, что «вывод о причинении действиями виновного существенного вреда должен подтверждаться достаточной совокупностью доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке» [2].

Как отмечалось чуть выше, причинение существенного вреда может выражаться и в материальных формах. В таком случае, закономерным является вопрос в рамках какой суммы должен находиться материальный ущерб, чтобы отнести таковой к категории существенного вреда. Как представляется, для признания существенным вредом необходимо причинение ущерба в крупном размере [3, с. 242]. Однако указанный подход не является общепринятым и требует гармонизации, как верно отмечает Д. Г. Полещук [4, с. 807-808].

Исходя из указанного можно заключить, что отсутствие унифицированного подхода к определению «существенного вреда» обуславливает сложности в толковании и разграничении составов преступлений против компьютерной безопасности. На основании чего, возникла необходимость обобщения судебной практики по рассматриваемой группе преступлений, а также, наиболее целесообразным, представляется закрепление на законодательном уровне определения существенного вреда, в целях эффективного противодействия киберпреступности.

Библиографический список

1. Рябцева, Л. А. Существенный вред как общественно опасное последствие преступлений против компьютерной безопасности [сайт]. – Минск, 2025. – URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/6607/1/rjabceva.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

2. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК) : постановление Президиума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 года № 4 // ЭТАЛОН-ONLINE : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.09.2025).

3. Квалификация преступлений : учебник / В. В. Марчук [и др.] ; под общ. ред. В.В. Марчука ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2024. – 294, [2] с.

4. Полещук, Д. Г. Оценочные признаки составов преступлений против компьютерной безопасности: проблема понимания в теории и на практике / Д. Г. Полещук // Право в современном белорусском обществе : Сборник научных трудов / Редколлегия: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Том Выпуск 17. – Минск : Общество с ограниченной ответственностью «Колорград», 2022. – С. 800–814.

УДК 343.9

РОЛЬ МЕДИАТОРА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ФИЗИЧЕСКОГО СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Л. А. Тарасова

студентка 2 курса
Российского государственного социального университета филиала в г. Минск
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. М. Свило

В работе рассматриваются перспективы развития семейной медиации в Республике Беларусь как инструмента, способного разрешать конфликты на ранних стадиях, предотвращая их перерастание в физическое насилие. Для внедрения данного подхода предложено комплексное совершенствование законодательной базы

Ключевые слова: медиатор; предупреждение; процедура медиации; семейное насилие; физическое насилие.

Физическое семейное насилие является одной из наиболее разрушительных и широко распространенных социальных проблем в современном обществе, представляющих угрозу для благополучия семьи и безопасности личности. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь подавляющим большинством жертв семейного физического насилия являются женщины и дети. Так, за 2024 г. в стране зарегистрировано около 1500 преступлений в семейно-бытовой сфере, а также возбуждено около 1000 уголовных дел по фактам истязаний, побоев и причинения телесных повреждений в быту. При этом число преступлений, связанных с домашним насилием, в 2024 г. по сравнению с 2023 г. снизилось на 18,7 % [1]. Полагаем, положительная динамика может быть обусловлена, в том числе, высокой латентностью таких посягательств.

В Республике Беларусь нет самостоятельного нормативного правового акта о предупреждении семейного насилия, а нормы УК и КоАП направлены не столько на предупреждение, сколько на ликвидацию последствий случившегося. В то же время действующий Закон от 04.01.2014 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» предусматривает ряд специфических превентивных мер, направленных на профилактику домашнего насилия: защитное предписание, коррекционные программы и др. Сложность в их правоприменении объясняется тем обстоятельством, что государство не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан до факта совершения насилия. Соответственно, целесообразно определить меры воздействия, которые позволят предотвратить совершение насильственных действий в семье. Одним из таких способов может выступать медиация.

Деятельность медиатора регулируется Законом Республики Беларусь № 58-З от 12.07.2013 «О медиации» (далее – Закон), который определяет основы и порядок проведения данной процедуры в целях урегулирования споров сторон.

Полагаем, в рассматриваемом аспекте роль медиатора заключается в работе с семьями на ранних стадиях конфликта, когда насилие еще не проявляется или выражается в форме психологического давления, эмоционального манипулирования, но не физических действий. Медиация позволит членам семьи устранить разногласия на этом этапе, поможет сторонам осознать свои эмоции и выразить их в приемлемой форме, не допуская их перерастание в физическое насилие. Важно отметить, перед началом процедуры медиатор обязан провести детальный анализ ситуации на предмет наличия текущих актов физического или психологического насилия в семье. Если физическое насилие уже присутствует – медиация невозможна или опасна, так как жертва может опасаться физического давления со стороны агрессора.

Соответственно, развитие медиации является важным инструментом в предотвращении семейного насилия и помощи в разрешении конфликтов на их ранней стадии возникновения. Для эффективности данного метода регулирования отношений необходимо совершенствование законодательной базы. В связи с этим полагаем целесообразным перечень принципов медиации, закрепленных в ст. 3 Закона, дополнить принципом безопасности, выражающийся в проведении предварительной оценки семейных отношений на предмет существующего насилия и предотвращения угрозы его проявления в ходе процедуры медиации. Кроме того, в ст. 13 Закона необходимо установить запрет на проведение процедуры медиации в случаях, когда в семейных парах уже присутствуют формы насилия или когда в отношении одного из участников конфликта уже возбуждено уголовное дело по статьям, связанным с насилием. В ст. 4 Закона целесообразно ввести требование, предъявляемое к медиатору, желающему работать с семейными спорами, содержащими элементы насилия, наличие соответствующей специализации по психологии семейных отношений. Важным аспектом является стадия вознаграждения медиатора, когда одна из сторон не имеет финансовой возможности оплатить оказанные услуги. В данном случае в ст. 17 Закона необходимо регламентировать случаи предоставления государственного субсидирования или оплаты услуг медиаторов для граждан, признанных малоимущими или находящимися в социально опасном положении.

Данные изменения в законодательстве о процедуре семейной медиации будут способствовать сокращению числа случаев домашнего насилия, предотвращая его на ранних стадиях и обеспечивая безопасность тех, кто уже столкнулся с ним.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998–2024. – URL: http://belstat.gov.by (дата обращения: 20.09.2025).

УДК 343.24

НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЛИЦАМ

К. М. Фирсов

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Д.В. Шаблинская

В статье анализируется возможность применения уголовного наказания в виде общественных работ к лицам, совершившим преступление в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Сравнительный анализ норм Уголовного и Трудового кодексов Республики Беларусь выступает обоснованием возможности применения данного вида наказания к более широкому кругу лиц.

Ключевые слова: общественные работы; наказание; несовершеннолетние.

Важное место в системе наказаний занимают общественные работы, выступающие самой мягкой (исходя из содержания) мерой государственного принуждения. Правовое регулирование системы наказаний постоянно совершенствуется. В настоящее время, полагаем, существует возможность ее развития применительно к лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста. В частности, вопрос о применении наказания в виде общественных работ по отношению к несовершеннолетним актуализируется и в связи с нормами права, установленными Трудовым кодексом Республики Беларусь (далее – ТК).

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) раскрывает сущность общественных работ в ст. 49. Содержание данного наказания заключается в выполнении осужденным неоплачиваемого труда, вид которого определяется и устанавливается органами местного управления, что утверждается в форме решения. Законодатель ограничивает срок назначения общественных работ от 60 до 360 часов. В случае, если осужденный получает образование либо имеет постоянное место работы, то общественные работы ограничиваются до 4 часов день в свободное от учебы время и постоянной работы время.

Также в ст. 110 УК законодатель ограничивает минимальный возраст осужденного для назначения данного вида наказания. Минимальный возраст назначения общественных работ составляет шестнадцать лет. Для лиц такого возраста установлены ограничение в сроке от 30 до 160 часов и в продолжительности до 3 часов день и 3 дней в неделю. Выполняемые работы должны быть посильны для несовершеннолетних.

Учитывая законодательные ограничения по отношению к несовершеннолетним лицам, изложенные в ст. 110 УК, предлагаем пересмотреть подход к применению данного наказания к лицам в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Согласно ст. 21 ТК трудовой договор может быть заключен с лицом, достигшим четырнадцати лет. Можно сделать вывод, что законодатель считает лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста, достаточно развитыми для выполнения определенной категории работ. Министерство труда и социальной защиты Республики

Беларусь устанавливает перечень легких видов работ, которые могут выполнять лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет. Следовательно, общественные работы могут быть назначены лицам данной возрастной категории. В таком случае, назначаемая осужденному лицу работа должна соответствовать физическому и психологическому развитию, не должна препятствовать обучению и гармоничному развитию подростка. Работа должна быть безопасна для осужденного лица и не требовать специальной квалификации.

Важно учитывать ограничение по времени работы и сроку наказания для несовершеннолетнего осужденного. Статья 115 ТК ограничивает длину смены для лиц от четырнадцати до шестнадцати лет до 4 часов 36 минут в каникулярное время и до 2 часов 18 минут в свободное от получения образования время. Для данной категории лиц в ст. 114 ТК рабочее время ограничивается 23 часами в неделю. С учетом данного подхода, полагаем, несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет (на основании того, что среднее образование является обязательным в Республике Беларусь), общественные работы могли бы назначаться не более, чем 6 часов в неделю.

Общественные работы в качестве наказания выполняют карательную и воспитательную функцию. Благодаря данному наказанию несовершеннолетние также смогут обучиться новым навыкам, которые в будущем помогут им справляться с ведением бытового хозяйства. Общественные работы, в том числе, помогут сформировать ценность труда, осознать его тяжесть и социальную значимость.

Библиографический список

1. Саркисова, Э. А. Общественные работы как вид уголовного наказания: реалии и перспективы / Э. А. Саркисова // Проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 мая 2014 г.) / Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь ; редкол.: А. В. Шарков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – С. 129–133.

УДК 343

ЗАЩИТА ЖИЛИЩА И СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

А. Ф. Хижняк

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель И.И. Верховодко

Статья посвящена особенностям регулирования института необходимой обороны в сфере защиты собственности и жилища в зарубежных странах. Анализируются российский законопроект № 648716–8 и судебная практика Российской Федерации, закрепление «доктрины крепости» в США и иных странах.

Ключевые слова: необходимая оборона; «доктрина крепости»; жилище, собственность; законопроект.

Обращая внимание на имеющиеся отличия в правовом закреплении института необходимой обороны в Уголовных кодексах Республики Беларусь и Российской Федерации, можно сказать, что в общем правоприменение в сфере защиты жилища и собственности обоих государств действует по схожей схеме, основанной на соразмерности.

Однако в последнее время российский законодатель двигается в сторону ослабления регулирования необходимой обороны в рассматриваемом направлении. 17 июля 2024 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 648716–8 «О внесении изменения в статью 37 УК РФ». Он предолагал расширение пределов необходимой обороны при защите собственности и жилья, а также рассматривал в качестве жилища обороняющегося место пребывания лица [1]. По сути, этот законопроект предложил законодательное закрепление принципа «мой дом – моя крепость». Идентичная по содержанию инициатива уже вносилась в Госдуму в 2022 г., но, получив отрицательную оценку, была отклонена в первом чтении. В уже новый проект не было внесено почти никаких изменений: некоторые положения законопроекта всё ещё дублировали положения ч. 1 изменяемой статьи. Спорным стало и предложение расширить пределы необходимой обороны только в сфере защиты собственности и жилища, а нормы о защите здоровья, половой неприкосновенности и др. оставить без изменений, что фактически нарушило бы иерархию объектов в уголовном праве.

Обратили внимание и на судебную практику, которая не упускает факт проникновения в жилище, как и многие другие обстоятельства, влияющие на оценку соразмерности необходимой обороны. Например, 5 сентября 2025 г. Верховный суд Российской Федерации удовлетворил кассационную жалобу адвоката Е.А. Лосевой, защищавшей интересы Макухина, осужденного по ч. 1 ст. 114 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны). Верховный суд установил факт соразмерности действий обороняющегося, указав что Макухин действовал в рамках необходимой обороны ввиду таких обстоятельств как присутствие в доме близких людей осужденного, нахождение нападающего в состоянии алкогольного опьянения, а также его судимость и др. [2].

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами законопроект «О внесении изменения в статью 37 УК РФ» так и не был принят.

Правовая доктрина «мой дом – моя крепость» реализована почти во всех штатах США. Её положения дают гражданам право оборонять свой дом любыми средствами и способам, не принимая во внимания соразмерность. Исходя из этого даже в случае смерти нападавшего, согласно принципу, действия обороняющегося будут рассматриваться как допустимая мера необходимой обороны. Альтернативные принципы существуют также и в других странах. Например, в Израиле и Италии принят т.н. «Закон Дроми», почти полностью дублирующий положения доктрины крепости [3].

Подводя итоги, можно сказать, что доктрина «мой дом – моя крепость» позволяет гражданам без последствий защищать своё жилище и собственность, тем самым реализуя некоторые свои права (к примеру, право на неприкосновенность жилища). Однако стоит также учитывать, что доктрина крепости по сути ставит

приоритет собственности и жилища над жизнью и здоровьем человека, что подрывает установленную систему ценностей. При этом позволяя человеку любыми способами защищать свой дом, законодатель избавляет его от ответственности за свои действия, оставляя гражданина, по сути совершающего преступление, безнаказанным.

Библиографический список

1. Пределы необходимой обороны при защите жилища и собственности / Аналитический Центр Уголовного Права и Криминологии – URL : https://goo-gl.com/CjF (дата обращения : 02.10.2025);
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 N 25-УД23-12-К4 / КонсультантПлюс – URL : https://goo-gl.com/CjH (дата обращения : 03.10.2025);
3. Доктрина крепости / Википедия – URL : https://goo-gl.com/CjK (дата обращения: 02.10.2025).

УДК 343

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Я. А. Цейко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Настоящий доклад посвящён анализу понятия физического насилия в уголовном законодательстве Республики Беларусь и зарубежных государств. В нём рассматриваются правовые подходы к квалификации насилия, а также проблематика трактовки связанных с насилием терминов, которые широко используются в диспозициях статей Уголовного кодекса, но не имеет нормативного определения. Доклад акцентирует внимание на правовой неопределенности в законодательстве и судебной практике, а также предлагает направления для совершенствования уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: физическое насилие; опасное насилие; неопасное насилие; тяжкие последствия; существенный вред; правовая неопределённость.

В условиях роста количества преступлений, связанных с применением насилия, особенно в сфере семейных и бытовых отношений, вопрос о правовом определении насилия приобретает особую значимость. От точности и полноты законодательных формулировок зависит квалификация деяний, справедливость наказания и защита прав потерпевших.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь насилие рассматривается как самостоятельный элемент состава преступления (конститутивный признак), квалифицирующий признак или способ совершения преступления. Однако, как известно, в самом Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) отсутствует определение понятия насилия, при этом под данным термином

понимается лишь физическое насилие, т.е. связанное с посягательством на телесную неприкосновенность.

Необходимо подчеркнуть, что в зарубежных государствах указание на насилие осуществляется разными способами. Так, например, в УК некоторых постсоветских государств говорится о том, что насилие является противоправным (ч. 1 ст. 111 УК Грузии, ст. 106 УК Республики Узбекистан), незаконным (ст. 75 УК Латвийской Республики), открытым (ч. 1 ст. 283 УК Литовской Республики), половым (п. 17 ст. 116 УК Азербайджанской Республики). Кроме того, указывается о совершении преступления «без применения насилия», в частности в УК Азербайджанской Республики.

Вместе с тем в нашем государстве законодатель использует описательные конструкции, такие как «насилие, опасное для жизни или здоровья» и «насилие, не опасное для жизни или здоровья». Эти термины встречаются, например, в статьях о разбое (ст. 207), похищении человека (ст. 182), захвате заложника (ст. 291) и др.

Критерии отнесения насилия к опасному или не опасному для жизни и здоровья не закреплены в Кодексе, а вытекают из постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Отсутствие чёткого нормативного определения указанных терминов приводит к неоднозначному их толкованию при применении уголовно-правовых норм, в которых они выступают конструктивными признаками состава преступления. В связи с этим становится актуальной задача четкого определения, какие именно телесные повреждения следует относить к категории «насилия, не опасного для жизни или здоровья» [2, с. 354].

В данном случае можно также согласиться с мнением К.В. Безручко и рассмотреть возможность отказа от использования указанных формулировок в диспозициях статей Уголовного кодекса и заменить их конкретным указанием на характер наступивших последствий, то есть прямо указывать, какой вред был причинен здоровью потерпевшего. Такой подход обеспечит единообразие в квалификации деяний [1].

Стоит также отметить, что с насилием связано много оценочных категорий. Так, в ряде статей УК Беларуси используется термин «тяжкие последствия» (например, ст. 166 – изнасилование, ст. 181 – торговля людьми, ст. 182 – похищение человека, ст. 208 – вымогательство и др.). Однако сам Кодекс не содержит перечня или критериев, позволяющих определить, какие последствия считаются тяжкими. В результате население трактует данную категорию по-разному, а правоприменитель вынужден основываться на обобщениях судебной практики. Согласно позиции постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь к «иным тяжким последствиям» могут относиться: психическое расстройство здоровья; самоубийство; прерывание беременности; вынужденное прекращение деятельности предприятий или организаций и т.д. Однако перечень остаётся открытым и оценочным, что позволяет судам трактовать последствия по-разному. Это, в свою очередь, затрудняет защиту прав обвиняемых и потерпевших, а также работу следственных органов. Полагаем, что будет целесообразно разъяснить данную правовую неопределенность в соответствующей главе либо примечании к ряду статей, содержащих такие последствия.

Библиографический список

1. Безручко, К.В. К вопросу о понятии насилия / К.В. Безручко // ЮП, 2007. – № 2.

2. Плетенева, Д.А. Насилие как квалифицирующее обстоятельство / Д.А. Плетенева // Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов: тезисы докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13-14 апреля 2007 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: И.Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. − Гродно : ГрГУ, 2007. − С.354-356.

УДК 343.9

ДРОППЕРСТВО КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И БАНКОВСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Д. Р. Чернышов

студент 3 курса
Российского технологического университета – МИРЭА
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент М. Г. Смирнов

В работе анализируется дропперство как опасная форма финансового преступления в условиях цифровизации банковских услуг. Описаны основные виды дропперов, их роль в мошеннических схемах и правовые аспекты ответственности по УК РФ. Подчеркивается высокая скрытность преступлений и необходимость комплексных мер для противодействия дропперству и защиты интересов граждан.

Ключевые слова: дропперство; дропы; обналичивание; денежные средства, мошенническая схема.

В современном бурно развивающемся мире особую роль в обеспечении экономической безопасности государств играют вопросы противодействия финансовым преступлениям и отмывания денежных средств, среди которых дропперство занимает одно из ключевых мест как явление, угрожающее стабильности банковской системы и интересам граждан.

Дропперство представляет собой сложное криминологическое явление, при котором физические лица — так называемые дропперы или дропы (от английского to drop – скидывать, сбрасывать) — выступают посредниками в схемах легализации и обналичивания денежных средств, полученных преступным путем. Данная форма преступной деятельности получила особое распространение в связи с развитием IT-технологий и цифровизацией финансовых операций, когда возможности дистанционного банковского обслуживания создали новые каналы для реализации различных мошеннических схем.

Кроме того, согласно исследованию, проведённым ПАО «Сбербанк» в отношении случаев хищения у граждан денежных средств посредством использования чужих банковских счетов и карточек дропперы, как участники мошенничества, бывают следующих видов:

«Заливщики» — дропы, получающие от дроповода или от других дропов наличные средства и вносящие их на свои карты;

«Транзитники» — дропы-посредники, принимающие перевод похищенных денежных средств на свои карты или счета и переводящие их дальше по цепочке на указанные организатором мошеннической схемы банковские реквизиты;

«Обнальщики» — дропы, самостоятельно обналичивающие зачисленные похищенные денежные средства на свои банковские карты или счета в банкоматах или офисах банков [1].

Исходя из сущности самого явления дропперства, можно сказать, что к его основным чертам относится высокая латентность преступлений в связи со сложностью в раскрытии и отслеживанием переводимых средств, а также их трансграничный характер, так как место совершения преступлений может быть не только несколько регионов внутри одной страны, но и территории зарубежных стран [2, с. 1075–1076]. Так, например, согласно данным МВД России, за десять месяцев 2022 года число преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, снизилось на 5,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Однако количество особо тяжких преступлений, связанных с ИТТ, выросло на 12%, а число нераскрытых особо тяжких преступлений увеличилось на 7,5%. Это в свою очередь потребовало от государства принятие на законодательном уровне способов регулирования [1].

Правовую основу регулирования ответственности за совершения дропперства составляет Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно ст. 159.3 мошенничество с использованием электронных средств платежа, ст. 174 дегализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей» [3, с. 140–143].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сказать, что дропперство, как одна из наиболее скрытых форм финансовых преступлений, существенно угрожает стабильности банковской системы и экономической безопасности государства. Для эффективной борьбы с этим явлением необходимы усиление законодательных мер, развитие технологий мониторинга и слаженное взаимодействие государственных и финансовых структур.

Одним из возможных шагов в данном направлении может служить создание единого списка или перечня дропперов (физических и юридических лиц) Союзного государства на базе МВД Российской Федерации и МВД Республики Беларусь. Именно такие комплексные действия позволят снизить распространённость дропперских схем и защитить интересы граждан.

Библиографический список

1. Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан. // Сбербанк. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv (дата обращения: 08.10.25)

2. Ахатова, А. М. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2024. – №6. – С. 1075–1083

3. Зайцева, О. В. Уголовная ответственности дропперов: за и против // Вестник СГЮА. – 2024. – №6 – С. 183–146.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13.06.1996 N 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июн. 1996 г. : в ред. Федер. закона от 31.07.2025 N 282-ФЗ : с изм. и доп., вступ. в силу с 01 сент. 2025 г. // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения:10.10.2025).

УДК 343.3/.7

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ КАК КРИТЕРИЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

М. А. Чудаков

студент 3 курса
Донбасского государственного университета юстиции
Научный руководитель: старший преподаватель Е. А. Гром

В работе обобщены научные позиции по вопросу места цифровых финансов в составах преступлений. Представлена классификация преступлений в сфере экономики. Сделан вывод, что цифровая валюта и активы сегодня не только признаны элементами составов классических преступлений, но и детерминируют криминализацию новых общественно опасных деяний.

Ключевые слова: классификация преступлений; цифровые финансы; экономические преступления

Постепенный перевод общественных и экономических отношений в цифровую среду как необратимый процесс требует пересмотра традиционных средств и методов охраны таких отношений в сфере экономики. С развитием электронных платежных систем, активным использованием электронных и виртуальных валют не только увеличилось количество преступных проявлений, но и появились новые виды преступности [1, с. 93].

Научная полемика по вопросу правового регулирования финансовых отношений в цифровой среде берёт начало с введением таких понятий как «цифровой рубль», «цифровая сделка» и т.д. Профессор Р. Б. Головкин утверждает: «С одной стороны – к цифровой экономике можно отнести все отношения, складывающиеся в системе производства, распределения, обмена и потребления, то есть, это вся экономика. С другой стороны, к цифровой экономике можно отнести, лишь совокупность продуктов, услуг, создаваемых в электронном обороте» [2, с. 112].

Экономические цифровые преступления – это противозаконные деяния в экономической сфере, совершаемые в цифровой среде, где предметом хищения выступают финансовые активы [4, с. 41]. Под активами понимается «иное» имущество, оцифрованное при помощи криптографических средств. В уголовно-правовом аспекте эти преступления приобретают новые характеристики в объективной и субъективной сторонах. Более того, можно говорить уже о целом блоке новых правоотношений в уголовном праве.

В настоящее время в доктрине уголовного права активно обсуждают конструктивные признаки преступлений, совершенных с использованием цифровых

технологий и финансовых активов. В зависимости от критериев разграничения разделим преступления на несколько групп:

1. По объекту посягательства [3, с. 235-237]: 1) преступления против собственности (мошенничество, кража с использованием электронных платежных систем); 2) преступления в сфере коммерческой деятельности (легализация незаконных доходов через электронные платежные системы; коммерческий подкуп криптовалютой); 3) преступления в сфере компьютерной информации (неправомерный доступ к информации о цифровом двойнике в финансовой системе цифрового мира; создание программ для перехвата управления системами платежей и др.).

2. По предмету преступления: 1) преступления с материальным предметом, где цифровая валюта выступает средством совершения деяния; 2) преступления с нематериальным предметом – цифровыми финансовыми активами. Так, например, по мнению А. А. Коренной и Е. Г. Васильевой, цифровая валюта может выступать в качестве средства и предмета совершения преступлений – как иное имущество [2, с. 91; 5].

3. По количеству субъектов: 1) совершенные группой лиц во всех известных формах соучастия; 2) совершенные одним исполнителем, в т. ч. задействовавшим для реализации умысла искусственный интеллект.

Преступления предполагают умышленную форму вины.

Таким образом, цифровая трансформация экономики порождает новые элементы составов преступлений. «Цифра» пронизывает признаки классических преступлений, вносит конструктивные изменения в составы для криминализации новых общественно опасных деяний.

Библиографический список

1. Васильева, Е. Г. Цифровая валюта: уголовно-правовой аспект / Е. Г. Васильева // Вестник СурГУ. – 2021 г. – №2 (32). – С. 91–99.

2. Головкин, Р. Б. Юридическая цифронетика: учеб. пособие / Р. Б. Головкин [и др.]; под ред. проф. Р. Б. Головкина; – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2023 г. – 618 с.

3. Олиндер, Н. В. О криминалистической классификации преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем / Н. В. Олиндер // Вестник СамГУ. – 2014 г. – №11-2 (122). – С. 235–242.

4. Семенов, А. В. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием цифровых финансовых активов / А. В. Семенов // Российско-азиатский правовой журнал. – 2023 г. – №1. – С. 39–43.

5. Коренная, А. А. Цифровая валюта как предмет и средство совершения преступлений // Российско-азиатский правовой журнал. – 2021. – №3. – С. 3–8

УДК 349.6

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНОГО МИРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. Д. Шалаханов

магистрант юридического факультета
Витебского государственного университета
Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент В. Г. Стаценко

. Обеспечение защиты животного мира как одно из направлений деятельности органов правоохранительной власти возникло сравнительно недавно, что объективно обусловливает актуальность проблем, связанных с реализацией государственной политики в сфере охраны и защиты животного мира.

Важность поставленной темы обусловлена возрастающим количеством объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения вследствие ускоряющихся темпов научно-технического и промышленного развития государства, а также необходимостью предупреждения роста количества преступлений, совершаемых в отношении объектов животного мира и окружающей среды в целом.

В условиях рыночных отношений закономерно усиливаются утилитарные интересы в отношении объектов животного мира, что оказывает негативное воздействие на диких животных и среду их обитания. В связи с этим актуализируется проблема реализации мер юридической ответственности за такие деяния и деятельности органов внутренних дел по ее обеспечению.

Ключевые слова: животный мир; мониторинг; правоохранительная деятельность; сотрудники ОВД; защита животного мира; сохранение природы; обеспечение защиты животного мира; борьба с преступностью.

Животный мир согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г. № 257-З – «охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе» [1, ст.1].

Правоохранительная деятельность в экологической сфере, осуществляемая органами внутренних дел (далее ОВД) по своему содержанию весьма многогранна и включает в себя непосредственные действия, оказывающие прямое позитивное влияние на природные объекты, и опосредованные мероприятия или меры, в конечном итоге способствующие надлежащей охране природных объектов, оздоровлению окружающей природной среды [2, с. 184].

Сотрудники милиции оказывают содействие работникам межрайонных инспекций в установлении личностей нарушителей природоохранного законодательства, привлечении их к ответственности, а также приеме на временное хранение изъятого оружия и боеприпасов [3, с. 45].

Важным направлением деятельности ОВД в области охраны природы является профилактика экологических правонарушений. Если исходить из того, что достижение наивысшей эффективности эколого-правовой деятельности ОВД проявляется в определенном снижении экологических правонарушений, то их важнейшей задачей становится выявление причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений, и разработка мер по их предупреждению.

При этом сотрудники ОВД обязаны выявлять и устранять лишь те причины и условия, способствующие совершению правонарушений природоохранительного законодательства, которые должны и могут быть им известны с учетом их компетенции [4, с. 51].

Функция сотрудников ОВД по охране и защите животного мира реализуется преимущественно в рамках правоприменительной и правоохранительной деятельности. Под правоприменительной следует понимать деятельность различных подразделений и служб ОВД по практическому повседневному исполнению и осуществлению требований норм законодательства о животном мире, отнесенных к компетенции Министерства внутренних дел, а также осуществление взаимодействия ОВД с природоохранными органами и организациями в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. В свою очередь, правоохранительная деятельность выражается главным образом в применении мер юридического воздействия к нарушителям законодательства о животном мире и экологического в целом [4, с. 36].

Повышению эффективности деятельности органов внутренних дел в сфере охраны и защиты животного мира могло бы способствовать, по нашему мнению, создание специальных подразделений, координирующих деятельность органов внутренних дел в борьбе с нарушениями природоохранительного законодательства, а также формирование специализированных подразделений экологической милиции.

Библиографический список

1. О животном мире: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 января 2022 г. № 145-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2025).

2. Кравцова, М.А. О взаимодействии органов внутренних дел с природоохранными органами в сфере охраны окружающей среды [Текст : Электронный ресурс] / М.А. Кравцова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2019. - № 2. – С. 184 – 189.

3. Сапогин, А.Н Природоресурсное право Республики Беларусь. Общая часть : учебное пособие / А.Н. Сапогин. – Минск : Академия МВД, 2017. – 176 с.

4. Сапогин, А. Н. Экологическая деятельность органов внутренних дел : курс лекций / А. Н. Сапогин; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". - Минск : Академия МВД, 2011. – 87 с.

УДК 343

ПРОФИЛАКТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ КОМПЛЕКСНОГО ПРАВОВОГО ПОДХОДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. С. Шилковская

учащаяся 3 курса
Юридического колледжа Белорусского государственного университета
Научный руководитель: В.В. Борода

В работе актуализируются вопросы борьбы с домашним насилием. Исследуются разные подходы решения проблемы домашнего насилия в Республике Беларусь, России и Казахстана, рассмотрены последствия разных подходов – от декриминализации до ужесточения ответственности.

Ключевые слова: домашнее насилие; насилие в семье; уголовный кодекс; криминализация; правовое регулирование.

Как известно, домашнее насилие носит латентный характер, данная проблема затрагивает людей независимо от возраста, социального класса, этнической принадлежности или иных признаков. Домашнее насилие может включать физическое, сексуальное, экономическое и эмоциональное насилие, часто повторяющееся в течение длительного времени, и в наиболее тяжёлых случаях может привести к смерти [3, с. 145-146]. Домашнее насилие совершается разными членами семьи, и женщины составляют подавляющее большинство пострадавших.

Ключевая проблема противодействия домашнему насилию в Республике Беларусь кроется в отсутствии единого правового регулирования. Отсутствие отдельного закона и закреплённой дефиниции «домашнего насилия» приводит к тому, что данное явление подменяется узким понятием «насилия в семье». Это определение, данное в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», сильно сужает круг потерпевших, исключая бывших супругов и раздельно проживающих родственников, и оставляет за рамками правовой защиты значительное число лиц. Такое непризнание проблемы равносильно попустительству, принимая во внимание уникальную природу и повышенную общественную опасность вышеупомянутого деяния.

Отметим, что в Российской Федерации в 2016 г. была произведена частичная декриминализация статьи 116 Уголовного Кодекса Российской Федерации, из состава исключили понятие «побои», хотя в начальной редакции предполагалось сохранить и даже усилить уголовную ответственность за побои в отношении членов семей и «близких лиц», но уже в 2017 г. данная норма была исключена и впервые совершённые побои любых лиц стали административным правонарушением. Разработанный в 2019 г. законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» так и не был внесен в Госдуму, а в 2022 г. работа над ним остановилась [1, с. 25-26]. Вследствие чего жертвы стали реже обращаться в полицию, так как максимальным наказанием для агрессора за первое нарушение стал незначительный штраф, что создало ощущение безнаказанности. Также отмечается проблема сбора и анализа статистических данных (последняя статистика предоставлена МВД за 2022 г.), что затрудняет формирование объективной картины и разработку эффективных профилактических мер.

В противовес рассмотрим опыт Республики Казахстана: изначально к ответственности привлекали по статьям «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» и «Побои». Начиная с 2017 года, эти деяния по аналогии с нормами РФ стали административными правонарушениями. Но в сентябре 2022 года была признана необходимость и парламентариями был инициирован законопроект о криминализации домашнего насилия. Принятие закона привело к значительному увеличению числа таких уголовных дел [2, с. 8-13].

Опыт России и Казахстана показывает разный подход к проблеме домашнего насилия. Россия декриминализировала побои в семье, что ухудшило защиту жертв, а Казахстан принял закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года №

72-VIII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей», который чётко определяет формы насилия, вводит защитные предписания, создает систему профилактики. Беларуси, на наш взгляд, стоит ориентироваться на казахстанский опыт.

Отметим, что домашнее насилие представляет большую общественную опасность, чем насилие, совершённое над посторонними, т.к. обычно носит системный характер и посягает как на общественный порядок, так и на отношения в семье. Также актуальна проблема сбора статистических данных о домашнем насилии, т.к. сейчас выборка данных осуществляется среди других преступлений (убийства, истязания, телесные повреждения и т.п.). Для решения проблемы домашнего насилия остро необходимо его комплексное нормирование на законодательном уровне.

Библиографический список

1. Плеханов, И. Д. Перспективы и пути интеграции категории «Домашнее насилие» в уголовное законодательство Российской Федерации/ И. Д. Плеханов // ВЕСТНИК ПРАВА научно-технический журнал. – 2025. – № 1. – С. 25–26.

2. Садырбекова, Г. Х. Проблема гендерного насилия в Казахстане и пути её решения/ Г. Х. Садырбекова // In The World Of Science and Education. – 2025. – № 15. – С. 8–13.

3. Миргусейнова, В. Р. Понятие и криминологические особенности домашнего насилия. / В. Р. Миргусейнова// Путь в науку. Юридические науки. – 2023. – № 47. – С. 145–146.

УДК 349.222

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ

А. Ю. Шишло

курсант 2 курса
Могилевского института МВД Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юр. наук, доцент Т. И. Вишневская

В статье рассмотрены особенности виктимного поведения женщин, выявлены ключевые психологические факторы, такие как низкая самооценка, пассивность, высокая эмпатия и низкая стрессоустойчивость, которые способствуют виктимизации. Подчеркивается важность правовой помощи и защиты женщин для снижения уровня их виктимности.

Ключевые слова: виктимное поведение, женщины, психологические особенности, виктимологическая профилактика.

Виктимологическое направление в предупреждении преступности, возникшее в конце 40-х гг. прошлого столетия, в настоящее время приобретает особую актуальность. Категория «виктимность» позволяет оценить степень риска лица стать жертвой преступления. Основу этого понятия заложил Б. Мендельсон, кото-

рый ввел понятие «жертвенности» выделяя при этом некий «потенциал жертвенности», как степень несопротивляемости, восприимчивости жертвы к правонарушению с психической, физической или социальной точек зрения в момент исполнения преступного деяния [1, с. 21].

Практики и теоретики сходятся во мнении, что поведение личности-жертвы может оказывать влияние на механизм совершения отдельных преступлений. Следовательно, изучение личностных и поведенческих особенностей жертв преступлений позволяет значительно расширить возможности профилактики преступности.

В ряде случаев выбор «привлекательной» жертвы определяется преступником с учетом ее социального положения, поведения, материального благосостояния, а также пола. Женщины относятся к группе риска, так как по сравнению с мужчинами чаще становятся жертвами преступлений. Детерминантам повышенной виктимизации женщин являются их психофизиологические особенности. Женщины менее физически сильные, более доверчивы, эмоциональны, эмпатичны, в силу чего более уязвимы – к ним легче применить насилие, их проще обмануть, вызвать сочувствие и жалость.

Следует отметить, что ряд насильственных преступлений (причинение телесных повреждений, изнасилование, истязание) во многом обусловлены пассивным поведением жертвы-женщины в силу их низкой самооценки. Подтверждением этого стоит считать следующий эксперимент, проведенный в Америке: мужчинам-насильникам показывали фото женщин, проходящих по улице, и все выбирали одних и тех же – самых неприметных, которые демонстрировали «закрытые» позы, имели поникший, погруженный в себя взгляд. Преступники понимали, что такая женщина меньше сможет заступиться за себя, чем, например, самоуверенная девушка, которая чувствует себя в центре внимания [2].

Заметим, что психологические факторы, способствующие виктимному поведению, часто исходят из социальных ожиданий предъявляемых к женщинам. С самого раннего детства девочкам внушается необходимость проявлять заботу и внимание к людям. В осознанном возрасте это может обернуться пренебрежением к вопросам личной безопасности. Кроме того, в большинстве случаев, вся жизнь женщины тесным образом связана с семьей и материнством. Женщина – мать характеризуется меньшей агрессивностью и, напротив, большей сдержанностью, терпимостью и мягкостью. Желание внешне угодить социальным установкам при внутреннем не согласии с социальной ролью, порождает психоэмоциональный кризис, неудовлетворенность, апатию, виктимное поведение.

Таким образом, всестороннее исследование психологических особенностей женщин является необходимым условием эффективной виктимологической профилактики. Для снижения уровня виктимизации женщин предлагается комплекс мер, включающий: психологическую помощь; психологическое обучение навыкам самоценности, уверенности, внутренней гармонии; обучение навыкам самообороны; налаживание доверительной коммуникации и взаимодействия с правоохранительными органами; разработку и внедрение программ помощи женщинам, ставших жертвами преступлений.

Библиографический список

Рогова, Е. В. Виктимологические аспекты характеристики личности и поведения потерпевшего от поджога / Е. В. Рогова // Всероссийский криминологический журнал. – 2008. – № 1. – С. 20–23.

2. Черепанова, А. Н. Формирование мотивации преступного поведения: с учётом фактора одежды изнасилованной. – URL: https://vmuis.ru/smus/article/view/10430 (дата обращения 04.10.2025).

УДК 343.9

РЕЦЕДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Л. Д. Шкреблик

курсант 3 курса уголовно-исполнительного факультета
Академии Министерства Внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А.Тит

Рассматривается рецидивная преступность в Республике Беларусь, её классификация по ст. 43 УК РБ и динамика снижения за последние годы. Анализируются региональные различия и структура рецидива по видам преступлений. Отмечается важность профилактики, ресоциализации и развития пробации.

Ключевые слова: рецидивная преступность; динамика преступности; гпрофилактика; ресоциализация; пробация; предупреждение преступлений.

Рецидивная преступность выступает в роли ламусовой бумажки, демонстрирующей уровень правопорядка в обществе. Высокий уровень рецидивной преступности свидетельствует о пробелах уголовной политики государства.

В статье 43 Уголовного кодекса Республики Беларусь законодателем дано определение рецидива преступлений, а также его классификации (опасный и особо опасный), что позволяет установить конкретные правовые последствия при квалификации определённого вида рецидива. В зависимости от уровня общественной опасности рецидив делится на три категории: простой, опасный и особо опасный.

Говоря о показателях рецидивной преступности в Республике Беларусь на протяжении последних десяти лет удельный вес рецидивных преступлений по стране, неуклонно снижается. Так, по сравнению с 2014 г. удельный вес данной разновидности криминала снизился на 28,4 %, а среднестатистический показатель рецидивной преступности за последние 10 лет составляет около 38-39% % (в 1981 г. – 18,9 %, в 1985 г. – 19,5 %, в 1990 г. – 12,4 %, в 1995 г. – 26,4 %, в 2000 г. – 26,6 %, в 2005 г. – 46 %, в 2010 г. – 47,2 %, в 2014 г. – 43,4 %, в 2015 г. – 40,3 %, в 2016 и 2017 гг. – 38,4 %, в 2018 г. – 39,3 %, в 2019 – 38,4 %, в 2020 г. – 41,6 %, в 2021 г. – 39,3 %, в 2022 г. – 34,3%, в 2023 г. 33,8%, 2024 г. 33,2%) [0].

Важным для выработки мер предупредительного характера показателем рецидивной преступности является география рецидивной преступности. В 2022 г.

по регионам страны рецидивная преступность была наиболее распространена в Минской области (38,4 % общего объема преступности), далее следовали Могилевская (36,6 %), Гомельская (34,6 %), Гродненская (33,9 %), Витебская область (33,6 %) Брестская (33 %), и г. Минск (30 %). В 2023 г. и первой половине 2024 г. территориальное распределение рецидивной преступности изменилось, но не существенно (первое место – Минская область 37,8% (37,8% в 2024 г.), на второе место переместилась Гродненская область, с показателем 36,0% (35,2% в 2024 г.), далее следуют Могилевская область 35,8% (33,4% в 2024 г.), Гомельская область 35,0% (35,7% в 2024 г.), Витебская область 33,1% (31,4% в 2024 г.), Брестская область 30,9% (30,3% - 2024 г.) и г. Минск 27,9% (28,1% - 2024 г.)) [0].

Проводя анализ рецидивной преступности, нельзя не остановиться на важнейшем ее показателе, которым является структура по видам преступлений. Так, в 2024 г. ранее судимыми было совершено 54,4 % разбоев (50,9% – 2022, 44,8% – 2023); 44,4 % грабежей (49,3% – 2022 и 46,8% – 2023); 36,9 % краж (45,5% – 2022 и 36,8% – 2023); 24,5 % убийств (23,4% – 2022 и 22,5% – 2023); 23,6 % преступлений, связанных с причинением тяжких телесных повреждений (23,3% – 2022 и 29% – 2023)[0].

Сокращение рецидивной преступности – приоритетная задача уголовного правосудия, приводящая к снижению числа пострадавших, повышению общественной безопасности и экономии ресурсов. Важнейшим элементом является своевременное выявление факторов риска рецидива и комплексная работа с лицами, отбывшими наказание, как во время, так и после освобождения. Перспективные направления включают информационные кампании, направленные на позитивное восприятие освобожденных и их реинтеграцию, специализированные программы обучения для сотрудников правоохранительных органов, пенитенциарной системы и пробационных служб, освещение успешных историй ресоциализации и создание полноценного института пробации в Беларуси. Все это способствует снижению рецидивной преступности с учетом индивидуальных особенностей преступников.

Библиографический список

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный доступ]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/. – Дата доступа: 11.09.2025.

УДК 343.97

ПРЕСТУПНОСТЬ В СФЕРЕ НАРКОТОРГОВЛИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

И. С. Штанюк

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Д. А. Плетенёва

Рассмотрена актуальность акцентирования внимания международного сообщества на проблеме незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Затронуты международная система противодействия наркообороту. Предложен возможный механизм усовершенствования наркопресечения.

Ключевые слова: наркооборот; наркоторговля; международный; транснациональный; организованная преступность; ООН.

Конъюнктура преступного мира стран СНГ показывает нам, что организованная преступность модели «бандитских 90-ых», строящаяся преимущественно на рэкете, либо полностью исчезла, либо эпизодически проявляет себя в незначительных масштабах и не представляет особой угрозы закону. На смену ей пришла сверхприбыльная, высокоинтеллектуальная и абсолютно скрытая от глаз обывателей форма организованной преступности, а именно наркоторговля. Существовавшая веками, она модернизировалась и заняла главенствующее место в рамках оргпреступности, а ее наисложнейшая система и международный характер позволяет вести дискуссии о существовании преступных транснациональных корпораций.

Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (далее УНП ООН) отмечает, что новая эра глобальной нестабильности обострила трудности в решении мировой проблемы наркотиков, расширив возможности организованных преступных группировок и доведя потребление наркотиков до исторически высокого уровня [1].

Следственным Комитетом Республики Беларусь подчеркивается, что анализ следственной практики в нашей стране позволяет сказать, что масштабы наркотрафика растут, вовлекая в свою орбиту все больше стран и регионов [2].

Всё это указывает на необходимость акцентирования внимая на данной проблеме, не только в рамках борьбы с наркооборотом в отдельных государствах, но и всего мирового сообщества. Отсутствие надежных рычагов наркоконтроля обуславливается абсолютной анонимизацией участников преступных наркоорганизаций, в силу перехода данной преступной деятельности в цифру, и транснациональным характером. В совокупности данные факторы позволяют наркопреступности осуществлять деятельность без привязки к какому-либо государству, что в свою очередь не дает государствам как отдельным субъектам противодействовать наркообороту.

В рамках международного уровня наибольший вклад в решение задач по противодействию наркооборота, внесла ООН, под эгидой которой был принят ряд важных и универсальных Конвенций, а современную международную систему контроля над наркотиками составляют: 1. Комиссия по наркотическим средствам ООН; 2. Международный комитет по контролю над наркотиками; 3. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности; 4. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

Данные организации внесли неоценимый вклад в предупреждение наркопреступности и наркомании, но как отмечает исполнительный директор УНП ООН Гада Вали: «Мы должны инвестировать в профилактику и решать первопричины наркоторговли на каждом этапе незаконной цепочки поставок. Также необходимо

укреплять меры реагирования, используя технологии, усиливая трансграничное сотрудничество, предоставляя альтернативные источники дохода и принимая судебные меры против ключевых участников, управляющих этими сетями. Благодаря комплексному и согласованному подходу мы можем разрушить преступные организации, укрепить глобальную безопасность и защитить наши сообщества» [1].

Подводя итог, отметим, что сегодня мировому сообществу не хватает единой, международной организации оперативного наркопресечения, что в свою очередь может быть решено учреждением интернациональной полиции наркоконтроля.

Библиографический список

1. United Nations Office on Drugs and Crime. Press release World Drug Report 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/Press_release_WDR_2025_English.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

2. Следственный Комитет Республики Беларусь. Противодействие незаконному обороту наркотиков: статистика и тенденции 2025 год. [Электронный ресурс]. – URL: https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/protivodejstvie-nezakonnomu-oborotu-narkotikov-statistika-i-tendentsii-2025-goda-15122 (дата обращения: 08.10.2025).

УДК 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

К. А. Шустерман, В. О. Хмарский

курсант 3 курса уголовно-исполнительного факультета
Академии Министерства Внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.А.Тит

В настоящей статье с целью противодействия коррупционной преступности и повышения транспарентности общественных отношений, содержащих коррупционные риски, предлагается разработка специализированной цифровой платформы по приему и обработке сообщений о фактах коррупции, структура которой предполагает следующие элементы: специализированный сайт, чат-бот в телеграмм-канале и приложение, которое может быть установлено на смартфон.

Ключевые слова: коррупция, цифровая платформа, предупреждение преступности.

Борьба с коррупционной преступностью требует постоянного поиска новых способов демотивировать граждан становится участниками коррупционных отношений. Это возможно посредством формирования устойчивого представления о том, что их деятельность может быть подвергнута огласке, а также осознания высокого риска негативных последствий и правовых санкций.

Предупреждение коррупционной преступности невозможно без должного содействия со стороны граждан, сталкивающихся с фактами проявления коррупции. Одним из ключевых факторов, влияющих на готовность граждан сообщать о фактах коррупции, является уровень доверия к правоохранительным органам. Поэтому повышение прозрачности в деятельности правоохранительных органов,

внедрение эффективных механизмов защиты заявителей, а также обеспечение неотвратимости наказания для коррупционеров являются необходимыми условиями для формирования атмосферы доверия и стимулирования граждан к активному участию в борьбе с коррупцией. Кроме того, необходимо создавать благоприятные условия для сообщения о фактах коррупции. Это предполагает наличие доступных и удобных каналов для подачи сообщений, обеспечение конфиденциальности заявителей, а также предоставление им правовой и психологической поддержки. Важно, чтобы граждане понимали, что сообщение о факте коррупции не только не повлечет для них негативных последствий, но и будет способствовать укреплению законности и справедливости в обществе.

В связи со сказанным, предлагается разработка специализированной цифровой платформы по приему и обработке сообщений о фактах коррупции. Структура цифровой платформы предполагает следующие элементы: специализированный сайт, чат-бот в телеграмм-канале и приложение, которое может быть установлено на смартфон.

Основное предназначение сайта – подача сообщений о коррупции, при этом стоит допустить возможность отправки сообщения не только с указанием личных данных для получения обратной связи и защиты заявителя, но и без указания личных данных (анонимная подача). При этом важно, чтобы гражданин мог отслеживать: процедуру рассмотрение его зарегистрированного заявления, текущий статус рассмотрения (принято к рассмотрению, проводится проверка, передано в правоохранительные органы, дело передано в суд, дело закрыто), а также о сроках рассмотрения на каждом этапе.

Кроме сайта, как один из элементов цифровой платформы предупреждения коррупции предлагаем разработку чат-бота, ссылка на который будет размещена на сайте. Подобная разработка уже существует и действует для повышения эффективности работы Госавтоинспекции Республики Беларусь. Мы же предлагаем разработку чат-бота в мессенджере «телеграмм», целью которого станет создание удобного, анонимного и эффективного канала для приема сообщений граждан о фактах коррупции.

Наряду с сайтом представляется целесообразным также разработка мобильного приложения, которое будет иметь аналогичные сайту и чат-боту цели и выступит удобной и доступной формой подачи сообщений о фактах коррупции. Приложение как и на сайте может позволить получить доступ к нормативно-правой базе, действующему законодательству без подключения к интернету. Также можно будет увидеть статус своего сообщения о коррупции. Безопасность и конфиденциальность – необходимые составляющие мобильного приложения, надежная защита данных позволит гражданам не бояться сообщать о коррупции и сотрудничать с правоохранительными органами.

Таким образом, содействие граждан посредством сообщения о фактах коррупции – важная составляющая для эффективной борьбы с указанным негативным явлением. Разработка удобных и доступных каналов подачи сообщений – необходимое условие для активизации гражданской позиции, повышения уровня доверия к государственным институтам и создания атмосферы нетерпимости к любым

проявлениям коррупции, что, в конечном счете, способствует оздоровлению общества и укреплению законности.

УДК 343.97

ОСОБЕННОСТИ ВИКТИМНОСТИ ЛИЦ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ И ПСИХОАКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Е. С. Янковская

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д.А

В статье рассматриваются некоторые аспекты виктимности лиц, употребляющих наркотические и психоактивные вещества, выделяются основные характеристики виктимологического риска, указанной девиантной группы.

Ключевые слова: наркотическая преступность, виктимность, жертва, наркопотребитель, характеристики виктимности.

Вопрос о виктимности человека в наркосреде, в последнее время встает достаточно остро. Несмотря на то, что статистические данные показывают снижение количества наркопреступлений (в 2024 году было зарегистрировано 3 978 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 3,8% меньше по сравнению с 2023 годом), количество наркозависимых лиц и потребителей психоактивных веществ, состоящих на диспансерном учете сохраняется на стабильно высоком уровне.

Сегодня в отечественной науке недостаточно глубоко исследованы виктимологические риски употребляющих лиц. Во многом это связано с высокой латентностью преступлений в области незаконного оборота наркотиков, в том числе и в Республики Беларусь.

Следует отметить, что анализ особенностей виктимности жертвы, позволяет создать ее криминологический портрет и разработать более эффективную стратегию профилактики и оказания помощи, а также оценить угрозу и ущерб от незаконного оборота наркотиков максимально дифференцированно, избегая шаблонов антинаркотической политики.

Виктимность наркопотребителя имеет комплексные характеристики, и может проявляться на разных уровнях. Исследованием данных аспектов занимались многие ученные в том числе Ю.Р. Бахтиярова в своей монографии «Наркомания: биохимические и психологические аспекты». Анализ указанной работы позволил нам выделить следующие характеристики виктимности наркопотребителя:

I. Биологический (физический) аспект, в первую очередь, характеризуется состоянием зависимости, из которого далее вытекают такие пагубные последствия как: изменение работы головного мозга, передозировка, заражение различными видами инфекций (например, ВИЧ, гепатит и др.).

II. Психологический аспект, влияет на психическое и психологическое состояние человека - формирование психологическая зависимость от потребления наркотических и психоактивных веществ.

III.Социальный аспект включает в себя маргинализацию лица, его социальную изоляцию, разрушение социальных связей, что лишает индивида поддержки делая уязвимым к разному роду асоциальных проявлений или формирует риск вовлеченности в преступную деятельность не только в роли исполнителя, но и жертвы.

Анализ криминологических исследований по данной теме позволяет нам утверждать, что виктимность наркопотребителей во многом формируется вследствие таких факторов как: наличие у них запрещенных наркотических и психоактивных веществ, отсутствие денежных средств на их приобретение, страх обратиться за помощью, недоверие лица к представителям правоохранительных органов, осуждение лица со стороны самого общества и т.п.

Кроме этого, следует отметить, что постоянное нахождение лица в девиантной группе, его взаимодействие с другими лицами, употребляющими наркотики, или лицами, допускающими криминальные формы поведения (например, дилеры, курьеры и др.), повышает вероятность того, что наркопотребитель окажется втянут в совершение в отношении него таких преступлений как причинение телесных повреждений различной тяжести, мошенничество, грабеж, разбой и т.п.

Анализируя виктимность лиц, употребляющих наркотические и психоактивные вещества, следует помнить, что наркотическая зависимость ослабляет силу воли человека, из-за чего ему сложнее себя контролировать или защитить. Такое изменение личностной структуры наркомана, его интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер, неизбежно ведет к формированию риска стать жертвой домашнего насилия.

На основании вышеизложенного, отметим, что виктимность лиц, употребляющих наркотические и психоактивные вещества – это сложный феномен, обусловленный комплексом биологических, психологических и социальных факторов. Такие особенности делают наркопотребителя уязвимым к различным видам вреда (морального, физического, материального) как со стороны представителей преступного мира, так и со стороны его ближайшего окружения.

Понимание специфики данного вида виктимности крайне важно для разработки системных мер профилактики, реабилитации и оказания помощи лицам, употребляющим наркотические и психоактивные вещества.

СЕКЦИЯ XV.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. СУДОУСТРОЙСТВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

УДК 343.123.1

ДОЗНАНИЕ ПО СТАТУТАМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Д. Р. Блажевич

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент А.В. Солтанович

В работе анализируются положения Статутов Великого Княжества Литовского, которые послужили фундаментом для формирования такого института уголовно-процессуального права как дознание.

Ключевые слова: дознание; Статуты ВКЛ; исторический анализ; задержание; осмотр.

Одним из важных этапов становления дознания как института уголовно-процессуального права является закрепление отдельных его элементов в положениях Статутов Великого Княжества Литовского. Следует отметить, что в указанный период процессуальное право находилось в стадии формирования и, что закономерно, процесс дознания детально не регламентировался. К тому же, не существовало четкого разделения между дознанием и следствием, процедура была не формализована.

В Статуте 1529 г. регламентировался процесс поимки вора, чему посвящен целый Раздел 13. В частности, в ст. 4 устанавливается процедура задержания преступника: «Если бы в имении, принадлежащем князю, пану или земянину, был пойман с поличным чей-либо человек, то этот человек должен быть отведен к его пану» [1]. Как представляется, данные положения являются прообразом современного задержания по непосредственно возникшему подозрению.

В ст. 2 Раздела 7 закрепляется обязанность пострадавших от преступления извещать об этом ближайших соседей и вижа, чтобы показать им следы насилия. Можно сделать вывод о том, что воля законодателя была направлена на то, чтобы при расследовании преступлений имелась возможность проверить обоснованность действий лиц при помощи показаний свидетелей.

Статут 1529 г. послужил основой для развития процедуры дознания в положениях Статута 1566 г. В данном акте появляются черты, характерные для современной деятельности оперативно-розыскных органов. Например, закрепление процедуры «выволанье» [2], осуществление которой обозначало объявление человека «вне закона», то есть обретение им такого правового статуса, который лишал его правовой защиты со стороны государства. Такая процедура является прообразом современного уголовного розыска, однако в настоящее время речь не идет о

бесправном положении такого лица. Законодатель также регламентировал необходимость фиксации следов убийства с привлечением соседей, а также возного, который должен был записать жалобу в книге. Усматривается развитие норм в отношении собирания доказательств, подтверждающих совершение преступного деяния.

Большинство указанных положений, регулирующих процесс дознания, были перенесены в Статут 1588 г. В дальнейшем появлялись нормы, детализирующие действия должностных лиц по первичному осмотру места происшествия, а также подчеркивающие его неотложность. Появляется общий термин, объединяющий процесс дознания и следствия в современном понимании, – «шкрутыниум», имеющий латинское происхождение и буквально обозначающий осмотр или исследование. Закрепляются основания проведения осмотра, указывается, какие лица выезжают для исследования следов преступления, а также регламентирована сама процедура осмотра [3]. При этом осмотр производился при обязательном присутствии возного и нескольких шляхтичей, которые заслуживают доверия и ничем не обязаны ни одной из сторон. Эти лица, в сущности, являлись нынешними понятыми.

На основе изученных положений Статутов Великого Княжества Литовского можно сделать вывод о том, что уже в шестнадцатом веке существовал обязательный комплекс действий по сбору и фиксации доказательств на первичном этапе расследования преступлений, послуживший фундаментом для формирования такого института уголовно-процессуального права как дознание в дальнейшем.

Библиографический список

1. Перевод текста Статута 1529 г. на современный русский язык / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2003-2025. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vielikjgo_Kniazestva_Litovskogo_1529_stranici_32-131.pdf (дата обращения: 07.10.2025);

2. Адаптированный текст Статута 1566 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2003-2025. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_Vialikaha_Kniastva_Litouskaha_1566_g_ctr.37-263_nbrb_optim.pdf (дата обращения: 07.10.2025);

3. Адаптированный текст Статута 1588 г. / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2003-2025. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/pamjatniki-prava/Statut_1588_g_str.41_347_optim.pdf (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 347.965

НЕДОСТОВЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ АДВОКАТА

К. И. Борисовец

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент С. В. Рыбак

Статья анализирует роль профессиональной компетенции адвоката в формировании общественного восприятия адвокатуры и влиянии стереотипов на доверительные отношения с гражданами. Автор подчеркивает необходимость повышения качества первичных консультаций и правильного информирования доверителей для устранения противоречий между ожиданиями и реальной деятельностью адвокатов.

Ключевые слова: запрос, восприятие, юридическая помощь, проекция, доверительные отношения, первичная консультация.

Профессиональная компетенция адвоката, исполняющего возложенные на него обязанности, при осуществлении своей деятельности включает в себя не только публичные выступления от имени доверителя, но и также навыки установления психологического контакта с участниками процесса. Психологические аспекты деятельности адвоката находят своё отражение в повседневной юридической практике: оказывание юридической помощи гражданам, которые находятся в трудной жизненной ситуации, такой как: привлечение к уголовной ответственности, предъявление разного рода обвинения или же лишение свободы на определённый судом срок. В настоящее время всё чаще замечается тенденция определения адвокатских консультаций посредством существующих стереотипов о роли адвоката и представлениями о его профессиональных возможностях от лица обычных граждан. Попав в трудную ситуацию, граждане, обращаясь за помощью к адвокатам, идут за результатом (решением их проблем), зачастую, как показывает практика, не понимая, как на самом деле работает адвокатура.

Общественное восприятие профессиограммы адвокатов в сфере уголовного судопроизводства отличается исключительной субъективностью отношений граждан к работе адвокатов как представителей интересов доверителей. Очевидно, что такое восприятие далеко не всегда совпадает с реальным исполнением адвокатом возложенных на него профессиональных обязанностей, в соответствии с которыми ему следует действовать исключительно в рамках закона без всякой возможности его нарушить. Отсюда уже имеется возможным сделать вывод, согласно которому становится явным противоречие между стереотипными представлениями граждан об оказании юридической помощи адвокатами и самой процессуальной деятельностью адвоката [1, с. 142]. Проблема данного заключения состоит в том, что наличие подобного рода противоречия порождает возникновение сложностей психологического характера в доверительных отношениях, по-

строение которых регламентировано ч.1 ст. 30 Постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 30.09.2021 г. № 180 «Об утверждении правил профессиональной этики адвоката» (далее – Постановление №180).

На данный момент активно практикуются многочисленные анкетирования и исследования, после которых собираются статистические данные, позволяющие выявить источники, в соответствии с которыми граждане формируют свои стереотипные ожидания от юридической помощи, а также мнения по поводу функционирования адвокатуры в целом.

В Республике Беларусь статистика запросов граждан к адвокатам не публикуется в открытом доступе на официальных сайтах государственных органов. Это связано с конфиденциальностью информации, которой в стране придается значительное внимание. Однако мною были найдены одни из последних актуальных данных по поводу запросов доверителей в Российской Федерации.

Сам запрос представляет собой ожидание получить определенный вид информации или же совершение действий определенного характера в интересах доверителя. Восприятие – довольно сложный психический процесс, в результате которого у человека формируется субъективный образ. Таким образом восприятие адвоката и адвокатской деятельности в целом, исходя из изученной мной информации, основанной на статистике, находящейся в открытом доступе, складывается из: 1) фильмов и сериалов (составляют квалифицированное большинство, на основе которого граждане формируют мнение об адвокатуре); 2) книг, журналов; 3) рассказов друзей, знакомых; 4) личных знакомств [1, с. 143].

Большинство граждан формируют свои представления и ожидания получить желаемый результат от оказанной юридической помощи адвокатами из фильмов и сериалов, в которых сценарист и режиссер абсолютно никаким образом не ставят перед собой цель отобразить с точностью адвокатскую деятельность, а образ адвоката представляется из художественного замысла авторов. Вместе с тем, важным будет учитывать такой аспект, как субъективизм восприятия. К примеру, у отдельных лиц, в зависимости от разной процессуальной позиции, может формироваться негативное отношение к адвокату в связи с присвоением некоторого набора личностных качеств защищаемого лица адвокату. Данный процесс в юридической литературе приобрел название проекции. Считаю необходимым обозначить, что современные средства массовой информации составляют не только значительную часть источников восприятия адвокатской деятельности, но и уголовного судопроизводства в целом. Как говорил Э. Аронсон: «Телевидение стало для нас, вероятно, главным источником информации о преступности и уголовном судопроизводстве» [2, с. 143].

Проблема в том, что несоответствующее действительности восприятие юридической помощи, оказываемой на профессиональной основе адвокатами, способствует осложнению консультирований по уголовным делам ввиду неоправданных ожиданий и неправомерных запросов доверителей адвокатам в будущем.

Адвокат, при осуществлении своих профессиональных обязанностей в соответствии со статьей 18 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности Республики Беларусь» от 30.12.2011 г. № 334-З (в ред. от 14.10.2022)

(далее – Закон об адвокатуре) должен придавать существенное значение уточнению и согласованию со своим клиентом тех вопросов, которые непосредственно составляют компетенцию адвоката, а также обозначать пределы своей деятельности, полностью основанной на строгом соблюдении законодательства Республики Беларусь. Согласно ч. 4 ст. 1 Закона об адвокатуре юридическая помощь представляет собой деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами. Вследствии этого адвокат не вправе гарантировать заранее определенный результат своей работы (ч.1 ст. 40 Постановления № 180), поэтому трактовка запроса доверителей в виде «решить вопрос по моему делу» является вовсе противоречащей законодательству Республики Беларусь. При этом в ситуации, когда адвокат заметил все-таки подобные запросы или требования, он обязан соответствующим образом пояснить, что он не имеет права давать такие обещания в силу действующего законодательства Республики Беларусь (ч. 6 ст. 34 Постановления №180].

Таким образом, грамотное обращение адвокатов с доверителями, которое полностью базируется на знании закона и этических принципах адвокатской деятельности, способствует формированию у граждан правильных ожиданий, требований и общего понимания о деятельности адвоката и оказываемой им юридической помощи. Решением проблемы предлагается уделить особое внимание первичным консультациям клиентов с адвокатами для увеличения времени процесса установления контакта и доверительных отношений (ч.1 ст.30 Постановления №180) , так как именно в момент первой консультации адвокат представляет мнение как о себе, так и об адвокатуре в целом, тем самым формируя у граждан верное ожидание от оказываемой юридической услуги адвокатом. Также, мною видится невозможность проведения консультаций и онлайн-встреч через сеть интернет, ведь в таких случаях адвокат не может ни понять психологическое состояние доверителя, ни выявить, с какими представлениями и ожиданиями от юридической помощи он обратился в своем запросе по уголовному делу.

Библиографический список

1. Пичугин В. Г. Психологические аспекты юридического консультирования граждан по уголовным делам / В. Г. Пичугин // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2019. – Т. 8. № 1. – С. 137-143.

2. Аронсон. Э. Введение в социальную психологию / Э. Аронсон // Общественное животное. – 2003. – С. 284.

УДК 347.962

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Варава

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор В.Н. Бибило

В статье исследуются актуальные проблемы и перспективные направления внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в систему правосудия Республики Беларусь.

Ключевые слова: искусственный интеллект; ИИ; цифровизация правосудия; автоматизированная информационная система судов; этика; конституционные гарантии.

В феврале 2025 г. первый заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В.Л. Калинкович официально заявил о планах внедрения ИИ-технологий в судебную деятельность, подчеркнув при этом, что окончательные решения будут принимать исключительно судьи-люди [1].

Анализ международной практики показывает, что наиболее значительных успехов в интеграции ИИ в правосудие достигли Китай, США и ряд европейских стран. Китайская Народная Республика является безусловным лидером по масштабам внедрения ИИ в судебную систему. С 2016 г. в стране реализуется проект «Умный суд» (Smart Court), в рамках которого создана интеллектуальная система, способная анализировать массивы судебных данных, формировать проекты решений и осуществлять мониторинг судебных процедур. Особенностью китайской модели является обязательность консультаций судей с ИИ по каждому делу, при этом отклонение рекомендаций системы требует письменного обоснования. Ежедневно система анализирует около 100 тысяч дел для выявления нарушений и коррупционных схем, что позволило сократить нагрузку на судей на треть. В Соединенных Штатах Америки внедрение ИИ происходит преимущественно через частные технологические решения. Наиболее известными системами являются Public Safety Assessment (PSA), оценивающая вероятность неявки обвиняемого в суд, и COMPAS, прогнозирующая риск рецидива. Американский подход характеризуется большей осторожностью в использовании ИИ для принятия решений. В Европейском Союзе лидирующие позиции занимают Франция и Германия. Французский Закон «О цифровой республике» (2016) предусматривает использование ИИ для подготовки проектов судебных решений по административным делам. В Германии компания IBM совместно с окружным судом Франкфурта разработала систему для рассмотрения исков о защите прав авиапассажиров.

Республика Беларусь обладает развитой технологической инфраструктурой для внедрения ИИ в судебную деятельность. Основой информатизации является автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции (АИС СОЮ), которая обеспечивает комплексную автоматизацию основных функций су-

дов всех уровней. Анализ текущего состояния цифровизации и заявлений руководства Верховного Суда позволяет определить следующие приоритетные направления применения ИИ в белорусской судебной системе: автоматизация документооборота, аналитическая поддержка судей, контроль качества правосудия, предиктивная аналитика. Успешное внедрение ИИ в судебную систему требует создания соответствующей правовой базы. В марте 2025 г. Конституционный Суд Республики Беларусь выразил мнение о необходимости принятия специального закона о технологиях искусственного интеллекта [2]. Предлагается разработка следующих нормативных актов: Закон Республики Беларусь «О технологиях искусственного интеллекта»; Положение о порядке применения ИИ в судопроизводстве; Инструкция по эксплуатации и контролю ИИ-систем в судах; Этический кодекс использования ИИ в правосудии.

Этапы внедрения ИИ в судебную систему Республики Беларусь: 1) технический помощник. На начальном этапе целесообразно ограничить функции ИИ ролью технического помощника: автоматическая транскрибация аудиозаписей судебных заседаний; автоматическое заполнение стандартных форм документов; проверка формального соответствия документов; автоматизированный поиск информации в государственных реестрах. 2) аналитический помощник. После успешной реализации первого этапа возможно расширение функций ИИ: автоматизированный поиск аналогичной судебной практики; генерация проектов мотивировочных частей решений по типовым делам; статистический анализ сроков и результатов рассмотрения дел; прогнозирование нагрузки на судей. 3) ассистент по контролю качества. На заключительном этапе ИИ может использоваться для мониторинга качества правосудия: выявление процессуальных нарушений и противоречий в судебных актах; анализ соответствия решений сложившейся практике; мониторинг соблюдения принципа единообразия судебной практики.

Внедрение ИИ требует подготовки квалифицированных кадров: организация специализированных курсов повышения квалификации для судей; подготовка технических специалистов по сопровождению ИИ-систем. Республика Беларусь обладает необходимой технологической базой для интеграции ИИ в судебную деятельность. Развитая АИС СОЮ, охватывающая все уровни судебной системы, создает прочную основу для внедрения интеллектуальных технологий. Оптимальным представляется поэтапный подход к внедрению ИИ, начиная с использования в качестве технического помощника и постепенно расширяя функции до уровня аналитического ассистента. При этом принцип человеческого контроля над принятием окончательных решений должен оставаться неприкосновенным.

Библиографический список

1. Судьи будут использовать ИИ. Когда и как, рассказали в Верховном Суде // Право.by : сайт. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/february/87610/ (дата обращения: 08.10.2025).

2. Каменков, В. С. Технологии судебной прозрачности: развитие «электронного правосудия» – одна из важнейших задач правовой информатизации / В. С. Каменков // Правовая информатизация. – 2019. – № 4. – С. 91–97.

УДК 343.195.3

О СОЗДАНИИ НОВОЙ БЕЛОРУССКОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

И. Д. Кашевар

курсант Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: старший преподаватель Алекперов Р.Р.

Прокурорский надзор является неотъемлемой частью современной юриспруденции. Прокурорские работники осуществляют свою деятельность во всех сферах и организациях, а также в обязательном порядке в Вооруженных Силах и других воинских формированиях Республики Беларусь. Однако, на сегодняшний день в Республике Беларусь не существует военной прокуратуры, что, вместе с тем, делает актуальным исследование вопроса о её воссоздании и преимуществах.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; Вооруженные Силы Республики Беларусь; законодательство; юридическая служба.

Белорусская военная прокуратура – орган прокурорского надзора, история которого уходит корнями в начало XVIII века. Неизменно задачей военной прокуратуры являлся надзор за соблюдением законодательства в войсках. Надзор охватывал не только Вооруженные Силы государства, но и иные воинские формирования, такие как пограничные и внутренние войска, органы государственной безопасности и т.д. Органы прокурорского надзора за исполнением законодательства в войсках существовали в Беларуси до 2014 г. и включали в себя Белорусскую военную прокуратуру и 11 межгарнизонных военных прокуратур [1]. Однако Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2014 г. № 137 «О ликвидации военной прокуратуры» Белорусская военная прокуратура была ликвидирована и её задачи были возложены на образованные управление в Генеральной прокуратуре Республики Беларусь и отделы по контролю за соблюдением законодательства в войсках в областных прокуратурах и г. Минске.

На наш взгляд, актуальным является вопрос о текущих недостатках, выявленных в течение 11 лет с момента ликвидации Белорусской военной прокуратуры и о её возможном возвращении в систему органов государственной власти. Генеральный прокурор Республики Беларусь А.И. Швед в ноябре 2023 г. внёс предложение Главе Государства о создании Главной военной прокуратуры и межгарнизонных военных прокуратур. А.И.Швед отметил: «Во всём мире военные прокуроры являются обязательным элементом системы национальной безопасности. Их функционал повсеместно задействуется во всех военных конфликтах» [2]. Однако на данный момент принято решение о создании военной прокуратуры только в военное время.

Возникает следующий вопрос: «Почему ныне существующие отделы по контролю за соблюдением законодательства в войсках не могут быть преобразованы в специализированную военную прокуратуру?». Ведь после упразднения Белорусской военной прокуратуры и военных прокуратур изменился всего лишь статус

сотрудников с «военнослужащий» на «прокурорский работник». Это действительно так, но первый личный состав вышеупомянутых управления и отделов сформировался из бывших военных прокуроров и их помощников, а также военных юристов, приглашенных из Вооруженных сил Республики Беларусь и других воинских формирований. Очевидность такого подбора, конечно же, позволила без колебаний продолжить работу.

Военное законодательство имеет свою специфику, отсюда следует, что его контроль должны осуществлять лица, так или иначе связанные с военной службой. Однако требования к прокурорским работникам не обязывают иметь наличие срока выслуги в воинском формировании или хотя бы прохождения срочной военной службы, из-за чего подбор нового пополнения именно для надзора за законодательством в войсках становится затруднительным, а специфика деятельности Вооруженных Сил Республики Беларусь не всегда учитывается при выявлении и устранении нарушений.

На наш взгляд, решением данного вопроса является воссоздание Белорусской военной прокуратуры, действующей и в мирное время. Подбор личного состава может осуществляться из военных юристов воинских формирований и выпускников специализированных учебных заведений. Данные специалисты, обладая статусом военнослужащего и имея практический опыт работы в войсках, смогут достоверно и точно определить нарушения законодательства и их причины, а также принять соответствующие меры по устранению недостатков.

Библиографический список

1. История органов Белорусской военной прокуратуры [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Республики Беларусь – Режим доступа: https://prokuratura.gov.by/ru/about/istoriya/stanovlenie-organov-belorusskoy-voennoy-prokuratury/?ysclid=mgl9k1gome8708569402. – Дата доступа: 09.10.2025

2. Совещание по вопросу создания военных прокуратур [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosu-sozdaniya-voennyh-prokuratur. – Дата доступа: 09.10.2025

УДК 347.965.9

ПРОБЛЕМА БЕЛОРУССКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ В ОБЛАСТИ ИЗБРАНИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Т. М. Микаилов

студент 4 курса
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
Научный руководитель: старший преподаватель Т.И Чугунова

Данное исследование посвящено анализу процедуры избрания председателя Белорусской республиканской коллегии адвокатов. Обсуждается коллизия в Законе № 334, где принцип независимости адвокатов противоречит требованию согласования избрания председателя с Министерством юстиции. Предлагается исключить это положение для укрепления автономии адвокатуры.

Ключевые слова: адвокатура; независимость адвокатов; Белорусская республиканская коллегия адвокатов; Министерство юстиции; правовая коллизия, конституционные нормы, изменения законодательства.

Для успешного и устойчивого развития любой организации крайне важно иметь правильно выстроенную внутреннюю структуру и четко определённую иерархию управления, основанную на законных и прозрачных принципах. Это положение в полной мере относится и к Белорусской республиканской коллегии адвокатов (далее – БРКА), которая, как профессиональное объединение адвокатов, призвана обеспечивать высокие стандарты оказания юридической помощи, соблюдение этических норм и защиту прав и интересов своих членов. Отсутствие или недостаточная проработка таких организационных основ может привести к дезорганизации, снижению эффективности деятельности, а также к потере доверия как со стороны самих адвокатов, так и со стороны общества в целом. В этой связи создание и поддержание законной, прозрачной и функциональной системы управления внутри БРКА является неотъемлемым условием для того, чтобы коллегия могла не только эффективно выполнять свои профессиональные задачи, но и успешно адаптироваться к меняющимся условиям правового поля, а также реагировать на вызовы современного общества.

Одними из основополагающих принципов адвокатской деятельности в Республике Беларусь являются независимость адвокатов при осуществлении своей профессиональной деятельности, а также недопустимость вмешательства в профессиональную деятельность адвокатов со стороны органов, ведущих уголовный процесс, других государственных органов, иных организаций и должностных лиц, как это прямо закреплено в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» от 30 декабря 2011 г. № 334-З (далее – Закон № 334). Эти принципы отражают фундаментальные ценности Республики Беларусь, как правового государства.

Адвокаты должны иметь возможность выполнять все свои профессиональные обязанности без неоправданного вмешательства, запугивания или ненадлежащего воздействия. Независимость адвокатуры является ключевым элементом демократического общества, обеспечивающим защиту прав человека, справедливое отправление правосудия и предотвращение злоупотреблений властью, поскольку адвокаты выступают как гаранты соблюдения законности и равенства перед законом. Однако, несмотря на столь высокое значение этих принципов, в законодательстве Республики Беларусь наблюдается явное несоответствие, которое подрывает их реализацию на практике. В частности, в ч. 3 ст. 47 Закона № 334 содержится положение, которое вступает в прямое противоречие с указанными принципами, создавая правовую коллизию и ставя под угрозу автономию адвокатского сообщества.

Согласно ч. 3 статьи 47 Закона № 334, Председатель Белорусской республиканской коллегии адвокатов и его заместитель избираются членами совета Белорусской республиканской коллегии адвокатов из состава совета Белорусской республиканской коллегии адвокатов сроком на четыре года по согласованию с Ми-

нистерством юстиции. Это положение требует обязательного согласования процедуры избрания руководителей БРКА с Министерством юстиции, что фактически означает, что государственный орган вмешивается в процесс формирования высшего руководства адвокатского объединения, несмотря на то что адвокаты, как профессионалы, должны действовать независимо от внешнего влияния. Такое требование о согласовании противоречит принципу недопустимости вмешательства в профессиональную деятельность адвокатов, поскольку оно вводит механизм контроля со стороны исполнительной власти, который может ограничивать свободу выбора кандидатов и влиять на принятие решений внутри коллегии. Более того, это создает ситуацию, когда Министерство юстиции, будучи частью государственной машины, получает возможность влиять на кадровую политику БРКА, что не только подрывает автономию адвокатуры, но и может привести к конфликтам интересов, особенно в случаях, когда интересы государства и адвокатов расходятся, например, в вопросах защиты прав обвиняемых или критики судебной системы.

В контексте конституционных норм, таких как ст. 7 Конституции Республики Беларусь, провозглашающая верховенство права, а также ст. 62, гарантирующая каждому право на юридическую помощь, данная коллизия выглядит особенно остро, поскольку она ослабляет роль адвокатуры как независимого института, способного эффективно выполнять свои функции по защите прав граждан. Если адвокаты не могут самостоятельно выбирать своих руководителей без согласования с государственным органом, это неизбежно снижает уровень доверия к ним со стороны общества, которое ожидает, что адвокаты будут действовать исключительно в интересах справедливости.

На наш взгляд, для устранения данной правовой коллизии и приведения законодательства в соответствие с фундаментальными принципами адвокатской деятельности необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 47 Закона № 334, а именно исключить слова «по согласованию с Министерством юстиции». Это изменение не только устранит прямое противоречие с принципами независимости и невмешательства, но и повысит уровень уважения и доверия к председателю БРКА как к лидеру, избранному исключительно профессиональным сообществом без внешнего влияния. В результате, коллегия сможет более эффективно развиваться, укрепляя свою роль в правовой системе Республики Беларусь, способствуя формированию правового государства, где адвокатура выступает как независимый и авторитетный институт, защищающий интересы граждан и обеспечивающий баланс между властью и обществом.

УДК 343.137

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Е. А. Получанина

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О.В. Петрова

В данной работе проведен сравнительный анализ регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве в Республике Беларусь и Республике Казахстан.

Ключевые слова: Досудебное соглашение о сотрудничестве, Республика Беларусь, Республика Казахстан.

Рассмотрение опыта иностранных государства в регулировании досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет определить преимущества и недостатки национального законодательного закрепления, а также определить возможность совершенствования института в отечественной правовой системе.

Весьма интересным представляется опыт Республики Казахстан. Согласно п.37 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V ЗРК (далее – УПК Казахстана) закреплен институт процессуального соглашения, который выступает в двух формах: в «форме сделки о признании вины» и в «форме соглашения о сотрудничестве». Сделка о признании вины содержит указание на наказание, о котором будет ходатайствовать прокурор перед судом (п. 8 ч. 1 ст. 616 УПК Казахстана).

Привилегии, которые предоставляет указанный в Казахстане институт подозреваемому (обвиняемому), отличаются от отечественного законодательства. Одно из них это закрепление нормы освобождения от ответственности, целесообразность которого можно было бы рассмотреть для отечественного законодательства. Кроме того, Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (далее – УК Казахстана) непосредственно в статье о назначении наказания указывает, что при выполнении условий процессуального соглашения наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса. Данную практику мы также оцениваем положительно. В белорусском законодательстве нет запрета в таком случае на применение нормы, закрепленной в ст. 70 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 09.071999 г. № 275-З, как и Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь №1 от 26.03.2002 г. «О назначении судами уголовного наказания» не содержит запрета на использование этого. Однако, данное правило исходит из системного толкования нормативных-правовых актов, а не из непосредственной нормы, как в Республике Казахстан, поэтому такой опыт закрепления был бы полезен для правоприменителя. К тому же, упоминание возможности о назначении наказания ниже низшего предела при выполнении досудебного соглашения добавляло бы желания подозреваемым (обвиняемым) воспользоваться указанным институтом.

Более того, в ст. 67^1 УК Казахстана имеется норма, закрепляющая возможность освобождения от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения. В частности, введение аналогичной нормы в Республике Беларусь бы соответствовало п. 43.3 Концепции правовой политики Республики Беларусь от 28.06.2023 г., в котором одной из целей политики в сферах законодательства о правоохранительной деятельности закреплено «расширение на практике применение наказаний, альтернативных лишению свободы, и иных мер

уголовно-правового воздействия за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления».

Различаются нормы о процессуальном порядке судебного разбирательства. Среди негативных можно указать, что Казахстан частично взял негативную американскую модель по упрощению процессуальной формы в части исключения судебного следствия. Так, нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 07.07.2016 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в согласительном производстве» регламентирует, что «рассмотрение судом уголовных дел в согласительном производстве осуществляется по правилам, согласно статье 625 УПК Казахстана, без проведения судебного следствия, судебных прений и предоставления последнего слова подсудимому». Фактически следствие заканчивается в момент, когда собраны доказательства достаточные для признания виновности обвиняемого.

В итоге цели ускорения судебных процессов достигаются, снимается нагрузка с органов уголовного преследования по поиску доказательств в некоторой степени, однако слишком частая практика сделки с обвиняемым представляет собой серьезную проблему. Однако, процессуальное соглашение изначально было введено для борьбы с наиболее серьезными преступлениями, нередко включающими организованную преступность, поэтому исключать такую важную стадию судебного разбирательства просто нецелесообразно. Поэтому отечественный опыт по закреплению общих правил судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется нам более эффективным.

Таким образом указанные выше особенности могут быть учтены белорусским законодателем при оценке эффективности отечественного правоприменения и совершенствовании правового регулирования.

УДК 343.125

ГУМАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НОВЕЛЛЫ В ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Д. Толкун

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент О.В. Петрова

Настоящая статья посвящена анализу изменений в законодательстве Республики Беларусь, направленных на гуманизацию уголовной ответственности посредством ограничения применения такой строгой меры пресечения, как заключение под стражу.

Ключевые слова: заключение под стражу; уголовная ответственность; меры пресечения; гуманизация; права человека.

Заключение под стражу является одной из наиболее строгих мер процессуального принуждения, применяемых в уголовном процессе. Основным Законом государства закреплено, что никто не должен подвергаться пыткам, жестокому,

бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам. Этот принцип находит свое отражение и в ряде международных документов: Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. (ст. 5), Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года (ст. 7), и др.

В уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь были внесены изменения, направленные на сокращение случаев применения заключения под стражу. Ключевым дополнением стало закрепление императивного условия для назначения данной меры: заключение под стражу может быть назначено только при условии, что цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения. Данное условие нашло свое закрепление в УПК Кыргызстана, Молдовы, России, Украины (ст. 116, 185, 108, 183 соответственно). Полагаем, что указанное условие позиционирует заключение под стражу как исключительную в системе мер пресечения. Теперь заключение под стражу перестает быть «стандартным» решением, а становится исключением из общего правила, требующим особого, тщательного обоснования. Несмотря на положительную направленность изменения, его эффективная имплементация в правоприменительную практику сопряжена с рядом вызовов:

1. Субъективность оценки. Ключевым моментом является оценка того, «могут ли быть достигнуты цели уголовного преследования применением более мягкой меры пресечения». Данное понятие остается достаточно оценочным и может приводить к расхождениям.

2. Формальный подход. Существует риск формального применения новеллы, когда органы уголовного преследования будут лишь декларировать невозможность применения других мер, не предоставляя достаточных обоснований.

3. Наличие «эффекта привычки». Исторически сложившаяся практика применения заключения под стражу как «удобной» меры для обеспечения хода расследования может сохраняться, несмотря на законодательные изменения.

Полагаем, следует разработать более детальный перечень конкретных обстоятельств, которые свидетельствуют о невозможности достижения целей уголовного преследования более мягкими мерами.

Законом Республики Беларусь от 17.02.2025 г. № 61-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» в ст. 126 УПК была внесена норма, ограничивающая применение заключения под стражу в отношении отдельных категорий лиц.

Так, согласно п. 2 ст. 126 УПК, заключение под стражу в качестве меры пресечения не применяется в отношении:

1) лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении менее тяжкого преступления против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконного экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем);

2) несовершеннолетнего, женщины или одинокого мужчины, воспитывающих детей в возрасте до четырнадцати лет или детей-инвалидов, которые подозре-

ваются или обвиняются в совершении менее тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека (за исключением лиц, совершивших преступления экстремистской направленности);

3) лица, страдающего тяжелым заболеванием, которое подозревается или обвиняется в совершении менее тяжкого либо тяжкого преступления, не сопряженного с посягательством на жизнь и здоровье человека (за исключением лиц, совершивших преступления экстремистской направленности).

Законодатель демонстрирует дифференцированный подход к избранию мер пресечения, учитывая не только характер преступления, но и личностные характеристики обвиняемого (наличие детей, состояние здоровья), а также общественную опасность конкретного деяния.

Таким образом, указанные новеллы не отменяют возможность применения заключения под стражу, но ставят его в более строгие рамки. Однако, для того чтобы эти изменения принесли максимальную пользу и не стали лишь формальным улучшением, необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, уточнение формулировок, разработка четких процедур и активное развитие механизмов применения более мягких мер пресечения.

СЕКЦИЯ XVI.
КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

О ЗНАЧЕНИИ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДОВ В ПРОЦЕССЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И. А. Гриб

курсант 4 курса факультета криминальной милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. М. Логвин

В работе акцентируется внимание на криминалистическом значении материальных следов преступления, их значимости в установлении обстоятельств совершенного преступления и подготовки сотрудников правоохранительных органов.

***Ключевые слова*:** преступление, трасология; следы преступления; материальные следы; криминалистические учеты; расследование преступлений.

Преступление — это событие, которое произошло в прошлом. Задача сотрудников правоохранительных органов состоит в том, чтобы раскрыть это преступление. Для этого необходимо установить все обстоятельства совершенного деяния. Во многом их установлению способствуют материальные следы преступления - объекты или изменения в объектах, которые позволяют выяснить данные, необходимые для раскрытия преступления. В литературе их часто называют «немые свидетели» [1]. Приходится приложить много усилий, чтобы «немые свидетели» стали «говорить» в процессе раскрытия и расследования преступлений.

В настоящее время трактовка понятия след имеет два значения. В широком смысле этого слова под следом понимают любые изменения обстановки в процессе совершения преступления, а в узком - исключительно следы-отображения. Последние детально изучаются отраслью криминалистической техники - криминалистической трасологией.

Трасология занимается изучением большого количества объектов. К их числу следует отнести: следы человека (следы ног, обуви, одежды, зубов); механоскопия (следы орудий взлома и инструментов; следы производственных механизмов; изделия массового производства, запирающие механизмы и запорно-пломбировочные устройства); повреждения на одежде; транспортно-трасологические следы и др. [2].

Следует иметь в виду, что отдельные следы трасологического происхождения являются объектами различных криминалистических учетов. Под криминалистическими учетами понимаются виды криминалистический регистрации, а именно массивы (базы, банки) данных, содержащие в обобщенном, систематизированном виде объекты (их копии, изображения, информацию о них), в том числе судебных экспертиз, используемые для выполнения судами, органами уголовного преследования, органами, ведущими административный процесс, а также органами, обеспечивающими национальную безопасность Республики Беларусь, возложенных на них задач [3].

Криминалистические учеты, в том числе и следов трасологического происхождения, имеют важнейшее значение в деятельности правоохранительных органов, которое выражается в: накоплении данных, которые могут быть использованы для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; обеспечении условий идентификации объектов с помощью учетных данных; содействии розыску объектов, сведения о которых содержатся в криминалистических учетах; предоставлении в распоряжение следственных и судебных органов справочно-ориентирующей информации [4, с. 11-12].

Наибольший интерес представляют дактилоскопические и трасологические учеты, которые ведутся в подразделениях ГКСЭ Республики Беларусь.

Помимо этого, знания о следах трасологического происхождения, являются базовыми в формировании умений и навыков у сотрудников правоохранительных органов, которые занимаются вопросами собирания, исследования, оценки и использования доказательственной информации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Обнаружение, фиксация, изъятие и дальнейшее исследование «немых свидетелей» имеет важнейшее значение для раскрытия и расследования преступлений. С их помощью возможно установление следообразующих объектов, их идентификация, установление группой принадлежности исследуемых объектов, решение диагностических задач.

2. Следы трасологического происхождения могут выступать объектами криминалистических учетов. Дактилоскопические и трасологические учеты являются важнейшими элементами информационного обеспечения деятельности сотрудников органов уголовного преследования, осуществление которых способствует решению задач уголовного процесса.

3. Знания, умения и навыки, полученные сотрудниками органов уголовного преследования при работе с следами трасологического происхождения, являются основой формирования профессиональных компетенций для работы с различными следовыми объектами в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Профессия — следователь (Введение в юридическую специальность). М. : Юристъ, 1998. 168 с.

2. Криминалистика : учебник : в 3 ч. Ч. 1 : Теоретические основы криминалистики. Криминалистическая техника / под ред. Г. Н. Мухина. 2-е изд., испр. Минск : Академия МВД, 2010. 215 с.

3. Пророков И. И. Криминалистическая экспертиза следов (трасологические исследования). Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1980. 287 с.

4. Беляков А. А., Усманов Р. А. Криминалистическая регистрация. Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. 192 с.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВОМ, РАЗРАБОТАННЫЕ И. НЬЮТОНОМ

Н. Д. Иванюшин

курсант 4 курса военного факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. П. Орехова

В работе излагаются криминалистические методы борьбы с фальшивомонетничеством в Англии в 17 веке, разработанные известным физиком Исааком Ньютоном; отражается вклад И. Ньютона в развитие криминалистики.

Ключевые слова: история криминалистики; борьба с фальшивомонетничеством; криминалистические приемы.

В 1696 году Исаак Ньютон, знаменитый физик, был назначен на пост Смотрителя (Warden) Лондонского монетного двора, а затем стал его Директором (Master) в 1699 году, занимая эту должность пожизненно. Стоит отметить, что в это временя Англия переживала финансовый кризис и враждовала с Францией. Британская Корона возлагала на И. Ньютона как человека исключительно аналитического ума надежды по преодолению финансового кризиса и снижению фальшивомонетничества – решению проблемы, с которой столкнулась Англия в 17 веке.

Английские серебряные монеты того времени изготавливались вручную и имели неровные края. Мошенники попросту срезали их, переплавляли обрезки в слитки или новые монеты и пускали в оборот обрезанные монеты и изготовленные изделия. Номинал обрезанной монеты оставался прежним, а реальное содержание серебра в ней уменьшалось. Уличить фальшивомонетчиков было невероятно сложно, поскольку не каждый носил с собой весы, а определить срез монеты на глаз было нереально. По оценкам, около 12% всех английских серебряных денег, имевшихся в то время в обращении, были фальшивыми, а из оставшихся обрезка серебряных монет в национальном масштабе составляла около 48% от их суммарного веса [1, с. 141]. Решение этой проблемы нашел И. Ньютон. Он предложил делать на краях монеты тонкие насечки, а старые монеты изъять из обращения. Любая попытка обрезать монету с тонкими насечками по ребру становилась бы сразу заметна, а подделать их было крайне трудно. Этот узор из мелких насечек получил название «гурт» и до сих пор используется в чеканке монет многих стран мира. Стоит отметить, что гуртовая надпись на монетах существовала с 16 века, однако гурт в виде мелких рисок на ребре был придуман именно И. Ньютоном. Эта идея была заимствована Петром I, который посетил Англию в 1698 г., ознакомился с машинными технологиями монетного производства и привез их в Россию. В 1700 году в России было налажено машинное производство монет, а гурт стал

традицией. В Англии замена всех старых монет новыми растянулась на десятилетия. Еще 30 лет спустя на одну новую монету приходилось 200 старых. Мошенники не только продолжали обрезать старые деньги, но и начали переплавлять новые, защищенные монеты, чтобы изготавливать из них легкие подделки старого образца. Это преступление считалось государственной изменой. Ньютон во времена своего пребывания в монетном дворе фактически организовал одну из крупнейших в то время сетей осведомителей, настоял на ужесточении наказания за фальшивомонетничество и распространение подложных денег вплоть до смертной казни и конфискации имущества.

Ярким примером стал преступник Уильям Челонер. Обладая навыками работы с металлом, он начал подделывать в основном золотые монеты. Челонер под видом эксперта попытался убедить Ньютона, что знает, как усовершенствовать станок для чеканки. Ученый быстро раскусил обман, потребовав конкретных деталей, которых у мошенника не было. Ньютон, понимая опасность Челонера, лично возглавил расследование. Он нанял на свои деньги агентов, которые собирали информацию в барах и тюрьмах. Хотя Ньютон собрал множество свидетельств против Челонера, прямых улик не было. Свидетелей подкупали, и на суде они отказывались от показаний. Сам Челонер заявил, что Ньютон преследует его из-за разоблачения коррупционных схем. Проверка не нашла нарушений со стороны Ньютона, но и Челонера пришлось отпустить [2, с. 91]. Не успокоившись, мошенник взялся за подделку лотерейных билетов. Для этого он занял деньги на изготовление медной печатной формы при помощи которой он и подделывал лотерейные билеты. Однако кредитор сообщил об этом властям, и Челонера арестовали в третий раз, но саму форму найти не смогли, и обвинения снова оказались под угрозой снятия. И только через несколько лет Челонер был обвинен в фальшивомонетничестве и приговорен к смертной казни.

Таким образом, Исаак Ньютон был не только физиком, но и своего рода криминалистом, разработав новые криминалистические приемы борьбы с фальшивомонетничеством, с помощью которых не только раскрывались преступления, но и сформировалась новая модель защиты монет.

Библиографический список

1. Шаров К. С. Исаак Ньютон как финансовый чиновник ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2018. С. 135-150. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/17638789.pdf. (дата обращения: 23.09.2025).

2. Левенсон Т. Ньютон и фальшивомонетчики. М.: Corpus, 2013. 416 с.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ OSINT В РАСКРЫТИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е. А. Кикинева

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. П. Орехова

В статье исследуются проблемы и перспективы применения технологии OSINT при сборе доказательств, значимых для раскрытия налоговых преступлений. Проанализированы открытые источники и специализированные инструменты, используемые в налоговых расследованиях, а также приведены примеры успешного применения OSINT на практике. Рассмотрены процессуальные способы оформления и закрепления результатов разведки по открытым данным в рамках налогового и уголовного производства.

Ключевые слова: налоговые преступления; цифровые технологии; OSINT; интернет-ресурсы; интернет-сайты; социальные сети; сбор доказательств.

В 2024–2025 гг. налоговые органы Республики Беларусь значительно усилили контроль за соблюдением налогового законодательства, особенно обращая внимание на выявление и предупреждение нарушений. В Минске регулярно выявлялись факты нелегальной торговли через различные цифровые каналы без необходимой регистрации и уплаты налогов, что приводило к значительным потерям в бюджете. Доходы от таких схем достигали нескольких тысяч рублей, что свидетельствует о масштабности проблемы. В отношении выявленных нарушителей составлялись протоколы, изымалась незаконно реализуемая продукция, назначались штрафы и доначислялись налоги [1].

Для поиска и анализа информации о таких нарушителях и их деятельности может применяться методология OSINT (Open Source Intelligence). В научной литературе OSINT определяется как разведывательная дисциплина, направленная на поиск, сбор и анализ информации исключительно из общедоступных источников без нарушения законодательства и с соблюдением этических норм.

OSINT может быть эффективным инструментом в различных сферах деятельности – от поддержания общественного порядка и безопасности до раскрытия преступлений, розыска без вести пропавших и выявления лиц, причастных к преступлениям. В научной литературе и практике особое значение придается законности применения методов OSINT, которых исключает получение доступа к данным с помощью санкций прокурора или неправомерных действий.

К открытым источникам, применяемым в OSINT, относятся традиционные СМИ, интернет-ресурсы, социальные сети, государственные реестры, публикации, а также анализ метаданных цифровых документов и данных о доменах. Особое внимание уделяется изучению активности в «Даркнете» и анализу операций с криптовалютами, что особенно актуально в условиях роста цифровой экономики и новых форм преступлений [2, с. 43–44].

Комплексный подход OSINT позволяет выявлять не только личности и прямые связи между ними, но и скрытые взаимодействия, а также проводить геолокационный поиск объектов и мониторинг закрытых сообществ. Это существенно расширяет возможности правоохранителей по сбору оперативной и криминалистически значимой информации.

Собранные данные проходят проверку достоверности и могут служить основой для выработки следственных версий, разработки тактических приемов и планирования дальнейших действий в расследованиях. При оформлении результатов поиска информации из открытых источников обязательно составляется протокол с фототаблицей, включающей фото и скриншоты. Для правильной интерпретации

и выявления скрытых данных привлекаются специалисты, владеющие профильными программными средствами.

Тем не менее, важно понимать, что данные, полученные с помощью OSINT, обладают ориентирующим характером и требуют дополнительной верификации, поскольку могут содержать устаревшую или недостоверную информацию. Преимущества OSINT для правоохранительных органов заключаются в возможности оперативного получения большого объема комплексной информации, что значительно повышает эффективность раскрытия и расследования налоговых преступлений, а также способствует профилактике новых правонарушений в условиях цифровизации общества.

Библиографический список

1. Практика выявления налоговыми органами нарушений плательщиками обязанностей. URL: https://ilex.by/praktika-vyyavleniya-nalogovymi-organami-narushenij-platelshhikami-obyazannostej (дата обращения: 01.10.2025).

2. Бессонов А. А. Использование в раскрытии преступлений информации из открытых источников информации (OSINT) // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-разыскной деятельности: сб. науч. тр. Межвед. науч.-практ. конф., г. Москва, 16 сент. 2022 г. М.: Моск. ун-т МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 40–45.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗМЕНЫ ГОСУДАРСТВУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СФЕРЫ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

С. С. Орленко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. С. Красиков

В статье рассматриваются актуальные криминалистические аспекты измены государству, совершаемой с использованием современных высоких технологий.

Ключевые слова: измена государству, национальная безопасность, криминалистика, высокие технологии.

Современный этап развития общества сопровождается масштабной цифровизацией всех сфер общественной и государственной жизни. Это, с одной стороны, повышает эффективность государственного управления и оборонной системы, а с другой — создаёт новые угрозы национальной безопасности. Одной из таких угроз является измена государству, с использованием возможностей современных высоких технологий. Актуальность изучения данной темы обусловлена ростом числа киберпреступлений, направленных против суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь, а также необходимостью совершенствования методик их расследования.

Согласно статье 356 УК Республики Беларусь изменой государству признаются действия гражданина Республики Беларусь, направленные на оказание помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации

или их представителям в осуществлении враждебной деятельности против Республики Беларусь. В диспозиции нормы выделяются формы совершения преступления: шпионаж, выдача государственной тайны, переход на сторону противника, иная помощь в ущерб внешней безопасности страны. Объективная сторона измены выражается в конкретных действиях, направленных на подрыв внешней безопасности, а субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и целью оказания содействия противнику. Субъектом преступления может быть только гражданин Республики Беларусь, достигший шестнадцатилетнего возраста.

Эволюция информационного пространства привела к появлению цифровых форм измены: дистанционная передача секретных сведений через зашифрованные каналы связи, использование облачных технологий, а также внедрение вредоносного программного обеспечения с целью получения доступа к данным, составляющим государственную тайну. К числу наиболее распространённых способов совершения преступления относятся: несанкционированный доступ к закрытым компьютерным сетям государственных органов, копирование и передача информации посредством защищённых мессенджеров или VPN-соединений, использование внешних носителей и удалённого доступа для извлечения сведений ограниченного распространения. Особую опасность представляют атаки с использованием фишинговых схем и закладок в программном обеспечении, позволяющих иностранным спецслужбам получать данные в обход физического контроля. При расследовании подобных преступлений выявляются следы сетевой активности: журналы логирования, метаданные файлов, остаточные данные в оперативной памяти, цифровые сертификаты и криптографические ключи. Эти элементы становятся важнейшими доказательственными источниками.

Субъекты преступления – лица, имеющие допуск к государственной или служебной тайне, а также специалисты в области информационной безопасности, сотрудники предприятий военно-промышленного комплекса, либо хакеры, обладающие высокой «профессиональной» квалификацией.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод. В перспективе развития цифровой криминалистики в целях обеспечения защиты национальной безопасности особое значение приобретает формирование единой государственной системы цифрового криминалистического мониторинга, интегрированной с базами данных правоохранительных органов, Министерства обороны и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь. Такая система позволит не только выявлять факты утечки секретной информации в режиме реального времени, но и прогнозировать потенциальные риски на основе анализа массива данных, а также при взаимодействии с технологиями искусственного интеллекта.

УДК 343.9

ФОРМИРОВАНИЕ И ПОВЫШЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЭКСПЕРТА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБОК

А. В. Рыбак

адъюнкт 2 года обучения научно-педагогического факультета Академии

Министерства внутренних дел Республики Беларусь
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент И. А. Анищенко

Исследуются понятия «компетенция» и «компетентность», значение формирования и повышения компетентности эксперта в системе предупреждения экспертных ошибок, освещается образовательная модель подготовки, определенная видами экспертных ошибок, рассматривается внедрение профессиональных стандартов.

Ключевые слова: предупреждение экспертных ошибок; компетентность; профессионально-ориентированная подготовка; повышение компетентности; профессиональный стандарт.

Качество подготовки судебных экспертов имеет особое значение для достоверного решения задач судебно-экспертной деятельности. В основе большого количества экспертных ошибок лежит недостаточная компетентность судебного эксперта, в связи с чем предупреждение экспертных ошибок является одной из первостепенных целей обучения судебных экспертов и формирования экспертной компетентности.

В правовых актах и научной литературе встречается употребление как термина «компетенция», так и термина «компетентность». «Компетенция» охватывает должное владение экспертом специальными знаниями, а термин «компетентность» фактическое владение экспертом данными знаниями, в том числе навыками. Несмотря на смысловое различие в значениях терминов «компетенция» и «компетентность», многие авторы употребляют данные термины в равном значении. В рамках вопроса о предупреждении экспертных ошибок, по нашему мнению, следует употреблять термин «компетентность». Именно данный термин используется в ст. 200 «Участие специалиста» и ст. 231 «Проведение экспертизы вне судебно-экспертной организации» УПК Республики Беларусь.

Допущение судебными экспертами экспертных ошибок, вследствие недостаточной компетентности определили необходимость исследования проблем, связанных с экспертной компетентностью, и совершенствование системы подготовки судебных экспертов. Подчеркнем, что первоначальная подготовка, является первым необходимым и значимым фактором для формирования компетентности экспертов. В настоящее время профессионально-ориентированную подготовку будущих судебных экспертов-криминалистов осуществляют учреждения образования «Академия министерства внутренних дел Республики Беларусь» и «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь».

Существующие три вида экспертных ошибок (процессуальные, гносеологические и деятельностные), по сути, предопределили логику построения образовательных моделей подготовки/переподготовки будущих судебных экспертов, реализуемых в Беларуси [1, с. 29]. Так, с целью предупреждения процессуальных ошибок, организовано изучение основ процессуального законодательства. Для недопущения гносеологических ошибок в образовательные программы включены логика, этика, дисциплины, включающие знания об основах социального государ-

ства. С целью недопущения деятельностных ошибок, организовано изучение теории судебной экспертизы и дисциплин по видам экспертиз.

Представляется, что эффективность непрерывного образования экспертов может быть повышена путем внедрения профессиональных стандартов в области судебно-экспертной деятельности. Профессиональный стандарт позволил бы вести современный учет изменений в пределах каждой экспертной специальности, появление новых специальностей и уде на этой основе планировать обучение экспертов в соответствующей форме – переподготовки, повышения квалификации, стажировки и т.д. [2, с. 166].

Таким образом, личное осознание необходимости получения и повышения компетентности и качественное использование действующего механизма по ее формированию и повышению, внедрение профессиональных стандартов способствует минимизации экспертных ошибок при осуществлении судебно-экспертной деятельности.

Библиографический список

1. Лапина И. А. Образовательные программы в сфере судебной экспертизы в качестве средств получения специальных знаний и предупреждения экспертных ошибок // Судебная экспертиза Беларуси. 2020. № 1. С. 28–31.

2. Швед А. И. Теоретические предпосылки и прикладные аспекты реализации в Республике Беларусь единой государственной политики в сфере судебно-экспертной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.16. Минск, 2021. 240 л.

УДК 343.985.7

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ЭПИЦЕНТРА ВЗРЫВА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ АКТА ТЕРРОРИЗМА

М. Ю. Сафиулина

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. Л. Григорович

Статья анализирует процессуальные особенности осмотра эпицентра взрыва при расследовании террористических актов, включая фиксацию следов, использование современных технологий и обеспечение безопасности. Особое внимание уделяется роли специалистов-взрывотехников, унификации стандартов и необходимости усовершенствования методик расследования.

Ключевые слова: осмотр эпицентра; террористический акт; фиксация следов; взрывотехника; процессуальные стандарты; безопасность; цифровые технологии; методика расследования; унификация.

Осмотр эпицентра взрыва при расследовании акта терроризма – ключевое следственное действие, направленное на установление обстоятельств преступления, механизма срабатывания взрывного устройства и причастных лиц. Правильная организация и последовательность осмотра критичны: в центральной зоне сосредоточена основная доказательственная информация о типе, мощности и

направлении действия заряда; от полноты фиксации следов зависит достоверность экспертных заключений и эффективность расследования. М.А. Шумилова подчёркивает, что следователь должен приступать к работе только после проверки специалистом-взрывотехником отсутствия угрозы повторного взрыва – это и практическая, и юридическая гарантия безопасности участников осмотра. Научные дискуссии касаются мер предосторожности и порядка допуска специалистов к осмотру, что подчёркивает необходимость строгой регламентации и процессуальных гарантий фиксации следов.

Осмотр проводится поэтапно: определение границ разрушений, безопасных путей подхода, фиксация общего состояния объекта и территории; затем выявление и закрепление вещественных доказательств, направление разрушений, направление действия ударной волны и расположение обломков. Обязательны масштабная фото- и видеофиксация, составление схем и планов. С.С. Слепнин отмечал, что исследование направления действия ударной волны позволяет определить точку инициирования взрыва и траекторию разрушений, а значит возможное расположение инициаторов или скрытых устройств. В перспективе целесообразно законодательно закрепить порядок привлечения и требования к квалификации специалистов-взрывотехников.

Институт процессуальной формы (протоколы осмотра, схемы разрушений, карточки фиксации вещественных доказательств и планы расположения обломков) обеспечивает допустимость доказательств и точность воспроизведения обстановки при экспертизах. Унификация форм минимизирует ошибки и повышает надёжность судебного разбирательства. При объёмных и газовых взрывах, как указывают М.Ю. Гераськин и В.Д. Синюк, характерно отсутствие чёткого центра разрушений и равномерность повреждений, что усложняет фиксацию зоны поражения и требует единых методических стандартов для интерпретации результатов осмотра.

Приведем пример. Взрыв в порту Бейрута 4 августа 2020 года. Детонация 2750 тонн аммиачной селитры (примерно 1,1 кт тротилового эквивалента, магнитуда 3,3) унесла жизни более 218 человек, более 7000 получили ранения, около 300 000 остались без жилья; разрушены силосы, причалы и жилые кварталы. На формирование катастрофы повлияла длительная халатность властей и утрата контроля над опасным грузом, хранившимся в складе №12 шесть лет; нитрат аммония при длительном хранении становится крайне взрывоопасным. Для анализа масштабов разрушений используются сейсмостанции, видеозаписи свидетелей и документация порта; изучение происхождения груза и условий его хранения помогает восстановить цепочку событий. Пожар, возникший при сварочных работах, инициировал детонацию деградировавшей селитры, демонстрируя последствия утраты контроля над опасными веществами.

Современная криминалистическая практика предполагает широкое использование цифровых технологий: 3D-сканеры, дроны и автоматизированные системы картографирования позволяют фиксировать эпицентр в пространстве, сохранять масштаб и взаимное расположение объектов, что повышает точность осмотра и качество экспертиз. Комплексный подход к осмотру должен учитывать уровень

опасности, характер разрушений и приоритетность фиксации следов; унификация протоколов и процессуальные гарантии повышают эффективность расследований террористических и техногенных актов. Дальнейшее развитие практики требует сочетания криминалистических, технических и правовых мер, строгого контроля за хранением опасных веществ и систематизации методик осмотра эпицентра.

Библиографический список

1. Гераськин М. Ю., Харченко И. В. Особенности осмотра места происшествия по факту взрыва топливно-воздушной смеси // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: материалы Всероссийской научн. конф. с междунар. участием. Красково / Гуманитарно-социальный институт, 2015. С. 531.
2. Место взрыва как объект криминалистического исследования / Ю. М. Дильдин [и др.]. М. : ВНИИ МВД СССР, 1989.
3. Долгинов С. Д. Осмотр места происшествия : учеб. пособие / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010.
4. Зазыбова И. В., Шумилова М. А. Тактические особенности места взрыва // Правовая реформа, 2023. № 2. С. 96–99.
5. Кузнецов А. А. Особенности планирования и организации осмотра места происшествия по факту взрыва // Актуальные проблемы права: теория и практика, 2014. № 29. С. 214–217.
6. Подлиняев О. Л. Психология толпы и специфика её разновидностей // Вестн. Вост.-Сиб. ин-та М-ва внутр. дел России. ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2017. № 2 (81). С. 124–130.
7. Синюк В. Д. Анализ причин, приводящих к взрыву емкостей с газами // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы, 2023. № 2 (54). С. 173–176.
8. Синюк В. Д. К вопросу о методологическом обеспечении судебной экспертизы по фактам взрывов бытового газа // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сборник материалов VIII Всероссийской научн.-практ. конф., Рязань, 16 декабря 2022 г. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 200–203.

УДК 343.98

ПОНЯТИТИЕ СТРАТЕГИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

С. И. Секушенко

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент В. С. Красиков

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о выделении криминалистической стратегии в качестве самостоятельного раздела науки криминалистики наряду с ее традиционными компонентами (общей теорией, техникой, тактикой и методикой). Обосновывается необходимость этого выделения, уходящая корнями в 80-е годы XX века, и раскрывается этимология и современное понимание термина «стратегия» как искусства долгосрочного планирования.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая стратегия; расследование преступлений.

Длительное время традиционной для юридической науки является структура криминалистики, которая содержит в себе четыре основных раздела: общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика расследования преступлений. Однако, во второй половине 80–х. гг. XX в. ученые-криминалисты предложили выделение криминалистической стратегии как самостоятельного раздела науки, обусловливая это тем, что она позволяет оптимизировать управление и планирование расследования.

Следует отметить, что этимология термина «стратегия» происходит от древнегреческого слова «strategos» — искусство полководца». При этом в военном энциклопедическом словаре этот термин определяется как составляющая военного искусства, его высшая область, включающая теорию и практику военной деятельности государства по предотвращению войны. Таким образом, в общепринятом значении стратегия определяется, не только как наука, но и как искусство планирования какой-либо деятельности на длительную перспективу [2, с. 67].

Необходимость выделения криминалистической стратегии в криминалистике высказана А. В. Дуловым, который в своей работе писал, что потребность выделения в криминалистике раздела стратегии возникла при разработке методик расследования отдельных видов преступлений, поскольку выявлялись вопросы, общие для расследования всех категорий уголовных дел, а также имелись проблемы, не нашедшие своего места в существующей системе криминалистики [1].

Развивая эту идею, многие отмечают, что в последнее время, не смотря на противоречивость данного института, наблюдается особая значимость применения методов криминалистической стратегии, которая проявляется в процессе расследования транснациональных преступлений. Исходя из характеристики данного вида преступлений, расследовать данную категорию классическими для уголовного судопроизводства и криминалистики методами достаточно сложно, так как требуется применять модель международного сотрудничества и осуществлять серьезное предварительное планирование. По мнению Д. С. Хижняка в основе криминалистических стратегий, используемых для расследования транснациональной преступности, находятся международные правовые акты (ключевая роль здесь отводится ООН и Интерполу) и национальное законодательство. Расследование транснациональных преступлений использует частные механизмы криминалистической стратегии, охватывающие полный цикл работы: от этапа предупреждения преступной деятельности до этапа ее пресечения [3, с. 222–223].

Изложенное позволяет сделать предварительный вывод: современная преступность демонстрирует стремительную эволюцию, активно внедряя в свою деятельность новейшие научные достижения и технологии, а также умело используя изменения в общественной психологии. В этой борьбе правоохранительным органам, включая систему предварительного следствия, на сегодняшний день требуется «захват» инициативы. В связи с этим назрела острая потребность в кардинальном пересмотре подходов к противодействию преступности, разработке комплексной стратегии, разделяя ее на два уровня: общая стратегия борьбы с преступностью и криминалистическая стратегия расследования уголовных дел в ее понимании и как науки, и как искусства.

Библиографический список

1. Криминалистика : учеб. пособие для студ. юрид. вузов и фак. / А. В. Дулов, Г. И. Грамович, А. В. Лапин ; под общ. ред. А.В. Дулова. Минск: ИП «Экоперспектива», 1998. 412 с.
2. Сокол В. Ю. Криминалистическая стратегия в России и Германии // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. №2. С. 67–77.
3. Хижняк Д. С. Транснациональная криминальная деятельность как объект изучения криминалистики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. №2 (103). С. 221–226.

УДК 343.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ В РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д. Д. Фельдман

студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета,
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Е. П. Орехова

В работе рассматриваются цифровые следы как доказательственная база при расследовании коррупционных преступлений. Анализируются их виды, особенности фиксации и использования, а также сложности, связанные с использованием криптовалют в коррупционных схемах.

Ключевые слова: цифровые следы; коррупционные преступления; электронные доказательства.

В условиях развития информационного общества цифровые технологии становятся неотъемлемой частью жизни и влияют на все сферы. Современные достижения науки и техники способствуют экономическому росту, улучшению качества жизни и защите природы, открывая новые возможности. Однако технологии могут использоваться и в преступных целях, становясь источником угроз. При этом цифровые инструменты и следы играют важную роль в выявлении, расследовании и документировании преступлений.

В научных исследованиях существует множество мнений относительно терминологии данного вида следов. Так, например, «цифровые следы преступлений – это информация, которую оставляют преступники при использовании компьютеров, смартфонов, интернета и других цифровых устройств» [1, с. 96]. В контексте расследования коррупционных преступлений они представляют собой уникальную доказательственную базу, часто являясь решающим элементом. К основным видам цифровых следов, используемых в расследованиях данных преступлений, относятся: 1) метаданные, содержащие информацию о времени создания, авторстве и геолокации файлов; 2) история интернет-браузера и поисковых запросов; 3) кэшированные данные; 4) файлы, хранящиеся на цифровых носителях; 5) транзакции криптовалют.

По мнению В. Л. Григоровича и А. В. Ходасевич, цифровой след относится к

материальным следам, поскольку он неразрывно связан с материальным носителем – техническим устройством, через которое исследуют компьютерную информацию [2, с. 149].

Наряду с новыми возможностями цифровая среда порождает и новые вызовы для правоохранительных органов. Так, использование электронных денег и криптовалют в коррупционных схемах затрудняет идентификацию участников и отслеживание финансовых потоков из-за их анонимности и высокой степени конфиденциальности.

Дополнительные сложности возникают при анализе информации из социальных сетей. Никнеймы, фотографии и биографические данные часто оказываются недостоверными – преступники используют фальсифицированные или взломанные аккаунты, применяют технологии маскировки (VPN, прокси) и намеренно искажают личные сведения. Поэтому такие данные имеют ориентирующее значение и требуют обязательной проверки – через IP-адреса, геолокацию, временные метки, переписку и результаты компьютерно-технической экспертизы. Особенно важно учитывать, что в делах о коррупции социальные сети могут служить каналом неформального согласования условий взятки, демонстрацией признаков незаконного обогащения и установлением связей между участниками преступной схемы.

Таким образом, анализ цифровых следов является одним из наиболее эффективных инструментов в раскрытии преступлений и установлении личности преступника. Сбор информации может осуществляться различными способами: через изъятие материальных носителей, создание скриншотов или официальные запросы к владельцам серверов. Ключевым условием использования цифровых доказательств является соблюдение требований законодательства, обеспечивающих их допустимость в суде. Работа с такими материалами требует высокой квалификации специалистов и глубоких IT-знаний. Для эффективного расследования уголовных дел необходимо применение экспертных методов анализа транзакций и проведение судебных экспертиз, подтверждающих факт передачи взятки в цифровой форме.

Библиографический список

1. Озеров И. Н., Журбенко А. М., Озеров К. И. Цифровые следы преступлений как инструмент раскрытия и расследования коррупционных преступлений // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией: материалы всероссийской науч.-практ. конф., г. Москва, 27 окт. 2023 г. / Моск. академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева ; редкол.: Н. В. Османова [и др.]. М., 2024. С. 96-100.

2. Григорович В. Л., Ходасевич А. В. Электронно-цифровые следы по делам о хищениях имущества путем модификации компьютерной информации // Обеспечение пограничной безопасности и охрана Государственной границы Республики Беларусь: теория и практика : м-лы XIII Респ. науч.-практ. конф., 28 февр. 2024 г., г. Минск : в 4 ч. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; редкол.: П. И. Миронюк [и др.]. Минск, 2024. Ч. 1. С. 148–150.

УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Е. Д. Чемоданова

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент И.А. Лапина

Рассмотрены теоретические и практические аспекты применения метода криминалистического профилирования при раскрытии и расследовании преступлений. Целью исследования является анализ возможностей и практических ограничений профайлинга в современной криминалистике, а также разработка рекомендаций по его совершенствованию.

Ключевые слова: профайлинг; психологический портрет; личность преступника; поведенческий анализ.

В современном мире, где преступность становится все более изощренной и организованной, правоохранительные органы нуждаются в новых эффективных методах расследования. Одним из таких методов, получивших широкое распространение в последние десятилетия, является криминалистический профайлинг.

Считается, что профайлинг как самостоятельный метод сформировался во второй половине XX веке. Его появление в криминалистической науке и правоохранительной практике принято связывать с такими известными в юриспруденции именами как Ганс Гросс (1847-1915), Чезаре Ломброзо (1835-1909), Эрнст Кречмер (1888–1964) и др. Основатель науки криминалистики Ганс Гросс в своей работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» 1-ю главу посвятил проблемам изучения личности преступника: «Нет такого состояния, которого бы они не пытались симулировать или скрыть… бывают случаи, когда преступник сначала совершает преступление, а потом уже меняет свою внешность, но чаще бывает наоборот» [3, с.92]. Надо сказать, что идеи Ганса Гросса актуальны и в наши дни.

Под профайлингом следует понимать методику поиска и изучения личности преступника на основе совокупности следов, оставленных им на месте преступления. Данная методика предоставляет различные тактические и технико-криминалистические возможности по раскрытию и расследованию преступлений. Ее ключевая особенность заключается в использовании для анализа не только следовой картины, но также для выстраивания и анализа причинно-следственных связей между поведением отдельных субъектов [1, с.5].

В современном профайлинге сформировались несколько направлений: криминалистический, политический, массовый и бизнес-профайлинг. Если говорить конкретно о криминалистическом профайлинге, то он в свою очередь направлен на 1) работу с уже установленным преступником и 2) установление еще неизвестного лица.

Приведем реальный пример из истории, когда профайлинг помог раскрыть преступление и поймать особо опасного преступника. В ряду наиболее значимых фигур, стоявших у истоков профайлинга, необходимо особо упомянуть Джеймса

Бруссела. Этого американского психиатра сегодня называют отцом криминалистического профайлинга. В 1956 году именно к нему обратилась Нью-Йоркская полиция, которая к тому моменту уже почти 16 лет безуспешно пыталась поймать подрывника по прозвищу «Сумасшедший бомбист». Физические улики не помогли установить личность «Сумасшедшего бомбиста», поэтому полиция предположила, что стоит обратить внимание на психологическую составляющую дела.

Капитан Говард Э. Финни утверждал, что описание внешности террориста не столь важно, если удастся разработать его психологический портрет. Собранные по делу материалы Финни показал Брусселу, где среди выложенных на стол предметов были фотографии несработавших бомб, копии странно сформулированных писем, а также отчеты, накопленные им за последние 16 лет. Бруссел просмотрел улики и сделал вывод, что террорист – хрестоматийный параноидальный шизофреник.

Люди, страдающие этим расстройством, могут верить в то, что другие контролируют их или готовят против них заговор. Обычно они ведут затворнический, асоциальный образ жизни, охвачены ненавистью к воображаемым врагам. При всей своей ненормальности они способны в быту вести себя вполне обычно, до появления какого-либо внешнего раздражителя. Как только такому человеку начинает казаться, что кто-то его обидел или хочет ему навредить, эта мысль становится навязчивой. Это, очевидно, относится и к «Сумасшедшему бомбисту». Его состояние постепенно ухудшалось, со временем затуманивая нормальную логику. Исходя из клинической статистики, у большинства параноиков симптомы полностью проявляются только после 35 лет. Если террористу исполнилось примерно столько же, когда он заложил свою первую бомбу в 1940 году, то теперь ему было, по крайней мере, около сорока, а возможно, и больше. Он пропорционально сложен: не толстый и не худой. Почти наверняка он должен быть человеком очень аккуратным, правильным. Как работник он, вероятно, безупречен, выполняет все на высшем уровне. На службе пунктуален, никогда не участвует в драках, пьянстве или каких-либо других сомнительных делах. Придирчивость, граничащая с чопорностью, проявляется в письмах, которые он пишет в газеты: они словно напечатаны практически идеальными типографскими буквами, без помарок и подчисток. Как итог – 21 января 1957 года преступника задержали. Им оказался Джордж Метески – бывший работник энергетической компании. Он практически полностью соответствовал большинству критериев, описанных в портрете [2, с.10].

Если говорить об отечественных примерах использования профайлинга в деятельности правоохранительных органов, то можно привести следующий пример.

В конце 1980-х к психиатру Александру Бухановскому обратилась оперативная группа из Ростова — они искали «убийцу из лесополосы», совершившего несколько десятков изнасилований и убийств, в том числе детей и подростков. Изучив имевшиеся у милиции материалы, Бухановский составил комплексный психологический портрет преступника, который включал анализ метеорологических и атмосферных явлений, закономерности совершаемых убийств, портрет жертвы, а также социальный и физиологический портрет самого преступника, который занял 85 страниц машинописного текста. По мнению психиатра, убийца не страдал

психозом или умственной отсталостью, внешне жил вполне обычной жизнью, был физически развит, гетеросексуален, но при этом страдал половой дисфункцией (такой вывод Бухановский сделал по тому, как убийца орудовал ножом): изнасилование мальчиков было для него скорее символическим жестом, с помощью которого он вымещал обиды и унижения, перенесенные в детстве и подростковом возрасте. Также Бухановский довольно точно установил возраст преступника, предположив, что тому от 45 до 50 лет, и указал, что его работа может быть связана с большим количеством командировок.

Преступником оказался 54-летний Андрей Чикатило, начальник отдела снабжения, который по долгу службы часто ездил по Ростовской области. После ареста в 1990 году Чикатило допрашивали десять дней — прямых доказательств против него не было, а мужчина отрицал свою причастность к убийствам. Следователи опять обратились к Бухановскому, и после многочасового разговора с психиатром Чикатило начал давать признательные показания. По некоторым данным, преступник, прочитав свое описание, сделанное Бухановским, разрыдался.

В заключение, хотелось бы подчеркнуть, что метод криминалистического профилирования является достаточно эффективным инструментом в арсенале современного следователя наряду с другими тактическими средствами. Его применение требует глубоких знаний криминалистики, психологии, логики, а также опыта практической деятельности.

Анализ отечественного и зарубежного опыта составления и применения криминальных профилей преступников свидетельствует о значительных возможностях профайлинга в раскрытии серийных преступлений.

На наш взгляд необходимо развивать научную базу профайлинга, внедрять систему подготовки и повышения квалификации специалистов-профайлеров, проводить комплексное обучение сотрудников органов предварительного следствия, а также ввести специальный курс для студентов-юристов по криминалистическому профайлингу.

Библиографический список

1. Профайлинг и детекция лжи (психологические и психофизиологические аспекты) / Т. В. Ветрова [и др.]. СПб. : Изд-во Университета при МПА ЕврАзЭС, 2021.

2. Профайлинг: история, исследования, практика. Аналитический доклад / А. В. Кулик [и др.]. М.: АНО НИЦКБ. 2024.

3. Зиберова О. С. О происхождении и современном значении криминалистического профайлинга // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 92–97.

СЕКЦИЯ XVII.
ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.3

МЕСТО И РОЛЬ СНГ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Д. А. Буконкин

соискатель кафедры политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, профессор Н. А. Антанович

Текст посвящен теме правовых и институциональных механизмов существующих в раках СНГ, которые помогают странам-членам в реализации собственного информационного суверенитета. Излагаются подходы Республики Беларусь к сотрудничеству в рамках Содружества.

Ключевые слова: СНГ, информационный суверенитет, взаимодействие, информационная безопасность.

Информационный суверенитет как ключевая составляющая национальной безопасности в условиях цифровой трансформации приобретает особое значение для государств постсоветского пространства. Для Республики Беларусь участие в механизмах сотрудничества в рамках СНГ предоставляет значительные возможности для укрепления собственных позиций в информационной сфере при одновременном развитии многостороннего взаимодействия с партнерами по Содружеству.

Фундаментальной основой для реализации информационного суверенитета Беларуси в рамках СНГ служит развитая система межгосударственных соглашений и концептуальных документов. Центральное место занимает Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. [1] Данное соглашение определяет ключевые направления взаимодействия, включая сближение нормативных правовых актов, разработку межгосударственных стандартов в области информационной безопасности и создание защищенных информационных систем.

Концептуальную рамку сотрудничества задает Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности от 10 октября 2008 г. [2] Стратегический характер носит принятый в 2022 году План первоочередных мероприятий по реализации Стратегии обеспечения информационной безопасности государств СНГ на период до 2030 года [3], который предусматривает комплекс согласованных действий компетентных органов государств-участников.

Важным элементом правовой архитектуры является Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере ин-

формационных технологий, подписанное в Душанбе в сентябре 2018 г. и вступившее в силу 12 марта 2020 г. Республика Беларусь одной из первых ратифицировала данное соглашение Законом № 207-З от 16 июля 2019 г., что свидетельствует о приоритетности данного направления сотрудничества для белорусского государства [4].

Реализация информационного суверенитета Беларуси в рамках СНГ обеспечивается через разветвленную систему институциональных механизмов. Координирующую роль играет Региональное содружество в области связи, осуществляющее руководство работой по выполнению принятых планов мероприятий. Оперативную координацию обеспечивает Департамент по сотрудничеству в сфере безопасности Исполнительного комитета СНГ, который активно участвует в международных конференциях по кибербезопасности и координирует межгосударственное взаимодействие [5].

Особое значение имеют регулярные межведомственные и межмидовские консультации государств-участников СНГ по проблематике обеспечения международной информационной безопасности. Последние такие консультации состоялись в декабре 2024 года в Москве. В рамках данных консультаций рассматривались вопросы координации деятельности стран СНГ в международных организациях, совершенствования принципов международного права в сфере ИКТ, а также подготовки кадров в области информационной безопасности. Стратегическое планирование сотрудничества в сфере информационного суверенитета получило новый импульс с одобрением в 2025 году Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в развитии информационного общества и цифровой экономики на период до 2035 года [6].

Участие Республики Беларусь в механизмах сотрудничества в рамках СНГ предоставляет значительные возможности для реализации информационного суверенитета через развитие многосторонней координации, совместного противодействия киберугрозам и унификации правовых подходов при сохранении национального контроля над информационным пространством. Для Беларуси оптимальной стратегией является сочетание активного участия в многосторонних механизмах СНГ с развитием двусторонних соглашений и диверсификацией международного сотрудничества.

Библиографический список

1. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности : заключено в г. Минске 20 нояб. 2013 г. : вступило в силу для Респ. Беларусь 4 июня 2015 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2014. – 24 июля. – 3/3032.

2. Концепция сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности : утв. решением Совета глав государств СНГ от 10 окт. 2008 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт СНГ. – URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/2519 (дата обращения: 22.09.2025).

3.О Плане первоочередных мероприятий по реализации Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств на период до 2030 года : решение Совета глав правительств СНГ от 20 мая 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2022. – 24 мая. – 3/4155.

4. О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий : Закон Респ. Беларусь от 16 июля 2019 г. № 207-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2019. – 20 июля. – 2/2645.

5. Главы правительств СНГ утвердили План первоочередных мероприятий по реализации Стратегии обеспечения информационной безопасности до 2030 года // Pravo.by. – 2022. – 19 мая. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/may/70107/ (дата обращения: 22.09.2025).

6. О Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в развитии информационного общества и цифровой экономики на период до 2035 года : решение Экономического совета СНГ от 5 сент. 2025 г. // Совет Министров Респ. Беларусь. – 2025. – 4 сент. – URL: https://www.government.by/news/cifrovaya-ekonomika-i-innovacionnoe-sotrudnichestvo-zasedanie-ekonomicheskogo-soveta-sng (дата обращения: 22.09.2025).

УДК 304.444

ФЕНОМЕН ПОСТПРАВДЫ: ФЕЙК-НЬЮС КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

А. А. Апарина

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, доцент Н. Н. Левчук

Представлен феномен постправды и проанализировано использование фейк-ньюз в качестве инструмента манипулирования общественным мнением на примере президентских выборов в США в 2024 году. Актуализируется необходимость повышения медиаграмотности населения Беларуси для противодействия дезинформации.

Ключевые слова: постправда; фейк-ньюс; информационная гигиена; медиаграмотность, алгоритмы оптимизации.

В условиях цифровизации и глобализации доступ к информации стал беспрецедентно широким, однако это породило и новые вызовы [1], связанные с достоверностью и объективностью контента. Постправда и фейк-ньюс – значимые феномены современного информационного пространства, являются инструментами манипулирования общественным мнением искажения политической реальности в угоду внешним акторам.

Постправда представляет собой феномен, при котором эмоциональные аргументы и субъективные суждения становятся более значимыми, чем объективные факты. Этот термин был введен в научный оборот [2] для описания ситуации, когда истинность информации уступает место ее эмоциональной убедительности и идеологическим предпочтениям. Постправда характеризуется релятивизацией истины и доминированием нарративов, которые не соответствуют действительности, но резонируют с эмоциональными потребностями аудитории [3, с. 11].

В свою очередь, фейк-ньюс представляет собой намеренно искаженную или вымышленную информацию, распространяемую с целью манипуляции общественным мнением и дестабилизации политической системы. Фейк-ньюс можно классифицировать по следующим признакам [4]: мистификация, сатирические новости, манипулятивные новости. Мистификация: создание ложных событий или фактов. Сатирические новости: пародирование реальных новостей с целью развлечения. Манипулятивные новости: информация, представленная так, чтобы вызвать определенную эмоциональную реакцию.

Современные социальные сети стали основными платформами для распространения фейк-ньюс. Алгоритмы, которые оптимизированы для удержания внимания пользователей, способствуют усилению распространения недостоверной информации. В «информационном пузыре» пользователи получают информацию, подтверждающую их собственные убеждения, что делает их более восприимчивыми к фейк-ньюс.

Феномен постправды на основе использования фейк-ньюз стал неотъемлемой составляющей манипулирования общественным мнением, что особенно характерно для современных избирательных кампаний. Политики активно применяют эмоциональные лозунги, дезинформацию и манипулятивные техники для мобилизации избирателей и дискредитации оппонентов. Примером влияния фейк-ньюс на избирательный процесс являются выборы в США в 2024 году, где распространение ложной информации о кандидатах и событиях стало ключевым инструментом манипуляции общественным мнением [5]. Социальные сети и мессенджеры стали основными платформами для распространения дезинформации, что затруднило формирование объективной оценки. Среди избирателей постоянное распространение фейк-ньюс приводит к размыванию границ между достоверной информацией и пропагандой, что вызывает рост цинизма и недоверия к традиционным источникам новостей.

Люди начинают сомневаться в правдивости информации, что затрудняет принятие обоснованных решений и формирует фрагментарное восприятие политической реальности. Утрата доверия к СМИ представляет серьезную угрозу для общества, так как она снижает способность общественности к критическому осмыслению политической информации и делает его более уязвимым перед манипуляциями. В условиях информационного хаоса развитие медиаграмотности и критического мышления становится необходимым условием для противодействия фейк-ньюс и постправде.

Медиаграмотность предполагает умение анализировать информацию, проверять факты, выявлять признаки дезинформации и оценивать достоверность источников. Постправда и фейк-ньюс представляют собой значимые вызовы [1] для современного общества и требуют комплексного ответа на государственном уровне. Развитие медиаграмотности, населения Беларуси, усиление ответственности за распространение недостоверной информации и разработка новых этических стандартов являются ключевыми направлениями в борьбе с

этими явлениями. Только совместными усилиями государства, образовательных учреждений и представителей гражданского общества можно противостоять угрозам, связанным с манипуляцией информацией.

Библиографический список

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.
2. Keyes, R. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes. – New York : St. Martin's Press, 2004. – 325 p.
3. McIntyre, L. Post-Truth / L. McIntyre. – Cambridge, MA : MIT Press, 2018. – 240 p.
4. Архангельская, И. Б. Фейк-ньюс в доцифровую и цифровую эпохи / И. Б. Архангельская, А. С. Архангельская // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – № 3 (37). – С. 95–104.
5. Allcott, H. Social Media and Fake News in the 2016 Election / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of Economic Perspectives. – 2017. – № 2. – P. 211–236.

УДК 32.01

НОВЫЕ ПРАВЫЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

А. Н. Бобрик

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, доцент В. С. Михайловский

Выявлен генезис идеологии новых правых в Европе (Европейском союзе). Проанализированы основные идеологемы новых правых. Выявлена роль новых правых партий в современной европейской политической системе.

Ключевые слова: новые правые; евроскептицизм; популизм; национализм; миграция.

В условиях растущих миграционных волн в Европе усиливается влияние новых правых движений, основанных на антимиграционной риторике. Новые правые возникли в 1960-е гг. как реакция на новых левых. Их характерные черты включают антиглобализм, антилиберализм, критику модели «плавильного котла» и бесконтрольной миграции, а также идеи возрождения европейской культуры. Изначально новые правые не имели широкой популярности, но в XXI в. произошел политический сдвиг, известный как «правый поворот» в политике. Этот сдвиг был связан с кризисом неолиберализма и экономическим кризисом 2008 г., когда западные политические элиты не смогли эффективно справиться с глобальными вызовами. Разочарование европейского населения в правящих силах, неспособных решить проблемы, возникшие после миграционного кризиса 2015 г., способствовало росту влияния правых движений.

Ключевым атрибутом новых правых является национализм и протекционизм. Новые правые партии также акцентируют внимание на безопасности и

необходимости жестких мер для защиты граждан от угроз, связанных с миграцией и преступностью. Например, в Швеции каждый четвертый житель – мигрант, большинство из них не работают, что способствует росту преступлений и популярности новых правых.

Популизм новых правых партий позволяет им формулировать свои идеи доступно и привлекательно для избирателей. Одной из значимых характеристик новых правых является евроскептицизм, проявляющийся в критическом отношении к ЕС. Например, в Великобритании Консервативная партия, исторически известная своим евроскептицизмом, получила значительную поддержку на фоне недовольства граждан влиянием ЕС на национальную политику и экономику.

Традиционные политические партии в Европе реагируют на рост новых правых исходя из различных стратегий – от адаптации своих платформ до открытой конфронтации. Некоторые центристские и левые партии, осознавая популярность популистских идей, начинают интегрировать элементы этих программ, например, жесткую миграционную политику и акцент на национальные интересы. Христианско-демократический союз в Германии адаптирует свою платформу, фокусируясь на экономическом росте и более умеренной миграционной политике. В то же время другие партии, как Непокоренная Франция, дистанцируются от новых правых, осуждая их риторику как угрожающую демократическим ценностям. Эта поляризация создает напряженность в политическом ландшафте и может привести к изменению политических альянсов. На данный момент в Европарламенте на правых и ультраправых приходится 187 место из 720 возможных, что составляет одну четвертую всех мандатов.

Таким образом новые правые в современной Европе представляют собой важный политический феномен, возникший на фоне экономических трудностей, миграционных кризисов и культурных изменений. Эти партии акцентируют внимание на национальных интересах и безопасности, критикуя глобализацию, и привлекают избирателей, недовольных традиционными элитами. Традиционные партии вынуждены адаптироваться, что приводит к поляризации и изменению политических альянсов. Будущее Европы будет зависеть от способности обществ находить баланс между безопасностью и открытостью.

УДК 327

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. ДИНАМИКА И ДИСКУРС В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИИ

С. Д. Будник

студентка 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент А. С. Писарчик

В статье анализируется Стратегия национальной безопасности США 12 июня 2022 года, а также публикация Дональда Трампа в социальной сети Truth Social от 19 сентября 2025 года методом контент-анализа.

Ключевые слова: США; Америка; Китай; КНР; контент-анализ; Стратегия национальной безопасности.

В Стратегии национальной безопасности США 2022 года слово «Китай встречается 10 раз, «КНР» – 32, Пекин – 5. Америка – 93 раза, Соединенные штаты – 93, угроза – 66, сотрудничество – 34, конкуренция – 24 [1].

В документе присутствует элемент срочности, так как встречаются фразы «решающее десятилетие» («decisive decade»), не только в контексте отношений с Китаем, но и Америки в целом. Создается вектор движения Америки на последующие годы. Отсюда присутствует иерархия угроз. В Приоритете 2.1.1 первой страной упоминается Китай. До этого отдельно страны не выносились в пункты глав. «Эта стратегия признает, что КНР представляет собой наиболее значимую геополитическую угрозу для Америки» (this strategy recognizes that the PRC presents America's most consequential geopolitical challenge.») [1, с. 13]. Так же на протяжении всей стратегии происходит сравнение с Россией (Приоритет 2.2), однако «Китай» в предложении чаще стоит как первое слово. Китай воспринимается как глобальный и системный соперник, Россия – как региональный, не имеющий такой силы без КНР.

Согласно тексту Стратегии, действия США в отношении КНР: инвестировать и согласовывать. Что касаемо инвестирования, в данном контексте идет речь об укреплении собственной конкурентоспособности, устойчивости. Согласование – внешняя политика. Конкуренция подразумевает «защиту своих интересов», взаимодействие в мировом поле, отстаивая «видение своего будущего».

Провозглашается новая правовая доктрина в отношении Китая: интегрированное сдерживание (комплексный метод, предполагающий сочетание военных, дипломатических, экономических инструментов для убеждения, что издержки враждебной деятельности Китая превышают пользу). В документе активно используются ценностные рамки, представляя конфликт как идеологический. Касательно глобальных вызовов в Стратегии фиксируется фундаментальное различие в подходах по общим проблемам. Вводится понятие о «связывании вопросов».

Стоит обратить внимание, что на момент подписания Стратегии национальной безопасности США 2022 года президентом Штатов был Джо Байден, то есть приоритетно отражалась его личная позиция касаемо взаимодействия с КНР.

19 сентября 2025 года между Си Цзиньпином и Дональдом Трампом состоялся телефонный разговор, после которого президент Соединенных Штатов опубликовал пост в собственную социальную сеть Truth Social [2].

В сообщении выделяются 4 основных блока вопросов, по которым, по словам Трампа, был достигнут прогресс:

1. Торговля (Trade): Упоминается первой в списке, что указывает на ее приоритетность в американо-китайском диалоге.

2. Борьба с фентанилом (Fentanyl): Рассматривается как отдельная и критически важная для США проблема, требующая взаимодействия с Китаем.

3. Война в Украине (the War between Russia and Ukraine): Позиционируется как проблема, требующая совместного урегулирования. Формулировка «the need to bring the War… to an end» подчеркивает общую ответственность и роль лидеров.

4. Сделка по TikTok (the TikTok Deal): Выделена в отдельную категорию и упомянута дважды, что свидетельствует о ее высокой символической и, вероятно, политической значимости для Трампа.

Тональность и риторика сообщения крайне позитивная и конструктивная. Трамп последовательно использует усилительные прилагательные и оценки: «very productive call» (очень продуктивный разговор), «very important issues» (очень важные вопросы), «very good one» (очень хороший разговор). Акцентируется внимание на личные договоренности и отношения. Фразы «I agreed with President Xi» (я договорился с Председателем Си) и «we would meet» (мы встретимся) выстраивают повестку прямого, рабочего взаимодействия на высшем уровне.

Сообщение выстраивает четкую систему будущих контактов. То есть в краткосрочной перспективе – встреча на саммите в АТЭС в Южной Корее, в среднесрочной перспективе – визит Трампа в Китай в начале следующего года, в долгосрочной перспективе – ответный визит Си Цзиньпина в США.

Подход Байдена к Китаю, изложенный в Стратегии, является конфронтационным и делает акцент на сдерживании через блоки стран. В отличие от этого, тактика Трампа основана на гибкости и ориентируется на прямые двусторонние сделки по конкретным вопросам. Это создает непредсказуемую и зависимую от личности президента динамику в американо-китайских отношениях.

Библиографический список

1. National Security Strategy : офиц. док. – Washington : The White House, 2022. – 48 с.

2. Truth Social: сообщение Дональда Трампа [Электронный ресурс] // Truth Social. – URL: https://truthsocial.com/@realDonaldTrump/115231649861246548 (дата обращения: 07.10.2025).

3. Политический анализ и прогнозирование : учеб. пособие / под ред. А. С. Ахременко. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 432 с.

УДК 321.728

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

Я. Ю. Давыденко

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент С. Г. Паречина

В статье анализируются актуальные вопросы функционирования ВНС, связанные с отсутствием постоянного Регламента ВНС и переносом второго заседания ВНС.

Ключевые слова: Всебелорусское народное собрание; Регламент; Правительство.

Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС), конституционализированное по результатам республиканского референдума 25 февраля 2022 г., представляет собой мета-институт, функционирующий в условиях гибридной политико-правовой природы. Деятельность ВНС регулируется Конституцией Республики Беларусь, а также Законом Республики Беларусь от 7 февраля 2023 г. № 248-З «О Всебелорусском народном собрании». Конституция определяет возложенные на ВНС конституционные функции, однако Закон о ВНС не устанавливает конкретных политико-правовых механизмов их реализации. Проблема разрешима путем утверждения Регламента ВНС, который предусмотрел бы конкретные формы деятельности ВНС и его делегатов, так как с момента проведения первого заседания ВНС в качестве конституционного высшего представительного органа народовластия Республики Беларусь 24 апреля 2024 г. действует Временный регламент ВНС, что на наш взгляд, является главной проблемой функционирования ВНС и его органов.

В соответствии с частью 1 статьи 894 Конституции, ВНС заседает не реже одного раза в год. На заседании Президиума ВНС 11 февраля 2025 г. было объявлено о том, что второе заседание ВНС пройдет в апреле, делегаты заслушают на нем Послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию, отчет Премьер-министра о выполнении Программы социально-экономического развития (далее – Программа), примут ряд кадровых решений и утвердят Программу на новую пятилетку [1], однако заседание не состоялось. Отметим, что об утверждении Регламента ВНС или, по крайней мере, о рассмотрении его проекта на заседаниях Президиума ВНС не объявлялось. Кроме того, анализ информационного пространства продемонстрировал, что упоминаемость и обсуждаемость ВНС в СМИ связаны непосредственно с проведением первого заседания ВНС и заседаний Президиума ВНС. В периоды между заседаниями информационная активность вокруг ВНС отличается крайне низким уровнем, что предотвратило всеобщее обсуждение проблемы несостоявшегося в апреле 2025 г. заседания ВНС и обусловило преимущественно экспертный характер изучения данной проблематики. Вместе с тем, это свидетельствует о недостаточном уровне информированности граждан о деятельности ВНС.

На наш взгляд, перенос заседания ВНС связано главным образом с назначением нового Премьер-министра. Возглавивший 10 марта 2025 г. Совет Министров А.Г. Турчин, занимавший ранее должность председателя Минского областного исполнительного комитета, объективно не мог в полной мере нести перед делегатами ВНС ответственность за выполнение Программы и выступать с соответствующим отчетом. Однако Правительство в таких условиях создало прецедент отчетности вне заседания ВНС: 30 мая 2025 г. с докладом об итогах социально-экономического развития страны перед делегатами ВНС от судебной власти в Верховном Суде выступил Первый заместитель Премьер-министра Н.Г. Снопков [2].

Кроме того, продолжается подготовка проекта Программы на 2026-2030 гг. Ряд кадровых решений Президента в отношении Правительства, исполнение

соответствующих парламентских контрольно-надзорных полномочий обусловили более долгий процесс подготовки и согласования проекта Программы. В соответствии с распоряжением Президента, для доработки Программы образована рабочая группа из числа делегатов ВНС, действующих и бывших руководителей органов власти, организаций реального сектора экономики, ученых, которую возглавил Председатель Правления Национального банка, экс-Премьер-министр Р.А. Головченко [3].

Таким образом, несмотря на организационные сложности, заседание ВНС, в соответствии с Конституцией, необходимо провести до конца 2025 г. с целью утверждения Регламента ВНС, который упорядочит деятельность ВНС, его делегатов и оптимизирует механизмы взаимодействия и взаимоконтроля институтов власти в сфере государственного управления. Не менее важно заслушать Послание Президента и отчет Премьер-министра, утвердить Программу социально-экономического развития на 2026-2030 гг.

Библиографический список

1. Заседание Президиума Всебелорусского народного собрания // Президент Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-prezidiuma-vsebelorusskogo-narodnogo-sobrania-1739261628 (дата обращения: 07.10.2025).

2. В Верховном Суде представили концепцию Программы социально-экономического развития страны на пятилетку // Верховный Суд Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/75bb78db738b4f68.html (дата обращения: 07.10.2025).

3. Единый документ о будущем страны. Как планируют доработать проект программы соцэкономразвития на 2026–2030 годы // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 2025. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/october/90393/?ysclid=mghvd44qxi175962226 (дата обращения: 07.10.2025).

УДК 323.111

«КВЕБЕК: 30 ЛЕТ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА 1995 Г. О НЕЗАВИСИМОСТИ

Я. Ю. Емельяненко

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: старший преподаватель Г. А. Острога

Исследование анализирует политические взгляды современной молодежи Квебека и их динамику, отношение к суверенитету. Выявлен интерес к своей культурной идентичности и социально-экономическому развитию при снижении поддержки независимости. Результаты важны для оценки политической ситуации в провинции.

Ключевые слова: Канада; Квебек; молодежь; независимость; суверенитет; политическая повестка.

Референдум 30 октября 1995 г. о независимости Квебека, где 49,42% избирателей высказались за суверенитет, стал переломным моментом в истории

провинции, ознаменовав собой кульминацию многолетней борьбы за самоопределение. Для современной молодежи это – лишь отголоски истории, а не личный опыт. Данное исследование анализирует динамику политических убеждений молодого поколения квебекцев за последние 30 лет, сосредотачиваясь на отношении к суверенитету, формировании идентичности и специфике политического участия.

Вопреки результатам последнего референдума, в XXI в. национальный вопрос продолжает занимать центральное место в политической жизни Квебека. Однако, при теоретической значимости вопроса о самоопределении, с конца XX в. молодежь демонстрирует все более низкую электоральную активность [1]: так, в 2022 г. проголосовало только 54,3% молодых людей в возрасте 18–24 лет, по сравнению с 78,1% среди старших поколений (65–74 лет).

Опросы общественного мнения [2, 3] демонстрируют значительную поддержку идеи суверенитета среди молодежи (около 48–56% среди 18–34 лет). По мнению аналитиков, данный всплеск связан с ослаблением привязанности к канадской идентичности и недостаточным доверием к федеральному правительству. Однако эта статистика не сказывается на электоральном поведении, что создает парадокс: декларируемая поддержка независимости не сказывается на участии в провинциальных выборах.

Политические взгляды молодого поколения Квебека формируются под влиянием ряда факторов [4, с. 1, 3]: социально-экономическое положение семьи, уровень образования, место проживания и гражданская активность. Особую роль играют социальные сети, ставшие важной платформой для культурного самовыражения и политической мобилизации франкоканадцев. По мнению экспертов, возрождение интереса к суверенитету связано с продвижением квебекского контента в онлайн–среде, особенно в TikTok и Instagram [2].

При низкой явке на выборах, молодежь активно участвует в других формах политической деятельности, таких как протесты и петиции, что наблюдается в исследовании с 2013 по 2020 г.[5].

Таким образом, политические взгляды нового поколения характеризуются сложным сочетанием факторов: поддержкой суверенитета, культурной идентичностью и разочарованием в федеральной политике, низкой электоральной активностью. Это указывает на необходимость переосмысления форм политического участия и поиска новых каналов коммуникации с молодежью. Понимание этих процессов имеет решающее значение для прогнозирования политического развития Квебека и Канады.

Библиографический список

1. Participation aux élections provinciales // Québec. Vitrine statistique sur les jeunes de 15 à 29 ans. – URL: statistique.quebec.ca/vitrine/15-29-ans/theme/citoyennete/participation-elections-provinciales (дата обращения: 02.10.2025).

2. Authier, P. More and more Quebec youth support independence / P. Authier // The Gazette. – URL: https://montrealgazette.com/news/more-and-more-quebec-youth-support-independence-poll-says (date of access: 02.10.2025).

3. Une remontée sentie de l'appui à la souveraineté // Sondage Léger-TVA-le Journal. – URL: https://www.journaldequebec.com/2025/06/25/sondage-un-nouvel-engouement-des-jeunes-pour-la-souverainete (дата обращения: 04.10.2025).

4. Groleau, A. Une analyse longitudinale des facteurs associés à la participation électorale des jeunes nés au Québec / A. Groleau, V. Nanhou // Étude longitudinale du développement des enfants du Québec. – 2022. – Vol. 9, fascicule 4.

5. Participation à des activités politiques non électorales // Québec. Vitrine statistique sur les jeunes de 15 à 29 ans. – URL: https://statistique.quebec.ca/vitrine/15-29-ans/theme/citoyennete/participation-activites-politiques-non-electorales (дата обращения: 04.10.2025).

УДК 323.1

СОВРЕМЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. М. Золотенко

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. ист. наук К. С. Разуванова

Рассмотрено положение основных национальных диаспор в Могилевской области, их численность и доля среди населения Республики Беларусь. Указаны состояние организации, объединения наиболее массовых национальных сообществ и основные направления их деятельности, а также вклад в поддержание межнационального согласия.

Ключевые слова: Могилевская область; национальные диаспоры; этнокультурные сообщества; общественные объединения; национально-культурная деятельность.

Могилевская область по праву считается многонациональным краем: на ее территории проживают представители различных диаспор. В регионе активно действует ряд общественных объединений, представляющих различные национальности.

По данным Уполномоченного по делам религий и национальностей (2019) в Могилевской области проживает 86 256 русских, что составляет 7,8% от общей численности населения области [1]. Русские национальные общности стали формироваться в регионе в начале XXI в. Так, в 2008 г. образовалось областное общественное объединение «Русский дом», в 2010 г. было создано «Русское культурно-просветительское общество». Организации тесно сотрудничают со многими зарубежными и могилевскими сообществами при проведении мероприятий и имеют организационную и информационную поддержку подразделений Могилевского горисполкома, финансовую поддержку Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь [2, с. 264].

Согласно сведениям Уполномоченного по религиозным вопросам и национальной политике за 2019 год, в Могилевской области насчитывается 13 110 украинцев, что составляет примерно 1,2% от общего числа жителей региона [1]. С 1991 года в Беларуси действует украинская общественная организация под названием «Ватра». Культурно-образовательное сообщество украинцев из Могилева «Дніпро» получило регистрацию в 2003 году и является частью республиканской организации «Ватра». Основная задача общества «Дніпро» – поддержка развития и сохранения украинской культуры и языка,

а также их возрождение. Эта украинская организация участвует в работе Координационного совета общественных и национальных объединений, политических партий и профсоюзов Могилева вместе с представителями армянской, грузинской, азербайджанской, еврейской и других диаспор [3].

Третье место по численности занимают поляки – 1731 человек или 0,2 % от общего числа населения Могилевской области [1]. На 2016 год в Могилевской области было зарегистрировано 2 польских общественных объединения. Объединение «Дом Польский» определяется прежде всего как клуб любителей польского языка и культуры. В Доме Польском работает библиотека, молодежный клуб «Nowa Fala». Активную культурно-просветительскую деятельность осуществляет также Могилевский городской отдел общественного объединения «Союз поляков на Беларуси» [4].

В Могилевской области проживает 1 461 человек, принадлежащий к еврейской общине, что соответствует 0,1% общего числа жителей региона [1]. Здесь функционирует более двух десятков еврейских организаций и сообществ, включая городской филиал Белорусского объединения ветеранов ВОВ еврейской национальности, городскую структуру Белорусской ассоциации евреев, переживших гетто и лагеря смерти, центр «Хесед Борух», спортивный клуб «Маккаби», еврейскую школу выходного дня, представительство ортодоксальной ветви иудаизма, религиозную группу «Эзра», клуб для еврейских семей и другие [5].

На территории Могилевской области действуют также местные объединения других национальных групп: областное благотворительное армянское общественное объединение «Масис», городское общественное объединение «Грузинская община «Иберия», Бобруйское городское общественное объединение «Азербайджанская община «Ватан», областное общественное объединение «Азербайджанская община «Азери», общественное объединение «Бобруйская городская еврейская община», общественное объединение «Еврейское благотворительное объединение Могилевской области «Рахамим» [6].

Национальные диаспоры и деятельность их организаций в Могилевской области являются значимой частью этнокультурной жизни региона и вносят существенный вклад в интеграцию многонационального белорусского общества. Исследование состояния национальных диаспор и деятельности их объединений способствует формированию условий для полноценного развития национальных сообществ в Республике Беларусь и реализации адекватной этнонациональной политики.

Библиографический список

1. Национальный состав населения Могилевской области // Уполномоченный по делам религии и национальностей. – URL: https://belarus21.by/Articles/1458135471 (дата обращения: 05.10.2025).

2. Сидоренко, Б.И. Русская диаспора Могилева: опыт внешнеполитического взаимодействия Беларуси и России на рубеже XX–XXI веков / Б.И.Сидоренко // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX – начало XXI в.): материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 25-26 апреля 2013 г. – Витебск, 2013. – С. 263–266.

3. Мультикультурный Могилев. Украинская диаспора на Могилевщине: от казаков Богдана Хмельницкого до наших дней // МОГИЛЕВОНЛАЙН. – URL: https://mogilev.online/2023/02/28/multikulturnyj-mogilev-ukrainskaya-diaspora-na-mogilevshhine-ot-kazakov-bogdana-hmelniczkogo-do-nashih-dnej.html (дата обращения: 05.10.2025).

4. Мультикультурный Могилев: как жили и живут бок о бок белорусы и поляки // МОГИЛЕВОНЛАЙН. – URL: https://mogilev.online/2023/02/08/kak-zhili-i-zhivut-bok-o-bok-

belorusy-i-polyaki-rasskazyvaem-neprostuyu-istoriyu-polskogo-naczionalnogo-menshinstva-v-mogileve.html (дата обращения: 05.10.2025).

5. Евреи в Могилеве // Циклопедия. – URL: https://cyclowiki.org/wiki/Евреи_в_Могилеве (дата обращения: 05.10.2025).

6. Список действующих местных общественных объединений, зарегистрированных главным управлением юстиции Могилевского облисполкома // Главное управление юстиции Могилевского облисполкома. – URL: https://mogjust.gov.by/governance/str/state-reg-usr/obsh-fond/948-spisok-dejstvuyushchikh-mestnykh-obshchestvennykh-ob-edinenij-zaregistrirovannykh-glavnym-upravleniem-yustitsii-mogilevskogo-oblispolkoma (дата обращения 06.10.2025).

УДК 328

ФЕНОМЕН КРИЗИСА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Г. Е. Кирьянов

студент 2 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Е.П. Ермолович

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа исторических прецедентов кризиса демократических институтов в условиях современных политических вызовов. Веймарский случай представляет собой классическую модель системного кризиса парламентаризма, изучение которого позволяет выявить универсальные механизмы разрушения демократических систем.

Ключевые слова: парламентаризм; Веймарская республика; институт президентства; демократия; общество.

Веймарская республика стала примером того, как формально демократическая конституция может быть использована для легитимации собственного демонтажа. Этот исторический опыт сохраняет свою научную и практическую ценность для понимания современных политических процессов и выработки механизмов защиты конституционных порядков.

Материал и методика исследования включают анализ исторических источников, и научных трудов таких авторов, как Гинцберг, Шмитт и Патрушев. Особое внимание уделялось анализу практики применения статьи 48 Веймарской конституции и её влияния на баланс власти между законодательными и исполнительными институтами.

Решение поставленных задач осуществлено через комплексное исследование трёх взаимосвязанных аспектов кризиса: институционального, социально-экономического и политико-культурного. Установлено, что системная дисфункция парламентаризма в Германии 1929-1933 годов проявлялась в последовательной утрате Рейхстагом законодательной монополии, хронической неспособности формировать стабильные правительственные коалиции и постепенном переносе центра принятия стратегических решений в институт президентства. Критическим моментом стало формирование так называемой системы

«президентских кабинетов», которые управляли страной через чрезвычайные декреты, что фактически означало конституционное устранение парламента от власти. [2, с. 169-205]

Полученные результаты свидетельствуют о том, что кризис парламентаризма в Веймарской республике был предопределён сложным комплексом взаимосвязанных факторов. Среди них ключевое значение имели институциональные «ловушки» Веймарской конституции, в особенности противоречивая статья 48, предоставлявшая президенту широкие чрезвычайные полномочия. Существенную роль сыграла пропорциональная избирательная система, способствовавшая крайней фрагментации партийного спектра и параличу коалиционного строительства. Социально-экономические потрясения, включая гиперинфляцию 1923 года и последствия Великой депрессии 1929-1933 годов, стали мощным катализатором радикализации общества. Важным фактором стало отсутствие прочной демократической традиции и сохранение влияния старых элит, враждебно настроенных к республиканскому строю [1, с. 13–48].

Выводы исследования позволяют утверждать, что кризис парламентаризма в Веймарской республике носил тотальный характер, поразив институциональные, партийно-политические и социокультурные основы демократии. Веймарский опыт служит суровым предостережением о том, что юридическое совершенство конституционных норм не является гарантией устойчивости демократии без наличия прочной политической культуры и готовности элит защищать конституционный строй [1, с. 13–48; 3, с. 112–145].

Практическая значимость работы заключается в выявлении универсальных маркеров кризиса парламентаризма и анализе механизмов его развития, что может быть использовано для диагностики современных политических процессов и разработки превентивных мер по защите конституционных порядков. Исследование веймарского опыта позволяет лучше понять природу современных вызовов демократии и выработать эффективные механизмы противодействия авторитарным тенденциям.

Библиографический список

1. Шмитт, К. Духовно-историческое положение современного парламентаризма / К. Шмитт. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2000. – 336 с.

2. Патрушев, А. И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель / А. И. Патрушев. – М.: Издательство Московского университета, 2009. – 512 с.

3. Гинцберг, Л. И. На пути к имперской канцелярии: Германский фашизм рвется к власти / Л. И. Гинцберг. – М.: Издательство «Наука», 1972. – 376 с.

УДК 323.23

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕСЕНТИМЕНТА В ПОЛИТИКЕ

С. Е. Колмыков

студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Е. Г. Абраменко

В статье формулируются формы выражения ресентимента в политике, на основе которых моделируются конкретные полюса. На основе анализа опыта отдельных государств делается вывод, что ресентимент является сильным мотивационным явлением, способным представлять экзистенциальную угрозу стабильному государственному развитию, сдерживать который способны морально-этические ценности общества.

Ключевые слова: ресентимент, «золотой век», национализм, ксенофобия, светлое отображение будущего, утопизм, радикализм, мораль.

Ресентимент – чувство враждебности к тому, кого субъект считает причиной своих неудач [3, с. 296]. Начало интеграции философского понятия «ресентимент» в политологии заложил М. Шелер в своей работе «Ресентимент в структуре морали» (1912 г.). Человеческое общество, в частности социально-классовые отношения, полностью пронизаны ресентиментом. В истории европейской цивилизации главным сдерживающим фактором конфликта были морально-этические ценности, основанные на христианской религии. Однако, «высшие» слои, переступая через порог морали, использовали ресентимент в политических целях. В политическом контексте можно выделить две формы использования ресентимента: внешне-ориентированная и внутренне-ориентированная. На данном основании можно обозначить систему полюсов: внешнее латентное возмездие – внешнее открытое возмездие; внутреннее латентное возмездие – внутреннее открытое возмездие.

Полюс «внешнего латентного возмездия» один из наиболее простых в легализации. Если поднимаемая повестка достаточно крупная, формируется лагерь государств, поддерживающих ресентиментарную сторону. Подобная поддержка формируется на основе внутринациональной проекции светлого прошлого. Главная особенность – государство не выстраивает достаточно жесткую вертикаль, обеспечивающую причинно-следственными связями «золотой век» и тяжелую реальность, чем могут воспользоваться другие политические силы в своих целях. Например: ресентимент с Рисорджименто, был использован фашистским движением, позволившим ему захватить власть в Италии [2, с. 47]. Движущая сила– национализм.

Полюс «внешнего открытого возмездия», один из самых проблематичных в получении международного одобрения. Причина - выстроенная догматическая система причинно-следственных связей, которая ставит во главу угла «национальную трагедию» – потеря «золотого века». Главная особенность – в случае достижения политических целей, ресентимент ложится в основу управления на захваченных территориях; в случае недостижения, он долгое время будет актуальной повесткой. Например, в современной Венгрии дата подписания Трианонского договора – 4 июня, отмечается как «День венгерского национального единства» [1, с. 90]. Движущая сила – ксенофобия.

Полюс «внутреннего латентного возмездия» один из наиболее широко распространяемых среди населения страны. Ввиду отсутствия цели «золотого

века», акценты ставятся на положительном изображении будущего. Не отрицается применение насилия для его достижения. Примеряя штампы утопизма, лидеры, использующие ресентимент, пытаются привлечь на свою сторону симпатии международного сообщества. Главная особенность – трансформация в другие формы. Например, движение красных кхмеров в Камбодже, имея социальный характер, через некоторое время обрело ультранационалистический характер [5, с. 364-367]. Движущая сила – утопизм.

Полюс «внутреннего открытого возмездия» является самым разрушительным. Формируется восприятие «тяжелого сегодня» при существовании «золотых веков». Не ведется поиск международной поддержки, ведь «внутренние враги» напрямую связаны с «внешними». Главная особенность – все полюсы возмездия ведут к «внутреннему открытому возмездию». Например, немецкий народ прошел долгий путь от «внешнего латентного возмездия» через «внешнее открытое возмездие» к этому полюсу, кульминацией воплощения которого стал режим А. Гитлера [4]. Движущая сила – радикализм.

Основной формой выражения ресентимента является любая деятельность, затрагивающая идеи национализма, утопизма, радикализма и ксенофобии. Важно понимать, что открытые формы ресентимента проявляются на последней стадии развития проблемы, для предотвращения необходимо разумное регулирование со стороны государства, ставящее в основу своей политики мораль. Ресентимент – бесспорно мощный стимул к действию, который способен уничтожить всякого прибегающего к его использованию.

Библиографический список

1. Гриднева, А. О. «Трианонская травма» и ее интерпретации в XXI веке / А. О. Гриднева // Славянский мир: общность и многообразие. – 2024. – №. 1. – С. 87–92.

2. Лопухов, Б. Р. Послевоенный кризис и фашистская диктатура в Италии (1919-1929 гг.) / Рахшмир П., Пожарская С., Горошкова Г., Гинцберг Л., Давидович В. // История фашизма в Западной Европе. – М.: «Наука», 1978. – 601 с.

3. Ницше, Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.

4. Приход Гитлера к власти в Германии // Энциклопедия Холокоста / Мемориальный музей Холокоста Соединенных Штатов. – URL: https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/hitler-comes-to-power (дата обращения: 17.11.2025).

5. Kiernan, B. How Pol Pot came to power : colonialism, nationalism, and communism in Cambodia, 1930-1975 / B. Kiernan. – 2nd ed. – New Haven ; London : Yale University Press, 2004. – 430 p.

УДК 323.2

ПРОБЛЕМА ПАТЕРНАЛИЗМА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВАХ

Б. М. Коноплёв

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, доцент В. С. Михайловский

Изучено как патернализм в социалистических обществах может обеспечивать социальные гарантии, формируя при этом подданническую политическую культуру. Патернализм изучен как инструмент баланса между эффективностью государства и автономией личности.

Ключевые слова: патернализм; социалистическое общество; государство; свобода личности; социальные институты; общественные отношения.

Патернализм – система отношений, при которой государство выступает в роли «опекуна» общества. Патернализм как имманентная общекультурная категория характерен для всего человечества, однако именно в странах «развитого социализма» этот механизм был полноценно институционализирован через партийно-государственный контроль, плановую экономику и идеологическую мобилизацию [1, с. 43–54]. «Патернализм» имеет множество определений, которые зачастую идеологизированы [2, с. 79–80]. Так, в рамках неолиберального дискурса сложилось отрицательное отношение к патернализму как к избыточному вмешательству государства в процесс свободного выражения предпочтений индивида. Вместе с этим критика излишнего угнетения индивидуалистических ценностей и принятия коллективных решений объясняет гармоничное присутствие патернализма именно в социалистических обществах.

Рассматривая опыт Советского Союза, важно отметить, что на государственном уровне вопрос о патерналистской сути взаимоотношений между партией и рабочим классом никогда не поднимался, а сам патернализм рассматривался строго негативно, как своеобразный трудовой договор исключительно между буржуазией и пролетариатом. Советский исследователь В. И. Усенин, выражая общепринятые в научной среде позиции, отмечал, что патернализм является «одной из наиболее старых буржуазных доктрин, отражающей элементы ещё полуфеодальных отношений» [3, с. 30]. Однако в советском обществе государство и партийный аппарат не просто «подталкивали» индивида к определённым социальным действиям, но и в целом определяли парадигму общественных отношений. Предоставляя гражданам гарантированную трудовую занятость, обеспеченность социальными льготами и даже самостоятельно определяя правила поведения и деятельности «подопечных» («Моральный кодекс строителя коммунизма»), государство взяло на себя полноценную роль «патера». Это напрямую вытекает из сильного государственного аппарата, который был характерен для СССР. В разные этапы своего существования советское государство использовало разные способы культурной легитимации своего устройства.

Подобные процессы можно было наблюдать в различных социалистических обществах, в том числе в Китае, КНДР, Югославии, где для легитимации и обоснования патернализма, личность правителя буквально наделялась аллегорическим родством с гражданами через парадигму «великого кормчего» или «маршала-отца». Отсюда возникает главная проблема многих ныне существующих социалистических обществ, в которых патернализм воспринимается как

естественный, системообразующий и неограниченный принцип существования государства, что при отсутствии гражданского общества ведёт к развитию подданнического типа культуры, снижению гражданской инициативы, формированию инфантилизма общественных институтов [4, с. 145].

Таким образом, патернализм в социалистических обществах сочетает социальную защищённость с ограничением гражданской инициативы. Однако, если представить государство, в котором цели индивида и цели общества полностью совпадут, проистекая из общечеловеческих экзистенциальных потребностей [5, с. 401–408], патернализм сможет стать действенным механизмом регулирования общественных отношений и формой эффективной заботы о гражданах.

Библиографический список

1. Чубарова, Т. В. Патернализм в современном обществе: от продуктовых карточек до безусловного дохода / Т. В. Чубарова // Общественные науки и современность. – 2017. – № 6. – С. 43–54.

2. Лубский, Р. А. Патернализм как предмет научного дискурса / Р. А. Лубский //Философия права. – 2012. – № 5 (54). – С. 79–80.

3. Усенин, В. И. Социальное партнерство или классовая борьба? / В. И. Усенин. – 1-е изд. – М.: Наука, 1968. – 271 с.

4. Рубинштейн, А. Я. Патерналистское государство и гражданское общество / А. Я. Рубинштейн, Р. С. Гринберг, А. Е. Городецкий // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 5. – С. 142–148.

5. Жуков, В. Н. Э. Фромм: человек как экзистенциальная проблема / В. Н. Жуков // Образование и право. – 2024. – №. 9. – С. 401–408.

УДК 323

ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Д. Красногурцева

студент 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Е. П. Ермолович

В статье рассматривается образование как социальный институт и инструмент государственной политики. Анализируются механизмы её влияния, современные тенденции и белорусский опыт. Показана ценность образования для развития человеческого потенциала и реализации стратегических целей государства.

Ключевые слова: Республика Беларусь; образование; идеологическое воспитание; Кодекс об образовании; человеческий капитал.

Образование является важным социальным институтом, выполняющим ключевую роль в формировании человека как социального индивида, а также в подготовке кадрового и интеллектуального ресурса страны. Принятые государ-

ственными органами решения формируют не только объём ресурсного обеспечения отрасли, но и её стратегические цели, задачи и идеологическую направленность как элемент политической и идеологической системы государства.

К механизмам политического влияния можно отнести:

1) Законодательное и нормативное регулирование.

2) Финансирование.

3) Идеологический и ценностный компонент. Согласно Директиве Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 года «О реализации основ идеологии белорусского государства», уже в процессе получения среднего образования у школьников должна закладываться прочная идейная основа, способствующая единству общества, укреплению национальной идентичности и развитию страны [1]. В условиях реализации этих тенденций государственная политика Республики Беларусь в сфере высшего образования опирается на принципы государственно-общественного характера управления, равного доступа к образовательным программам [2].

Важным направлением государственной политики является также регулирование образовательной среды в целях повышения эффективности учебного процесса. Например, постановлением Министерства образования Республики Беларусь № 136 от 1 августа 2025 г. введено ограничение на использование мобильных телефонов в учреждениях общего среднего образования. Согласно постановлению, данная мера направлена на создание благоприятной образовательной среды и снижение отвлекающих факторов, что способствует повышению концентрации учащихся на учебной деятельности [3].

Важным событием в образовании является столетие юридического факультета ведущего университета Республики Беларусь – Белорусского государственного университета. За период своего становления факультет неоднократно переименовывался, реорганизовывался, однако неизменно сохранял статус ведущей Alma Mater для подготовки юристов и политологов страны [4].

Анализ современного состояния образовательной системы позволяет сделать вывод о том, что образование функционирует не только как инструмент передачи знаний, но и как значимый ресурс реализации политического курса государства.

Библиографический список

1. О реализации основ идеологии белорусского государства: Директива Президента Республики Беларусь, 9 апреля 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 26.09.2025).

2. О Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2030 года / Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 ноября 2021 г., № 683 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100683 (дата обращения: 26.09.2025).

3. Об изменении постановления Министерства образования Республики Беларусь от 3 августа 2022 г. № 227 : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 1 августа 2025 г., № 136 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22543702 (дата обращения: 26.09.2025).

4. Торжественная церемония открытия цикла мероприятий, приуроченных к 100-летию юридического факультета 09.09.2025 // Юридический факультет БГУ.. – URL: https://law.bsu.by/novosti/novosti-razdela-vospitanie/17296-torzhestvennaya-tseremoniya-otkrytiya-meropriyatij-priurochennykh-k-100-letiyu-yuridicheskogo-fakulteta.html (дата обращения: 26.09.2025)

УДК 34

КОЛЛЕКТИВНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ОСНОВА СПЛОЧЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ

В. С. Крегул

курсант 2 курса факультета милиции
УО «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Научный руководитель: канд. полит. наук Р. Н. Козыренко

В статье рассматриваются основные положения предложенной российским политическим философом А.С. Панариным концепции коллективного символического капитала. Делается вывод о возможности использования данной концепции для выявления основы сплочения белорусской нации.

Ключевые слова: общество, коллективный символический капитал; габитус; белорусская нация; идеология белорусского государства.

В условиях многообразия социально-политических изменений начала XXI в. одним из актуальных направлений отечественной политической науки является изучение морально-духовных ценностей и идеалов, составляющих основу белорусской нации: «Кристаллизация белорусского «Я», сохранение самобытности, оригинальности и неповторимости культурно-цивилизационного феномена Беларуси… выступают необходимым условием развития нашей национальной культуры, а на ее базе – белорусской государственности» [1, с. 66].

Поиск ответа на вопрос об основе сплочения белорусской нации требует привлечения соответствующей методологии познания ее духовно-культурных традиций и ценностей.

Российским политическим философом А. С. Панариным разработан концептуальный подход, позволяющий выявить ценности и основанные на них индивидуальные и коллективные практики, которые могут служить инструментом сплочения человеческого общества без применения административного или экономического принуждения.

По мысли А. С. Панарина, в области социокультурной организации человеческих сообществ действуют законы культурной экономии, аналогичные законам политической экономии: выигрывают те человеческие сообщества, которые тратят меньше времени на взаимное согласование действий, на взаимное разъяснение коллективных целей, на то, чтобы общественно полезные действия совершались людьми с минимальным психологическим напряжением [2, с. 192].

Инструментом людского социального сплочения выступает социально-мобилизованная духовность. Для того, чтобы объединиться в собственно человеческом смысле, людям надо иметь коллективный символический капитал: общие ценности и общую память, в совокупности составляющие их общую духовную собственность – ценности, которые объединяют людей без принуждения и которые они готовы сообща защищать [2, с. 191].

Помимо общей духовной собственности, людей в собственно человеческом смысле объединяют: общая память – обычаи, которым следуют, не рассуждая, и продолжающие служить образцами культурные герои; габитус – способ согласования практик человека с заветами коллективной памяти, ставшими культурной нормой, с одной стороны, и коллективными целями и проектами – с другой [2, с. 191].

Свои рассуждения об основе объединения людей в собственно человеческом смысле, А. С. Панарин завершает следующим выводом: людей в обществе объединяет коллективная культурная собственность – совместное прошлое, ценности и традиции. Если в обществе оставляют лишь те связи, которые являются индивидуально выгодными, общество начинает распадаться [2, с. 196].

Использование подхода А. С. Панарина к исследованию духовно-культурных традиций и ценностей белорусской нации позволяет выявить не только основу ее сплочения, но также выделить ядро этой основы – устоявшиеся представления, которые развиваясь на опыте поколений, сохранились до наших дней и обусловливают принадлежность белорусской нации к семье народов восточнославянской цивилизации.

Значимость выделения этого ядра объясняется также тем, что составляющие его представления являются частью культурно-исторического компонента идеологии белорусского государства [3].

Библиографический список

1. Яскевич, Я. С. Фундамент жизни народа. Исторические и социокультурные истоки становления белорусской государственности / Я. С. Яскевич // Беларуская думка. – 2018. – № 9. – С. 62–66.

2. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 352 с.

3. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Республики Беларусь, 9 апреля 2025 г., № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.10.2025).

УДК 32.01

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

Д. А. Николаева

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент С. И. Симановский

В статье анализируется влияния социальных медиа на формирование политических убеждений в современном обществе. Рассматриваются ключевые манипулятивные технологии, включая микротаргетинг, создание «эхо-камер» и «информационных пузырей», а также механизмы целенаправленной радикализации пользователей.

Ключевые слова: социальные медиа, политические убеждения, микротаргетинг, эхо-камеры, информационные пузыри, политическая радикализация, молодежь, цифровая грамотность.

С развитием глобальной сети Интернет социальные медиа стали доминирующим каналом распространения информации и формирования общественного мнения, существенно потеснив традиционные СМИ. Если ранее массовое распространение информации осуществлялось через телевидение, радио и периодическую печать, то сейчас Интернет стал монополистом в вопросах восприятия информации. Это создало новые возможности для политической коммуникации, но одновременно породило серьезные вызовы, связанные с манипуляцией общественным сознанием.

Политические взгляды начинают формироваться в подростковом возрасте и окончательно складываются к 30-35 годам, после чего становятся устойчивыми. Таким образом, самой восприимчивой аудиторией оказываются молодые люди до 30 лет, чьи взгляды еще не окончательно сформированы и чьим мнением можно эффективно манипулировать. Молодежь более эмоциональна, что делает ее особенно уязвимой для негативного и скандального контента, который получает больше откликов и "вирусится" в социальных сетях [1, с. 438].

Ключевым инструментом воздействия в социальных медиа является таргетинг — маркетинговый инструмент, позволяющий показывать контент только той аудитории, которая соответствует заданным критериям: пол, возраст, интересы, география или поведение в сети. Это создает «информационный пузырь» – ситуацию, когда пользователь видит лишь тот контент, который подтверждает его существующие убеждения. Дополнительный эффект усиливается через «эхо-камеры» – замкнутые сообщества единомышленников, где мнения многократно усиливаются за счет повторения и обсуждения [2, с.223].

Эти механизмы приводят к усилению поляризации общества. Взгляды пользователей становятся более радикальными, поскольку они все реже подвергаются сомнению. Формируется картина мира, в которой истинны лишь собственные взгляды и жизненная позиция, что подтверждается подбираемым контентом. По мере радикализации уменьшается готовность к диалогу с представителями других точек зрения.

Практическим подтверждением манипулятивного потенциала соцальных медиа служит президентская кампания 2016 года в США, а именно деятельность компании Cambridge Analytica.

Исследования показывают, что компания собрала данные миллионов пользователей Facebook без их согласия, что позволило кампании Дональда Трампа перейти к стратегии «микротаргетинга». Создавались сверхточные рекламные сооб-

щения, точечно воздействующие на глубинные страхи, предрассудки и политические предпочтения узких групп избирателей. В результате разные люди существовали в радикально отличающихся «информационных реальностях», созданных алгоритмами под их убеждения [3, с. 45].

Социальные сети также стали катализатором и организационной основой для так называемых «цветных революций». Через платформы организуются флешмобы и онлайн-митинги, эффективность которых напрямую зависит от массовости и наглядности. Особенно эффективно этот механизм работает в молодежной среде, где уровень доверия к социальным сетям значительно выше, чем к традиционным СМИ.

Алгоритмы социальных сетей, настроенные на максимальное во-влечение пользователей, непреднамеренно способствуют радикализации контента, поскольку эмоционально заряженные и поляризующие сооб-щения получают больше взаимодействий [4, с. 48].

Таким образом, социальные медиа реально влияют на формирование политических убеждений не как пассивный канал информации, а как активная среда, архитектура которой целенаправленно конструирует индивидуальное и коллективное восприятие политической реальности. Конкретные примеры от выборов в США до протестной мобилизации в различных странах доказывают, что эти технологии приводят к осязаемым результатам: изменению результатов голосования, организации массовых акций и эскалации социально-политической напряженности. Это ставит перед обществом и государством сложную задачу выработки механизмов цифровой грамотности и медиагигиены, а также адекватного правового регулирования для противодействия манипулятивному потенциалу цифровых платформ.

Библиографический список

1. Бараш, Р.Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст / Р.Э. Бараш // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. - С. 438.

2. Салахутдинов, В.Р. Особенности влияния социальных сетей на формирование политических взглядов и настроений россиян / В.Р. Салахутдинов // Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 4. – С. 220–225.

3. Уртаева, Э.Б. Влияние социальных сетей на развитие политических коммуникаций в новой цифровой реальности / Э.Б. Уртаева // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 3. – С. 40–49.

4. Лемешова, Т.В. Социальные медиа и политическая коммуникация: актуальное состояние и перспективы / Т.В. Лемешова // Высшая школа. – 2018. – № 4. – С. 47–50.

УДК 314.15

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В. О. Парфёнова

студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, доцент В. С. Михайловский

В работе рассматривается теоретическое обоснование старения населения и последующего демографического кризиса, а также практический опыт демографической политики странами мира. При подавляющей доле населения старше трудоспособного возраста возникают новые вызовы: нагрузка на экономику, трансформация электоральных предпочтений и ценностей в обществе, перечень приоритетных инновационных и технологических разработок. Приведены практические советы для преодоления негативных последствий демографического сдвига.

Ключевые слова: старение населения; демографическое старение; трансформация; реформирование; серебряная экономика.

В современном политическом и информационном поле часто возникают дискуссии на тему старения населения. Сегодня человечество имеем самую большую продолжительность жизни за свою историю – 70 лет и более. В мире растет численность пожилых людей и их доля в составе населения; наблюдается процесс активного демографического старения. Демографическое старение понимается как увеличение в общей численности населения доли (удельного веса) и абсолютной численности лиц пожилого и преклонного (старческого) возраста – людей пенсионного возраста. Впервые этот процесс был выявлен в странах с высоким уровнем дохода. Однако, наибольшие изменения в политической и социальной сферах ощущают страны с низким и средним уровнем дохода.

В Беларуси на 2024 г. проживало 1 миллион 574 тысячи человек в возрасте 65 лет и старше, что составляет 17% всего населения страны. За последние 10 лет численность данной возрастной категории возросла на 212 тысяч человек. В Витебской области доля пожилых людей самая большая – 19,4% от численности населения региона. Самый молодой регион – Минск – здесь пожилых людей 16%. В стране увеличивается число долгожителей: лиц старше 90 лет зафиксировано более 40 тысяч человек, больше всего их в Минске – почти 7 тысяч. Возрастает также численность жителей свыше ста лет – в Беларуси проживают 613 человек. Больше всего переступивших столетний рубеж в Минске – 124 человека. 85% белорусских долгожителей – женщины.

Из приведенной выше информации следует, что в настоящее время развивается устойчивая тенденция роста пожилого населения, что не может не оказывать влияния на политическую стабильность государства.

В будущем при преобладающем количестве пожилых людей в обществе возникнет благоприятная ситуация для развития геронтократии («власти стариков»), из-за непропорционального влияния старшего поколения на политические процессы. Следовательно, процесс принятия политических решений будет учитывать интересы преобладающей группы населения, потенциальных избирателей должностных лиц. В экономической сфере ключевой темой станут налоговые обязательства для граждан, которые либо в несколько раз возрастут, либо в несколько раз уменьшатся. Такие трансформации вызовут недовольство трудоспособного населения в первом случае и недовольство нетрудоспособного населения во втором. Воинские подразделения будут испытывать острую нехватку мужчин призывного возраста, что приведет к ослаблению всей системы обеспечения военной сферы – гаранта безопасности государства во внутриполитической жизни и внешнеполитической арене. Претерпит изменения перечень приоритетных инновационных и технологических разработок: умных устройств, носимых датчиков, ассистивных технологий, big data в фармакологии и другое. Экономический дискурс сосредоточиться на «серебряной экономике» –экономической концепции, описывающей совокупность товаров, услуг и технологий, ориентированных на потребности и интересы людей старшего поколения (обычно от 55 лет и старше).

В целом, XXI в. признан веком глобализации, развитии технологий (транспорта, коммуникаций, искусственного интеллекта и т.д.), урбанизации, миграции и изменения гендерных норм. Закономерно, что все эти факторы будут влиять на законотворческих процесс в Республике Беларусь и зарубежных странах. В связи с этим в настоящее время следует учитывать глобальные и национальные тенденции. Таким образом, страны должны готовиться к демографическому сдвигу, адаптируя свои системы здравоохранения, социального обеспечения и экономики. При целенаправленном развитии инновационного и технологического потенциала «серебряной экономики», поощрения культуры индивидуальных накоплений граждан, комплекса мер для увеличения рождаемости, у государств есть шанс снизить разрушающие последствия демографического старения.

УДК 340.134

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕТВЕРТОГО ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

К. В. Савинова

студентка 1 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель А. С. Рыжий

Статья посвящена становлению концепции четвёртого поколения прав и свобод человека. Определены причины, породившие широкомасштабное распространение данных прав в современном мире. Представлены основные группы прав четвертого поколения.

Выявлены особенности законодательного закрепления и нормативно-правового регулирования четвёртого поколения прав и свобод человека в Республике Беларусь.

Ключевые слова: права человека; четвёртое поколение прав; экологические права; цифровые права; соматические права; демографическая безопасность.

Концепция трёх поколений прав и свобод человека была предложена чешским юристом Карелом Вашаком в 1977 году. Первое поколение включало в себя гражданские и политические права, в том числе право на жизнь, свободу слова, свободу вероисповедания. Ко второму поколению были отнесены экономические, социальные, культурные права (право на труд, социальное обеспечение, выплату пособий). К третьему поколению Вашак отнёс коллективные и солидарные права: право на развитие, право на здоровую и экологически сбалансированную окружающую среду, право на мирное существование, право на общее наследие человечества [1, с. 1155].

Концепция четвёртого поколения прав и свобод человека появилась в конце XX – начале XXI века. Выдающиеся достижения науки создали условия для возникновения производственных инноваций. Инновации привели к бурному развитию новых технологических возможностей, распространившихся повсеместно: сети Интернет, искусственного интеллекта, биотехнологий, генной инженерии. Технологические достижения современной эпохи оказали влияние на образ жизни людей, на систему ценностей, тем самым породив новые потребности, а вместе с потребностями необходимость закрепить и урегулировать вытекающие из них права. К четвёртому поколению прав относят экологические, цифровые и соматические права.

Права и свободы четвёртого поколения нашли отражение в законодательстве Республике Беларусь. Имплементацию обрели права, напрямую затрагивающие интересы национальной безопасности и соответствующие стратегическим целям и основным задачам внутренней и внешней политики Республики Беларусь.

Группа экологических прав в Республике Беларусь имеет наиболее широкое нормативное закрепление. Экологические права представляют собой совокупность прав различных субъектов в сфере взаимодействия с окружающей средой [2, с. 6–7]. В ст. 42 Конституции Республики Беларусь закреплено право на благоприятную окружающую среду, являющееся основополагающим в ряду экологических прав и получившее развитие в других нормативных правовых актах [3, с. 123–125]. Законы и иные нормативные правовые акты данной тематической группы планируется сгруппировать в единый документ – Экологический кодекс Республики Беларусь, находящийся в проектной стадии реализации.

Всё быстрей набирает обороты развитие цифровых прав, связанных с использованием современных информационно-коммуникативных технологий и функционированием человека в цифровой среде, такие как право на доступ к Интернету, на защиту персональных данных, на использование искусственного интеллекта [4, с. 11–13]. В Беларуси разрабатывается законодательная основа для регулирования отношений в цифровой сфере, активного внедрения систем искусственного интеллекта: Указ Президента № 381 от 29 ноября 2023 г. «О цифровом развитии», Закон от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных».

Наиболее дискуссионной с моральной точки зрения группой четвёртого поколения прав являются соматические права. Их рассматривают как совокупность прав человека на свободное распоряжение собственным телом, включая право на аборт, права, связанные с клонированием, пересадкой органов, суррогатным материнством и другими открытиями в области генетики, биоэтики, биологии, фармакологии [5, с. 180]. В Республике Беларусь лишь некоторые из соматических прав урегулированы законодательством, в большей степени те, которые затрагивают аспекты репродуктивного здоровья. Белорусское государство проводит демографическую политику, направленную на сокращение числа абортов и повышения уровня рождаемости, снижение неблагоприятного воздействия абортов на деторождение [6, с. 71–73].

Таких образом, развитие законодательства Республики Беларусь отвечает основным тенденциям в области прав человека. Государство разрабатывает меры развития прав четвертого поколения, оказывающих положительное воздействие на общественное развитие, и проводит активную политику борьбы с деструктивными правами, вырабатывая меры по противодействию их реализации.

Библиографический список

1. Нань, Г. Четвёртое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав / Г. Нань // Вестник СПбГУ. Выпуск 4, право. – 2024. – С. 1153–1176.

2. Мороз, О.В. Экологические права граждан Республике Беларусь: Учебный модуль для юридических клиник / О.В. Мороз. – Минск: БГУ, 2011. – 36 с.

3. Права человека / С. А. Балашенко, И. В.Вегера, М. Гибни [и др.]. – Минск : Юнипак, 2015. – 200 с.

4. Варламова, Н. В. Цифровые права - новое поколение прав человека? / Н. В. Варламова //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – № 4. – С. 9–46.

5. Девятовская, К. В. Соматические права как новое поколение прав / К. В. Девятовская // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 13. – С. 180–188.

6. Каранчукова, В. В. Пределы правового регулирования искусственного прерывания беременности в контексте обеспечения демографической безопасности Республики Беларусь / В. В. Каранчукова // Актуальные проблемы гражданского права: сб. науч. труд. / Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси "Международный университет "МИТСО", Центр частноправовых исследований; редкол.: Бондаренко Н. Л. (гл. ред.) [и др.]. – 2024. – № 1. – С. 71–83.

УДК 32.019.51

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

М. А. Соколовский

учащийся 3 курса юридического Юридического колледжа
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: преподаватель Д. С. Судниченко

В статье проводится исследование политических технологий, доказывается, что их современная форма представляет собой систему манипулятивных методов, опосредованных информационными технологиями и направленных на эксплуатацию уязвимостей сознания для управления политическим поведением.

Ключевые слова: политические технологии; манипулятивное воздействие; информационно-коммуникационные технологии; High-Tech; High-Hume.

Вся система технологий, применяемых в политической сфере, входит в понятие политических технологий. В классическом понимании это совокупность последовательно применяемых методов, процедур, используемых субъектами политической деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач при решении политической проблемы. Однако, в условиях цифровой эпохи политические технологии вышли на новый уровень, трансформируясь из локальных инструментов влияния в глобальные, способные формировать международную повестку, воздействовать как на общество в целом, так и на определенные социальные группы, тем самым закладывая фундамент для появления разногласий в обществе, провоцируя социальные потрясения, чем обусловлена актуальность исследования.

Для понимания сути действия политических технологий следует определить существующие технологии в принципе. Результатом научно-технической революции явилось деление «высоких» (High) технологий человеческой деятельности на две значимые группы: высокотехнологичные High-Tech и управленческие High-Hume.

В контексте политики, High-Tech – это цифровые и аналитические инструменты, работающие с объективными данными и процессами, которые в научном дискурсе чаще всего понимаются под более узким понятием информационно-коммуникационных технологий. Они опираются на конкретные, точные методы и средства, такие как Big Data, искусственный интеллект, алгоритмическое прогнозирование. В связи с этим, всё более значимую роль играет точечное, адресное воздействие на когнитивные слабости отдельных индивидов и социальных групп, нежели воздействие на массовое сознание, которое являлось главным объектом политических технологий и PR–кампаний начиная с XX века.

High-Hume – это приемы воздействия на сознание и подсознание с целью получения необходимого результата, вплоть до прямой его фальсификации, что создаёт иллюзию того, что свои действия человек совершает свободно и осознанно. Так, согласно Майклу Паренти, наихудшими формами тирании являются наиболее укоренившиеся, настолько тонко контролирующие человека формы воздействия, что они даже не воспринимаются сознанием как таковые. [1, с. 49]

В связи с этим встает вопрос об этических границах применения политических технологий. Пропаганда, включая манипуляцию и дезинформацию, хотя и рассматривается многими исследователями как явление, неизменно при-

сущее демократии – такой механизм, с помощью которого демократия формирует коллективный разум и упрощает групповое сознание [2, с. 16], зачастую используется не в интересах граждан, а в интересах политических акторов, например, для обогащения или удержания власти, что может обернуться негативными последствиями для общества. В таком случае эффективность решения политической проблемы – это не объективное проявление результата этого решения, как вытекает из классического определения политических технологий, а субъективные критерии самого актора.

Исходя из вышеизложенного, видится необходимым выделить манипулятивные политические технологии в отдельную категорию политического влияния и сформулировать следующее определение: манипулятивные политические технологии – это система методов и процедур, опосредованных информационно-коммуникационными технологиями, применяемых субъектами политической деятельности и направленных на выявление, таргетирование и эксплуатацию поведенческих паттернов, когнитивных искажений, иных уязвимостей сознания отдельных индивидов или членов целевых социальных групп в целях единоразового или долгосрочного управления их политическим поведением для достижения наиболее благоприятных для этих субъектов политических результатов.

Библиографический список

1. Паренти, М. Демократия для избранных. Настольная книга о политических играх США. / Майкл Паренти ; [перевод с 7-го англ. издания В. Горбатко]. – М. : Поколение, 2006. – 416 с.

2. Бернейс, Э. Пропаганда / Эдвард Бернейс ; [перевод с английского Е. Парахневич]. – М. : Издательство АСТ, 2025. – 192 с.

УДК 32.019.51

СИМУЛЯКР КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

С. М. Сухоцкий

студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: д-р полит. наук, доцент В. С. Михайловский

В статье рассматривается понятие симулякра в социальном и политическом измерениях. Показывается как четыре уровня симулякров проявляются в политике и влияют на политический процесс.

Ключевые слова: симулякр; политика; идеология; утопия; постмодерн.

За последнюю сотню лет в мире произошли значительные изменения (падение колониальных режимов, рассвет СМИ и Интернета). Откликаясь на эти изменения, был созданы различные подходы к пониманию сущности общества (информационный, постиндустриальный и др.). Одним из таких подходов был

постмодернизм, в основе которого находится идея «заката метанарраций» (отказ от прежних форм описания действительности). Их потеснили иные социальные явления. Одно из таких явлений – симулякр. Концепция, введённая Ж. Батаем и популяризированная Ж. Делезом и Ж. Бодрийяром (книга «Симулякры и симуляции» 1981 г.), имеет тесную связь с общественной жизнью, в том числе и её политической сферой. Укореняясь в сознании, эта концепция предстаёт одним из столпов политической реальности.

Симулякр – «истина, скрывающая, что её нет», писал Ж. Бодрийяр. Существует четыре порядка (уровня) симулякров, предложенных Ж. Бодрийяром, каждый из них по-своему влияет на политический процесс.

На первом уровне симулякры фиксируют (самостоятельно или с умыслом) определённую часть реальности, делают её копию, так работает фотография. На втором уровне реальность искажается частично. Симулякрами здесь предстают идеология, мораль и закон. Каждый из них вносит изменения в существующий порядок, приближая его к некому идеалу. Несмотря на постулируемый закат больших нарраций, постмодернизм не столько отрицает идеологию, сколько сосредоточен на иной её форме – постидеологии. В этом состоянии система идей растворена в общественной жизни. В каждом её фрагменте. Она постоянно порождает новые нарративы, влияние которых сложнее отследить. Постидеология ещё больше, нежели её предшественница, искажает реальность, она искажает себя и становится симулякром третьего порядка – утопией.

Утопия удовлетворяет главному правилу симулякров третьего уровня: она пытается скрыть, что у неё нет оригинала в физико-социальном бытие. Она может создавать впечатление, что когда-то существовала (например, «Золотой век») или существует сейчас. Она основывается на реальности, но при этом отлична от неё.

Симулякры четвертого уровня чаще всего представлены в политических программах. Масштабные социальные проекты, не имеющие оригинала и не скрывающие этого. Также к ним относится и постправда, когда из-за обилия разнообразных противоречащих друг другу данных и эмоционального наполнения, соответствие факта реальности не имеет значения. Особую роль симулякра Ж. Бодрийяр видит в поддержании иллюзии власти. По мнению философа, истинной власти на данный момент может и не существовать, но мы не способны это понять, ведь её симулякр стал для нас реальностью. Что бы власть стала реальной её нужно воспринимать всерьёз. В данном случае Ж. Бодрийяр приводит в пример покушение на американских президентов. Покушение здесь выступает как подобие древних ритуалов жертвоприношений и является симулякром как искаженной реальностью, обладающей особым смыслом – приданием важности.

Одними из симулякров, поддерживающих власть, Ж. Бодрийяр называет общественные потрясения. Например, Уотергейт не скандал, он «введение огромной дозы политической морали в мировом масштабе» [1]. По мнению философа, капитал может существовать лишь под моральной надстройкой, и подобные скандалы помогают ему.

Симулякры плотно проникли в мировую жизнь, ни одна из её частей не избежала этого. В политике представлены все четыре порядка. Начиная фотографиями и заканчивая ритуалами. Опасность симулякра, полностью раскрывшаяся в наше время, в том, что он одновременно и реален, и нереален. Многие политические события, если смотреть на них через дискурс постмодернизма, являются симулякрами.

Библиографический список

1. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.

УДК 32.01+32.002

ВЫКАРЫСТОЎВАННЕ ШТУЧНАГА ІНТЭЛЕКТА У ПАЛІТЫЦЫ

Я. А. Халадцоў

студэнт 2 курса юрыдычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага універсітэта
Навуковы кіраўнік: доктар палітычных навук, прафесар Н.А. Антановіч

У XXI стагоддзі тэхналогія AI (artificial intelligence) здзейсніла якасны скачок, ператварыўшыся з вузкаспецыялізаваных інструмента ў глабальны стратэгічны рэсурс, які вызначае геапалітычнае дамінаванне на сусветнай арэне. Аналіз кейсаў паказаў, што для дасягнення эфектыўнасці і тэхналагічнага суверэнітэту дзяржавам неабходна апераджальныя рашэнні.

Ключавыя словы: Штучны інтэлект; AI; геапалітыка; дзяржаунае кіраванне; тэхналагічны суверэнітэт.

Апошнія 10 гадоў адзначылі новую навукова-тэхнічную рэвалюцыю. Штучны інтэлект (далей AI – artificial intelligence) з футурыстычнай канцэпцыі ператварыўся ў глабальную стратэгічную тэхналогію, першынство ў вывучэнні якога ў будучыні можа азначаць дамінуючыя пазіцыі не толькі ў навуцы, але і ў агульнасусветным, гэта значыць геапалітычным маштабе. Краіны, якія дасягнулі першынства ў гэтай сферы, атрымаюць вырашальную канкурэнтную перавагу – не толькі эканамічную, але і палітычную. Мы назіраем пачатак своеасаблівай «гонкі ўзбраенняў» у сферы AI паміж вядучымі глабальнымі цэнтрамі сілы. Сучасная «гонка ўзбраенняў» у галіне AI дэманструе выразны падзел роляў і сфер дамінавання паміж геапалітычнымі цэнтрамі сілы. AI выкарыстоўваецца пры вырашэнні геапалітычных праблем, а таксама ва ўнутранай палітыцы.

Што такое Штучны интэлект? AI – комплекс тэхналагічных рашэнняў, які дазваляе імітаваць кагнітыўныя функцыі чалавека, у тым ліку саманавучанне і пошук рашэнняў без загадзя зададзенага алгарытму, і атрымліваць пры выкананні канкрэтных задач вынікаў, супастаўныя з вынікам інтэлектуальнай дзейнасці чалавека.

Для ўсебаковага аналізу тэмы неабходна перайсці ад агульных трэндаў і азначэнняў да вывучэння канкрэтных практычных прыкладаў.

Для КНР яе AI – гэта не проста інструмент аптымізацыі, а стратэгічны імператыў для замацавання свайго статусу ў новым сусветным парадку і забеспячэння ўнутранай стабільнасці. 20 ліпеня 2017 г. Дзяржаўная рада Кітая апублікавала асноўны дакумент пад назвай «План развіцця штучнага інтэлекту [новага] пакалення». Дзяржава ажыццяўляе маштабныя цэнтралізаваныя інвестыцыі ў навуковыя даследаванні, распрацоўку прарыўных тэхналогій і стварэнне нацыянальнай інфраструктуры. Гэта дазваляе Кітаю лідзіраваць па колькасці навуковых публікацый і патэнтаў, дэманструючы імкненне да тэхналагічнага суверэнітэту і перавагі над ЗША ў пэўных прыкладных галінах.

ЗША наадварот ілюструе падыход, заснаваны на прагматызме, бяспецы і захаванні тэхналагічнага суверэнітэту ва ўмовах вострай канкурэнцыі з Кітаем. Яны з'яўляюцца сусветным лідэрам у распрацоўцы генератыўнага AI, напрыклад лідэрамі рынка з’яўляюцца амерыканскія кампаніі OpenAI і Google. Адно з прарыўных рашэнняў ЗША – інстытуцыяналізацыя AI. Распрацоўка ChatGPT Gov з’яўляецца перадавой тэхналогіі, якая дазваляе выкарыстоўваць самую моцную мадэль у інтарэсах дзяржаўнай улады. Гэтае рашэнне дэманструе, як тэхналагічнае лідэрства пераводзіцца ў суверэнную палітычную перавагу.

Разглядзім кейс Албаніі, дзе AI выкарыстоуваецца для вузканакіраванага прымянення ў вырашэнні сістэмных ўнутраных праблем. Албанія не мае стратэгічных пераваг у тэхналагічнай гонцы, яна прадэманстравала рашымасць да пераўтварэнняў. AI выкарыстоўваецца для вырашэння праблем, звязаных з чалавечым фактарам у дзяржаўным кіраванні. У 2025 г. Прэм'ер-міністр Албаніі Эдзі Рама абвясціў аб прызначэнні “першага ў свеце віртуальна створанага” члена кабінета міністраў мадэлі AI «Diella». Сістэма заклікана ацэньваць прапановы прыватных кампаній, забяспечваючы 100% празрыстасць і непадкупнасць расходавання дзяржаўных сродкаў. Па задумцы, перадача адказнасці AI павінна гарантаваць, што рашэнні будуць прымацца на аснове чыстых дадзеных і ўсталяваных крытэрыяў, а не асабістых ці карупцыйных інтарэсаў. Прыведзены прыклад аб тым, як AI прымяняецца для аднаўлення легітымнасці дзяржавы і павышэння даверу грамадзян.

У кантэксце геапалітычнай канкурэнцыі, дзе тэхналагічнае першынство, становіцца ключавым фактарам суверэнітэту, Рэспубліка Беларусь павінна прыняць збалансаваную і стратэгічна вывераную мадэль укаранення AI. Гэтая мадэль абавязаная спалучаць прававую рэгламентацыю, абарону грамадзян з тэхналагічным прарывам і фінансавай стымуляцыяй, абапіраючыся на ўрокі глабальнай "гонкі ўзбраенняў". AI можа выкарыстоўвацца ў некалькіх напрамках – павышэнне эфектыўнасці дзяржаўнага апарата, скарачэнне аперацыйных расходаў, паляпшэнне ўзаемадзеяння з грамадзянамі і мінімізацыя бюракратычных бар'ераў. Праведзенае даследаванне пацвярджае, што ўкараненне AI перайшло ў катэгорыю геапалітычнай барацьбы. Галоўнай высновай з'яўляецца неабходнасць апераджальных рашэнняў для AI, што забяспечыць тэхналагічны і інфармацыйны суверэнітэт для Рэспублікі Беларусь.

Библиографический список

1. Дик, С.К. Искусственный интеллект в политике и идеологи / С.К. Дик // Репозиторий БГУИР. – URL: https://libeldoc.bsuir.by/bitstream/123456789/54741/1/Dik_Iskusstvennyj.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

2. Маслобоев, А. В. Анализ тенденций влияния искусственного интеллекта на геополитику и безопасность: новые вызовы и угрозы цифровой трансформации / А. В. Маслобоев, В. Н. Цыгичко // Надежность и качество сложных систем. – 2025. – № 1. – С. 126–135. – DOI: 10.21685/2307-4205-2025-1-16

3. Пашенцев, Е. Н. Искусственный интеллект и геополитика: доклад / Е.Н.Пашенцев, В. Б. Козюлин; ДА МИД России. – М., 2024. – 72 с.

УДК 321/022

INVISIBLE LOBBYING: BUSINESS INTEREST REPRESENTATION IN THE PUBLIC AND PRIVATE SECTOR IN CHINA

Zhang Haoxuan

аспирант кафедры политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета
Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент А. С. Писарчик

Indirect lobbying refers to the behavior of stakeholders conveying their interests and exerting influence on policymakers through third-party organizations such as industry associations, chambers of commerce, and think tanks. It has become increasingly prominent in transitional countries.

Ключевые слова: indirect lobbying; government relations; public-private partnership; national transformation; China.

Since China's reform and opening up, with the establishment of a market economy, interest intermediary organizations such as chambers of commerce and industry associations have developed rapidly. They not only represent the industry and its member companies in conveying business demands to the government, but also assist the government in promoting industry self-discipline and policy implementation. They have become an important bridge between the government and enterprises, playing a key role in economic governance and policy making [1].

In general, China has initially formed an indirect lobbying governance structure with government leadership, social participation, and hierarchical responsibility. Its main features are reflected in the following aspects.

First, the government supports the activities of industry associations by authorizing, empowering, and directly initiating the establishment of industry associations, and provides administrative and financial support. For example, the China Council for the Promotion of International Trade (CCPIT), as an important channel for connecting with enterprises, not only performs functions such as attracting investment and safeguarding the rights and interests of enterprises, but also actively participates in the government's foreign economic and trade exchanges and negotiations [2]. In addition, some government agencies (such as industrial park

management committees) provide institutionalized channels for enterprises to participate in policy making by establishing investment promotion bureaus.

Secondly, chambers of commerce and associations have become the core carriers of indirect lobbying by enterprises through multiple channels to influence public policies. On the one hand, they directly participate in government decision-making through research reports and legislative proposals. For example, the All-China Federation of Industry and Commerce has submitted more than 5,000 proposals, and its opinions have been adopted by many major policies [3]. On the other hand, by organizing forums, exhibitions and other activities, a platform for political and business interaction is built. For example, the Boao Forum for Asia provides a high-level dialogue channel for Chinese and foreign companies to express their demands and influence policies.

Third, while indirect lobbying enhances policy targeting, it also presents problems such as lack of transparency and conflicts of interest. On the positive side, chambers of commerce and associations, relying on their in-depth understanding of industries and enterprises, have put forward policy recommendations through research and demonstration, effectively improving the accuracy and feasibility of policies. For example, the "chamber of commerce legislation" and "association legislation" mechanisms implemented by Zhejiang Province have significantly improved the quality of policy supply [4]. However, the lobbying activities of most business associations lack a unified information disclosure mechanism, the process of formulating suggestions is not transparent, and it is difficult for the public to supervise. At the same time, some organizations may engage in monopoly or rent-seeking behavior in the name of industry interests, deviating from the original intention of legal and compliant lobbying.

In summary, China relies on industry associations, chambers of commerce and other organizations to promote government-enterprise interaction and policy optimization during the transformation process, but faces challenges such as insufficient lobbying transparency, limited representativeness and rent-seeking risks. China needs to strengthen the disclosure of lobbying information and the prevention and control of conflicts of interest, and enhance industry autonomy.

References

1. Tao, W. Policy Participation Practices, Mechanisms and Normative Paths of Chambers of Commerce / W. Tao, Z. Zhang F. Tian // Xuehai. – 2021. – № 3. – P. 106–114.

2. Huang, J. Chinese-Style Lobbying: Strategic Choice and Institutional Logic of Business Groups / J. Huang, H. Liu // Comparative Economic & Social Systems. – 2021. – № 2. – P. 99–112.

3. Anti-Corruption Law of the People's Republic of China. Article 33, Article 38 // Standing Committee of the National People's Congress. 2021.

4. Jiang, X., Yuan, F., Zhang, F. Research on the Effectiveness of Policy Participation of Industry and Commerce Associations / X. Jiang, F. Yuan, F. Zhang // East China Economic Management. – 2020. – № 12. – P.111–121.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ 3
СЕКЦИЯ I. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 6
Бойко М. Ю. «Бритва Оккама» как методологический принцип правопонимания 6
Бондарев А. О. Либертарианство и разрешение проблемы миграции 7
Бузюк А. Д. О некоторых аспектах правового регулирования искусственного интеллекта 9
Грачева А. А. Цифровизация права на примере авторского права 11
Дулинец Я. П. Проблематика и эволюция дуализма в правовой доктрине 13
Елкин З. М. Социальная эффективность права 14
Елфимов К. И. Социологизация изучения права как элемент реформирования юридической науки в позднесоветский период 16
Згирский В. В. Право в системе норм социального регулирования 18
Литвин С. А. Роль технопарков в инновационной деятельности государства (на примере Республики Беларусь и Китайской Народной Республики) 20
Мазура А. А. Тэндэнцыі і перспектывы прававога выхавання моладзі ў Рэспубліцы Беларусь 21
Полелей Е. А. Влияние института нотариата на формирование правовой культуры и правосознания граждан: сравнительный анализ моделей Республики Беларусь и Китайской Народной Республики 23
Ус Д. А. Проблемные стороны кодификации в Республике Беларусь 24
Цвирко Я. В. Взгляды философов Нового и Новейшего времени (XVIII–XX вв.) на авторское право и право интеллектуальной собственности 27
Шайковский А. Н. Сравнительный анализ моделей разрешения юридических коллизий в различных правовых семьях 28
СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА 31
Азизов Д. Д. Конституция США 1787 г.: опыт, проверенный временем 31
Будовей К.А. История создания органов прокуратуры в Российской Империи 32
Володкевич В. А. Развитие системы уголовных наказаний в Российской Империи 34
Волин Д. В. Правовой анализ закона о переселении индейцев 1830 Г. в США 36
Гладкий Г. А. Движение от английского абсолютизма к становлению гражданского общества в Республике Беларусь 37

Дыба Е. С. История становления и развития судебной системы Беларуси в XVI –XIX столетия 39
Ермолович К. С. Телесные наказания в мусульманском праве....41
Зайко А. Д. Исторический процесс формирования белорусской государственности 43
Зубеня Ю. М. Система наказаний по Уложению наказаний уголовных и исправительных 1845 года 45
Казак Е. С. Конституция Японии 1974 г.: история принятие, эволюция 46
Казаков Д. А. От Хаммурапи до настоящего времени: история борьбы за права женщин 48
Карабан Л. А. Римское право - универсальный язык мировой юриспруденции....50
Комар П. В. Сравнительная характеристика рабства в Соединенных Штатах Америки и крепостного права в России 51
Корабава Г. А. Уплыў XX з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза на дэмакратызацыю крымінальнага правасуддзя ў Беларускай ССР 53
Курганова М. И. Становление и развитие адвокатуры в США....55
Нижников И. А. Царская власть в истории Древнего Рима....57
Огородникова Д. Д. Уголовно-судебное уложение Священной Римской империи «Каролина»: предпосылки принятия, содержание и структура, уголовное право и процесс и историческое значение 58
Паньков М. В. Политический кризис в современных США: исторический след эпохи Гражданской войны 1861 – 1865 гг. 60
Петуховский А. М. Великая хартия вольностей и её связь с современностью .62
Родич А.В. Диалектическое взаимодействие конфуцианства и легизма в политико-правовой культуре Китая....64
Саланович Д. А. Влияние Статутов Великого княжества Литовского на становление современного права Беларуси 65
Сидорик А. В. Анализ положений Универсала Высшего народного совета о порядке сбора государственных денежных и натуральных налогов 6-8 июня 1794 года....67
Собалева У. А. Эвалюцыя сістэмы пакаранняў у крымінальным праве Беларускай ССР 69
Райко О. Н. Судебные реформы на территории Беларуси....71
Трацевская Д. В. Применение информационных технологий при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере агропромышенного комплекса 73
Финагенова А. А. Основные черты Кодекса Наполеона 1804 года 74

Цедрик Я. В. Уроженцы Березинского района в борьбе с нацистскими захватчиками 76

Яхимович В. А. Применение норм немецкого права городскими судами магдебургий Великого княжества Литовского в XVI – XVIII вв. 77

СЕКЦИЯ III. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО 80

Адамич У. И. Социальная ответственность Всебелорусского народного собрания и его делегатов....80

Асадчая В. С. Доступность конституционного правосудия в Республике Беларусь в рамках реализации Цели устойчивого развития №16 82

Балащенко А. С. Добровольное прерывание беременности: подходы к правовому регулированию и опыт зарубежных стран (на примере США и Франции)....83

Биндей Д. В. Виртуальная церковь: коллизия конституционной свободы и правовой реализации 85

Гудзь А. В. Конституционный референдум в современном мире 87

Давыдова А. М. К вопросу о соотношении избирательного и политического маркетинга 89

Игнатенко В. О. Укрепление конституционной законности в Республике Беларусь: изменения в деятельности конституционного суда и расширение его полномочий 90

Кабаков Д. П., Кукета А. К. Диалог народных представителей с гражданами: проблематика и перспективы развития....92

Кабятка Дз. С. Беларуская мова як канстытуцыйная каштоўнасць 94

Клезович А. Ю. Негосударственные формы защиты прав человека в условиях цифровизации....95

Киселёва В. А. К вопросу о реализации юридическими лицами права на конституционную жалобу 97

Коваленко В. Е. Постановления Пленума Верховного Суда и решения Конституционного Суда в национальной правовой системе Республики Беларусь 99

Краско В. Г. Всебелорусское народное собрание: новаторство и традиции....101

Лабор П. Д. Правовой статус бипатридов в Республике Беларусь: соотношение международных стандартов и национального законодательства 103

Лис В. Ю. Состояние и перспективы взаимодействия органов прокуратуры и Всебелорусского народного собрания 104

Мельник В. А. Источники конституционного права Республики Беларусь (общая характеристика)....106

Модзелевская Ю. А. Порядок пересмотра конституций стран Вышеградской группы 108
Остапенко В. В. Актуальные проблемы реализации и защиты конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду и иных экологических прав 110
Пазынич Е. Д. Конституционно-правовые аспекты принципа «одна страна – две системы» (на примере КНР и Гонконга) 111
Паршукова Д. Д. Полномочия Национального собрания Республики Беларусь в свете конституционных преобразований 2022 года 113
Попович Е. В. Обеспечение адвокатской тайны в Республике Беларусь 115
Пунченко У. С. Конституционные основы права на счастье 116
Радченко Д. Д. Суррогатное материнство в Республике Беларусь и зарубежных странах 118
Радюк А. Д. О прецедентном характере решений Конституционного Суда Республики Беларусь 120
Русак Е. Д. Право на эвтаназию в Беларуси: аргументы «за» и «против» в законодательном контексте 121
Сенкевич А. Н. К вопросу предоставления медицинской информации по адвокатскому запросу 125
Соболевский Е. А. Национальная конституционная идентичность как фактор защиты государственного суверенитета 126
Стахиевич А. А. Конституционные права и свободы как гарантия развития личности и реализации потенциала каждого поколения 128
Стельмах А. А. Язык – ядро народного суверенитета 130
Телятицкий Р. А. Формы реализации права на доступ к информации в сети интернет 131
Харитоненко З. С. Право на жизнь и право на прекращение жизни 133
Юреня Е. В. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних 135
СЕКЦИЯ IV. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО 137
Бородин А. А. Роль информационных технологий в вооруженных конфликтах ... 137
Баранова Д. А. Информатизация как фактор развития незаконного оборота товаров известных производителей 138
Беляков К. О. Цифровая трансформация электронного образования при примении электронных журналов/дневников 140
Васильев А. И. Некоторые аспекты внедрение искусственного интеллекта в деятельность органов внутренних дел 141

Вертинский А. С. Правовая защита образа человека в рекламном законодательстве.....144

Гарбачевский Д. П. Становление и развитие правовой защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни гражданина.....145

Головейчук З. Ю. Перспективы усиления правовых и технологических мер по противодействию наркопреступности.....147

Гупал Д. П. Влияние блогеров на общественное мнение: вызовы и перспективы правового регулирования.....149

Дубинчик Р. В. Использование технологий «больших данных» и вызовы для неприкосновенности частной жизни.....152

Зубрик Д. А. Современное состояние и тенденции развития законодательства Республики Беларусь в сфере искусственного интеллекта.....153

Кукета А. К., Шарунова А. С. Сталкинг и кибersталкинг в Республике Беларусь: проблемы правового регулирования и пути совершенствования законодательства.....155

Лоцкая Е. В. Обеспечение защиты персональных данных при видеофиксации работников.....157

Мамина Н. Д. «Вирусный» мем или буллинг в соцсетях: к вопросу об усилении юридических способов защиты прав граждан.....159

Нестерчук А. А. Актуальные проблемы международно-правового регулирования искусственного интеллекта.....161

Онопко С. А. Информационное право: значение дисциплины в современном учебном процессе.....162

Правоторова А. Ю. Разработка модели цифровой правовой платформы для реализации народных инициатив как механизма усиления публичного диалога в Республике Беларусь.....164

Сацукевич Е. Ф. О совершенствовании правового регулирования таргетирования рекламы.....166

Трацевская Д. В. Применение информационных технологий при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере агропромышленного комплекса.....167

Шрейтер Д. Д. Новые формы распространения массовой информации.....169

Щербин Н. А. Электронные государственные услуги в Республике Беларусь.....171

СЕКЦИЯ V. АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВА.....173

Буданов В. И. Общественные работы как вид административного взыскания: необходимость или спорный эксперимент.....173

Ераховец М. И. Административные правонарушения против собственности: умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества. состав правонарушения 174

Журавлева Ю. Д. К вопросу об административной ответственности за незаконные действия по отношению к государственным символам Республики Беларусь 176

Кукета А. К. , Шарунова А. С. Правовые механизмы реабилитации обязанных лиц 178

Новикова М. А. Цифровые технологии в административно-правовом принуждении в Республике Беларусь и иных странах СНГ 179

Романовский А. А. Специфика подготовки дел об административных правонарушениях за нарушение законодательства о техническом нормировании и стандартизации 181

Соколовская М. С. Административная ответственность за нарушение законодательства о закупках за счет собственных средств организациями здравоохранения Республики Беларусь 183

СЕКЦИЯ VI. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО 185

Басова А. Н. О возможности создания единого координирующего органа поддержки малого и среднего предпринимательства на уровне ЕАЭС 185

Бицутко В. А. Ответственность должностных лиц как субъектов административно-правовых отношений 187

Бутонина Р. Д. Роль инспекций по делам несовершеннолетних в профилактике административных правонарушений среди несовершеннолетних 188

Винничек С.-В. В. Правовое обеспечение развития цифровой экономики в ЕАЭС в свете современных решений суда ЕАЭС и законодательных инициатив стран-участниц 190

Гаркавый К. Д. Проблемные аспекты осуществления кибертатак с позиции международного гуманитарного права 191

Горбачев Е. В. Деятельность Международного комитета Красного Креста в реализации международного гуманитарного права 193

Евдокимчик Е. И. Нормотворчество исполнительных комитетов в Республике Беларусь 195

Колесник О. И. Принцип «одно окно» в системе государственного управления Беларуси и Казахстана 196

Колышко В. А. Развитие государственно-частного партнерства в Республике Беларусь 198

Крестопатик В. И. Административно-правовая защита животных в Республике Беларусь 199

Кривозубова А. Г. Правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности в ЕАЭС 201

Леоновец Д. С. Совершенствование и гармонизация таможенного законодательства в государствах-членах ЕАЭС 202

Малюгина Е. И. Административно-правовые аспекты регулирования деятельности блогеров в Республике Беларусь 204

Марецкая М. К. Совершенствование таможенного транзита в ЕАЭС: перевозка белорусских товаров в Армению по системе мдп 206

Мединв В. В. Правовое регулирование инновационной деятельности в Евразийском экономическом союзе 207

Мельник И. И. Дисциплинарная ответственность прокурорских работников в Республике Беларусь 209

Осипова В. Ю. Белорусско-китайское таможенное сотрудничество: перспективы внедрения цифровой архивации культурных ценностей 211

Рудковская А. А. Административно-правовой режим обеспечения экологической безопасности 212

Семенович Ю.В. Использование современных технологий в деятельности следственного комитета Республики Беларусь 214

Сергеенко А. И. Совершенствование законодательства о статусе помощника депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 215

Скачеляс В. О. Административно-правовой режим историко-культурного объекта: на примере Гомельского дворцово-паркового ансамбля 217

Скорина М. С. Административные процедуры в сфере оборота недвижимости ... 218

Тимофеева Я. Е. Многоаспектность понимания государственной службы 220

Умрихина Е. Г. Современное правовое регулирование пенсионного обеспечения в рамках ЕАЭС 222

Федорович А. А. Обеспечение суверенитета Республики Беларусь во взаимосвязи с реализацией основ идеологии белорусского государства 223

Филипчик С. С. Взаимосвязь конституционного и административного права: теоретические аспекты 225

Чаусов С. Е. Соблюдение Республикой Беларусь международных обязательств по запрету химического оружия 226

Чуйкевич К. А. Административно-правовое регулирование использования животных в цирках, зоопарках и дельфинариях: текущее состояние и возможные новеллы 228

Щуко Д. В. Правовой статус политических государственных служащих 230

СЕКЦИЯ VII. СЕКЦИЯ ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА.....232
Ачасов А. И. К вопросу разумности в налоговых отношениях.....232
Герасемлюк И. А. Эволюция правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности на примере указов Президента Республики Беларусь.....234
Дмитриева Е. А. Цифровой налог Франции: предпосылки и реакция мирового сообщества.....235
Кевра А. В. Дискуссионные аспекты пороговых значений для передачи материалов проверки в органы уголовного преследования 238
Кохович А. А. Нормативное и научно-прикладное осмысление принципа стабильности налогового законодательства.....240
Мадрид А. Ю. Перспективы развития института налогового резидентства в Республике Беларусь 241
Мисюля В. О. Проблемные вопросы введения в Республике Беларусь налога на сверхдоходы 242
Пунтус А. Н. Дистанционный аудит: перспективы развития в Республике Беларусь.....244
Рабцевич Я. М. Налогообложение доходов физических лиц от операций с цифровыми знаками (токенами): проблемы и перспективы.....246
Румянцев А. С. Дисскусионные вопросы уровня налоговых изъятий при проведении камеральной проверки соответствия расходов доходам физического лица.....247
Севрюк Е. В. Финансовая грамотность как мера предупреждения финансовых правонарушений 249
СЕКЦИЯ VIII. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....251
Бобровницкая Э. Б. К вопросу о правовой природе отношений, возникающих при оказании медицинской помощи 251
Алексеевец Я. В. Межотраслевое содежание принципа верховенства права..253
Аникин Н. С. Актульные проблемы использования нейросетей в сфере интеллектуального права 255
Бульбо Е. В. Временные пределы удержания.....257
Василевич А. В. Особенности волеизъявление в сделках с применением смарт-контракта 259
Готовчиков Е. В. Сравнительный анализ подходов к определению природы смарт-контрактов в праве Российской Федерации и Республики Беларусь 261
Грузнова М. И. Признаки предприятия как имущественного комплекса.....262

Жилевич У. С. Споры, возникшие при заключении и исполнении договора аренды 264

Зенькович В. Д. Некоторые вопросы осуществления безналичных расчетов посредством аккредитива....266

Илькевич У. А. Брак и фактические брачные отношения в Республике Беларусь: сравнительный анализ....267

Ишбаев Е. В. Приоритет реабилитационных процедур банкротства в Российской Федерации....269

Кажуро В. В. Неисполнение условий договора суррогатного материнства ...270

Касперская О. А., Кулеша В. Н. Правовые проблемы использования криптоактивов и цифрового имущества в семейных правоотношениях....272

Концевая М. В. Общая характеристика симулятивных сделок в гражданском праве....275

Куст Ю. В. К вопросу о неприкосновенности частной жизни гражданина в белорусском праве....276

Лещенко Д. П. Гражданско-правовая природа договора розничной купли-продажи товаров и способы защиты участников договора....279

Лобанова Е. Н. Вещно-правовая природа биологических материалов человека: основные теоретические подходы в правовой доктрине....281

Лугин Г. А. Эволюция наследственного права в условиях глобализации....283

Матвейков К. С. О схожести и различиях процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки....286

Мачков М. В. Цифровизация форм сделок....288

Радченко В. Н. Значение новелл о филиалах иностранных юридических лиц: гражданско-правовой аспект....290

Ракова А. А. Сравнительный анализ правопонимания семьи и семейной политики в Республике Беларусь и России: социально-экономические факторы....291

Рыбакович О. П. Электронный перевозочный документ в договоре воздушной перевозки пассажира....294

Савченко М. А. Особенности определения долей при разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов....295

Самойленко Д. О. Новеллы Закона «О риэлтерской деятельности» в Республике Беларусь....297

Свирская В. С. Правоспособность физического лица в римском частном праве и современном гражданском праве....298

Сонкин С. Ю. Опцион как способ защиты прав акционеров (участников) корпораций в условиях международных экономических санкций....300

Станкевич М. А. К вопросу осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними 302
Столбунова С. А. О некоторых вопросах учреждения доверительного управления наследуемыми долями в уставном капитале 304
Усович А. А. Вторичный лизинг: проблемы и перспективы 305
Филимонов Д. В. Признаки злоупотребления правом как категории современной цивилистики 307
Хамерман Д. С. Правовое регулирование гражданско-правовой сделки 309
Хамицевич А. Д. Правовые аспекты использования биопринтинга в Республике Беларусь 311
Чагина Е. М. Правовое регулирование электронной коммерции в Российской Федерации и Республике Беларусь 313
Шашков А. Д. Искусственный интеллект как объект гражданских прав 317
Юнец К. Е. Проблема защиты прав потребителей на торговых онлайн-площадках 319
СЕКЦИЯ IX. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 322
Беспалая Д. В. Блокчейн как альтернативный способ защиты авторских прав в цифровой среде 322
Горун К. О. Интернет-вещание как объект смежных прав 323
Гусева Т. С. Понятие коммерциализации объектов интеллектуальной собственности 325
Донскова С. Б. Форма и регистрация договора комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) в Республике Беларусь 327
Калинушкина Н. Ю. Судебная экспертиза музыкальных произведений 328
Кравец В. А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом 331
Коваленко М. А. Проблемные аспекты права на отзыв произведения 332
Куршук Д. А. Искусственный интеллект как объект интеллектуальной собственности 334
Савицкая Е. Д. Правовая охрана графического пользовательского интерфейса ... 336
Седельник Е. Д. К вопросу об охране права исполнителя на голос 338
Тенько Е. Г. Правовое регулирование использования объектов авторского права в процессе обучения ии 339
Теплякова А. А. К вопросу совершенствования уголовной ответственности за нарушения прав интеллектуальной собственности в Республике Беларусь 341

Трухова М. Н. Использование и охрана изображения гражданина как личного нематериального блага в Республике Беларусь 343

Федосова Э. В. Актуальные проблемы правового регулирования результатов, полученных с применением технологий искусственного интеллекта.....344

Шамбер П. В. Правовая природа SaaS-соглашений в контексте законодательства Республики Беларусь 346

Шелег Д. Д. Правовое положение франшиз-пустышек и ответственность за их продажу.....348

СЕКЦИЯ X. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС.....350

Александрова А. И. Институты отложения и приостановления в упрощенном производстве 350

Бражицкая Ю. А. К вопросу о возможности признания и приведения в исполнение судебных постановлений, не разрешающих дело по существу....352

Воскресенская М. А. Дискуссионные вопросы, возникающие при исполнении исполнительных производств о взыскании алиментов 353

Гоман А. Ю. Переговоры сторон при содействии их адвокатов в Кодексе гражданского судопроизводства 355

Гринь В. В. Особенности упрощенного производства в гражданском процессе.357

Девятник Б. А. К вопросу о применении искусственного интеллекта в сфере медиации.....358

Казак К. А. Некоторые особенности рассмотрения и разрешения судами дел об установлении отцовства (материнства) 360

Кухарчик А. А. Различия третейских и арбитражных судов в Республике Беларусь 362

Малявский В. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве.....363

Маслакова А. А. Концепция «collaborative law» как основа примирения сторон в гражданском процессе 365

Пилат А. Г. особенности развития исполнительного производства в случае смерти должника без сведений о наследниках 367

Слабейко Н. М. Основания, формы и задачи участия прокурора в исполнительном производстве 368

Тарабонда А. С. Цифровая трансформация права 370

Ярмолюк О. И. Удостоверение полномочий адвоката по Кодексу гражданского судопроизводства.....372

СЕКЦИЯ XI. ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.375

Богдевич М. Д. Генезис правового статуса профессиональных союзов Республики Беларусь 379

Будюхина Д. Д. Нарушение правил приема на работу: взаимосвязь с личным характером трудового отношения 381

Буслович О. Г. К вопросу об ограничениях трудоустройства в студенческие отряды 382

Варсоба М. С. Особенности трудоустройства инвалидов 384

Голомако М. Н. Гарантии гражданам, уволенным с военной службы 386

Дашкевич П. А. Дифференциация института дисциплинарной ответственности в Ресублике Беларусь 387

Жихарева А. И. К вопросу о правовой природе договора о спортивной деятельности в Республике Казахстан 389

Жоголь П. В. К вопросу о гарантиях работников, имеющих семейные обязанности 391

Журова Ю. А. Отдельные вопросы использования информационно-коммуникационных технологий в области занятости населения 392

Заверач Е. С. Отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка 394

Зубцов Н. А. Правовые гарантии в сфере охраны здоровья военнослужащих в Республике Беларусь 396

Кабаков Д. П. Студенческий отряд: проблематика правового регулирования 398

Косинская М. С. Совершенствование правового регулирования профессиональной подготовки работников на производстве 400

Кудинова У. Ю. Вопросы правового регулирования труда инвалидов в Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой аспект 401

Лаврова А. С. Занятость как социально-экономическая и правовая категория: подходы к определению понятия 403

Лапатко А. А. Зарубежный опыт регулирования платформенной занятости (на примере избранных стран БРИКС) 405

Мамедова Ж. Р. Особенности рассмотрения коллективных трудовых споров в трудовом арбитраже 407

Михаленя К. С. Противоречия Трудового кодекса Республики Беларусь и Конвенции МОТ 1930г. 410

Немогай В. В. Некоторые аспекты правового регулирования порядка заключения трудового договора 412

Нестерова К. Р. Вопросы обеспечения гендерного равенства в трудовых отношениях 413

Новик Т. Н. Особенности расторжения срочного трудового договора по требованию работника 415
Осмоловская Е. Н. Корпоративное благополучие работников в контексте социального партнёрства 417
Пигуль А. В. К вопросу правового регулирования собеседования при заключения трудового договора....418
Пачкова В. А. Меры социальной поддержки матерей детей-инвалидов: анализ законодательства Республики Беларусь 420
Савченко А. И. Труд несовершеннолетних в Республике Беларусь: баланс между трудовой деятельностью и образовательным процессом 422
Салхи К. Искусственный интеллект и его влияние на трудовые правоотношения....423
Соболевский А. П. К вопросу о понятии «социальный отпуск»....425
Стоянова Д. А. К вопросу о гарантиях по рабочему времени и времени отдыха для несовершеннолетних работников....426
Сухотская А. Д. Право на забастовку в Республике Беларусь 428
Филонович К. А. Правовое регулирование дистанционной работы в странах ЕАЭС: сравнительный анализ законодательства....430
Шарунова А. С. Особенности социальных гарантий военнослужащим 431
Шевеленко А. К. Гарантии реализации прав отца и отчима как лиц с семейными обязанностями в трудовом праве Республики Беларусь 433
Янчук П. А. Конвенция № 102: необходимость ратификации Республики Беларусь....435
Ярошук П. В. Дисциплинарная и материальная ответственность работников, выполняющих дистанционную работу....436
СЕКЦИЯ XII. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ....439
Артюх В. Л. Некоторые вопросы правового регулирования экспортного контроля....439
Богдановский Е. Д. Правовые аспекты цифровизации банковской деятельности..440
Бодров К. А. Развитие специализированного правового регулирования предпринимательской деятельности в игровой индустрии 442
Глебко С. М. Развитие законодательства в области внедрения цифровых технологий в промышленности....444
Гулиева С. Х., Никольская М. С. Производные произведения как объект интеллектуальной собственности в музыкальной индустрии: понятие и критерии....446

Кулаженко Е. А. Правовые аспекты внедрения e-CMR в Республике Беларусь....447
Любецкая Т. Ю. Банкротство как неотъемлемый институт современной рыночной экономики Республики Беларусь 451
Миронов Н. С. Основные проблемы определения круга аффилированных лиц общества с ограниченной ответственностью 452
Приймак В. С. Особенности правового положения Национального банка Республики Беларусь....454
Савицкая С. П. Правовой режим банковской тайны 457
Сапьяник Е. В. К вопросу об использовании White paper в сфере инновационного инвестирования....459
Томчик В. А. Производные финансовые инструменты: проблемы защиты прав участников 461
Юркевич М. Е., Менёк В. Д. Правовые основы интеграции социального препринимательства в сферу государственной монополии 463
СЕКЦИЯ XIII. АГРАРНОЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ И ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО 465
Апанасёнок Н. В. Правовые меры государственной поддержки аграрного сектора в Республике Беларусь 465
Борисюк Д. С. К вопросу о понятии изъятия земельных участков для государственных нужд 466
Воронин З. М. К вопросу об организационно-правовом обеспечении ветеринарной деятельности 468
Демченко А.С. Актуальные тенденции правового регулирования агроэкотуризма в Республике Беларусь....470
Зубрилина А. С. Рекультивация радиационно загрязненных земель: перспективы российско-белорусского взаимодействия....471
Кукета А. К. Правовое регулирование общественной экологической экспертизы: перспективы развития....473
Макеев В. С., Максимушкин А. С. Статус городских лесов в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовое исследование 475
Мелех Е. В. Некоторые аспекты правового закрепления процедуры стратегической экологической оценке 476
Циуньчык А. И. К вопросу о правовом понятии «зеленого» строительства ...477
СЕКЦИЯ XIV. УГОЛОВНОЕ ПРАВО....480
Автухова К. Ю. Необходимость дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные с публичной демонстрацией 480

Агейчик М. И. Ответственность лиц, не являющихся соучастниками в преступлении: проблемы квалификации 482

Азаренко А. О. К вопросу о наркопреступлениях, совершаемых с использованием сети интернет 483

Балбатовский Н. О. О влиянии международного опыта противодействия экстремизму на национально законодательство Республики Беларусь 485

Баранкевич К. Э., Коготько А. Ю. Характеристика специального субъекта в конкуренции норм в преступлениях против правосудия и интересов службы487

Баранникова П. С. Психологический портрет некоторых типов зависимого преступников....489

Батина Э. А., Бондарь В. Н. Уголовно-правовые подходы к противодействию незаконному производству аборта в Российской Федерации и Республике Беларусь 491

Бриневец А. А.Проблемы выявления и последствия домашнего насилия в отношении несовершеннолетних 496

Бугай Д. А. Влияние аффекта на квалификацию преступлений против жизни и здоровья: сравнительный анализ законодательных подходов в Российской Федерации и Республике Беларусь 500

Веретельная В. Н. Криптопреступность как новая угроза экономической безопасности....502

Вигура А. С. Хищение имущества умерших и из мест их захоронения: уголовно-правовая квалификация 504

Гвоздикова Ж. В. Об установлении уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии....505

Герасимов К. К. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности: система противодействия расследованию экономических преступлений....507

Голов М. М. Современные направления совершенствования правовых норм об экстрадиции 509

Головин К. Д. Инцест: необходимо ли ужесточить ответственность? 510

Горборова К. Е. Мотивация и стратегия преступного поведения в аналитической теории личности К. Юнга 512

Граевский А. А. Иные меры уголовной ответственности в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительный анализ 515

Дек В. О. Предмет хищения имущества путём модификации компьютероной информации....516

Жилич П. Н. Проблема квалификации преступлений, связанных с нарушением тайны частной жизни и распространением порнографических материалов....518

Загоровская Е. И. Объект и объективная сторона мошенничества с использованием информационно-коммуникационных технологий 520

Захилько Е. С. Уголовно-правовая оценка деяний при превышении пределов крайней необходимости 522

Згурская А. Д. Вопросы отграничения необходимой обороны от обстоятельств, исключающих преступность деяния 524

Иванютенко Ю. А. Преступная организация как форма соучастия: сравнительно-правовой анализ положений уголовных законов государств – участников СНГ 525

Иващенко Б. В. Имплементация преступления «сталкинг» в уголовный кодекс Республики Беларусь 527

Казак Н. А. Субъект и субъективная сторона киберпреступлений против собственности 529

Калиева У. А. Проблемы установления состояния аффекта в судебной практике Республики Беларусь 531

Карев М. П. Легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем 533

Капанец Д. В. К вопросу о детерминации криминализации личности подростка..534

Кизер М. И. О совершенствовании законодательства в области осуществления ответственности за разбой 536

Кирьянова А. Н. Подходы зарубежных государств в регламентации ответственности за причинение имущественного ущерба без признаков хищения 538

Ковалёва А. В. Уголовно-правовые механизмы противодействия взяточничеству как наиболее опасного проявления коррупции 540

Козырева А. В. Социально-демографические и нравственно- психологические особенности личности скулшутера 541

Костелетская А. А., Тишурова В. С. Кибersталкинг: вовлечние в секс-индустрию 543

Крушный М. С. Особенности криминализации в уголовно-правовой политике Республики Беларусь 545

Лапехо А. М. О роли правового сознания несовершеннолетних в превенции противоправного поведения 546

Лущик И. В. Проблемные вопросы квалификации деяний, предусмотренных ст.ст. 166-168 Уголовного кодекса Республики Беларусь 548

Малецкая А. М. Право на защиту: международные подходы к институту необходимой обороны 550

Матюшенко Д. И. Виды экстремизма и причины их появления 551

Мойса А. Л. К вопросу отграничения изнасилования (ст. 166 УК) ОТ насильственных действий сексуального характера (ст. 167 УК) 553

Парфентьева А. Ю. Налоговое мошенничество и мошенничество: проблемы разграничения и квалификации 556

Полякович А. В. О наркопреступности в Республике Беларусь 557

Пузако В. Ю. Уголовно-правовая охрана виртуального имущества 560

Рогачевская Д. С. К вопросу об уголовно-правовых проблемах использования беспилотного транспорта 561

Сазановец Я. О. Реинтеграция без барьеров: преодоление стигмы и снижение рецидива среди лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы на определенный срок 563

Самаль Е. П. Способы совершенствования ст.145 УК РБ 565

Саулов Н. М. Киберпреступность в Республике Беларусь: актуальные вызовы и перспективы предупреждения 567

Смирнова Д. В. Распространение дипфейков, имитирующих должностных лиц: вызовы современности и пути противодействия 569

Смоленская А. А. К вопросу о временном характере применения наказания в виде смертной казни в Республике Беларусь 570

Снегирева А. С. Проблемы квалификации развратных действий, совершенных путем демонстрации порнографической продукции в информационной среде ..572

Сниткова Я. Е. К вопросу о негативных последствиях запрета принудительного прерывания беременности 574

Сороко П. С. Мошенничество с использованием криптовалют 575

Станилевич В. А. Добровольный отказ соучастников преступления 577

Станько А. А. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в рамках уголовного права 579

Старовойтова Е. А. Существенный вред как криминообразующий признак составов преступлений против компьютерной безопасности 581

Тарасова Л. А. Роль медиатора в предупреждении физического семейного насилия 583

Фирсов К. М. Назначение наказания в виде общественных работ несовершеннолетним лицам 585

Хижняк А. Ф. Защита жилища и собственности в рамках необходимой обороны в зарубежных странах 586

Цейко Я. А. Определение физического насилия в уголовном законодательстве.588

Чернышов Д. Р. Дропперство как угроза экономической безопасности и банковской стабильности в условиях цифровизации 590

Шалаханов Н. Д. Правовые аспекты обеспечения органами внутренних дел защиты животного мира в Республике беларусь 593

Шилковская О. С. Профилактика домашнего насилия: необходимость комплексного правового подхода в Республике Беларусь 595

Шишло А. Ю. Психологические особенности виктимного поведения женщины..597

Шкреблик Л. Д. Рецедивная преступность в Республике Беларусь: состояние и меры предупреждения 599

Штанюк И. С. Преступность в сфере наркоторговли: современные вызовы ..600

Шустерман К. А., Хмарский В. О. Современные подходы в противодействии коррупции 602

Янковская Е. С. Особенности виктимности лиц, употребляющих наркотические и психоактивные вещества 604

СЕКЦИЯ XV. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. СУДОУСТРОЙСТВО. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР.....606

Блажевич Д. Р. Дознание по Статутам Великого княжества Литовского 606

Борисовец К. И. Недостоверные стереотипы о юридической помощи адвоката.608

Варава А. А. Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в деятельность судов Республики Беларусь.....611

Кашевар И. Д. О создании новой Белорусской военной прокуратуры 613

Микаилов Т. М. Проблема Белорусской республиканской коллегии адвокатов в области избрания председателя.....614

Получанина Е. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: опыт Республики Казахстан 616

Толкун А. Д. Гуманизация уголовной ответственности: новеллы в применение меры пресечения в виде заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь.....618

СЕКЦИЯ XVI. КРИМИНАЛИСТИКА.....621

Гриб И. А. О значении трасологических следов в процессе раскрытия и расследования преступлений.....621

Иванюшин Н. Д. Криминалистические методы борьбы с фальшивомонетничеством, разработанные И. Ньютоном.....623

Кикинева Е. А. Использование OSINT в раскрытии налоговых преступлений.....624

Орленко С. С. Криминалистические аспекты измены государству с использованием сферы высоких технологий: обоснование проблемы и пути решения.....626

Рыбак А. В. Формирование и повышение компетентности эксперта как один из основных способов предупреждения экспертных ошибок.....627

Сафиулина М. Ю. Тактические особенности осмотра эпицентра взрыва при расследовании акта терроризма.....629
Секушенко С. И. Понятитие стратегии в криминалистической науке.....631
Фельдман Д. Д. Использование цифровых следов в расследовании коррупционных преступлений.....633
Чемоданова Е. Д. Криминалистический профайлинг как эффективный инструмент в раскрытии преступлений.....635
СЕКЦИЯ XVII. ПОЛИТОЛОГИЯ.....638
Буконкин Д. А. Место и роль СНГ в реализации информационного суверенитета Республики Беларусь.....638
Апарина А. А. Феномен постправды: фейк-ньюс как инструмент манипулирования общественным мнением.....640
Бобрик А. Н. Новые правые в современной Европе.....642
Будник С. Д. Американо-китайские отношения. динамика и дискурс в условиях конкуренциии.....643
Давыденко Я. Ю. О некоторых аспектах деятельности Всебелорусского народного собрания.....645
Емельяненко Я. Ю. «Квебек: 30 лет после референдума 1995 г. о независимости.....647
Золотенко Д. М. Современные организации основных национальных диаспор Могилевской области.....649
Кирьянов Г. Е. Феномен кризиса парламентаризма и его проявление в Веймарской республике.....651
Колмыков С. Е. Формы выражения ресентимента в политике.....652
Коноплёв Б. М. Проблема патернализма в социалистических обществах.....654
Красногурцева А. Д. Влияние государственной политики на систему образования.....656
Крегул В. С. Коллективный символический капитал как основа сплочения белорусской нации.....658
Николаева Д. А. Влияние социальных медиа на формирование политических убеждений.....659
Парфёнова В. О. Старение населения как проблема политической стабильности государства.....662
Савинова К. В. Политико-правовые аспекты четвертого поколения прав и свобод человека в Республике Беларусь.....663
Соколовский М. А. Манипулятивные политические технологии как средство политического влияния.....665

Сухоцкий С. М. Симулякр как политическая категория 667
Халадцоў Я. А. Выкарыстоўванне штучнага інтэлекта у палітыцы 669
Zhang Haoxuan Invisible lobbying: business interest representation in the public and private sector in China *671*